

Stasy

Ловец

Анастасия Старынина

Ловец. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2003. — 419с.

ISBN not allocated

Чем этот фик необычен, по-моему? Тем, что здесь психологически потрясающе точно с огромным тактом и чувством стиля, с добрым юмором и с использованием отличного русского языка рисуется картина жизни обычных подростков, правда, в не совсем обычных ситуациях. Это жизнь во всех её проявлениях — смешных, грустных, страшных, романтических. И что ценно — выписанных без ханжества и морализаторства.

Поклонники экшна и триллера тоже найдут для себя интересное в этом фанфике. Зло умудряется просочиться и сквозь стены Хогwartса, за которыми уже началась настоящая война без поблажек и скидок на возраст. Но жизнь продолжается, и на войне люди не перестают любить и дружить, только начинают чувствовать острее... Вот этой-то атмосферой реальной человечности со спектром самых разнообразных человеческих чувств в их различных проявлениях и замечателен "Ловец". За что огромное спасибо чудесной нашей Stasy, настоящей волшебнице.

Free Spirit

Великолепный фанфик! Оригинальный закрученный динамичный сюжет, чудесный язык!

А как точно и глубоко показана психология подростков, запутавшихся в своих чувствах. Ребята интуитивно выбирают свой путь, разрываясь между любовью и гордостью, ревностью и дружбой. Они совершают ошибки, исправляют их и совершают новые. Живые, человеческие образы. Особняком стоит Виктор Крум — по-моему, самый интересный и противоречивый персонаж, вызывающий восхищение и жалость одновременно.

Не могу не сказать о потрясающем чувстве юмора, мягком, ненавязчивом стиле Stasy. Ей удалось почти невозможное: довольно откровенные, эротические сцены без всякого намёка на пошлость.

За всё это и многое другое огромное спасибо тебе, Stasy!

Helianthus

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Seeker, The.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 15 лет.

© **Анастасия Старынина** aka **Stasy**, stasy@honeyduke.com, 2003.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2003.

Впервые опубликовано онлайн в 2003 году.

Корректоры: Free Spirit, Б. Нейтрон

Бета-ридеры: Free Spirit, Корова рыжая, Критик, Helianthus.

Компьютерная вёрстка: Б. Нейтрон (rtf); Jammie Glen & Daemon (pdf)

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Пролог

Глава первая, в которой дядя Вернон говорит по телефону, а Гарри прощается с Приват-драйв и знакомится с волшебным международным терминалом.

Глава вторая, в которой Гермиона теряет вещи, Крум колдует, а Гарри ревнует.

Глава третья, в которой как нельзя лучше описывается старинный замок, Гермиона принимает ванну, а Гарри рассматривает каталог женского белья.

Глава четвертая, в которой рассказывается о том, какая удивительная встреча произошла у Гарри, и как Гермиона пыталась познать самое себя.

Глава пятая, в которой все — кроме одного — спят и видят сны.

Глава шестая, в которой рассказывается о том, как Гарри Поттер и Виктор Крум подвергаются искушению, и что из этого получается.

Глава седьмая, в которой Крум ловит снитч, Гарри первый раз целуется, а Гермиона читает нумерологию.

Глава восьмая, в которой Стана подсматривает за целующейся парочкой, госпожа Лея печалится, а Гермиона получает страшные вести.

Глава девятая, повествующая о страшных подозрениях, ссорах, отчаянии и ночных полётах.

Глава десятая, в которой дождливым днём Гарри практикуется в боевой магии и говорит стихами, а также приводятся слова призрака, чрезвычайно его озадачившие.

Глава одиннадцатая, в которой весь мир ополчается против Гермионы, мечтающей провести последний вечер в замке спокойно.

Глава двенадцатая, в которой Круму не дает покоя хиромантия, Гарри видит кошмары во сне и наяву, а также рассказывается о Зеркале памяти и черной магии.

Глава тринадцатая, в которой Гарри и Гермиона сталкиваются со странным приёмом на родине, а Крум убеждается, что самый безопасный способ путешествия — портшлюз.

Глава четырнадцатая, повествующая о затянувшемся возвращении, страже восьмого коридора и секретных тропах.

Глава пятнадцатая, в которой сообщаются подробности о печальной кончине Норы, Гермиона уезжает, а Гарри летит в тартарары.

Глава шестнадцатая, в которой Гарри ждёт много потрясений, путешествий и открытий, а Перси Уизли снова проявляет организаторские способности.

Глава семнадцатая, знакомящая нас с предметом пылкой романтической страсти Рона и новым преподавателем по защите от Тёмных Сил.

Глава восемнадцатая, в которой гриффиндорцы играют в азартные игры, слизеринцы “развлекаются”, а Гермиона неоднократно испытывает потрясение.

Глава девятнадцатая, в которой взрываются котлы, Гермиона защищает слабых, а над профессором Гатто начинают сгущаться тучи.

Глава двадцатая, в которой Гарри чудом избегает смерти и присутствует на необычной помолвке, с Крумом происходит несчастный случай, а тёмные силы плетут заговор.

Глава двадцать первая, в которой вовсю плетутся интриги, происходят покушения и убийства, а дружба висит на волоске.

Глава двадцать вторая, в которой Крум покидает Хогвартс, Гермиона, к своему удивлению, сочиняет стихи, а также повествуется о том, что подслушивать иногда бывает полезно.

Глава двадцать третья, в которой происходит колдовская дуэль, Гермионе приходится лечить Драко Малфоя, а Крум упускает снитч

Глава двадцать четвёртая, в которой Добби скрепляет себя узами брака, Люциус Малфой поучает сына, а военный совет заканчивается самым неожиданным образом

Глава двадцать пятая, в которой за победу в квиддиче приходится заплатить кровью, шантажиста постигает страшная кара, а в Хогвартсе вводится чрезвычайное положение.

Глава двадцать шестая, в которой Гарри и Гермиона проводят вместе ночь, Защиту от Тёмных Искусств ведёт очередной преподаватель, а Колин Криви становится обладателем страшной тайны.

Глава двадцать седьмая, в которой Гарри знакомится с секретом и пророчествами Нострадамуса, Крум наживает себе врагов, а Колин Криви расплачивается за наивность и доверчивость.

Глава двадцать восьмая, в которой под сенью Хогвартса едва не звучит Смертельное проклятье, а домовый эльф нарушает школьные правила.

Глава двадцать девятая, в которой Гарри знакомится с ещё одним обитателем Запретного Леса и проходит сеанс психотерапии, а Рон устраивает погром и занимается мелким воровством.

Глава тридцатая, в которой гриффиндорцы испытывают на себе прелесть эксклюзивных орешков Берти Боттс и прочих взрослых развлечений, Рон едва не лишается языка, а доброжелатель успевает вовремя.

Глава тридцать первая, в которой мы вновь узнаём о пользе подслушивания, а в Хогвартсе вводятся новые правила.

Глава тридцать вторая, которую мы практически целиком и полностью проводим в обществе Малфоя-сына и Малфоя-отца.

Глава тридцать третья, в которой Стана постигает тонкости английского языка, а День Святого Валентина приносит много неожиданностей и неприятностей.

Глава тридцать четвёртая, в которой Рону и Драко исполняется по шестнадцать лет, а Люциус Малфой знакомится с самым счастливым воспоминанием профессора Снейпа.

Глава тридцать пятая, в которой мы узнаём ещё одну причину, по которой студентам не рекомендуется забредать в Запретный Лес, а Рон сообщает, из-за чего он не любит Косолапсу.

Глава тридцать шестая, в которой мы посещаем Верховный Магический Трибунал и клинику Святого Мунго, а так же занимаемся астрономией и не только.

Глава тридцать седьмая и последняя, в которой мы вместе с героями совершаем ночную прогулку по глубинам памяти, Хогвартсу и подземельям и пытаемся противостоять внешней и внутренней Тьме.

Послесловие автора

Пролог

Мерлин мой, как я устал...

Снова белый потолок и мельтешение белых мантий — день за днём, неделя за неделей. Словно что-то можно изменить. Да, я мог бы снова дышать и, наверное, даже ходить... Но жить? Я не хочу. Не хочу. И не надо меня заставлять. В этом нет никакого смысла.

Лица сливаются в бесконечный фантасмагорический хоровод — чужие, незнакомые, доброжелательные, настороженные, несчастные — кто они?.. Я не знаю их, я не хочу их знать, я не хочу их видеть. Всё пустое.

Как утомительна была та поездка.

Каркаров выбрал самый трудоёмкий и неудобный способ. Зато самый эффектный. Конечно, главное — пустить пыль в глаза сопернику — это вполне в его стиле, и его совершенно не волновало, что одна половина нашей делегации мучилась морской болезнью и страдала от холода, а вторая — по очереди несла вахты. Сам-то он не выходил из своей роскошной каюты, обложенный книгами, свитками, перьями... Впрочем, мне ли жаловаться — мне тоже не было до этого особого дела, я готовился к предстоящим испытаниям. Да и каюта у меня была не хуже...

Ночь. Луна. Звёзды. Толпа школяров, тревожно переминающихся с ноги на ногу, — как всё это трогательно, торжественно и банально. Сколько раз я это видел на чемпионатах, кубковых играх... Впрочем, в этот раз всё по-другому.

Взгляд.

И словно остановилась на мгновение безумная карусель, её лицо вылепилось и приобрело отчётливость, в тот миг я точно понял: вот она... Вновь всё помчалось и понеслось, и все остальные смазались и потекли расплавленным воском.

Я ждал её — день за днём, неделя за неделей. Я знал, где найти её, я прятался за горой книг и ждал мига, когда, наконец-то, останусь один и смогу подойти к ней и заговорить. Я мучительно перебирал фразы — кто бы мог подумать, что это окажется настолько сложно!

Впрочем, со мной никогда не случалось ничего подобного; после того, как на меня рухнула вся эта слава, и хлынул золотой дождь, я сразу же вознёсся к таким вершинам, где не приходилось думать о том, как добиться желаемого. Это оказалось и приятно, и страшно — но мне не надо было думать, как подойти и заговорить, — так же, как сейчас эти увивающиеся вокруг девочки, все тоже почитали великим счастьем мой приглашающий жест.

Я знал, что она не такая. Она не должна была быть такой.

Я смотрел ей в затылок, следил за тем, как она быстро-быстро водила пером по пергаменту, поражался её трудолюбию и упорству, смотрел, как она задумчиво облизывает губы и хмурится, — и мне хотелось вычеркнуть три прошедших года из памяти. Мне хотелось родиться заново, чтобы впервые полюбить и пройти этот бесконечно-вечный путь от первого взгляда — в неведомую и неизвестную даль. Я никогда не ходил этой дорогой. Для меня всё заканчивалось, едва начавшись. Да, впрочем, и не начиналось.

Никогда.

Пока я не увидел её.

Слово.

Её губы дрогнули, она удивлённо вскинула глаза, и, улыбнувшись, ответила на моё приветствие — так легко и непринуждённо, словно ждала.

Да, всё оказалось куда проще и куда сложнее — в ней не было ни капли жеманства и кокетства, она не искала в моих словах тайный смысл, не дулась и не хихикала. Она открыто смотрела на меня своими карими в рыжую искорку глазами,

легкоулыбалась и хмурилась — она оказалась естественна, непосредственна, удивительно умна и серьёзна. Мне было легко с ней. Словно я знал её всю жизнь.

Рядом с ней я забывал о том, что между нами несколько лет, забывал про противоборство наших школ и сотни километров расстояния, что разделяли нас совсем недавно и скоро лягут снова. Мы засиживались над книгами и свитками в библиотеке, не замечая, как одна за другой гаснут свечи на пустеющих столах, пока не оставались одни, и строгая крючконосая смотрительница библиотеки сначала деликатным покашливанием, а потом решительным жестом не напоминала нам о времени и невыпрояживала прочь.

Запах.

Он смешался у меня с запахом пожелтевших хрупких страниц и сморщенной кожи переплётков. Я пытался отделить его от запаха старых книг — нежный аромат, шедший от её пушистых, словно взъерошенных волос, от её кожи и одежды. Это был даже не аромат — от неё пахло просто свежестью и водой...

Я помогал ей с учёбой — конечно же, она не подозревала об этом, иначе никогда бы не приняла от меня помощи: она для этого слишком горда и упряма. И честолюбива. Но я невзначай упоминал книги, которые можно было взять в библиотеке или выписать, приносил свои учебники — хорошо, что половина из них была на болгарском: я часами переводил их ей, читая вслух...

Она тоже учила меня — и, опять же, не догадывалась об этом. Учила улыбаться, учила смеяться. Учила плакать — беззвучно плакать в подушку, задыхаясь от счастья, словно, я опять стал тринадцатилетним мальчишкой, и мне пришло письмо из юниорской сборной... Учила произносить своё имя.

Пусть она учит меня дышать: я был готов на всё.

Прикосновение.

Я впервые коснулся её руки, подавая ей перо вместо истрепавшегося. Меня ударила молния, я чуть не сгорел, захлебнувшись в собственных чувствах, — она же этого даже не заметила.

Она давно писала дальше, а моя рука всё горела, её касание жгло, как огненный дождь, несущий одновременно и жизнь, и смерть.

Когда, начиная Бал, мы стояли перед закрытыми дверями, её рука легла на мою: чуть дрожащая, лёгкая, почти невесомая. Я смотрел на её профиль, она была сосредоточенно-серьёзна, словно шла на экзамен, она волновалась и, кажется, чуть стеснялась.

Поцелуй.

Мой поцелуй был лёгок и случаен, я так и не понял, как осмелился на него. Вынырнув из глубокой мечтательной задумчивости, она вдруг словно ошетинилась, глаза заметали молнии, казалось, она готова меня испепелить. Но её негодования, выплеснувшегося на меня, было недостаточно, чтобы затмить секундную радость обладания. Она была со мной, моей — мне не нужно ничего большего: просто держать её руку и касаться прохладной щеки в этом школьном, почти детском поцелуе, каких у меня никогда не было.

Она поняла, почувствовала это. Она простила меня раньше, чем я успел вымолить у неё прощение.

Я нес её на руках.

Я рвался вверх, к свету, сквозь толщу воды; она со счастливой сонной улыбкой покоилась у меня на руках, прильнув к плечу — так по-детски доверчиво, так трогательно... С губ срывались пузырьки воздуха — воплощение жизни. Что видела она в этих грёзах?

Открыв глаза, она взглянула на меня, удивлённо вскинула брови и смутилась — а

я стоял и ждал, сам не знаю, чего: слова, жеста? Но вдруг она развернулась и начала оглядываться — ища, как всегда, ища тех двоих, что неразлучно были с ней, что, сами того не подозревая, стерегли и прятали её от меня, не обращая на неё на деле ни малейшего внимания.

Не могу понять вправду ли они так слепы, — два этих бестолковых жизнерадостных молокососа, всё время ошивающих около неё?

Глава первая, в которой дядя Вернон говорит по телефону, а Гарри прощается с Приват-драйв и знакомится с волшебным международным терминалом.

В жаркий и выгоревший летний день, когда тело словно покрывалось липкой карамелью, а пыльные листья, уже потерявшие свою свежесть и ждущие осеннего избавления, едва-едва шевелились под унылым горячим ветром, не приносящим желанного облегчения, в доме на Приват-драйв раздался телефонный звонок. Интеллигентный женский голос позвал к телефону Гарри Поттера.

Сказать, что из глаз дяди Вернона посыпались искры, — это значит не сказать ничего. Он вполне мог испепелить взглядом небольшую деревушку — не хуже норвежского горбатого. Однако сегодня Гарри явно повезло: раздувшись от ярости и страха, дядя Вернон всё же сунул ему в руку трубку — так поспешно, словно боялся, что она сейчас превратится в ядовитую змею.

— Здравствуй, Гарри, — голос был незнаком, но какие-то узнаваемые нотки в нем, всё же, присутствовали. — Это мама Гермионы Грейнджер.

— Добрый день, миссис Грейнджер, — дрогнувшим голосом поздоровался Гарри, сердце ёкнуло у него в груди.

Похоже, грядут перемены? Вряд ли этот звонок только с целью узнать, как у него дела, Гермиона же, наверняка, рассказала родителям, что после любого “ненормального” события (а таковым в этом доме считалось всё, связанное с Гарри) его ожидает гора домашней работы, поток оскорблений и ругательств (*...неблагодарная свинья... эту твою ненормальность надо выжечь калёным железом... весь в своих психованных родителей... я же запретил этим уродам из твоей ненормальной школы звонить в приличный дом...*) — с трёпками и подзатыльниками дядя Вернон завязал в первый же день каникул, когда, брызжа слюной, накинулся по старой памяти на Гарри и ткнулся носом ему куда-то в плечо.

— Гермиона едет в Болгарию погостить, ты не хотел бы составить ей компанию? Мы были бы тебе очень благодарны, а уж она просто придёт в восторг, если ты согласишься.

— Но... Дамблдор... Он запретил мне покидать — разве вы не знаете?.. — сердце Гарри сжалось от отчаяния.

Из-за спины дяди Вернона показалась тетя Петунья с ножом в руке — она шинковала на кухне капусту для салата: составленная для Дадли диета неминуемо, рано или поздно, должна была превратить всю семью в кроликов.

— Нет-нет, не волнуйся, все эти вопросы с поездкой и охраной — конечно, если ты согласишься — уже улажены, директор сказал, что ты получишь сову в ближайшее время. Я не удержалась и сразу же позвонила тебе. Гермиона тоже так радуется...

Конца фразы Гарри не дослушал:

— Конечно! Я буду счастлив! А могу я с ней... — он хотел попросить, чтобы миссис Грейнджер позвала дочь к телефону, он так соскучился по её голосу, по добрым дружеским словам, что сейчас у него неожиданно перехватило горло от одиночества и тоски, когда их разделял сущий пустяк — телефонная трубка. Однако, по апоплексии-

чески-красной шее дяди, вытаращенным глазам тётушки и скрипу ступенек над головой под тяжёлыми шагами Дадли, напоминавшего размером молодого бегемота, понял, что дружеская беседа, скорее всего, не состоится. — Хорошо, миссис Грейнджер.

Гарри не хотел задавать себе вопросов, зачем, почему и куда он едет: самое главное — он уезжает отсюда, уезжает совсем скоро, хоть на какое-то время.

Дядя Вернон ел его глазами, так что слова буквально застревали в горле.

— Вот и замечательно. Будь любезен, передай трубочку дяде, я с ним переговорю...

Видимо, на лице Гарри сияло такое радостное выражение, и расплзалась такая беззастенчиво счастливая улыбка, что дядя Вернон поборол-таки свой ужас и брезгливость (иногда Гарри посещала мысль, что они тайком вытирают все предметы, которых он касался):

— Вернон Дурсль. Да. Нет! Ну-у... Разумеется, если так... Что ж, хорошо. Да, он будет готов.

Ровно в полдень следующего дня перед домом остановилась самая обычная “человеческая” машина — к вящему облегчению Дурслей, прекрасно помнивших о каминных визитах, поросячьих хвостах и волочащихся по земле языках. Гарри напряжённо ждал, сидя на чемодане в прихожей, машинально перебирая пёрышки нашее у Хедвиги, что та принимала с мрачным и обречённым видом, но всё равно звонок заставил его подскочить.

Мистер и миссис Грейнджер, видимо, не оправдали худших предчувствий дяди и тёти — дядя Вернон так растерялся, увидев вполне обычного и, главное, нормально одетого и нормально говорящего человека, что даже подпустил мистера Грейнджера на непозволительно близкое расстояние и позволил пожать себе руку. Правда, он тут же отдернул её словно его ударило током, а тетя Петунья проглотила какой-то полузадушенный всхрип ужаса.

Через мгновение Гарри уже задышался в объятиях Гермионы на заднем сидении.

* * *

И вот всё уже позади: учебники и прочие школьные принадлежности куплены и оставлены в Дырявом котле (хотя Гарри показалось, что Гермиона всё-таки ухитрилась рассовать их по своему багажу), запас новых мантий — простых и парадных — занял своё место на дне чемоданов, и Гарри снова устроился на заднем сиденье рядом с Гермионой, неосознанно прислушиваясь к упругой близости её тела.

— Вокзал Сент-Пэнкрас.

Когда мистер Грейнджер сказал таксисту, куда держать путь, Гарри здорово удивился:

— Как, разве нам не на Кингс-Кросс?

— А с чего ты взял, что для нас существует только один вокзал? — улыбнулась Гермиона. — Мы же отправляемся за границу. Нам нужно в международный терминал...

— Ты говоришь об этом так, словно, всегда это знала, — заметила, поворачиваясь к ним, миссис Грейнджер.

Гарри, в очередной раз, удивился сходству Гермионы и её матери — те же пышные каштановые волосы, тёмные густые брови, миндалевидные глаза, упрямый подбородок. Сейчас, когда они обе улыбались, ему на какое-то мгновение даже показалось, что рядом с ним сидят две Гермионы — просто вторая шагнула в это такси сквозь пару десятилетий.

Гарри отвернулся к окошку, с нетерпеливым предвкушением поглядывая на мелькавшие за окнами машины улицы Блумсбери. Наконец, перед ними возник похожий

на имбирный пряник неоготический фасад “Мидланд Гранд Отеля”, и машина остановилась.

— Нам сюда...

Они завернули за угол и оказались перед неприметным зданием, окна которого были забрызганы извёсткой — судя по всему, там полным ходом шёл ремонт. Гермiona, сверившись с какой-то бумажкой, подтолкнула Гарри к двери с внушительным замком:

— Кажется, нам сюда... Здесь таможня.

— Будь умницей, — ей на плечо легла изящная рука матери. Солнечный луч вспыхнул на камешке в тонком кольце. Гарри показалось, что за этими словами стоит нечто большее, чем просто пожелание доброго пути и удачи. Видимо, Гермiona тоже так решила, потому что у неё дрогнули губы, и на лице промелькнуло обиженное выражение:

— Мама, не волнуйся, всё будет хорошо, — повторила она, судя по всему, не в первый раз.

Заметив, что Гарри озадаченно наблюдает за этим диалогом, где не произносилось гораздо больше, чем было сказано, миссис Грейнджер улыбнулась и протянула ему руку:

— До свидания, Гарри, замечательно, что вы едете вместе, у вас будет столько впечатлений...

Мистер Грейнджер поставил чемоданы и плетёную сумку, где недовольно возился и скрёбся Косолапсус, на какую-то тумбу у дверей и на прощанье крепко пожал Гарри руку:

— Ну, счастливо вам попутешествовать, — Гарри показалось, что он сжимал и тряс его ладонь чуть сильнее и дольше, чем положено.

И чего они так беспокоятся? — облизывая пересохшие от волнения губы, подумал он.

Переулок был полностью безлюден — и не мудрено, отель не первый год находился на ремонте, так что его задворки мало кого могли заинтересовать.

Гермиона взяла Гарри за руку — её пальцы были сухими и холодными, не смотря на солнечный день.

Помахав напоследок родителям, они, было, собрались шагнуть (куда? — ещё непонял Гарри), как миссис Грейнджер всплеснула руками, порывшись в сумочке, вынула связку каких-то бумаг и протянула их Гарри:

— Боже, чуть не забыла! Тут же все документы для выезда! Сириус прислал разрешение, паспорт и всё, что нужно... Билеты внизу, оранжевые... не потеряйте.

Пачка разноцветных бумаг и пергаментов была перетянута обычной резинкой, так что Гарри даже не удалось разобраться, что к чему (а так хотелось взглянуть на свой волшебный паспорт!), как Гермiona потянула его за руку, он качнулся, не удержавшись на ногах, и не шагнул, а скорее, провалился сквозь старую забрызганную извёсткой дверь с массивным проржавевшим замком.

* * *

Они оказались в светлом просторном шумном помещении с множеством людей, пронумерованных дверей, табло, по которым бежали какие-то цифры и буквы, турникетов и прочих атрибутов большого вокзала.

Все вещи стояли рядом на скользком мраморном полу. Косолапсус продолжал недовольно урчать в корзине. Хедвига взволнованно хлопала крыльями в своей клетке.

— Куда нам теперь? — растерянно спросил Гарри не менее растерянную Гермionу.

После нескольких неприятных минут, которые они провели, тыкаясь в разные стороны и пытаясь разобраться, где и что им нужно сделать, чемоданы, наконец-то, были отправлены на досмотр к трудолюбиво ныряющим сквозь них призракам в - форменных полупрозрачных фуражках, проверяющим содержимое на предмет недопущенного к вывозу; документы сданы улыбчивой ведьме за высокой дубовой конторкой; декларации заполнены Антивральными перьями, и ребята, наконец-то, получили передышку.

— Может, мороженого? — робко спросил Гарри. Он чувствовал себя странно: вроде бы, с одной стороны, путешествует с девушкой (*симпатичной девушкой*, о чём постоянно напоминали ему бросаемые на неё взгляды ребят его возраста и постарше) ...*можно даже подумать, что со своей девушкой* — от этой мысли плечи у него расправились сами собой, но в то же время, он ощущал себя не в своей тарелке.

Впрочем, у Гермионы вид был не лучше, хотя ей и приходилось путешествовать за границу — правда, только в маггловском мире. Зачем-то робко взяв её за руку и почувствовав, что от этого прикосновения по телу поплыло тепло, он потянул девушку в сторону невысокой тележки, за которой скучал пожилой усталый волшебник в - мантии, весело расписанной в тон тележке прыгающими сливочными помадками и взрывающимся мороженым.

— Шоколадное с летучими сливками и клубничное с карамелью и орешками... Держи, твоё любимое... — он протянул ей большой хрупнувший под пальцами вафельный конус.

— Далеко ли держите путь, мои юные странники? — поинтересовался волшебник, отсчитывая сдачу.

— Мы отправляемся в Болгарию. Мы, вообще-то, в первый раз путешествуем... Поэтому совершенно не представляем, что нужно делать, — призналась Гермиона, быстро и жадно слизывая острым розовым язычком ореховую крошку. Гарри почувствовал, что от этого зрелища между лопатками пробежали мурашки.

— О, тогда вам не стоит слишком отвлекаться, — волшебник взглянул на большие часы, висевшие над закрытым турникетом проходом в соседний зал. Вместо цифр на них были названия городов, а стрелка неуклонно подползала к “Праге”, следующей за которой была “София”. Опаздывающие что-то торопливо совали в руки сидевшей на входе ведьме с большим медным компостером в руках.

— А что мы должны сделать? — спросил Гарри, чувствуя, что надо заканчивать удивлённо хлопать глазами и пора хоть в чём-то проявить инициативу — ну, например, что-нибудь спросить...

— Билеты при вас? — улыбнулся волшебник. И кивнул в ответ на продемонстрированные Гермионой два плотных оранжевых прямоугольника. — Ну так вот, вам — туда. Вам всё расскажут.

И он махнул рукой по направлению к соседнему залу. Расположенная под часами надпись гласила: — “Зал ожидания”.

Неожиданно зазвонил колокол, и на табло появилась надпись: “Отправление в Прагу. До отправления в Софию 15 минут”.

Из зала донеслись какие-то странные звуки то ли бульканье, то ли приглушённые хлопки. За этим вокзальным гулом было трудно понять: стояли они довольно далеко, и всё, что могли видеть, — это уголок зала с деревянными, лакированными, тёмными от времени сиденьями.

— Привет, Гарри! — хлопнул его по плечу незаметно откуда взявшийся Ли Джордан. Гарри обернулся, радостно пожал протянутую ему руку и тут же почувствовал, что краснеет, правильно истолковав брошенный на Гермиону взгляд и вопросительно-ехидно приподнятую бровь лучшего друга близнецов. Гермиона вежливо кивнула

на приветствие и деликатно отошла в сторонку.

— Романтическое путешествие? — демонстративно склонившись к Гарри, фыркнул старшекурсник, проводив её глазами.

— Да вовсе нет, — Гарри сам не понял, то ли он оправдывается, то ли пытается в чём-то кого-то убедить, однако, странное неприятное чувство тут же обосновалось в желудке. — Мы едем в гости в Болгарию.

— А, так ты, значит, сопровождающее лицо, — понимающе округлил глаза Ли Джордан. — Наша бесстрашная дуэнья, надёжный телохранитель для юной мисс Грейнджер. Это дело, — он ободряюще похлопал по плечу враз окаменевшего Гарри. — Не мудрено, что родители не отпустили её одну: этот Крум...

Гарри едва слышал, что тот говорит, все силы сконцентрировав на том, чтобы улыбаться и кивать в такт его словам.

— А ты здесь зачем? — невпопад перебил он увлечёвшегося квиддично-романтической тематикой гриффиндорца.

— А, да я тоже сопровождающее лицо, — махнул он рукой в сторону, где стояли несколько тёмноволосых юношей, в ком угадывались представители солнечного юга. — Приехал встречать итальянцев. Они тут по обмену, сегодня прибывает остальная группа. Попросили их встретить и помочь с размещением. Угораздило меня очутиться в Лондоне...

На часах над Залом прибытия (так гласила надпись) стрелка замерла на отметке “Милан”, на табло замелькали буквы, которые извещали, что встречающих просят пройти в зал.

— Всё, бывай, — махнул ему на прощанье Ли Джордан. И тут же сделал страшные глаза. — Будь умницей и веди себя хорошо...

Последние слова потонули в гуле голосов, шуме и шарканье шагов — из только что пустого зала потянулись люди. Они махали руками, приветствуя кого-то, целовались, обнимались, беспокойно-радостно галдели... До Гарри доносились обрывки непонятных фраз чужих диалогов:

— Ciao! Come stai? Com'è andato il volo?..

— Bene, grazie. Hai aspettato qui da molto?

— Che piacere di vederti finalmente! Mi sei mancato tanto.

— E tu sei ancora piu' bella...

Ли Джордан махал руками, сгоняя в кучу толпу новоприбывших подопечных. Случайно встретившись с Гарри взглядом, он напоследок назидательно погрозил ему пальцем и заботливой наседкой повёл всех к боковому выходу.

Гарри вернулся к Гермione, рассеянно листаящей у газетного лотка последний выпуск “ВедьмELLE”.

— Ты не спросил, как мы будем путешествовать? — спросила она, передавая продащице деньги. — Возьму почитать в дорогу...

— Нет, не успел, он тут по делу... Но мне почему-то кажется, что наше путешествие будет не настолько продолжительным...

Снова зазвонил колокол.

Стрелка часов неуклонно подползала к “Софии”.

— До отправления в Софию пять минут, — проворковал громкий, но нежный голос где-то под потолком.

Переглянувшись, они заторопились к залу ожидания.

Ведьма за столиком взяла у них из рук билеты, сунула их в компостер и, не поднимая глаз, устало (хотя ещё было только утро) забубнила:

— Отправление в Софию через пять минут, займите места в зале ожидания и не выпускайте свой билет из рук. Портшлюз доставит вас по назначению за несколько

секунд. Ваш багаж будет ждать вас на месте, в камере хранения, вы получите его по предъявлению своего билета. В зал ожидания запрещено проносить мороженое и напитки, из соображений безопасности не рекомендуется покидать зал ожидания, держаться за посторонние тяжёлые предметы...

Пытаясь запомнить всё и сразу, Гарри почувствовал, что у него сейчас закружится голова.

— Надо было договориться: ты запоминаешь первые десять правил, я — последние двадцать, — шепнул он Гермионе, когда, отойдя в сторонку, они торопливо доедали стаканчики, слизывали с пальцев сладкие капли и разглядывали билеты, на которых теперь была пробита аккуратная дырочка, и появился размазанный штамп «активирован».

— На самом деле, всё просто, — укоризненно качнула головой Гермиона. — Надо просто сидеть и держать в руках билет. И никуда не отлучаться, — она метнула хитрый взгляд в сторону двух дверей с силуэтными изображениями колдуна и ведьмы. Гарри поймал этот взгляд и прыснул от смеха, представив, что ждёт бедолагу, которого путешествие застанет там.

Глава вторая, в которой Гермиона теряет вещи, Крум колдует, а Гарри ревнует.

Все действительно произошло мгновенно: едва они устроились на жёстких полированных сиденьях рядом с молодой пересмеивающейся парой, как в зале негромко прозвучало:

— До отправления в Софию десять... девять...

— Отправление в Софию. До отправления в Мюнхен... — донеслось из холла.

Сколько осталось до отправления в Мюнхен, Гарри с Гермионой так никогда и не узнали: что-то резко дёрнуло их поперёк живота, и мир вокруг смазался. Гарри зажмурился, чувствуя, как билет намертво прилип к руке и тащит за собой, мороженое завертелось в желудке, в ушах взвыл и тут же смолк ветер, и, чувствительно приложившись пятой точкой к скамейке, Гарри осознал, что уже прибыл на место.

Открыв глаза, он увидел неважно выглядящую Гермиону, с каменным лицом сидящую рядом и сосредоточенно смотрящую на зажатый в руках билет.

— Эй... ты как? — испуганно тронул он её за плечо.

Она судорожно замотала головой, прижала ладонь ко рту и вымученно улыбнулась:

— Не надо... было есть столько сладкого...

Испытывая угрызения совести и лёгкую тошноту, Гарри помог ей подняться. Она оперлась на его руку и встала со страдальческим выражением лица, машинально теребя воротник светлой блузки.

Всё вокруг было иным: другие запахи, другие звуки — всё оказалось тёплым, солнечным и деревянным, даже пол.

Люди торопились к выходу, вскоре в зале остались только Гарри с Гермионой да пожилая толстая волшебница, которая, видимо, никуда не спешила — она меланхолично обмахивалась журналом и, кажется, вообще, не собиралась подниматься с места.

— Мистер Поттер? Мисс Грейнджер?

Ребята вздрогнули: к ним бесшумно подошёл один из вокзальных служащих, сейчас он выжидающе-приветливо улыбался, глядя на их ещё слегка зеленоватые лица и нетвёрдые движения.

— Д-да.

— Попрошу следовать за мной.

— А наши вещи?..

— Не волнуйтесь, ваши вещи уже доставлены.

Надо же, у него почти не слышен акцент, — удивилась Гермиона, следуя за служителем, по переливающемуся, расчерченному солнечными квадратами полу.

Они прошли через большой зал, кишевший не только людьми, но и весьма странными человекоподобными существами (разинув рты и едва не оглохнув от незнакомой разноголосицы, они чуть не потерялись в толпе, успев пару раз наступить кому-то на ноги, а Гермиона, зазевавшись на огромную, в полстены, рекламу с Крумом, предлагающим отведать какой-то туземный напиток, сшибла с ног старого колдуна в штопаной мантии, склонившегося над древним, стянутым верёвочками сундуком.

Их провожатый бесшумно и элегантно нёсся вперёд, лавируя между людьми, как заправский танцор; они едва поспевали следом — дверь, коридор, лестница, снова дверь — и вот они вошли в просторный зал, где народа было куда меньше. Прислонившись к стене и задумчиво глядя куда-то в пространство, рослый, чуть сутулый и всё такой же хмурый — стоял Виктор Крум.

Гарри показалось, что следующий миг спрессовал уж как-то слишком много событий: Гермиона смущённо покраснела и замедлила шаг, Крум, заметив их, шагнул вперёд и заулыбался (ей), глаза его под густыми бровями вспыхнули радостью и каким-то ликованием, он махнул палочкой, и на шею Гермионы опустилось цветочное ожерелье. *Дурацкое цветочное ожерелье, источающее кошмарный приторный запах.*

Однако, вместо того, чтобы скинуть с себя эту пакость, Гермиона рассмеялась:

— Виктор, мы же не на Таити приехали, к чему это?

— У тебя был очень грустный вид, я подумал, это скрасит неудобства переезда...

Они произнесли это так, словно, расстались только вчера, а Гарри топтался чуть в стороне, чувствуя, как внутри нарастает непонятное раздражение.

Прошла целая вечность (хотя на самом деле только несколько секунд), и Крум протянул ему руку:

— Здравствуй, Гарри, очень рад тебя видеть, очень рад, что вы приехали вместе, я очень ждал, — на последних словах взгляд Крума снова скользнул к Гермионе, и она опять глупо покраснела. — Ну, что ж, ваш багаж уже в поезде, пора, пожалуй, поторопиться...

Гарри пожал плотную крумовскую ладонь, что-то вежливо промычал в ответ, покивал головой.

Крум предложил Гермионе руку, и Гарри замер: ему почему-то показалось, что, прими она её, весь мир перевернётся с ног на голову, и уже ничто и никогда не будет прежним. Но девушка либо её не заметила, либо просто сделала вид: она по-детски взяла Гарри за руку, и он почувствовал пожатие мокрой и горячей, ещё чуть липкой от мороженого ладошки.

— Пойдёмте, — лучезарно улыбнулась она.

Крум зашагал впереди, они семенили следом, как два перепуганных первоклассника. Гарри уставился ему в спину.

Непонятно, как при таких внешних данных он может быть таким отличным ловцом? Его проще представить в воротах: такую машину и бладжер-то не прошибёт, не то, что кваффл...

От этой мысли он ещё крепче сжал руку Гермионы, она, не глядя на него, чуть улыбнулась и ответила на пожатие.

Платформа 312-Б очень напомнила Гарри платформу 9 3/4 — не внешним видом — скорее, самой атмосферой приближающегося неведомого чуда, ну и, конечно, уста-

ло пыхтящим зелёным паровозиком с тремя вагончиками. Кроме них на платформе никого не было.

— А... где люди? — осмотревшись, робко спросила Гермиона, озвучив вопрос, который крутился у Гарри на языке.

— Никаких людей. Только мы. Я заказал специальный рейс, чтобы прокатить тебя... в смысле — быстро поправился, покраснев, Крум — вас, и показать наши места. Можно, было, конечно, ещё раз воспользоваться портшлюзом — сначала в Велико Тырново, а оттуда уже в замок... Но мне показалось, что... — и он заулыбался, глядя на энергично замотавших головами Гарри и Гермиону, у которых даже мысль об ещё одном полёте с бунтующим в желудках мороженым вызвала новый приступ тошноты. — Значит, я угадал. Ну, что ж...

Едва они разместились в уютном купе, как Гермиона, бросив взгляд на багаж, в ужасе воскликнула:

— Чемодан! Нет такого... небольшого чемодана... плетёного, с деревянной ручкой... — у неё дрожали губы, то ли от смеха, то ли от сдерживаемых рыданий.

— Минуту, — сдвинув брови, Крум выскользнул за дверь, и через миг его низкий громкий голос зазвучал на перроне. Ни Гарри, ни Гермиона не поняли ни слова из того, что он сердито говорил подобострастно взиравшему на него служащему, пригибавшемуся под каждым его словом всё ниже и ниже к земле.

— Что, учебники потеряла? — с трудом отвёл от этого зрелища глаза Гарри.

— Если бы... — рассеянно вздохнула Гермиона, продолжая почёсывать за ухом утробно тархтевшего Косолапсуса, и чуть покраснела. — Там у меня... гм... личные вещи, — она покраснела ещё больше, но, почему-то, заулыбалась. — Гарри, ты какой-то невесёлый, ты не рад, что поехал со мной? Тебе не нравится здесь?

— Нравится, — пожал плечами Гарри. Он сам не понял, сказал ли он правду. Гермиона, словно, почувствовала напряжение в его словах. Отпустив кота, тут же свернувшегося клубком на сидении, она снова взяла Гарри за руку — её ладонь была уже сухой, но по-прежнему горячей.

— Ты ничего не подумай, Гарри, мы с Виктором просто друзья, и я...

— А почему ты мне это говоришь? — в упор посмотрел на неё Гарри.

Гермиона виновато замялась, прикусила губу и робко попыталась высвободить руку, но Гарри сжал свои пальцы и ждал, глядя ей прямо в глаза:

— Не знаю, я просто подумала... ты не думай, что у меня...

Крум шагнул в купе с расстроенным выражением лица:

— Я очень сожалею, но багаж перепутали, и твой чемодан отправили в Прагу... Конечно, я отдал все необходимые распоряжения, его постараются найти. В любом случае, ты сможешь заказать себе то, что в нём было.

Гермиона покраснела и фыркнула, бросив на всё ещё выжидательно смотрящего на неё Гарри задорный взгляд.

Поезд резко дёрнулся, и они едва не повалились друг на друга. Колёса стукнули — раз, другой, картинка за окном медленно сдвинулась и поползла назад.

Зелёное мелькание за окном, мерное постукивание колёс и негромкий монотонный баритон Крума, комментирующего окрестные ландшафты, на редкость быстро утомили Гарри: не успев даже удивиться тому, что так скоро начал клевать носом, он провалился в сон, едва успев снять очки и уже на ощупь сунуть их на маленький столик под окном.

* * *

Кто бы знал, чего мне стоило сделать как бы случайное движение палочкой и еле слышно пробормотать это заклинание... Но зато результат меня вознаграждал сполна: Поттер почти сразу же заснул.

Прости, парень. Собственно, в этом нет ничего личного.

Определённо — он в неё влюблён. Непонятно только, знает ли об этом она. Да и сам он, пожалуй, вряд ли ещё отдаёт себе в этом отчёт. Он слишком привык к ней там, в своей школе — который год они уже вместе? — чтобы осознать это. Он любит её так же естественно, как дышит: поворачивается к ней раньше, чем она успеет обратиться к нему, вскидывает голову, когда она просто поправляет упавшую на глаза прядку... Погружаясь в размышления, он непременно останавливает свой взор на ней...

Что ж, у него было время на то, чтобы побыть с ней, у него был шанс. Теперь пробил мой час.

— Не будем мешать ему? — как можно дружелюбней предложил я.

Вот сейчас и узнаем, слышала ли она моё “Dormio confestim”: вряд ли такая осторожная и предусмотрительная девушка, как она, рискнёт перейти в соседнее купе, зная, что её попутчика только что усыпили самым вероломным образом.

Она поколебалась, бросила вопросительный взгляд на Поттера, словно, советуясь с ним... — *определённо, с этим надо заканчивать!* — но человеколюбие побороло такие опасения, если таковые и имелись. Она кивнула головой, я открыл дверь купе и пропустил её вперёд: юная, хрупкая, она проскользнула мимо меня, быстро и осторожно, словно, боялась задеть; волосы душистым ливнем взметнулись на сквозняке, коснувшись моего лица.

— Я так пить хочу... это мороженое... — виновато произнесла она в коридоре.

Милая, милая... Сколько робости и смущения...

Мы перешли в другое купе. Небрежное движение палочкой — да, я хорошо изучил её вкусы за то время, что не сводил с неё глаз в Хогвартсе. И это явно произвело впечатление, она заулыбалась:

— Как здорово, это именно то, чего мне и хотелось!

Мерлин, как хочется коснуться её, снова почувствовать тепло её кожи, мягкость её щеки — пусть это было всего однажды, когда я воспользовался её секундным замешательством и задумчивостью на прогулке во время Рождественского бала — это воспоминание, словно, калёным железом впечаталось в мою память. Но нет, я слишком хорошо помню и сурово сдвинутые брови, и испуганно-взволнованное выражение лица... нет. Шаг за шагом, слово за словом, я должен завоевать её — её разум, её доверие, её чувства — и только тогда она сможет понять и оценить то, что могу дать ей я.

Да и как, вообще, можно сравнить меня с этим сладко посапывающим в соседнем купе сопляком? Что он может — исколоть её своей чуть проклюнувшейся щетиной во время неумелых слюнявых поцелуйчиков, от которых только трескаются губы? Затискать неуклюжими лапами где-нибудь в углу, бездарными прикосновениями навсегда расстроив чудесный инструмент её прекрасного тела, на котором один я смогу сыграть великую пьесу любви? Причинить ей боль и кучу далеко идущих неприятностей своими глупыми неконтролируемыми телодвижениями?

Он не в силах оценить её тело, как не в силах оценить и её разум, этот великолепный, отточенный, абсолютно неженский ум истинного исследователя, мгновенно проникающий в самую суть предметов, отмечающий шелуху слов. Эту удивительную способность выбирать из нагромождения сведений необходимую информацию, великолепное умение анализировать, неукротимое стремление ко всё новым и новым знаниям, жадность до книг...

Она сидела и смотрела в окно, потягивая через трубочку холодный тыквенный сок и улыбаясь чему-то. Солнечный зайчик коснулся её щеки — сразу стал виден нежный пушок, как на персиках в нашем саду... Она прищурилась и повернулась ко мне:

— Нам долго ещё ехать? Расскажи мне про ваш дом.

Наш?.. Нет, я не могу назвать своим этот огромный замок, слишком мало ещё мы там живём, и даже вся наша большая семья не смогла привнести в него ощущение родного дома — того маленького, суматошного, но уютного дома, где мы жили раньше, пока я не попал в команду.

Все эти комнаты и залы, гулко повторяющие каждое слово, эти коридоры и переходы, в которых до сих пор периодически путается кто-нибудь из племянников. Эти чёртовы портреты — каждый раз, проходя мимо них, я ловлю на себе презрительный взгляд и слышу за спиной недовольное перешёптывание. Иногда, даже кажется, что стоящие на лестницах рыцарские доспехи делают мне вслед неприличные жесты.

Что ж, возможно, ваш новый владелец и не голубых кровей, зато он не разорился, как здешний аристократический наследник.

А потом у меня появились мои — тайные — места, которые я люблю, которые я подарю ей: увитую виноградом полуразрушенную крепостную стену над почти беззвучным ручьём и треснувшей мраморной скамьей... Крохотную комнату под крышей Западной башни — оттуда открывается волшебный вид на закат... Я распахну перед ней двери моей библиотеки — нет, даром о ней ходят легенды: даже библиотека нашего Волшебного Совета не может похвастаться тем, что в ней есть такие уникальные фолианты, я покажу ей мою святая святых, мою лабораторию...

О, она сумеет это оценить, ведь даже сейчас она везёт с собой стопку книг.

Да, я был прав: упоминание о библиотеке оживило её, как оживляет серый тусклый вечер вырвавшийся из-под туч яростный луч предзакатного солнца: она взмахнула палочкой, и в руках у неё оказался пергамент и перо, она начала писать, что-то попутно объясняя, сначала робко, а потом настолько быстро и увлечённо, что уже через пару минут я совершенно позабыл обо всём, кроме формул и графиков, которые мы писали, чертили словно наперегонки, едва не выдёргивая друг у друга шуршащий тяжёлый свиток.

Я не знаю, сколько прошло времени, но неожиданно осознал, что мы говорим уже в полный голос, причём уже оба охрипли от споров и предположений; она сидела рядом со мной; пергаментами и книгами, принесёнными мной из купе с посапывающим Поттером, было завалено всё вокруг, когда мы, наконец-то, нашли хвостик ускользавшего решения. Глаза её осветились, она вскинула голову и, просияв, радостно хлопнула меня ладонью по колену, а я в пылу ослепления нашей удивительной находкой, обхватил её рукой за плечи.

— Ну, конечно же!.. — и она тут же отпрянула, смутившись своего и моего порыва.

Нет-нет, касайся меня, касайся, я уже не смогу жить без твоих прикосновений — совсем скоро и ты привыкнешь к моим, а через какое-то время не сможешь без них существовать.

Ты рождена, чтоб быть со мной. Я никуда тебя не отпускаю. Никто не сумеет тебя у меня отнять.

* * *

Гарри проснулся оттого, что яркий луч солнца самым бессовестным образом проник в его сон. Всё так же чуть слышно постукивали колёса, вагон мягко покачивался, за окнами бескрайние равнины упёрлись в сумрачно-зелёные горы. Вот только в купе никого не было.

Гарри испугался даже не того, что неожиданно остался в поезде один и едет куда-то в неведомые дали, — его первым ощущением был ужас от того, что он скажет родителям Гермионы, если вдруг окажется, что он её проспал.

Второе чувство накатило вслед за первым, и Гарри не успел ничего осознать, как оно горячей волной вынесло его в коридор и заставило одну за другой распахивать

двери купе, причем почему-то с каждым разом заставляло делать это всё яростнее и яростнее, так что, когда Гарри в четвёртом по счёту купе обнаружил Крума и Гермиону, он едва не сорвал дверь с полозьев.

Всё купе было завалено свитками, на столике громоздилась гора книг, чернильница и несколько замученных перьев, а Крум и Гермиона, едва ли не обнявшись, склонились над каким-то длинным свитком — видимо, плодом их совместных усилий — метнув пристальный взгляд, Гарри обнаружил, что знакомый мелкий упрямый почерк Гермионы перемежается со строчками, написанными явно не её рукой.

Они вскинули голову навстречу грохоту двери и его сердитому лицу; по их удивлённо-вопросительным взглядам он настолько осязаемо почувствовал свою неуместность, что едва удержался от того, чтобы с таким же шумом не захлопнуть дверь, послать всё к чёрту, вытащить метлу и отправиться назад. Проблема была в том, что куда лететь — он не знал, да и обратный билет был заказан на строго определённое число...

Гермиона смотрела на него, и её лицо медленно менялось — мгновение назад оно было одухотворённо-сосредоточенное, и вот она уже смотрит на него с каким-то виновато-смущённым выражением.

— Гарри... Ты проснулся?..

...а что — не видно?! — Гарри надулся и молча бросил на неё обиженный взгляд, отчётливо осознавая, что делает какую-то глупость, но не в силах совладать с собой.

— Мы не хотели тебе мешать, — спокойно пояснил Крум, приподнимаясь, сгребая свитки с сиденья напротив и делая приглашающий жест рукой.

— Я так и понял, — как можно более нейтральным тоном ответил Гарри и сел, чувствуя себя полным идиотом и ещё больше от этого злясь. С деланным интересом он отвернулся к окну.

...Как бы никого не надуть и не отправить в витрину к удаву...

Повисла дурацкая, напряжённая тишина, во время которой каждый пытался придумать что-то, чтобы оборвать эту паузу как можно более непринуждённым образом.

И, как водится в таких ситуациях, заговорили все хором:

— Я тут задала Виктору пару вопросов. Понимаешь, летняя работа по Трансфигурации...

— Мы уже подъезжаем.

— Гермиона, можно полистать твой журнал?

Они прыснули и заулыбались — повисшая в воздухе напряжённость рассыпалась. Крум с Гермионой продолжили свою научную беседу, но уже без прежнего энтузиазма, а Гарри, чтобы им и не мешать, и в то же время не терять нить разговора, рассеянно пролистывал глянцевые странички *ВедьмELLE*, краем уха прислушиваясь и поддакивая периодически обращавшейся к нему Гермионе.

Честно говоря, Гарри терпеть не мог этих дурацких девчачьих журналов: в них не было ни слова о квиддиче, не было по-настоящему захватывающих магических новостей, а кому, спрашивается, интересно читать “Тринадцать заклинаний, чтобы он был только твой” или — *о, вообще, жуть*, Гарри едва не поперхнулся — “Сохрани себя для Него: секреты по-настоящему соблазнительных ведьм”. Однако делать было нечего: сам попросил...

В тот момент, когда он уже собрался отложить журнал, узкая колонка “Самых горячих новостей” привлекла его внимание, там явно мелькнули знакомые имена.

И точно. Гарри не поверил своим глазам:

“...знаменитый болгарский ловец... в Болгарию на каникулы... одну из первых учениц и красавиц Хогвартса Гермиону Грейнджер... Близкие люди из окружения Викто-

ра Крума говорят, что, несмотря на юный возраст девушки, его чувства к ней вполне серьёзны и, возможно, в ближайшем будущем они составят одну из самых блестящих и знаменитых пар колдовского мира”.

Гарри перечитывал и перечитывал последнюю фразу, не в силах поверить своим глазам, и не сразу услышал, что Гермиона уже в который раз обращается к нему:

— ...холодный, угощайся. Эй, ты меня слышишь?

— Да-да, — сглотнув комок в горле, пробормотал Гарри, отложил журнал в сторону и взял протянутую Гермионой запотевшую бутылку с тыквенным соком.

Гермиона бросила взгляд на Гарри, потом присмотрелась к странице, которую он читал, — и покраснела.

— Глупости всё это! Мне вообще иногда хочется всех этих репортёров запечатать в банку и отправить на вечное хранение в Гринготтс. Пишут всякую ерунду, управы на них нет...

Гарри молча кивал, машинально пил сок, едва осознавая его вкус, и смотрел в окно.

Теперь, когда причина его дурного настроения, наконец-то, облеклась в слова, ему стало и легче, и, одновременно, несоизмеримо тяжелее. Всё сразу оказалось ужасно простым и, в то же время, усложнилось до предела.

Гарри сидел, отвернувшись к окну и делая вид, что разглядывает окружающий ландшафт, а на самом деле смотрел на её профиль, отражающийся в стекле, и размышлял, что за всеми ужасами и тревожностями последнего времени он едва не проворонил что-то очень важное. Что-то, что могло дать ему силы. Что-то, ради чего стоило жить. И кого-то, ради кого стоило всё это делать: и жить, и бороться. Он вдруг почувствовал себя и старше, и моложе одновременно, словно превратился сразу и в ребёнка, согретого солнцем родительской ласки, и во взрослого, готового грудью защитить самое дорогое, что у него есть. Страх что-то пропустить, потерять и готовность сохранить это любым способом закружили его, сердце сдавили радость и отчаяние, в груди горело, будто он выпил не ледяного сока, а кипятка. Он смотрел и смотрел на её едва читаемое на стекле отражение с ощущением, что либо только что проснулся, либо мир был создан мгновение назад, у него на глазах.

Она тоже подняла глаза к окну, к однообразному мельканию за стеклом, Крум повернул голову вслед за ней — и его бровастое отражение взглянуло на неё с такой обволакивающей нежностью и страстностью, что у Гарри пересохло в горле, и настроение испортилось окончательно.

Глава третья, в которой как нельзя лучше описывается старинный замок, Гермиона принимает ванну, а Гарри рассматривает каталог женского белья.

Замок встретил гостей неожиданной тишиной и безлюдностью, когда, всё ещё слегка пошатываясь в такт покачиванию вагона и слыша в ушах недавнее постукивание колёс, они вступили под его каменные своды. Гарри удивлённо огляделся, — замок был просто огромен, конечно, не чета Хогвартсу (признаться, других замков ему видеть пока не приходилось), однако от него веяло такой же древностью: увитые виноградом, поросшие травой и изгрызенные временем серые каменные стены уходили ввысь; узкие стрельчатые окна с разноцветными витражами отбрасывали на камни под ногами солнечные зайчики, конусы башен с кое-где зияющими прорехами напоминали пробитые рыцарские шлемы.

Высокая лестница с каменными перилами вела к тёмной двустворчатой двери, которую Крум открыл, произнеся несколько слов на незнакомом языке.

Не замедляя шага, он повёл их по бесконечным переходам и коридорам с высокими крестовыми сводами, тёмными портретами, потрескавшимися статуями и рыцарскими доспехами, ехидно побрякивающими и поскрипывающими им вслед.

Тут всё было иначе, чем в холодном и сыром Хогвартсе — впрочем, возможно, Гарри так казалось потому, что он никогда не жил в школе летом. Внутри солнце заливало замок Крума до самых краёв, от камней веяло не не мрачной промозглостью, а желанной прохладой, мягкие ковры под ногами поглощали шум шагов, а лестницы не крутились, не проваливались под ногами, а весело наскрипывали какие-то местные напевы.

— Я вас провожу в ваши комнаты, вы передохнете, а к обеду как раз все и соберутся, — губы Виктора дрогнули в улыбке и быстрым, почти незаметным жестом — каким, наверное, ловил снитч — он захлопнул приоткрытую дверь, мимо которой они как раз проходили и из-за которой поблескивал любопытный чёрный глаз. — Старшие почти все в разъездах, дома только племянники. Они ещё успеют вас замучить. Кстати, Гарри, — Крум повернулся и заулыбался ещё шире, — Стана только о тебе и говорит последнюю неделю.

О, только не это.

Гарри даже не понял, кто такая или такой эта Стана, но в глубине души понадеялся, что это всё-таки девочка. И она не говорит по-английски. Он был сыт по горло стрекочущим Колином Криви с этим его чёртовым фотоаппаратом, не дававшим ему шага ступить; ему надоело чувствовать себя диковинным зверем в клетке, слышать эти перешёптывания за спиной, отвечать на одни и те же вопросы и демонстрировать свой шрам, видя, как испуганно и изумлённо расширяются глаза назойливых собеседников.

Что — снова?.. Нет, только не это.

Перед Гарри бесшумно распахнулась тяжёлая, стянутая медными лентами дверь его комнаты, Крум повёл Гермиону дальше по коридору, продемонстрировал её апартаменты и, как услышал ревниво наостривший уши Гарри, отправился по своим делам, дав гостям время передохнуть и привести себя с дороги в порядок.

Все вещи уже были аккуратно разобраны, сундук стоял рядом с высокой и, судя по виду, чрезвычайно мягкой кроватью, метла была пристроена в чуланчик, клетка с довольной, накормленной досыта Хедвигой заняла своё место в дальнем углу — подальше от всепоглощающего и все проникающего солнца.

На столе у окна матово поблёскивал серебряный кувшин с водой, кубок и ваза с фруктами и печеньем — что было весьма разумно, с учетом того, что обед только намечался, а у Гарри с утра, кроме мороженого да сока, маковой росинки во рту не было.

Он подхватил яблоко побольше, с каким-то ребяческим удовольствием, разбежавшись, прыгнул на кровать, мягко осевшую под его весом, и начал на ней раскачиваться, грызя яблоко и рассматривая свою новую обитель.

На тумбочке, рядом с помахивающими крылышками часами-снитчем красовался бронзовый колокольчик. Гарри с любопытством взял его, раздался мелодичный звон, и в комнате возникло странное существо, чем-то напоминающее Добби: огромные круглые глаза, развесистые уши. Но пола оно было явно женского и выглядело весьма нарядно в обмотанной на манер тоги белоснежной кухонной салфетке, расшитой красным крестиком.

— Добър ден, — пискляво произнесло существо и склонилось в поклоне, видимо, ожидая приказаний. Гарри отрицательно помотал головой, и существо, так и не подняв глаз, бесшумно исчезло.

Отправив огрызок в открытое окно, Гарри поднялся и продолжил обследование:

за маленькой дверцей обнаружилась ванная комната с наполненной ароматной водой ванной на когтистых львиных лапах. И к вящему ужасу Гарри, едва он вошёл и начал раздеваться, ванна резво подскакала к нему и, ударив под коленки, опрокинула в воду прямо в майке и брюках.

Чертыхаясь и отплёвываясь, Гарри сбросил с себя одежду, с мокрым чмоканьем приземлившуюся на деревянном полу и устроился поудобнее, решив как следует поразмышлять обо всём случившемся.

Однако, о чём бы он ни пытался думать, все его мысли так или иначе возвращались к тому, чем сейчас занимается в своей комнате Гермиона. И перед его внутренним взором снова и снова появлялась такая же ванная комната с ванной и лежащей в ней с книжкой и грушей в руках Гермионой, целомудренно укрытой Гарри пеной по самый подбородок.

Картинка была настолько ясной и отчётливой, что Гарри выскочил из воды, ошалево глянул на пол, на котором не было никаких признаков ещё пять минут назад лежавшей там кучи мокрой одежды, замотался в пушистое синее полотенце и босиком, оставляя за собой мокрые следы, тут же исчезающие в горячем воздухе, вернулся в комнату. Ванна сердито скребла лапами по полу и плескала водой ему вслед.

Чуть вздрагивая от приятного ощущения испаряющейся с кожи воды, он открыл шкаф и задумчиво взглянул на аккуратные стопочки.

Интересно, как у них положено одеваться? Надеюсь, не надо будет в такую жару натягивать на себя мантию?..

С трудом натянув на ещё влажное тело футболку и джинсы, Гарри выскользнул в коридор и постучал в дверь комнаты Гермионы.

— Гарри, это ты? — глухо откликнулась она на его негромкий стук. — Проходи-проходи, я сейчас...

Гарри вошёл и с любопытством огляделся: в её комнате всё было так же, как и у него: мягкая кровать, засыпанная подушками, стол с грудой книг, тумбочка, кресло с одуревшим от жары Косолапсусом — однако с первого взгляда было очевидно, что эта комната предназначалась для девушки.

Всё было мягких розоватых оттенков, на тумбочке стоял букет цветов, а рядом с ним... *Нет, ну только подумайте!* — колдография Крума и Гермионы, сделанная незадолго до отъезда делегации Дурмштранга из Хогвартса. Он держал её за руку и радостно махал, она чуть напряжённо улыбалась в камеру. Гарри поднял колдографию и поднёс поближе к глазам: Крум перестал махать и нахмурился, зато Гермиона радостно заулыбалась и — чего в жизни никогда не случилось — послала Гарри воздушный поцелуй, вызвав явное негодование стоявшего рядом Виктора.

Из-за двери в ванную раздался плеск — судя по всему, настоящая Гермиона находилась именно там.

...Наверняка с грушей и учебником...

— Гарри, ты располагайся, я сейчас...

Гарри сунул снимок обратно и подошёл к книжной полке и столу: точно, ни дня без книжки — взяла с собой весь комплект учебников на будущий год... а вот эти книги явно не её... видимо, Крум решил поощрить тягу к знаниям: на столе аккуратной стопкой красовалось подарочное издание “Энциклопедии колдовства: От Мерлина до наших дней. Издание 213, исправленное и дополненное”, в переплёте из драконьей кожи с золотым тиснением.

А это ещё что такое?

Станный толстый журнал, небрежно брошенный на кровать, привлёк его внимание совершенно нетипичной для гермиониных книг обложкой. Или Гарри померещилось от жары и переутомления, или на ней действительно пританцовывала полуго-

лая красotka. Не в силах поверить собственным глазам, он шагнул и медленно потянулся к журналу, однако раньше, чем он успел дотронуться до глянцевой обложки, скрипнула дверь ванной, и вылетевшая оттуда Гермиона буквально вырвала красавицу у него из-под носа с каким-то возмущённо-смущённым фырканьем.

— Герми, что это? — в ужасе спросил Гарри, чувствуя, что не может совладать ни со своим лицом, ни со своим голосом. — Откуда ЭТО у тебя?

Она стояла, прижимая журнал к груди, не замечая, что ещё одна красotka с задней обложки наклонилась и сквозь её пальцы посылает Гарри томные взгляды и призывные улыбки.

— Это?... Ну... это... Это...

Она покраснела и быстро затолкала журнал под подушку.

— Это тебе ОН дал? — догадался Гарри.

— Гарри, прекрати, я сама у него это попросила, — быстро возразила Гермиона и покраснела ещё больше.

— Гермиона, — сипло начал Гарри и, кашлянув, постарался придать своему голосу нормальное звучание, — и зачем это тебе?

— Неважно, — она отвела взгляд, кусая губы, которые кривились в непроизвольной улыбке.

Гарри захлестнула неожиданно сильная обида.

Как такое может быть? Ведь между ними — им, Гермионой, Роном — никогда не было никаких секретов, они никогда... ну, почти никогда... ничего друг от друга не скрывали и не прятали.

Сам не понимая, почему, он вдруг почувствовал себя преданным, обманутым и брошенным.

Что за гадость приволок ей Крум? Что он, вообще, о ней думает? Зачем он их пригласил? И зачем они сюда приехали?

Голос Гермионы остановил его у самых дверей.

— Гарри, перестань, ну что ты, в самом деле, — хорошо, я тебе всё расскажу, — к его удивлению, в её голосе не было ни капли раскаяния, он звенел и переливался, словно, она с трудом удерживала смех. — В чемоданчике, который уехал не по адресу, были... гм... личные вещи, — она сделала деликатную паузу, но Гарри, не искушённый в вопросах женского туалета, продолжал смотреть на неё с хмурым непониманием. Гермиона, смеясь, всплеснула руками. — Ну, хорошо: там было моё бельё, и оно отправилось в Прагу. Виктор взял у своих сестёр каталог и принёс его мне. А я собираюсь сделать заказ, — Гермиона бросила на Гарри пытливый взгляд, осенённая какой-то шаловливой идеей. — И мне нужна твоя дружеская помощь.

Раньше, чем он успел открыть рот и в ужасе заорать “нет!”, она потянула его к кровати, уселась рядом, сунула ему на колени журнал и начала переворачивать страницы.

От подмигивающих и извивающихся полуголых красоток Гарри бросило в дрожь и в краску: *что — они все носят именно такое?... Эти... ляпочки или как там оно у них называется?..* Он не знал, куда девать глаза. А Гермиона, фыркающая и хихикающая, тыкала пальцем то в одно изображение, то в другое:

— Может, это? Как думаешь?

Она тряхнула головой, её волосы взлетели и стали щекотать его щёку. Она сидела совсем рядом; пола неуместно выглядящего в такую жару махрового халата чуть отогнувшись, демонстрируя круглую розовую коленку, от которой Гарри почему-то не мог отвести глаз. Он раньше никогда не видел её коленок. А от её волос и кожи шёл какой-то свежий цветочный запах. Он непроизвольно принюхался, пытаясь уловить этот аромат, ускользающий и растворяющийся в горячем, напоенном солнцем воз-

духе. Гарри не заметил, что инстинктивно задышал глубже и чаще, через минуту у него начала кружиться голова — то ли именно от этого, то ли ещё от чего-то...

Она покосилась на него и рассмеялась — так задорно и заразительно, что он ощутил, как губы сами собой растягиваются в улыбке, — и через мгновение они уже заливались хохотом, размахивая друг на друга руками и вытирая выступившие на глазах слёзы.

Наконец, вся покрасневшись, Гермиона снова потыкала пальцем в лежащий на коленях у Гарри журнал:

— Так что скажешь насчёт этого?

Гарри опустил глаза к странице и обомлел от увиденного. Исподтишка покосившись на покусывающую губу Гермиону, он против своей воли представил её в *этом*, и сразу же почувствовал, что дыхание у него занялось, а тело вдруг начало жить по каким-то своим, доселе неведомым законам.

Подброшенный невидимой пружиной, вцепившись в журнал и прикрываясь им, как щитом, Гарри, на ходу бормоча какую-то ахинею в своё оправдание, метнулся к двери и пулей помчался в свою комнату, провожаемый недоумённо-весёлым взглядом Гермионы. Когда за ним захлопнулась дверь, она подошла к распахнутому окну, и, счастливо улыбаясь, сама не зная, чему, прижала к покрасневшимся щекам горячие ладони.

Глава четвертая, в которой рассказывается о том, какая удивительная встреча произошла у Гарри, и как Гермиона пыталась познать самую себя.

Ей казалось, что она медленно, словно паря, опускается в какую-то неведомую бездонную пропасть. В груди щемило от сладкого ужаса и ощущения чего-то доселе незнакомого. Она вовсе не была избалована вниманием мальчиков (да, признаться, они её и не очень-то интересовали, учёба доставляла ей куда больше удовольствия и была гораздо интересней, чем все эти записочки-поцелуйчики в укромных местах, о которых по вечерам в гриффиндорской гостиной шушукались старшекурсницы) — нет, она, конечно, ловила на себе пристально-задумчивые взгляды то Рона, то Гарри, за которыми явно что-то стояло, да и более старшие мальчики тоже стали поглядывать на неё в последний год, особенно, после Рождественского Бала...

Но такого не было никогда.

Рядом с ним она впервые почувствовала себя не другом, не просто товарищем, не просто классной девчонкой, подружкой, которой можно пожаловаться, на которую можно рявкнуть, с которой можно поделиться самым сокровенным. Она почувствовала себя девушкой, которой готовы восхищаться и поклоняться.

Её завораживало его великолепное мастерство и высочайший профессионализм во всём, за что он брался, — будь то квиддич, учёба, наука, испытания Трёмудрого Турнира; он знал безумно много и готов был делиться с ней бесконечно — всем, что знал и что умел. Ей нравилось слушать его и спорить с ним, он не вскидывался и не отмахивался от неё, как Рон, и не упирался, как Гарри, — он всегда до конца выслушивал её со всей серьёзностью и последовательно аргументировал свои взгляды и суждения.

Её притягивало это странное обаяние, это магическое ощущение силы и мощи, шедшее от него, эта вязкая, томительная страсть, которую она подсознательно угадывала и которой ужасно боялась, но мечтала взглянуть — хоть в щёлочку, хоть одним глазком.

Ей нравился его акцент и аккуратная, чуть неправильная английская речь, ей нра-

вилось смотреть на него: на эти руки, что были раза в полтора шире и толще рук Гарри, на это лицо — взрослое лицо взрослого человека, озаряющееся светом каждый раз, когда их взгляды пересекались.

Ей льстило это внимание: наконец-то, её оценили по достоинству, наконец-то, с ней общались не свысока — как Малфой, бросая очередную гадость, не подобострастно — как Лавендер, упрашивая дать списать контрольную по нумерологии, а уважительно, на равных.

Но она боялась его. Боялась и этих рук, и этих взглядов, где за ширмой спокойствия полыхало безудержное пламя, боялась даже подумать о том, о чём думает он... Она отдавала себе отчёт, что ей только ещё исполнится пятнадцать, тогда как ему уже девятнадцать, он рядом с ней уже почти взрослый мужчина и, скорее всего, подразумевает под словом любовь (которого он никогда не произносил, да, впрочем, это было и ни к чему, — ей завистливо прожужжали все уши хогвартсовские студентки) нечто совсем иное, нежели она.

Она понимала, что это его приглашение на каникулы неспроста, недаром её родители сначала были категорически против — “неприлично девушке одной ехать в гости к молодому мужчине, ты можешь себя скомпрометировать”... Она и не была уверена, что, действительно, хочет поехать, слишком отчётливо было ощущение, что, оправдывая себя правилами вежливости и приличия, она делает что-то отчаянно неправильное и идёт на поводу у своего любопытства.

Она, вообще не понимала, что она делает и чего хочет. Он нравился ей, с ним было интересно. Мысль о чём-то ещё, манила. И пугала. И чем больше она думала об этом, тем больше её это отталкивало. И завораживало. Ей хотелось с кем-нибудь поговорить об этом, нет, не попросить советов, ей сейчас они были не нужны — ей просто хотелось всё рассказать, даже если бы ей пришлось мучительно подбирать слова и краснеть. Но кому? Не Гарри же?..

Гарри.

Она почувствовала резкую, почти болезненную вспышку вины и отвернулась от окна, за которым среди зелёных, бархатных холмов белыми домиками под красными черепичными шапочками сбегал к реке городок.

Ей сейчас даже думать о Гарри было больно. Ведь она сама решила пригласить в это путешествие именно его, ей хотелось, чтобы он поехал с ней, — зачем?..

Ответ прозвучал в её голове ясно, словно был произнесён чьим-то холодным, разумным, беспристрастным голосом.

Затем, чтобы всё понять и разобраться в своих чувствах. Чтобы понять, что важнее — четыре года, проведённые плечом к плечу с Гарри, всё прожитое и пережитое вместе — или же последний год и то, что... (она прикусила губу и, помедлив, всё же решительно отчеканила это слово) что промелькнуло между ней и Виктором. А потом...

Я не имею права выказывать кому-то предпочтение, я должна быть честна перед ними и самой собой. И прекратить эти глупые шутки.

Она сама не могла понять, какая муха её укусила, и зачем она устроила это дурацкое представление с каталогом нижнего белья.

Может, всё дело в том, что Гарри никогда не видел в ней девушку, и ей захотелось ткнуть его носом в этот факт?

Ну, не знаю...

А может, ей хотелось подшутить над ним в наказание за его надутое лицо в поезде?

Может быть...

А может, просто сидеть рядом и дразнить его?

Она недовольно фыркнула, прогнала эти глупые мысли и подошла к столу, машинально перебирая пальцами тиснёные кожаные переплёты книг. Великолепный подарок.

Интересно, сколько осталось до обеда, — успею ли прочитать хотя бы пару глав?..

Она взяла первый том Энциклопедии колдовства, взвесила на ладони его приятную тяжесть и с ощущением гурмана, предвкушающего изысканное наслаждение, поудобнее устроилась в кресле, спихнув оттуда разомлевшего Косолапсуса.

И всё же, перелистывая страницу за страницей и всё глубже погружаясь в исторические и научные изыскания, она не могла сдержать улыбки, вспоминая краску, смущение и ужас, залившие лицо Гарри, когда тот, зачем-то прихватив её журнал и прижимая его к животу, словно, у него начались колики, выскочил из комнаты, неся какую-то околесицу про миссис Уизли и Джинни...

Куда он там тыкал пальцем?.. Кажется, это были кружевные трусики?.. Хм...

* * *

Гарри делал пятый круг по комнате, пытаясь прийти в себя. Он уже выпил полкувшина воды (несмотря на жару, она была прохладной — милое домашнее колдовство), умылся, бочком зайдя в ванную (пустая на этот раз ванна смирно стояла на положенном месте, не подавая признаков жизни), подышал свежим воздухом, подойдя к окну и подставив мокрое лицо палящим лучам послеполуденного солнца, — ничего не помогало.

Мерзкий журнал валялся в кресле воплощением его недавнего стыда и позора. Взглянув на него, Гарри непроизвольно передёрнулся и снова отвернулся к окну.

— Боже-боже, какая прелесть, — протянул чей-то насмешливый голос, и Гарри едва не подскочил от неожиданности. — Давненько я не видел ничего подобного. Не листаешь ли мне, приятель, а то, боюсь, в моём состоянии самому с этим не справиться...

Гарри медленно повернулся, чувствуя, как по спине пробежали мурашки. Над креслом в вальяжной позе раскинулась полупрозрачная фигура в плаще с капюшом и явно глумливым выражением лица.

— Прошу прощения за вторжение и разрешите представиться, — прогнусило привидение, — Младен, местный, некоторым образом, призрак, — и оно склонилось в шутовском поклоне, шаркнув в воздухе ногой в длинноносом башмаке.

— Гарри Поттер, — кивнул Гарри, подсознательно удивляясь тому, что в замке нашёлся кто-то, вполне прилично говорящий по-английски.

— Наслышан-наслышан, — Младен облетел вокруг Гарри, вея приятной прохладой. — Так-так... Защитник и спаситель всего волшебного мира... Воплощение надежд и чаяний. Тут только и толкуют, что о вашем приезде. Твоём и твоей спутницы, — на последнем слове привидение сделало заметное ударение, и у Гарри закрались подозрения, не подсматривало ли оно за тем, что случилось у Гермионы в комнате меньше часа назад?

Гарри кивнул, плохо представляя, как продолжить разговор. Привидение — востроносое, молодое (если только этот термин можно отнести к привидению) — насмешливо посматривало на него, покачивая в воздухе ногой и явно чувствуя себя в этой комнате по-хозяйски.

— И давно вы здесь... — Гарри сделал широкий жест и попытался подобрать подходящее слово, но кроме “живёте” ничего в голову не приходило, а это слово к призраку подходило меньше всего, — обитаете? — нашёлся он.

— Да уж... — Младен вытащил из кармана часы на цепочке и, сверившись с ними, продолжил, — шестой век пошёл.

Гарри с сомнением покосился на часы и куда более древний наряд привидения.

— А, пустяки, — проследив за его взглядом, махнуло то рукой, — выиграл по случаю. Я ведь тут не один обитал. А потом после Конвенции 1524 года, когда были разделены замки... впрочем, неважно. Так или иначе, я тут, гм, некоторым образом, извини за каламбурчик, долгожитель. В Солнечной башне, правда, живёт девица Лукреция — невинно убиенная рассвирепевшим вельможей за неприступный характер, но она осталась такой же нудной недотрогой, как и при жизни.

— А вы чем при жизни занимались? — Гарри чувствовал, что невольно втягивается в разговор с весёлым и, судя по всему, весьма циничным призраком.

— Да, в общем-то, я ничем и позаниматься особо не успел — матушка дала мне имя, свято веря в то, что носитель его навеки сохранит молодость. И ведь как в воду глядела! А был я студентом, да таковым и остался. То там учился, то сям, где только ни побывал... Однако преуспел только в языках, и, — привидение сделало несколько весьма и весьма недвусмысленных телодвижений, от которых Гарри обомлел и покраснел, — в науке страсти нежной. За то и пострадал, — привидение вздохнуло и, повернувшись, продемонстрировало свою спину, в которой с левой стороны торчал здоровенный полупрозрачный кинжал. — Тогдашний хозяин этого замка застукал меня в неурочный час в спальне хозяйки — вот, собственно, и всё. Я попросил потом кинжал мне оставить, по-моему, выглядит весьма впечатляюще, а?

Гарри вежливо кивнул, хотя болтливое привидение вовсе не производило никакого устрашающего впечатления.

— Значит, ты и есть тот чудо-мальчик, ради которого здесь чёрт-те что творится? Столько охраны наставили, столько авроров нагнали, чтобы всё тут проверить... Хоть развлекли меня, беднягу. Думал, совсем скисну, уж и не рад был, что приложил столько усилий, чтобы здесь остаться. Я, вообще, люблю, когда народу много... Так-так... ты, значит, влюблён в ту милашку с родинкой на груди — от неожиданной смены темы и столь откровенных подробностей Гарри вздрогнул. — Ладно-ладно, не смущайся, дружок, — привидение подлетело вплотную и попробовало (впрочем, безуспешно) ободряюще хлопнуть Гарри по плечу, пройдя сквозь него и обдав волной ледяного холода, не слишком приятного даже в такую жару. — В конце концов, на что я сейчас способен? Не надо лишать меня маленьких житейских радостей. А коли ты и вправду испытываешь к ней нежные чувства, советую держать ухо востро: у молодого хозяина явно на неё виды. Я не могу покидать эту башню, так что знаю всё только по разговорам, однако... — бесстыжее привидение замолчало, ухмыляясь.

Гарри, затаив дыхание, ждал продолжения, однако, его не последовало.

— А почему вы мне всё это рассказываете? — наконец, поинтересовался Гарри, чувствуя подвох и нарастающее подозрение.

— А мне скучно, — с потрясающей непосредственностью призналось привидение. — Нет, сначала — первые лет двести — было вполне ничего, а потом, как старые хозяева обнищали, и всё пришло в запустение... — оно печально махнуло рукой. — Не поверишь, почти полтора века некому было слово сказать. А новенькие — они такие скучные. Все в делах, трудах — ни тебе шалостей, ни развлечений, ни скандалов... Ну, думаю, с тобой мы теперь скучать не будем, — и Младен с предвкушением потёр ладони.

— Я что-то плохо понимаю, о чём вы, — решительно перебил его Гарри.

— Как, разве ты хочешь, чтобы твою красотку увели у тебя прямо из-под носа? Смотри, как бы поездка на каникулы не превратилась в смотрины, — привидение насмешливо приподняло бровь.

— Я предпочитаю сам решать свои проблемы, и ничья помощь мне не нужна. Спасибо, — всё больше и больше закипая от назойливости призрака, отрезал Гарри.

— Как знать, как знать... — ничуть не обескураженный, Младен сделал круг по ком-

нате и вновь завис над креслом с журналом. — Так значит, не полистаешь? — как ни в чём не бывало уточнил он. — Жаль-жаль... Там была парочка таких образцов... ммм... ей бы точно пошло, — он мотнул головой в сторону комнаты Гермионы.

Гарри почувствовал, что у него сжимаются кулаки.

— Попрошу прекратить... — непроизвольно дёрнулся юноша в сторону явно довольного его реакцией Младена.

— Ладно-ладно, что я такого сказал, уж и пошутить-то нельзя, — хихикнул призрак.

В этот миг раздался стук в дверь:

— Мистер Поттер, не изволите ли пожаловать к обеду?

Гарри бросил взгляд на дверь и снова повернулся к привидению.

Но оно уже исчезло.

Глава пятая, в которой все — кроме одного — спят и видят сны.

В эту ночь почти все спали плохо.

Гарри заснул сразу же, едва успев донести голову до подушки, однако события минувшего дня не отпускали даже в сновидениях, он снова и снова проживал их мельчайших подробностей — от обеда, за которым черноглазая племянница Крума Стана закидала его насмешливо-любопытными взглядами и хлебными шариками, до вечерней экскурсии в библиотеку, войдя в которую, они с Гермионой едва удержали вздох восторга.

Библиотека — судя по её обозримой части — немногим уступала Хогвартсовской. Даже Запретная секция в ней была, что они заключили по запертой на огромный висячий замок двери.

“Там литература по тёмной магии и много такого, что не стоит знать неокрепшим детским умам. На вход наложено возрастное ограничение — туда может войти только тот, кому уже есть шестнадцать лет, — улыбнулся Виктор, и Гарри почувствовал, что его словно облили холодной водой. Ему снова напомнили — да ещё в присутствии Гермионы — что он ещё маленький. Это было ужасно обидно и оскорбительно. — Однако я могу сделать для вас исключение...”

Во сне Гарри снова ощутил металлический холод замка, которого они с Гермионой по очереди коснулись. Крум произнёс заклинание, и дверь, чуть скрипнув, послушно открылась.

“Вы можете пользоваться всем, чем захотите — в любое время. Мой дом в полном вашем распоряжении. Однако советую не засиживаться в библиотеке по ночам, её почему-то облюбовали прокуды, после полуночи они чувствуют себя совершенно безнаказанно, и могут вас здорово напугать...”

А вот опять светит солнце, и он летит, всё набирая и набирая скорость, закладывая немыслимые виражи, словно беря реванш за все те недели, когда задыхался, сидя взаперти на Приват-драйв, и не мог и помыслить о том, чтобы взмыть в небо. Аплодирующая смеющаяся Гермиона...

Крум одобрительно-удивлённо похлопывает его по плечу:

“Ты отличный ловец и прекрасно летаешь, Гарри. Если хочешь, я мог бы тебе показать пару интересных приёмов...”

И даже во сне его разрывает противоречие между нежеланием быть хоть чем-то обязанным Круму и осознанием, какой редкий шанс ему выпал: один из лучших ловцов в мире предлагает свою помощь и готов дать несколько уроков...

Гермиона ворочалась в своей неудобной постели — она не привыкла к таким высоким и мягким подушкам. В конце концов, с трудом вырвавшись из липких объятий неуютного сна, она кулаком спихнула подушку на пол и снова погрузилась в беспо-

койную полудрёму, в которой мелькали формулы, почему-то сияющие зеленоватым фосфоресцирующим светом, моргали чьи-то глаза, слышались шаги и глумливое хихиканье. Разлепив веки, Гермiona увидела мутную белёсую тень, висящую над ней, вяло погрозила ей кулаком, покрепче завернулась в одеяло и повернулась на другой бок.

У неё перед глазами снова встало лицо матери Крума, госпожи Леи, — худой, навсегда сожжённой солнцем женщины с чёрными, как черешни, глазами и сухими руками со вздувшимися венами. Как странно она взглянула на неё... Что-то было спрятано за этой вежливой доброжелательностью — то ли недовольство, то ли придирчивость... То ли...

Гермiona отогнала от себя эти мысли, зевнула и заворочалась, устраиваясь поудобнее.

А толпа племянников... И племянниц... — улыбка тронула её губы, когда она вспомнила, как краснел Гарри под напором черноглазой Станы. — Ему ещё повезло, что она почти не знает английский язык, а то заболтала бы его до смерти... Как там говорил Малфой? “Не можешь войти в книжную лавку, чтобы не попасть на обложку?” Я бы добавила: “Не можешь никуда приехать, чтобы в тебя не влюбилась какая-нибудь юная девочка...”

Гермiona начала проваливаться в дрёму.

Интересно, что там запел этот племянник... Как там его — Витомир, кажется? — да что у них всех за имена, как их запомнить?... И почему Виктор покраснел и дал ему подзатыльник?... Наверное, какая-то дразнилка...

Косолапус прокопал себе лапкой ход к ней под одеяло, торжественно и удовлетворённо заурчав где-то под боком. Она спросонок лягнула его коленкой, ей было жарко и без этой возящейся мохнатой грелки. Обиженно фыркнув, кот спрыгнул на пол и по-хозяйски устроился на валяющейся у тумбочки подушке, возмущённо поблёскивая в темноте зелёными светящимися глазами.

Он и не подозревал, что благодаря его приезду одной персоне придётся немедленно покинуть замок...

Луна медленно совершала свой путь по чёрному, почти осязаемому бархату неба. Мрачный тёмный замок, вознёсшийся на горе, казался мёртвым и безжизненным.

Крум спал, уронив голову на стопку книг в библиотеке. Несгорающая свеча у его головы отбрасывала на тёмные деревянные стены пляшущие тени. Было тихо и пустынно; даже прокуды не занимались своими обычными проказами — вроде выдёргивания стульев из-под сажающегося человека, задувания свечей или швыряния книгами.

Некому было заметить маленькую тень, неожиданно появившуюся на стене у самого пола. Тень начала расти, расти... Вот она бесшумно скользнула к полкам с книгами, начала что-то искать, перебирая пальцами тиснёные тёмные корешки... Нашла...

С удовлетворённым хмыканьем фигура скользнула к столу, на котором устало склонился Крум, зашелестела ломкими страницами, раскрыв том в нужном месте, осторожно подложила юноше под руку и начала на глазах уменьшаться и таять, пока не исчезла у самого пола в непроглядной темноте, которую не мог разрушить неверный свет одинокой свечи.

Одна Стана спала беспробудным сладким сном и улыбалась. В кулаке она сжимала пустой фантик от последней шипучей мармеладки, пол у кровати был усыпан разноцветными искрящимися бумажками. Ей снилась зелёная поляна, на которой они с сёстрами играют в догонялки. Хотя больше всего на свете она хотела увидеть во сне Гарри Поттера.

Глава шестая, в которой рассказывается о том, как Гарри Поттер и Виктор Крум подвергаются искушению, и что из этого получается.

Дни текли, похожие друг на друга солнцем, жарой, тихим и неспешным времяпровождением. Гарри был почти счастлив: его не донимали (если не считать Станы, тенью следовавшей за ним по пятам, однако, слава Богу, не изводившей разговорами из-за незнания языка — в конце концов, нельзя же было отнести к этому фразы вроде “доброе утро”, “рада тебя видеть”, “как дела” — ну, и тому подобные. Гарри вежливо кивал на них, улыбался — и только), он всласть летал, купался в Янтре (благодаря конфетам, придуманным Виктором после Тремудрого турнира, можно было отрастить хвост и вдоволь понырять. Или хотя бы научиться плавать, чего Гарри доньше не умел), гулял, читал, болтал с Гермией, сидел в библиотеке, в кои-то веки с наслаждением и не таясь, занимался уроками — словом, делал всё то, о чём не мог и мечтать, живя в пыльной замусоренной комнате на втором этаже маленького коттеджа на Приват-драйв.

Однако, с каждым днём удовольствие от этой свободы становилось всё меньше и меньше, пока однажды, проснувшись ни с того, ни с сего посреди ночи, он не почувствовал лишь странное раздражение, непонятную обиду да ещё неприятную тянущую боль в животе, словно, только что получил туда бладжером. В голове гулко пульсировала кровь.

Гарри настороженно прислушался к своим ощущениям — нет, шрам не болел. Он, вообще, уже довольно давно не напоминал о себе, что Гарри и радовало, и пугало.

Ждал ли он эту боль? Боялся ли её? И да, и нет. Да — потому что не знал, к чему ему готовиться, что именно ждёт впереди, какие утраты и несчастья ещё придётся пережить. Он старался не думать о прошлом. Того, что случилось, изменить было нельзя.

Нет — потому что принимал свою судьбу такой, какой она была, потому что знал, — чтобы ни ждало его впереди, он всё равно встретится с этим. И сделает всё, чтобы преодолеть.

Вздыхнув, Гарри сел и поджал коленки к груди. Простыни были смяты и сбиты, словно, он спал не в кровати, а на муравейнике. Он попробовал вспомнить что, ему снилось, — но не сумел, были только какие-то странные ощущения, от которых ноющая боль в животе лишь усилилась, а тело покрылось мурашками, несмотря на духоту. Похлопав рукой по тумбочке, Гарри нашарил очки, нацепил их на нос и подошёл к окну, налив себе по пути воды в кубок.

Луны не было, всё вокруг терялось в непроглядной мгле, яркие искры звёзд лишь подчёркивали беспросветность ночи. Угадывались — но Гарри не был уверен, видел ли он это глазами или же это просто подсказывало ему услужливое воображение — очертания ближайшей башни, крепостная стена... Он повернул голову в другую сторону — и взгляд зацепился за светлое пятно, имеющее явно рукотворное происхождение: одно из окондалей башни светилось. Тускло, словно, внутри горела всего пара свечей, — но светилось. Интересно, что там?..

— Любуешься окружающим ландшафтом? — прозвучал за спиной ехидный голос.

Гарри даже не повернулся. Младен. Обычно он заглядывал к мальчику вечерами, донимая расспросами и вгоняя в краску живописными воспоминаниями о былых подвигах на батистовых полях постельных сражений, после которых Гарри спалось особенно беспокойно.

— Что там? — махнул Гарри рукой в сторону светящегося окна.

— Не знаю. Моё место здесь, там я никогда не был. Но, кажется, там лаборатория молодого хозяина. Ощущение такое, будто он, вообще, не спит: прокуды говорят, что, когда он не работает у себя, то почти каждый вечер допоздна засиживается в -

библиотеке, — привидение сделало эффектную паузу и припечатало, — с Гермией.

Удар попал в цель. Гарри вздрогнул и повернулся.

Призрак отлетел подальше и наблюдал за ним издалека, наслаждаясь произведённым впечатлением.

— Не могу понять, почему ты ведёшь себя, как дурак. Приехал с подружкой, судя по всему, ты от неё без ума, она вроде тоже была бы не прочь, — так вместо того, чтобы... гм... — Младен приподнял бровь, с сомнением покосился на длинную угловатую фигуру в проёме окна, вздохнул и, словно сжалившись, продолжил, — предпринять какие-то решительные действия, ты позволяешь ей проводить столько времени с влюблённым в неё соперником. Не боишься?

— Пусть она сама решает, — буркнул Гарри, не отводя глаз от светлого пятна за окном, и спохватился, — а с чего ты, вообще, решил, что она моя подружка? И, — не удержался он, — с чего ты решил, что я ей небезразличен?

Младен только того и ждал, вне себя от счастья, что сумел-таки после всех своих многодневных безуспешных попыток вызвать Гарри на разговор, он завис в воздухе в вальяжной позе, перебирая длинный ряд пуговиц на рукавах своего одеяния.

— Ты пока мал и глуп, — наставительно заметил он, — и не понимаешь, что нужно женщинам. Ах, мне ли их не знать! — демонстративно закатил он глаза к потолку и шмыгнул полупрозрачным носом с полупрозрачными же веснушками. — Они выбирают сильных и решительных, способных на неожиданные смелые поступки. И пока ты тут мечешься в кровати, бормоча её имя, — Гарри залился краской с головы до ног, — она неплохо проводит время с хозяином. Уж он-то знает, чем её привлечь... Книги... наука... — Младен хихикнул. — Знаем мы эту науку. Я бы на твоём месте давно бы избавил её от мук выбора — ваши комнаты рядом и, между нами говоря, она никогда не запирает двери так, чтобы с этим не справилась простая Алохомора...

— Прекрати! — не выдержал Гарри. Впрочем, по такому сценарию происходил каждый разговор с Младеном.

— Ой, да ладно, — отмахнулось привидение, — великое дело. Зашёл бы к ней вечером, поболтали бы — о том, о сём, а там, глядишь... Не век же ей горбиться над книжками. Говоришь, с чего я взял, что ты ей небезразличен?.. — Младен проплыл к кровати Гарри, стрельнул глазами на сбитые простыни, фыркнул и устроился над тумбочкой с открытой книгой “Великие волшебники тысячелетия: мифы и факты”. — Да будь иначе, она бы не спала в одиночестве на своей узкой девичьей постельке: ни одно свободное женское сердце не устоит против таких знаков внимания, какие ей оказывает хозяин. А спехам не пришлось бы каждое утро менять твои простыни и пижамы, — бесстыже добавил он и показал зардевшемуся Гарри язык.

— Какого чёрта ты лезешь не в свои дела! — Гарри бы сейчас с большим удовольствием припечатал Младена каким-нибудь проклятьем, которое бы заставило того заткнуться, однако, ничего подходящего для призраков он не знал, поэтому пришлось уповать только на убедительность собственных слов. — Я сам разберусь со своими делами и не позволю тебе лезть ко мне в постель или подглядывать за ней!

— Так я тебе об этом и говорю! Иди и разберись со своими делами, — оживился призрак. — Кстати, она только что вышла из ванной, — конфиденциально добавил он. — Представить себе не мог, что можно столько учиться и читать. Поверишь, она даже засыпает с книжкой! Причём один раз она заснула в ванной, а другой — за столом!

Привидение заглянуло Гарри в глаза (но тому показалось, что прямо в душу) и до-

верительно понизило голос:

— Я могу научить тебя кое-чему, — Младен подплыл к Гарри так близко, что тот ощутил, как слабый холодок ущипнул его за кончик носа. — Ничего серьёзного: так, пустячок — всего-то пара заклинаний, никакой запретной магии, и она будет твоей... Ты ведь этого хочешь, правда?

Гарри теребил в руках кубок. Его серебряный бок был гладким и приятно прохладным.

— Хочу, — кивнул юноша и предупреждающе поднял руку, увидев, что Младен уже открыл рот. — Но не таким способом.

Привидение разочарованно фыркнуло и ухмыльнулось.

Судя по повисшей паузе, оно надеялось, что Гарри одумается и всё-таки примет его помощь. Но Гарри молчал, опустив голову и упрямо глядя на свои босые ноги. Ему было противно и почему-то страшно. Упущенная возможность дразнила своей доступностью и безнаказанностью.

— Такая девушка, такая девушка... — провокационно закатил глаза призрак. — Умная, красивая... Именно то, что нужно молодому хозяину.

Не выдержав, Гарри запустил кубком с остатками воды прямо в Младена. Смысла в этом, естественно, не было никакого, кроме того, что вся кровать оказалась сырой, а привидение, довольно хихикая, просочилось сквозь стену, урвав-таки свой кусок положительных эмоций. Хотя, с другой стороны, оно хотя бы ушло.

Гарри подошёл к кровати и обречённо потрогал её рукой. Точно. Мокрая. Он сдёрнул простыни и, бросив их на пол, забрался под одеяло и устроился поудобнее.

Что происходит с ним? С Гермионой? Что происходит между ними? И что — между ней и Крумом?

Почему-то в темноте думалось легко, словно, мрак ночи мог спрятать его от собственных мыслей.

Я люблю её. И хочу быть с ней.

Под ложечкой засосало, и он беспокойно закрутился под одеялом.

* * *

То простое зелье уже который день не выходило у меня из головы, хотя я видел этот рецепт только мгновение. Сама мысль о волшебстве по отношению к ней сразу показалась мне противоестественной, я тут же захлопнул книгу, словно, боясь чего-то, и торопливо засунул её обратно на полку. Не помню, когда я брал её оттуда. “Редкие зелья на основе змеиной крови”.

Но с каждым перехваченным нежным взглядом, украдкой бросаемым на неё этим Поттером, с каждым её жестом в его сторону, с каждой их улыбкой рецепт всё отчётливей и отчётливей вставал у меня перед глазами.

Я зачем-то пошёл в лабораторию, оправдывая себя тем, что нужно проверить, всё ли подготовлено к исследованию, которое я собрался провести. Машинально подошёл к большому деревянному шкафу с зельями, распахнул стеклянные створки и поймал себя на том, что мои глаза сами, против воли, ищут необходимые компоненты.

Их много, но они все вполне доступны и потому — есть у меня. Яйцо пеплозмея, сушёная змеиная кровь, цветы жасмина... Мускус, крылья Морфо ретенор...

Никакой чёрной магии — просто немножко удачи и фантазии. Никакого насилия — ничего более чем просто неосознанные мысли и желания. Которые я сумею конкретизировать и помогу осознать.

Нет, я не имею на это права. Она — удивительное маленькое чудо, поселившееся в моём доме, я не могу принуждать её, не могу делать её объектом магии.

Мне просто нужно чаще быть с ней, больше общаться, чаще касаться её... Я дол-

жен ввести её в мой мир, она сама потом не захочет из него уходить, у неё будет всё, что она пожелает, она сможет добиться всего, о чём мечтает. Но я не мог быть с ней постоянно — меня ждали исследования, кроме того, эти регулярные тренировки перед кубком страны по квиддичу — бывали дни, когда мы встречались только за ужином, после чего я бежал в лабораторию и просиживал там полночи, бессмысленно таращась на реторты и котлы и не в силах сосредоточиться... Я тупо перебирал пергаменты и последние выпуски “Трансфигурации сегодня”, и не мог заставить себя прочитать ни строчки.

...Всё готовится на убывающей луне... Активируется передний отдел височной доли... Составом опрыскать какую-либо вещь объекта — носовой платок, подушку...

Случившееся на финале кубкового матча поставило точку в моих сомнениях.

В тот же вечер я выложил перед собой на каменный алхимический стол все компоненты. Какое-то мгновение я сидел и просто смотрел на ступки, тускло поблёскивающие фиалы, колбы и тёмные флаконы, убеждая себя, что ещё не поздно пойти на попятный.

Но перед моим внутренним взором снова встала эта картина...

Книга, словно, ждала своего часа, с лёгкостью распахнувшись на нужной странице.

Да, всё предельно просто. Взмах палочкой — под малым котлом вспыхнуло пламя. Руки всё делали сами — растирали, измельчали, взвешивали и отмеряли; разум мой был где-то далеко, словно, отказывался участвовать в том, что происходило. Итак, последний штрих: мне нужна кровь. Моя кровь. Именно благодаря ей её желания будут направлены на конкретный объект. На меня.

Нужно было всего несколько капель — я мог бы просто уколоть себя, однако, словно, в наказание, я полоснул себя по ладони лезвием узкого ножа. Зелье зашипело, над ним взвилось зелёновато-золотистое пламя. Готово.

Итак, ему надо настояться. И после новолуния я смогу применить его. Или выплеснуть и забыть, как страшный сон.

Глава седьмая, в которой Крум ловит снитч, Гарри первый раз целуется, а Гермиона читает нумерологию.

Всё вокруг гудело, мелькало и переливалось, как на Кубке мира в прошлом году. Яркие краски, полотнища на трибунах, сияющее табло с бегающими по нему непонятными словами, шум и крик, из-за которого, чтобы услышать друг друга, приходилось орать чуть ли не в самое ухо (признаться, Гарри это даже нравилось: от прикосновений её губ к мочке уха по спине бежали упоительные мурашки, и, чтобы снова вернуться к игре, ему приходилось какое-то время сосредотачиваться).

“Красные львы” сразу же завладели инициативой и вели с таким счётом, что даже поймай сейчас ловец “Лесных братьев” снитч, это всё равно ничего бы не изменило. Впрочем, такое вряд ли могло случиться — в мастерстве Крума не приходилось сомневаться. Гарри, забыв про свою затаённую неприязнь и ревность, искренне восхищался и игрой, и экспрессией его полёта, за рискованностью и эффективностью которого стоял талант такого уровня, что просто дух занимался.

Ребята сидели на высокой трибуне, среди почётных гостей, приглашённых Крумом: родители, какие-то друзья, бестактно рассматривавшие Гарри и стреляющие глазами в Гермиону (это ужасно раздражало юношу, возникало ощущение, что вокруг происходит нечто важное и очевидное, а он совершенно не в курсе), родня (от ёрзания сидящей рядом Станы уже буквально свербил в бок). Где-то выше сидели важные министерские и спортивные чины, рядом с которыми в прозрачном футляре красо-

вался приз: лев, вздымающий в воздух лапы с большой сверкающей чашей.

В отличие от Гарри и Гермiony, окружающие были не так поглощены игрой — им всё было не в новинку, исход казался предрешённым: переговариваясь, они что-то ели, шутили, смеялись. Только госпожа Лея, худая и прямая, как обуглившаяся щепка, не сводила глаз с сына. Её щеки покраснелись от гордости и волнения, хотя лицо было абсолютно непроницаемым, сухие узловатые пальцы нервно комкали программку с колдографией, на которой команды приветственно махали руками.

Вид с трибуны открывался такой, что о лучшем нельзя было и мечтать: игроки, казалось, летали прямо перед глазами, в мгновения, когда всё вокруг затихало, даже слышался шелест мантий и какие-то непонятные короткие возгласы, которыми они обменивались.

Крум был великолепен. Снитч уже дважды показывался на поле, и только грубая игра соперников, пославших в него бладжер и пошедших на таран, не дала ему закончить игру эффектным броском. На метле он просто преобразился — исчезли медлительность и неловкость, сутулость и незнание, куда девать руки.

Сейчас Крум стал похож на алую молнию, глаза его обшаривали пространство в поисках снитча, что не мешало ему? следить за игрой и даже давать какие-то указания своей команде.

Гарри сидел, крутя колесико омниокля в поисках снитча. С одной стороны от него устроилась Гермiona (восхищённо следящая за Крумом и бормочущая про себя “боже, какая игра...”, “да, Гарри, это не школьный квиддич...”, “как будет здорово, если однажды ты тоже станешь таким игроком...” — последнее немного подсластило пилюлю, однако Гарри всё же не был уверен, стоит ли ему радоваться этой фразе). С другой стороны возилась сияющая Стана, шурша фантиками от конфет и периодически подсовывая их с самой лучезарной улыбкой. Гарри из вежливости взял одну, после чего девочка засмеялась и, чуть склонив голову, начала восторженно заглядывать ему в глаза и пересмеиваться с сидящими дальше сёстрами.

Гарри покосился на Гермionу — та возмущённо взмахнула руками, когда Крума едва не снёс с метлы бладжер, и вместе со всей красной трибуной вскрикнула, когда на бешеной скорости в него врезался отбивала Братьев.

Интересно, а когда сыграем мы, она так же болеет за меня? — мелькнула у него мысль, и Гарри, поудобней устроившись на скамье, снова поднёс омниокль к глазам. Неожиданно он почувствовал, как его руки коснулась её рука. И тут же отдёргнулась. Он повернулся: Гермiona, чуть смущённая, продемонстрировала ему свой омниокль:

— Вот... я не глядя... Извини, я случайно.

Взгляды их встретились, и в её глазах было нечто такое, что Гарри с каким-то странным чувством важности происходящего медленно потянулся к её руке, взял и осторожно вытянул омниокль из послушно разжавшихся пальцев и на ощупь положил его рядом с собой на сиденье. Её рука лежала у него на ладони маленьким тёплым солнышком, он почувствовал, как тонкие пальцы, словно лучи, согрели его, и накрыл её ладонь второй рукой — нежно и бережно, словно поймал редкую и красивую бабочку.

Она продолжала смотреть ему в глаза. Он потянулся к ней, где-то в глубине души надеясь, что, в худшем случае, его намерение будет истолковано как желание что-то сказать. Он за руку притянул Гермionу к себе и прижал её ладонь к своей груди, вторую руку робко положив ей на плечо. Она не повернулась, чтобы подставить ему ухо. Он понял: она ждёт. Ему казалось, что он движется бесконечно медленно, её глаза приближались и приближались, пока на всём белом свете не остались только эти тёмные ресницы и расширившиеся зрачки.

И в тот момент, когда Гарри, наконец, решился поцеловать Гермиону, над трибунами пронёсся дикий рёв, она вздрогнула — и он клюнул её куда-то в уголок рта, так и не поняв, ответила ли она на поцелуй или же её губы (*теплые и мягкие*) дрогнули и приоткрылись от неожиданности и дикого шума, взорвавшего пространство вокруг них. Гарри отшатнулся и вскинул глаза: прямо перед трибуной, сжимая снитч в руке и делая жест, который недвусмысленно показывал, кому он преподносит эту победу, завис на метле Крум.

Гермиона радостно заулыбалась, махнула ему рукой, он взмыл вверх и сделал круг по стадиону.

Гарри с трудом понимал, что происходит. Только что мир казался вязким подводным царством, и вдруг всё кругом замельтешило, зазвенело; в воздух взмыло изображение встающего на дыбы красного льва, с трибун нёсся гимн команды-победительницы, лев в воздухе неожиданно взорвался и рассыпался разноцветным фейерверком; стадион гудел, свистел, пел. Табло сошло с ума, перемежая кадры последних минут матча с рекламой, лозунгами, изображением кубка — и снова Крум, хватающий снитч...

Гарри ошеломлённо хлопал глазами. Наконец, он повернул голову и взглянул на Гермиону. Она стояла и вместе со всеми аплодировала, и что-то кричала. Слово почувствовав его взгляд, она потянула его за руку, поднимая на ноги, и неожиданно и как-то очень легко, словно делала это всегда, обняла за плечи — естественно, как раньше, когда они утешали друг друга или прятались под мантией-невидимкой. Только раньше у Гарри от этого так не билось сердце, и на лице не появлялась глупая улыбка, с которой он ничего не мог поделать.

Команды взошли на трибуну, Крум поднял кубок — и шум, взорвавший стадион, стал просто невыносим. Над трибунами взлетели фейерверки, кто-то взрывал пронесённые контрабандой на стадион петарды, от грохота уже закладывало уши, поэтому Гарри был безмерно рад, когда Крум, проходя мимо, поманил за собой своих гостей, произнеся нечто, что разобрать было невозможно. Гарри покорно последовал за всеми, крепко держа за руку Гермиону. Больше всего он боялся потерять её в этой сошедшей с ума беснующейся толпе.

Они спустились в раздевалку, там топтался народ, все смеялись, поздравляли, тискали друг друга, жали Круму руку, обнимали его мать, которая, всё ещё комкая одной рукой программку, другой вытирала слезы. Визжащие племянники висели на шее Крума гроздью переспелого винограда. Остальных игроков тоже не было видно за окружившими их гостями, репортёрами, друзьями...

Увидев вошедших последними Гарри и Гермиону, Крум осторожно стряхнул с себя малышню и, широко улыбаясь, шагнул им навстречу.

* * *

Я видел это.

Меня словно ударили бладжером в лицо — я мчался, сжимая в кулаке дрожащий шарик, моё сердце трепыхалось так же, как эти торчащие серебряные крылышки, я искал её глаза...

Она целовалась с Поттером.

Она даже не смотрела в мою сторону — и время для меня, словно, остановилось: я видел, как его рука с её плеча скользнула ей на шею, как он потянул её к себе... клянусь, я видел, как он закрыл глаза и потянулся к ней сложенными в трубочку губами — молокосос! И...и она сделала то же самое... её рука лежала у него на груди — и вот двинулась вверх, и пальцы нырнули в вечно лохматую шевелюру... Это тянулось бесконечно долго, мне уже не хватало воздуха, я всё смотрел и смотрел, не осознавая, что снитч с жалобным треском лопнул в моей руке, и крылышки его

мёртво обвисли.

И вдруг мир взорвался грохотом, она вскинула глаза и вскочила, оставив Поттера в той же позе и с тем же дурацким выражением лица хватать губами воздух. Я улыбнулся ей — во всяком случае, мне показалось, что я должен растянуть рот в этом безжизненном оскале — что я мог ещё сделать?! Махнув ей рукой — то ли приветствуя, то ли угрожая — я развернулся и улетел.

Кровь и ветер выли в ушах, заглушая всё вокруг, я ничего не помню: ни как мы прошли на трибуну, ни как я поднял кубок — это я увидел на снимках в вечерних газетах. Не помню, кто тряс мне руку, с кем я говорил, кому давал интервью... У меня стояли перед глазами их сближающиеся лица с вытянутыми губами.

Мир вернулся в тот миг, когда она вошла в раздевалку.

Я шагнул ей навстречу, взял её за руку и демонстративно обнял, чувствуя, с каким нежеланием и сопротивлением Поттер выпускает её ладонь. Вокруг затрещали фотокамеры, я едва не ослеп от вспышек.

— Позвольте всем вам представить мою гостью и мою... — я попытался подобрать слово, которое могло бы наиболее точно отобразить её статус в нашем доме, и эта пауза сказала всем куда больше, чем любые произнесённые вслух слова, — ...и мою подругу из Хогвартса Гермиону Грейнджер! Я хочу сегодняшнюю победу преподнести ей.

Улыбнувшись в камеру, я развернул её к себе, словно фарфоровую куклу, — она, остолбенев от происходящего, не сопротивлялась, — и поцеловал её в щеку, снова едва не ослепнув от вспышек фотоаппаратов.

— Кроме того, позвольте вам представить моего гостя — Гарри Поттера!

Зашелестевшая удивлёнными голосами толпа выплюнула Поттера к нам. Он стоял, униженный, оглушённый, с совершенно недоумевающим выражением лица, словно плохо осознавая, что происходит вокруг.

— Гарри, будь так любезен, встань здесь, — я по-английски позвал и потянул его к себе за руку.

...Я сидел и смотрел на эти колдографии с чувством злобного удовлетворения: она вжалась в меня, словно, пытаясь от чего-то спрятаться, жалобно и испуганно улыбаясь. С другой стороны он упирался локтём мне в бок, всеми силами стараясь отпихнуться, лицо его переполняло упрямство и вызов. А я стоял, стискивая их, как двух трепыхающихся котят, и улыбался. Виктор Крум, черт побери, — герой финального матча.

Побеждённый вихрастым подростком.

Побеждённый ли?

Пусть я несправедлив к нему — да, я не могу быть справедливым — хорошо, я признаю все его заслуги: он смел, порядочен, верен, он добр и, наверное, умён... Но мы с ним сейчас сошлись на одном поле, мы ловцы — и он, и я. И победа достанется одному. Тому, кто схватит снитч. У каждого из нас есть свои приёмы и секреты — я не собираюсь давать ему фору, принимая во внимания его достоинства, великие заслуги и юный возраст.

Слишком юный, чтобы понимать, на что он меня толкает.

Я никуда её не отпущу. Никто не сумеет её у меня отнять.

Я взял зелье и вышел из лаборатории.

* * *

Слегка подсушив полотенцем мокрые после ванны волосы, Гермиона подошла к окну, по пути бросив взгляд на учебники, с немым укором смотрящие на неё с книжной полки. Она сегодня ни разу к ним не прикоснулась.

Третий день её не отпускало это странное ощущение. Словно, она попала в чужой

сон, где события происходят хоть и с её участием, но помимо её воли, — что бы она ни делала, это были шаги, кем-то придуманные и предусмотренные, она же была послушной марионеткой в чьих-то неосязаемых, но угадываемых руках.

Нахмурившись, она подняла глаза к меркнувшему небу. День давно завершился, небосвод уже подёрнулось фиолетовым пеплом, но два сияюще ярких розовых облака в вышине бросали вызов наступающей ночи. Она вытянула руку, не обращая внимания на соскользнувшее на пол полотенце, и очертила их пальцем.

Узкий серпик луны казался искривлённым лезвием, раскалённым добела. Небо медленно меркло. Первая звезда. Ещё одна...

В окно дунул ветер, и она зябко поёжилась — несмотря на стоящую днём жару, вечером было уже свежо. Она не заметила, сколько простояла, глядя в небо, — но нежно-палевые оттенки поменялись на густую синь, два розовых облачка превратились в две неопрятных тусклых серых полосы... Месяц стал ослепительно-белым и дразняще-острым... Он рассекал небо, словно кривой нож этого... — Гермiona поморщилась, вспоминая, — янычара.

Она подобрала с пола полотенце, кинула им в Косолапсуса, возмущённо взмакнувшего и лениво перешедшего с кровати на кресло, накинула халат и снова вернулась к столу с книгами, рассеянно перебирая тома и перекладывая с места на место пергаменты. Ей всегда нравилось предвкушение работы: что-то радостно сжималось в груди, когда она аккуратными стопочками готовила книги, ставила чернильницу, клала связку перьев... И вот, наконец-то, пергамент развернут и...

Нет, сегодня всё было не так. Даже любимое дело не приносило никакого удовольствия, она искала предлог, чтобы бросить всё...

Гермiona снова вернулась к окну, бесшумно ступая по тёплому деревянному полу босыми ногами. Такая ночь могла быть только южным летом — густая, бархатная, наполненная странными стрекочущими летними звуками и сладкими, тяжёлыми запахами, которые теперь будут всегда у неё ассоциироваться с этими местами...

Из груди сам собой вырвался тоскливый вздох, она внезапно пожалела, что согласилась на это путешествие. Ведь раньше всё было так просто: два чудесных верных друга, тайный романтический воздыхатель, куча интересных занятий и книг, учёба...

Нет, — тут же возразила она себе, — конечно, было совсем непросто, но они всегда всё решали вместе, помогали друг другу — то спасая от двоек и нагоняев, то приходя на выручку в удивительных и страшных переделках...

Она чувствовала, что чему-то пришёл конец...

Тогда, на третьем курсе... Они с Гарри, обнявшись, сидели в чулане, ожидая, когда они-же-но-те-что-были-раньше прокрадутся под мантией-невидимкой по коридору... Крепко прижавшись друг к другу, они летят сквозь время, Хроноворот тащит их в прошлое... Мысль о том, чтобы снова сидеть и обниматься в чулане с Гарри, как оказалось, имела ещё один весьма специфичный аспект для размышлений...

Вздохнув, словно ныряя в холодную воду, она мысленно вернулась к недавним событиям — к поездке на кубок по квиддичу и последовавшим за ним дням, когда Гарри прятался от неё и всех остальных в комнате или уходил гулять, не говоря ни слова, появляясь только в столовой, да и то не всегда. А Виктор делал вид, что ничего не произошло — слишком, слишком старательно...

Правда, через день Гарри уже не заливался краской, встречаясь с ней взглядом, но и он начал держать себя так, словно, ничего и не было — ничего: ни этого взгляда...ни этого прикосновения...ни этого поцелуя (*которого, — как трезво заметила она самой себе, — и, на самом деле, не было*).

Когда её рука случайно задела руку Гарри, ей показалось, что её ударило током, пальцы сами отдёргнулись с такой неприличной быстротой, что он всё понял. Или же

почувствовал — почувствовал то, что она сама ещё не решалась облечь в слова.

Словно спрашивая её позволения, он делал всё медленно-медленно: коснулся её руки, взглянул ей в глаза — она видела в них отчаянную просьбу и затаённое желание, он приобнял её, так нежно и легко, словно, боялся обидеть своим неожиданным порывом.

Она затрепетала, это волшебный коктейль чувств был знаком ей — именно его она испытывала рождественским утром, осторожно разворачивая подарки: ожидание, напряжение, предвкушение...

Как часто, засыпая, она мечтала и грезилась об этом, всё гадая, где и как это произойдёт... И с кем... Раньше она представляла себе Рона, потом в этих предсонных грёзах всё чаще начал появляться Гарри... А потом в них вошёл Виктор.

Гермиона вздохнула, мысленно отгоняя прочь и это имя, и тут же возникшее перед внутренним взором серьёзное, как всегда, нахмуренное лицо...

В тот миг, когда она уже почувствовала дыхание Гарри на своих губах — оно было таким горячим и прерывистым, когда уже закрыла глаза, совершенно позабыв о том, где и с кем они находятся, гвалт вокруг ожег её, словно удар хлыста.

Это было просто ужасно. Словно, проснуться от прекрасного, волшебного сна и обнаружить себя в незнакомом месте, окружённой незнакомыми людьми. Гарри, закрыв глаза, ещё тянулся к ней, его пальцы всё крепче и крепче стискивали её плечи — он уже не спрашивал разрешения... Она бросила взгляд на стадион...

Гермиона глубоко вздохнула и поморщилась, словно от внутренней боли. Чувство вины захлестнуло её совершенно осязаемой волной, она зажмурила глаза и начала с силой тереть их кулаками, пытаясь уничтожить стоящую перед внутренним взором картинку: зависший в воздухе прямо перед ней Виктор, протягивающий в её сторону снитч. В его глазах что-то медленно угасало, лицо каменело и заострялось.

Укоряющий взмах рукой — и он исчез.

Она тряхнула головой, отгоняя воспоминание, и села, раскрыв перед собой Нумерологию. Машинально пролистнула несколько страниц, добравшись до места, на котором остановилась: “В рамках подобного понимания все натуральные числа можно рассматривать как ступени в движении от единого Абсолюта к бесконечному разнообразию нашего Мира. При этом чем больше величина натурального числа, тем более конкретные, “мирские” понятия оно может описывать, тем большая детализация с ним связана.”

Она перечитывала эти строки снова и снова, не в силах уловить их суть.

Со страниц на неё смотрели два лица, упрямых, решительных.

— Сейчас мне никто не поможет и не подскажет, не поддержит и не успокоит, — пробормотала она вслух. — Сама. Как всегда — я должна всё сделать сама... Ничего страшного... Я всё сумею... Как всегда.

Звук собственного голоса успокоил, взмахнув палочкой, она зажгла ещё две свечи и, схватив книгу, в каком-то странном отчаянном порыве закружилась с ней по комнате в беззвучном и бесшумном танце.

Просто ещё одна задача.

Кот неодобрительно наблюдал за хозяйкой из кресла, глаза его фосфоресцировали в полумраке.

Гермиона прыгнула на кровать и, поставив подушку торчком, полуприлегла-полуприсела, снова раскрыв книгу.

“Порядковые числа в силу динамичности часто ассоциируются с глаголами, ибо глагол обозначает процессуальный признак предмета, состояние как процесс или действие”.

В голове появился какой-то странный туман, начало клонить в сон, буквы заплеска-

ли перед глазами, мысли разлетелись, замелькали отрывочные видения...

Она прикрыла глаза, улыбаясь, и снова, как делала каждый вечер, мысленно позвала к себе Гарри — вспоминая то, что было, мечтая о том, что будет, *непременно будет*... Но знакомое лицо подёрнулось рябью, словно разбитое камнем отражение в воде, и сквозь него проступило лицо Виктора: он смотрит на неё — так странно... он никогда не смотрел на неё *так*... Вот они едут в поезде — *он касается её руки... его рука скользит к её плечу, вторая рука ныряет ей за спину*...

Что такое? — в полусне попыталась встрепнуться Гермiona. — В поезде ничего подобного не было! Он только случайно тронул моё плечо — и ничего более...

Но дрёма накатывала, лишая способности двигаться и сопротивляться. В голове запел тихий голосок, баюкающий, нежный... Она почувствовала, что улыбается...

Вчерашний день — они с Виктором идут рука об руку по полю, он смеётся, его лицо становится совсем-совсем юным и открытым... Он показывает на разные предметы и называет их по-болгарски, требуя, чтобы она повторяла за ним, и от души хохоча над её произношением... Как же это... “грозде”, “момиче”, “госпожица”.

Он учит её нырять (*он никогда не учил меня нырять!* — снова встрепнулось что-то внутри) — какие у него широкие плечи... Даже во сне она стыдливо отводит взгляд от его тела...

Гермiona глубоко вздохнула, заворочалась, последним осознанным движением скинула неудобную подушку на пол и тут же провалилась в сон. Голос смолк, видения исчезли... Она подоткнула кулак под щёку и сладко почмокала губами.

Книжка с колен соскользнула на пол, разбудив Косолапсуса.

Бесшумно спрыгнув с кресла, он рыжей молнией метнулся к подушке на полу, взобрался на неё и сладко заурчал, свернувшись клубком...

Глава восьмая, в которой Стана подсматривает за целующейся парочкой, госпожа Лея печалится, а Гермiona получает страшные вести.

Предложение отправиться на пикник к Янтре, высказанное за завтраком Виктором, показалось странным всем, даже племянникам, которые, впрочем, разве что громче завизжали от восторга. Госпожа Лея метнула в Виктора тревожный взгляд и с непроницаемым лицом что-то заметила по-болгарски. Крум чуть покраснел, у него дёрнулась щека — как всегда, когда он начинал нервничать, — и он что-то эмоционально и торопливо произнёс. Сельвия, его старшая сестра и мать Станы, сидевшая за завтраком рядом с Гарри и уберегавшая его от назойливых покушений дочери, укоризненно вздохнула и попыталась разрядить нагнетавшуюся атмосферу улыбкой и каким-то замечанием, которого, впрочем, ни Гарри, ни Гермiona всё равно не поняли.

Они чувствовали себя страшно неудобно из-за воцарившегося за столом напряжения, подозревая, что причина недовольства госпожи Леи кроется именно в их приезде и связанными с этим неудобствами. Да и разговор на языке, которого они не знали, не добавлял уверенности в себе.

Гарри вяло доцарапал с тарелки что-то под названием дроб-сарма и, вежливо улынувшись и поблагодарив всех, скользнул из-за стола, взглядом позвав Гермionу за собой.

Она мило кивнула Виктору, аккуратно прикоснулась к краю губ вышитой салфеточкой и, улыбаясь, пошла за ним. Однако лишь только они очутились в коридоре, безмятежная улыбка сползла с её лица.

— Мне кажется, я ей не нравлюсь, — с самым несчастным видом пробормотала Гермiona.

— Кому?

— Госпоже Лее. Что, не видишь, как она на меня смотрит? Что я ни скажу, как ни повернусь, у неё всегда такой суровый вид... А мне и без того кусок в горло не лезет... Не смейся! — полувозмущённо пихнула она вопросительно приподнявшего бровь Гарри в бок. — Просто этот хлеб, все эти специи и названия, после которых не знаешь, что и увидишь на своей тарелке...

— А я-то подумал, что тебе хочется организовать международную ассоциацию борьбы за свободу домашних эльфов. Чтобы спехам завидно не было, — фыркнул Гарри и предусмотрительно отодвинулся подальше. Он, при всей его непритязательности и дурслейской закалке в отношении еды и её количества, тоже частенько пробовал подозрительное на вид и на слух блюдо, призывая на помощь всю деликатность и вежливость гостя. А однажды, невнимательно полив что-то на своей тарелке стоявшим поблизости соусом, он на несколько минут превратился в изрыгающего пламя дракона. Сам он пламени, правда, не увидел — глаза заволокло слезами от безумной остроты, словно во рту взорвалась бомба.

— Слушай, а почему тебя вообще это волнует? — поинтересовался он, в такт шагам шлёпая ладонью по холодным перилам каменной лестницы, ведущей наружу. — Нравишься — не нравишься... Вот Снейпу ты тоже не нравишься, но из-за этого ты же так не переживаешь...

— Ну, не знаю... — смешалась Гермиона. — Просто она — мама Виктора, и мне хотелось...

— А зачем? — перебил её Гарри, постаравшись придать своему голосу как можно больше беззаботности, словно бы он задал этот вопрос исключительно из желания поддержать беседу. — Какая разница, всё равно мы скоро уезжаем...

...И, надеюсь, никогда сюда не вернёмся... — мысленно закончил он.

Гермиона совсем смутилась и пожала плечами:

— И ещё этот пикник... её очень беспокоил данный вопрос. Нет, она, конечно, не раз бывала на пляжах, однако, никогда ещё не ходила на пляж ни с Гарри, ни, тем более, с Виктором — даже здесь получалось всё время так, что её брали с собой сёстры с детворой, а Гарри, вообще, предпочитал ходить купаться в одиночестве (как она подозревала, стесняясь своего нескладного вытянувшегося тела и неумения плавать). — Мне кажется, ей совсем не по вкусу эта идея. И я... Я уже хочу обратно домой... — она жалобно подняла на Гарри глаза. — В школу...

...А я-то как хочу... — подумал Гарри. Но вслух утешительно произнёс:

— Осталось всего три дня. А потом пара недель — и мы снова отправимся в Хогвартс... — теперь, когда возвращение стало таким близким и реальным, мысли о нём приходили не только радужные. Он снова отчётливо увидел бледное безжизненное лицо Седрика, вспомнил траурные повязки на рукавах хаффлпафцев и опухшее от слёз лицо Чу, одного взгляда на которое было достаточно, чтобы сразу понять, что все его неосознанные мечты и желания не имеют, да и не имели никакого будущего... Какими детскими они ему сейчас показались, эти переживания, — как подойти к ней, что сказать, как пригласить... с учётом того, что за всем этим последовало...

Гермиона тронула его руку, словно прочитав мысли:

— Гарри... Всё обязательно будет хорошо. Ты... мы с тобой сумеем со всем справиться... — он вскинул на неё взгляд, и она быстро уточнила, — ты, я и Рон. Просто... это надо пережить, Гарри.

Он угрюмо кивнул, и они пошли по заброшенному саду, храня молчание. Гермиона вела его в одно чудесное местечко, что показал Виктор во время их первых прогулок.

Ей сразу полюбилась эта каменная скамья над полуразвалившимся фонтаном, от которого остался только ручеёк, струящийся сквозь мраморные обломки. Она иногда приходила сюда одна — послушать птиц, подумать, позаниматься. Солнце резными пятнышками просачивалось сквозь густые кроны деревьев, прыгало по страницам, щекотало шею. Часто они сидели здесь вдвоём с Виктором, он расспрашивал её и рассказывал сам — о своей команде, о том, какой у них на пятом курсе был смешной учитель по Смертельным заклетьям, о том, что хочет попробовать себя в роли преподавателя, и уже предложил свою кандидатуру Дамблдору...

— Я слышал, у вас проблема с учителями по Защите от Тёмных Искусств? Не верить ли мне на себе, насколько сильно проклята эта должность? — улыбался он и она, смеясь, отговаривала его, говоря, что предпочла бы, чтобы эту должность занял кто-нибудь попротивней, вроде Снейпа.

— А ты бы вполне мог вести у нас Зелья, — расфантазировалась она. — Вот было бы здорово! У меня бы тогда они точно стали любимым уроком!

Она осеклась и подняла на него взгляд. Он смотрел на неё — так странно, так серьёзно, словно и не умел улыбаться. Его глаза, словно пальцы слепого, ощупывали её лицо. Медленно-медленно они скользнули по щекам, коснулись губ и замерли. Он прерывисто вздохнул и прикусил губу. Она вздрогнула, глядя на него, ей неожиданно стало не по себе...

Гермиона тряхнула головой, отгоняя эти воспоминания, присела на разогретый солнцем камень и поманила к себе Гарри. Он медлил, по-прежнему погружённый в какие-то размышления. Она нетерпеливо потянула его за руку и усадила рядом. Он очнулся и поднял на неё глаза — они оказались куда ближе, чем она предполагала, и все умные мысли и слова выпорхнули из её головы, как воробьи из худого сарая. Она опустила взгляд к коленкам и поймала себя на том, что болтает ногами, — как в детстве, когда начинала нервничать. Повисло неловкое молчание, нарушаемое только сочным шелестом густой листвы у них над головами да шумной птичьей сварой где-то высоко в ветвях. Гарри сидел и исподлобья смотрел на неё, она видела это краешком глаза. Он опёрся руками о скамью и, чуть сутулясь, склонил голову, став похожим на нахохлившегося и растрёпанного птенца, выпавшего из гнезда. Внутри неё нарастало напряжение, и, не зная, как разрядить его, Гермиона в каком-то порыве вдруг положила голову ему на плечо. Гарри вздрогнул, его рука, что только что лежала на замшелом камне между ними, обняла её и с силой прижала к нему.

Он уткнулся лицом в её волосы и замер. Шли минуты, у Гермионы уже затекло всё тело, однако она боялась шевельнуться, чтобы не спугнуть это сладкое, это волшебное ощущение... Неожиданно он взял её голову и прижал к своей груди — она услышала, как быстро-быстро колотится его сердце, услышала, как он прерывисто дышит, — зажмурившись, она впитывала в себя эти звуки, чтобы никогда не забыть и ни с чем не спутать их. Она выпрямилась и подняла взгляд — он ждал её — медленно провела ладонью по его щеке, уже лишившейся детской гладкости и безупречности, почувствовала, что он потянул её к себе и, закрывая глаза, в последний миг перед поцелуем увидела, как сомкнулись его ресницы.

Всё, что она успела понять за это краткое мягкое мгновение, наполненное сопением и вздохами, — что носы людям очень мешают. И что целоваться, оказывается, тоже надо учиться. Видимо, Гарри пришла в голову та же мысль, потому что он не отпустил её, а только перехватил поудобнее и... *нет, определённо... носы надо отрезать...*

Он перестал обнимать её (она едва не охнула от разочарования) и вдруг с лёгкостью подхватил за талию и посадил к себе на колени таким быстрым и резким движе-

нием, что, боясь упасть, она обхватила его за шею и прижалась всем телом. У неё было ощущение, словно она медленно растворяется в чём-то ужасно приятном и чуть-чуть колющем, как тыквенная шипучка. Она потёрлась щекой о его щёку, но он настойчиво наклонил её голову к своему поднятому лицу и снова потянулся к ней чуть приоткрытыми губами.

О да... так гораздо лучше... — эта мысль была последним воробьём, с весёлым чириканьем вылетевшим из её опустевшей головы. У неё вообще больше никакой головы не было, как не было и ничего вокруг — она оглохла и ослепла, ничего не чувствовала, кроме его прикосновений, всё более настойчивых, хотя и не очень уверенных. Его рот дрогнул, приоткрылся, он робко коснулся её губ языком — таким горячим и влажным, что у неё перехватило дыхание, и она не смогла удержать почти беззвучный стон, — приняв это за одобрение и приглашение к дальнейшим действиям, он осторожно коснулся им её зубов, словно робкий странник, стучащийся в дом. Она послушно распахнула двери, и он нырнул внутрь.

Она обнимала его всё сильнее и сильнее; повинаясь каким-то инстинктам, руки сами гладили его спину, ерошили волосы, нежно касались шеи. Она провела пальчиком вдоль ворота его майки, чуть царапнув кожу ногтём, решительно сунула ладонь за шиворот — нежная кожа, топорщащиеся острые лопатки — он задохнулся и распахнул глаза, совершенно ошалевшие, безумные, счастливые.

— Хочешь, я сниму майку? — шёпотом спросил он.

Она не успела ни удивиться, ни испугаться, ни ответить, ни, вообще, сообразить, что к чему, — ветка громко хрустнула под чьей-то ногой, кусты зашуршали, и показалась сияющая физиономия Станы, с трудом удерживающей смех.

— Вас все ждут. Там, — произнесла она, махнула рукой в неопределённом направлении и зашла в приступе беззвучного хихиканья.

Гермиона, смущённо заёрзала на коленях у Гарри, тот ещё не пришёл в себя и по-прежнему крепко прижимал её к груди. Она осторожно высвободилась и поднялась, чувствуя, что заливается краской от задорного и по-детски бесстыдного взгляда Станы, рассматривающей её с головы до ног — от разлохмаченных руками Гарри волос до загнувшегося подола платья.

Гарри что-то пробормотал и, поднявшись, начал торопливо выправлять майку из-под ремня. Засунув для лучшей маскировки кулаки в карманы, он, всё ещё слегка пошатываясь, с тем же ошалевшим выражением лица пошёл за девушками, периодически спотыкаясь и налетая на кусты.

* * *

Я ничего не понимаю, не узнаю его. В последнее время он так изменился, а после приезда этих детей из Англии и вовсе потерял голову. Мне страшно за него, я чувствую, что-то с ним не так.

Он плохо ест, даже не замечая, что у него в тарелке, он стал резким и хмурым, на любое моё замечание он взрывается и грубит...

Он всегда был не особенно общительным — видимо, сказалось не слишком весёлое и лёгкое детство — однако это никогда не касалось семьи. Сейчас же он стал совершенно нелюдим: больше не играет с племянниками, шарахается от сестёр, Витомир однажды завёл своё “тили-тили-тесто” — Виктор напустил на него паука, в которого превратил моё любимое кресло...

Он целыми днями прячется — то в лаборатории, на которую наложил Запретные чары, то в библиотеке, то куда-то улетает...

Товарищи по команде, поздравляя меня с его победой, спрашивали, что с ним случилось, всё ли у него в порядке... Никто не помнит его в таком состоянии со времени той достопамятной истории, когда он, отмечая совершеннолетие в компании это-

го ужасного Деяна (слава Богу, его выгнали из команды!) оказался у “Чёртовых кошечек”, да ещё учудил там такое, что потом месяц не сходил со страниц “Самых скандальных колдунов”. Как удалось замять ту историю — ума не приложу, потребовались все связи Каркарова и даже вмешательство министра спорта...

Когда как-то недавно я вошла ночью в его комнату, на столе громоздились книги — похоже, он всё-таки решил специализироваться на Тёмной магии средних веков, — валялись перья, смятые пергаменты, посылки с какими-то заказанными им ингредиентами. А он метался во сне по кровати, что-то крича, с кем-то борясь и споря, кого-то защищая. Я ничего не смогла понять из этих обрывков фраз, междометий... Я просто села и, как в детстве, когда он, тогда щуплый тихий ребёнок, болел — взяла его за руку и начала гладить по голове. Но это не помогло — пришлось применять успокоительные заклинания. Постепенно он затих и слабо улыбнулся во сне.

Где ты был, мой мальчик... что тебя так мучит?..

Да, он влюблён в эту малышку, но я никогда, никогда не видела Виктора таким... Мне страшно за него, я не могу понять, что же происходит, я чувствую, — он летит в пропасть, из которой нет возврата, — в душе у него горит какое-то тёмное пламя, пожирающее его изнутри.

Я не знаю, чем и как помочь ему. Он сам не ведает, что творит, пытаюсь завладеть этой девочкой, он не понимает, как она ещё мала, не видит, что они влюблены друг в друга с мальчиком, который приехал с ней... Но когда я попыталась ему об этом сказать, он наставил на меня палочку и пообещал, что наложит заклинание Silentium.

Виктор совершенно ослеп, он разрушает себя и всё то, что с таким упорством создавал, — свою карьеру, свою жизнь, свою душу.

Мальчик мой, сынок... Что с тобой происходит?

* * *

И Гарри, и Гермиона потом не раз вспоминали этот день — последний счастливый день уходящего лета и последовавшей за ним осени. День, когда закончилось их детство. Долгие серые и мрачные недели, последовавшие за ним, стёрли полутона, убрали все оттенки, оставив разрозненные яркие картинки, солнечные вспышки воспоминаний и ощущение чего-то нереально-сказочного, что, как вода, просочилось сквозь рассеянно раскрытые пальцы.

Она помнила расплавленное сверкающее золото реки, обжигающие прикосновения горячего песка, из-за которых приходилось по-козьи скакать на цыпочках, нелепо размахивая руками... Помнила, как мурлыкали нежную песенку раскачивающиеся качели, на которых она сидела и ждала Гарри.

Он невнимательно разговаривал с Виктором, пытавшимся перекричать разодравшуюся из-за надувных лягушек малышку. Гарри, подозрения и ревность которого уступили место блаженному счастью, кивал, слушая вполуха, и смотрел на качели. Ему казалось, что солнце струится прямо сквозь Гермиону — всё вокруг сверкало, сияло, на воде играли солнечные блики, брызги висели разноцветной радугой, её волосы колыхались на ветерке, переливаясь темной медью...

— ...только хвост, и никаких жабр. Так что это совсем не больно — как раз для того, чтобы немного повеселиться.

— Ага, конечно, я с удовольствием, — перебил его Гарри, едва ли понимая, с чем соглашается, и, не в силах больше терпеть, отправился к качелям.

Гермиона заметила его и похлопала ладонью по тёплому от солнца сиденью, пригласив присесть рядом. Она видела, что он не знает, с чего начать, да и сама тоже не могла найти подходящих слов.

Они раскачивались, синхронно болтая ногами, и молча наблюдали за гоняющимися друг за другом на водяных лягушках Станой и Боряной. В этот миг волшебная

горка выкинула Витомира почти на середину реки — никогда нельзя было угадать, где ты окажешься, рискуя с ней скатиться.

Кричали чайки, колышущаяся под ветерком ива напевала шелестящую песенку; от золотой ряби резало глаза. Воздух был напоен жаром, свежестью и предвкушением счастья.

Он накрыл её руку своей, она повернулась.

— Пойдём купаться?

Гермиона улыбнулась, и едва слышно шепнула:

— Я хочу, чтобы ты снял майку...

Он покраснел, смущённо рассмеялся и начал послушно раздеваться — она наблюдала, чуть склонив голову. Вот он стянул футболку, едва не уронив в песок очки, вот никак не может победить упрямую пряжку ремня... Гарри пытался не смотреть на Гермиону в упор — во-первых, понимал, что на людях это просто неприлично (хотя с трудом мог удержаться), а во-вторых... во-вторых, ему было всего пятнадцать, он был влюблён, счастлив и боялся, что это станет слишком очевидно для всех.

У него чуть тряслись руки, он ощущал её взгляд и, как ему казалось, догадывался, о чём она сейчас думает. И в глубине души надеялся, что она думает именно об этом...

В тот же миг он почувствовал, как ему на плечо легла тяжёлая рука:

— Гарри, вообще-то, там есть раздевалка, но если ты предпочитаешь делать это публично...

Заалев, как маков цвет, Гарри тут же испарился.

Крум присел рядом с Гермионой и протянул ей раскрытую ладонь:

— Хочешь, я научу тебя нырять?

Какое-то странное чувство кольнуло её — да, где-то это уже было, где-то она уже это слышала... перед глазами всё дрогнуло, словно, она находилась в трогательном поезде, ей неудержимо захотелось принять его руку и пойти с ним — неважно, куда, зачем...

Она судорожно вздохнула — и в тот же миг всё прошло, словно и не было. Он сидел и пытливо смотрел ей в лицо, будто чего-то ждал.

— Нет, Виктор, — легко улыбнулась она, — я пока не хочу... Сейчас Гарри вернётся — пойдём все вместе...

Ей показалось странным — его лицо дрогнуло, брови чуть удивлённо приподнялись... но в тот же миг он словно взял себя в руки, снова обретя самый безмятежный вид. И через минуту она уже обо всём забыла.

А потом они втроём, держась за руки, вбежали в тёплую воду, окунулись в нежное струящееся золото... Они брызгались и смеялись, гонялись друг за другом на бешеных разноцветных лягушках, летали с этой сошедшей с ума горки...

Она помнила, как Гарри, осмелев, нырнул и обнял её под водой, напугав до смерти и звонко получив тяжёлым хвостом по спине. А его прохладное скользкое прикосновение её мокрого тела преследовало потом не одну ночь, заставляя мучительно ворочаться и стискивать кулаки с такой силой, что ногти оставляли на ладонях красные серпики кровоподтёков...

Потом, вспоминая этот день, она каждый раз чувствовала, что у неё сводит горло, и глаза начинает щипать от слёз, — он был тогда рядом, они были вместе...

Накупавшись до синих трясущихся губ, они грелись на солнышке, чуть дрожа и тая от жары, от сковавшей тела усталости, от сонной блаженной лени. Он, прищурившись, смотрел на неё сквозь ресницы — облупившийся на солнце носик, забрызганный веснушками, чуть угловатое, начавшее наливаться женственностью тело, испачканные, как всегда, чернилами пальцы и ладони, облепленные песком ноги...

Убедившись, что на них никто не смотрит, она провела ладонью по его плечу, загорелому, чуть шелушащемуся от непривычного солнца; он слегка наклонил голову и коснулся её кисти быстрым поцелуем...

Один Крум вспоминал этот день с ужасом. Он не мог понять, что случилось: почему она совсем не обращала на него внимания, почему никак не реагировала на те ключевые фразы, что по ночам напевал ей баюнок, почему этот чёртов Поттер скользил по нему снисходительным взглядом победителя...

И, чёрт возьми, почему этот кот всё время тёрся рядом, мяукал, смотрел влюблёнными глазами и периодически пытался требовательно ухватить за шиворот?!

Неужели ошибся во время приготовления зелья? Это невозможно, он не первокурсник, рассыпающий по столу ингредиенты, не умеющий донести их от ступки до котла, — всё было приготовлено совершенно точно.

Он снова и снова перечитывал порядок изготовления — но нет, всё сделано правильно, всё сделано верно.

Он собственными руками надушил зельем её подушку и отправил в комнату баюнка.

Так в чём же дело?

* * *

Вернувшись к себе, Гарри с наслаждением залез в ванну (в этот раз ему пришлось за ней погоняться, у той сегодня было игривое настроение, и она отпрыгивала всякий раз, едва он заносил ногу), но лишь только он смыл с себя весь песок, как в дверь настойчиво забарабанили — так внезапно и громко, что ванна подскочила на всех своих четырёх лапах и выплеснула на пол почти половину воды.

Поскальзываясь, на ходу заворачиваясь в полотенце и шаря по комнате глазами в поисках чего-нибудь, что можно на себя набросить, Гарри, шлёпая босыми ногами, подошёл к двери:

— Кто там?

Стук повторился, ещё более настойчивый, из-за двери раздался голос Гермионы — взволнованный и срывающийся:

— Гарри, Гарри, это я, открой скорее!

— Сейчас. Я, вообще-то... моюсь... — он щёлкнул замком и тут же метнулся обратно в ванную, где, чертыхаясь и с трудом удерживая равновесие на залитом водой полу, натянул на влажное тело одежду, и вернулся в комнату.

Однако, увидев Гермиону, он тут же позабыл обо всех фривольных мыслях, бесосновательно пришедших ему на ум: бледная, как полотно, она стояла, сжимая в руке выпуск Ежедневного пророка.

— Это только что пришло с совиной почтой, — на её лице не было ни ужаса, ни страха — вообще ничего. Это была белая маска.

Гарри развернул газету, и ему сразу бросилась в глаза набранная крупным шрифтом шапка:

Смерть министра Магии.

Весь волшебный мир потрясён известием, что утром 12 августа жена министра Магии мистера Корнелиуса Фуджа миссис Аугуста Фудж, войдя в кабинет своего мужа, обнаружила его мёртвым. Все обстоятельства указывают на самоубийство: предсмертная записка, палочка — орудие самоубийства (из достоверных источников известно, что речь идет о Непростительном Заклятии); наложенные на дом охранные заклятия исключают возможность проникновения в дом посторонних. Миссис Фудж сообщает, что в последнее время муж был сильно угнетён и подавлен.

Всем известно, что слухи о возрождении Того-Кого-Нельзя-Называть, муссируемые в последнее время, вызвали крайне отрицательное отношение покойного министра, од-

нако, судя по его предсмертному письму и по последним событиям, происходящим в нашей стране, они были более чем не лишены оснований. Нашим специальным корреспондентом удалось узнать что, в записке покойный министр полностью признаёт свою вину за недальновидность и упущенное время и сообщает, что подобный груз непосилен для него. Это событие выплыло на поверхность только сейчас, спустя несколько дней, после того, как молниеносные точечные атаки Пожирателей Смерти разобили деятельность магических подразделений, и страна оказалась на грани хаоса и кризиса.

В верхних эшелонах власти начался раскол: часть высокопоставленных персон (возглавляемая Люциусом Малфоем) предлагает заключить некий мирный пакт, мотивируя это тем, что таким образом волшебная общественность выиграет время и сумеет оттянуть приближающееся открытое противостояние.

Оппоненты, коих представляют такие известные волшебники, как возглавляющий Гильдию Авроров Дэниэл Хаммер, а также назначенный временным исполняющим обязанности министра Магии директор школы Чародейства и Волшебства Хогвартс Альбус Дамблдор категорически против подписания любых договоров с представителями Того...

Гарри опустил газету и невидящим взглядом уставился в окно.

Началось...

— Гарри, ты посмотри, там, на второй странице — там снимки...нападению подверглись дома некоторых волшебников... Может, и Нора тоже... В маггловских городах — взрывы и теракты... Погибли люди... Мне страшно...

Он поднял глаза и испугался: он никогда не видел её такой — бледное растерянное лицо, трясущиеся губы, стоящие в глазах слёзы. Гермиона попыталась взять себя в руки и прикусила губу, у неё вырвался какой-то булькающий звук, и она стиснула горло руками, словно пыталась удержать рыдания.

Он смотрел на девушку, испытывая какое-то странное чувство: он и боялся, и не боялся, по телу бегали мурашки, однако источником их был не страх. Он подошёл к ней, приподнял к себе её лицо и вытер со щёк слёзы.

— Не плачь, — серьёзно сказал он. — Не надо плакать. Это война, и мы должны быть сильными. И не должны бояться — они только этого и ждут.

Она послушно кивнула и ткнулась ему в грудь головой. И он вдруг увидел, что она — умная, находчивая, никогда не терявшая присутствия духа, — что она хрупкая и беззащитная; ему безумно захотелось защитить её, спрятать от всех напастей и ужасов. Он обхватил её руками, как птица, защищающая крыльями птенца и, подняв голову, взглянул в окно, где по-прежнему лучезарно сиял беспечный летний день.

Не прошло и часа, как они вернулись с Янтры. Но это было уже словно в другой жизни.

— Мы не должны бояться, — как заклинание, повторил он, сам не зная, кого хочет в этом убедить.

Глава девятая, повествующая о страшных подозрениях, ссорах, отчаянии и ночных полётах.

Засыпая, Гарри снова и снова прокручивал в голове минувший день, распавшийся на две половины, — как на две жизни: счастливое влюблённое утро с первыми поцелуями и ураганом нежности, едва не снёсшим напрочь весь его разум и остатки самообладания; беспечный солнечный день... И — как рубеж — выпуск Пророка и Гермиона, хлюпающая носом в его футболку.

Потом, когда прошёл первый шок, всё стало почти по-прежнему — неспешный обед, где новости обсуждались взрослыми, — Гарри едва ли понимал пару слов, однако по неторопливой плавной речи и царившему за столом спокойствию у него создавалось ощущение, что, в общем и целом, всё под контролем; что Дамблдор, с его мо-

щью и силой, сумеет удержать страну от катастрофы и всё наладить, — случались времена и похуже. С высоты своих пятнадцати лет Гарри было очень трудно осознать всю грандиозность и непоправимость случившегося, особенно тут, где палило солнце и улыбались люди, где безмятежно-лениво плыли по небу упругие пушистые облака и негромко журчали источники в тенистом саду... Разум упирался и не хотел принять, что в родной стране снова звучали Непростительные Заклятья и замертво падали волшебники и волшебницы, сражённые безжалостным “Авада Кедавра”...

Однако понимание опускалось на него — как медленно, но неумолимо наползает на сияющее голубое небо серая и мрачная грозовая туча. Грома ещё не было слышно, лишь отдалённые всполохи молний предвещали беду, однако всё вокруг уже замерло и затихло в преддверии грядущей катастрофы, и успокоительные фразы и улыбки Крумов казались ему прощальными лучами обречённого бурей солнца.

Отложив все уроки, днём Гарри занялся письмами — Рону в Нору, Сириусу... Он хотел написать Дамблдору, но отказался от этой мысли, так и не решив, что же писать и нужно ли и вместо этого шмыгнул в библиотеку и несколько часов прокорпел, конспектируя вытащенное из Запретной секции “Развёрнутое практическое приложение к учебнику по боевой магии для ФПК Авроров”. Тренироваться и отрабатывать боевые заклинания на месте он побоялся, памятуя о том, что с первого раза у него нечасто что-либо выходило, однако боевой дух поднялся настолько, что Гарри пришёл на ужин, выправившись и расправив плечи, чувствуя, как воображаемый меч бьёт по ноге, а воображаемый арбалет оттягивает плечо.

За ужином все старательно вели посторонние разговоры, мило улыбались и, если бы не повисавшие красноречивые паузы и тревожные взгляды, всё выглядело бы вполне обыденно.

Треволнения минувшего дня не прошли даром и для Гермионы — вечером она отказалась от прогулки в лежащую рядом с замком волшебную деревушку, где обещалось какое-то невероятное народное гулянье с угощением и танцами на раскалённых углях, и, сославшись на усталость и желание почитать, осталась у себя. Так что роль послушного и вежливого туриста, мысленно скрипящего зубами от волнения, тревоги и желания побыть рядом с ней, пришлось исполнять одному Гарри.

Вернувшись, он, едва волоча ноги от усталости, полный надежд и осознания их беспочвенности, отправился в тёмный сад, с трудом нашёл их тайный утренний уголок и присел на скамью, прохладную и влажную от выпавшей росы.

Бездонное бархатное небо казалось чёрной истыканной серебристыми булавками звёзд мантией огромного древнего колдуна. Над головой торжественно шуршали листья, в ушах звенело от пронзительного стрекотанья каких-то насекомых.

Он ни о чём не думал, ни о чём не мечтал, никого не ждал. Он просто сидел, подтянув колени к подбородку, и впитывал остатки тепла, лета — остатки детства.

Потом поднялся, рассеянно сорвав по пути какой-то благоухающий ночной цветок, вернулся обратно и подошёл к её двери — за ней было тихо и темно. Она спала...

Вздыхнув, наложил на цветок Заклятье *Aquaticus*, зацепил его за дверную ручку и отправился спать, безмерно благодарный Младену за то, что тот, в кои-то веки, решил не донимать его ночными беседами и расспросами.

Гарри проснулся посреди ночи, злой, голодный и с больной головой. Что и не удивительно: ему во всех подробностях приснился ужин, во время которого он мрачно и устало копался вилок в своей тарелке, с подозрением и тревогой косясь на негромко беседующих на другом конце стола Крума и Гермиону. Ему в собеседницы досталась едва понимающая по-английски сестра Крума, кажется, Душана, которая сразу же взяла бразды правления в свои руки и заботливо, словно пытаясь отвлечь его от траурных мыслей и тревожных новостей, навалила ему на тарелку целые горы

еды, на уничтожение которой потребовалась бы, как минимум, парочка голодных горных троллей. Гарри даже начал послушно есть — но ровно до той секунды, когда Крум, улыбнувшись, не начал чем-то угощать Гермиону. Со своей вилки.

Ненавижу национальную болгарскую кухню, — отчётливо осознал Гарри. — Почему бы им было не подать ростбиф. Или цыплёнка. Или вообще, — всё равно что, с чем бы она сама прекрасно справилась...

Потом беседа с гастрономической перекочевала в их любимое русло — они заговорили о магии, о науке, о применении фундаментальных исследований в практических целях — в аспекте грядущих тревожных событий — и Гарри не впервые пожалел, что не так захвачен всеми этими нюансами трансфигурации и зельеварения. Сейчас бы тоже принимал участие в беседе, а не сидел таким вот болваном...

Словом, упал духом, голода не утолил, да ещё вот и проснулся ни с того ни с сего. Определённо — хотелось есть. В воздухе отчётливо пахло бифштексами. С этим бесконечным остро-сладким соусом (*интересно, а к десерту они его тоже подают?*). Стрелки на часах-снитче, помахивающем серебристыми крылышками, показывали второй час ночи. В животе громко забурчало.

Гарри обречённо вздохнул, встал и выглянул в коридор — одеваться было лень, вряд ли кого понесёт гулять в такую пору, так что вниз по лестнице до гостиной можно было бы вполне пробежаться в пижаме. Там, на столике у окна, всегда заботливо стояли фрукты и печенье. Конечно, можно было попросить сделать это спехов...

Гарри покосился на бронзовый колокольчик на прикроватной тумбочке, но тут же отказался от этой идеи: болгарские спехи — не эльфы, по-английски не понимали, а заниматься пантомимой, пытаясь объяснить, чего же ему понадобилось посреди ночи, он был не в настроении. Кроме того, вероятность получить желаемое всё равно была не так уж и велика: в последний раз вместо яблок ему принесли целую тарелку помидоров, а через полчаса после того, как он попытался объяснить, что ему нужны новые орлиные перья, в комнату постучался вежливый и слегка встревоженный доктор.

Стараясь не шуметь и не споткнуться, Гарри спустился в гостиную, тут же наполнившуюся слабым тёплым светом: так и есть, ваза с фруктами стояла именно там, где рисовало её голодное воображение. Гарри набил рот виноградом, сунул в карманы пару яблок, жадно вгрызся в грушу, попутно закусывая её печеньем, но тут в коридоре раздались приглушённые мягким ковром шаги, усталые тихие голоса, и он раненой птицей задёргался на месте.

Сюда — не сюда, чёрт его знает, а он тут стоит, как бедный родственник, с полными руками, карманами и ртом (*хорошо ещё, что не штанами*). Гарри шмыгнул за скользкую тяжёлую штору, вздрогнув от холодного, словно мокрого, прикосновения, едва удержался, чтобы не чихнуть от пыли, и затаился.

Дверь открылась, и вошли... ну, конечно же... я так и знал... значит, она не спала... где они были?.. что они делали?.. — мысли стаей вспугнутых птиц заметались у него в голове, а кусок намертво застрял где-то на полпути к враз окаменевшему желудку.

— Хочешь что-нибудь? Я бы предложил тебе вина, но боюсь, английские законы это не одобряют, — невесело улыбнулся Крум.

...А уж я-то как не одобряю...

— Виктор, налей мне сока, пожалуйста. В библиотеке было так душно... Даже голова гудит...

— Всё потому, что ты горбишься, когда пишешь, вот у тебя шея и устает... Держи. Давай-ка я тебе её помассирую...

...Я его убью. Прямо сейчас.

— Да нет, ничего, Виктор... Не надо.

— Голова пройдёт. Я тебе обещаю, — настойчиво повторил он.

Гермиона, колебавшись, всё же опустила голову, убрала с шеи волосы и отогнула воротник.

...и её тоже.

Гарри стоял и, чувствуя, что покрывается испариной, заворожёно смотрел, как узловатые длинные пальцы Крума сильно, но осторожно прикасаются к её коже, как она устало прикрыла и потёрла глаза, слабо заулыбавшись, как он смотрел на неё — сейчас, когда он думал, что его никто не видит, его взгляд снова наполнился таким жгучим желанием и тоской, что Гарри передёрнуло. Нет, он, конечно, уже был достаточно большим мальчиком, чтобы точно знать, что испытывает мужчина, прикасаясь к *(моей!!!)* любимой *(нет, точно убью!)* девушке, но никогда не думал, что увидит это так близко. И что это выглядит так откровенно.

Однако голос Крума оставался всё таким же непринуждённым и ровным.

— Ну, так лучше?

— Да-да, спасибо, всё в порядке, думаю, не надо продолжать... — чуть напряжённо ответила она. — Просто я ужасно устала сегодня... Такой ужасный день... Такие ужасные новости...

Почему, ну почему я не взял палочку? Шарахнуть бы его сейчас каким-нибудь парализующим заклятьем. Или напустить на него чесотку... — и Гарри в бессильной ярости вцепился в тяжёлую скользкую ткань.

* * *

Сам не могу понять, почему я тогда не смог удержаться: я осознавал, что снова поступаю опрометчиво, что могу её напугать и оттолкнуть — навсегда оттолкнуть от себя — однако, тепло и нежность её кожи под моими пальцами были так осязаемы, так зовущи, что я поцеловал её в нежный доверчивый изгиб, прикоснулся губами к мочке уха, провёл кончиком языка вдоль трогательных шишечек позвоночника... Она вздрогнула, напряжённо отстранилась — не думаю, что от нежелания, надеюсь, от неожиданности — и повернула ко мне голову:

— Виктор, я уже просила тебя... — брови её сдвинулись, но не успела она договорить, как раздался дикий грохот, гардина рухнула, и перед нами свалившимся сквозь каминную трубу чердачным котом — злой, взъерошенный, босой, в пижаме с оттопыренными карманами и надкусанной грушей в руке — предстал Гарри Поттер.

Воистину — с таким соперником мне ничего не нужно делать, просто сиди и жди, когда он сам поставит себя в ещё более идиотское положение. Если такое, вообще, возможно, в чём я, глядя на его разъярённое лицо и нелепый вид, здорово сомневался.

— Добрый вечер, Гарри. Ты там что-то потерял?

...Мозги и давно... Да, парень, не повезло тебе...

...Это ты сейчас у меня кое-что потеряешь...

...Боже, что я наделала!..

По-моему, Гермиона по достоинству оценила весь идиотизм этой ситуации — она ахнула, всплеснула руками и выбежала из гостиной. Я слышал, как её каблучки простучали по лестнице, хлопнула дверь...

* * *

Что-то нечленораздельно промывав, споткнувшись и выпутавшись из шторы, Гарри рванул наверх.

Больше всего на свете ему хотелось что-нибудь сломать. Нечто подобное он уже испытывал во время достопамятного приезда тётушки Мардж — ворвавшись в ком-

нату, он взбешённо лягнул чемодан (тот с грохотом въехал под кровать) и с каким-то сладострастьем оторвал мерзкие дёргающиеся крылышки у часов (те обиженно пискнули и остановились). С какой завистью Гарри вспомнил, как Рон растерзал игрушечную фигурку Крума... Определённо — ему бы сейчас одной не хватило.

Превратив подушку в большого бровастого медведя (конечно, резиновый Крум для битья подошёл бы лучше, но знаний по трансфигурации явно было маловато и, как следует отведя на нём душу, Гарри плюхнулся на кровать.

Он пытался спать, просто лежать, сидеть, ходить — бесполезно: кровать превратилась в ящик с раскалёнными гвоздями, стул — в орудие пытки, пол жёг, в груди вошёл клубок змей... Он сам так до конца не понял, как, а главное — зачем — очутился у комнаты Гермионы.

В коридор сквозь неплотно прикрытую дверь пробивался лучик света, он стукнул и вошёл, не дожидаясь приглашения.

На столе громоздились книги, под потолком реяли свечи... Гермиона сидела, уронив голову на сложенные руки с зажатым в кулаке принесённым им цветком. Услышав шум, она выпрямилась, и подозрительно поблёскивающие глаза расширились и потемнели от удивления:

— Гарри?.. — она прикусила губу и как-то некстати хлюпнула носом.

...Какая я идиотка. Что сейчас будет?..

— А ты кого ждала? — слова сами рвались с языка, он не мог, да и не хотел сдерживать раздражение и презрение в голосе.

Она дёрнулась, словно, он её ударил.

— Я никого не ждала — и тебя тоже. Что ещё случилось?

— А ты, значит, не знаешь? Ты... Вы...чем вы там занимались? Он... Ты с ним... Я думал, ты и я... мы... после того, что было... — Гарри осёкся, просто стоял и тыкал в её сторону дрожащим от напряжения пальцем.

— Слушай, Гарри, немедленно прекрати! Всё совсем не так! — она с каким-то умоляющим негодованием всплеснула руками, но он не дал ей продолжить.

— О да! Словно я ничего не видел! — Гарри чувствовал, как у него сжимаются кулаки, его захлестнула волна боли и ярости, перед глазами снова появилась эта картинка — медленно склоняющийся и касающийся её шеи своими мерзкими слюнявыми губищами Крум! — *но почему, почему я всё понял только теперь! Значит, она меня обманывала... И всё это было неправдой... И она с ним...* — Я все знаю: ты... ты просто использовала меня! Тебя бы не отпустили одну! Ты пригласила меня только ради того, чтобы прикрыться, как щитом, от родителей, и в это время с ним... Сейчас, когда у нас дома... Наши друзья, возможно... Предательница! — Гарри сам не понимал, откуда в его руке взялась палочка — вроде бы ещё секунду назад она была у него в кармане.

— Что?! Ты просто сошёл с ума! Как ты смеешь такое мне говорить?! Как ты смеешь меня в таком подозревать?! В школе Рон изводил меня своими кошмарными подозрениями, а теперь ты за мной следишь! Это, вообще-то, не твоё дело, но у меня с Виктором ничего нет. И, вообще, — Виктор тут совершенно не при чём!.. — чувство вины испарилось, Гермиона вспыхнула, вскочила со стула и теперь, стиснув свою волшебную палочку, стояла перед ним, яростно сверкая глазами и переполняясь гневом и отчаянием. С кончиков палочек уже сыпались разноцветные красно-оранжевые искры, наполняя комнату неуместным праздничным светом, наводящим на мысли о Рождестве. — Ну, так чем мы с ним занимались — скажи! Ну, скажи это, скажи! Что — не можешь?.. Тогда я тебе помогу.

И она, размахнувшись, влепила ему свободной рукой сочную и звонкую пощёчину.

...Боже, он второй человек в моей жизни, на которого я подняла руку. Притом, что

он совершенно прав, и я... и я его...

Повисла гробовая тишина, на щеке Гарри медленно проявлялся отпечаток пятерни. Гермiona в совершеннейшем ужасе от содеянного стояла и отстранённо наблюдала, как он поднял палочку (*сейчас превратит меня в слизняка*), сжал кулаки (*скорее всего, просто прибьет*), разжал их (*нет, наверное, задушит*), шагнул к ней (*ой, всё!* — зажмурилась и сжалась в комочек)... Она услышала его шумный прерывистый вздох, почувствовала, как его руки — сейчас какие-то незнакомые и неожиданно сильные — стиснули с такой силой, что она жалобно пискнула и выронила палочку, глухо стукнувшуюся об пол.

Он сжал её плечи и встряхнул, словно, старый половичок. Она съёжилась...

И вдруг всё пропало: лишь неровный топот шагов, какой-то удар, невнятное чертыханье, стук двери — и тишина.

Она открыла глаза — в комнате было пусто, на полу валялся сломанный и растоптанный цветок.

* * *

Гарри рванулся к двери и, не вписавшись в проём, едва не вынес в коридор пол-стены. Ослепнув от горечи и ярости, он понёсся к своей комнате, гроыхнул дверью и сразу же метнулся к чулану. Но гладкое прикосновение тёплой деревянной рукоятки метлы не принесло желанной радости и успокоения.

Не потрудившись выбраться из замка, Гарри оттолкнулся от пола и вылетел наружу прямо через распахнутое окно, столкнув коленом с подоконника серебряный кувшин, гулко загрохотавший о камни под окном.

Предательница, предательница, — стучало у него в голове в унисон с биением сердца.

Он поднимался всё выше и выше, пока ему не показалось, что со всех сторон — и снизу тоже — его окружает только небо, густая темнота, истыканная крупными — с грецкий орех — звёздами. Его охватила зябкая прохлада, ветер свистел в ушах и нырял в рукава пижамы, задирая их до плеч и холодя горящее и разрывающееся от эмоций тело.

Глаза щипало, грудь распирало, словно, внутри вспухал вулкан, — Гарри метался в ночи, кувыркаясь, входя в штопор и выныривая у самой земли, закладывая немислимые петли, пока не почувствовал, что в душе начинает разрастаться мрачная, но упоительная радость — радость отчаяния, тёмная радость неведомой, неизбежной битвы, ощущение непонятного всемогущества.

Он старался не думать ни о чём, но не получалось — мысли чёрным водоворотом кружились и кружились у него в голове. Он сейчас боялся самого себя, боялся — и не узнавал: никогда ещё такая ярость не охватывала его по отношению к людям.

Он ненавидел Вольдеморта — единственного в мире, даже предатель Петтигрю не вызывал у него ненависти, лишь брезгливость и презрение. И вдруг эти же знакомые ощущения появились в нём при взгляде на ту, кому ещё утром он едва не признался в любви, словно Пандора распахнула свой ящик, выпустив оттуда всех тёмных демонов человеческой души.

Щека горела так, будто к ней прикоснулись не ладонью, а раскалённым утюгом, будто с половины лица ободрали кожу. Невероятным усилием воли он остановил в себе растущий вал ревнивой ярости.

Она ни в чём не виновата. Я сам позволил обмануть себя, водить себя за нос, как глупого бычка на верёвочке...

Гарри выравнивал метлу над самой рекой, чиркнув по поверхности воды босыми ногами. Брызги рассыпались серебристыми каплями, звонко разбившись о тут же остекленевшую под лунной реку — но он уже не слышал, он снова нёсся вверх, задыха-

ясь от рвущегося в легкие ветра.

Надо просто всё забыть, всё выбросить, — приказал он себе. — Сейчас есть вещи и поважнее глупых страданий и дурацкой ревности. Если она так поступила, значит, сделала свой выбор... предательница...

Он взмыл вертикально вверх и, закрыв глаза, словно, крошечная тьма могла помочь ему, мысленно распахнул свою душу и выпустил наружу солнечные картинки — все поцелуи, прикосновения, слова, шорох листьев — отпустил на волю золотых рыбок счастья, запутавшихся в сети его памяти... Они сверкающими каплями падали вниз, в бездонную бархатную черноту — он старался не приглядываться и не прислушиваться, не вспоминать подробностей, боясь, что тогда не сможет справиться с собой и не сумеет навсегда расстаться с ними.

Постепенно становилось легче. С каждой этой каплей уходили и боль, и обида.

Он научился этому давно — ещё когда жил в чулане, и каждый вечер захлопывал дверь сознания перед унылой безысходностью грядущего и ужасом прожитого дня. Это был единственный способ не свихнуться от воспоминаний об унижениях, тычках, затрецинах и щипках и не сойти с ума при мысли, что завтра, послезавтра — день за днём — ничего не будет меняться.

Заложив вслепую крутой вираж, Гарри открыл глаза и вздохнул с ощущением, будто с груди упал огромный валун, не дававший дышать.

Летние ночи коротки — восток побледнел, и чёрную темноту сменила странная, тусклая серость, обращающая всё вокруг в безжизненный апокалиптический пейзаж. Замок внизу казался разломанным зубом, воткнувшимся в небо острые прогнившие осколки-башни.

Испытывая странное чувство, напоминающее (между нами говоря) похмелье (с коим Гарри по причине своей юности ещё не был знаком), он вернулся в своё с трудом найденное окно — помог тускло поблёскивающий на камнях помятым серебряным боком кувшин, слез с метлы и охнул, едва удержавшись на ногах: колени тряслись, всё тело ломило, скрюченные пальцы не разгибались, а голова гудела, словно колокол. Он чувствовал себя деревянной марионеткой в руках неумелого кукловода. В три захода доплетаясь до стоящей в метре от окна кровати, он плюхнулся на мягко просевшее под ним ложе, внезапно ощутив, что боль в мышцах стала куда сильнее боли в душе — хотя это и казалось невозможным.

Итак, на повестке у нас самое главное на сегодня, — словно, читая самому себе лекцию, мысленно произнёс Гарри. — Первое: выучить какие-нибудь боевые аврорские заклятья. Второе — закончить эссе по Зельям. Благо, на это есть ещё два дня.

Он представил предстоящие завтраки, обеды и ужины за общим столом в обеденном зале с Крумом и Гермионой... — его буквально скрутило от стыда, раздражения и боли.

Как-нибудь переберусь... не впервой, — и Гарри с куда большим вниманием взглянул на запылившийся колокольчик. — Придется познакомиться со спехами поближе... На помидорах тоже можно протянуть.

Сон не шёл, видимо, его время уже кончилось. Гарри лежал, глядя в потолок с ощущением, будто в глаза сыпанули по горсти песка — веки болели от недосыпа, глаза распухли и казались натёртыми до крови резким ночным ветром.

Из раскрытого окна донеслись какие-то утренние звуки — еле слышный, далёкий крик петуха, разрезавший звенящую рассветную тишину, чьи-то лёгкие торопливые шаги по гулко откликнувшимся камням, скрип дверей... Небо заголубело, тусклые серые облачка стали розово-белыми от первых лучей солнца, навевая неожиданные кулинарные ассоциации.

Гарри заворочался, в одеяле что-то зашуршало. Или ему показалось? Подрыгав

для верности ногой, он убедился, что со слухом у него всё в порядке — действительно, газета, принесённая днём Гермионой, затесалась незамеченной к нему в постель.

“...точечные атаки... категорически против... Несмотря на напряжённую обстановку, учебные заведения будут функционировать в своём обычном режиме. Официальные представители заверили наших корреспондентов в том, что в Хогвартсе предприняты дополнительные меры безопасности, так что родители — да и все мы — можем не волноваться за жизни и здоровье наших детей...” — сон, словно, ждал момента, когда Гарри, махнув на него рукой, решит скоротать время до... а впрочем, какая ему теперь разница — всё равно к завтраку он не пойдёт (Гарри поклялся себе в этой самой отчаянной клятвой) — и тут же дрёма брызнула клеем в глаза, поднять веки теперь было просто невозможно...

Не в силах даже поудобнее устроиться на кровати, зевая с риском вывихнуть челюсть, Гарри с третьей попытки дрожащей рукой снял очки — и сквозь смежающиеся веки увидел Младена.

Такого безудержного любопытства и нахального веселья Гарри доселе не доводилось наблюдать даже на лицах живых людей, не говоря уже о призраках.

Однако чаша терпения на сегодня была не просто полна — она была уже с горкой.

А потому Гарри, не говоря ни слова, угрюмо и решительно потянулся за палочкой, плохо представляя, каким проклятьем он “приложит” Младена, — но этого и не потребовалось: сделав умиротворяющий взмах рукой, тот покорно просочился сквозь стену с видом кошки, сладкий кусок у которой был выдернут прямо из зубов.

Палочка застучала об пол — Гарри провалился в сон.

Глава десятая, в которой дождливым днём Гарри практикуется в боевой магии и говорит стихами, а также приводятся слова призрака, чрезвычайно его озадачившие.

День встретил Гарри раскатами грома и монотонным шелестом дождя. Вставать не хотелось — всё болело так, словно на нём всей школой тренировали заклятье Ступефай. И, возможно, не один день.

Впрочем, даже если бы он чувствовал себя как-то иначе, желания вылезать из кровати всё равно не было. День ничего хорошего не сулил — и, словно в подтверждение этой мысли, опять сверкнула молния, прогрехотал гром; дождь, заброшенный порывом ветра на подоконник, звучно пробарабанил по помятому серебряному кувшину.

Гарри мрачно взглянул на него, перевёл глаза на стол — и у него засосало под ложечкой: в вазе красовались фрукты и печенье, под белоснежной, вышитой красным крестиком салфеточкой что-то стояло. Похоже, завтрак.

Даже не пытаясь думать, зачем, почему и кто распорядился доставить это к нему в комнату, Гарри поплёлся в ванную. Кривясь от ноющей боли во всём теле, вяло плеснул в лицо водой и, облокотившись на раковину, с отвращением уставился на себя в зеркало.

Признаться, он делал это нечасто: во-первых, считал это не самым мужественным занятием на свете (конечно, формулировал он это не так, однако суть-то от этого не менялась), во-вторых, бриться ему было ещё рано (что его не то чтобы сильно печалило, но уже начинало слегка волновать), а для чего ещё нужны зеркала, он не знал.

— Э-эх, дурень... — пробормотал он своему лохматому отражению с синими кругами под глазами и унылым выражением лица. Потом подумал и показал язык. Это

не помогло — веселее не стало, более того, он почему-то почувствовал себя оскорблённым. И даже разозлился. Особенно, когда зеркало насмешливо фыркнуло в ответ. Вылив на голову пригоршню воды, не слишком-то успешно попытался примять и хоть как-то пригладить спутанные ночным ветром волосы, делавшие его похожим на какого-то диковинного дикобраза, и вернулся в комнату.

Мысль о том, что придётся провести в ней безвылазно оставшиеся дни, неожиданно навеяла на него тоску. Он уныло взглянул на лужу, лениво перетекавшую с подоконника на пол, на аккуратно заправленную спехами за время его утреннего туалета кровать, на окно, за которым серая пелена дождя казалась плотной непроницаемой стеной, — и едва не взвыл. От предательской мысли, что Гермiona с Крумом сейчас сидят в библиотеке около уютно потрескивающего камина за очередным трактатом, беседуют о чём-то интересном или, может... — о нет, от этой мысли Гарри даже затошнило.

Хотя, возможно, это было от голода.

Он принялся за завтрак, сначала едва ли ощущая вкус того, что ел, но постепенно всё с большим интересом и вниманием относясь к заботливо приготовленной для него трапезе. Составив поднос на пол (через несколько минут его уже не оказалось на прежнем месте), Гарри задумчиво взглянул на учебники... и решительно тряхнул головой.

Спустя пару часов он с наслаждением потянулся, слыша, как скрипят и трещат затёкшие мышцы и косточки, и отложил в сторону перо.

Трактат по Зельеварению особенно удался: помимо тринадцати основных способов применения змеиного яда для идентификации и нейтрализации негативных магических субстанций, Гарри, порывшись в книгах, обнаружил ещё три, причем получал ни с чем не сравнимое удовольствие, иллюстрируя это подробными описаниями и комментариями, каждый раз представляя себе на месте объекта проведённых исследований Крума.

Ну, если Снейп и в этот раз не будет доволен... (Забегая вперёд — Снейп был доволен. Но не сумел наступить на горло собственной песне, сначала дав Гриффиндору десять очков за лучшую летнюю работу, а потом сняв двадцать за истощный вопль Невилла, усевшегося на подложенные Дином Томасом на стул бараньи глаза. Так что урок кончился традиционными минус десятью очками с Гриффиндора).

Гарри поднялся и, подойдя к окну, свесился через подоконник, подставив голову прохладному дождю. Пахло свежестью, мокрой травой, водой. Камни под окном глянцево блестели.

По-собачьи помотав головой, отряхиваясь от воды, Гарри вернулся к столу. От долгого сиденья и ночных полётов всё болело, от книг трещала голова, ещё не полностью разогнувшиеся после вчерашнего пальцы больше не могли удерживать перо... Он вздохнул и решительно позвонил в колокольчик.

Спустя полчаса, воровато прокравшись мимо двери Гермiony, он уже шагал по коридору к полуразрушенной башне, обнаруженной в один из первых дней, когда он случайно заблудился в замке. За спиной упруго покачивалась набитая помидорами футболка, превращённая, за неимением лучшего, в мешок.

Башня встретила его негромкой каплей сквозь прохудившуюся крышу, воркованием голубей и приглушённым стуком дождя по черепице. Битые камни и скорлупа от птичьих яиц, щепки и какой-то железный хлам — именно то, что нужно. Во всяком случае, ни одна живая душа точно сюда не потащится. Особенно в такую погоду.

Аккуратно разложив помидоры рядом на прогнившем бревне, Гарри вытащил из-за пазухи свой вчерашний конспект и ещё раз внимательно его изучил.

— Итак, Заклятье *Explosio* или Взрывающее... Указать на объект, потом резкое дви-

жение кистью вверх и вправо... Так-так... Explosio!

Гарри был потрясён тем, что у него получилось с первого раза и, главное, КАК это получилось — до сих пор заклинания не были его сильной стороной и требовали многочасовых тренировок. Даже глядя на то, что случилось с помидором, он почувствовал себя не очень хорошо. Однако мальчишеский гонор и природное любопытство не дали остановиться на достигнутом — через час помидоры почти кончились, зато стены, пол, бревно и сам Гарри были щедро политы томатным соком и заляпаны красной мякотью, навевающей пугающие мысли о кровавых жертвоприношениях. За Взрывающим заклятьем последовало Измельчающее, Режущее — словом, Гарри почувствовал, что день не потрачен впустую. Покончив с тремя последними обречёнными на заклятие овощами тремя уверенными взмахами палочки, он с чувством мрачного удовлетворения протёр очки и как следует вытерся опустевшей футболкой. С непривычки он чувствовал себя совершенно измотанным.

Следующая задача оказалась куда труднее: то ли Гарри плохо законспектировал, то ли что-то упустил, то ли просто так устал, что был не в силах сосредоточиться — а может, и замахнулся на слишком сложное для себя — но защитная оболочка никак не хотела получаться. Судя по условиям использования, она должна была предохранить от некоторых проклятий, а также препятствовать повреждениям при столкновении физических тел друг с другом. У Гарри же не получалось ничего крупнее и прочнее мыльного пузыря, лопавшегося даже от слишком сильного дыхания.

— О, смертное дитя, зачем пришёл ты? Зачем нарушил грёзы ты мои?

Он неожиданно раздавшегося заунывного тихого голоса прямо над ухом Гарри едва не выпрыгнул из собственных штанов.

Воистину, страх изменяет границы человеческих возможностей, — осознал он, очутившись в следующий миг метрах в трёх с палочкой наизготовку напротив уныло колышущегося в воздухе полупрозрачного призрака в длинном платье и увядшем венке. Длинные дымно-белёсые косы спадали почти до пояса. На лице девушки застыло страдальческое выражение — что-то в ней неуловимо напомнило Гарри Плаксу Миртл. Однако эта — определённо — была куда симпатичнее.

— Я... Извините... — Гарри обвёл глазами башню и впервые осознал, во что он превратил и без того не самое привлекательное помещение. Всё было забрызгано настолько, что на ум приходила мысль, что тут совсем недавно прирезали стадо свиней. — Я потом уберу... Простите... Я не знал, что тут кто-то есть...

— Покоя нет нигде мне в этом замке... Я счастлива была бы в тихом месте предаться созерцанию и мечтам. Но мне не суждено уединенье, лишь только в грёзы окунусь свои — о вечности, о суете мирской — как снова юнец назойливый шумит и суетится... К чему все эти возгласы и крики?

Гарри молчал, не зная, что сказать, от завываний на него нашла оторопь, и он мысленно попросил призрака убраться куда-нибудь подальше. Однако прозрачная дева, видимо, была не прочь пообщаться, коль скоро её уединение всё равно было нарушено самым бесцеремонным образом. Она сделала более благосклонное выражение лица и взглянула на Гарри полными печального любопытства глазами.

— Что привело тебя сюда, о, юный рыцарь?

— Я... я искал тихое место, где можно было бы попрактиковаться в боевых заклятиях... на улице дождь. Я как-то был здесь и подумал, что тут никого нет, и я никому не помешаю, — сбивчиво забормотал Гарри. И, подумав, снова прибавил, — извините. А вы... — порывшись в памяти, он вспомнил какие-то обрывки из рассказа Младена. — Это ведь Солнечная башня, да? И вы — Лукреция?

Девушка просветлела и с достоинством сделала что-то вроде реверанса. Ей явно польстило, что Гарри назвал её по имени.

— О да, мой юный друг... — от всех этих эпитетов — “юнец”, “смертное дитя”, “юный рыцарь” — Гарри уже начал раздражаться: девица вряд ли была много старше его самого. Ну, если, конечно, считать прожитые ею годы... Вздохнув, он решил, что, пожалуй, не стоит акцентировать на этом внимание. — Скажи мне, мальчик милый, к чему тебе вся эта суета? Волшебники, победы, поражения... Есть только свет и тьма, они — внутри тебя. И не помогут палочкой махания, и не помогут ненависть и гнев... От скверны лучше помыслы очисти, пойми, что жизнь — пустая трата дней, не придавай ей важного значения и не пытайся смысла ей придать...

— Но ведь война грядёт и битва уже близко! — возразил Гарри и мысленно чертыхнулся: от завываний Лукреции голова шла кругом, он сам не заметил, как его ответы тоже начали укладываться в размер.

— Все войны — суета, жизнь смысла лишена. Смерть, впрочем, тоже... Всё тщета, пустое — и битвы, что весь мир грозят обрушить, — о, сколько раз я видела всё это. Ты встанешь в строй — и рухнешь от проклятья, и не оставишь память о себе. Ты, милый смертный мальчик, станешь прахом, песчинкой — мир не вспомнит про тебя... И позабудет дату твоей смерти задолго до того, как, бездыханный, ты рухнешь наземь... Будет всё, как прежде — пройдут века, всё снова повторится: вновь зло воспрянет, снова грянет битва, и жертва твоя будет не нужна, пойми, малыш... Оставь же эти крики, и эти жесты глупые — оставь. Уединись в заброшенной пустыне, и осознай, что мир тебе не нужен... Ведь главное — ты сам...

— Нет, это всё неправда! Мир нужен мне, и если я могу...

— О, смертное дитя, что можешь знать ты? Что можешь ты? Ведь сотни лиц у зла — не сможешь устоять ты перед ними и защитить не сможешь никого... Зачем же делать вид, что ты всемогущ? Зачем бессмысленно пытаться устоять, зачем сопротивляться и бороться?

Гарри упрямо набычился. Но, в самом деле, — не спорить же с этой девицей. Уж если даже Младен за несколько веков не смог образумить её...

Она сделала несколько кругов по башне, снова зависла перед ним, сняла венок и, старательно расправив засохшие цветы, опять аккуратно приспособила его на голову.

— Поверь, теперь я знаю всё о смерти. О мести. Ярости. Любви. О сострадании. Считаешь, лишь живых снедают страсти — о нет, тому пример я яркий, ведь смерть для меня не стала избавлением — и призраки подвержены страстям, покоя нет для деви и за гробом... — Лукреция взмыла на пару футов вверх и зависла, молитвенно сложив руки. Было очень забавно смотреть, как сквозь неё идет дождь. Гарри даже захотелось поймать эти капельки: интересно, они холоднее остальных или нет?

— Это вы про Младена? — рассеянно поинтересовался юноша, прикидывая, как бы это сделать незаметнее.

— Ужасный, невоспитанный развратник! — определённо, будь она живой, она бы покраснела, Гарри увидел, как её щеки начали серебристо переливаться. — Мужчины — грязные убогие создания, от женщины им нужно лишь одно!

Перед глазами Гарри помимо его воли снова встала картинка Крума, целующего нежный изгиб шеи Гермiony, и он, скрепя сердце, мысленно согласился с нудной Лукрецией, испытал к ней даже что-то вроде сострадания.

— А как вы?.. — слова соскочили с губ быстрее, чем Гарри успел захлопнуть рот. Он отнюдь не был уверен, что все призраки так же любят разглагольствования о своей смерти, как Плакса Миртл или Почти-Безголовый-Ник.

— Как умерла я? — радостно подхватила она, и Гарри с облегчением перевёл дух. — Мужлан презренный к горлу нож приставил, чтоб крепость свою девичью сдала. Когда ж его отвергла непреклонно, замуровал меня он в комнате пустой, где дни свои

печальные скончала.

— Какой кошмар... — Гарри, словно между прочим, дотянулся-таки до капающего сквозь неё дождя. И правда, это скорее напоминало градины, нежели капли.

Надо же, как интересно...

— О да, кошмар ужасный, — подхватила Лукреция, в голосе которой зазвучали кокетливые нотки. — Девушка неприступна быть должна, я девственность свою ценила выше жизни... И выше жизни он ценил любовь — не получив её, меня он проклял страшно и вверх в бессмертье, смертью наградив...

Гарри смущённо кашлянул и снова завертел головой, с деланным вниманием разглядывая живописно украшенный им разор и запустение Солнечной башни.

— Пожалуй, я пойду...

— Как жаль... прощай, мой рыцарь... — скробно пропела дева и вдруг нырнула вниз, подлетев прямо к его лицу и заглянув в глаза своими полупрозрачными, как родниковая вода, очами. Гарри готов был поклясться, что в них мелькнуло что-то вроде сострадания. И насмешки. — Есть один урок, что вынесла из смерти я жестокой: одно и то же чувство может стать клинком отравленным иль крепкою бронёю... Убьёт тебя предательской рукой, иль защитит от смерти неминуемой...

И она бесшумно исчезла в полу, оставив Гарри в недоумении стоять посреди заляпанной помидорами башни, хлопая глазами.

Немного поразмышляв о последней фразе невинно убиенной Лукреции, он решительно взмахнул палочкой:

— Purgatio! — всё вокруг приобрело прежний заброшенный серый вид, кровавые останки помидоров бесследно исчезли. Дождик меланхолично постукивал о битую черепицу на полу, под крышей снова тихонько ворковали успокоившиеся голуби. — Servo involucrum! — ещё раз попробовал Гарри, и, ткнув пальцем разноцветный переливающийся пузырик, звонко лопнувший при прикосновении, отправился к себе.

Глава одиннадцатая, в которой весь мир ополчается против Гермионы, мечтающей провести последний вечер в замке спокойно.

Гермиона сидела за столом, в пятый раз перечитывая письмо от родителей и пытаясь не сойти с ума от разом рухнувшей на неё лавины новостей. Ужасных новостей.

Второе письмо, скреплённое печатью Хогвартса, она ещё не вскрыла, сразу определив, что там, скорее всего, традиционные указания по поводу начала нового учебного года. Теперь же оно и вовсе было позабыто, Гермиона сидела, тупо перечитывая строчки, написанные рукой отца и приписку, сделанную деловитым убористым почерком матери.

Глаза выхватывали из письма обрывки слов, отдельные строки, она мучительно пыталась свести их вместе, словно складывала — помимо своей воли — какую-то совершенно ужасающую мозаику, зная, что в тот момент, когда на место будет вставлен последний кусочек, картинка тут же оживет. И кошмар воплотится в жизнь.

*...слава Богу, что все остались живы и практически не пострадали... Чарли уже выпи-
сали из больницы...оправилась от нервного срыва... Всё выгорело дотла... нападения на-
улицах в волшебной части Лондона, как нам написал мистер Уизли... Дома высокопо-
ставленных чиновников... очень тревожно... Для вас сейчас самое безопасное место...
Дамблдор сам пришлет указания... (почерк матери) девочка моя, надеюсь, у вас с Гарри
всё хорошо — я рада, что он рядом с тобой в эти дни, на него можно положиться... Со-
виная почта работает с перебоями, говорят, что каминная сеть отключена... не знаем,
когда ты получишь это письмо... передай привет Гарри, мы волнуемся за вас... У нас всё*

хорошо, сейчас уже спокойно, полиция на всех углах...

Гермиона вздохнула и попробовала собраться с мыслями. Ей это плохо удалось: было страшно, было ужасно одиноко, она чувствовала себя совершенно незащищённой. Ведь раньше рядом всегда стояли друзья, и она ничего не боялась именно потому, что знала — они придут на помощь. И всегда была готова помочь им сама — по первому зову.

Она потянулась ко второму письму. Как ни странно, там было вовсе не уведомление о начале учебы, подписанное деканом факультета, профессором Макгонагалл. Это было письмо от Дамблдора, скреплённое его личной печатью с изображением феникса.

Мисс Грейнджер, вынужден Вам сообщить, что печальные события, произошедшие за время вашего с мистером Поттером отсутствия в стране, вынуждают меня по понятным причинам принять дополнительные меры безопасности относительно вашего возвращения.

Подробные инструкции переданы мистеру Круму, во всём полагайтесь на него, ничему не удивляйтесь и не задавайте лишних вопросов: всё делается с моего ведома и по моей просьбе.

Пользуясь случаем, напоминаю, что учебный год начнётся, как всегда, первого сентября: поезд в Хогвартс будет отправляться с платформы 9 и три четверти. О времени отправления вы будете извещены дополнительно.

Счастлив сообщить Вам о назначении старостой факультета Гриффиндор. Я был бы рад преподнести Вам нагрудный знак до начала учебного года, однако, с учётом текущих обстоятельств, Вы получите его уже в школе.

Директор Школы чародейства и волшебства Хогвартс профессор Альбус Дамблдор

Если бы ей кто-нибудь совсем недавно — каких-нибудь пару недель назад — сказал, что весть о назначении старостой оставит её равнодушной, более того, даже вызовет смутное раздражение, она бы просто рассмеялась. Или же здорово обеспокоилась за своё психическое здоровье. Но сейчас было именно так. Едва обратив внимание на эту приписку, она вытащила из ящика стола пергамент, макнула в чернила перо и задумчиво покусала кончик, пытаясь сообразить, что же и кому нужно написать.

Профессор, мы очень благодарны Вам за заботу и выполним все Ваши указания. У нас всё хорошо, причин для беспокойства нет.

Гермиона Грейнджер”.

Гермиона критически взглянула на письмо и осталась им крайне недовольна. Однако, как ни мучилась, ничего более пространный придумать не смогла. Письмо родителям было тоже не самым красноречивым: что она могла им написать, кроме того, что у неё всё хорошо и что причин для волнений нет, потому что директор обеспечивает их безопасность от момента отъезда отсюда до прибытия в школу, которая является самым безопасным местом на земле, потому что...

Она машинально писала буквы, мысленно выводя совсем другие строки: мне страшно и одиноко. Я поссорилась с Гарри, и мне от этого очень больно. Я не знаю, что происходит дома, мне страшно за моих родных и друзей... Я не знаю, что мне делать... Я не знаю, что со мной случилось... Я не знаю, что всех нас ждёт... Я не знаю... я не знаю... я не знаю...

Но это письмо, конечно, никогда не будет отослано, потому что нечего будет отправлять, — оно не будет даже написано, его некому писать: Гермиона всегда была девушкой сильной, привыкшей самостоятельно справляться с трудностями...

...с любовью, Гермиона.

Она поставила аккуратную точку, помахала письмом в воздухе, суша поблескиваю-

щие на пергаменте чернила, и решительно направилась вниз, чтобы попросить у Виктора сову — та, что прилетела, явно была не готова совершить столь дальнее путешествие немедленно.

Проходя мимо комнаты Гарри, девушка машинально прислушалась — но из-за двери не доносилось ни звука. Эти два дня она видела его только мельком — утром нескладная и непривычно вытянувшаяся за лето фигура в белой футболке и джинсах мелькнула в саду, потом они столкнулись в библиотеке; вчера под вечер, выглянув из окна, она увидела, как он спускался к реке, то пропадая в незаметных с такого расстояния овражках, то снова выныривая — уже едва узнаваемой точкой вдали.

Он не разговаривал с ней, ничем не показывал, что, вообще, её замечает. Сегодня вечером на ужине, когда они сидели напротив, через стол, он старался вести себя, как обычно — впрочем, это было несложно: он всегда был немногословен и, поев и поблагодарив всех, самым первым ушёл к себе. Как ни странно, их размолвки почти никто не заметил, а если и заметил, то наверняка списал плохое настроение и грусть на тревожные новости из дома. Только Стана куксилась над своей тарелкой, бросая тревожные взгляды на Гарри, возмущённо-презрительные — на Гермioniу и мрачные — на Виктора.

Виктор же, напротив, был на редкость внимателен, ненавязчиво предупреждал все желания Гермioniы, и, главное, не задавал никаких вопросов, за что она была ему безмерно благодарна. Он ни разу не обмолвился — ни единым словом — о произошедшем и, что она особенно оценила, не пытался воспользоваться моментом.

Едва под ней чуть запела лестница, Крум вскинул глаза от книги и поднялся из своего кресла, указав на письма, что она держала в руках:

— Тебе нужна сова, чтобы отправить почту?

Она кивнула.

— Я сегодня получила письмо из дома. И от Дамблдора, насчёт... — она осеклась, увидев, что он резко вскинул палец к губам.

— Не надо об этом говорить, ладно? Даже здесь. Всё узнаете завтра, когда будете возвращаться... Я провожу тебя в совятню?..

Конечно, Гермioniа могла идти туда и сама, но ей и правда, хотелось, чтобы сейчас рядом с ней кто-то был. Они молча двинулись по гулким и сумрачным каменным переходам, факелы вспыхивали на их пути и гасли за спиной. Гермioniа зачем-то рассеянно считала шаги, в подсознании крутилась мысль, что, наверное, невежливо просто идти и молчать, — но говорить совсем не хотелось, а Виктор, кажется, понимал это и совсем не тяготился безмолвием.

Совятня встретила их шорохом крыльев, уханьем, специфическим птичьим запахом. Под ногами хрустывали чьи-то тонкие белые косточки. На жерди в дальнем, самом тёмном углу, подвернув голову под крыло и нахохлившись, спала Хедвига. Перья у неё не блестели, как обычно, и вид у неё был исхудавший, — *наверное, она тоже недавно вернулась*, — подумала Гермioniа.

Сосредоточенно, словно выполняя важное и ответственное экзаменационное задание, она привязала письма к лапе большого филина, угостила его кусочком завалявшегося в кармане печенья, и тот, тяжело и шумно расправив крылья, сделал круг по башне и вылетел в широкое окно.

Девушка проследила за ним взглядом — огромная тёмная птица на фоне заката. В преддверии вечера птичьи стаи с гомоном носились по небу, вот филин затерялся в одной из них... Когда чёрная рябь схлынула, его уже невозможно было увидеть.

Сзади послышался хруст шагов — она, даже не поворачиваясь, знала, что Виктор подошёл и встал за спиной. Его руки легли ей на плечи — в этом не было никакого призыва, никакого подтекста — всего лишь дружеский, даже участливый жест. Она

была рада ему.

— Знаешь, — его голос был низок и негромок, а интонация такая, словно он собирался рассказать ей старинную и очень таинственную сказку, — а я ведь был любимым учеником нашего Прорицателя. Хочешь, я предскажу тебе судьбу?

Она сама не знала, чего она в данный момент хотела меньше: разве что заново прожить тот злополучный позавчерашний вечер. Но промолчала. Ей сейчас нравилось слышать его голос — и было совсем неважно, что он говорит: он мог бы цитировать Софокла или же читать лекцию по японской каллиграфии. Поэтому Гермiona просто кивнула головой.

— Начнём с предсказаний судьбы по полету птиц... Или нет, лучше с хиромантии. Дай-ка мне твою руку...

Гермиона послушно повернулась и протянула ему развёрнутую вверх ладонь.

У него была мозолистая рука — рука игрока в квиддич. Эти жёсткие мозоли от метлы чуть царапали её нежную кожу.

Наверное, и у Гарри со временем будет такая же шершавая и жёсткая рука, — нехотая подумала она.

Он углубился в изучение линий, нежно водя по ним пальцем. Его прикосновения были приятны, они успокаивали её нервозность и будили внутри какие-то чувства и желания, которые были уже ей знакомы. Она медленно подняла глаза на Крума — тёмные волосы упали на склонённое лицо, губы беззвучно шевелились, словно он молился; он сосредоточенно изучал рисунок, что судьба оставила на её розовой ладонь. Брови ещё больше сдвинулись, превратившись в горизонтальную тёмную полосу, разделяющую лицо пополам, он удивлённо вздохнул, бросил на неё быстрый тревожный взгляд и, увидев, что она с вежливым любопытством наблюдает за ним, постарался улыбнуться.

— И что же? — равнодушно спросила она, переводя взгляд к окну напротив, сквозь которое струились последние лучи вечернего солнца, напоминающего огромный кровавый глаз. Вот его тускнеющую огненную поверхность рассекла ещё одна стая птиц. — Перед тобой открылись тайны грядущего?

Он молча взял вторую руку и снова заскользил пальцем по тропинкам, проложенным на ладони судьбой. Потом смущённо произнёс, пряча глаза:

— Честно говоря, я тебя обманул. Этот предмет всегда казался мне глупостью, поэтому я едва-едва закончил по нему семестр, а потом и вовсе бросил... Я думал, что смогу сейчас что-нибудь вспомнить или придумать — но ничего не вышло... — и он расстроено улыбнулся.

— А я-то думала, ты всегда был примерным студентом, — её губы тронула беспомощная улыбка.

Он нежно и чуть растерянно смотрел на неё, всё ещё машинально поглаживая пальцем её ладонь, и вдруг, словно проснулся: движения стали более осознанными и волнующими, она почувствовала, что начинает впадать в какой-то транс. Красное солнце, утратившее дневную жгучесть, ласкало глаза, монотонный гомон и тихое уханье убаюкивали, а эти нежные, волнующие прикосновения кружили ей голову, как какой-то упоительный, печальный танец. Ей внезапно стало очень жарко.

Вдруг он слегка сжал её руку и медленно поднёс к губам, коснувшись лёгким поцелуем кончиков чуть испачканных и пахнущих чернилами пальцев. Она едва заметила это — вокруг всё плыло, в груди росли рыдания — она знала, что потом сразу станет легче. Совсем скоро... ещё чуть-чуть... Его слегка влажные, мягкие губы скользнули к её запястью, рука двинулась к плечу, перелетела на талию, он потянул её к себе — она послушно подалась вперёд, почувствовав прикосновения его губ на своём виске, на щеке, подбородке — словно, он рисовал границы волшебной стра-

ны, не решаясь войти в неё, — и вот он коснулся её губ.

Она принимала поцелуи отрешённо, едва ли осознавая, что происходит. Боль, страх и отчаяние настолько распирали её изнутри, что ей казалось, что всё происходит не с ней, с кем-то другим. Она отстранённо удивилась, что эти прикосновения совсем другие: от него исходил иной запах, его губы были непривычны на ощупь, подбородок слегка колот её нежную кожу, а над губой сразу начало чесаться от раздражения.

Странное ощущение неправильности происходящего стало последней каплей, она прикрыла глаза и почувствовала, как по щекам потекли долгожданные слёзы, сразу же даруя облегчение.

Он целовал и целовал её, не в силах остановиться, хотя она сейчас напоминала статую. Статую, сделанную из соли — солёные щеки и губы, солёный подбородок и даже солёный нос. Она беззвучно плакала, слёзы текли из-под плотно закрытых глаз, губы чуть подрагивали.

— Гермiona?..

И, словно прорвало шлюзы, она всхлипнула и разразилась слезами, уткнувшись ему в грудь. Она плакала самозабвенно и отчаянно, напомнив ему рыдающих над сломанной игрушкой племянников. Он растерянно похлопывал её по спине с чувством, будто его выдернули из чудесного сна и сунули в чан с холодной водой, мысленно проклиная это братское ощущение, вмиг лишившее его права нежно прикасаться к ней.

— Ну-ну...

Она постепенно затихла и только судорожно всхлипывала, пряча лицо в его рубашке, издающей какой-то горячий, чуть кисловатый запах — запах долгого летнего дня, пота, травы, мужчины. Потом подняла красные, опухшие глаза, прикусила губу, глубоко вздохнула и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала куда-то в уголок губ.

— Спасибо тебе, Виктор...

И раньше, чем он успел удержать её, повернулась и вышла — он стоял, глядя в небо и слушая звуки лёгких удаляющихся шагов.

— За что? — спросил он, едва ли понимая, к кому обращается.

Гермиона проделала тот же самый путь назад куда быстрее — факелы едва успевали вспыхнуть, как тут же гасли, звук торопливых шагов гулко разносился в сгустившихся сумерках. Она не думала о происшедшем — проплакалась, и сразу стало легче, слёзы вымыли боль из души, и она постаралась переключиться на всякие мелочи: на то, что надо собрать вещи, на то, что эта ночь — последняя, и уже завтра в это же время вокруг будут другие места и другие люди... Последняя ночь. И всё останется в прошлом. А через неделю — Хогвартс, учеба, и ей будет и вовсе не до чего.

Хогвартс... Маленький островок мира и покоя в бушующем огненном водовороте. Место, где можно не бояться ни за себя, ни за своих друзей. Место, где им дадут силы и знания, чтобы защитить мир от смерти и разрушения, хаоса и ужаса... Место, где научат быть мудрыми и справедливыми, великодушными и смелыми... Место, где каждое утро — что бы ни происходило — их будет ждать на столе холодный тыквенный сок, овсянка, тосты... — *такие, слегка поджаренные, золотистые...*

Она упрямо цеплялась за эти мысли, как за соломинку, но кто-то внутри следил за её потугами с усталым раздражением. И Гермiona виновато умолкла...

В гостиной на пушистом ковре сидела Боряна, старательно собирая мозаику (Гермиона вздрогнула: *где-то это уже было...*), не в силах побороть навязчивое любопытство, она шагнула вперёд и нагнулась над девочкой: почти все кусочки уже стояли на своих местах, и уже был ясно виден приготовившийся к взлёту дракон. Де-

вочка задумчиво теребила квадратик, явно не зная, куда его приспособить, а сидящая рядом Стана, лишь только Гермиона вошла в комнату, прекратила ей помогать, уставясь на девушку странным взглядом, в котором не было ни капли привычного задорного веселья. Глаза её были тёмными, а лицо не по-детски серьёзным, словно каменным.

— Може? — спросила Гермиона, присаживаясь на корточки рядом, и Боряна послушно протянула ей кусочек. Гермиона быстро примерила в одно место, в другое — и приспособила его к рисунку.

— Благодаря, — кивнула девочка и вернулась к своему занятию. Один, другой, третий... — вдруг дракон зарычал и, извергнув пламя, взмахнул крыльями, заставив Боряну взвизгнуть от радости, а Гермиону — подскочить от неожиданности.

Слабо улыбнувшись и чувствуя между лопатками буравящий взгляд тёмных глаз Станы, она двинулась вверх. Ступеньки молчали под ногами, словно разделяли общее напряжение, усталость и печаль.

Дверь Гарри была прикрыта неплотно, оттуда доносилась какая-то возня, лучик, выбивавшийся в коридор, постоянно мигал и дёргался — кто-то курсировал по комнате туда-сюда, заслоняя свет. Потом послышался странный шум — по полу провезли что-то плоское и тяжёлое.

Чемодан, — догадалась Гермиона. — Он тоже собирается... Да, завтра уезжаем. Интересно, а Виктор проводит нас на поезде до вокзала?

Она представила несколько часов пути с Гарри...и передёрнулась. Ей снова пришли на ум все эти гадкие фразы, все эти брошенные в лицо гнусные намеки...

— Дурак, — возмущённо фыркнула она под нос и зашагала к себе в комнату, стараясь производить как можно больше шума. Громко хлопнула дверью. И, прижавшись к ней спиной и закрыв глаза, устало сползла на пол. Но уединение ей было не суждено: прямо над ухом раздалось глумливое хихиканье.

Младен, — поняла Гермиона, не открывая глаз. — Вот его-то мне и не хватало для полноты ощущений сегодняшнего дня.

— О, моя милая леди, сколь прискорбно видеть вас в печальном расположении духа!.. Признаться, мне показалось, что после нежных объятий в лучах заходящего солнца ваше настроение будет куда веселее.

— Иди к чёрту, — равнодушно посоветовала она, не открывая глаз. Вообще-то, Гермиона обычно была девушкой вежливой и воспитанной, но с этим полупрозрачным нахалом она не церемонилась с первого же дня — после того, как он вылез у неё прямо из-под полотенца, которым она была обмотана после ванной.

— К чёрту, к чёрту! — укоризненно закудахтал Младен. Голос его то приближался, то отдалялся — видимо, он, как всегда, летал кругами по комнате.

Вот ведь неугомонное создание, — беззлобно подумала Гермиона.

— Как невежливо столь благородной даме употреблять выражения, достойные кухарки! Поди, с вашими влюблёнными кавалерами вы общаетесь совсем на другом языке? То-то я погляжу, они, ровно одержимые, корпят все дни и ночи над книгами — не иначе повышают свой...как его...культурный уровень. А юный Гарри Поттер после того, как пару дней назад едва не разнёс в припадке ревности свою комнату вместе со всем остальным замком, вообще, проводит всё своё время исключительно за письменным столом. Видимо, считает, что судорожной работоспособностью можно победить любовную горячку... И — представьте, юная леди, — Гермиона, наконец, открыла глаза и увидела действительно плавающего туда-сюда по комнате Младена, на лице которого застыло издевательски-постное выражение, — к кровати своей даже не подходит. Боится кошмаров. Или чего ещё похуже... Вдруг ещё приснится, — Младен ехидно хихикнул и, выпятив губы, издал несколько поцелуй-

ных звуков, — скамеечка у родника или пляж. Я всё знаю, я всё знаю — слышал, как Стана шушукалась с сестрицами! — торжествующе добавил он и показал язык. — А не устроить ли вам показательный рыцарский турнир, моя любезная госпожа? Турнир на волшебных палочках, проигравший автоматически превращается в предмет нижнего белья, победителю достаётся юная дева — и все вокруг счастливы. Ай-ай-ай! — взвыл он, сообразив, что упоминание о волшебных палочках было явно излишним: Гермiona вмиг оказалась на ногах и, метнувшись к столу, решительным жестом направила её на Младена.

— Efflo! — и того выдуло сквозь стену.

Но не успела она опустить руку, как раздался стук в дверь. Гермiona рассерженно развернулась с твёрдым намерением отправить непрошенного гостя восвояси и, может быть, даже самым грубым способом. Стук повторился — какой-то робкий. Поколебавшись, Гермина всё же опустила палочку и пригласила:

— Войдите.

На пороге, теребя ручку двери, вцепившись в неё, как в спасательный круг, стояла Стана. Она кусала губы, уставившись в пол.

Гермiona приветливо улыбнулась и сделала шаг, чтобы пригласить девочку в комнату, но та вдруг сердито мотнула головой и оторвала от пола взгляд:

— Нельзя. Очень плохо это — обращаться с людьми так. Ты пользуешься ими. Обоими. Как вещами. Ты... — она замялась, потом перешла на болгарский, опять замолчала, мучительно подбирая слова, и, вспыхнув, неожиданно закончила очень выразительным и коротким грубым словом, заставив Гермionу оторопеть. Ей и в голову не приходило, что тринадцатилетняя девочка может знать такие слова. Что слово было именно из “таких” она была совершенно уверена — уж больно эмоционально произнёс его Виктор, в очередной раз споткнувшись о не дающего ему в последнее время прохода Косолапсуса.

— Стана...

Но та снова вцепилась зубами в нижнюю губу и выскочила за дверь, изо всех сил захлопнув её за собой и оставив Гермionу в ошеломлении стоять посреди комнаты.

Устало вздохнув, она побрела к своей кровати, махнув на всё рукой и решив разобраться со сборами наутро. Спехи старательно подготовили постель к ночи: свежее бельё, призывно отогнутый уголок одеяла, взбитая подушка и — привычно свернувшийся на ней Косолапсус. Он спал, подрагивая лапами, отрывисто помявывая и дёргая усами.

Ишь, счастливчик, — с завистью подумала Гермiona. У неё было подозрение, что её сны будут не такими насыщенными и сладкими. Она осторожно прижала подушку к животу и опустила вместе со спящим котом на пол.

Хоть одному существу я сегодня сделала доброе дело... — вяло разделась, побросав вещи куда попало, — ей хотелось сейчас нарушать все заведённые ей же самой правила — без всякого удовольствия натянула лёгкую и чуть скользкую полупрозрачную ночную рубашку на тоненьких бретельках (из того самого каталога, едва не доведшего Гарри до целомудренного обморока) и медленно забралась под одеяло.

Завтра я буду дома.

Последняя ночь.

Глава двенадцатая, в которой Круму не дает покоя хиромантия, Гарри видит кошмары во сне и наяву, а также рассказывается о Зеркале памяти и черной магии.

Я часто уходил, оставляя за собой эту картину — разметавшуюся на смятой постели спящую девушку, раскиданные по всей комнате вещи; я пробирался крадучись, как вор, зная, что больше никогда не вернусь и никогда не увижу её.

Но теперь я впервые входил в такую спальню: платье, белье и туфли валялись, словно их специально разбрасывали, простыни смялись, одеяло чуть задралось, обнажив её босые ноги с розовыми пятками и круглыми ноготками, тронутыми перламутровым лаком... Спутавшиеся волосы, откинута рука, нежная ямка подмышки, бисеринки пота на лбу, румянец... — она спала.

И не она одна: я опустил глаза к полу, не в силах поверить в увиденное. Как просто, как всё просто... А я-то ломал голову над неэффективностью зелья, трижды перепроверял и переделывал его, изрезал себе все руки, истратил кучу денег, заказывая курьерской почтой компоненты, думая, что мои пришли в негодность и потеряли силу... — всё просто: она НЕ спала на подушке. На ней спал этот чертов кот. Конечно, если бы я не был таким глупцом, я бы давно сообразил, что с его внеплановым мартом и неуёмной страстью ко мне что-то явно нечисто...

— *Dormio confestim*, — теперь я точно знал, что она не проснется, пока я тут. Мои шаги были почти неслышны, кровь гулко пульсировала в ушах, во рту пересохло — я чувствовал себя отроком, входящим в Царские врата. Я вижу рай, обещанный мне.

Ближе, ближе...

Я откинул со лба прилипшие волосы и, не в силах удержаться, потянул с неё одеяло — словно кто-то управлял моей рукой... Рай, обещанный мне... Тонкие колени, светлый пушок поверх золотистого загара... синяк на лодыжке... Боже, что я делаю...

Нет, я здесь не за этим. Её рука — мне нужно снова взглянуть на ладонь: неужели мне не почудилось то, что я увидел там, в багряном свете заката?

Крест под средним пальцем... Разрыв на линии головы... — знаки явные, слишком явные. Если всё это сложить — и карты таро, и результаты гадания на кофейной гуще в библиотеке (я забрал у неё чашку под каким-то незамысловатым предлогом, тонкий фарфор ещё хранил тепло её рук, когда передо мной возник этот жуткий рисунок) — что за катастрофа нависла над тобой, моя девочка? Я должен спасти, защитить тебя, чего бы мне этого ни стоило... Я не покину тебя, не оставлю — я люблю тебя, всю, целиком — от непослушных волос до серебристых ноготков; люблю тебя любую: грозную и растерянную, задумчивую и беззаботную, плачущую от отчаяния и страха — нежную, незащищенную... Люблю, когда ты сердисься на меня, когда не обращаешь на меня внимания, когда лукаво улыбаешься, когда боишься...

Я не могу потерять тебя, ты будешь со мной, ты должна быть со мной...

Отпустив её руку, я поднял палочку и указал на зеркало:

— *Testor!*

Перед их приездом я повесил в её комнате именно его, Зеркало Памяти, — теперь, покинув мой замок, она, сама того не ведая, навеки останется жить в этой мнимой глубине, запертая в чуть тронутый временем серебристой поверхности. Она снова будет ходить, читать, улыбаться, смотреть в окно, рассеянно роняя на пол полотенце. Будет засыпать за столом, уронив голову на тяжелый том с покоробленными временем страницами, будет прогонять с кресла кота, будет колдовать, будет переодеваться... День за днём, от начала до конца — и снова, снова — пока я не запомню каждый её жест, каждый её вздох, каждую её улыбку, каждую её привычку... Я

уже знаю наперечёт: она покусывает перо, когда размышляет над пергаментом, накручивает прядку на указательный палец левой руки, когда чем-то озадачена (поэтому слева у неё всегда вьются два-три упругих локона); когда она сердится, то хмурится и кусает губу...

Зеркало сохранит отражение, я же должен спасти жизнь. Теперь, когда Дамблдор принял моё предложение, для этого нет препятствий — меня не интересуют деньги и то, что выделенный мне предмет вряд ли привлечет большое количество толковых студентов (а вот толпу восторженных студенток — наверняка) — главное то, что я буду рядом и смогу уберечь от нависшей опасности...

Я снова коснулся её теплой и мягкой руки. Неужели мне не показалось?

Нет, увы, всё точно...

— *Finite incantatem!* — она выдохнула и сладко заворочалась, что-то невнятно забормотав во сне.

А ко мне прыгнул кот и снова начал свой мерзкий танец — он то валялся на спине, то терся об ноги, то пытался залезть на руки; он подвывал, мяукал... Ужасное, отвратительное животное — мохнатое четвероногое свидетельство моей ошибки, издевательская насмешка судьбы...

Отпихнув его в сторону, я вышел в коридор. Кот рыжей пушистой молнией метнулся следом, успев выскользнуть сквозь закрывающуюся дверь.

* * *

Он стоял на скале, он чувствовал их приближение и знал, что пути назад нет. Их не было видно в этой темноте — впрочем, возможно ли вообще увидеть этих бестелесных призраков, обвитых чернотой глухой безмолвной ночи, — воплощение ужаса и мрака. Гарри попытался взглянуть вверх, вниз — со всех сторон его окружала лишь спящая тьма. Но он знал, что за спиной бездна, и чувствовал медленно накатывающую на него волну ледяного ужаса. Все громче и громче стучала кровь в ушах, и вот — это уже вовсе и не гул крови — он распался на отдельные звуки: рёв мужчин, всхлипы и возгласы женщин, плач детей...

И вдруг голоса обрели плоть: бледные разрывающиеся от истощающего крика рты, сведенные судорогой лица — они кружились вокруг, всё быстрее, быстрее, пока не слились в белёсый орущий кокон ужаса, охвативший Гарри и пригибающий его к земле. Он почувствовал, что слабеет, что холод склеивает веки, что сердце в груди затихает, и кровь стынет в жилах...

— Я не усну... не усну... — упрямо и отчаянно шептал он, слушая безутешный вой, перерастающий в торжественное и страшное пение; взгляд выхватывал из бледной паутины кокона то одно, то другое перекошенное болью и предчувствием смерти лицо...

— Гарри, проснись, проснись... — позвал его тихий голос снаружи — словно протягивал тонкую ниточку, способную вывести его из этого жуткого лабиринта ярости и ужаса.

Холод накрыл его с головой, лишил сил и воли, и вдруг словно разом выдернули кости из рук и ног, вырвали позвоночник — скорчившись от боли, Гарри бесформенным тюком рухнул на землю...

— Гарри проснись, проснись!

Гарри лежал на полу, весь мокрый от пота, сердце билось даже не в горле — судя по ощущениям, оно прыгало по полу, норовя выскочить в окно. Над ним, светясь от возбуждения, висел Младен. Вот он протянул руку, намереваясь, судя по всему, снова коснуться Гарри, — но тот в этот раз оказался проворнее и дёрнулся в сторону, чувствуя, что он этого движения грудь едва не разорвалась, а голова — чуть не лопнула от слепящей боли. Взыв, он схватился за шрам трясущимися руками; теперь

не во сне, а наяву перед глазами замелькали бледные полупрозрачные лица — лица мертвецов, он знал это...

— Гарри, да очнись же!

Гарри словно окатило холодной водой, его трясло, по спине бегали мурашки, но наваждение прошло.

Он с трудом повернул голову вправо, влево — но нет, комната была всё той же, в окно безмятежно смотрела луна, лились ночные звуки и запахи...

— Что? Кто кричал? Что случилось? — сиплым шёпотом произнес он, чувствуя, что губы отказываются повиноваться.

— Ну же! — Младена распирало от возбуждения, он юлой вился над Гарри, суча ногам и размахивая руками. — Пойдем, скорее!

Было в его лице и голосе что-то настолько необычное, что Гарри стало страшно, он с трудом поднялся, нацепил на скользкий от пота нос очки и поплелся на подгибающих ногах следом за призраком, уже резво просочившимся сквозь стену в коридор. Одной рукой юноша держался за сердце, словно и правда боясь, что оно выскочит из груди, а в другой сжимал палочку, торопливо вспоминая немногочисленные известные ему боевые заклятья и готовясь отразить атаку...нет, об этом думать совершенно не хотелось...*пусть будет — Чью-Угодно атаку...*

Но в коридоре было тихо и безлюдно, факелы не горели, тусклый призрачный свет шёл от нескольких картин. И вдруг дверь в комнату Гермiony тихо открылась и оттуда кто-то выскользнул. Гарри прищурился и оцепенел. Это был не кто-то, а Кое-Кто...

Что он там делал? Что случилось?

Следом за Крумом в коридор выкатился какой-то пушистый клубок — Косолапсус: он жалобно и нежно мяукал, пытался на бегу приласкаться, подвывал, когда Крум, что-то бормоча себе под нос, отпихивал его, — и с отчаянностью камикадзе кот снова и снова кидался в ноги. Гарри вытаращил глаза: кот Гермiony никому — даже своей хозяйке — не позволял вольностей и не прощал ни малейшей фамильярности, не говоря уж о грубостях... (В душе Гарри был совершенно убежден, что, умей Косолапсус говорить, он никогда бы не снизошёл до беседы ни с ним, ни с Роном.) И чтобы он вел себя, как голодная дворовая шавка, перед которой помахали куском мяса? Нет, это было определённо невозможно.

Крум скрылся в темноте лестницы, оттуда донесся сдавленный кошачий взмыв, чертыханье и грохот упавшего тела. Это привело Гарри в чувство — он торопливо подбежал к двери, ведущей в спальню Гермiony, и замер перед ней, переполняясь самыми ужасными предчувствиями, — сон ещё стоял перед глазами, женские крики и стенания звучали в ушах — теперь он был готов поклясться, что одним из искаженных предсмертной агонией лиц было её лицо...

Вдруг Младен, висящий у ближайшей картины, зашёлся паскудным хихиканьем, ему откликнулись портреты — один, другой... Дробный смешок прокатился по коридору, издали донеслось гулкое уханье доспехов.

— Он, — с победным видом ткнул Младен пальцем в спешившегося и облокотившегося о раму вельможу, — говорит, что хозяин пробыл там почти час.

— Что он там делал?! — повернулся Гарри, недоуменно захлопав глазами, и тут его осенило, он залился краской с ног до головы. На портрет постепенно стекались обитатели соседних картин — рыцари в латах, напомаженные дамы, кавалеры — пересмеиваясь, многозначительно хихикая, тыча в Гарри пальцами и о чем-то переговариваясь, они расталкивали друг друга и норовили подлезть поближе к раме. Лошади издевательски ржали и покусывали друг друга за уши, чтобы не застили. Увидев его красное и смущенное лицо, Младен истерически закудахтал, вытирая

полупрозрачным рукавом льющиеся по лицу слезы.

Гарри тронул дверь, сам не зная, что он хочет там увидеть, — и замер: раскиданные вещи, валяющаяся на полу подушка, смятые простыни. Гермиона спала и улыбалась во сне... Вот она сладко вздохнула...

Гарри шарахнулся назад, налетел на дверь, разбил локоть, зачертыхался от боли, тут же прихлопнул ладонью рот, но было уже поздно:

— Гарри?.. — Гермиона приоткрыла глаза и улыбнулась, тут же снова нырнув в сон. И вдруг, как ошпаренная, подскочила на кровати, судорожно прижимая рукой к груди одеяло и вытаскивая из-под матраса волшебную палочку. — Гарри?!

— Я... — выдохнул он, но она не дала ему закончить.

— Ты совсем сошёл с ума! Убирайся отсюда. Вон! *Expello!*

Невидимый кулак ударил Гарри под дых и вышвырнул в коридор, со всего маху приложив спиной о противоположную стену. Хватая ртом воздух и стискивая грудь, Гарри сполз на пол под экзотические стоны серебрящегося во тьме Младена и восхищенные вздохи портретов.

* * *

Вечер был душный и жаркий. Он вошёл в развалины и опустил свою ношу на большой замшелый камень. Подняв руку, указал на покрытый копотью очаг, что-то прошептал себе под нос, — громко загудело пламя, заиграв нервно дергающимися оранжевыми отблесками на круглом лице, покрытом капельками пота. Гул был слышен очень ясно, даже на самых последних, верхних рядах амфитеатра. Но снаружи, где буйствовали дикие травы и запахи брусники и лавра, не было слышно ничего из того, что происходило внутри.

Он бросил щепоть соли в огонь, а потом, опустившись на камень, следил, как в амфитеатре заходящее солнце переходит с места на место и приближается к выходу. В тот миг, когда оно бросило прощальный взгляд на каменные обломки, он поднялся и обошёл сцену, читая вслух имена древних владельцев этих мест, выбитые на скамьях, громко выговаривая зловещие имена.

— Аббадон, Агарест, Амон, Арнох, Баман, Бельбель, Ваалберит, За'ами'эль, За'а-фи'эль, Забулон...

Каждый раз он касался рукой скамьи, гулко грохоча металлом по камню — слышимость была великолепной, каждый звук, каждый шаг, каждое слово отдавались эхом от каждого места особо, возвращаясь на середину сцены.

Казалось, демоны, имена которых были выбиты на камнях, ходили, говорили и двигались вместе с ним, так же нервно покашливали и причмокивали губами. Сто двадцать пар бессмертных ушей прислушивались с напряженным вниманием, сто двадцать пар глаз не отрывались от него.

Он с особой осторожностью, стараясь не пораниться, нарезал на камне коренья и змеиное сердце, потому что знал, что запах настоящей, живой крови выведет их из равновесия, и тогда они, молниеносные, как боль, бросятся со своих мест на него и разорвут на куски, движимые своей многовековой жадой и ненавистью. Он почувствовал, как легкое дуновение ужаса взъерошило его волосы.

И вот, все было готово. Он кинул ингредиенты в огонь, выплеснул туда зелье — и шипению углей вторило приглушенное “Пссст!”, раздавшееся со зрительских мест.

Перед ним в сиреневых сумерках возникли туманные облики — белёсые очертания двух юношей и девушки. Они тихо заколыхались в воздухе, не касаясь ногами травы, — неподвижные, с закрытыми глазами, они будто спали. Один из юношей шагнул к девушке, обнял её, второй тут же встал с другой стороны, положив руку ей на плечо, — не открывая глаз, с окаменевшими лицами. Они были бесшумны и покорны его воле, напоминая гигантские шахматные фигуры,двигающиеся по манове-

нию его мысли.

Теперь пора. Он достал флакон. Запахло кровью, упавшей на раскалённый камень. И в тот же миг сто двадцать незримых демонов обрушились на тени с визгом и урчанием. Их рвали на части, раздирая на куски, пока их крики не превратились в такие же, как издавали эти дьявольские отродья, и пока они сами не присоединились к ним, пожирая друг друга...

Все. Теперь все предreshено.

Он поднял плащ, закутался в него и ушёл, оставив огонь умирать в темноте.

Глава тринадцатая, в которой Гарри и Гермиона сталкиваются со странным приёмом на родине, а Крум убеждается, что самый безопасный способ путешествия — портшлюз.

Замок встретил утро хлопотами, приглушённым шумом, торопливыми шагами и короткими обрывками разговоров. К вящему удивлению Гарри и Гермионы, Крум поднял их едва ли не затемно, протянув письмо Дамблдора. В связи с чрезвычайными обстоятельствами отъезд переносился — им предстояло вернуться в Англию даже ещё более ранним рейсом, чем рекомендовал Дамблдор.

Торопливый завтрак в тяжёлой сонной полудрёме, напряжённое молчание (Гарри не мог смотреть на Гермиону, ему так и не удалось заснуть этой ночью, лишь незадолго до прихода Крума он впал в какое-то болезненное забытьё. Перед глазами мельтешили неясные образы, даже во сне неотступно крутилась мысль, рассказать ли про вспышку боли и ночной кошмар Сириусу и Дамблдору)...

Их никто, кроме Крума, не провожал — все ещё спали.

На улице было приятно-свежо, солнце только-только выглянуло из-за горизонта, от непрогретых после ночи камней веяло холодком, почему-то наводящим на мысли о ранних заморозках и звонком рождественском утре.

Когда Гермиона спустилась по лестнице, Гарри уже стоял внизу, задумчиво глядя куда-то в пространство остекленевшими глазами. У него был такой вид, словно он спал наяву.

— Ты уже знаешь про Рона и его семью? — без предисловия спросила Гермиона.

— Да. Он мне написал, — коротко ответил Гарри и отвернулся.

Она кивнула и отошла. Говорить не хотелось.

Отдав последние распоряжения по поводу багажа, Виктор спустился к ним, неся в руке какую-то коробку. Взглянул на часы, открыл — внутри тускло блеснул серебряный крест.

— Три, два, один — взялись!

Ух!

...Как же я ненавижу эти магические способы передвижения! — успел подумать Гарри. Его и без того чуть подташнивало от недосыпа, а вестибулярный аппарат был лишён детских многочасовых тренировок на качелях, так что путешествие стало последней каплей: лишь только они приземлились у входа на вокзал, он метнулся к ближайшим кустам, распрощавшись под ними и с чересчур крепким чаем, и со свежими булочками.

Как ни странно, вокзал в этот ранний час встретил их оживлением и разноголосицей. Не глядя по сторонам, Крум решительно пошёл вперёд — не останавливаясь, не оглядываясь и не извиняясь, когда налетал на кого-либо. Гарри показалось странным, что задетые им люди даже не оборачивались и, тем более, не ругались ему вслед, а спокойно, словно ничего не произошло, продолжали свой путь.

Через минуту-другую они с билетами в руках уже стояли перед залом отправления.

Ни таможни, ни деклараций — формальностей, что пришлось выполнять по пути сюда — ничего этого не было. Гарри отметил, что они с Гермионой были единственными путешественниками, и то, что когда-то многолюдный рейс до Лондона стал до такой степени непопулярен, отчётливо дало понять, насколько беспокойно в их родной стране.

Больше всего в этот миг ему не хотелось выполнять ритуалы прощания — он с напряжением думал, что же ему делать, если Крум протянет руку. Пожимать её до смерти не хотелось, а не пожимать выглядело бы демонстрацией детской глупости. По счастью, Крум избавил его от мук выбора: он отошёл в сторонку, поманив за собой Гермиону. Гарри отвернулся, активировал свой билет у седоусого, клюющего носом колдуна и прошёл в Зал.

— Спасибо тебе, Виктор. Всё было просто замечательно, — Гермиона выдавила из себя благодарную улыбку и постаралась сделать как можно более честное выражение лица. *Осталось несколько минут. Держи себя в руках.* — Ты мне пиши, ладно? Может, соберёшься в наши края... На Рождество... или Хэллоуин...

— Или даже гораздо раньше, чем ты думаешь, — мягко улыбнулся он. Она видела тревогу в его глазах. Даже больше, чем тревогу. Страх.

— ...через пять минут...

Гермиона вздрогнула: седоусый колдун у входа в зал начал проявлять нетерпение, всем видом показывая, что она должна поторопиться.

— Постой-ка. Это тебе, — он сунул руку в карман, вытащил оттуда прозрачную коробочку, в которой что-то поблёскивало. — Надень...

— Виктор, я могу опоздать, не сейчас...

— Нет-нет, — его рука у неё на запястье враз окаменела, девушка покорно замерла. Негромкий щелчок — на ладони его тускло засверкало сердечко. И вдруг он сделал то, от чего у неё вырвался вздох — то ли ужаса, то ли изумления — он взял и переломил его напополам. — Не волнуйся, так и должно быть... Дай мне слово, что ты не снимешь его — не снимешь, пока мы снова не увидимся. Дай мне слово! — настойчивее повторил он, тревожно заглядывая ей в глаза и чувствуя её колебания. — Ты что — боишься? Ты не веришь мне?

— Нет-нет, Виктор, что ты... Обещаю, — она встревожено следила за тем, как он продевает сквозь половинку сердечка тоненькую цепочку. — Я сама... — она на ощупь справилась с замочком; со своей половинкой сердечка он сделал то же самое, и вот подвеска уже исчезла за воротником его рубашки.

— Пора, — он наклонился и неожиданно поцеловал её — так крепко, что она едва не задохнулась, — так целуют тех, с кем прощаются навсегда, — мелькнуло у неё.

Зазвонил колокол, женский голос что-то произнёс, Гермиона опрометью бросилась к залу, на бегу сунув и тут же выхватив билет у кондуктора, едва успела шагнуть к сиденьям... Мир кувыркнулся, её дёрнуло вперёд и через миг швырнуло на холодный мраморный пол вокзала Сент-Пэнкрас.

Потирая ушибленную коленку, она поднялась и заковыляла к выходу. Позади неё молча шёл Гарри.

— Мистер Поттер, мисс Грейнджер... — едва они вышли, их крепко подхватили под локти двое совершенно обычно одетых людей с ничем не примечательными лицами. Быстро и аккуратно, так что ребята не успели даже пискнуть, их провели через зал — никто вокруг не обратил внимания ни на испуганные лица, ни на чересчур поспешный темп — толкнули в ближайшую дверь и повели по длинным петляющим коридорам, на все вопросы отвечая лишь вежливыми улыбками и многозначительным покашливанием.

Гарри не знал, что делать: колдун намертво стиснул его руку, добраться до вол-

шебной палочки и хоть как-то защитить себя и Гермиону не было никакой возможности. Коридоры становились всё пустыннее, они спускались ниже и ниже, и вот, за очередным поворотом их уже ждал сумрачный тоннель с неровными каменными стенами и тележкой на рельсах — точь-в-точь, как в Гринготтсе. Гарри понял, что, возможно, это их последний шанс: заноса ногу над тележкой, он замешкался, сделал вид, что оступился, — хватка похитителя на запястье чуть ослабла. Гарри того только и надо было: выхватив палочку, он заклятием сшиб его с ног, дёрнул к себе Гермиону, тележка качнулась, начала набирать скорость...

Последнее, что увидел Гарри перед тем, как они с грохотом провалились куда-то вниз, — лицо второго волшебника, с удивлённо-насмешливой улыбкой смотрящего им вслед и не делающего никаких попыток их задержать.

* * *

Я не знаю, сколько простоял у опустевшего зала, но вот вокруг зазвучали голоса — потянулись пассажиры следующего рейса. Торонто.

Пора уходить. Всё. Моя миссия выполнена. Я отправил их — в целости и сохранности, как и было оговорено с Дамблдором, полностью сменив время, рейс и способ доставки до вокзала.

И я дал ей амулет. Теперь с ней ничего не случится. Теперь я могу не волноваться за её жизнь. Теперь я буду знать, что она чувствует. Теперь я не спущу с неё глаз. Пока снова не увижу её. Совсем скоро.

Что ж — пора возвращаться. Вечером я отправляюсь на сборы перед отборочной серией игр на Кубок Европы по квиддичу.

Когда я вернулся домой, зелёный паровозик, присланный за нами, только-только развёл пары и тронулся в свой неспешный путь к Софии. Я смотрел на него через окно совятни, где вчера ещё она рыдала на моей груди, где воздух, наверное, ещё хранил воспоминания о запахе её волос и вкусе её слез, а стены ещё помнили её голос и звук шагов. Пискляво присвистнув, поезд неторопливой змейкой заскользил по рельсам-ниточкам и скрылся за зелёным холмом, похожим с этой высоты на плюшевую подушку. И в тот миг, когда я, вздохнув, уже собрался спускаться вниз, сонную тишину разорвал грохот — чёрный дым и языки пламени взмыли в воздух, расшвыривая в разные стороны обезображенные клочья металла, исковерканные рельсы, искры и землю.

Глава четырнадцатая, повествующая о затянувшемся возвращении, страже восьмого коридора и секретных тропах.

Тележка ухнула вниз, в холодную темноту — так резко, что Гарри с Гермионой непроизвольно ахнули и намертво вцепились в бортики. Ветер свистел в ушах и не давал произнести ни слова, во мраке ничего не было видно. Судя по всему, скорость была приличной — но даже ползи тележка улиткой, Гарри бы поостерёгся выпрыгивать из неё в этом мраке: он ещё помнил узкие рельсы в подвалах Гринготтса, протянувшиеся над пропастью, из которой веяло промозглым холодом.

Поворот, ещё один — настолько резкий, что тележка натужно закрипела металлом по металлу, а Гермиона опрокинулась на Гарри и мёртвой хваткой вцепилась ему в рукав.

Постепенно начало светлеть, непроглядная тьма сменилась льющимся откуда-то призрачным светом, они летели ему навстречу, поднимаясь и замедляя ход.

Тележка вынырнула в широкий тоннель с переплетающимися рядами рельсов и кучей тёмных боковых коридоров. Тусклый свет шёл прямо от стен, и Гарри мог видеть серое, окаменевшее от страха лицо Гермионы, её выщипанные по ветру волосы и

побелевшие костяшки пальцев, стиснувших его мантию. У него были подозрения, что и сам он выглядит примерно так же. А тележка тем временем и не думала останавливаться — она резво постукивала и подскакивала на стыках, направляясь к только ей одной ведомой цели. И Гарри вовсе не был уверен, что ему хочется туда попасть. А значит...

— Как только она замедлит ход, надо будет выпрыгнуть, — наклонившись к уху Гермионы, прокричал он, стараясь перекрыть стук колёс и свист ветра.

Она взглянула на него круглыми от страха глазами и сосредоточенно кивнула.

И снова поворот за поворотом — тележка сбавила скорость, Гарри взял Гермиону за руку. Возможно, другого шанса им уже не представится. Впереди замаячил очередной поворот.

— Сейчас, — крикнул он. — Раз, два, три! — лишь только тележка заскрипела, замедляя ход перед следующим виражом, они перемахнули бортик и покатались по полу, слыша удаляющийся перестук колёс.

Гарри сел, держась за голову. Перед глазами всё плыло и покачивалось — стараясь подстраховать Гермиону, он здорово приложился. Но его самопожертвование мало помогло: у неё из разбитой и на глазах набухающей губы шла кровь, загнущийся подол юбки демонстрировал здоровенную ссадину на коленке, а лицо было перекошено от боли. Гарри почувствовал солёный вкус во рту, сплюнул в ладонь — точно, кровь (хорошо, что не зубы). Хотя, с другой стороны, теперь они были в относительной безопасности. В очень относительной. Но, во всяком случае, их уже не несло с дикой скоростью навстречу неизвестности. Постепенно перед глазами у Гарри прояснилось, но в голове продолжало гудеть, словно он засунул её в большой колокол. Причём гул только усиливался. Он недоумённо поднял взгляд, и увидел вытаращенные от ужаса глаза Гермионы, смотрящей ему куда-то за спину.

— Гарри! — она резко дёрнула его в сторону и как раз вовремя: из бокового прохода вынырнула ещё одна тележка и, промчавшись аккуратно в паре дюймов от того места, где только что была его голова, скрылась в тёмном коридоре напротив. То, что в ней сидело, было не очень похоже на человека. Хотя, возможно, Гарри только показалось — тележка скрылась в темноте раньше, чем он успел и глазом моргнуть.

— Спасибо, — пробурчал он, поднимаясь. Здорово болела нога — волшебная палочка почти воткнулась в неё при падении. — Ну, идти можешь?

Она утвердительно кивнула головой и встала, потирая ушибленные места и косясь на Гарри. Ей хотелось предложить ему медицинскую помощь — вид у того был не очень: здоровенная ссадина на лбу и скуле (наверняка будет синяк, — с состраданием подумала Гермиона). Но она тут же одёрнула себя: в конце концов, они всё ещё в ссоре. И пара царапин вовсе не причина для того, чтобы навязываться.

— Куда же нам идти?

Они закрутили головами — тёмные коридоры, рельсы, негромкий гул, идущий отовсюду, холод и призрачный свет...

— Может, туда? — Гарри махнул рукой в сторону единственного коридора без рельсов. — Во всяком случае, нас там хотя бы не задавит.

Может быть, и не задавит, — подумала Гермиона, — вопрос в том, нет ли там чего похуже...

Взяв палочки наизготовку, они свернули и поковыляли вперёд.

Становилось темнее и темнее, и, когда они миновали очередной поворот, их окружила полная темнота. Гарри поднял палочку, — видимо, Гермиона сделала то же самое, потому что их "*Lumos!*" прозвучали почти одновременно, открыв взорам влажный тоннель со стенами, покрытыми каким-то белёсым налётом, местами процарапанным, словно неведомый сумасшедший садовник провёл по нему гигантскими граб-

лями. Все звуки стихли, лишь под ногами чавкала грязь, да откуда-то доносилась приглушённая монотонная капель.

Идти становилось труднее, словно невидимая упругая стена вставала на их пути, не пропуская дальше. Даже воздух вокруг становился гуще; каждый шаг давался с трудом, они брели как сквозь воду. И вдруг стена материализовалась. Её не было видно, но Гарри мог её почувствовать. Он провёл ладонями — влажная, прохладная, чуть студенистая, она была неприятна на ощупь, напоминая то ли желе, то ли застывшую слизь.

Гермиона с сосредоточенным видом тоже обследовала её ладонями, что-то бормоча себе под нос.

— Как думаешь, что это? — шёпотом спросила она. И сама же ответила. — Что бы это ни было, её тут не просто так поставили. Думаю, нам стоит вернуться.

Но Гарри не мог остановиться — страх, смешанный с любопытством, образовал внутри гремучую смесь, заставив его прижаться лицом к мягкому подрагивающему барьеру и всматриваться в то, что лежало с другой стороны.

Сначала он не увидел ничего. Потом — то ли от напряжения, то ли от недостатка освещения — ему почудилось вдалеке какое-то движение. Он ещё больше напряг зрение, затаил дыхание...

Гарри так и не понял, когда же оно появилось перед ним — покрытое шерстью узкое лицо с неровной прорезью рта и красными глазами, припавшие к невидимой стене серые руки с тонкими многочисленными пальцами, заканчивающимися стеклянными ногтями. Существо точно так же прильнуло лицом к стене с той стороны, и Гарри показалось, что ещё каких-нибудь полдюйма — и они соприкоснутся носами.

Вскрикнув от неожиданности, он шарахнулся и выставил вперёд свою палочку, готовый дать отпор. Но ничего не произошло, стена даже не шелохнулась.

— Ты видела? Нет, ты видела это?! — выдохнул он. Гермиона отрицательно покачала головой, и Гарри почёл за благо её не пугать. — Наверное, померещилось. Пойдём обратно, — решительно произнёс он, и они отправились в обратный путь, который показался им куда короче — наверное потому, что теперь их словно что-то подталкивало в спину.

Из-за поворота проклюнулся тусклый свет, и они вернулись на “главную улицу”, как мысленно окрестила её Гермиона. Стараясь держаться как можно ближе к стенам, настороженно прислушиваясь и предусмотрительно заглядывая в каждый коридор прежде, чем перебираться через рельсы, они медленно двинулись вперёд, больше не разговаривая и не глядя друг на друга.

Минуло полчаса, потом ещё полчаса — Гарри периодически сверялся со своими часами. Ничего не менялось. Всё те же рельсы, всё тот же тоннель, всё так же из боковых проходов периодически выскакивали мчащиеся куда-то тележки — иногда пустые, иногда в них сидели какие-то существа, напоминавшие гоблинов — но не было ни единой живой души, у которой можно было бы спросить дорогу. Гарри начал впадать в отчаяние, уже не уверенный в том, что его решение было правильным, ведь в результате они всё равно шли в том же направлении, куда мчал их безумный экипаж, сколько им ещё идти, куда они придут в конечном итоге — это было покрыто мраком. Гермиона молча прихрамывала рядом, не высказывая ни предположений, ни претензий. Её черты застыли в скорбной гримасе, а размазанная по подбородку кровь, кажущаяся в этом сумеречном освещении чёрной, придавала бледному лицу совершенно вампирский вид.

За очередным поворотом тоннель неожиданно кончился у подножия винтовой каменной лестницы, уходившей в теряющийся во мраке потолок.

Поколебавшись мгновение, Гарри крепко стиснул палочку и сделал шаг на ступе-

ни; Гермиона, тоже чуть помедлив, последовала его примеру, и в тот миг, когда они коснулись руками растрескавшихся каменных перил, лестница пришла в движение, быстро вознося их вверх.

От неожиданности они сначала замешкались, а потом было уже поздно — их подняло уже слишком высоко; Гарри мысленно приготовился к самому худшему, внутри похолодело от неприятного предчувствия. Лестница ввинчивалась в пространство, поднимая их сквозь сизый туман. То, что лежало внизу, начало растворяться в сумраке, а сверху неуклонно и неотвратно надвигался потолок — лестница уходила прямо в него, без малейшего признака люка. Гермиона издала полный ужаса вопль: прыгать вниз было верной смертью, но быть раздавленным, словно муха, между двумя камнями... Гарри беспомощно взглянул на трясущуюся от страха девушку, закрывшую глаза и крепко прижавшую ладони к щекам, потом снова посмотрел вверх — потолок неудержимо надвигался, уже были различимы капли воды, висящие на покрытом мхом камне. И в тот миг, когда юноша мог бы уже коснуться его, подняв вверх руку, разверзся люк, сквозь который их вынесло в небольшую комнату, стены которой были завешены потускневшими гобеленами, а пол, как ковром, покрыт толстым слоем пыли.

Лестница остановилась, они, с трудом справившись с дрожащими ногами, торопливо сошли на пол, взметнув клуб пыли, заставившей их тут же зачихать.

— Ну, наконец-то, — раздался голос у них за спиной. — А то я уже начал опасаться, что моё ожидание затянется...

Поворачиваясь, Гарри чувствовал себя полным идиотом. Ну, конечно же — а он ещё удивлялся тому, что похитители не предприняли ни единого действия, чтобы их задержать!

— Мы опять недооценили тебя, Гарри, — вымолвил Дамблдор, улыбаясь (впрочем, Гарри не был в этом уверен, возможно, ему это только показалось) себе в борозду. — Ты даже заставил нас немного поволноваться... Особенно, когда вы выскочили из тележки, — Гарри захотел провалиться сквозь землю. Бросив косой взгляд на распухшую губу Гермионы, на свои разбитые в кровь руки, подумав об опасностях, которым они, возможно, подвергались по его вине (несущиеся отовсюду тележки... странное чудовище в боковом туннеле... *хорошо ещё, что шеи себе не посворачивали, когда прыгнули!*) он густо покраснел и удручённо уставился в пол. — Ты хорошо усвоил уроки профессора Хмури, — тем временем продолжал Дамблдор, — “Бдительность, бдительность и ещё раз бдительность”... Ухитрился заставить врасплох даже наших авроров, — теперь он точно улыбался. — Ну-с, а теперь ступайте за мной, а то вас уже все заждались...

Не в силах поднять глаза на Гермиону, Гарри последовал за директором по пыльному коридору — судя по всему, в нём не один десяток лет не ступала нога человека. Ветхие гобелены на выщербленных стенах, битый камень и — пыль, пыль повсюду: она заглушала звуки, свисала пушистыми лохмами с паутины под потолком, липла к ботинкам и одежде... Дамблдор остановился перед странного вида дверью, обитой крест-накрест медными лентами. Сначала Гарри не понял, что же в ней странного, а потом до него дошло — не было ни единого признака ни замка, ни ручки, за которую можно было бы дёрнуть. Дамблдор достал свою волшебную палочку, провёл ею по одной из медных лент и произнёс длинную фразу, совсем непохожую на заклинание. И вдруг по полосе пробежал огонь, высвечивая произнесённые им странные слова: *“Nemo est, quinon cupiat liberos suos incolumes et beatos esse”*, и дверь с пронзительным скрипом отворилась.

До них донеслись приглушённый смех, гомон, звон посуды и шум воды... Затхлый запах нежилого помещения сменили аппетитные, дразнящие ароматы еды и свежесть летнего воздуха. Узенькая деревянная лестница, коридор, ещё одна дверь —

они стояли в Дырявом котле.

Глава пятнадцатая, в которой сообщаются подробности о печальной кончине Норы, Гермiona уезжает, а Гарри летит в тартарары.

— Вообще, нам здорово повезло, что Перси очень серьёзно отнёсся к указанию Министерства о введении чрезвычайного положения, — задумчиво продолжил Рон и подул на дымящийся мятный чай. — Фред с Джорджем всё издевались над ним, раскидывали по палисаднику Флибустьерские фейерверки, выпрыгивали по ночам из-за углов, когда он патрулировал... А потом ещё приволокли с чердака в гостиную упыря и заставляли визжать посреди ночи. Довели маму до нервного срыва — видел бы ты, как за ними скалка с веником гонялись... — Рон усмехнулся и поднял взгляд над замершего над своей чашкой Гарри. — Но когда это началось... — глаза его потемнели, словно перед ним опять встала картины ночного пожара. — Вряд ли мы выбрались бы, кабы не он. Оказывается, он подготовился к эвакуации и успел всех разбудить. В общем, обошлось — и ладно. Зато вот страховки теперь хватит, чтобы построить домишко поприличнее, чем Нора. Да и гномов по всей округе повывели — тоже польза, — несмотря на браваду, в голосе Рона зазвучала пронзительная грусть. Гарри как наяву увидел оранжевую комнату друга, вспомнил процедуру обезгномливания, и у него защемило сердце. — Нам удалось доказать, что инструкции Министерства по технике безопасности были точь-в-точь соблюдены... А вот семья папиных сотрудников решила на них наплевать — теперь им так и придётся торчать в Дырявом котле. Или мыкаться по родне...

Гарри машинально помешивал чай с чувством, будто его огрели по голове чем-то тяжёлым. Одно дело, когда читаешь скупые и сухие газетные сводки новостей и совсем другое — когда беда обретает плоть и кровь, обрушиваясь на твоего лучшего друга. Ему стало не по себе, появилось даже что-то вроде мучительного стыда: пока тут самые близкие ему люди чудом спаслись от верной гибели, он, как последний болван, страдал из-за несчастной любви, нежился на солнышке, учил уроки и занимался истреблением овощей!

— Хорошо ещё, что Джинни гостила у тётки... А Чарли здорово обжёгся. Он кричал, что ему огонь нипочём и рвался прямо в пламя. Да что толку — всё равно почти ничего не спасли, разве что кур да поросёнка вытащили. А потом маме стало плохо, — воспоминания захватили Рона, он уже не мог остановиться, говорил и говорил, глядя в одну точку перед собой. — Это был сущий ад. Магический пожар нельзя погасить, мы просто стояли и смотрели, пока не рассвело, и от Норы не осталось лишь пепелище. В эту ночь пожгли почти всех “наших” Министерских работников — и не все так дёшево отделались, как мы. Папа рассказывал, что погибла вся семья Элайджи Стэнфорда — кроме него самого, он в это время был на выезде... У Кэти Бэлл мать убили Непрощаемым заклятьем. Говорят, что от травм в госпитале Святого Мунго поумирало полно народу — когда мы навещали маму и Чарли, там было битком. Как же я их всех ненавижу... Если б знал, кто это сделал, — убил бы собственными руками, — выдохнул Рон, мстительно сжав чашку. И вскрикнул: в его широких ладонях хрупкий фаянс жалобно треснул, и горячий чай выплеснулся ему на руки и на колени. — Чёрт! Чёрт, чёрт!

Он вскочил, едва не опрокинув стол, и запрыгал, шипя и размахивая ошпаренной рукой. На шум в комнату заглянула миссис Уизли. Взглянув на её встревоженное лицо, Гарри постарался как можно более успокаивающе улыбнуться ей и снова почувствовал накатившую волну стыда и вины. Он не представлял, что за какую-то

пару месяцев, пока они не виделись, человек может так постареть. Лицо миссис Уизли осунулось, в рыжих волосах засеребрились предательские пряди, глаза запали. Улыбка, никогда не сходявшая с её лица, куда-то делась — вместе со звонким командным голосом: теперь миссис Уизли говорила так тихо, что едва можно было расслышать, и руки у неё постоянно подрагивали. Вот и сейчас Гарри услышал, как чашка, которую она держала, выбивает негромкую дробь по блюдцу.

— Мам, всё нормально, я тут просто случайно разбил чашку, — Рон продемонстрировал осколки. — Не волнуйся, я не обжёгся. Сейчас уберу.

Губы миссис Уизли дрогнули, она умоляюще взглянула на Гарри и тихонько прикрыла дверь.

— Теперь Фред с Джорджем, когда не помогают на стройке, целыми днями торчат в своём магазине. У них там в подвале лаборатория, и я подозреваю, что не приколами они там занимаются, не приколами... — понизил голос Рон. Вздохнув, он наставил на осколки палочку. — *Reparo!* Сейчас, правда, поутихло; как Дамблдора назначили, нападения прекратились. Но все здорово напуганы — столько народу пострададо... Не поверишь — даже Малфоев пожгли! Но — зуб даю — это было сделано для отвода глаз. А этот гад ещё интервью Пророку давал, дескать, как он отличился на пожаре... — губы Рона с отвращением искривились. — Небось, сам и поджигал. Ладно, — Рон тряхнул вихрастой головой (в другое время миссис Уизли давно бы укоротила это рыжее безобразие), будто хотел избавиться от воспоминаний, — ты расскажи мне, как вы съездили, а то из тебя я ровно клещами слова тащу.

— Да нормально, — в восьмой раз повторил Гарри, которого бросило в дрожь от одной мысли о том, что ему придётся рассказывать о своих болгарских приключениях после того, что поведал Рон. — Просто отдохнули, посмотрели новые места...

— Ты мне зубы-то не заговаривай, — перебил его Рон. — Будто я тебя плохо знаю. Вы с Гермионой, как вернулись, даже словом друг с другом не обмолвились — давай, выкладывай, что там у вас стряслось.

Гарри торопливо поднял чашку и, пытаясь оттянуть время, начал давиться и обжигаться горячим чаем. Неуёмное желание Рона всё разузнать в подробностях начало раздражать и вызывать подозрения, что с этим любопытством что-то не чисто. Рон нетерпеливо вертел в руках чашку, не сводя глаз с Гарри, лихорадочно перебиравшего в уме уклончивые фразы.

— Из-за чего вы поругались-то?

— Ну-у... э-э... — Гарри что-то невнятно замычал, не убирая чашку ото рта.

— А как там Крум — так же ухлёстывал за ней? — Гарри от неожиданности поперхнулся и закашлялся.

— Это хорошо, что он эту дурь из головы выбросил, — одобрительно тряхнул головой Рон, превратно истолковав реакцию друга. — А то бы... — от уточнения его удержал вернувшийся в комнату Перси. В ожидании восстановления Норы они с Роном делили угловую комнатку на втором этаже Дырявого котла. Разумеется, под номером 13. Оба были сильно недовольны таким соседством — Перси ворчал, что неряха и лоботряс Рон не даёт никакой возможности ни нормально поработать, ни спокойно отдохнуть, а объект его критики уже на стенку лез от педантичности и занудства старшего брата, решившего, по-видимому, всерьёз заняться воспитанием подрастающего поколения. Периодически в этой небольшой комнатке разыгрывались целые баталии, которые, впрочем, затихали, лишь только в дверном проёме появлялось осунувшееся лицо миссис Уизли — соперники мигом виновато умолкали. Вот и сейчас было что-то вроде перемирия. Судя по всему — затянувшегося, потому что стороны уже накопили по изрядной порции обоюдных претензий.

— Рад видеть тебя, Гарри, — кивнул головой Перси, аккуратно сгружая бумаги и

пару свитков на прикроватную тумбочку, и неодобрительно оглядывая залитый чаем пол. Пригвоздив Рона к стулу возмущённым взглядом, он вытащил палочку и привёл комнату в порядок. — Я слышал, вы доставили сегодня хлопот Министерству? — укоризненно приподнял он бровь. Гарри был готов поклясться, что мысленно Перси добавил ещё два слова — “как всегда”. Рон мученически закатил глаза и поманил Гарри за собой в коридор.

— Он нам жизни не даст. Пойдём-ка лучше в Диагон-аллею. Развеемся, авось встретим кого-нибудь из наших...

Гарри как раз вытряхивал из всех карманов оставшиеся деньги (*Надо бы заглянуть в Гринготтс*, — пробормотал он себе под нос, обозревая скудные сбережения), когда в дверь его комнаты постучали.

— Заходи-заходи, я сейчас, — не поворачиваясь, откликнулся он, продолжая перетряхивать содержимое сундука. Дверь скрипнула, но шагов слышно не было. Гарри обернулся и замер: в дверях, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял вовсе не Рон, как он ожидал, а Гермиона. Он был убеждён, что родители увезли её тотчас по возвращении, едва только закончили лобызать, тискать и ахать о тех напастьях, которым они могли подвергнуться (как раз на этом месте Гарри стало просто невыносимо стыдно и неловко, и он быстренько ускользнул в спасительную комнату Рона).

Юноша застыл от неожиданности, внутри опять распахнулась какая-то дверка, которую он, как казалось, крепко-накрепко заколотил и на которую навесил все возможные замки. Сердце ёкнуло, он почувствовал, что заливается краской, и мысленно сердито одёрнул себя. Вызывающе медленно поднявшись, неторопливо подошёл к дверям и вопросительно уставился на Гермиону, не приглашая её войти.

— Гарри, я зашла попрощаться, мы сейчас уезжаем, — Гермиона смотрела куда-то ему за плечо, вид у неё при этом был такой, будто она отдала бы мешок галлеонов, лишь бы очутиться где-нибудь в другом месте. — И ещё — я хочу сказать, что не сержусь на тебя. Я понимаю, что ты мог всё истолковать превратно и прощаю тебе твою...

Тонкий голосок в глубинах подсознания пропищал, что сейчас Гарри должен взять её за руку и, для начала, пригласить пройти. Но он тут же был задушен издевательским шёпотом, напомнившим и про смятые простыни, и про ночные поцелуи, и про то, каким слюнявым развесившим уши дураком был он сам.

— То есть это ты меня прощаешь!? — не выдержал Гарри. — То есть это я понял превратно?! — его голос, подозрительно тихий сначала, словно он не мог поверить своим ушам, с каждой фразой становился всё громче и громче. — Я никогда, никогда не думал, что ты можешь врать, глядя прямо в глаза. Я поверить не могу, что ты могла так поступить...

— Но Гарри... — начиная закипать, протестующе перебила Гермиона и схватила его за рукав. Он тут же стряхнул её руку, словно это было отвратительное насекомое. — Это же несерьёзно!

— Ах, так?! И что тогда серьёзно, а?.. Вот что, Гермиона — ты уезжаешь? Ну так скатертью дорога. Увидимся в школе.

Он захлопнул дверь у неё перед носом и обессилено сполз по стенке, чувствуя себя совершенно опустошённым сегодняшним днём. Он и не подозревал, что она в точно такой же позе сидит по ту сторону стены, кусая губы и изо всех сил сдерживая сердитые слёзы.

...Спасибо, мамочка. Твой совет сделать первый шаг к примирению и вести себя, как взрослые люди, был, как нельзя более, удачен.

Гермиона встала, не оборачиваясь, прошла по коридору и начала спускаться вниз с твёрдым решением больше никогда и ни за что не иметь никакого дела с этим

ужасным, ненормальным, отвратительным, бестолковым, глупым и ничего-не-понимающим-в-жизни-и-в-девушках... (тут лестница кончилась, и Гермиона, переведя дух, закончила)... идиотом по имени Гарри Поттер.

* * *

Спустя два дня вышеназванная персона, столь нелицеприятно охарактеризованная Гермионой, шла по Диагон-аллее к “Магии кухни”, вертя по сторонам вихрастой головой и не уставая изумляться тому, как мало всё вокруг изменилось в связи с недавними событиями — та же толчея в преддверии нового учебного года, та же разноголосица. Никаких признаков повышенной безопасности, никаких листовок из серии “Бдительность, бдительность и ещё раз бдительность”, никаких авроров с мрачными лицами и палочками наизготовку на перекрёстках. Люди ходили по магазинам, беседовали, сидели под парусиновыми зонтиками в кафе, прячась от всепроникающего солнца, пили холодный чай с бергамотом и ели разноцветное мороженое. Разве что улыбались меньше. И говорили тише.

Гарри шёл, и его переполняли сомнения: робкий вопрос, не может ли он как-то облегчить финансовую ситуацию семейства Уизли, натолкнулся на сердитый отказ Рона (залившегося краской с ног до головы под цвет своей шевелюры) и очередной поток слёз, которыми разразилась миссис Уизли. Это произвело гнетущее впечатление, а потому он решил больше вопросов не задавать, а просто приобрести им что-нибудь полезное. Как говорится, “для дома”.

Тем более, что сам дом был уже на подходе — мистер Уизли, Билл, Чарли, близнецы, Рон и даже, временами, Перси (разумеется, когда ему не нужно было писать тридцать пятую поправку к акту об утилизации драконьего навоза, ведь “*Общественное важнее личного!*” — назидательно вещал он, подняв указательный палец к потолку) — словом, вся мужская часть семейства спешила закончить с домом до начала нового учебного года, который был уже на носу. Как раз завтра обещали взять и Гарри с Роном — надо было помочь с крышей и полами.

Так вот, вопрос заключался в том, какой именно подарок приобрести на новоселье. Гарри заходил во все хозяйственные магазины подряд, начиная испытывать растущее разочарование: кому нужны ароматизаторы воздуха, каждые два часа меняющие запах? Утюги, громко сообщающие о том, что они сожгли рубашку? Самозамачивающееся постельное бельё и прибегающие на свист хозяина тапочки?

На мысль о кухонных принадлежностях навёл его упоительный аромат, доносившийся из трактирчика “Лев и кастрюля”. Ну конечно! Миссис Уизли с её бесконечными пирожками, помадками, кексами, пудингами... определённо: это было именно то, что нужно. Разузнав дорогу у хозяйки, пухлощёкой ведьмы, чем-то напоминающей разносчицу в Хогвартс-экспрессе, Гарри помчался туда на всех парусах.

Магазинчик “Магия кухни”, разместившийся на углу Диагон-аллеи и Каменного тупика, встретил его жизнерадостным бряканьем колокольчика, сумрачной прохладой, тусклым блеском медных тазов для варки варений и заготовки солений и разноголосым щебетаньем ведьм разнообразных возрастов и комплекций — от молоденьких хозяек, восторженно рассматривающих последние модели скатертей-самобранок (у Гарри аж дух захватило, когда он взглянул на цены) до сморщенных, как прошлогодняя картошка, старух, костлявыми пальцами перебирающих венчики и толкушки, дизайн которых не поменялся за последние пару столетий.

Гарри оказался единственным представителем сильного пола (не считая какого-то блёклого заморенного молодого человека, с двух сторон подпираемого могучими, затынутыми в яркие мантии телесами жены и тёщи), а потому внимание хозяйки было сразу же обращено на него.

— Чем могу помочь, молодой человек? Ищете подарок матушке?

— Д-да, что-то вроде того, — промямлил Гарри, растерянно скользя взглядом по полкам, стойкам, крючкам и витринам, заставленным и завешенным замысловатыми кухонными штучковинами, некоторые из которых висели и стояли смирно, тогда как другие усердно демонстрировали свои умения. Волшебный венчик с безумной скоростью взбивал в воздушную пену белки, Чудо-тёрка (эксклюзив из Германии, 20 насадок, 50 галлеонов) виртуозно шинковала овощи — звёздочками, решётками, соломкой всех видов; два сверкающих ножа вращались в воздухе, как серебристые пропеллеры... Гарри ничего не смыслил в волшебных кухонных принадлежностях, а потому решил остановиться на традиционном и беспроектном варианте: наборе кастрюлек, песенками оповещающих хозяйку о степени готовности еды.

Попросив всё упаковать и отправить в Дырявый котёл, он уже собрался, было, уходить, как вдруг заметил нечто совершенно неожиданное: хилый молодожён, исхитрившись непонятным образом ускользнуть из клещей своей новообретённой слоноподобной родни, невзначай коснулся витрины с каким-то неинтересным хламом, стоявшей в самом дальнем углу. И пропал.

Гарри захлопал глазами — нет, ему не показалось, это не было игрой света и тени (хотя говорить о свете не приходилось — в магазинчике было темновато, а в том углу — практически темно). Постаравшись незаметно оглядеться (и убедившись в том, что никто, кроме него, исчезновения не заметил), Гарри, шажок за шажком, усиленно делая вид, что изучает витрину с ножами — *нож для пиццы... для грейфпрута... для устриц... ритуального кровопускания* — продвигался в нужном направлении. Определённо: там не было никакого прохода — ни двери, ни занавески, ни малейшего намёка на потайной ход... Гарри поднял руку, чтобы как следует обследовать это место, коснулся пыльного стекла, за которым лежал потускневший от времени уценённый мусор, и... И провалился в чёрную бездну.

Глава шестнадцатая, в которой Гарри ждёт много потрясений, путешествий и открытий, а Перси Уизли снова проявляет организаторские способности.

Падение закончилось, даже не успев начаться: Гарри сидел на холодном склизком полу в тёмном коридоре, растворявшемся во мраке в обоих направлениях. Он был здорово ошеломлён, если не сказать “напуган”. Вскочив на ноги, юноша начал топорливо ощупывать стены, нажимая пальцами на все выпуклости, — увы, хода назад не было. Во всяком случае, здесь. Значит, надо было двигаться вперёд. Гарри покрутил головой, выбирая, в каком направлении ему пойти, — впрочем, по здравому рассуждению, это не имело никакого значения. Он зашагал, стараясь двигаться как можно тише, что оказалось непросто, — под ногами что-то чавкало, и было очень скользко и противно. Особенно с учетом того, что из-за неудачного приземления брюки были тоже в какой-то сальной на ощупь грязи.

Через пару минут Гарри наплевал на всякую осторожность и засветил свою палочку. Перед ним простирался бесконечный тёмный туннель с беловатым налётом на стенах и закишей жижей под ногами. Жижей, в которой были видны отпечатки чьих-то ботинок. Возликовав, Гарри заторопился по следу, забыв обо всём: желание выбраться из этого отвратительного места заглушило вопли и призывы разума.

Идти пришлось недолго — уже за вторым поворотом коридор чуть посветлел и расширился, вливаясь в огромный сумрачный зал, не имевший, на первый взгляд, ни стен, ни потолка — все съела тьма, рассеять которую не мог странный зеленовато-жёлтый огонь, пляшущий на возвышении посередине. И в этом пламени, ни на чём не держась (во всяком случае, так показалось Гарри) висел странный предмет не-

правильной формы, не вызывавший ассоциаций ни с чем знакомым. Гарри прищурился, собрался сделать шаг вперёд, но, уловив краем глаза какое-то движение, окаменел и даже затаил дыхание. Хотя последнее явно было излишним — коль уж никто не услышал его топот, когда он мчался сюда...

Из темноты вынырнула человеческая фигура и двинулась в направлении Гарри. Тщедушная фигура, белёсые волосы, бледное лицо, неестественно выглядящее в свете пламени.

“Да это же тот самый парень из магазина!” — мысленно ахнул Гарри, вжимаясь всем телом в каменную нишу на входе, чтобы остаться незаметным и ничего не пропустить.

Вот только сейчас на худом лице незнакомца было совсем не затравленное выражение, наоборот — предельно собранное, решительное и спокойное, как будто он выполнял важную и ответственную, но привычную работу. Гарри так и не понял, что же тот сделал, — по подземелью гулко разнеслись какие-то непонятные слова, и пламя выстрелило вверх зеленоватым языком, выхватив из темноты стену, испещрённую какими-то надписями. Гарри отшатнулся обратно в коридор, но тут же, крадучись, вернулся назад, стараясь держаться во мгле и внимательно следя за всеми движениями незнакомца, прекрасно осознавая, что второго шанса выбраться отсюда может и не представиться.

Щуплая фигура миновала огонь и подошла к каменным плитам, здорово напоминающим надгробные. Протянула руку, коснулась поверхности — и растворилась в воздухе.

Затаившись, Гарри ждал, но больше ничего не происходило. Тогда, слыша в ушах биение собственного сердца, он сделал несколько шагов вперёд и снова замер. Больше всего он сейчас боялся оторвать взгляд от плиты и перепутать её с соседней. И ещё — что в темноте зала может кто-нибудь прятаться. Но нет, единственные шаги, нарушавшие гробовую тишину, были его собственные. Вот он приблизился к огню, до плит оставался какой-то десяток футов...

Пламя снова вскинулось вверх, и на стене проступили письмена. Теперь их можно было даже разобрать.

— Аббадон, Агарест, Амон, Арнох, Баман, Бельбель, — прищурившись, одними губами произнёс Гарри и тут же почувствовал чьё-то незримое присутствие. Словно распахнулись глаза — пристальные, насмешливые, злые; под сводом, где-то высоко-высоко, раздалось тихое “ахxxx...” — а может, это просто эхо подхватило его испуганный шумный вздох?.. Но любопытство пересилило, и, вместо того, чтобы сразу поторопиться выбраться отсюда, Гарри шагнул к огню. Примерно в пяти футах над постаментом, в самом центре пламени висел в воздухе то ли камень, то ли слиток, тускло поблёскивающий и выглядящий совершенно холодным. И вдруг Гарри осенило — по форме эта штука напоминала сердце.

Огонь не обжигал — наоборот, от него шла морозная волна. Не в силах справиться с собой, Гарри сделал ещё один шаг, протянул руку, — и замер: его до боли обострившийся слух уловил какие-то звуки, шедшие из одного из многочисленных туннелей, что вели в это загадочное место.

Шлёпающие звуки чьих-то приближающихся шагов.

Крепко сжав зубы, с ощущением, что сердце бьётся где-то в горле и вот-вот выбьёт зубы и выскочит изо рта, Гарри метнулся к надгробиям и увидел на них высеченные надписи: Хогсмид, Диагон-аллея, Дрян-аллея...

Звук шагов медленно, но неуклонно приближался, Гарри уже протянул руку к мраморной плите со словом “Диагон-аллея”, но тут глаза зацепились за мелкие буквы и цифры, сообщающие об имени, дате рождения и кончины истинного владельца это-

го надгробия... Гарри почувствовал, как капли ледяного пота выступили на лбу, а в груди что-то оборвалось.

...Так вот куда я попал...

— Понимание пронзило его стальным клинком, разом заморозив все внутренности и мысли в голове. — *Вот куда я попал...*

За спиной у него раздался сиплый вздох. Гарри обернулся и тут же отшатнулся назад, налетев спиной на ближайшую плиту. К нему тянулись цепкие пальцы со стеклянными когтями, голодные глаза существа горели красным неугасимым огнём, а из пасти стекала зловонная слюна.

* * *

Гарри хватились не сразу. Спустя пару часов после того, как посыльный доставил покупку из “Магии кухни”. Рон рассудительно предположил, что Гарри решил пройтись по магазинам, перекусить в кафе, подкупить школьных принадлежностей, взглянуть на новые товары для квиддича... Правда, он это делал больше для встревоженной миссис Уизли, прекрасно зная, что все основные покупки они с Гарри совершили накануне, а любой — даже самый неспешный — обед вряд ли бы занял больше пары часов.

Рон уже трижды обежал окрестности, издегал хозяйку “Магии кухни” расспросами о Гарри (“*Конечно-конечно... Был такой смущённый милый мальчик. Купил подарок для матушки, попросил доставить его в Котёл и ушёл*”), но поиски не дали никаких результатов: никто не видел Гарри с того момента, как он зашёл в этот магазин.

А день, меж тем, неуклонно катился к вечеру; узкие улочки, укутанные сиреневыми сумерками, постепенно пустели и затихали. Появлялись неспешно прогуливающиеся вдоль домов не бросающиеся в глаза личности в одинаковых серых мантиях.

Яркой дорожкой разом вспыхнули фонари, в свете которых хозяева, позвякивая ключами и громохая задвижками, запирали магазинчики и закрывали ставни.

Похолодало — приближалась августовская, уже дышащая осенью ночь.

Гарри не было.

Наконец, не выдержав, Рон поделился своими опасениями с Перси. Уж лучше бы он этого не делал. Призвав гнев Мерлина и все кары небесные на голову *непутевого и бестолкового братца*, которого, видимо, *не в состоянии научить разумно мыслить даже то, что раньше с ним приключалось*, и который *вечно считает себя умнее остальных, не имея на то ни малейших оснований* (да, мистер Персиваль Уизли всегда был любителем длинных патетических тирад — наверное, это отличительная черта руководящего работника — прим. авт.), Перси немедленно собрал огненноголовую команду из имеющихся в наличии мужчин семейства Уизли, и отряд отправился на поиски Гарри.

Увы, безуспешно: немногочисленные прохожие ничего не видели, сонные обитатели домов ничего не слышали и не знали. А если и знали, то ничего не рассказывали.

Обойдя все улочки и облазив окрестности, переговорив с патрульными и сообщив им приметы Гарри, команда вернулась в Дырявый котёл в абсолютно деморализованном состоянии, что не помешало им продолжить серию розыскных мероприятий: Перси сел за письма Дамблдору и Гермионе (на этом настоял Рон “*я так понял, они поругались в Болгарии, как знать, может, Гарри потащился к ней — мириться?*” — это высказывание вызвало ошарашенные взгляды присутствующих, но, тем не менее, Перси пожал плечами и покорно взялся за перо), Фред вызвал по каминной связи отца (тот поднял на ноги Министерство, а Рон с Джорджем приводили в чувство рыдающую, как по покойнику, миссис Уизли. Хорошо, что у жильца из комнаты номер шесть нашлись успокоительные пилюли — через полчаса она забылась сном. Чего нельзя было сказать об остальных.

Молча, они собрались у пылающего камина и занялись самым тяжёлым на свете занятием: ожиданием. Но ждать им пришлось куда меньше, чем они рассчитывали...

* * *

Гарри даже не успел вскинуть палочку: существо навалилось на него всем телом, он ощутил зловонное дыхание, черная слюна жгла руки... У юноши подогнулись ноги — не от страха, нет, — от тяжести этого огромного тела, и он рухнул на ближайшее надгробие, тут же провалившись сквозь него, как сквозь масло, в другое место и иную реальность.

Гарри огляделся: он лежал на полу, солнце пробивалось сквозь щели и трухлявую крышу старого и, судя по всему, давно заброшенного дома. В этих тонких лучах плясали пылинки. Мебели не было, но какие-то неуловимые знаки — отсутствие пыли на полу, сияющее зеркало на стене, хорошо смазанная дверь (когда он толкнул её рукой, та отворилась без малейшего скрипа) — подсказывали, что дом этот часто посещают. Гарри торопливо выскользнул на улицу, желание проводить новые исследования, идя на поводу своего любопытства, пропало: пожалуй, на сегодня лимит увлекательных приключений был исчерпан.

Густые заросли, окружавшие дом, не давали ему определить, куда же он попал. Покрепче сжав палочку и стараясь ступать как можно бесшумнее — что для него не являлось таким уж сложным, Гарри с рождения был одарён гибкостью и умением ловко и легко двигаться (вот только во время танцев это умение сразу куда-то исчезало) — юноша пробрался сквозь кусты, перелез через покосившуюся изгородь и, покрутив головой, убедился, что всё не так уж и плохо.

Можно сказать, даже хорошо. Особенно с учётом того, чего он сумел избежать несколько минут назад.

Гарри с облегчением расправил плечи, поправил очки, съехавшие по мокрой от пота переносице на самый кончик носа, и улыбнулся. Он стоял на окраине Хогсмиды.

Мадам Розмерта была о-очень удивлена, увидев в “Трёх мётлах” Гарри Поттера, — семестр ещё не начался, а студенты крайне редко заглядывали к ней во время летних каникул — разве что те, кто жили в Хогсмиде или окрестностях. В нынешнее беспокойное время и мёртвый сезон (*ах, одни убытки, одни убытки!*) “Три метлы”, вообще, частенько пустовали, а потому мадам Розмерта была не прочь поболтать. Решив не углубляться в подробности, и для начала разобраться в случившемся самостоятельно, Гарри уклончиво сообщил, что заглянул сюда по пустяковому делу, и тут же понял, что вран из него никакой: брови мадам Розмерты удивлённо приподнялись, однако она вежливо промолчала, бросив выразительный взгляд на его перемазанную одежду и грязные башмаки, странно выглядящие в чудесный солнечный денёк. Тогда, чтобы сменить тему, он попросил себе сливочного пива (он бы с удовольствием выпил чего-нибудь покрепче, его до сих пор трясло так, словно он принял адреналиновый душ), три всё-равно-каких пирожных, сока, мороженого, плитку шоколада, кусок тыквенного пирога и два, нет, три сэндвича с ветчиной. Мадам Розмерта растерянно приняла заказ и через пару минут водрузила перед Гарри поднос, заставленный яствами (яствами), которые он начал методично уничтожать, вряд ли ощущая вкус. Во всяком случае, ей так показалось: обычно люди не запивают сливочным пивом мороженое, периодически откусывая бутерброд. Но тут её внимание привлекли новые посетители — тщедушный вампир, обезвреженный во время последних рейдов, прошамкавший беззубым ртом заказ (пюре из сырой печёнки и леденцы со вкусом крови) и завсегдатаи её трактирчика — два пожилых колдуна с соседней улицы, любившие поклевать носом над чашкой глинтвейна и шахматной

доской.

Немного придя в себя и почувствовав, что от резких звуков у него уже не учащается пульс, Гарри собрался отправиться восвояси — надо было всё срочно рассказать Рону и... *нет. Только Рону.* И написать Сириусу и... *нет, только Сириусу.*

И вообще — почему мне лезут в голову всякие глупости? — обозлился на себя Гарри. — Словно подумать больше не о ком...

Он тряхнул головой, пытаясь выкинуть оттуда мысли о тёмноволосой девчонке с упрямо вздёрнутым подбородком, которая всегда всё знала и наверняка рассказала бы ему мельчайшие подробности о том месте, куда его занесло, поднялся и решительно направился к мадам Розмерте.

— Скажите, а как бы я мог вернуться в Лондон? Когда ближайший поезд?

— Ой, дружок, что же ты не побеспокоился об этом заранее? — хозяйка оторвалась от полировки стакана и сокрушённо покачала головой. — Из-за этих ужасов расписание поменяли, теперь Хогсмидский скорый ходит только раз в сутки — и сегодня он уже ушёл. Так что тебе придётся подождать до вечера — когда начнутся рейсы Ночного рыцаря...

У Гарри мелькнула мысль о том, что, наверное, его успеют хватиться. Но тут же в голову пришла ещё одна — куда более соблазнительная. Коль скоро он в Хогсмиде и заняться всё равно нечем — не торчать же, в самом деле, тут, клюя носом над своей чашкой (он покосился на двух задремавших у окна старичков) — почему бы не прогуляться в Хогвартс. Может, там сейчас Хагрид... Или Дамблдор... Честно говоря, Гарри был бы не прочь задать им несколько вопросов.

“Сладкое королевство” тоже пустовало. Сначала Гарри это здорово озадачило: чтобы попасть в подземный ход, ведущий к Хогвартсу, нужно было каким-то образом незаметно пробраться в подсобку, а это, на первый взгляд, казалось совершенно невыполнимым: заскучав по человеческому общению, хозяева накинудись на Гарри, едва только он переступил порог.

Выслушав очередную порцию жалоб на беспокойные времена и набив рот сливочными тянучками (что позволило отвечать на вопросы уклончивым мычанием), Гарри обратил внимание на витрину с надписью “Новинка! Только для совершеннолетних! Берти Боттс — сумасшедшая вечеринка!”

Заметив его интерес, хозяин понимающе подмигнул:

— Интересуетесь, молодой человек? В этом году, чтобы поднять уровень продаж, Берти Боттс в каждую упаковку своих конфеток добавил несколько новых, позволяющих тому, кто их съел, видеть сквозь одежду. Такая...гм...милая забава для взрослых вечеринок. Судя по количеству предварительных заказов, будет иметь бешеный успех. Не желаете ли? Это, конечно, нарушение правил, но... Как первому клиенту наступающего учебного года могу даже сделать вам скидку...

Помявшись, Гарри неловко сунул деньги и торопливо спрятал в карман погромыхивающую коробочку. Через какое-то время, поняв, что больше неразговорчивый юноша уже ничего не купит, хозяева потеряли к нему интерес и, воспользовавшись этим, Гарри юркнул в подсобку, откинул крышку люка и спрыгнул в подпол, откуда подземный ход вел аккуратно в Хогвартс. Ему стало немного жутковато (*не много ли - подземных путешествий на сегодня?*), и всё же он пришёл к выводу, что лучшего способа проникнуть в школу в неурочное время не было: уж слишком много внимания он привлекал к себе, да и неизвестно, не стоит ли на замке какая-нибудь дополнительная защита...

— Люмос! — на кончике палочки вспыхнул яркий огонёк, и Гарри быстро двинулся знакомой дорогой.

* * *

Отодвинув горбунью, он осторожно осмотрелся и вылез в коридор, слыша, как с тихим скрипом лаз закрылся за его спиной.

Пожалуй, стоит быть поосторожнее, — решил Гарри. — Конечно, сейчас ещё не учебный год, баллы пока не снимают, но... Какая жалость, что мантия-невидимка лежит себе на дне чемодана в Дырявом котле... — Гарри хмыкнул: мог ли он подумать, выходя утром на Диагон-аллею, что день окажется настолько насыщенным?

Хогвартс без студентов производил странное, тягостное впечатление: замок был пуст, тих, безлик, словно уже настал конец света, и всё живое умерло. Даже закатное летнее солнце, заливавшее красным золотом мрачные переходы и струившееся сквозь витражи, казалось не радостно-ласковым, а тревожным.

Гарри шёл по пустынным коридорам, стараясь, чтобы его шаги не отдавались гулким эхом. Внешне всё было как раньше, разве что не хватало нескольких портретов на стенах — видимо, Филч решил слегка освежить старые полотна в преддверии учебного года.

Отовсюду неслись удивлённые восклицания соскучившихся за лето обитателей картин, а одна не в меру резвая юная ведьмочка ухитрилась, перебегая из портрета в портрет, проводить его до поворота. Там силы её оставили, и она прислонилась к раме, маша рукой и задыхаясь, от чего её грудь призывно вздымалась под тугим лифом.

Гарри шёл, куда несли ноги, — он и сам не думал, что настолько соскучился породным стенам. И впервые ему в голову пришла мысль, что больше половины учебных лет уже миновало. А значит, рано или поздно, настанет день, когда придётся навсегда покинуть замок, который он считал своим единственным домом. Это огорошило юношу настолько, что он замер и, задрвав голову, взглянул на мрачные стены и высокий сводчатый потолок так, словно видел их впервые. Холодный, каменный, угрюмый и величественный, мрачный и торжественный, древний... — любимый дом.

В наступившей тишине издалека донеслось приближающееся весёлое посвистывание и улюлюканье: Пивз дозором обходил свои владения, завывая, напевая, повизгивая и пакостя по дороге.

Представив встречу с наверняка исстрадавшимся по человеческому общению жизнерадостным полтергейстом, Гарри мысленно застонал и кинулся к ближайшей двери, тихонько притворив её за собой и припав к ней ухом. Шум приближался. Гарри замер.

— О, дайте, дайте мне свободу, — фальшивым дребезжащим тенорком вывел Пивз, что-то звонко и мокро шлёпнулось, раздался визг и отборная ругань, и, довольно похохатывая, полтергейст отправился дальше.

Когда Гарри выглянул в коридор, зрение и слух были поражены одновременно: вся стена и одна из картин, висевшая на ней, были залиты какой-то зловонной ярко-зелёной слизью. А колдун, изображённый на портрете (присмотревшись, Гарри узнал в нём Годрика Гриффиндора) утирался полкой своей мантии и негодуя потрясал зажатой в другой руке мечом, изрыгая такие отборные проклятья, что Гарри оторопел — такого ему не приходилось слышать даже тогда, когда Рон неудачно призвал к себе кувшин с водой и облил спящего Дина Томаса. Увидев перед собой несовершеннолетнего школьника с выпученными глазами, Годрик ругаться не прекратил, хотя чуть понизил накал страстей и кар, а также опустил некоторые действия, которые он непременно совершил бы с обидчиком, попадись тот ему в руки.

Постепенно приходя в себя и размышляя, как перебраться через вонючую лужу, не запачкав ног, Гарри слишком поздно услышал шаги и едва не подскочил, когда на плечо легла чья-то цепкая тяжёлая рука.

— Так-так, мистер Поттер... Вы и в каникулы не можете оставить своей отвратительной привычки шнырять и пролезать в те места, где ВАС, — Снейп выплюнул это слово, словно что-то мерзкое и склизкое, — совсем не ждут. Я жажду услышать ваши объяснения. Каким образом вы проникли в замок? Что вы тут вынюхиваете? И из каких соображений устроили это безобразие? Думаете, если год ещё не начался, то на вас не наложат взыскание? Отнюдь, уж я-то об этом позабочусь...

Гарри покорно молчал. Оправдываться было бесполезно, да и противно — Снейп кипел праведным гневом и смотрел на Гарри так, словно тот был чем-то вроде этой самой зелёной шипящей жижи, медленно подтекавшей им под ноги. Даже сейчас, в жаркий летний день, профессор был в чёрной мантии, укрывавшей его до самых пяток. Хотя, с учётом того, что в замке было довольно промозгло и Гарри уже начал зябнуть, это не казалось таким уж неуместным и странным.

— Как удачно, что мистер Филч сейчас как раз в замке, — еле слышно процедил Снейп, прищурившись, — сейчас-то вы с ним и урегулируете это маленькое недоразумение. Думаю, ваша встреча будет на редкость тёплой, мистер Поттер, — ведь наш трудолюбивый завхоз только вчера, наконец-то, закончил подготовку замка к новому учебному году и хотел отдохнуть в оставшиеся дни... — и мастер зелий потащил юношу за собой, стиснув его предплечье железными пальцами.

Гарри не хотелось к Филчу. Очень не хотелось. В глубине души он надеялся, что Снейп отведёт его к Дамблдору, но, похоже, директора в замке не было. А значит, он крепко вляпался. В лучшем случае, его заставят оттереть грязь руками — без применения магии. В худшем... Гарри вздохнул: мысли о Золушке были слишком навязчивы.

Посадить сорок розовых кустов и познать самое себя...

— Северус? — неожиданно окликнул откуда-то с боковой лестницы негромкий, но ещё полный силы и мощи голос, от звуков которого Гарри был готов радостно запрыгать. — Если я не ошибаюсь, вы собирались проводить ко мне мистера Поттера? Это весьма кстати...

— Профессор Дамблдор, — Снейп побледнел от досады, хотя, учитывая его природную бледность, это казалось абсолютно невозможным, — студент Поттер был пойман на месте преступления. Переход в Северную башню безнадежно изгажен. Причём, само появление мистера Поттера здесь — вы понимаете, о чём я, — также вызывает массу вопросов.

Дамблдор улыбнулся и кивнул. Потом безмолвно протянул руку в сторону Гарри, и Снейп покорно отпустил ненавистного гриффиндорца, хотя Гарри был готов поклясться — он слышал звук крошащихся от ярости сжатых зубов. Резко развернувшись, так что мантия парусом взмыла вверх, Снейп исчез, бормоча под нос какие-то проклятья.

— Итак, Гарри, — Дамблдор заговорил только в своём кабинете, словно давая Гарри время собраться с мыслями, — я, конечно, рад видеть тебя целым и невредимым, но не слишком ли часто в последнее время ты совершаешь необдуманные поступки и оказываешься в тех местах, где тебе быть не стоит? Не пора ли серьезней относиться к собственной безопасности? — директор говорил негромко, но в голосе его было столько упрёка, что у Гарри даже заныло в груди от стыда.

Ответить было нечего: в самом деле, не рассказывать же в подробностях случившееся сегодня, подливая масла в огонь? Нет, определённо: сначала надо всё обдумать самому. А потому юноша лишь виновато пожал плечами.

— Я не спрашиваю, как ты попал в Хогвартс, Гарри, — это очевидно. И что-то мне подсказывает, вряд ли ты захочешь мне рассказать, что именно ты делал в Хогсмиде. Только не говори, что пожаловал туда затем, чтобы приобрести коробочку экс-

люзивных Всекусных орешков, — хитро прищурился директор и улыбнулся, увидев, как рука Гарри непроизвольно дёрнулась к карману брюк. — При всём уважении к беспокойному возрасту, в который ты вступаешь, я, вряд ли, этому поверю.

Гарри покраснел и уткнулся взглядом в пол.

— Господин директор, я ничего не делал в Хогсмиде, я там оказался случайно — я и сам не знаю, как туда попал, — просто шёл по улице, потом задел какую-то витрину и...оказался в Хогсмиде, — Гарри тешил себя тем, что, в общем и целом, не сказал ни слова неправды. *А подробности добавить никогда не поздно*, — пообещал он себе. Дамблдор смотрел на него, словно ожидал продолжения. — Простите, господин директор, а могу я задать вам один вопрос?

— Только один? — слегка улыбнулся профессор.

— В тех подземных коридорах, под Лондоном, — там живут какие-либо существа?

— Вот как? — Дамблдор метнул в Гарри пристальный взгляд голубых глаз. — Значит, вы с мисс Грейнджер всё же... — он замолчал и добавил, — что ты видел, Гарри?

— Я не знаю, но там, за какой-то прозрачной перегородкой, было странное существо... Совершенно отвратительное и ужасное. С серой шерстью на лице, красными глазами. Кучей пальцев с прозрачными когтями...

Дамблдор помолчал, о чём-то размышляя.

— Это Страж. Что ж, мне кажется, я вполне могу кое-что тебе объяснить. Видишь ли, Гарри... — Дамблдор поднялся и прошёл к окну. Солнце последним лучом коснулось морщинистого лица и померкло. Кабинет залили тёплым светом тут же вспыхнувшие свечи, на портретах завозились директора и директрисы. — Видишь ли, Гарри, много лет назад Гриндевальд, захватив подземные лондонские коммуникации, расширил их и создал целую сеть потайных ходов и залов, где выполнялись ритуалы Чёрной магии и откуда он командовал своими армиями. Карту, по-видимому, потеряли — если она, вообще, когда-либо существовала, а коридоры и тоннели, полные ловушек и опасностей, сразу после финальной схватки были блокированы аврорами. Какая-то часть обвалилась, какая-то была взорвана, но некоторые тоннели мигрируют, меняя направления, и никогда нельзя сказать, где они появятся снова. Говорят, что они ведут в самое сердце тёмного подземного королевства; говорят, что Гриндевальд собственноручно заколдовал их, сделав ненаходящимися и непроходимыми, посадил туда своих ручных чудовищ — стражей. Мало кому приходилось видеть их — ещё меньше сумели уйти живыми. Ибо существа эти ужасны, а питаются человеческой плотью. Я знаю о нескольких коридорах, но сам ни разу не попадал в них. Судя по тому, что ты рассказал о страже, о том, как он выглядит, вы с мисс Грейнджер попали в восьмой коридор...

— Ритуалы Чёрной Магии? — эхом повторил Гарри. — Но Гриндевальда давно нет — почему же авроры не устроят облаву, не доберутся туда — наверняка же существуют какие-то входы помимо блуждающих коридоров. Как мне кажется, — тут — же осторожно добавил он.

— Наверняка, — Дамблдор вздохнул, отошёл от потемневшего окна и уселся напротив Гарри, глядя юноше прямо в глаза. От повисшей паузы Гарри стало не по себе. Он с трудом выдержал пронизательный взгляд директора и с облегчением перевёл дух, когда тот снова заговорил. — Судя по тому, что происходит сейчас в нашем мире, появилась рука, сумевшая объединить все тёмные силы, и мощью она обладает просто чудовищной. Не надо обманываться, нынешнее затишье — временное, это затишье перед бурей. Мы не знаем, когда и откуда ждать удара, но совершенно очевидно, что одной из целей являешься ты. Гарри, я понимаю, — ты юн, смел и любопытен, ты не считаешься с опасностью и, очертя голову, готов идти ей навстре-

чу... Мне не хочется повторять эти слова, но я вынужден: будь осторожен. Подумай о тех, кто любит тебя и беспокоится о тебе. Кому ты дорог, кто не спит ночами, переживая из-за ваших ссор и думая о вашем будущем... — Дамблдор остановился и взглянул на Гарри поверх очков, словно давая время на осознание услышанного. Тому, и правда, стало не по себе, внутри, словно, огнём полыхнуло желание спросить, кого именно имеет в виду директор, но Гарри взял себя в руки и промолчал, лишь заалевшие уши выдали его волнение и смущение. — Пойми и прими, как данность, что с некоторых пор твоя жизнь принадлежит не только тебе. Особенно сейчас, в это предгрозовое время. Знаю, тебе трудно смириться с известностью, с тем, что ты стал символом былой и — я уверен — грядущей победы над Вольдемортом, но...

— Да, профессор, я понял, — перебил Гарри сдавленным голосом, не в силах выслушивать в очередной раз одно и то же. — Я постараюсь быть осторожным.

— Вот и хорошо, — с облегчением кивнул Дамблдор, завершая, по-видимому, тягостный и для него разговор. — Значит, говоришь, существует прямой путь из Лондона в Хосмид? Очень любопытно.

Гарри похолодел, но спасение от неминуемого допроса пришло, вернее, прилетело в виде двух сов, с громким уханьем опустившихся на стол директора. Тот прочитал послания и сокрушённо покачал головой.

— Мда, Гарри, наделал же ты дел... Лондон поставлен вверх дном, тебя разыскивают, уже буквально с ног сбились. Вот что — отправляйся-ка немедленно домой, а я пока всех успокою... Хагрид проводит тебя до Ночного рыцаря, — Дамблдор коснулся палочкой одного из пары десятков серебряных колокольчиков. — Ступай.

Последнее, что увидел и услышал Гарри, когда его уносила вниз винтовая лестница, был полыхнувший в камине огонь и прозвучавшие слова: “Дырявый котёл, пожалуйста”.

Глава семнадцатая, знакомящая нас с предметом пылкой романтической страсти Рона и новым преподавателем по Защите от Тёмных Сил.

Оставшиеся дни с Гарри не спускали глаз, что его порядком утомило. Куда бы он ни шёл, куда бы ни направлялся, кто-то невзначай всегда оказывался рядом. Даже Рон принял участие в этой отвратительной игре!

Впрочем, Рону это нравилось не больше, чем самому Гарри, но на что не пойдёшь ради матери — её рыдания, когда Гарри пропал, всех буквально ужаснули: казалось, она сейчас снова начнёт заговариваться, и опять придётся вызывать бригаду экстренной колдопомощи из клиники Св. Мунго. А *“рецидив в течение короткого времени может весьма пагубно сказаться на её психическом здоровье”*, — лечащий колдомедик раза три повторил эту фразу, когда они забирали мать из больницы.

Но это было не единственной причиной, по которой Рон не спускал с Гарри глаз. Теперь, когда Уизли-младший в подробностях знал о благополучном окончании волнующего и *“совершенно потрясного”* приключения, он ужасно жалел о своём отказе составить другу компанию в забеге по хозяйственным магазинам.

Почему всегда всё самое интересное и вкусное пролетает мимо рта? — сокрушённо вздохнул Рон, продолжая запихивать в чемодан учебники. Он всё откладывал и откладывал сборы и вот, в последний вечер беспорядочно сваливал книги впере мешку с вещами и пергаментами в новенький чемодан с латунными буквами РУ — подарок Перси к наступающему учебному году.

Гарри, болтая ногами, сидел на стуле и наблюдал, как гора вещей с кровати постепенно перемещается в чемодан, размышляя вслух и по десятому разу перебирая все мелочи, увиденные за время своих путешествий.

— Это наверняка место тайных сборищ Упивающихся смертью. Там на стенах какие-то письма, а надгробия... Клянусь тебе — там было то самое надгробие, к которому на кладбище меня привязали по приказу Вольдеморта. Надгробие его отца. Кому бы ещё понадобилось затащить его в подземелье? Только последователям, — Рон вынырнул из чемодана и издал звук, который, по-видимому, должен был означать сомнение. — Там, вообще, было их много, как на кладбище, но я не успел увидеть, кому принадлежат остальные... Как попасть туда с Диагон-аллеи — известно, — продолжал Гарри, — как выйти оттуда — тоже, но, судя по всему, уходя, они выпускают стража. А мне не хочется встречаться с ним ещё раз, — плечи юноши инстинктивно передёрнулись. — Эта тварь будет страшнее Пушка. И как с ним управляются — непонятно... Пока непонятно. Не представляю заклинание, способное совладать с такой штукой... Наверное, Вольдеморт, — Гарри заметил, что Рон снова вздрогнул, и поправился, — ну, словом, Тот-Кого — наверное, он из числа последователей Гриндевальда, раз сумел приручить эту жуть. И, видимо, их там много и все разные — не зря же Дамблдор меня расспрашивал, каков он, да на что похож... Эх, хотел бы я узнать, что же за слиток висел там в огне. И ведь что обидно — ещё бы совсем немного, и я бы...

Его путанные рассуждения прервали ввалившиеся в комнату Фред с Джорджем. Лица у них были вдохновенные, глаза горели жёлтым неугасимым огнём.

— Гарри, ты, часом, не заглядывал в Сладкое королевство?

— Да, я был там, а что?

— Как, что? Ты только посмотри! — Фред сунул Гарри под нос Ежедневный пророк, на последней странице которого красовалось весьма фривольное по виду рекламное объявление: “Сумасшедший вкус! Незабываемая вечеринка! Удивительное приключение! Орешки Берти Боттс — только для взрослых!”. — Разве можно пропустить такую возможность узнать, носит ли Флитвик кружевное бельё? — услышав это, Рон фыркнул от отвращения.

— Или какого цвета подвязки у Анджелины, — подхватил Джордж и тут же получил затрепину от Фреда.

— Да, там вроде было что-то подобное, — глядя на горящие энтузиазмом лица близнецов, Гарри предпочёл умолчать, что вожделенная коробочка покоилась на самом дне его чемодана.

— Чёрт, надо к Рождественскому балу сделать нечто подобное. Раздобыть бы у кого-нибудь образец, чтобы разобраться, как это работает.

— Неизвестно ещё, будет ли Рождественский бал, — с сомнением (и тайной надеждой) заметил Гарри, припомнив свой не слишком удачный дебют в роли танцора и галантного кавалера. Как назло, перед глазами тут же появилась картинка — танцующие Крум и Гермиона. И если тогда это вызывало у Гарри лишь недоумение и лёгкое недовольство, то сейчас в груди заныло, словно кто-то саданул локтём прямо в солнечное сплетение.

— Тем хуже. Значит, придётся поторопиться к Хэллоуину и устроить незабываемую вечеринку в гриффиндорской гостиной.

— Слушай, ты хорошо прочитал, что там написано? Это только для совершеннолетних, так что вам их всё равно не продадут, — Рон, красный от натуги, бросил попытки закрыть чемодан руками и придавил крышку, усевшись на неё сверху. Замок, наконец-то, звонко защёлкнулся. — Фух. Вам придётся ещё обождать годик. Или вот что: попросите Перси — может, он вам и купит. В честь начала учебного года.

— Чтобы Перси — наш целомудренный скромняга Перси — купил что-нибудь подобное?! Дождёшься от него — он, скорее, накормит начальство ветрогонными ирисками, — возразил Джордж.

— Или наестся их сам, — подхватил Фред, делая страшные глаза. Дверь скрипнула, и Перси — как всегда, с важно-утомлённым выражением лица и кипой пергаментов под мышкой — вошёл в комнату. — Помяни чёртика — и рожки проклянутся, — понизив голос, закончил Фред, и они с Джорджем, сделав самые невинные лица, выскользнули за дверь.

Перси проводил их подозрительным взглядом и внимательно осмотрел комнату, явно ища подвох. Потыкал пальцем свою кровать, отогнув одеяло, проверил, не насыпали ли братцы под простыню заводных муравьёв, осторожно присел на стул, словно ожидая, что в последний момент тот взбрыкнёт и выскочит из-под него. Не обнаружив ничего предосудительного, он недоумённо взглянул на Рона и Гарри, наблюдавших за его разведкой с едва сдерживаемыми улыбками. Вид у Перси был настолько комичным, что ребята фыркнули и последовали примеру близнецов, которые решили провести последний вечер каникул с пользой.

— Ну, как отметим начало учебного года? — спросил Рон. — У меня есть предложение — Фред с Джорджем показали одно симпатичное местечко. Классное кафе, не на Диагон-аллее, но совсем рядом, так что, думаю, мы можем туда сбегать. Кстати, там есть не только сливочное пиво, но и тыквенная шипучка, и яблочный сидр, — Рон явно бывал там не раз, судя по тому, с каким вкусом он произносил названия.

— А почему бы нам не пойти к Флориану Фортестью? — лениво спросил Гарри, которому совершенно не хотелось тащиться в незнакомое место, где наверняка опять начнут шушукаться за спиной и тыкать в него пальцами.

— Да ну его, это мороженое... Пойдём, не пожалеешь, я тебе обещаю, — настаивал Рон. — В конце концов, если тебе так приспичило, мороженое там тоже есть — с ликёром, ромом, сливовым суфле и даже лягушачьей икрой — для желающих. Ну, пойдём же, тут совсем недалеко, минут десять не спеша, — для убедительности Рон подёргал Гарри за рукав.

...Гарри спускался по лестнице с тайной надеждой. В последний вечер перед школой она всегда приезжала в Дырявый котёл, чтобы с утра, не торопясь, прибыть на вокзал. А отправление перенесли аж на девять — неужели же она приедет прямо к поезду?

Он представил, что сейчас распахнётся дверь — ну, скажем, вот эта — и в коридор выйдет Гермиона... Дверь, действительно, отворилась, и оттуда выкатился гномоподобный толстячок с бородой до самых коленок. Оживлённо жестикулируя и что-то бормоча себе под нос, он дробно скатился с лестницы и мячиком запрыгал к полутёмному бару, откуда тёк неспешный вечерний гул и сизый дымок.

Гарри задумчиво плёлся за Роном, юношей провожали завистливые взгляды посетителей, топтавшихся у рассохшейся дубовой стойки, за которой метался взмокший Том. Накануне нового учебного года мест в гостиницах всегда не хватало, усталые и раздражённые приезжие осаждали хозяина, уговаривая разместить их “всего на одну ночь, хоть под лестницей, хоть в чулане”.

Даже в преддверии вечера Диагон-аллея кипела и бурлила — запоздалые покупатели настойчиво ломались в закрывающиеся лавочки и магазинчики, школьники всех возрастов стайками торчали у витрин, в кафе, просто топтались на улице, повстречав старых друзей, — Рону и Гарри приходилось пробираться сквозь гудящую толпу, расчищая дорогу вежливыми просьбами, а когда те не помогали, то и локтями.

Впрочем, довольно быстро они свернули на другую, не такую многолюдную улицу, деревянный указатель на которой извещал, что они находятся в Радужном переулке.

ке. И уже в следующем квартале разноцветное сияние над черепичной крышей одного из домиков известило ребят, что они на месте.

“Радужная улитка” и правда была хороша. Волшебный молодёжный бар — Гарри ещё не приходилось видеть ничего подобного: разноцветные столики, над которыми колыхались радужные фонарики, переливающаяся всеми цветами радуги стойка с напитками за спиной симпатичной улыбающейся ведьмочки в розовой мантии с помпонами и то ли рожками, то ли усами на голове. Они уселись за оранжевый столик у окна, и к ним тут же подлетел одетый во всё оранжевое официант. Рон, явно чувствуя себя здесь, как дома, сделал заказ и завертелся на стуле, шаря по залу глазами. Гарри заметил вокруг довольно много знакомых лиц — пару человек со своего курса, несколько групп старшеклассников, в том числе и шумную компанию семикурсников Гриффиндора (включая Фреда и Джорджа), которым даже пришлось сдвинуть несколько столов, чтобы уместиться. Но, в основном, посетители были постарше, хотя от этого не менее шумные и заводные. Несколько парочек, обнявшись и не обращая внимания ни на окружающих, ни на быструю и весёлую мелодию, которую играл оркестрик на возвышении, меланхолично покачивались в некоем трансе, мало напоминающем танец. За соседним столиком громко целовались.

— Ох, — неожиданно выдохнул Рон, и Гарри, повернувшись к нему, совершенно не узнал друга: порозовев до кончиков ушей, тот призывно махал кому-то обеими руками — вот это да! — стоящей в дверях девушке, лицо которой было Гарри знакомо, — кажется, она тоже училась в Хогвартсе, только курсом или двумя младше. — Эшли! Эшли, иди к нам!

Следующие четверть часа Гарри провёл, потрясённо глядя на Рона, заливающегося соловьём и рассыпавшегося мелким бесом перед “*Эшли Макферсон, четверокурсницей из Хаффлпафа*”, как нараспев представилась она, протянув ему узкую ладошку с тщательно ухоженными ноготками.

Что-то не слишком похоже, чтобы она была прилежной ученицей, — нехотая подумал Гарри, вспомнив руки профессора Спраут, землю от которых можно было бы отчистить только вместе с кожей.

Смеясь над шутками Рона и потряхивая головкой с коротко стриженными русыми волосами, Эшли довольно благосклонно принимала ухаживания: пригубила предложенный коктейль и с удовольствием съела мороженое, которое Рон едва не выхватил из рук официанта прямо перед носом у Гарри. Проводив своё мороженое тоскливым взглядом, Гарри заказал ещё одну порцию и самоустранился от беседы, размышляя о том, почему любовь делает всех нормальных людей конченными идиотами. Вот и Рон сейчас похож на бойцовского петушка: с гордо выпяченной грудью и пламенеющей шевелюрой, раздумавшийся, громовым голосом несущий какую-то околесицу...

— Рон, прости, — внезапно Эшли поднялась, — пришли мои друзья, мы договаривались тут встретиться. Была рада тебя увидеть. Спасибо за угощение. Пока, Гарри, увидимся в школе, — и она направилась к двум юношам и девушке, зовущим её с другого конца зала. Причём Гарри заметил, что один из юношей окинул их с Роном весьма недовольным взглядом и тут же начал задавать Эшли вопросы, кивая головой в их сторону.

А Рон, прерванный на полуслове, медленно потухал. Наконец, сдувшись, как воздушный шарик, он подпёр голову обеими руками и выдохнул блаженным полуслёпотом:

— Она просто чудо, правда? Как думаешь, я ей нравлюсь?

Гарри с состраданием посмотрел на друга: единственное, что он заметил в глазах Эшли, — это усталую вежливость. Напор и энтузиазм Рона явно не находил в ней

отклика.

— Ну... не знаю, — покривил душой Гарри и, не удержавшись, добавил, — а я-то думал, что тебе нравилась Гермиона...

— У, это когда было, — отмахнулся Рон, не сводя глаз с дальнего столика. — Ой, она мне помахала! — он вскочил и замахал в ответ, опрокинув на себя остатки коктейля.

...В Дырявый котёл они возвращались в полном молчании. Уже смеркалось, и дежурные авторы заняли посты на улицах и перекрёстках. По лицу Рона бегали радостные отблески недавней встречи, он рассеянно улыбался и что-то бормотал себе под нос.

Звучно целовавшаяся парочка за соседним столиком выбила Гарри из колеи — эти дни он старался не думать о Гермионе (правда, если честно, регулярно видел её во снах), но теперь предвкушение скорой встречи буквально переполняло его. И даже казалось, что всё, случившиеся в Болгарии, просто привиделось в одном из ночных кошмаров, так что завтра, увидевшись на платформе, они, как ни в чём не бывало, обнимутся и, устроившись в купе, вместе отправятся в путь... И он сядет с ней рядом и возьмёт за руку... или, может, даже обнимет за плечи. И пусть Рон сколько угодно делает страшные глаза и многозначительно хмыкает. И вообще — нечего так смотреть!

— Что?!

Подняв глаза на оторопевшего Рона, Гарри понял, что, похоже, увлёкся и последнюю фразу произнёс вслух.

— Эй, приятель, — Рон чуть насмешливо подмигнул Гарри, — не знай я тебя лучше, я бы решил, что ты влюбился: как вернулся из Болгарии, всё время вздыхаешь, а физиономия у тебя такая кислая, словно ты только что получил письмо, в котором Снейп назначает тебе романтическое свидание. Ну, рассказывай, кто она?

Гарри поперхнулся.

— Ну же, ну, — лирически настроенный Рон нетерпеливо подтолкнул Гарри в бок локтём, — расскажи! Друг я тебе или не друг? — чуть обиженно добавил он, видя колебания приятеля.

Тот вздохнул. Он пока не знал, хочется ли ему о чём-либо рассказывать, но слова вдруг сами сорвались с губ.

— Ну... вообще-то, ты её знаешь. Это Гермиона, — Гарри замер, сам не веря, что смог это сказать, и в ужасе ожидая реакции Рона.

— Обалдеть! — Рон восторженно хлопнул Гарри по плечу. — Вот это круто! Ты долго думал, парень!.. Слушай, а как же Чу? Я считал, тебе она нравится, — ехидно заметил он.

— Ну, это когда было! — в тон Рону ответил Гарри. — Только знаешь — не надо меня расспрашивать, ладно? Всё равно — дело уже прошлое, — и Гарри тут же понял, что последняя фраза была явно лишней.

Он посмотрел на загоревшийся взгляд Рона, на его открывшийся от изумления рот, вздохнул и, ещё немного поколебавшись, поведал свою нелепую историю. Разумеется, опустив все подробности.

— Думаю, из них получится прекрасная парочка, — похоронным тоном закончил Гарри, мрачно пиная перед собой камешек.

— То есть ты хочешь сказать, что собственными руками готов отдать нашу Гермиону этой бровастой обезьяне? Этому разлапистому косноязычному переростку? Нашу Гермиону — самую умную, самую классную девчонку на свете — этому болгарскому медведю? — Рон сейчас явно находился в том вдохновенном состоянии, когда люди в одиночку кидаются на целую армию. И обращают её в паническое бегство. — Из-

за того, что тебе что-то померещилось, из-за того, что ты что-то себе напридумывал, ты готов добровольно от неё отказаться? Да она любит тебя, я... я голову даю на отсечение, — на всю улицу вещал Рон, размахивая руками и едва не подпрыгивая на ходу от возбуждения. Люди от них так и шарахались и, остановившись, долго неодобрительно смотрели вслед двум паренькам, один из которых, уткнувшись взглядом в мостовую, мрачно вздыхал, а другой, раскрасневшись, нёс какую-то вдохновенную чушь. — Ну, хочешь — я сам с ней поговорю?

— О нет, только не это! — вскинулся Гарри. — Рон, поклянись, что ты этого не сделаешь. Я сам во всём разберусь, у тебя, по-моему, и так есть, чем заняться.

Плечи Рона тут же обмякли, на лице снова появилась блаженная полуулыбка, делавшая его, по мнению Гарри, похожим на человека с черепно-мозговой травмой. Кажется, именно так выглядел после финала Кубка мира ловец ирландцев Эйдан Линч.

— Да... Знаешь, я постоянно себя спрашиваю — куда я раньше смотрел? Ведь всё это время она ходила рядом, они с Джинни одногодки, а я её не видел. Где были мои глаза?..

Во-во, — мысленно согласился Гарри и вздохнул. — Она была рядом всё время...

Ложась спать, он взглянул на часы. Через десять часов они встретятся. А следующую ночь он проведёт уже в Хогвартсе. Дома.

* * *

Было очень странно почувствовать себя коллегой тех, кто ещё год назад считались (хотя и весьма условно) моими наставниками. Конечно, “коллегой” — это, пожалуй, сильно сказано, ведь я для них навсегда останусь мальчишкой — и неважно, сколько лет мне при этом будет, и каких высот магии я достигну. Впрочем, не удивительно: для Дамблдора почти все присутствующие на собрании в его кабинете, — бывшие ученики; он обращался к ним так, будто, даже став известными и уважаемыми в мире магии персонами, они всё равно остались детьми, не только заслуживающими безмерного доверия, но и требующими постоянного внимания и присмотра.

Единственным чужаком, кроме меня, был чуть припозднившийся итальянец с масляными глазками и настолько густой шевелюрой, что даже на груди у него, наверное, был пробор. Скользящей походкой он вплыл в кабинет Дамблдора и, отвесив церемонный поклон, начал извиняться в таких деликатнейших и утончённейших выражениях, пересыпанных латынью, что профессор Флитвик фыркнул, профессор Синистра часто задышала, а у профессора Макгонагалл (декана её факультета) губы сжались в тоненькую ниточку.

— Дорогие коллеги, позвольте мне представить вам нового преподавателя Защиты от Тёмных Искусств, — улыбнувшись в бороду, произнёс Дамблдор, когда итальянец закончил припадать в виноватых реверансах. — Профессор Карло Гатто, представитель блестящей итальянской Скуола Маджика откликнулся на наше приглашение, за что мы все ему несказанно благодарны.

Похоже, не все. Покосившись на сидящего рядом Снейпа, которого я знал лучше прочих, весь прошлый год проведя под его покровительством в слизеринском общежитии, я заметил, что на его худом лице заходили желваки.

— Мои дорогие новообретённые коллеги, я безмерно счастлив влиться в вашу дружную семью. *Ex toto animo* — как говорится, *от всей души*, — приложив руки к груди в жесте, символизирующем глубочайшее почтение и искренность, проникновенно заливался Гатто. — Об уровне знаний ваших учеников и мастерстве профессоров, — он сделал общий поклон, — в магическом мире ходят легенды, надеюсь, что я со своими скромными познаниями смогу удовлетворить вашим высочайшим требованиям — *dum spiro, spero* — перефразируя классиков, могу сказать, что *дышу только*

этой надеждой.

Профессор Спраут смущённо покраснела, видимо, приняв эти излияния за чистую монету. Но лично я был наслышан и о Скуоле Маджика, с её специальным курсом риторики, и о, собственно, Гатто, не задерживавшемся нигде дольше трёх — четырёх семестров. Да, студентов ждал непростой год. Пожалуй, моё присутствие рядом с ней будет более чем кстати...

Изящно склонив кучерявую голову, итальянец закончил патетическую речь и прошёл к свободному месту. От меня не укрылось, что оказавшаяся рядом с ним мадам Помфри инстинктивно отодвинулась, когда он качнулся к ней и что-то негромко произнёс, а Снейп, оказавшийся с другой стороны, фыркнул.

Снова поднялся Дамблдор.

— Гм... Кроме того, я безмерно рад приветствовать в наших рядах ещё одного достойного представителя иностранной магической школы. Мы решили ввести в нашу программу факультатив по коммуникации магического сообщества и волшебной дипломатии — время сейчас тревожное, будет лучше, если наши дети с младых ногтей научатся находить общий язык и общие интересы с иностранными магами. Думаю, что со мной согласятся все присутствующие: Хогвартсу, действительно, повезло, что свою кандидатуру предложил Виктор Крум, известный не только своими спортивными достижениями, но и активной работой в качестве представителя Молодёжного Магического Совета. А наши школьные спортсмены, я полагаю, не поверят собственному счастью...

Я неловко раскланялся под взглядами моих хогвартсовских коллег — от восторженного — мадам Хуч, аплодировавшей мне так, словно она видела меня впервые, и мы не проговорили с ней весь вчерашний день о перспективах развития школьного и международного квиддича, до строгого — профессора Макгонагалл, в глазах которой мелькнуло что-то вроде... нет, мне, определённо, померещилось: конечно же, никакого сострадания в них не было. Уже садясь на место, я вдруг почувствовал, как меня обдало волной такой горячей ненависти, что в груди ёкнуло сердце. Я с недоумением опустил глаза — странно: в мою сторону никто не смотрел. Рядом со мной, там, откуда плеснула острая неприязнь, профессора Снейп и Гатто обменивались дежурными фразами.

— И, как всегда, несколько слов перед началом учебного года, — продолжил Дамблдор. — Я был вынужден согласиться на исполнение обязанностей Министра Магии в связи с известными трагическими событиями. И вполне вероятно, что юридически буду покидать стены Хогвартса, а потому вынужден побеспокоиться о главе школы на время моего отсутствия, — по кабинету пробежал шепоток, профессора заметно оживились. Даже портреты проснулись и наблюдали за происходящим с интересом. Какая-то дородная ведьма выскочила из своей золочёной рамы и, перебежав к соседу, худому колдуну с длинным носом, храпящему во сне, как средних размеров тролль, возмущённо растолкала его и призвала к тишине.

Дамблдор поднялся из-за стола и подошёл к насесту, на котором дремал феникс. Похоже, птица уже миновала период расцвета — перья начали тускнеть, глаза подёрнулись белёсой плёнкой. Дамблдор погладил его по голове и вздохнул, потом, повернувшись ко всем нам, задумчиво обвёл глазами затаившее дыхание почтенное собрание. Я исподтишка покосился: Макгонагалл была, как всегда, непроницаема и сосредоточена, гномоподобный Флитвик с явным интересом крутил головой, видимо, что-то вычисляя, профессор Синистра обменивалась многозначительными взглядами с похожей на насекомое ведьмой, увешанной кольцами и амулетами, как рождественская ёлка — бусами. Снейп рядом со мной напряжённо похрустывал пальцами, а Гатто наблюдал за происходящим так же, как, наверное, наблюдал бы за с-

качками гиппогрифов — с напряжённым азартом. Единственная, кто не проявлял видимого интереса к происходящему, была мадам Помфри — медсестра, с которой мне неоднократно приходилось сталкиваться в прошлом году. Встретившись со мной взглядом, она мягко улыбнулась и снова повернулась к директору. Кашлянув, тот обвёл нас глазами, странно светящимися в полумраке — словно, они сами излучали живое голубое сияние, и продолжил:

— Итак, на время моего отсутствия руководство школой будет передаваться в руки Школьного совета, возглавляемого деканами наших факультетов, — все вздохнули, по кабинету пробежал негромкий шепоток. Несколько портретов одобритительно зааплодировали. — В случае возникновения спорных вопросов право окончательного решения оставляю за собой.

— Эт' правильно, эт' верно, — раздался громоподобный шёпот за моей спиной, за которым последовал грохот и виноватое покашливание — если можно так назвать звук, по громкости вполне способный соперничать с грохотом извергающегося вулкана. Ну, конечно, а я-то думал, почему это в кабинете слишком тесно. То, что в полумраке я принял за бесформенную гору тряпья и шерсти, оказалось задремавшим в тепле лесничим Хагридом. Видимо, стул под ним не был рассчитан на подобный вес.

— И напоследок хотелось бы упомянуть некоторые школьные правила, дабы освежить их в памяти присутствующих, а так же ввести в курс дела новых преподавателей, — взмахом руки Дамблдор вернул стул в нормальное состояние и Хагрид, стараясь не дышать, опустился на него, продолжая виновато покашливать, хотя уже не так громко. — Список запретных для посещения коридоров находится у нашего многоуважаемого Аргуса Филча, — мрачный, одетый в серое человек с маниакальным взглядом и кошкой на коленях, кивнул. — Деканы факультетов должны поставить в известность своих студентов и старост. Вопрос о посещении Хогсмида студентами третьего курса пока остаётся открытым, всё зависит от того, сумеем ли мы обеспечить должную охрану. Старшекурсникам это будет дозволено при наличии специального разрешения от декана факультета. Вопрос о Поттере будет решаться в индивидуальном порядке, — профессор Макгонагалл едва заметно кивнула головой, а Снейп, как мне показалось, желчно усмехнулся. — Далее. В связи с напряжённостью обстановки и усиленными мерами безопасности все входы и выходы из Хогвартса будут заблокированы. Абсолютно все, — повторил Дамблдор, встретив пристальный взгляд Снейпа. — Даже для учителей. Снятие защиты возможно только по моему распоряжению или распоряжению глав Школьного совета. И последнее. Напоминаю, что любые отношения между педагогами и студентами, выходящие за рамки учебных и спортивных вопросов, не приветствуются.

У меня было такое ощущение, будто мне прилюдно дали пощёчину. Внутри всё обожгло, я почувствовал, что заливаюсь краской, и возблагодарил Мерлина, что смугл от природы. Да и в том углу, где я устроился, было достаточно темно. Хотя Дамблдор смотрел в окно, за которым сгустились сумерки и зажглись не только первые, но уже и вторые звёзды, у меня было ощущение, будто он смотрит мне прямо в глаза.

— Засим желаю всем доброй ночи. И ещё раз поздравляю с началом нового учебного года.

Зашумели отодвигаемые стулья; шурша мантиями и переговариваясь, преподаватели заторопились к дверям. Я мог бы поклясться, что они бросали на меня насмешливые взгляды. Мадам Пинс, крючконосая хранительница библиотеки, хмыкнула, проходя мимо. Кто-то коснулся моего плеча: подняв глаза, я увидел дружелюбно склонившегося надо мной Карло Гатто.

— Мы, кажется, товарищи по несчастью? Оба новички? И, если не ошибаюсь, со-

седи по кабинетам и комнатам? Рад знакомству, безмерно рад — *fortissimus militam*, какая честь, какая честь — всемирно известная персона... Хотел бы я знать, что привлекло в это место храбрейшего из воинов, — он многозначительно заулыбался. Мне не понравилась эта улыбка. — Обойдёмся без церемоний или же вам необходимо официальное представление?

— Ну, что вы, профессор, — я постарался придать лицу как можно более доброжелательное выражение и поднялся с места, последовав за всеми к выходу, — какие церемонии...

— А глав факультетов попрошу остаться, — услышал я, уже стоя в дверях. — И, Хагрид, будь так любезен, пригласи ко мне привидений.

Мы с Гатто спустились последними. Гаргулья бесшумно закрылась, оставив нас в опустевшем коридоре, наполненном сумраком, не рассеивающимся даже от пламени факелов. Наши гигантские тени танцевали на стенах, когда мы начали свой бесконечный путь в преподавательское крыло.

— Вы не находите, что последние слова нашего миляги-директора были весьма оскорбительными? На что это он намекал, имея в виду неформальные отношения между студентами и преподавателями — уж не на то ли, чем были переполнены туземные газеты? Как говорится, *patere tua consilia non sentis* — *разве ты не чувствуешь, что твои замыслы раскрыты?* Вашу пассию зовут, если не ошибаюсь, мисс... э... Крайжер?

— Грейнджер, — машинально поправил я — сама мысль об искажении чего-либо в её облике или имени казалась мне кощунственной. Но, взглянув на довольно залоснившееся улыбкой лицо, я тут же мысленно обложил проклятьями и его, и себя.

— О, как я понимаю ваше стремление сюда: за этими юными девочками нужен глаз да глаз — сердце красавиц, как говорится, склонно... — он рассыпался звонким и круглым, как и он сам, смешком. — Немудрено, что вы негодуете — запреты могут сильно осложнить...

— Простите, профессор... — остановил его я, чувствуя, что рука непроизвольно дёрнулась к заткнутой за пояс палочке.

— Ах, оставим эти церемонии — просто Карло.

— Карло, простите, я не люблю обсуждать мою личную жизнь. Особенно в таком тоне. И в таких выражениях, — у меня было желание задушить его голыми руками. Или превратить во что-то отвратительное. Хотя вряд ли можно придумать что-то более отвратительное, чем он сам.

— О, я вас понимаю, понимаю, — закивал он головой. — Нарушил допустимые границы, разбередил свежую рану... Приношу свои глубочайшие извинения за бестактность, рву на себе волосы... — он, наконец-то, умолк.

Мы шли по коридорам, лестницы бесшумно двигались, неся нас в преподавательское крыло. Похоже, молчание его тяготило: он постоянно что-то бормотал себе под нос, то по-итальянски, то на латыни, насвистывал, приятным тенорком напевал какие-то песенки.

— Вы не находите, что мы с вами угодили в редкостную дыру? — наконец, повернулся он ко мне. — Кромешная темень, холодища, кругом один камень... не могу представить, как перенесу местную зиму, ежели уже сейчас мёрзну в своей комнате. Которая, между нами говоря, больше напоминает келью отшельника, отказавшегося от мирских удовольствий или же тюремную камеру для убийц, нежели обитель мыслящего человека — воистину, *hodie caesar, cras nihil*... *Сегодня Цезарь, завтра ничто*. И эти, с позволения сказать, коллеги во главе с эксцентричным, мягко говоря, стариком...

— Так почему же вы приняли приглашение? — поинтересовался я, подозревая, что

тут не обошлось без одной из тех историй, которые шёпотом рассказывают друг другу, как преподаватели, так и студенты. — Насколько я помню, последние два года вы преподавали Тёмные Заклинания в Шармбатоне. В прошлом году мне довелось провести год со студентами этой школы...

— Ах, это такая банальная история, — перебил меня Гатто и, поморщившись, словно у него заболел зуб, растерянно развёл руками. — Увы, *vitia erunt, donec homines. Пороки будут до тех пор, пока будут люди*, и зависть, между нами, — один из худших... Ну-с, вот мы и добрались. Кошмар. Неужели мне придётся проделывать это безумное путешествие каждый день?.. О, Мерлин... Не заглянете ли, по-соседски, так сказать, — я захватил с собой бутылочку совершенно изумительного французского вина...

Пить вино в подобной компании — что может быть хуже? Разве что каждый день лицезреть Поттера.

— Извините, вынужден соблюдать спортивный режим. Скоро начинаются отборочные матчи на европейский кубок...

— Ах, да-да, я понимаю и всемерно поддерживаю. Правильно: *ни к чему добровольно впадать в безумие: ebrietas est voluntaria insania*...

Кажется, он хотел ещё что-то сказать, но, не дослушав, я кивнул на прощание и прошёл к себе, оставив его стоять с открытым ртом и “незамеченной” протянутой рукой.

Глава восемнадцатая, в которой гриффиндорцы играют в азартные игры, слизеринцы “развлекаются”, а Гермиона неоднократно испытывает потрясение.

Гермиона забилась в самое дальнее купе и, уронив книгу на колени, невидяще уставилась в окно. Ужасно хотелось спать — ей пришлось подняться с кровати ни свет, ни заря — и, как назло, именно в то утро, когда, в кои-то веки, удалось спокойно заснуть. А она ещё решила прийти заранее, чтобы ни с кем не встречаться... Прильнув щекой к прохладному стеклу, девушка рассеянно блуждала взглядом по перрону, мокрому от сеявшего с ночи дождика. Около урны сидела унылая облезлая кошка. Косолапсус, вальяжно растянувшись на сиденье рядом, мурлыкал и в такт её машинальным поглаживаниям подёргивал кончиком хвоста. Окна последнего вагона выходили на самый конец платформы девять и три четверти — здесь не было ни толчеи, ни беготни, ни суесящихся школьников. Только морщинистая от ветра лужа и глянцево поблескивающие деревья вдалеке.

Хлопнула дверь вагона, послышались негромкие голоса и приближающиеся шаги. Щёлкнул замок соседнего купе. Потихоньку школьники заполняли весь поезд, добравшись и до самого последнего вагона, но Гермиона по-прежнему сидела одна, минутно вздрагивая и напряжённо вслушиваясь, пытаясь различить знакомый ритм шагов и негромкий, чуть хрипловатый тенорок.

Опустив глаза к часикам, она увидела, что секундная стрелка завершает последний круг. И вот — всё, девять часов. Поезд шумно содрогнулся, и перрон медленно-медленно двинулся назад. Лужа и кошка ушли в небытие, сменившись машущими кому-то родственниками... мимо плавно проплыли лица мистера и миссис Уизли... у Гермионы кувыркнулось сердце, и она инстинктивно отклонилась, спрятавшись за занавеской. Она сама не могла понять, почему так поступила.

Колёса стучали всё быстрее и неразборчивее, платформа девять и три четверти, набирая скорость, проскользила мимо окна и осталась позади. Теперь — долгие часы дороги, Хогвартс распахнёт перед ними свои двери, лишь когда день сменится

вечером. Серый, словно полинявший от дождя, пейзаж за окном нагонял уныние, что было совершенно излишне, учитывая непреходящую тоску, в которой пребывала Гермiona последнюю пару недель. Вздохнув, она вернулась к книге, лежавшей на коленях и перелистнула страницу.

Если и существовало у Гермiony Грейнджер, пятикурсницы и старосты Гриффиндора, какое-либо лекарство от душевных терзаний, то это была учёба. Почти половину учебников пятого курса она уже тщательно изучила — сосредотачиваясь на особенностях церемониальной магии средних веков и сравнительном анализе каббалистической и классической нумерологии, ей на какое-то время благополучно удавалось забыть об остальном, включая, к глубокому беспокойству миссис Грейнджер, и еду. Иногда матери приходилось трижды подогреть обед, пока Гермiona добиралась до столовой из своей комнаты, где, не разгибаясь, вгрызалась в гранит колдовской науки и заваливала кровать свитками.

Как-то ночью, шлёпая босиком к холодильнику за апельсиновым соком, она услышала разговор, доносившийся из-за приоткрытой двери родительской спальни. Сначала, смутившись, Гермiona хотела было поскорее пройти мимо, но знакомые имена заставили её затаить дыхание и замереть с поднятой ногой.

— ...твоя идея. Я ведь говорила, что добром эта поездка не кончится. Я потом писала Крумам, пыталась выяснить, что же у них там произошло, — судя по всему, мать сидела у зеркала, занимаясь вечерним туалетом. Она всегда была очень внимательна к своей внешности.

Послышалось шуршание газеты и вопросительное бурчание отца — как ни напрягала Гермiona слух, слов ей уловить не удалось.

— Конечно, меня заверили, что всё было в порядке — не более чем обычная подростковая ссора. Но лично мне, — что-то звякнуло, видимо, мать с силой опустила на туалетный столик баночку с кремом, — категорически не нравятся подростковые ссоры, в которых участвует моя дочь и двое мальчиков. Особенно, если одного из них мальчиком можно считать весьма условно — этому Виктору Круму уже двадцатый год.

Гермiona почувствовала, как её разрывают два мучительных желания: немедленно сбежать и остаться и дослушать до конца.

— И мне не нравится, — опять что-то звякнуло, похоже, миссис Грейнджер не на шутку разошлась, — что после возвращения Гермiona тает на глазах, не выходит из своей комнаты, целыми днями и ночами корпит над учебниками.

— Да-да, — откликнулся отец. — Помимо всего прочего, она может испортить глаза.

— Господи, какие глаза?! О чём ты говоришь?! Милый, пойми — наша девочка уже выросла, и, боюсь, проблемы, которые могут нас ожидать в ближайшем будущем, куда серьёзнее, чем кариес и близорукость! — Гермiona закрыла глаза и больно прикусила губу. Ей было и обидно, и смешно. — И потом, у них что-то разладилось с Гарри — Гермiona старательно избегает всякого упоминания о нём, а на мой вопрос, помирились ли они после возвращения, едва не разрыдалась. А этот мальчик мне очень нравится, и, по-моему, ей самой тоже — ведь она всё лето постоянно о нём вспоминала. Ума не приложу, что могло произойти. Ах, говорила же я тебе — не к добру эта поездка: что, вообще, может понадобиться вполне взрослому мужчине от пятнадцатилетней школьницы, если он не слабоумный и не извращенец?

Гермiona покраснела. Ответ напрашивался сам собой.

— Дорогая, по-моему, ты всё преувеличиваешь...

— Нет, дорогой, по-моему, это ты всё преуменьшаешь... Кстати, Молли написала мне несколько писем — конечно, сейчас трудно полагаться на её слова, но ей пока-

залось, что Гарри определённо... — раздался скрип отодвигаемого стула — мать встала и Гермиона, боясь разоблачения, осторожно попятилась и вернулась к себе, позабыв, куда, собственно, направлялась.

В ту ночь она никак не могла заснуть: от всколыхнувшейся обиды и боли хотелось то ли плакать, то ли кричать. А тут ещё родители, оказывается, совершенно беззастенчиво лезли в её жизнь и наводили справки у окружающих. Фу, как противно.

Проворочавшись до рассвета без сна, она за день переписала эссе по Истории магии, удлинив его на три фута, а также рассчитала свой гороскоп на первые шесть недель учебного года. Судя по нему, ничего хорошего её не ждало.

Оставшиеся до конца каникул дни слились у Гермионы в сплошной поток свитков, учебников, бесконечный процесс очинки перьев и откупоривания очередных пузырьков с чернилами. Мистер и миссис Грейнджер мрачнели, неоднократно пытались завести с ней разговор, однако все отвлечённые темы рано или поздно сводились к вопросам о Гарри и Круме и неопределённым ссылкам на половое созревание и сексуальные взаимоотношения. Гермиону изрядно повеселило, что сами родители при этом мучительно краснели, несмотря на медицинское образование и весьма передовые, по мнению друзей и соседей, взгляды. Словом, уезжала из дома Гермиона со смутным облегчением, хотя прекрасно понимала, что испытания ещё впереди.

И они начались, едва девушка, попрощавшись с родителями, шагнула сквозь барьер: все попытки думать о чём-то приятном — например, предвкушать вручение значка старосты или составлять список обязанностей, которые в связи с этим ей необходимо будет выполнять, — оказались безуспешными; мысли, рано или поздно, акцентировались не на том, ЧТО ей придётся делать, а на том, что ей придётся всё делать ОДНОЙ.

Естественно, о том, чтобы просто подойти и заговорить с Гарри, помириться и выяснить отношения, не шло и речи. Гермиона не могла простить ни оскорбительных поступков, ни брошенных ей прямо в лицо обидных слов.

Уютно устроившаяся на коленях толстенная книга “Тёмные заклинания и Проклятья”. Теория как нельзя больше подходила к мрачным мыслям. Вздохнув, Гермиона перешла к следующему параграфу: “Проклятие может наслать любой человек, просто выразив желание, чтобы такому-то был нанесён такой-то ущерб. Однако эффективность проклятия зависит от состояния и положения проклиняющего. Считается, что проклятия обладают большей силой — и поэтому более опасны — когда их посылают люди авторитетные. Проклятия, произносимые на смертном одре, обладают максимальной силой, поскольку вся жизненная энергия проклиняющего уходит с этим проклятием.”

Вяло усмехнувшись, Гермиона прикрыла глаза. Вагон ритмично покачивался, стук колёс усыплял — в схватке со сном она, определённо, проигрывала. Отложив книгу на сиденье рядом, девушка привалилась к оконной раме и тут же почувствовала, что веки налились свинцом, и глаза категорически не желают открываться. Вздохнув, Гермиона устроилась поудобнее. Косолапсус перелез на освободившиеся колени и замурлыкал вдвое громче, блаженно жмурясь и перебирая лапами.

* * *

— Три — три! — брови Джорджа были покрыты сажей, кончик носа Гарри закоптился, щёки Фреда и Рона украшали идентичные чёрные разводы. — Ну, решающую, — и он начал раздавать карты. Они играли пара на пару в подрывного дурака: Джордж с Роном против Фреда с Гарри. Джинни сосредоточенно болела и пыталась подсказывать, за что уже один раз получила щелчок по засунутому в чужие карты носу.

Она была не единственным зрителем: за взрывоопасным поединком одним глазом следил Ли Джордан, периодически отрываясь от “Квиддич-экспресса”, свежий номер которого захватил в дорогу. Время от времени он цитировал наиболее интересные комментарии к недавним матчам и, глотая слюнки, зачитывал рекламу фирм-производителей метел и спортивной амуниции.

— Кстати, Гарри, — перевернув последнюю страницу, Ли развернулся к Гарри, который размышлял над очередным ходом, уткнувшись в свои карты, и не замечал знаков, усиленно подаваемых ему Фредом, — что-то я не видел сегодня твоей подружки. Куда запропастилась Гермиона? На перроне её не было.

— Понятия не имею, — буркнул Гарри и сделал ход, от которого Фред беззвучно застонал и покрутил пальцем у виска. — И она мне не подружка — с чего ты взял?

Рон усмехнулся и дёрнул бровью, что не осталось незамеченным.

— Да ну? — жизнерадостно протянул Джордан, расправляя затёкшие ноги и устраиваясь поудобнее, с видом, недвусмысленно демонстрировавшим, что менять тему он не собирается. — Признаться, тогда, на вокзале мне так не показалось — вы смотрелись, как заправская парочка, отправляющаяся в романтическое путешествие. Что — медовый месяц не удался? Молодая оказалась строптивой и сварливой?

— Оставь его, Ли, — с притворной укоризной остановил друга Джордж, которого неудачный ход Гарри спас от неминуемого проигрыша. — Не видишь, у человека разбито сердце? Не бреди старые раны, будь великодушнее.

Все, кроме Джинни, для которой выражение “беречь старые раны” имело свой, тайный смысл, засмеялись. Гарри сделал над собой усилие и сумел выдавить кривую улыбку. Больше всего ему хотелось, чтобы его оставили в покое. Кроме того, он, и правда, волновался, потому что, как ни крутил головой, так и не увидел Гермиону на вокзале. Рон, вызвавшийся, как настоящий друг, пойти и посмотреть, где она может быть (хотя на его прямой вопрос Гарри лишь пожал плечами и с напускным равнодушием сказал “а мне-то что, делай, что хочешь”), у соседнего вагона встретил свою Эшли, после чего забыл обо всём на свете и вернулся только к отправлению поезда с блаженной улыбкой от уха до уха.

— Нечестная игра, вы применяете психологические методы воздействия на противника! — с напускным возмущением сдвинул брови Фред, в этот момент карты в его руках снова взорвались, и он замер с раскрытым ртом и закопчённым, как у трубочиста, лицом. С волос Гарри тоже посыпалась сажа.

— Ну, что — теперь пару партий в шахматы? — приглашающе громыхнул коробкой Рон, но его никто не поддержал — думать больше не хотелось ни о чём, кроме как о еде: уже перевалило за полдень, и вот-вот должна была появиться буфетчица со своей тележкой. Поднявшись, Гарри отправился умываться, Рон последовал за ним.

Вагон плавно покачивало, по стеклу медленно сползали капельки дождя. Держась за поручни, юноши шли мимо закрытых дверей, из-за которых доносились голоса. Дверь одного из купе оказалась открытой нараспашку: на плюшевом сиденье вальяжно раскинулся Драко Малфой, напротив него теснились Гойл и двое незнакомых ребятшек лет одиннадцати — видимо, будущие первокурсники. Все трое внимали Малфою с одинаково благоговейным выражением на лицах:

— Слизерин — лучший факультет, мы не занимаемся всякой сельскохозяйственной ерундой и не корпим, как проклятые, над учебниками. Это удел тупоголовых хаффлпаффов и зубрил из Равенкло. И мы не вопим, размахивая палочкой, как оголтелые гриффиндорские ублюдки. Нет — мы постигаем тонкую науку колдовства и манипулирования людьми при помощи зелий. Мы разливаем по флаконам славу, варим известность, запираем под замок смерть...

— ...Что не мешает вам оставаться придурками и неудачниками, верно, Малфой? — не удержавшись, перебил Рон.

Глаза Малфоя полыхнули яростью, но он посчитал, что ввязываться в драку на глазах (на виду у?) первокурсников было бы проявлением слабости, а потому, оставив жестом вострепнувшегося было Гойла, презрительно ткнул пальцем в гриффиндорцев:

— Вот как раз — яркий пример студентов Гриффиндора: рыжий оборванец из многодетной семьи и несчастный сирота. Понимаете ли, в каждой школе есть свой социальный факультет — для разного маргинального сброда. Да, кстати, — Драко повернулся к онемевшим от негодования Рону и Гарри, — что-то я не видел вашей магглорождённой подружки. Или она, наконец-то, поняла, где ей самое место и решила больше не совать нос в приличные заведения?

Рон побагровел от ярости, у Гарри в глазах потемнело, он сам не заметил, как выхватил палочку и наставил её на ухмыляющегося во весь рот Малфоя, который не поменял позы и по-прежнему сидел, вальяжно откинувшись на спинку и закинув ноги в до блеска отполированных ботинках на стол.

— Обратите внимание, дети, нападать на безоружных — это тоже в их правилах. А ведь я всего лишь перечислил очевидные факты, — сообщил слизеринец таким тоном, будто он отвечал на экзамене по Уходу за Магическими Существами: *“А если его стукнуть, он станет фиолетовым. В крапинку”*.

Рон заскрипел зубами и опустил уже занесённую руку. Гарри не двинулся, чувствуя, что внутри всё бурлит от гнева. В голову назойливо лезли строки из книги по повышению квалификации авроров. Внезапно дверь вагона отворилась и, грохоча коваными ботинками, к купе подбежал Кребб.

— Я нашёл — в конце поезда, — задыхаясь, сообщил он и, отпихнув Рона с Гарри, уселся на краешек сиденья напротив Драко.

— Спасибо, Винс, — поблагодарил его слизеринец царственным кивком головы. — Думаю, теперь у нас будет, чем заняться в дороге, — глаза его недобро блеснули и, взмахнув палочкой, он захлопнул дверь перед носом потерявших дар речи Рона и Гарри.

— Я его сейчас убью, — выдохнул Рон. Гарри молчал, скрипя зубами и с трудом удерживая себя от того, чтобы распахнуть дверь и насрать на Малфоя проклятьем помощнее — Раздувающее или Задоголовое.

— Погоди, — тем не менее, он нашёл в себе силы остановиться и унять разыгравшееся воображение. — Тогда мы только продемонстрируем, что всё, что нёс тут этот гад, — правда.

Рон застонал и, яростно стукнув кулаком по стене, вслед за Гарри пошёл в тамбур. Пинком распахнув дверь в туалет, Гарри склонился над раковиной и с остервенением начал смывать копоть с лица.

— Интересно, чем они собрались заняться? — отплёвываясь, произнёс он.

— Понятия не имею, но — мантикравов им в штаны — уверен, что ничем хорошим, — мрачно откликнулся Рон, растирая лицо полотенцем с таким усердием, словно хотел оттереть все веснушки. — Ничего, в школе мы с ним посчитаемся. И за это тоже.

* * *

Гермиону разбудил тихий щелчок двери. Ещё не открыв глаза, она прислушалась к звонкому постукиванию колёс, почувствовала потряхивание вагона... В купе кто-то вошёл. Прикрыв ладошкой рот, девушка сладко зевнула и открыла глаза. Да так и замерла: напротив неё с кривой усмешкой на лице и со скрещёнными на груди руками восседал Драко Малфой, а в дверях, блокируя все пути к отступлению, стояли

ещё более расширившиеся за лето (правда, Гермione пришло в голову другое слово — “распухшие”) Крэбб и Гойл. Её сердце ухнуло в пятки.

— Крэбб, Гойл! — Драко перевёл взгляд на своих телохранителей. — В нашем купе слишком шумно от глупой мелюзги, а мне не хочется, чтобы меня сейчас беспокоили. Летом было столько дел, столько переживаний...

— ...приятных, — басовито хохотнул Крэбб.

На губах Драко вспыхнула и тут же погасла лёгкая одобрительная усмешка.

— Хорошо, что вы нашли пустое купе, здесь можно хотя бы немного отдохнуть перед началом учебного года, — Драко потянулся и закинул ноги на сиденье Гермione, та едва успела подобрать свою мантию. Косолапсус на её коленях прижал уши и, ощерившись, заурчал. — Только вы не находите, что здесь как-то странно пахнет? Какой-то... грязью? Гойл, открой окно!

Гойл протопал в купе и, перешагнув через вытянутые поперёк ноги Драко, наступил Гермione на ногу. Она вскрикнула, от боли слёзы брызнули из глаз.

— Малфой, ты просто редкостный хам! — прошипела она сквозь зубы, вскакивая.

— Ах, вот оно что... — слизеринец медленно поднялся, и Гермione обнаружила, что для того, чтобы яростно смотреть ему в глаза, ей приходится задирать голову. — Вы только взгляните — вот же он, источник грязи! Парни, вышвырните её и не забудьте протереть сиденье — как бы не подцепить какую-нибудь дрянь, упаси меня Мерлин.

Гермione потянулась к своей палочке, но остановилась, увидев насмешливый взгляд Малфоя:

— Ну же, смелей-смелей! Магглорождённая староста Гриффиндора затеяла драку ещё в поезде! Это будет большим разочарованием для Дамблдора — в кои-то веки маггловровка стала старостой — и сразу же такой конфуз...

— Пятьдесят... нет — сто очков со Слизерина, — дрожащим голосом произнесла Гермione, но её перекрыл громовой хохот:

— Ах, какая досада: семестр ещё не начался, так что... — Малфой насмешливо развёл руками. И тут же, словно потеряв к ней интерес, уставился в окно, снова удобно устроившись на сиденье.

Гермione застыла, растерявшись от ярости, негодования и страха.

— Что, она ещё здесь? — Малфой неожиданно оторвался от созерцания заоконного пейзажа. — Вышвырните её вон вместе со всем барахлом.

Не успела Гермione и глазом моргнуть, как уже сидела поверх сваленных в проходе вещей. Последним из купе вылетел воинственно завывающий Косолапсус. Судя по чертыханью Крэбба, его окровавленным рукам и лицу, кот им просто так не дался. Дверь хлопнулась, и из-за неё донёсся издевательский смех.

Кусая губы и размазывая по лицу горячие от гнева слёзы, Гермione начала машинально складывать вывороченные вещи обратно в чемодан. У неё было ощущение, будто её извалили в грязь — с ног до головы. Пальцы не слушались, перед глазами всё плыло — но вдруг она услышала чьи-то шаги и увидела две пары рук, пришедших ей на помощь.

* * *

Когда поезд добрался до Хогсмиды, начало смеркаться.

Пейзаж за окном, наконец-то, остановился, и, всё ещё немного покачиваясь после долгой дороги, студенты потянулись из вагонов на перрон, где первокурсников поджидал Хагрид. Дождь прекратился, было тепло, как летом, от земли шёл пар и густой запах прелой травы и цветов. Распрощавшись с Трэиси и Кевином, которых принял под своё начальство Хагрид, Гермione осторожно перебралась через лужи к ближайшему безлошадному экипажу. За несколько часов, проведённых вместе с но-

вичками, которые помогли ей собрать вещи и пригласили в своё купе, она вполне пришла в себя и сумела собраться — в конце концов, староста факультета не может быть раскисшей сопливой нюней, правильно?

От Малфоя Гермиона решила держаться подальше.

Ничего-ничего, — утешала она себя, — вот начнётся семестр — тогда-то можно будет постоять за себя совершенно законным способом.

В Хогвартс все вступили аккурат к ужину — об этом свидетельствовало как дружное бурчание в пустых желудках, так и аппетитные запахи, витающие в коридорах. Хотя, возможно, Гермионе уже просто мерещилось: она вспомнила, что первый и последний раз сегодня ела рано-рано утром, ещё дома; после всех переживаний в поезде ей кусок в горло не лез, хотя Трейси настойчиво пыталась поделиться с ней волшебными сладостями.

Поток студентов в чёрных форменных мантиях, гудя, как растревоженный пчелиный рой, влился в Большой Зал и разделился на четыре ручейка. С трудом протиснувшись сквозь тесную компанию хаффлпафцев, так и норовивших увлечь её за свой стол, Гермиона прошла к столу Гриффиндора и села на место старосты — у самого подножия возвышения, на котором восседали преподаватели. Профессора были почти все в сборе — пустовало всего четыре стула. Вот из-под стола вынырнул профессор Флитвик и взгромоздился на гору подушек. Ещё одно место принадлежало Хагриду, в этот момент переправлявшему через озеро первоклашек. Чьи же ещё два?

Гермиона вздрогнула: оказывается, задумавшись, она уставилась прямо на Дамблдора, и директор, встретившись с ней взглядом, чуть заметно подмигнул. Улыбнувшись в ответ, она повернулась — и сердце замерло. Где-то посередине ряда тёмных и русых голов гриффиндорцев яркими маячками сияли рыжие шевелюры представителей семейства Уизли. А вот и Гарри... Гермиона почувствовала, как засосало под ложечкой. Она знала, что должна немедленно отвернуться, но ничего не могла с собой поделать: он сидел к ней спиной, о чём-то разговаривая с Дином Томасом, а ей безумно хотелось увидеть его лицо. Только сейчас она ощутила, как соскучилась. Оказывается, именно этого мига она и ждала...

Словно почувствовав её взгляд, Гарри начал медленно поворачиваться.

Опусти глаза! Ну же! Быстро! — приказала себе Гермиона, но безрезультатно: она заморожено следила, как Гарри здоровается с однокурсниками — кому-то машет, кому-то улыбается. Вот он уже в профиль. И вот... В тот миг, когда их взгляды скрестились, Гермиону словно ошпарили кипятком, вздрогнув и покраснев, она резко отвернулась, уставившись на Снейпа. Бледно-жёлтое лицо профессора тут же дёрнулось, будто он страдал от зубной боли. Впрочем, Гермиона ощутила примерно то же самое. В конце концов, она опустила глаза в свою пустую тарелку и просидела так до самого начала распределения.

Шляпа заняла своё место на табурете, распахнулись двери, и между столами, изумлённо вертя головами, вслед за торжественно вышагивающим Хагридом затопали первокурсники. Гермиона, развернувшись, разглядывала восхищённые и испуганные лица. В толпе она нашла вздёрнутый носик Трейси — та, открыв рот, изучала великолепное убранство Большого зала. Сама Гермиона уже настолько привыкла и к факелам в вычурных золотых скобах, и к тысячам плавающих прямо в воздухе свечей, и к великолепным стягам с гербами факультетов, на которых вздымался лев, расправлял крылья ворон, извивалась кольцами змея и копошился барсук, что едва ли обращала на это внимание. Особенно сейчас.

Она в очередной раз покосилась в сторону Гарри: тот снова разговаривал. На этот раз с Роном. Оба улыбались. Потом Рон схватил со стола вилку и сделал вид, что сейчас воткнет её в Гарри. Тот засмеялся, схватил ножик, и они, похоже, начали

фехтовать под столом. Гермиона почувствовала, как с каждой секундой раздражение и обида на юношу испаряются, — ещё пара взглядов, и она будет готова кинуться ему на шею.

Наконец, шарканье и топот смолкли, в тишине Шляпа прокашлялась, извергнув из себя облачко пыли, чихнула и начала ежегодную Сортировочную песню. Гермиона слушала вполуха — от голода, переживаний минувшего дня и от того, что Гарри сидел совсем рядом, но был абсолютно недостижимым, внимание совершенно рассеялось. Кроме того, признаться, она мало что понимала в стихах, предпочитая красоте рифмованных строк поэзию формул, цифр, расчётов и заклинаний. Шляпа что-то пела про Основателей, про замок у озера — но слова вылетали у Гермионы из головы, даже не задержавшись. Лишь названия факультетов заставили её встрепещуться:

*Если ты смишлён и упорен,
Равенкло тебе станет домом.
Коль опасности не боишься,
Свяжешь ты судьбу с Гриффиндором.*

*Хаффлафф любит труд и усердье,
Ум и хитрость — для Слизерина,
Распахни мне свой ум, своё сердце...*

Шляпа продолжала петь, но дальше Гермиона не слушала.

Ум и хитрость — для Слизерина? Как же! “Злость и хамство — для Слизерина”, — она нашла за слизеринским столом прилизанного Малфоя. Тот, задрав голову, рассеянно смотрел в зачарованный потолок, барабанил пальцами по столу.

Началась Сортировка, малыши (как снисходительно окрестила их Гермиона, благополучно забыв, с какой дрожью в коленках она сама когда-то шла к табурету) — бледные или, наоборот, красные от волнения постепенно перемещались из общей очереди за ликующие в честь новичков столы. Гермиона совсем не удивилась, увидев в рядах гриффиндорцев и Трейси Алесини, и Кевина Сторма — её новых друзей. Честно говоря, когда они распределялись, она даже скрестила наудачу пальцы, чтобы новички попали именно на её факультет.

Наконец, Шляпу вынесли из Зала (Гермиона с вождением смотрела в тарелку, она уже и не чаяла, что пир когда-нибудь начнётся), и Дамблдор поднялся для произнесения традиционной речи. Золотые звёзды на тёмно-синей мантии и острокопечной шляпе таинственно поблёскивали, а длинная седая борода делала его удивительно древним — наверное, таким же, как и сам замок.

— Итак, дорогие друзья, Хогвартс снова распахнул свои гостеприимные двери, и мы рады приветствовать вас в этих стенах. Сейчас, когда в мире происходит много страшных событий, многим из нас и, к сожалению, вас, пришлось столкнуться с ними лицом к лицу... — Дамблдор помедлил. В тишине Гермиона услышала судорожный вздох сидящей рядом Кэти Белл, лишившейся летом матери. Она сочувственно коснулась рукава семикурсницы, и та ответила слабой благодарной улыбкой. Выдержав траурную паузу, Дамблдор продолжил. — Но сейчас вы в школе, под защитой и надёжной охраной, и теперь ваша главная задача — учиться, не покладая рук. Надеюсь, вы блестяще с ней справитесь. И прежде, чем начнётся пир... — по залу прокатилась волна возбуждения, все изрядно проголодались. Дамблдор улыбнулся, — я хотел бы сделать ещё несколько объявлений. Первое касается системы защиты Хогвартса. В этом году входы и выходы из него — абсолютно все, — подчерк-

нул Дамблдор, и Гермиона готова была поклясться, что в этот момент глаза директора остановились на Гарри, — заблокированы. В случае экстренной необходимости вы должны обратиться к декану своего факультета. Посещение Хогсмида дозволено старшекурсникам при наличии специального разрешения от декана. Вопрос о третьем курсе будет решён ближе к Хеллоуину, — раздался негромкий вздох разочарования. — Список запрещённых для посещения мест в этом году расширен, старосты факультетов поместят его на досках объявлений в гостиных. Кстати, о старостах. Я рад представить школе новую старосту факультета Гриффиндор — мисс Гермиону Грейнджер! В виде исключения старостой стала пятикурсница — с учётом её выдающихся успехов в учебной и научной деятельности. Мисс Грейнджер, пройдите к нам — профессор Макгонагалл вручит вам ваш значок старосты, — слегка покраснев от смущения и удовольствия, Гермиона поднялась и подошла к столу преподавателей. Профессор Макгонагалл прикрепила на её мантию серебряный значок с гербом факультета и фамилией.

— Мисс Грейнджер, — негромко произнесла она, когда аплодисменты стихли, и Дамблдор перешёл к заключительной части своей речи, — вот в этой папке находятся все инструкции, права и обязанности старост, правила снятия и начисления баллов, сверху — пергамент с паролем, вы должны уничтожить его сразу же, как прочтёте и передадите своим однокурсникам...

Следующие слова потонули в новом всплеске аплодисментов: подняв глаза, Гермиона увидела, как одно из пустующих мест занял плотный и лоснящийся мужчина с густой копной волос. Лучезарно улыбаясь, он помахал всем рукой и поклонился, едва не столкнув головой со стола свой кубок.

Засунув папку под мышку, Гермиона пошла на своё место.

— И, наконец, преподаватель по основам магической коммуникации — Виктор Крум!

От восторженного рёва зала у Гермионы едва не заложило уши. Руки сами собой разжались, и пергаменты посыпались на пол. Она почувствовала, как краснеет, бледнеет; не в силах поверить своим ушам, обернулась: да, ошибки быть не могло. Растерянно хватая ртом воздух, Гермиона повернулась к столу Гриффиндора и встретила взглядом с Гарри. В глазах юноши была такая обида, презрение, укор и мерлин-ещё-знает-что, что у Гермионы брызнули слёзы. Присев на корточки, она начала слепо сгребать пергаменты.

— Итак, всех с новым учебным годом! Да начнётся пир! — взмахнул руками Дамблдор, — и под ликующее гудение блюда на столах наполнились самыми вкусными и изысканными яствами; разговоры затихли, сменившись сосредоточенным причмокиванием, чавканьем, звоном ножей и вилок.

Ещё пять минут назад Гермиона ужасно хотела есть. Теперь она не могла дожидаться, когда же торжественный ужин закончится: с одного бока её жёг пронзительный взгляд чёрных глаз Крума, с другой — наполненные презрением возмущённые глаза Гарри. Гоняя по тарелке вилкой зелёный горошек, Гермиона почувствовала, как в ней нарастает раздражение по отношению к обоим.

Какого чёрта он заявился в Хогвартс? Какого чёрта он ничего мне не сказал? Какого чёрта Гарри смотрит на меня так, словно... словно я предложила ему взять у Вольдеморта пару уроков по Непростительным заклятьям? Какого чёрта?

— Гермиона, попробуй рагу — потрясающе вкусно, — Кэти, заметив, что Гермиона ничего не ест, решила за ней поухаживать. Увидев дрожащие губы и подозрительно сияющие глаза старосты, она громко ахнула. — Господи, да что с тобой? Из-за чего ты так расстроилась? Разве ты не рада, что твой Крум...

— Он не мой! — истерически всхлипнула Гермиона. Сидящие поблизости начали переглядываться, поняв, что ещё чуть-чуть, и она не сможет совладать с собой, Гер-

миона хриплым от сдерживаемых слёз голосом шепнула:

— Кэти, мне что-то нехорошо... Наверное, в поезде укачало: умоляю, проводи перwokлашек в гостиную. Пароль — *Vertex*, — и под изумлённые взгляды студентов, прижимая обеими руками к груди растрёпанную папку с торчащими из неё пергамен-тами, Гермiona, не поднимая глаз, торопливо зашагала к выходу.

* * *

Я простоял за углом коридора, возле входа в гостиную Гриффиндора весь вечер, поджидая её: я не знал пароля, впрочем, даже если бы знал, ничего бы не изменилось — не мог же я на глазах у всего факультета пройти в спальню к девушке, чьё имя газеты и без того настойчиво связывали с моим. Это бы дало неисчерпаемую тему для сплетен, слухов и разговоров, не нужных ни ей, ни мне. А потому я затаился за статуей в нише и просто ждал, надеясь, что она всё-таки выйдет.

В коридор не доносилось ни звука, хотя, когда портрет розовой толстухи отодвигался, из дверей выплёскивались раскаты смеха, шум взрывающихся хлопушек — похоже, гриффиндорцы решили продлить праздник. Время от времени туда-сюда шмыгали студенты; Поттер с Уизли куда-то отправились, пройдя буквально в трёх шагах от меня. Проплыли оживлённо обсуждающие последние школьные новости привидения Гриффиндора и Равенкло.

Её не было.

Я и не представлял, насколько соскучился по ней, насколько боялся за неё: исследование взрыва поезда, на котором они с Поттером должны были, не измени мы с Дамблдором планы, отправиться на вокзал — вернее, на тот свет — ничего не да-ло. И, судя по линиям на руке, это было не последнее испытание и опасность, ожи-давшие её в этом году.

Летние недели, проведённые вдали от неё, я разрывался между желанием расска-зать, предостеречь, вырвать из неё обещание быть осторожной, и молча и незамет-но следовать за ней повсюду, охраняя каждый её шаг. После долгой и мучительной схватки победило второе, хотя в душе осталось чувство, что я совершаю ошибку.

Настало время отбоя. Припозднившиеся ученики прошмыгнули в гриффиндорс-кую гостиную, факелы ярко вспыхнули напоследок и почти погасли. Всё вокруг по-грузилось во мрак.

В тишине разносились приглушённые вопли беснующегося где-то наверху Пивза. Стараясь двигаться как можно бесшумнее, я вернулся к себе.

* * *

Выплеснув зелье в пламя, человек отбросил в сторону кубок. Тот зазвенел по ка-менному полу и откатился в темноту. Зеленоватые языки огня стали ярче, из вися-щего в них слитка заструился сизый дым, на глазах становясь всё плотнее и плот-нее, обретая форму человеческой фигуры. В тот миг, когда бесплотная тень распах-нула бесцветные глаза, колдун высыпал в пламя порошок, и плечи призрака тут же безвольно опустились, руки разжались, лицо обрело выражение покорности.

Довольно хмыкнув, колдун начал произносить заклинание.

Оно было длинным и сложным, оно считалось утерянным много веков назад. К ра-стаявшему во тьме потолку, под которым плавали облака зеленоватого дыма, понес-лись древние, тёмные слова могучего заклятья.

Голодные демоны распахнули свои кошачьи глаза, откликнулись многоголосым воем, завертелись в безудержном хороводе, колдун вскинул руки, его громовой го-лос покрыл безумный визг белёсых теней, несущихся в сумасшедшей пляске... Всё исчезло.

Изящной бледной рукой он отёр пот с высокого лба и отступил в темноту. Губ кос-

нулась довольная улыбка. Колдун подошёл к стене, испещрённой письменами, и коснулся её рукой:

— Господин мой, всё выполнено. Они в Хогвартсе. Оба.

Глава девятнадцатая, в которой взрываются котлы, Гермиона защищает слабых, а над профессором Гатто начинают сгущаться тучи.

До обеда было ещё далеко, а Гарри уже едва волочил ноги. Он ненавидел среду: сдвоенное зельеварение со слизеринцами сразу после завтрака убивало всякое желание жить. Причём с утра и до самого вечера: за Зельями следовала, невероятно нудная лекция профессора Биннса, ухитрявшегося даже столь живописную тему, как особенности инквизиции в средневековой Италии, преподносить так, что студенты едва не вывихивали себе челюсти от зевоты. А после обеда — Предсказания. Гарри не первый год мечтал от них отказаться, но выбор был невелик: либо Предсказания, либо Основы коммуникации магического сообщества. Гарри скорее расцеловался бы с Трелони, чем пошёл на урок к Круму.

Эта среда не задалась прямо с утра: сначала он почти проспал завтрак, перетренировавшись накануне, — Анджелина, чересчур серьёзно отнёсшаяся к должности капитана, загоняла их до полусмерти: первый матч должен был состояться совсем скоро, и новый состав надо было как следует обкатать. С учётом того, что Слизерин обычно без труда обыгрывал Хаффлпафф, они должны были, кровь из носу, вырвать победу у упрямых равенкловцев, которых не зря считали крепкими орешками. Хоть у Рона и были все данные вратаря, да и регулярные тренировки с братьями тоже давали свои результаты, времени на отработку командного взаимодействия и специальных приёмов вчера ушло ужасно много.

Теперь у Гарри ломило всё тело, а в костях поселилось ощущение вечного холода — промозглый ветер не стихал уже вторые сутки, и после трёхчасовых тренировок он чувствовал себя совершенно окоченевшим даже весь следующий день.

Потом ещё этот переполох на зельях...

Они занимались перегонкой и очисткой слюны пустынного тарантула. Рон, тоже ещё не пришедший в себя после вчерашнего, подперев щеку рукой, притулился у кипящего котла, греясь и вяло любясь покачивающимися под ним языками пламени. И вдруг... Что-то вспыхнуло, громыкнуло — котёл взлетел в воздух, и его содержимое оказалось на лице неосмотрительно приблизившегося к нему Рона. Тот застыл, вытаращив глаза и открыв рот; по лицу, пенясь, стекала розовая жидкость. Гермиона, сидевшая перед ним, выхватила из кармана платок и, подскочив, начала вытирать его лицо и руки. Судя по тому, как она морщилась, жидкость была весьма едкой и горячей. Все вокруг заахали и заметались, тут голос Рона вернулся из ультразвука в бас, и парень взвыл, как иерихонская труба.

Снейп торопливо вытащил из нагрудного кармана Универсальную Нейтрализующую Смесь¹, и оказал первую помощь, после чего отправил незадачливого гриффиндорца к мадам Помфри — приводить лицо в порядок.

— Ничего Уизли, в твою рябую физиономию можно швырнуть хоть навозной бомбой — всё равно мало что изменится, — фыркнул вслед Малфой, за что тут же получил от Гарри, вне досягаемости которого находился, яростный взгляд, а от Симуса Финнигана, который, по счастью, оказался поблизости, — учебником по голове. (Хорошо, что Снейп в это время стоял спиной — не то лишился бы Гриффиндор ещё десятка очков)

Теперь Гарри один плёлся на Историю Магии — Снейп задержал их, заставив при-

водить в порядок класс и всласть навывчитав баллов: за сорванный урок, за нарушение техники безопасности, за грязь и за то, что грязь убрали недостаточно быстро.

— Чистюля чёртков, — пробурчал Гарри, драя стол. — Голову бы лучше помыл... — к несчастью, профессор Зельеделения оказался поблизости, и Гриффиндор лишился ещё пятнадцати очков.

Едва Гарри забился в уголок потемнее с твёрдым намерением подремать, как Биннс просочился сквозь классную доску и начал вещать негромким скрипучим голосом. Да, история инквизиции изобиловала кровавыми эпизодами и борьбой страстей. Было где развернуться человеку с воображением. Убаюканный, Гарри сладко уснул на фразе “и содрали с него кожу живьём” и проснулся где-то через час на словах “...и вырвали ему ноздри”. Собственно, он с удовольствием поспал бы подольше — до самого конца урока, избавив себя от неаппетитных подробностей, но сон, впервые приснившийся ещё в Болгарии и теперь с завидным постоянством будивший посреди ночи, — этот сон не захотел оставить его и днём.

...Тени, надвигавшиеся на него, не имели ни лиц, ни тел — они были воплощением всего ужаса мира. От то ли птичьих, то ли людских криков закладывало уши, их перекрывал демонический хохот, бесовский визг. Бежать было некуда — позади разверзлась бездна, она наступала на Гарри, дыша ему в спину ледяным холодом. Прозрачные лица кружились вокруг, заглядывая в глаза и выворачивая его душу наизнанку. Они зывали о помощи, молили о покое. И вдруг тьма распахнулась, словно отёрнулся чёрный, как ночь, занавес — и появился бледный, колышущийся в воздухе призрак Гермионы. Гарри двинулся вперёд, к ней — но воздух стал вязким, он не пускал, он давил на лицо, не давая дышать. В груди рос холод, она будто наполнялась ледяной водой. Гарри упал на колени и, пригибаясь, как под ураганным ветром, пополз... Призрак Гермионы колыхался в воздухе, не делая попытки помочь ему, шагнуть навстречу. И вот, он, наконец-то, у её ног. Но в тот момент, когда он коснулся её, тело вдруг взорвалось ослепительным сиянием, и последовавшая за ним грохочущая и визжащая тьма поглотила их обоих...

Гарри, задыхаясь, вскинул голову: в классе стояла пугающая тишина, взгляды окружающих были прикованы к нему.

— Мистер Поттер, — проскрипел Биннс, — я понимаю, вы весьма впечатлены, однако не могли бы вы держать свои эмоции при себе...

— Я что — кричал? — шёпотом поинтересовался Гарри у Невилла Лонгботтома.

— Ещё как — всех перебудил, — шепнул в ответ тот. — Биннс как раз что-то рассказывал про использование крючьев в средневековых пытках колдунов. А что тебе приснилось? Кошмар?

— Ещё какой: за мной гонялся Снейп в шляпе твоей бабушки и уговаривал рассчитать ему гороскоп на будущую неделю, — вяло отшутился Гарри, вытирая пот со лба.

Звонок с урока прервал Биннса на полуслове. Не меняя интонации, профессор всё тем же скучным голосом пробубнил домашнее задание, попрощался с классом и удалился сквозь стену.

Собирая книги и тетради (которые обычно выкладывались для отвода глаз — Гарри ещё ни разу не видел, чтобы кто-то что-нибудь записывал на лекциях Биннса), юноша почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд: из противоположного конца класса на него внимательно смотрела Гермиона. С демонстративным равнодушием скользнув по ней глазами, он закинул сумку за спину и неторопливо отправился на обед.

За почти месяц, прошедший с начала учёбы, они едва ли обмолвились парой дежурных фраз, Гарри, к своему стыду, даже не смог заставить себя поздравить Гер-

миону с днём рождения. Он целый день протаскал купленный загодя подарок в кармане, дважды был готов подойти, но... Коробочка в яркой обёртке теперь лежала на самом дне чемодана, с немым укором взирая на него каждый раз, когда он рылся внутри в поисках чистой пары носков.

Гермиона же была вечно обременена учёбой, домашними и дополнительными заданиями, организационными проблемами, обязанностями старосты и свитой из исполненных благоговейного ужаса младшекурсников. В глубине души он ждал встречи с надеждой, что она подойдёт и попытается всё объяснить и оправдаться, но вид Крума, занимающего место за преподавательским столом, взгляд, каким он смотрел на Гермиону... — Гарри начинал скрипеть зубами, вспоминая об этом даже спустя три недели.

И она тоже хороша: могла бы соблюсти приличия и не записываться на его спецкурс!

Ослеплённому ревностью и переполненному обидой, Гарри даже в голову не приходило, что вернуться к Трелони после публично высказанного Гермионой мнения о Прорицаниях — “это, конечно, точная наука, всё увиденное обязательно сбывается. Только неизвестно когда, где, с кем и что конкретно” — было бы верхом неразумности: старая стрекоза при всей своей внешней безобидности память имела цепкую и вполне могла подпортить и жизнь, и аттестат.

У самого Гарри, да и у Рона тоже, с учёбой в этот год отношения не складывались: то ли из-за обилия заданий и занятий (“Ощущение, будто завтра конец света — с ума они, что ли, посходили”, — бурчал Рон, с тоской изучая выданное им расписание на первый семестр), то ли из-за того, что головы были заняты массой иных проблем, юноши сами не заметили, как медленно, но уверенно съехали в группу середнячков. Причём задерживаться в ней тоже не собирались.

Гарри не давали покоя таинственные коридоры, и вечерами, вместо того, чтобы готовиться к урокам, он или занимался практикой по материалам своего аврорского конспекта в одной из пустующих и пыльных аудиторий на шестом этаже, или сидел в библиотеке, штудировав историю Гриндевальда. К его вящему огорчению, большинство книг находилось в Запретной Секции, а найти разумного для преподавателя предлога, зачем студенту-пятикурснику понадобилась “Великая магическая война. Исповедь перебежчика” или “Рукотворные чудовища и монстры, том 8 — XX век” он пока не смог. Зато это компенсировалось тем, что иногда он мог лицезреть Гермиону, корпевшую над домашними заданиями. Причём, что приносило ему несказанное удовлетворение, — одну. Крума рядом с ней он видел только пару раз, и тот вёл себя так, словно она была рядовой студенткой, даже обращался к ней официально: “мисс Грейнджер” (Гарри не приходило в голову, что всё дело в школьных правилах, кои Крум неукоснительно читл).

Рон же полностью окунулся в свою романтическую страсть: всё свободное время он пассивал рядом с хаффлпаффцами, ловя каждое слово своей ненаглядной Эшли, за что уже получил недвусмысленное предупреждение от её ухажёра — капитана квиддичной команды Равенкло. Проигнорировав его, Рон был вызван на тайную колдовскую дуэль, из которой вышел победителем (иметь пять старших братьев-гриффиндорцев — это кое к чему обязывает, правильно? Хотя, между нами говоря, для отработки хорошей реакции и каверзных проклятий вполне бы хватило Фреда с Джорджем. Или даже одного Фреда), после чего Эшли стала куда благосклоннее и даже приняла приглашение на вечернюю прогулку. С которой Рон вернулся с ошалевшими глазами и полночи мучил своих однокурсников счастливыми вздохами и сопением — таким шумным, что заснуть было абсолютно невозможно.

Размышляя о том, что после уроков надо бы забежать в лазарет и провести, как

там обстоят дела у неудачливого зельевара, Гарри добрался до Большого зала. И как раз вовремя: скандал был в самом разгаре. Рядом с зарёванной первоклашкой, пламенея от ярости, стояла Гермиона, а напротив презрительно кривил губы Драко Малфой. Живописная композиция была окружена плотной толпой — гриффиндорцы недовольно гудели, а слизеринцы насмешливо хихикали.

— Шла бы ты к своим малолеткам, нянька гриффиндорская. А то они без тебя уже даже сопли потереть не могут, — насмешливо бросил Малфой. Он чувствовал себя совершенно безнаказанно: из преподавателей в Зале присутствовал только Снейп, никогда не встречающий в ссоры, в которых принимал участие его факультет.

Гермиона тряхнула головой и отчеканила полным презрительной ярости голосом.

— Значит, так. За разжигание межфакультетской розни — пять очков. За издевательство над студентами младших курсов — десять очков. За оскорбление старосты — четыре раза по пять очков. Итого — тридцать пять. И ещё — лично от меня: за хамское отношение к девушкам — пять очков. Итого — минус сорок очков со Слизерина.

Ноздри Малфоя раздулись от ярости.

— И попробуй только открыть рот, — предупредила его Гермиона. — Начиная со второго предупреждения, я имею право увеличить количество снимаемых баллов.

Поблуднев от злости, Малфой развернулся и вылетел из Зала, на ходу извергая проклятья, заставлявшие краснеть особо впечатлительных студенток, попадавших на пути.

Гарри уселся за стол и пододвинул к себе большое блюдо с отбивными и картошкой. Есть хотелось ужасно — сэндвич и стакан тыквенного сока, ухваченные во время завтрака, не оставили о себе никаких воспоминаний.

— Гарри, я могу поговорить с тобой? — голос Гермионы, раздавшийся прямо над ухом, заставил его поперхнуться. Наконец, прокашлявшись и проглотив вставший поперёк горла кусок мяса, Гарри вытер слёзы и мрачно поинтересовался:

— Что нужно?

— И тебе тоже добрый день. Разве тебя не учили, что отвечать вопросом на вопрос — дурной тон? — возмутилась ещё не отошедшая от схватки с Малфоем Гермиона.

— Ты так с первоклашками своими разговаривай, ладно? — холодно заметил Гарри.

Глаза Гермионы сердито сузились, но она взяла себя в руки.

— Макгонагалл дала мне поручение поговорить с тобой и Роном о вашей учёбе. Если вы не возьмётесь за ум, у вас обоих — и, кстати, у факультета тоже — могут быть серьёзные проблемы.

— Знаешь, Гермиона, смотрю я на тебя и удивляюсь: тебя, вообще, что-нибудь, кроме учёбы, волнует?

На скулах Гермионы вспыхнули красные пятна.

— Мисс Грейнджер! — к ним, держа стопку книг в руках, подходил Крум.

— Ах, да, я совсем забыл, — понизив голос и вложив в слова как можно больше яда, заметил Гарри. — Ну конечно же, волнует...

Гермиона сжала в кулаке палочку, и Гарри внутренне приготовился, что она его сейчас треснет по голове — судя по её лицу, она была близка к этому как никогда. Честно говоря, он бы принял это совершенно безропотно и даже с какой-то благодарностью: он и сам не мог понять, что с ним происходило. Когда Гарри смотрел на неё издалека, сердце захлёбывалось от боли и нежности. Но стоило ей подойти, как он не мог выдавить из себя ничего, кроме язвительных гадостей.

Гермиона раздражённо фыркнула и, пробормотав что-то вроде “болван!”, резко

развернулась — её мантия взлетела в воздух и задела Гарри по лицу. Кусок встал у него поперёк горла во второй раз: свежий, воздушный запах её одежды заставил сердце сжаться. Память тут же вернула его в счастливый момент, когда он впервые почувствовал её аромат — он сидел, держа на коленях глупый каталог с полураздевшимися красотками, а рядом сидела только что вышедшая из ванной Гермиона — с влажными волосами, в пушистом халате и выглядывающей из-под него розовой коленкой...

Разомлев, Гарри рассеянно поднял глаза: Крум, склонившись Гермионе через плечо, тыкал своим *кривым* (ничего подобного!) пальцем в раскрытую книгу. При этом его вторая рука помогала ей поддерживать тяжёлый том. А она кивала головой и благодарно (*глупо!* Не спорь с автором, Гарри, говорят тебе — благодарно, значит благодарно!) улыбалась.

Гарри отбросил вилку, сунул в карман импровизированный бутерброд из зажатых между двумя кусками хлеба отбивных и опрометью вылетел из Большого Зала.

* * *

Больше всего Гермиона ненавидела урок по Защите от Тёмных Искусств. Вернее, сам по себе предмет был вовсе неплох и весьма полезен — особенно с учётом сложившейся в стране ситуации — но персона преподавателя впервые в жизни не давала Гермионе отринуть личные пристрастия и подойти к делу объективно.

Первый звонок прозвенел на первом же уроке, едва профессор Гатто, виляя задом, продефилировал между парт к кафедре и начал знакомство с классом. Добравшись до фамилии Грейнджер, он окинул девушку с ног до головы пристальным и, как ей показалось, плотоядным взглядом и дёрнул бровями — словно поставил галочку в никому не видимом списке. Впрочем, Гермиона сначала не обратила на это внимания — точно так же он посмотрел и на Лавендер Браун, и на её неразлучную подружку Парвати Патил, отчего кавалер последней — Дин Томас — возмущённо фыркнул и грозно нахмурился.

— Итак, мои юные друзья, прежде всего, я должен оценить существующее положение вещей. Я знаю, что в вашей школе последнее время имели место... *гм...* некоторые проблемы с преподаванием Защиты от Тёмных Искусств, однако, судя по записям в журнале, ваш последний преподаватель кое-чему, всё же, вас научил, — по классу прокатился ропот, и Гатто умиротворяюще взмахнул пухлой ухоженной рукой. — Ах, я знаю-знаю эту печальную, даже — не побоюсь этого слова — трагическую историю. Но, надеюсь, это никоим образом не повлияло на качество ваших знаний. А *учиться дозволено и у врага, fas est et ab hoste doceri*, — он назидательно поднял вверх пухлый белый палец, на котором сиял крупный перстень. — Ну-с, мои маленькие друзья, начнём, как говорится, допрос по прошлым темам. Не найдётся ли среди вас кто-нибудь, готовый поведать мне про то, что объединяет Непростительные заклятья? Я имею в виду не моральный аспект, — хихикнул он, — а саму технику. Мисс... Патил, попрошу вас.

Парвати медленно поднялась и недоумённо захлопала глазами.

— Нет-нет, попрошу сюда, ко мне, — профессор приглашающе взмахнул рукой и, постукивая каблучками по каменному полу, девушка послушно прошла к кафедре. — Ну-с, я жду, — лучезарно улыбнулся Гатто, — откройте нам сию загадку.

Парвати молчала, блуждая по классу умоляющим взглядом и нервно теребя мантию.

— Насколько я понимаю по вашему смущённому виду, вы не утруждали себя выполнением домашних заданий, ведь — *vediscit animus sero, quod didicit diu*, — *неско-ро забывается только то, что долго заучивалось*. Видимо, вам и без того было, чем заняться, верно, мистер... э... Томас? — Парвати покраснела, а Дин набычился

и стиснул между пальцами перо. Оно хрустнуло и сломалось. — Что ж, возможно, вы просветите нас относительно трёх способов, при помощи которых можно преодолеть Принуждающее заклятье? — окинул девушку с ног до головы взглядом, который Гермione совершенно не понравился.

— Сильная воля... — пролепетала Парвати и обречённо замолчала.

— Так-так, о познаниях девушек у меня сложилось мнение, — подытожил профессор, снисходительно похлопав студентку по руке и отпуская её презрительным кивком. — Теперь я хочу побеседовать с кем-нибудь из юношей. Надеюсь, что впечатление будет более благоприятное, и они умеют работать не только руками, размахивая палочкой или измельчая в ступке рог двурога, но и головой. Или же — *marte non arte* — вы предпочитаете силу, а не ум?

Гермиона сидела и чувствовала, что закипает. Манера публично унижать, столь характерная и для Снейпа, всегда выводила её из себя. Нервно комкая пергамент, она смотрела, как мнётся у доски Невилл, слушала язвительные комментарии, отпускаемые Гатто и, в конце концов, не выдержала и подняла руку.

— Да, мисс... Грейнджер, если не ошибаюсь? — лучезарно заулыбался профессор, обнажая мелкие и острые, как у гоблина, зубы.

— Извините, но если вы хотите проверить наши остаточные знания, проведите письменный тест, а не издевайтесь над студентами! — выпалила она на одном дыхании.

Класс одобрительно загудел.

— Так-так... Я удивлён, что староста позволяет себе критические высказывания в отношении преподавателей... Будьте так любезны, задержитесь после урока, мне бы хотелось с вами обсудить данный аспект наших взаимоотношений более подробно. А теперь — как и просила мисс Грейнджер — письменный опрос. Темы вы слышали: осветите мне по мере ваших скромных способностей и скудных познаний все вопросы, с которыми так позорно не справились мисс Патил и мистер Лонгботтом.

Оставшееся время Гатто ходил по классу, заглядывая в пергаменты и отпуская язвительные замечания. Впрочем, некоторым он даже подсказывал — взяв руку Парвати в свою, что-то исправил в её ответе, а Лавендер что-то шепнул на ухо.

Собрав пергаменты после урока, он взмахом руки распустил класс и поманил к себе Гермione.

— Мисс Грейнджер, я оценил вашу готовность и умение постоять не только за себя, но и за других. Что ж — это похвально. Если вы думаете, что я наложу на вас взыскание, вы глубоко заблуждаетесь. Напротив. От мистера Крума я наслышан о вашем исключительном уме и начитанности: *libri amici*, *libri magistri*, что значит *книги — друзья, книги — учителя*...

— Спасибо, я знаю латынь, — перебила его Гермione, но Гатто продолжал, словно не слыша её:

— ...впрочем, подозреваю, он может быть необъективен, — профессор многозначительно подмигнул и улыбнулся, увидев, как Гермione покраснела, — и, тем не менее, я сейчас собираюсь начать работу над одним прелюбопытнейшим проектом, надеюсь, что вы составите мне компанию. Жду вас сегодня в 9 вечера в моём кабинете.

— Но я...

— Никаких отговорок, мисс Грейнджер. Считайте, что это ваше взыскание.

* * *

Рон сидел у камина и блаженно улыбался, глядя в огонь. Если и было нечто хорошее в том, что он чудом не лишился глаз после злополучного зельеварения и, вдо-

бавок, пришлось весь вечер втирать в лицо отвратительно пахнувший Кожный Регенератор, так это то, что на второй день, ближе к обеду, дверь лазарета тихонько открылась и, робко улыбаясь, в палату вошла Эшли. В руке она держала коробку с Шоколадными лягушками и большое яблоко.

— Рон, я услышала про твоё несчастье, — она сунула гостинцы Рону и чинно присела на стул. Юноша взирал на неё сияющими глазами, что определённо, доставляло ей удовольствие: девушка нежилась в лучах любви и восхищения, как саламандра в огне. — Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — честно выдохнул Рон. — Лучше не бывает.

Под её ласковым взглядом он сейчас мог бы запросто выпить целую бутылку Костероста. С улыбкой. Или предложить Снейпу перекинуться в карточки.

— Мадам Помфри сказала мне, что может отпустить тебя из лазарета — ты не возражаешь, если я тебя подожду и провожу?

Возражать? Да предложи она проводить его в клетку с драконами — он бы с радостью согласился. Одевшись в мгновение ока (Эшли задумчиво грызла принесённое Рону яблоко, пока он торопливо шуршал мантией за ширмой), Рон пригладил взъерошенные рыжие волосы, глубоко вздохнул, пытаясь унять прыгающее в груди сердце, и рука об руку они покинули больничное крыло.

Как назло, Рону в голову не приходило ни одной умной мысли, чтобы начать разговор, а Эшли лишь лукаво улыбалась и молчала, постреливая в него многозначительными взглядами. На пятой ступеньке третьей лестницы Рон робко взял её за руку. В шестом коридоре он осмелел и перехватил под локоть. И в тот миг, когда он решил досчитать до десяти и обнять её за талию, она вдруг отстранилась:

— Ужасно пить хочется.

Они подошли к фонтанчику. Струйка прозрачной родниковой воды била вверх из - отверстой пасти диковинного чудовища. Наклонившись, Эшли — медленно, неторопливо, облизывая пухлые губы — начала пить.

От этого зрелища Рон просто ошалел. Он смотрел, не моргая, как струйка воды касается её языка, как матово поблёскивают ровные белые зубы, как она оттопыривает губы, не замечая, что сам начал облизываться, как бедуин, бредущий вторую неделю по раскалённой пустыне.

— Хочешь пить? — спросила Эшли так неожиданно, что он вздрогнул.

— Что?

— Попей, — рассмеялась она, — вода не отравлена...

Он плохо понимал, хочет он пить или нет, но послушно наклонился, и почувствовал, как ледяная струйка обожгла горло. И в тот же миг сквозь воду к его губам прикоснулись её тёплые и мягкие губы. Он ахнул, захлебнулся, выпрямился — она бросила руки ему на плечи и приподнялась на цыпочки. У Рона было ощущение, словно голова превратилась в бладжер, который только что отбил Фред или Джордж: в ушах гудело и свистело. Но в тот миг, когда мир на мгновение остановился, чтобы тут же снова закружить его в счастливом безумии, в тот миг, когда Рон попытался обнять Эшли, она неожиданно выскользнула из кольца его почти сомкнувшихся рук и лукаво улыбнулась.

— Ну, пойдём?

Рон бросился за ней, раскрыв объятия, — рассмеявшись, она побежала прочь. Ему удалось трижды настичь её, в результате чего к Большому Залу они добрались с - распухшими губами и сияющими глазами. Дабы соблюсти конспирацию, они простились за углом; Эшли приложила указательный пальчик к своим губам, потом коснулась им губ Рона в жесте любви и молчания. И исчезла, ни словом не обмолвившись о следующей встрече.

— Неважно выглядишь, — оторвавшись от учебника по Трансфигурации, прислонённого к кувшину с соком, Гермiona бросила пристальный взгляд на присоединившегося к гриффиндорцам Рона. — Что сказала мадам Помфри — эти ужасные пятна пропадут? А что с твоими губами?

— Ты словно с мантикрабом целовался, — фыркнул Симус Финниган, накладывая себе вторую порцию жаркого из молодого барашка.

— Ага, со всеми мантикрабами и с Хагридом в придачу, — молодецки усмехнулся Рон, предательски краснея.

Гарри фыркнул и невзначай бросил взгляд на стол Хаффлпаффа: судя по сытому и довольному, как у кошки, виду Эшли, его подозрения были не лишены оснований. Впрочем, похоже, не он один так подумал: Гермiona, пряча улыбку, скрылась за учебником и начала торопливо шуршать страницами.

Когда Гарри вечером вполз в гриффиндорскую гостиную (определённо, сегодняшняя тренировка была самой изматывающей за последнюю неделю, да ещё и в библиотеке пришлось повозиться), Рон уже совершенно истомился от ожидания: ему не терпелось поделиться с другом сногшибательной новостью. Надо сказать, что Гарри абсолютно не рвался узнать подробности романтического происшествия — он только что вернулся из библиотеки с томом “Падших ангелов... и духов тьмы” и собрался переписывать домашнее задание по демонологии: Гатто был строг и придирчив и за версту чуял халтуру. Но, взглянув на сияющую физиономию друга, Гарри послушно опустился на диван.

Однако трогательной истории про родник не суждено было прозвучать: портрет распахнулся, и в гостиную влетела совершенно разъярённая Анджелина Джонсон — семикурсница и подруга Фреда Уизли.

— Вы только подумайте! — возмущённо воскликнула она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Этот гад Гатто (“Анджелина!” — ахнула Гермiona и окинула тревожным взглядом наостривших уши первоклашек) сегодня придрался ко мне на уроке по пустяку: дескать, я подсказала Фреду. И велел вечером прийти к нему в кабинет...

Гермiona, объяснявшая Трейси азы Трансфигурации, закашлялась и прикусила губу. Кто-кто, а она прекрасно могла себе представить, что было дальше.

...Когда она вошла в кабинет Гатто, того ещё не было; на столе лежало несколько книг, перья, пергаменты. Горело всего три свечи, придавая кабинету очень уютный вид. И очень интимный. Гермiona рассеянно подошла и открыла первый попавшийся том — благо, в нём была закладка. И с отвращением выронила её: с закладки на неё смотрели... ой... Гермiona покраснела и охнула от неожиданности, когда мягкая рука бесшумно подкравшегося Гатто тяжело опустилась ей на плечо.

— Миленькая вещица, правда? — подхватив закладку, он сунул её прямо под нос девушке, не знающей, куда девать глаза от смущения. — Ах, эти французы, они такие затейники, чего только не напридумывают... *Crede experto* — поверь опытному, моё юное дитя. Так, но давайте к делу. Собственно, я не за этим сюда вас позвал, хотя, если захотите, — его глазки масляно блеснули, — мы могли бы поделиться мнениями... впрочем, неважно. Видите ли, до меня дошли слухи о существовании одной прелюбопытнейшей книги. Редчайшее издание: издано всего 15 экземпляров, все были уничтожены — и вот, надо же, нашёлся один... Определённо, это *книга, которая непременно должна быть прочитана*, как говорится, *libri legendi*. Как только она попадёт мне в руки, мы могли бы с вами провести уникальное исследование, если вам, конечно, это было бы интересно... — Гермiona почувствовала, как рука Гатто крепко сжала ей плечо. — Уникальный том по истории Гриндевальда, как нельзя более актуален в нынешнее время. Не даром мудрость гласит — *qui desiderat pacem, praeparat bellum*, *кто желает мира, пусть готовится к войне*.

Начать, конечно, стоит с сопутствующей литературы... тем более, что самой книги пока нет в моём распоряжении, но один любезный человек обещал мне доставить её в самые кратчайшие сроки. Единственная неувязочка, — профессор сокрушённо вздохнул и развёл руками, — моё время расписано буквально по минутам, так что я могу выделить для этого... — он отпустил девушку и, подойдя к столу, взглянул в календарь, — вечера в субботу и воскресенье. Правда, тогда нам придётся пропускать ужины, но я уже договорился с домашними эльфами, мы с вами сможем отужинать прямо в номере, пардон... в кабинете.

Совершенно сбита с толку многословием и дробной, круглой речью, Гермиона растерянно кивнула, и Гатто, деликатно подхватив её за талию, провёл девушку к дверям, выписывая по дороге какие-то немыслимые па. Галантно прикоснувшись губами к пальчикам, он распрощался с ней до субботы и выставил из кабинета. Гермиона тупо смотрела на закрытую дверь и пыталась понять, откуда взялось в ней это безумное ощущение гадливости.

— ...Так вот, — понизила голос Анджелина, начиная приходить в себя, — сначала он плёл что-то про учёбу и дополнительные занятия, а потом просто полез ко мне целоваться. А когда я дала ему по физиономии, он пообещал, что завалит Фреда на экзамене! Только ради Бога, об этом Фреду не говорите, иначе...

Но было поздно: красный от ярости, из соседнего кресла поднялся Фред, которого ослеплённая негодованием подружка не заметила за высокой спинкой. Вытаскивая на ходу палочку и бормоча под нос проклятья, он кинулся к дверям. Анджелина взвизгнула и, перемежая успокоительные фразы с мольбами о помощи (Ну же, кто-нибудь! Держите его! Отберите палочку!), повисла у него на шее. К ней присоединились несколько старшеклассников — Ли Джордан обхватил Фреда за пояс, Джордж без лишних нежностей заломил за спину правую руку брата и вывернул из намертво сжатых пальцев волшебную палочку, а Гарри с Роном повисли на плечах. Анджелина визжала, Фред ревел и рвался, как раненый зверь, перепуганные младшекурсники сбились в угол и уже готовились разрыдаться, остальные оторопело хлопали глазами.

— Я его убью!

Гермиона как следует прицелилась, стараясь никого не задеть:

— Petrify!

Фред моментально умолк, и его окоченевшее тело аккуратно опустили на ковёр. Благодарно взглянув на Гермиону, Анджелина присела на корточки и с состраданием погладила Фреда по голове.

— Я немедленно доложу о нарушении педагогической этики учителям, — сообщила Гермиона, но была остановлена удивлённо-презрительным взглядом Джорджа:

— То есть ты хочешь сказать, что, вместо того, чтобы пойти и вызвать его на дуэль или, на худой конец, просто набить морду, надо донести Дамблдору?

— Это не я так говорю, — вспыхнула Гермиона, — так гласят школьные правила. Просто это уже не первый случай...

— Знаешь, что я делал с этими правилами? — негромко заметил Джордж и добавил пару ёмких выражений, от которых девушки вспыхнули и отошли подальше, а юноши зажали рты в истерическом хохоте.

Нахмурившись, Гермиона отвернулась к камину и упрямо уставилась в огонь. К ней тихонько подошёл Рон и погладил по руке.

— Ладно, не дуйся на Джорджа. А что — он ещё к кому-то приставал?

— Угу, — мрачно кивнула староста, не сводя глаз с прыгающего за решёткой пламени. — Ко мне. Помнишь, первый урок? Ну вот: он предложил мне заняться исследованием, а сам начал хватать меня за коленки и совать в лицо картинки с какими-

то дурами, которые даже застегнуться нормально не умеют...

— Ну, я ему, — дёрнулся Рон, но Гермиона вцепилась ему в рукав.

— Не говори никому, ладно? — её глаза против воли метнулись к Гарри, который среди прочих о чём-то совещался над неподвижным телом Фреда. — Я тебя очень прошу, не надо, чтобы кто-то узнал об этом...

— А что — ты не рассказала профессорам? — покосился на неё Рон.

— Нет, — вздохнула она. — Это бы выглядело, словно я ябедничаю... Понимаешь?

Рон кивнул и обнял её. Она вздохнула и прижалась щекой к его плечу.

Ей очень не хватало дружеского участия. Сейчас, когда отношения с Гарри разладились, её дружба с Роном тоже поостыла: тот, в основном, проводил время с другом. Или вертелся около хаффлпафцев. Гермионе очень не нравилась та вертихвостка, вокруг которой увивался Рон. Во-первых, он из-за неё забросил учёбу, а её, судя по всему, это совершенно не волновало. Во-вторых, неделю назад Гермиона, засидевшись в библиотеке, собственными глазами видела, как эта Эшли как-её-там обнималась в углу с каким-то парнем из Равенкло, тогда как позавчера на обеде, как раз после того злополучного происшествия на Зельях, она строила глазки Симусу Финнигану. А, в-третьих, Рон — её лучший друг и достоин куда большего, чем какая-то недалёкая жеманница.

Впрочем, Гермионе даже в голову не приходило выложить всё это Рону, который по темпераменту не уступал своим старшим братцам. Поэтому она промолчала и, вздохнув, тихонько пискнула:

— Я так устала, Рон... Быть старостой — это так ответственно и утомительно, я даже иногда вскакиваю по ночам из-за кошмаров: мне снится, что по моей вине факультета лишают трёхсот очков, а меня исключают из школы... Кстати, — встрепелась она, — что с твоей учёбой? Вы с Гарри совсем съехали: скоро, вместо того, чтобы приносить баллы Гриффиндору, вы будете их только терять!

Рон застонал:

— Ну, Гермиона, ну, можешь ты хоть раз не вспоминать про учёбу? Я всё исправлю, даю тебе честное слово! погоди — вот выиграем у Равенкло, тогда можно будет расслабиться немного... в смысле, заняться уроками, — тут же поправился Рон, встретив недоумённый взгляд девушки. — И вообще, насчёт отметок Гарри разговаривай, пожалуйста, с ним — я ему не нянька, — коварно добавил он.

— Я пыталась, — вздохнула Гермиона. — Вот только он со мной разговаривать не хочет...

— Рон, я в библиотеку, пойдёшь? — окликнул друга Гарри. Фреда уже унесли наверх в спальню семикурсников, Анджелина осталась с ним, но страсти в гостиной не утихали, и позаниматься не было никакой возможности, все вокруг так и гудели. — Я дам тебе списать Демонологию, а ты мне — последнее задание по Астрономии, ладно? — громко добавил он, словно намеренно пытаясь подразнить Гермиону.

— Вот, видишь? — обречённо вздохнула она и, проведя юношей печальным взглядом, вернулась ко всё ещё переминающимся у стола подшефным...

Глава двадцатая, в которой Гарри чудом избегает смерти и присутствует на необычной помолвке, с Крумом происходит несчастный случай, а тёмные силы плетут заговор.

Я тоскливо обвёл глазами класс. Урок у пятого курса сразу же стал для меня сущей пыткой: не иметь права смотреть на неё, не иметь права заговорить с ней, не иметь

права подойти к ней, не иметь права прикоснуться к ней... Десятки пар глаз буравили меня; едва я произносил её фамилию, по классу пробежал смехок, стоило мне вызвать любую другую студентку, как головы всё равно поворачивались к ней, и порядком снова катилась волна омерзительного девчачьего хихиканья. Я был уже на грани; не знаю, как это выдерживала она, но на её лице ни разу не проступило ни раздражения, ни неудовольствие — на уроках я был источником знаний. Остальное не имело значения.

И, украдкой глядя на неё поверх классного журнала или книги, я опять мысленно переносился на год назад, когда поджидал её в библиотеке, прячась за книжными завалами. Она точно так же чуть покусывала губу, быстро водя пером по пергаменту, задумчиво накручивала локон на палец или посасывала кончик пера, погрузившись в размышления...

Я проклинал тот миг, когда согласился учить её, думая, что это сблизит нас, — сейчас нас разделяло расстояние куда большее, чем в тот момент, когда я входил в международный терминал в Софии.

Вокруг всегда были десятки людей, дурацкие правила связывали меня по рукам и ногам, я сходил с ума днём и терял рассудок по ночам: кошмары не давали мне спать, я боролся в темноте, предчувствие опасности сводило с ума. Мне снилось одно и то же: пляшущие на стене тени, потом ослепительная зелёная вспышка — и я просыпался, оглохнув от собственного крика. Но стоило опять погрузиться в сон, всё повторялось снова — безумный танец света и тьмы, нежный лепет, перерастающий в предсмертный крик...

Я просыпался уничтоженным, разбитым; мир вокруг рассыпался, как наспех склеенное зеркало. Я уже был на грани безумия от бессвязных картинок, которые не мог понять. Чья-то равнодушная рука скомкала и уничтожила всё, чем я когда-то жил, лишила меня разума, воли, отняла то, что когда-то было дорогое и важно... Я пытался тренироваться — полёт всегда вдыхал в меня радость жизни и ощущение счастья — но бьющий в лицо ледяной ветер и низкие свинцовые тучи могильным камнем давили на грудь, и вместо того, чтобы чувствовать себя окрылённым, я опускался на землю раздавленным и измученным.

Но нужно было выполнить то, ради чего я тут находился. И заниматься своими преподавательскими обязанностями так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Накануне поединка между Равенкло и Гриффиндором мадам Хуч попросила меня присутствовать на тренировках команд и помочь ей с последними приготовлениями к матчу.

Школьный квиддич всегда вызывал у меня добрую, чуть снисходительную улыбку. Он имел такое же отношение к квиддичу профессиональному, как прописные истины, изложенные в первом томе Трансфигурации, — к настоящей науке превращений. Хотя, как ни крути, получи Поттер несколько уроков, ему бы не было равных. Я мало видел игроков, которым Создатель отмерил таланта столь щедрой мерой: лёгкость, чутьё, удивительно естественное чувство полёта, ловкость, бесстрашие... При всей своей неприязни, я не мог не отдать ему должного: он был удивительно хорош.

Признаться, гриффиндорцы произвели на меня более цельное впечатление — манёврренная, неплохо сыгранная команда, умеющая импровизировать и обладающая довольно яркой комбинационной игрой. Пожалуй, можно даже было сказать, что у них есть свой стиль... хотя, возможно, всё дело только в том, что почти половину команды составляли рыжеголовые братья Уизли.

Игроки Равенкло произвели более смазанное впечатление, яркого лидера в команде — в отличие от мисс Джонсон — не просматривалось, зато их игра была более

вязкой и расчётливой. Их Охотники мне глянулись больше, чем девичье звено гриффиндорцев (Спиннет-Джонсон-Белл): пусть они были не такие быстрые, зато прекрасно работали на вертикальных передачах, а объёмное видение поля и является ярким признаком профессионализма. Конечно, меня, в первую очередь, интересовал их ловец — единственная девушка в команде, хрупкая и изящная китайночка с аккуратными косичками, придающими ей кокетливый вид. В технике и таланте она явно уступала Поттеру, зато скорость у неё была отменная. И поле она видела прекрасно. Пожалуй, завтрашняя игра может оказаться довольно любопытной...

Собрав мётлы игроков, мы с мадам Хуч проверили их на предмет скрытых неисправностей и вредоносных заклятий и заперли в чулан.

Я очнулся посреди ночи на холодном каменном полу. Ветер за окном рвал облака, луна исчезала и появлялась, тускло мигая, как старая лампа. Я весь замёрз, тело ломило от холода. Я не знал, сколько провалялся на камнях. От мысли, что, смежив веки, я снова окунусь в безумство бестелесного кошмара, состоявшего только из теней и криков, меня пробил холодный пот. Поднявшись, я налил воды и подошёл к окну. Руки дрожали с такой силой, что, поднося кубок к губам, я испугался, что выблюю себе зубы.

За окном расстился уже такой привычный пейзаж, сейчас, в призрачном лунном свете, выглядящий совершенно нереально. Тёмная стена Запретного леса, квиддичное поле... Взглянув на часы, я увидел, что до моего дежурства оставался всего час — снова лечь в постель не имело смысла. Я оделся и вышел из своей комнаты.

В коридорах было темно, кое-где серебрились привидения. Закутавшись в мантию и стуча зубами от холода, я бездумно брёл вперёд, пока не осознал, что заблудился. Будь сейчас день или, на худой конец, гори вокруг факелы, я бы с лёгкостью нашёл дорогу, но ночью Хогвартс выглядел странным и незнакомым, и я замер, пытаюсь сообразить, где же нахожусь.

Из соседнего коридора донеслись негромкие, но определённо человеческие шаги. Решив, что это профессор Флитвик или мадам Хуч, которые должны были нести вахту передо мной, я уже хотел было поторопиться им навстречу, но что-то меня остановило, и, вместо того, чтобы кинуться вперёд, я шагнул назад и прижался к стене, замерев в почти непроглядной тьме. Осторожные шаги раздавались всё громче и громче, судя по звукам, человек вот-вот должен был вывернуть из-за поворота... но никто не появился. И, тем не менее, шаги продолжали приближаться ко мне. Я зажмурился: до источника звука было футов пять, не больше. Открыл глаза — никого.

Наступила тишина. Вдруг воздух словно содрогнулся, и прямо передо мной, комкая в руках какую-то тряпку, возник Поттер. Он стоял около одного из полотен — кажется, какого-то натюрморта, — мне было плохо видно в темноте. Протянув руку, коснулся картины, раздался смешок — и та отодвинулась, открыв дверной проём.

Конечно, это же кухня! Теперь, когда я понял, где оказался, всё вокруг сразу же стало знакомым. Интересно, зачем Поттер потащился сюда ночью? Да ещё в мантии-невидимке... Что-то я сомневаюсь, что он допоздна засиделся за уроками и пропустил ужин... Впрочем, это его дело. Я бы и сам сейчас немного перекусил — я замёрз и чувствовал себя совершенно обессиленным, даже опустошённым. Признаться, по правилам я должен был остановить его и наложить взыскание — но... я сам совсем недавно был студентом, и не было ночи, чтобы кто-то из моих сокурсников не устраивал вылазку на кухню.

Я заторопился в комнату преподавателей. Мадам Хуч и профессор Флитвик уже

были там. Вид у них был серьёзный и взволнованный.

— Чулан с принадлежностями для сегодняшнего матча взломан.

* * *

— Добби, прекрати, — Гарри насильно усадил домашнего эльфа на табуреточку. Тот всё порывался или припасть к ногам юноши, или притащить самых вкусных яств, чтобы накормить его до отвала. А ещё лучше — совместить первое со вторым. В конце концов, Гарри покрепче придавил его к сиденью, но эльф всё равно периодически дёргался и всё норовил куда-то побежать. — Мне нужна твоя помощь.

— О, помощь! — Добби в экстазе закатил огромные глаза, на которых показались крупные — с кулак — прозрачные слёзы. — Гарри Поттер знает: Добби всегда в его распоряжении, Добби готов помочь Гарри Поттеру — великому спасителю волшебного мира, самому знаменитому волшебнику...

— Хватит, — Гарри сморщился, как от зубной боли, — сколько раз я тебя уже просил не нести эту чушь... Где бы мы могли поговорить? — он слегка понизил голос, покосившись на столпившихся вокруг и настороженно прислушивавшихся к их разговору обитателей кухни.

Раздувшись от гордости, Добби провёл Гарри к огромному, в человеческий рост, камину, в котором пылало целое дерево — никак не меньше.

— Ты, конечно, знаешь, — помявшись, начал Гарри, неловко себя чувствуя под пристальным взглядом огромных сияющих глаз, — что Дамблдор в этом году заблокировал все выходы из замка — в том числе, и тайные.

— Конечно, — важно кивнул эльф, хлопнув ушами по щекам, — Добби сам помогал директору, показывал известные ему ходы.

Мысленно чертыхнувшись и помянув недобрым словом исполнительность и трудолюбие эльфа, вечно приносящие одни неприятности, и как-то едва не стоившие ему жизни, Гарри вежливо улыбнулся и осторожно продолжил.

— Но ведь вы закрыли только те ходы, по которым можно было выбраться, правильно? Я имею в виду — если ход, например, завален камнями или осыпался — вы ведь не трогали его?

— О, конечно, — радостно закивал эльф, — зачем делать работу, которую за тебя выполнила сама судьба, — он явно повторил чьи-то слова, — вот, например, ход, начинающийся за зеркалом на пятом этаже. Там такие завалы — и за год не разобрать. А вот другой, что ведёт в Хогсмид из слизеринских подземелий... Ну, тот, что открывается, если нажать на выступ под факелом, вставленным в скобу в виде змеи — там хоть завал не такой уж и большой, и всё же... — Добби вытаращил глаза и зажал себе рот обеими руками. Гарри предусмотрительно стиснул эльфа по сильнее — и точно, тот забился, норовя вырваться и, по старой памяти, прищемить себе уши печной дверцей. — Плохой Добби, плохой, — истерически залопотал домовик, молотя себя по голове кулачками, — Дамблдор никогда не простит глупого, бестолкового, болтливого эльфа...

— Ну, что ты, Добби, — успокоительно похлопал его по плечу Гарри, испытывая невыразимое облегчение от того, что осуществить задуманное оказалось так просто, и, потеряв бдительность, разжал пальцы — эльф, страдальчески завывая, начал биться головой о ближайшее полено. — Вот чёрт! Добби, не надо, ну, не надо, говорю же! Слушай, если ты продолжишь так себя вести, я немедленно уйду! — пригрозил он.

Добби тут же остановился. На его серо-зелёном лбу вспухала шишка.

— Нет-нет, Гарри Поттер не может сейчас уйти: у Добби такой праздник, Гарри Поттер будет почётным гостем на его помолвке и, — домовик смущённо покраснел и, опустив глаза, начал возить ногой в кучке золы, — шафером на свадьбе... Добби

собирается жениться, — тихонько пискнул эльф, вконец засмутившись.

— Что?! — вытаращил глаза Гарри. — Ну, то есть, я тебя поздравляю, Добби, конечно же, я буду рад... и спасибо за приглашение...

— Добби хотел самолично доставить приглашения великому Гарри Поттеру и его благородным друзьям завтра, но, коль Гарри Поттер сам пожаловал к Добби в гости... — пошарив за пазухой, домовик вытащил оттуда три самодельные открытки с коряво, но старательно нарисованными сердечками. — Добби... и Тэрри тоже, — поспешно добавил он, — мы будем так рады, так счастливы...

Эльф призывно взмахнул рукой, и из толпы деликатно стоящих в стороне домовиков вышла, застенчиво улыбаясь, молоденькая эльфиха. Судя по благоговейному взгляду, каким она взирала на своего обожаемого жениха, за личную жизнь Добби можно было не волноваться.

— Великий Гарри Поттер, — застенчиво теребя белый передничек с гербом Хогвартса, невеста присела в реверансе, — Добби так много рассказывал о вас — о вашем благородстве, мужестве, вашей безграничной отваге и верности дружбе... Мы решили назвать в вашу честь нашего первенца.

Юноша представил маленького зелёненького Гарри с огромными ушами и вечно вытаращенными глазами размером с шарик для пинг-понга, и у него подогнулись колени. Неправильно истолковав его чувства и приняв ужас за выражение признательности, Добби подхватил Терри под руку и важно произнёс:

— Я же говорил тебе, что он — сама скромность и благородство? Ох, ну что же мы стоим, надо же угостить дорогого гостя!

Тут же вся кухня забурилась, и перед Гарри, как по волшебству, возник стол, заставленный огромными блюдами, на которых громоздились горы пирожных, кексы, пудинги, пироги, конфеты, мармелад... — этого бы хватило, чтобы накормить весь пятый курс, включая Крэбба с Гойлом. Даже если предварительно неделю держать последних на голодном пайке.

Гарри вежливо принял протянутую чашку с чаем и взял большой шоколадный эклер. Под внимательными взглядами эльфов сжевал его и потянулся за следующим. Постепенно атмосфера на кухне разрядилась, эльфы снова продолжили праздновать, хотя куда более тихо и робко, чем раньше. Отметив, что интерес к его персоне притупился, Гарри решил вернуться к интересующей его теме.

— А тот ход, из слизеринского подземелья — он обвалился или его засыпало камнями? — между прочим спросил юноша, протягивая руку к блюду с помадками.

— Да, там несколько завалов камней, — рассеянно откликнулся Добби, размышляющий, чем бы ещё угостить, — я предложил Дамблдору расчистить его, но он сказал, что можно всё оставить, как есть, вряд ли кто сумеет найти вход...

Глаза эльфа снова наполнил ужас, но прежде чем домовик успел сделать рывок к печи, Гарри быстро поменял тему:

— Кстати, Добби, что-то я не вижу Винки. Где она?

За столом тут же воцарилась мёртвая тишина. На Гарри смотрели так, словно он сделал что-то ужасно неприличное. В гробовом молчании несколько эльфов, сидевших к нему ближе всех, заёрзали и отодвинулись подальше.

— Винки пропала. Никто не знает, где она. Мы не говорим об этом, — тихо ответил Добби и, опустив глаза, добавил, — уже поздно, Гарри Поттеру пора возвращаться в спальню. Возьмите с собой, — на коленях у Гарри оказался увесистый свёрток, из которого доносились упоительные запахи. — Спокойной ночи. Свадьба состоится через две недели. Терри просит вашу подругу мисс Грейнджер оказать ей честь и стать подружкой невесты.

* * *

Гермиона открыла глаза. У неё было такое чувство, словно её что-то разбудило. Она посмотрела на часы и в ужасе вытаращилась: какой кошмар — проснуться в пять утра в воскресенье! И в тот миг, когда она решила устроиться поудобнее и ещё чуть-чуть подремать, осторожный стук в дверь повторился.

— Кто... Кто там? — спросила она севшим от сна голосом.

— Мисс Грейнджер, — приглушённый голос профессора Макгонагалл был наполнен тревогой, Гермиона слышала это даже через дверь. — Немедленно одевайтесь и, будьте добры, спуститесь в Большой Зал.

Гермиона торопливо натянула халат, потом, подумав, переоделась в тёплые брюки и свитер, плеснула в лицо водой и на цыпочках побежала вниз, на ходу расчёсывая волосы и заматывая их в тугой узел на затылке.

Вокруг преподавательского стола стояли и сидели хмурые учителя и заспанные старосты. Привидения растерянно разводили руками в ответ на подробнейшие расспросы профессора Снейпа. Профессор Флитвик успокаивал бледную, как смерть, мадам Хуч, на лице профессора Макгонагалл застыло выражение сердитого отчаяния. Один Пивз жизнерадостно кувыркался под потолком, весело мурлыча очередную не слишком приличную песенку. В конце концов, устав взывать к его сознательности, профессор Флитвик поднял свою палочку, и полтергейста вынесло в ближайшее окно.

Гермиона, поприветствовав всех вежливым кивком головы, мышкой замерла в уголке, чувствуя, что её охватывает беспричинная паника.

— Сегодня ночью, — тихо начал Дамблдор, когда подошла профессор Спраут, ведя за собой трущую сонные глаза старосту Хаффлпаффа, — кто-то взломал комнату, в которой хранились принадлежности для завтрашней игры. Мадам Хуч и Виктор Крум были вынуждены провести повторную проверку на случай злокозненных заклятий. К сожалению, их подозрения не были лишены оснований: одна из мётел оказалась заколдована. На неё были наложены сильнейшие Тёмные Чары. Увы, избежать несчастного случая не удалось, хотя всё могло бы оказаться ещё трагичнее: окажись на месте Виктора Крума неопытный студент, он непременно бы погиб. Крум спасся чудом — исключительно благодаря тому, что он хороший спортсмен. Он сильно пострадал, но, похоже, жизнь уже вне опасности. Сейчас мадам Помфри делает всё возможное.

— Воистину: memento mori, — пробормотал себе под нос стоящий неподалёку профессор Гатто. Мантия на нём была выброшена поверх длинного — в пол — халата отвратительного канареечного цвета. Прокашлявшись, профессор спросил громче:

— Простите, директор, а чья была метла?

Дамблдор поднял глаза. Но смотрел он не на профессора, а на Гермину. У той зашло сердце.

— Это была метла ловца Гриффиндора Гарри Поттера.

* * *

В воскресенье погода смиростивилась: ветер, надрывавшийся в последнее время, похоже, наконец-то, выдохся и утих, оставив после себя “меньшого братца”, который лишь робко шелестел начавшими желтеть листочками. Гарри спускался на завтрак, испытывая какой-то странный внутренний дискомфорт. Конечно, перед игрой он всегда немного нервничал — иногда чувствовал себя подавленно, иногда был на подъёме — но сегодня к обычному волнению добавилось что-то ещё.

Он прекрасно понимал, в чём причина, хотя и не хотел это признавать. Всё дело было в Чу. Вернувшись в школу и снова встретившись с ней, Гарри так и не сумел понять, куда подевались нежные и трепетные чувства, переполнявшие его почти

полтора года. Вернее, куда подевались сами чувства, он прекрасно знал. Но вот то, что они ушли, не оставив после себя никаких добрых и тёплых воспоминаний, его здорово удивляло. Теперь он смотрел на предмет своих былых тайных воздыханий, дивясь, что же его так притягивало к этой девушке (разумеется, кроме симпатичной внешности)? Ведь ему так и не удалось приблизиться к ней ни на шаг — она была по-прежнему далека, незнакома и непонятна, как и полтора года назад, когда они впервые вышли друг против друга в игре между Гриффиндором и Равенкло.

Сейчас Чу стала живым воплощением разбитых детских мечтаний и несбывшихся надежд. Каждый раз, когда он видел её, в голове начинали мелькать картинки — вот он приглашает её на бал, она, краснея отказывается, “Я иду с Седриком, Седриком Диггори”... потом — мёртвое, пустое лицо Седрика, освещённое тусклым лунным светом. Белое лицо в чёрной траве, похожее на забытую кем-то маску — тело прятала в темноте тень от могильной плиты. Лицо Чу, распухшее от слёз... шепотки за его спиной и постоянно бьющаяся в голове мысль — “это из-за меня, это из-за меня...”

Замершая под корочкой времени боль и вина так и норовили прорваться наружу — теперь вид Чу был для Гарри невыносим.

Видимо, и она испытывала к нему те же чувства: симпатия, если и была, сменилась устойчивой неприязнью. Юноша понимал — она обвиняет его в смерти Седрика, с которым, по слухам, её связывали нежные чувства. Но Гарри и в голове не держал мысли об упреках: он и сам не мог простить себе тот миг, когда предложил Седрику разделить победу в Трёмудром турнире...

Главное — не давать воли подобным настроениям во время матча, — подумал Гарри и, зевая, спустился по винтовой лестнице в гостиную. Там ещё никого не было, он поднялся раньше всех. Впрочем, в день матча он никогда не залёживался в кровати.

Большой Зал был тоже почти безлюден — стол преподавателей пустовал, за факультетскими столами сидело от силы по одному-два заспанных студента, за исключением, разве что, Равенкло. Бросив первым делом взгляд на стол соперников, Гарри удостоверился, что они, судя по бодрым и собранным лицам, находятся в полной боевой готовности. Чу сидела к нему спиной и что-то воодушевлённо говорила, размахивая тостом с джемом.

Гарри замер и прислушался к себе — он ещё так хорошо помнил, как кувыркалось сердце в груди от одного её вида, от звука её голоса... Но сейчас оно билось ровно и равнодушно. Вздохнув, он повернулся и пошёл к своему столу. Где-то далеко впереди, на самом краю, съёжилась маленькая фигурка. Гарри присмотрелся и почувствовал, как внутри всё сжалось.

Гермиона сидела на своём месте и смотрела в тарелку с овсянкой, даже не пытаясь взяться за ложку. Против обыкновения, перед ней не было учебника — одного этого было достаточно, чтобы понять, что с ней явно что-то не так. Синий свитер подчёркивал мертвенную бледность лица и серые круги под глазами, девушка остекленело смотрела в тарелку, вряд ли, вообще, осознавая, где находится.

Был бы тут Рон, можно было бы попросить его узнать, что случилось, — в отчаянии подумал Гарри. Ноги сами несли его к ней. Опустившись рядом, он ещё раз покосился — и испугался, не наложили ли на неё заклятье Памяти: ему ещё никогда не приходилось видеть на лице Гермионы такого пустого и безрадостного выражения. Девушка по-прежнему смотрела в тарелку с остывшей и уже заветрившейся овсянкой, похоже, не заметив, что к ней кто-то подсел (она вряд ли бы сейчас обратила внимание даже на подошедшую поздороваться мантикору).

— Гермиона... э... передай мне масло, — растерявшись, произнёс Гарри первое, что пришло в голову. Маслёнка стояла аккурат рядом с его тарелкой.

Она, словно робот, протянула руку и, не произнеся ни слова и даже не изменив выражения лица, ткнула маслёнкой ему в ладонь. Гарри перепугался не на шутку и встревожено окинул взглядом Зал — народу прибавилось, но от первокурсников помощи ждать не приходилось, а из старшекурсников были только команда Равенкло и Малфой со своей вдвое увеличившейся свитой; и тех, и других, по понятным причинам, юноша звать на помощь не хотел.

Гарри осторожно тронул её за плечо и похолодел: похоже, его предчувствия верны — *не иначе, какое-то заклятье. Или она, всё же, довела себя уроками и заданиями до нервного срыва?* Девушка была напряжена до такой степени, что казалась высеченной из камня.

— Эй, Гермиона, что случилось? — тревожно спросил Гарри, чуть понизив голос. — Гермиона! Да что с тобой?

Она, наконец-то, подняла пустые и усталые глаза на Гарри.

— А... Это ты, Гарри... Нет-нет, со мной всё хорошо. Ночью кто-то взломал чулан с вашими мётлами, — без всякого перехода произнесла она, так что Гарри даже не сразу понял, о чём идёт речь. — Когда Виктор проверял твою метлу... В общем, кто-то наложил на неё сильнейшее разбивающее проклятье.

— И? — с замершим сердцем спросил Гарри.

Гермиона судорожно вздохнула.

— Нас подняли ночью. Мы обыскали весь замок и не нашли — ничего и никого. Потом обыскивали окрестности. Хагрид до сих пор ещё не вернулся из Запретного леса... Дамблдор отменил матч. Макгонагалл объявит на завтраке...

Гарри пытался осознать услышанное, у него с трудом укладывалось в голове то, что она ему только что сказала. Неужели всё началось снова? Неужели меры безопасности, предпринятые Дамблдором, оказались бессмысленными?

— А где сейчас моя метла? — брякнул он первое, что пришло в голову.

— Метла? Какая метла? — не понимаяще переспросила Гермиона. — Ах, метла... её отправили в Лондон, в Гильдию Авроров. Возможно, удастся установить, кто мог наложить такие сильные чары. Это очень могучий и злой волшебник, как сказал Дамблдор...

— Ага, — кивнул Гарри и вдруг заметил, что намазывает уже четвёртый бутерброд, машинально складывая их себе на тарелку. — А что говорит... Крум? — через силу выдавил он из себя его фамилию.

— Он ничего не может сказать. Виктор в лазарете. Мадам Помфри делает всё возможное. Кризис уже миновал, так что прогнозы благоприятные, — механически произнесла Гермиона и замолчала. Её лицо было совершенно спокойно. Взяв один из бутербродов с тарелки Гарри, она откусила кусочек. Гарри сидел и тупо смотрел на неё. Где-то в подсознании мелькнула мысль, что выражение его лица один-в-один напоминает выражение лица Гермионы, когда он к ней подошёл.

— Ч-что?

Вздыхнув, девушка снова заговорила — медленно, словно размышляя вслух:

— Мадам Хуч рассказала, что, едва Виктор взялся за твою метлу, руки словно намертво приклеились к ней — он не мог ни отцепиться, ни спрыгнуть вниз. Она не успела даже палочкой взмахнуть, как метла вышибла окно и помчалась к Дракучей иве. И скинула его прямо на дерево.

Гарри передёрнулся. Страшно было даже подумать, как свирепая ива, всегда отвечающая ударом на удар, могла встретить обидчика.

— Получается, он спас тебе жизнь... — будь Гермиона в другом состоянии, она бы в жизни не сказала ничего подобного. Но сейчас она просто размышляла вслух, и её мало волновало, что подумает по этому поводу Гарри... или кто другой. — Ты зай-

дёшь к нему в лазарет?

— Не знаю... Нет, — колебавшись, буркнул юноша. Меньше всего на свете он хотел, чтобы его спасали. Хотя нет — меньше всего на свете он хотел, чтобы его спасал Крум. — Я не просил его это делать. И вообще, — проверяя метлы, он просто выполнял свою работу, так что я ему ничем не обязан.

— Как ты можешь так говорить, Гарри! Ты его не видел — да на нём живого места нет! — подняла на юношу укоряющий взгляд Гермиона.

— Зато, как я погляжу, ты на него насмотрелась, — он сам не знал, зачем сказал это, но слова сорвались с языка раньше, чем он успел захлопнуть рот. Гарри тут же проклял всё на свете, но было уже поздно.

Усталость, страх и раздражение вырвались на волю: Гермиона рассердилась. Очень сильно рассердилась.

— Гарри Поттер! — звонкий голос девушки разнёсся по пустому Большому Залу, эхом отражаясь от высокого потолка, и все головы разом повернулись в их сторону. — Ты — ревнивый бессердечный эгоист! Бестолковый эгоист, ослепший от ревности и думающий только о своих проблемах!

— От ревности? — задохнулся Гарри, краснея. — От какой такой ревности?

— Ты же просто ревнуешь — и не видит этого лишь дурак!

В Зале воцарилась нехорошая тишина: предвкушая скандал, слизеринцы, хмыкая и улыбаясь, торопливо подтягивались поближе. Драко Малфой облизывался, как кот над сметаной. За ним торопились два первокурсника, те самые, которых Рон с Гарри видели в поезде. Чуфыркнула и, демонстративно подняв голову, вышла из зала. Парни из команды Равенкло, переговариваясь, последовали за ней.

— Я ревную? — голос Гарри звучал тихо, но это не могло обмануть Гермиону: он был в бешенстве. — С чего ты это взяла?

Она смешалась.

— Да мне совершенно наплевать... — взорвался Гарри, все последние силы бросая на то, чтобы контролировать себя и не заорать в полную силу. — Иди и... и целуйся со своим Крумом! Исцеляй его раны своими слезами!

Гермиона дёрнулась, словно он её ударил, и тут же упрямо вскинула голову.

— И пойду!

— И иди!

— Ну и пойду!

Он отшвырнул ножик, которым намазывал очередной бутерброд, вскочил и быстро пошёл к выходу.

— Гарри! — воскликнула она ему вслед, но он уже не слышал. — Разве ты не понимаешь — на его месте должен был быть ты. Дурачок... — шёпотом закончила она.

— Да что ты, вообще, знаешь о моих проблемах, что ты, вообще, понимаешь, — яростно бормотал он себе под нос, прыгая через две ступеньки по лестнице, ведущей к выходу. — Я ревную!.. Надо же такое придумать!

Пинком распахнув тяжёлые двери, он замер. Потом медленно двинулся в направлении Запретного Леса. На душе было противно, как никогда. В голове эхом отдавались слова Гермионы и его собственные — юноша шёл, всё больше распаляясь, продолжая спорить и обвинять её. Он дошёл до избушки Хагрида — та была заперта, даже Клык не ответил лаем из-за двери. Подёргав ручку, Гарри решил, что, наверное, это и к лучшему: ему сейчас стоило побыть одному. А потому он развернулся и медленно побрёл в сторону озера.

Позже, вспоминая то утро, Гарри не уставал поражаться своей слепоте и глупости, но сделанного не воротишь: если в отношениях с Гермионой и оставался призрак терпимости и мифический намёк на былые дружеские чувства, то в тот день с ними

было покончено. И следующий разговор между бывшими друзьями состоялся очень нескоро и при весьма драматических обстоятельствах...

* * *

— Он будет очень недоволен, Червехвост. Очень. Мне даже страшно подумать, что он может с тобой сделать, — голос колдуна сочился сладким ядом. — Он может даже решить, что ты это сделал специально... неправильно приготовил зелье... или дал ей неверные указания.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — голос невысокого круглого человечка оставался ровным, хотя на лбу выступили крупные капли пота. — Я всё сделал по-тем инструкциям, что дал мне ты. Так что, если и произошла ошибка, то причина — в тебе.

— Что ты хочешь сказать? — глаза второго волшебника превратились в лёд, а голос перестал нежно журчать и начал жалить, как отравленный кинжал. — Ты подвергаешь сомнению мою преданность Господину?

— Нет, — скривился первый, — но и я всё сделал, как велено.

— Так в чём же дело? Почему он остался жив?

— Не знаю, — Червехвост опустил глаза, пряча затаившийся в их глубине ужас. — Она должна была выполнить то, что я сказал.

— И?

— Она всё сделала, как надо, — я её полностью контролирую.

— Ты в этом уверен? Можешь за неё ручаться? — в голосе колдуна послышалась откровенная издёвка и насмешка.

— Да.

— А за него?

— Тоже, — Червехвост постарался не выдать обуревавших его сомнений. Но маленькие глазки предательски заметались по комнате.

— Не очень-то похоже. Что ж, у вас есть ещё один шанс, — колдун сунул в руки Червехвосту тёмный флакон с плещущейся в нём жидкостью. — И на этот раз без осечек. Иначе мне придётся объяснять Хозяину, кто же виноват. И, боюсь, мне будет очень сложно защитить тебя, Хвост... — высокий волшебник коснулся рукой зеркала и исчез.

— Защитить меня, — пробурчал под нос тот, кого называли Червехвостом. — Да вели он убить меня, ты бы не стал поручать это никому другому, а с удовольствием сделал бы сам.

* * *

Эшли потянулась, открыла глаза и сладко заулыбалась. День предвещал массу приятных сюрпризов, и они начались, едва она отёрнула полог своей кровати: на тумбочке лежало несколько записочек, красивая открытка и цветок. Записочки она пробежала одним глазом, рассеянно скомкала и бросила под кровать — в них было ничего нового. Слезные мольбы Дэниэла, перемежаемые угрозами и подозрениями, два приглашения на свидание (хм... в принципе, она ничего не имела против свидания с Симусом Финниганом — он такой весёлый...). Куда больше удовольствия ей доставила открытка, подписанная угловатым размашистым почерком.

Удобно устроившись на кровати, Эшли подоткнула подушку себе под спину и, исполняя предвкушения чего-то невероятно приятного, начала читать:

“Эшли (дальше было зачёркнуто. Эшли потянулась за палочкой и прикоснулась к открытке — из-под чернил показалось слово “любимая”. Она удовлетворённо вздохнула, чуть покраснев от удовольствия, и начала сначала.) Эшли, любимая!

Я тебя уже три дня не видел. И ты не ответила ни на одну мою записку. Если ты

не ответишь и на эту, я торжественно клянусь, что покончу с собой на глазах у всей школы, схватив Гарри за мантию, когда он сегодня будет гнаться за снитчем. Если он не убьёт меня в воздухе, то непременно сделает это, приземлившись. Приходи сегодня после ужина к нашему фонтанчику. Я так скучаю по тебе.

(зачёркнуто) Рон."

После очередного взмаха палочкой подпись стала немного иной: *"твой Рон."*

На обратной стороне была приписка: "Цветок заколдован: положи его себе под подушку, и тебе будут сниться только самые чудесные сны — про нас с тобой".

Эшли с сомнением посмотрела на цветок и, хмыкнув, отложила его в сторону. Пожалуй, эта записка была одной из лучших, что ей приходилось получать, — угроза самоубийства, всё так романтично... У остальных хватало фантазии разве что на банальное воспевание её нежных губ и чудесных глаз. Она презрительно фыркнула. И всё же... у неё остался какой-то неприятный осадок.

Ох уж этот Гарри Поттер... Рон всегда с ним, просто не разлей-вода! И ухитрился всунуть его даже в любовную записку! Нет, однозначно, с этим надо кончать: уж коль они поспорили, что Рончик будет целиком и полностью принадлежать ей, — так тому и быть. Тем более, времени осталось не так уж много, так что следует поторопиться...

Призвав перо и пергамент, Эшли на миг задумалась и начала торопливо писать ответ.

Глава двадцать первая, в которой вовсю плетутся интриги, происходят покушения и убийства, а дружба висит на волоске.

Сказать, что студенты не остались безучастны к случившемуся в воскресенье утром в Большом Зале, — значит, не сказать ничего. О размолвке между Гарри и Гермионой слухи ходили давно (а Пенси Паркинсон даже подкрепила их достопамятной колдографией с кубка Болгарии по квиддичу, вырезанной из летнего номера Квиддич-экспресса. Той самой, на которой Крум целовал Гермиону), но ссора, прогремевшая в стенах школы, дала новый толчок уже начавшей было угасать сплетне.

Подробности передавались из уст в уста, обрастая всё новыми красочными деталями. Через три дня школьницы на полном серьёзе шушукались, что Гермиона беременна тройней, нападение на Крума устроил сошедший с ума от ревности Поттер, и бедному профессору удалось выжить лишь благодаря чуду. И теперь обоим грозит Азкабан — одному за покушение на убийство и использование Тёмной магии, а второму — за растление несовершеннолетних.

Как переносили шепотки и хихиканья за спиной сами виновники происшествия, и чего им это стоило, было известно только им одним, но вот Малфой откровенно ликовал. Он пустил в ход весь арсенал издевательств и насмешек, венцом которого стала несмываемая переливающаяся надпись на мантии Гарри: "Мальчик-Которого-Послали". За что Гермиона тут же сняла десять очков со Слизерина. А Гарри, обзвав Малфоя скунсом, на глазах всех присутствующих разукрасил его ухоженную серебристую шевелюру чёрно-белыми полосками. Джастин Финч-Флеттли потом клялся, что, когда их растаскивали, он увидел под мантией Малфоя хвост.

Как бы то ни было, оба факультета лишились по полусотне очков — к несчастью, во время инцидента поблизости оказался Карло Гатто: в сопровождении слизеринца-семикурсника устрашающих размеров он как раз шёл на свою лекцию.

После памятной истории с Фредом Уизли, когда профессор провёл три часа привязанным к столбу в загоне с мантикрабами, он не показывался в коридорах без телохранителя, справедливо полагая, что зуб на него имеют куда больше юношей, чем

ему самому хотелось бы. Однако изменить своим сластолюбивым привычкам сеньор Гатто оказался не в силах, а потому красивым девушкам Хогвартса приходилось непросто: *“aquila non captat muscas. Орел не ловит мух”*.

Правда, объяснить необходимость охраны Дамблдору оказалось весьма непросто; в конце концов, директор взглянул синими, похожими на живых рыбок глазами поверх очков на итальянца, юлящего и несущего что-то невообразимое про фазы луны и потерю памяти, и подписал разрешение. Гатто был готов поклясться, что тот при этом улыбался.

Весь следующий урок Защиты от Тёмных Искусств профессор провёл, перемежая рассказы о Волеподавляющих ритуалах и зельях философскими разглагольствованиями о непостоянстве людских чувств, непременно апеллируя при этом к Гермионе: *“молва не всегда ошибается — haud semper errat fama*, ах, вам ли не знать, мисс Грейнджер?”

Но прошло время, и эти страсти тоже постепенно улеглись, и если что и напоминало о грандиозных слухах и скандалах, так это выцветшие серые полосы в шевелюре Малфоя да странный запах, который он, как ни старался, так и не сумел вытравить из школьной мантии. Даже Фред и Джордж уже перестали демонстративно зажимать носы при его приближении.

Дни потекли своим чередом: по утрам лужицы уже подёргивались корочкой льда, Запретный лес становился всё прозрачней и прозрачней, а тыквы на грядках Хагрида горделиво раздувались в преддверии Хеллоуина.

Единственным человеком, которого весть о скандале между Гарри и Гермионой практически не задела (хотя всё должно было быть как раз наоборот) оказался Рон. Он вообще сейчас мало что замечал, погрузившись в водоворот первой счастливой любви. И ему было совершенно невдомёк, что, под чутким руководством Эшли, время, которое он проводил с Гарри, всё сокращалось, а общение с Гермионой, с которой Рон, вроде бы, и не ссорился, свелось к её напоминаниям о несделанных домашних заданиях и его вялым отговоркам. Но если бы кто-то сказал ему, что узы их когда-то незыблемой дружбы превратились в тоненькую ниточку, так и норовящую перетереться и оборваться, Рон тут же вскипел бы от праведного гнева.

А четверокурсница Эшли Макферсон, при всей своей юности и хрупкости, умела хоть недалекий, но весьма практичный и была не по годам расчётливой. Выгоды она не упускала, да и какая дура откажется от полусотни галлеонов, можно сказать, за просто так? Всего-то навсего — на спор рассорить с друзьями по уши влюблённого в неё рыжего гриффиндорца. Нет, она просто обязана выиграть это смешное пари, что при её трудолюбии и упорстве в достижении цели казалось совсем несложным. Особенно с учетом того, что Уизли-младший был таким наивным и невинным лопухом, каких поискать.

— Если б я дожидалась, пока он решится сам меня поцеловать, мне пришлось бы терпеть лет до тридцати. А люди столько не живут, — Эшли вздохнула, взглянула на себя в зеркало и поправила чёлочку. Если она всё рассчитала верно, то сегодняшний вечер станет решающим, и завтра кое-кому придётся раскошелиться.

Она отправилась на уроки, сжимая в кулаке записочку. Как и ожидалось, Рон уже стоял на лестнице — первым уроком у четверокурсников была Гербология, он всегда провожал её к Теплицам. Чинно дойдя до первых кустов, она тут же кинулась ему на шею, и, не успев растерявшийся гриффиндорец прийти в себя от всплеска страсти, как девушка уже исчезла, засунув ему за шиворот смятый клочок пергамента.

Он бережно расправил записку, прочитал и подскочил, издав победный индейский

воплъ. И с этой секунды время начало тянуться для него безбожно медленно, превратив ожидание в сладкую пытку.

* * *

Когда намёк на то, что Гарри просто обязан сходить в лазарет и высказать слова благодарности человеку, спасшему ему жизнь, прозвучал от Макгонагал, Гарри сдался и пообещал (себе, в первую очередь) непременно это сделать. Вообще-то, он и сам понимал, что его вынуждают простые правила вежливости: во-первых, он отдыхал у Крума летом, а, во-вторых, как ни крути (Гарри вздохнул, перо дрогнуло, и на домашней работе по Астрологии расплылась сочная клякса) — он ведь, и правда... ну... спас его. Не уговори тогда Крум мадам Хуч на повторную проверку мётел, быть-бы сейчас Гарри пациентом Отделения Безнадёжных Травм Госпиталя Св. Мунго. И то — только в случае невероятного везения.

Правда, Гарри, как мог, оттягивал неприятный визит, день сменял день, но, наконец, деваться было некуда: на обеде Парвати Патил сказала, что мадам Помфри завтра отпустит Крума из больничного крыла. А она всегда знала самые свежие новости: её сестра Падма проводила у постели тяжелобольного каждую свободную минутку (к большому неудовольствию остальных поклонниц нового преподавателя, устраивавших дуэли за право подать ему воды или поднести лекарство. К слову сказать, Гермiona в этих поединках не участвовала и, вообще, — появилась у Крума за всё время только дважды, что причиняло тому невыносимые страдания, но он убедил себя, что причина в её нежелании снова становиться объектом сплетен).

Единственное, к чему Гарри был не готов категорически, — это идти в лазарет в одиночку, а потому он решил уговорить Рона составить ему компанию. Но тот, как назло, опаздывал — до начала Зелий оставалось совсем чуть-чуть, студенты уже расселись, пустовало лишь место рядом с Гарри. Замершая в дверях Блез Забини метнулась за парту, трагическим шёпотом оповестив, что Снейп идёт по коридору. Но вместо Снейпа, красный и задыхающийся, в класс ворвался Рон, опередив профессора от силы на минуту.

Разумеется, за неуважение к учителю и недостойный ученика вид (брюки Рона были забрызганы грязью, галстук сбился набок, а несколько пуговиц на рубашке застёгнуты наперекосы), Снейп немедленно уменьшил запасы Гриффиндора на пять очков. Но Рона это ничуть не озаботило: сияя, как начищенный кнат, он тут же начал толкать Гарри ногой под партой, явно собираясь поделиться чем-то совершенно сногшибательным. Правда, решение Снейпа провести тест по зельям на основе ядов немного охладило его пыл и отложило рассказы до ужина.

Определённо: пятница столь же отвратительный день, как и среда, — размышлял Гарри, пытаясь оттереть руки. У соседней раковины плескался Рон. Сегодня Гарри повезло ещё меньше, чем обычно: Снейп рассадил неразлучную пару, и ему пришлось трудиться над Суперотчищающим зельем вместе с Невиллом. Первое, что сделал Лонгботтом, — перепутал последовательность добавления в котёл компонентов, в результате чего зелье приобрело синий цвет (хотя должно было стать коричневым) и очень подозрительно зашипело. Робко оглянувшись и увидев, как профессор что-то объясняет работающим в паре Пенси Паркинсон и Крэббу, Невилл аккуратно вылил то, во что превратилось зелье, и они с Гарри начали всё сначала. Гроза разразилась, когда по классу пополз подозрительный дымок, причина которого была установлена Снейпом немедленно.

— Только не говорите, что вы просто вылили его... — прошипел профессор, медленно меняя цвет лица с обычного желтоватого на грязно-белый. — Это зелье разъедает всё на своем пути. Мистер Лонгботтом, если в нашем библиотечном хранилище развалятся стены, в моей лаборатории провалится пол, а замок рухнет в тарта-

рары — отвечать будете вы, и восстанавливать Хогвартс вам придётся тоже за свой счет! Я сегодня же поставлю вопрос о целесообразности продолжения вашего обучения перед директором и отпишу вашим родственникам!

То ли настроение Снейпа было хуже, чем обычно, то ли причина крылась в том, что за обедом профессор Гатто позволил себе довольно громко и грубо пошутить насчёт внешности профессора Зельдедея², но после инцидента с Лонгботтомом копилка Гриффиндора заметно опустела — к несказанному ликованию слизеринцев, наконец-то, вырвавшихся вперёд в соревновании за Кубок Школы.

Гарри тоже досталось — за то, что, потеряв бдительность, *позволил Лонгботтому испортить даже то, с чем бы справилась и дрессированная обезьяна*. Сам Невилл до конца урока боялся шевельнуться и сидел, дрожа и кусая губы.

— Рон, ну, пошли? — бросив безрезультатные попытки оттереть с пальцев зелёные пятна от сока опунции, Гарри обречённо взглянул на друга. Дорога до лазарета показалась мгновением, и вот они вошли в больничную палату.

За окном потихоньку темнело, наступали ранние осенние сумерки, и в лазарете уже повсюду пылали факелы. Крум лежал на дальней кровати у окна, тумбочка рядом была завалена открытками с пожеланиями скорейшего выздоровления и признаниями в любви, стопками книг и пергаменатами. На уголке приютился серебряный кувшин с водой и кубок.

С ощущением, будто к каждой ноге привязали по гире, Гарри поплёлся вперёд и, заикаясь, забормотал слова приветствия и благодарности, Рон поддерживал разговор, по большей части, междометиями.

— У меня тут появилось немного свободного времени, — слабо улыбнулся Крум, махнув рукой на своё перебинтованное до самого подбородка тело, — и я попробовал выяснить, что за заклятье было наложено на твою метлу. Не могу сказать, чтобы я преуспел, думаю, только Гильдия Авроров сможет сделать окончательные выводы, но я нашёл упоминания о похожем заклятье. Оно очень древнее — тут написано, — он поднял ветхий фолиант, — что давным-давно, в правилах только что изобретённого квиддича специально оговаривался запрет наложения этих чар на метлы соперников. Нарушитель карался смертью. А последний раз оно применялось во время второй мировой магической войны к штурмовым отрядам противника во время битвы под Арнгеймом. Гриндевальдом.

От неожиданности Гарри поперхнулся и закашлялся. Рон начал хлопать его по спине — безрезультатно, кашель только усиливался.

Рон торопливо плеснул в кубок воды из серебряного кувшина на тумбочке и сунул в руку Гарри, но в этот миг с подносом, наполненным пилюлями и порошками, вошла мадам Помфри.

— Мистер Крум, ваше лекарство... Что с вами, мистер Поттер? — в глазах мадам Помфри вспыхнул профессиональный интерес. — Коклюш? Ларингит?

— Поперхнулся, — хмуро ответил Гарри, наконец-то, приходя в себя и вытирая выступившие слёзы. Он машинально протянул так и не тронутый кубок Круму.

Мадам Помфри бросила на визитёров многозначительный взгляд и засуршала порошками; торопливо распрощавшись, ребята двинулись на выход, к несказанному облегчению и радости Гарри, чувствовавшего себя здесь ужасно скованно и неуютно.

Когда двери за спинами гриффиндорцев уже закрывались, внимание Рона привлёк металлический звон и какой-то странный звук. Он обернулся и в ужасе замер, вытаращив глаза: Крум, хрипя и сжимая руками горло, медленно заваливался набок. У кровати валялся серебряный кубок.

* * *

Через час вся школа гудела, и к ужину история с неудачным покушением приобрела совершенно иное звучание. В Гарри тыкали пальцем, особо нервные младшекурсники шарахались при его приближении, Пивз радостно кукарекал и орал “Поттер-отравитель!”, а неугомонный Малfoy громко оповестил слизеринцев, что теперь не рискнёт есть с Поттером даже за соседним столом — боится быть отравленным. Даже гриффиндорцы разделились во мнениях: старшие курсы не сомневались в невинности Гарри, первоклашки же испуганно засуетились, стоило виновнику переполоха появиться в гостиной.

Гарри не знал, что позже Гермиона устроила им выволочку и пригрозила снять очки и наложить взыскание на каждого, кто будет слушать и распространять дурацкие сплетни. А со студентами третьего и четвертого курса по её просьбе поговорила Джинни — и, судя по всему, неплохо справилась с поручением.

Когда Гарри вернулся от Дамблдора, Рон в сотый раз пересказывал подробности визита к Круму, сопровождая рассказ драматической жестикуляцией. Не в силах слушать очередной предсмертный хрип, удававшийся Рону раз от раза всё лучше, Гермиона с Косолапсусом под мышкой демонстративно ушла в свою комнату, а Гарри просто взял друга за шкуру и уволок в спальню аккуратно на том моменте, когда Рон в лицах изображал, как профессор Снейп серебряным кинжалом разжал Круму челюсти и влил противоядие.

— Но главное, — уже с лестницы прокричал Рон, изо всех сил сопротивляясь попыткам Поттера зажать ему рот, — я ведь сам налил в кубок воды и дал Гарри. И выпить его должен был Гарри, понимаете?..

— Прекращай этот балаган, — сердито зашипел Гарри, толкнув Рона, возмущённо тем, что его прервали на самом интересном месте, на кровать, — допрыгаешься — кто-нибудь из особо впечатлительных накропает заметочку для Риты Москиты. Не терпится нацепить на нас лавры отравителей? Хочешь засветиться на первой полосе Пророка? Что до меня, я вовсе не горю таким желанием — мне вполне хватило истории с метлой.

— Слушай, ты второй раз оказываешься на волосок от смерти! — глаза Рона всё ещё горели от возбуждения, а руки нервно теребили край балдахина. — Представляешь, что было бы, выпей ты этой чёртовой водички! Бедняга Крум... Ты видел, какого цвета он стал? Просто чудо, что Снейп оказался настолько запасливым и предусмотрительным! Обалдеть! А как он хрипел! — Рон восхищённо закатил глаза.

— Ещё одно слово, и я за себя не ручаюсь... — предупредил Гарри, и, взглянув на него, Рон послушно умолк.

— Думаешь, кого-то из вас настойчиво пытаются убить? — после паузы спросил он. — Но кого? И кто? Ну, с метлой всё просто — они же даже не ставили на двери анти-алохомору. Туда кто угодно мог влезть, было бы желание. Но вот кто мог подсыпать Круму яд в кувшин? Только... — Рон вытаращил глаза, и голос его упал до шёпота, — мадам Помфри. Но это же бред, правда?

— Бред, — согласился Гарри. — А насчёт метлы ты не прав — Гермиона, — голос Гарри предательски дрогнул, — мне сказала, что такие чары на Всполох мог наложить только очень умелый тёмный маг...

— Так, давай рассудим логически: кто в нашей школе может ненавидеть тебя и Крума и при этом иметь самое прямое отношение к Тёмной магии?

— Вот это уж точно бред, — тряхнул головой Гарри, — при чем тут Гатто?

— Ага, но согласишься — ты в первую очередь подумал именно о нём! — торжествующе воскликнул Рон.

— Просто он учитель по защите — только и всего. Я не понимаю, за что ему нена-

видеть меня? Да и Крума тоже...

— Как за что? А Гермиона? Он же готов делать пакости всем ухажёрам приглянувшихся ему девчонок! Вон, Фред ещё ни разу не ушёл с Защиты без взыскания или снятых баллов! А вспомни, что Гатто сказал Дину на последнем уроке?

Гарри мрачно кивнул: фраза “А вам бы я даже не советовал готовиться к переекзаменовке по С.О.В. На вашем месте я бы побеспокоился насчёт другого места учёбы...” намертво впечаталась бы в чью угодно память.

— Он что — и к Гермионе подкатывал? — кулаки Гарри непроизвольно сжались. — Откуда ты знаешь?

— Она же и сказала... Да ты не волнуйся — Гермиона давно поставила его на место... — успокоительно заверил друга Рон. — А может, он затаил злость и решил отомстить...

— Рон, что ты несёшь? Зачем убивать меня — или Крума? Причём тут Гермиона? — застонал Гарри.

— Ну, не знаю — может, у них в Италии так принято, — пожал плечами Рон и наморщил лоб, — как это называется... вендетта на почве любви. Или нет! — завопил Рон, осенённый новой идеей. — Я всё понял: яд в кувшин подсыпал сам Крум и хотел он отравить именно тебя! От ревности!

— Мне кажется, он уже получил то, чего ему так хотелось, — сухо ответил Гарри. — И поводов ревновать ко мне у него, совершенно, нет.

— Ну, я не стал бы так утверждать, — подмигнул Рон. — Могу тебе сказать, что Гермиона...

— Рон, ты сбрендил, — перебил его Гарри, не желая поднимать больной вопрос. — У тебя, видно, на почве твоей любви совсем ум за разум зашёл. Пойди-ка, погуляй на свежем воздухе, проветришься. И вообще, — ядовито добавил он, покосившись на часы, — ты не забыл, что уже почти девять часов?

Рон ахнул и заметался по спальне, как буйнопомешанный. В мгновение ока приведя себя в порядок, он замер у дверей.

— Ну, пожелай мне удачи, — задыхаясь от волнения, произнёс он, — всё-таки это моё первое свидание...

— Ты каждый раз так говоришь, — фыркнул Гарри.

— Что ты понимаешь! Это НАСТОЯЩЕЕ свидание — мы пойдём в Астрономическую башню, — понизив голос, пояснил Рон.

— Ну-ну... Не свалитесь, астрономы... Надеюсь, твой рассказ про неудавшееся отравление будет иметь большой успех.

Рон погрозил кулаком и метнулся за дверь, но не успел Гарри упасть на кровать, как в комнату снова просунулась рыжая голова.

— Кстати, ты, по-моему, здорово заблуждаешься насчёт Гермионы. Если я хоть что-то понимаю в любви, — Рон сделал многозначительную паузу, — она влюблена в тебя по уши.

В дверь полетела подушка, и голова исчезла.

Гарри вытянулся на спине и уставился в потолок, пытаясь осознать всё случившееся и услышанное от Дамблдора. Это у него получалось плохо.

* * *

— Рон, ой, какой ты смешной и глупый! Я бы и сама прекрасно перебралась через лужу, а теперь ты грязный с головы до ног! — голос Эшли серебряным колокольчиком звенел в темноте. — Пойдём обратно, тебе надо принять душ и переодеться!

— Эшли, а как насчёт вознаграждения за моё самопожертвование? Ммм... а ещё?

— Рон Уизли, убери от меня свои грязные лапы! Остальное потом. Не лезь целоваться — добьёшься того, что я тоже с ног до головы буду мокрая! В качестве воз-

награждения я попробую устроить тебе вместо душа посещение ванной старост. Хочешь?

— Разве что с тобой...

— Я же сказала — убери руки! — строгость в голосе Эшли не могла его обмануть. — А то будешь купаться в туалете Плаксы Миртл!

— Ты что — всерьёз насчёт ванной старост? А как я туда попаду?

— Ой, за это не волнуйся. Я тебе всё устрою. На всякий случай захвати мантию-невидимку Гарри, ладно? А я подежурю снаружи, пока ты моешься.

— А как же наше свидание?

— Если не будешь засматриваться на русалок и не уснёшь в пене, мы ещё успеем до отбоя погулять по саду...

* * *

Рон слышал про ванную старост только от Гарри, и всегда считал, что тот приукрашивает — все эти чудеса, мрамор, пушистые полотенца и халаты... Однако, всё обстояло именно так и даже более того — в ванной, напоминавшей, скорее, небольшой бассейн, уже плескалась вода с какой-то диковинной пенкой, разноцветные пузырьки музыкально лопались, во влажном воздухе переливалась радуга; русалка на картине, увидев его, сначала недоумённо вытаращила глаза, а потом расхохоталась, зарумянилась и игриво погрозила пальчиком, что-то бормоча про “молодых да ранних”.

Рон стыдливо покосился на неё, потом, решив, что ей не привыкать, разделся, аккуратно сложил свои вещи на круглой банкетке в дальнем углу, подумал, прихватил с собой мантию-невидимку, положив её у края бассейна, ещё подумал и вернулся за мылом и губкой. Наконец, затаив дыхание от предвкушения удовольствия, он присел на краешек ванной и свесил было вниз ногу, чтобы попробовать, как вода, и тут...

В коридоре раздались шаги, ручка двери начала поворачиваться, и Рон с ужасом осознал, что, потрясённый всем этим средиземноморским великолепием, забыл закрыть дверь.

Палочка? — но нет, пока он добежит до своих вещей, его голая задница уже предстанет во всей красе перед нежданным гостем... *нырнуть?.. выпрыгнуть в окно?* (которого, кстати, всё равно нет)... *о, идиот, ну конечно!*

Рон схватил мантию-невидимку и, зачем-то прижимая кусок мыла к груди, как самый дорогой на свете талисман, забился в угол и постарался не дышать — ему казалось, что от стука его сердца должны оглохнуть все в радиусе двух-трёх коридоров, за исключением, разве что, глухих от рождения.

Чёрт, куда же подевалась Эшли?! Она же обещала...

Дверь отворилась, и в ванную вошла Гермиона. Вид у неё был мрачный и сосредоточенный. Только тут Рон осознал, что этот пушистый розовый халат на вешалке вовсе неспроста показался ему каким-то странным... странно-знакомым. Это был её халат. И ванну она тоже набрала для себя. И сейчас она будет... — Рон глубоко вдохнул и выдохнул, глядя, как Гермиона покосилась на себя в зеркало и начала расстёгивать рубашку. Сердце ушло в пятки, и по коже побежали мурашки размером с соплохвостов, — ...будет купаться.

Он зажмурился. Мысль, что надо как-то дать знать о своём присутствии, остановить её, почему-то пришла в голову последней. Вместо этого Рон зачем-то подумал о том, что, забравшись в ванную старост, нарушает школьные правила, и что Гермиона непременно снимет с него баллы.

Больше всего на свете ему хотелось оказаться снаружи. Пусть голым, мокрым... Рон случайно приоткрыл глаза, вытаращил их и тут же зажмурился ещё крепче, так,

что под веками взорвались разноцветные фейерверки. Теперь он согласился бы оказаться снаружи голым, мокрым и даже без мантии — лишь бы снаружи.

Кой чёрт занёс меня...

Он почувствовал, что краснеет, что пальцы взмокли от пота, что непослушное мыло игриво возится в ладони, так и норовя выскользнуть на волю...

Тихое шлёпанье босых ног по полу... Наверное, она трогает воду... Так и есть — “Ой!”... наверное, горячая... Против воли у него перед глазами вставали картинки, от которых хотелось оторвать себе голову или, вообще, — сразу удавиться. Или... о, это мысль! — стереть себе память.

Интересно, а можно стереть память частично, чтобы завтрашнее задание по Истории магии в ней осталось, а вот... гм... неодетая... (Рон покраснел, как рак) Гермiona исчезла?..

— Algidus!... ох, горячо... Algidus! Aga...

Раздался шумный плеск. Рон чуть-чуть приоткрыл глаза — чтобы только различать дрожащие очертания предметов сквозь ресницы — точно, она нырнула и теперь плещется...

Чёрт! О, Мерлин... Гарри меня убьёт.

Его опять словно окатили кипятком, он непроизвольно охнул — хорошо ещё, что шум воды заглушил его голос...

Выхода не было. Только сидеть и ждать, когда это безобразие закончится.

Ничего-ничего, — утешал он себя, уткнувшись взглядом в свои мокрые колени, — *не будет же она здесь бултыхаться всю ночь...*

Рон снова мрачно подумал о Гарри. И ведь не расскажешь — сначала поднимет насмех, а потом и по физиономии может дать. Нет, насмех — это вряд ли. Скорее, сначала по физиономии, а потом... А потом опять по физиономии. Он в отношении неё совершенно неадекватный. И необъективный. Особенно после их ссоры. Псих влюблённый.

От грохота в дверь мыло выскочило-таки у Рона из рук и с весёлым свистом проскользило по полу.

— Рон! Рон Уизли!!! — это была она, Эшли. — Скорее выходи, мне сказали, что сейчас сюда придёт Гермiona! Быстрее-быстрее, ну что же ты молчишь? Накидай мантию и выходи!

Гермiona медленно выпрямилась. Вода доходила ей до подмышек. Она не присела, не взвизгнула, даже не охнула. Протянув руку, стащила прямо в воду большое махровое полотенце, обмоталась им и медленно вышла.

— Рон, ты здесь? — спросила она голосом, от которого должна была замёрзнуть вода и в бассейне, и в кране, и, наверное, даже в озере — до самого дна. — Рон, где ты?..

Рон стянул мантию с головы и уставился в пол.

...голым, мокрым, без мантии и перед всей школой...

Её губы шевелились, но он едва слышал её слова:

— ...уйди. Это самый недостойный поступок, который я могла бы представить. Я не ожидала от тебя...

Рон поплёлся прочь, одной рукой придерживая мантию, а другой, прижимая к груди скомканный ворох одежды. Проходя мимо всё ещё пузырящегося и искрящегося бассейна, он поскользнулся на паскудном мыле, едва не выпустив всё из рук и не растянувшись на дурацком полу с морскими звёздами и прочей подводной дрянью. Гермiona смотрела ему вслед, заливаясь краской, — не смущения или стыда, а гнева, ярости и презрения:

— Да что с вами обоими произошло? Вы что — с ума посходили от гормонов? Один

подглядывает за мной по ночам, устраивает представления, после которых в меня не тычет пальцем только безрукий, второй подсматривает за мной в ванной... Друг зья называется!!! Сбрендили оба!

Какими словами утешала Рона топтавшаяся в коридоре Эшли, какой дорогой они добрался до спальни, когда он заснул и заснул ли вообще — Рон помнил плохо. На душе было отвратительно, он проклинал себя за бестолковость и нерешительность... И настроение не могли исправить ни прощальные поцелуи, в которые Эшли вложила столько нежности, ни её предложение перенести свидание на завтрашний вечер.

* * *

По понятным причинам Рон решил сохранить ужасное происшествие в тайне от Гарри — ему хотелось и из своей памяти вытравить его как можно быстрее. Гермиона теперь с ним не разговаривала, на Гарри тоже было стыдно поднять взгляд... в - общем, даже мысль о вечернем свидании с Эшли не приносила ожидаемой радости.

Тучи начали сгущаться на Гербологии с хаффлпаффцами. Едва Рон и Гарри появились в классе (по плану намечалась работа с гербарием плотоядных растений. Кусаящимся), как среди хаффлпаффцев пробежал шепоток. Кто-то засмеялся, кто-то неодобрительно поджал губы. Сьюзан Боунс закатила глаза и пробормотала что-то вроде “дальше падать уже некуда”. Гермиона, покраснев, склонилась над гербарием. Весь урок класс негромко жужжал, на что ни Гарри, погружённый в размышления о том, как сегодня проникнуть в тайный ход у слизеринских подземелий, ни Рон, мрачно размышляющий над тем, как смотреть Гермионе и Гарри в глаза, не обратили ни малейшего внимания.

На уроке профессор Спраут была очень недовольна полным отсутствием внимания к такому важному вопросу, как снижение восприимчивости к ядам после укуса плотоядных растений:

— Надеюсь, вы понимаете, что в данном случае становитесь более устойчивыми к воздействию зелий на их основе? — трижды переспросила она.

Краем глаза Рон заметил, что Гарри последовал примеру большинства и тут же сунул палец в засушенный цветок, вцепившийся в него с плотоядным урчанием.

— Слушай, Рон, ты что сегодня какой-то варёный? — не выдержал Гарри, когда на перемене они пробирались сквозь гудящую толпу студентов. Гарри старался не обращать внимания на то, что, при их появлении лица у учеников вытягивались. Это, конечно, ужасно раздражало, но всю свою не столь уж долгую жизнь он только и делал, что учился держать себя в руках и игнорировать пристальные взгляды. А потому юноша шёл, полностью сосредоточившись на вечерней экспедиции. Правда, тонкий писк совести периодически напоминал о вчерашней беседе с Дамблдором и об обещании не влезать ни в какие авантюры до тех пор, пока не будет выяснено, каким способом Тёмная магия проникла в школу. Но, если честно, даже Дамблдор верил в это слабо, не говоря уж о Гарри, для которого пока всё было достаточно очевидно: ведь, так или иначе, все странные события последнего времени вели в - одном направлении. А значит — надо выбраться из Хогвартса и снова проникнуть в таинственную подземную пещеру. Словом, голос совести остался в меньшинстве и, ещё немного поворчав для порядку, устало умолк.

Рон вяло пожал плечами, буркнул что-то вроде “не выспался” (что было чистой правдой) и раздражённо оттолкнул Колина Криви, пробиравшегося им навстречу с - фотоаппаратом наготове. Летом Колин устроился внештатным корреспондентом в - юношеское приложение “Ежедневного пророка”, так что ни он сам, ни его фотоаппарат не сулили Рону и Гарри ничего хорошего.

Масла в огонь подлили Фред и Джордж, вышедшие из кабинета Трансфигурации. Скорбно покивав в ответ на гневные слова профессора Макгонагалл, сопровождающей в лазарет рыдающую слизеринку-семикурсницу со змеями вместо волос на голове, они, едва лишь завидев Гарри, пошли впереди, громко требуя *освободить дорогу великим наследникам славного дела Борджиа!*

...Всё произошло, когда Гарри во время обеда полез в сумку за приложением к учебнику по Трансфигурации. На стол выпорхнула записка, прочитав которую, он вытаращил глаза и, схватив Рона за рукав, вытащил за двери Большого Зала.

— Что это значит?! — он ткнул записку Рону под нос.

Если хочешь узнать, почему Гермиона не разговаривает с Роном, спроси, чем они вчера вечером занимались вдвоём в ванной старост.

Рон, сжимающий в руке вилку с куском тушёной моркови, позеленел и замер. Его потрясло даже не само содержание записки, а почерк, которым она была написана. Ровные строчки с аккуратно нанизанными бусинками-буквами. Рон стоял, не в силах оторвать глаз от клочка пергамента и чувствовал, что всё внутри замерзает и рассыпается ледяной пылью. Мир потускнел. Жизнь потеряла смысл. Стало больно дышать, грудь заломило.

— Что это значит?! — повторил Гарри.

— Я... не знаю...

Рон взял записку. Перечитал. Потом ещё раз. Снова — и так до тех пор, пока слова не утратили свой смысл, оставив только странное головокружение и гул в ушах.

Зачем она так поступила?

— Я вчера совершенно случайно попал в ванную старост, — наконец, заговорил он тусклым голосом. Теперь ему было всё равно. — А потом туда пришла мыться Гермиона. Я сидел в углу. Вот и всё.

Гарри слушал, не меняясь в лице.

— Почему ты мне с утра всё не рассказал?

— Да? — безжизненно рассмеялся Рон. — И что же я должен был тебе сказать? “Вчера на нашем свидании с Эшли я свалился в грязь, и она провела меня в ванную для старост. И когда я уже разделся, туда пришла Гермиона. Только не подумай ничего плохого: она мылась, а я сидел под мантией-невидимкой”.

— А почему ты не попросил её выйти? Одедся бы — и дело с концом.

Рон вяло пожал плечами.

— Сам не знаю. Сначала растерялся, а потом уже было поздно. Она могла подумать, что я специально ждал, пока она разделется.

— А зачем ты мантию брал? И почему меня не спросил?

— Мне Эшли посоветовала...

— То есть ты своей Эшли и про мантию-невидимку проболтался? А осталось что-нибудь, что ты ей не рассказал? А?

Рон прислонился к стене, жалко и вымученно улыбаясь.

— Я дурак, да? — он не стал дожидаться ответа на риторический вопрос. — Хорошо, пусть я дурак, полный кретин — но... за что она со мной так, а? — он опустил к записке тусклый взгляд, и Гарри вдруг понял, что верит Рону и не может на него сердиться, хотя и пытается себя заставить. — Зачем она решила растоптать всё, что мне дорого? Я думал, она любит меня... А она... — он снова опустил глаза к записке и схватился рукой за грудь, словно ему было трудно дышать. — За что? — он поднял на Гарри заблестевшие синие глаза.

Гарри даже не подозревал, как скоро он узнает ответ. И как ему этот ответ не понравится.

* * *

Гермиона сидела у камина и клевала носом над книгой. Мысль о том, чтобы пойти в комнату и снова остаться наедине со своими сомнениями и чувствами, пугала, поэтому староста тянула время и пыталась довести себя до такого состояния, чтобы упасть на кровать и уснуть, не донеся голову до подушки.

Все давно разошлись, гриффиндорская гостиная опустела и затихла, лишь пламя монотонно хрустело сучьями в камине. Сон дразнил, но, похоже, боялся приблизиться из-за мрачных размышлений, переполнявших девушку. Сколько раз они сидели тут втроём, сколько историй и разговоров подслушал бы этот камин, имей он уши... Воспоминания не приносили ей радости, они ранили ещё сильнее. Всё, что сейчас осталось Гермионе, — это тишина и одиночество.

Её сонные глаза оторвались от созерцания прыгающих за решёткой оранжевых языков и метнулись к пустующему креслу рядом.

Рон бесшумно скользнул в него, уставился в камин, потом перевёл взгляд на неё и спросил напряжённым голосом:

— Тебе он нравится, да?

— Рон, зачем ты говоришь глупости? — она нахмурилась и нервно начала щёлкать страницами толстого фолианта, лежащего на коленях.

— Просто... — он замялся, не в силах подобрать слова, — получается, вся наша дружба — она что, больше для тебя ничего не значит? Я, Гарри — мы больше не нужны тебе?

— Как ты можешь так говорить!

— Могу! — упрямо нахмурился Рон. — Ты целыми днями торчишь с ним — то в библиотеке, то вообще, неизвестно где. Разве ты ничего не видишь?

— И что же я должна видеть?

— Да он же втрескался в тебя! Таскается за тобой хвостом, — покраснел Рон. — А ты, вместо того, чтобы послать его подальше, разводишь всякую канитель. Он же тебе не нравится — ну, так и скажи ему прямо. Ведь он же тебе не нравится?

Гермиона молчала. Она не знала ответа.

— Не нравится? — повторил Рон, и голос его предательски дрогнул. — Или... Ах, вот в чём дело... Может, ты к нему и домой поедешь, а? Я слышал, как он тебя приглашал!

— Что — тебе никто не говорил, что подслушивать нехорошо? — покраснела она.

— А тебе никто не говорил, что предавать друзей...

— Я никого не предаю!

— А что ты делаешь? Что?! — Рон сейчас сам напоминал раскалённый язычок пламени. — Ну, и ладно: если тебе так нужен твой дорогой Крум — и водись с ним, а к нам больше не подходи! — он вскочил и умчался вверх по лестнице раньше, чем Гермиона успела хоть что-то возразить.

Расстроено вздохнув, она устроилась в кресле.

— Я все знаю: ты... ты просто использовала меня! — перед ней, сжимая кулаки, стоял Гарри. — Предательница! Иди и... и целуйся со своим Крумом! Исцеляй его раны своими слезами!

Книга с грохотом упала на пол, и Гермиона проснулась. Щёки были мокрые, облизнув губы, она почувствовала солёный привкус слёз.

А ведь всё так и есть, — с какой-то истеричной беспощадностью к себе подумала она, — я сама прогнала лучших друзей, я сама завалила их глупыми требованиями, претензиями и упрёками. Что меня интересует, кроме учёбы и соревнования за Кубок Школы? Что я про них сейчас знаю? Я сама во всём виновата. Я не имела права так поступать. И получила по заслугам.

Внутренний голос тут же возразил ей, напомнив о вчерашнем происшествии в ванной. Гермиона покраснела, но решила не сдаваться и продолжила самобичевание.

Ну и что? Подумаешь! Рон не мог за мной подсматривать — он не такой, к тому же он по уши влюблён в свою хаффлпаффскую вертихвостку. Наверняка, свернулся калачиком и зажмурил глаза... Надо было всё перевести в шутку... Будь на моём месте Лавендер... Она бы, поди, попросила его подать ей полотенце. Или нет, — она бы вылезла из ванны и сама за ним пошла. К вешалке. И ещё, наверное, разговаривала бы по дороге на отвлечённые темы, — Гермиона вздохнула и бледно улыбнулась. — Хотя нет, вряд ли. Я что-то не замечала, чтобы Лавендер интересовалась Роном. Вот будь на его месте Малфой...

О том, что Лавендер неровно дышит к ненавистному слизеринцу, пятикурсницы давно шушукались в спальне. Сама Лавендер все упреки отметала небрежным движением головы и томным *ну, и пусть он мерзавец, зато такой стильный красавчик... И вообще, я разве говорила, что собираюсь с ним встречаться?*

С однокурсников мысли Гермионы плавно перетекли к учёбе, потом — к проблемам факультета и логично вернулись к Гарри и Рону, хотя, на этот раз, с другой стороны. Мальчишки “отрастили” столько “хвостов”, что теперь, чтобы прилично подготовиться к экзаменам и не оставить Гриффиндор за бортом общефакультетского соревнования, им нужно было, не разгибаясь, корпеть над учебниками день и ночь. И если раньше Гермиона могла это проконтролировать, то сейчас всё, что ей оставалось, — пытаться достучаться до них ни к кому конкретно не обращёнными сакраментальными “Пятый курс — вы не забыли, что объём эссе по Истории Магии должен составлять два свитка?”, “Все помнят, что завтра первая контрольная по Трансфигурации?”

Правда, — вздохнула Гермиона, — *толку от этого никакого...*

Не далее, как на прошлой неделе Макгонагалл вызвала её в учительскую и, пряча глаза, строго произнесла:

— В ваших же интересах решить вопрос с успеваемостью Поттера и Уизли в ближайшее время, иначе, как ни прискорбно, мне придётся поднять вопрос о вашем несоответствии занимаемому посту старосты. Какими бы ни были ваши отношения, вы — староста и не должны путать личное и общественное.

Неожиданно портрет скрипнул, и в гостиную кто-то вошёл. Пригнувшись, Гермиона осторожно выглянула из-за спинки кресла, возмущённо вытаращила глаза и покосилась на часы на руке. Первый час ночи!

Через гостиную на цыпочках пробирались Трейси и Кевин. В руках они несли объёмистые пакеты, происхождение которых отнюдь не было для старосты тайной.

Как быстро они нашли дорожку на кухню, — мысленно улыбнулась она. — Помнится, нам на это потребовался не один год...

Но когда воплощением богини возмездия она поднялась из кресла, её вид был более чем суров.

— Мисс Алесини, мистер Сторм, соблаговолите объяснить, почему вы нарушаете правила и находитесь после отбоя не в своих кроватях, а бродите по школе?

Трейси пискнула, и из её пакета на пол посыпались кексы и выпал кусок тыквенного пирога.

— Я... м-мы... — заикаясь, начал Кевин.

— Пять очков с Гриффиндора и немедленно отправляйтесь в свои спальни.

— Будто ты никогда не бродила по школе ночью, — обиженно буркнула Трейси, собирая кексы.

— Бродила, — с неожиданной даже для себя самой лёгкостью согласилась Гермиона. — Но меня, в отличие от вас, никто не ловил.

— Как это? А когда профессор Макгонагалл сняла с вас за одну ночь полторы сотни очков?

— Откуда вы знаете? — с подозрением поинтересовалась Гермиона. Репутация старосты в глазах младшекурсников должна быть незапятнанной — этому правилу она следовала неукоснительно.

— Нам рассказала... — начал Кевин, но тут же умолк, потому что Трейси чувствительно пихнула его локтём в бок. — Да всем это известно!

— А твои друзья, Гермиона... Нам говорили, что вы всегда были вместе, — ты, Рон Уизли, Гарри Поттер... Вы поссорились, да? Из-за чего?

— *Я бы сама хотела это знать*, — тоскливо подумала Гермиона, машинально принимая из рук Трейси кекс. — *Словно кто-то сглазил нашу дружбу...*

Но вслух она сказала лишь:

— Вот что, молодые люди, если не хотите лишиться наш факультет ещё десятка баллов, немедленно отправляйтесь спать! А доверительные разговоры перенесём на более подходящее время.

Но не успели первокурсники дойти до лестницы, как портрет снова отворился, и в гостиную вошёл Гарри.

Он был ужасно взъерошен и помят, а в руках комкал что-то, немедленно узнанное Гермионой. Мантия-невидимка. Бросив странный взгляд на Гермиону, он молча взлетел вверх.

— А как же — “пять баллов с Гриффиндора”? — с ехидной улыбкой спросила Трейси, но, не успела староста и рта раскрыть, как они с Кевином растворились на ведущей к спальням лестнице.

* * *

Гарри вошёл в спальню пятикурсников. Было так тихо, что звенело в ушах. У окна сладко вздохнул и заворочался Дин Томас. Невилл всхрапнул во сне: “Не надо, профессор, не надо!..”

Гарри бесшумно скользнул к кровати Рона, взялся за полог и замер. Оттуда не доносилось ни звука. Заглянув внутрь, он увидел съёжившуюся фигуру: Рон сидел в темноте, обняв руками колени и уткнувшись в них лицом.

Вздохнув, Гарри опустился рядом. Желание немедленно рассказать то, что он только что узнал, испарилось. Он сидел, прислушиваясь к мерному сонному сопению и похрапыванию одноклассников, и машинально разглаживал ладонью простыню.

— Знаешь, — неожиданно прошептал Рон, — так странно, когда это случается с тобой... Меня ведь никто никогда не обманывал и не предавал. Ну — Фред и Джордж — эти их шуточки, но это всё не то... Ты понимаешь... Ох... лучше б меня избили...

— Угу, — кивнул в темноту Гарри.

— Понимаешь, она говорила мне такие слова... Что я самый-самый... что лучше она не встречала... Мне никто такого не говорил, — шёпот Рона задрожал. — Я думал, это правда... Зачем она предала меня? Я не понимаю.

— Я тоже...

— Я был таким дураком, я думал, что теперь-то у нас всё будет хорошо: вы с Гермионой помиритесь, и мы повсюду будем ходить вчетвером. Вместе искать приключений, вместе отдыхать на каникулах... Каким же я был дураком, — Рон захрустел пальцами. — Зачем она написала тебе, зачем подстроила всё в ванной — ведь она же знала, что туда вот-вот должна прийти Гермиона?.. Я не понимаю, у меня в голове не укладывается — зачем ей нужно было нас ссорить?

Гарри снова вздохнул. Он не знал, как поступают в таких случаях: надо ли сказать Рону правду или же не сыпать соли на свежую рану?

— Может, она это сделала специально? — осторожно предположил он вслух. — Ну, не знаю — на спор или ещё что...

— Гарри, ты что-то знаешь? Давай, выкладывай. Да не бойся, — толкнул его Рон, почувствовав неуверенность в голосе друга, — мне уже всё равно.

Поколебавшись, Гарри решился:

— Я случайно слышал её разговор. Она поспорила, что сможет нас всех перессорить...

— Не может быть... — ахнул Рон. — Наверное, её вынудили... Нет, не может быть, она не могла... Она всегда говорила о вас только хорошее, расстраивалась, что у вас не ладится с Гермионой, завидовала нашей дружбе... По-хорошему завидовала. Наверное, — чуть помедлив, добавил Рон. — А с кем она разговаривала?

— Не знаю, — соврал Гарри, не зная (не в силах предугадать?), на что в нынешнем состоянии способен Рон и побаиваясь возможных эксцессов. — Но её никто не вынуждал. Я слышал, как с ней расплатились.

Повисла долгая пауза. Потом Гарри услышал, как Рон судорожно вздохнул.

— Вот значит как... И почём нынче ценится наша дружба?

— Пятьдесят галлеонов.

— О... дороговато. Хотя это радует, — в голосе Рона зазвучали пугающие нотки.

— Рон...

— Не надо, Гарри, — Рон стряхнул с плеча руку друга, — я конченный дебил. Слепой и глухой. Конечно — как я мог подумать, что она, и правда, мной интересуется. Такая девушка — за ней столько парней бегали, а она вдруг выбрала такого придурка, как я... Идиот. Так мне и надо.

Рон опять уткнулся лицом в колени. Теперь, когда глаза Гарри привыкли к темноте, он видел, как Рон судорожно сжимает пальцы. В тишине раздавались глухие сдавленные вздохи.

Сказать было нечего, но уйти Гарри не мог. Скинув ботинки, он с ногами забрался на кровать Рона и сел рядом в той же позе.

...Он специально выбрал время, когда коридоры уже опустели, и никто не мог увидеть, как в стене у слизеринского подземелья появляется зияющий проём. Видимо, не он один предпочитал тихие ночные часы: во втором коридоре он едва не налетел на разговаривающую вполголоса пару. Одним из собеседников была Эшли, а вторым... Гарри удивлённо приподнял брови — хотя, мало ли, чего не бывает, и у слизеринских старшекурсников могут обнаружиться общие дела с хаффлпафцами, которых они всегда чурались, — и собрался было прокрасться на цыпочках мимо, но прозвучавшее в этот момент имя Рона заставило его прирасти к полу.

Следующие пять минут он стоял, чувствуя, как от ярости сжимаются кулаки, и с трудом удерживал себя от желания немедленно пустить палочку в ход.

Пересчитав деньги, Эшли отправилась к себе, Гарри на цыпочках двинулся за ней.

С тобой, дрянь такая, я разберусь потом, — подумал он, услышав, как вдалеке открылась и закрылась дверь в слизеринскую гостиную.

Едва Эшли и невидимкой преследующий её Гарри удалились на приличное расстояние, как он вытащил палочку и пробормотал под нос заклинание. Эшли взвизгнула и схватилась за лицо, покрывшееся мерзкими зелёными фурункулами.

— Пятидесяти галлеонов тебе как раз хватит, чтобы привести себя в порядок, — шепнул ей Гарри в самое ухо. Она снова взвизгнула, подскочила, выхватила свою палочку и начала слепо размахивать ею, в надежде поразить невидимого врага. Но юноша был уже далеко.

— Знаешь, Гарри, — голос Рона вернул его к настоящему, — наверное, только что-то потеряв, начинаешь это ценить, как следует. Я вот только сейчас понял, как нам

было хорошо втроём... Какими мы были счастливыми. Надо бы помириться с Гермионой...

— Ага, — согласился Гарри. — Только я не представляю, как подойти и заговорить с ней, после всего, что мы друг другу наговорили и чего наделали...

— Я тоже...

Услышь сейчас их Гермиона, она бы вздохнула и повторила эти же слова.

* * *

Между камней мелькнула длинная юркая тень. Скользнула в узкую щель, метнулась по каменному полу. В подземелье было темно и сыро. В углу сжалась маленькая фигурка.

— Дрянь! — сейчас в его голосе не было ни подобострастия, ни страха. Только неуёмная ярость. — Его опять спасли! Не смогла справиться даже с такой ерундой, а ведь я предупреждал, что ты не имеешь права ошибаться.

Фигурка пискнула и умоляюще воздела руки, но колдун не обратил на это ни малейшего внимания. Его палочка взорвалась зелёной вспышкой, и бесформенной кучей фигурка сползла по стене. Он брезгливо пнул её ногой, снова взмахнул палочкой... Лёгкий сизый дымок развеялся в воздухе, в углу осталось лишь несколько обрывков ткани.

Теперь его лицо стало задумчивым.

Что ж, если не получается так, попробуем сделать это по-другому... И, кстати, кое-кто здорово путается под ногами. Определённо — его надо убрать, этот проныра вовсе не дурак...

Глава двадцать вторая, в которой Крум покидает Хогвартс, Гермиона, к своему удивлению, сочиняет стихи, а также повествуется о том, что подслушивать иногда бывает полезно.

— Мистер Томас, где ваша рука? Мисс Патил, где ваше колено? — профессор Гатто просто исходил ядом. Дин покраснел и отодвинулся, Парвати торопливо зашуршала пергаментом, её уши заалели. — Я понимаю, личные проблемы для вас куда важнее учебных — отсюда и столь плачевные результаты. Что ж, посмотрим, на что вы годитесь... Коль скоро мистер Томас так умело работает руками, давайте выясним, что ещё он сумеет ими изобразить, и как он усвоил новый материал. Как говорили великие — *без гнева и пристрастия: sine ira et studio*. Попрошу к доске.

Остальной класс с облегчением перевёл дух и проводил Дина Томаса полными сострадания взглядами. Ещё ни разу не случалось, чтобы оказавшийся у позорного столба, как за глаза студенты называли эту процедуру, не уходил оттуда оплётанным и униженным. Очередного опроса ждали, словно пытки. Хотя — как ни крути — результатов подобным подходом Гатто добивался: конспекты уроков и дополнительную литературу по Защите от Тёмных Искусств все курсы штудировали очень добросовестно и изрядно продвинулись вперёд в постижении специфики борьбы с Тёмной Магией.

— Заклинание Защитной Сферы или Заклинание *Munimentum*, — энергично начал Дин, но запала хватило ненадолго: забуксовав на метафизическом уровне, он только с третьего раза справился с необходимым для исполнения заклинания движением палочкой. Гатто с деланным сочувствием смотрел на неудачные попытки, кивая головой:

— Так-так... ничего-ничего, продолжайте, *мы учимся не для школы, а для жизни* — *non scholae, sed vitae discimus*...

— *Servo involucrum!* — наконец-то, с палочки сорвалось что-то вроде струйки

мыльных пузыриков, звонко полопавшихся через мгновение.

Гатто триумфально улыбнулся.

— Я так и знал. *Stupido come il legnio*. Конечно, колени мисс Патил тоже имеют сферическую форму... гм... видимо, это единственная сфера, готовая сдаться вам без боя, — он усмехнулся и обратил свой взор к Парвати, от стыда сползшей под парту. — Подытожим: в силу полной неспособности класса изобразить что-то более-менее приличное, все останутся после урока, и будут тренироваться до тех пор, пока не произведут защитное поле, которое мне не удастся проткнуть пальцем. А недовольным, — метнул он взгляд в сторону мученически воздевшего глаза к небу Симуса Финнигана, — хочу напомнить, что данное заклинание используется не для баловства, а для отражения проклятий. Понимаю, все ваши мысли сейчас уже на обеде, в Хогсмиде и на праздничном пире... Но право отправиться туда придётся заслужить примерной учёбой, — по классу пронёсся недовольный гул, который Гатто заглушил одним движением брови. — Ну-с, *sic agite* — повторяйте за мной! *Servo involucrum!*

Волшебная палочка Гатто (кстати, никому из студентов не приходилось видеть ранее ничего подобного — палочка была покрыта позолотой. Судя по пальцам, уннзанным разнокалиберными перстнями, Гатто отдавал явное предпочтение презренному металлу. Некоторые студентки сплетничали, что профессор носил кольца даже на ногах) вывела в воздухе замысловатую кривую, и вокруг профессора возникла серебристая переливающаяся сфера.

— *Servo involucrum!* — раздался нестройный унылый хор. С тихим шипением из палочки Невилла выползла струйка розового дыма. И только.

— Да, се *peccato*, успехи просто грандиозные. Смотрите и учитесь. Мистер Уизли, я попрошу вас кинуть в меня чем-нибудь тяжёлым, — голос профессора звучал немногo приглушённо, как сквозь вату.

Рон, похудевший и побледневший за последние дни, поднялся, мрачно кивнул и, не раздумывая, запустил стулом. Все ахнули, но стул врезался в сферу, как в желе, упруго отскочил и упал на пол.

— Что ж, думаю, достаточно наглядно. Так, теперь попробуем заклинания. Мисс Браун, попрошу вас. Любое заклинание. Только постарайтесь прицелиться и попасть именно в сферу, чтобы не получилось, как в прошлый раз...

Лавендер покраснела: однажды, поглощённая мыслями о свежем маникюре, она невнимательно взмахнула палочкой — и классная доска рассыпалась полчищем мадагаскарских тараканов. Эти огромные — с ладонь — твари премерзко шипели и кусались. Словом, оставили незабываемые впечатления.

— *Rictusempra!* — не решившись экспериментировать, она остановилась на проверенном заклинании — младшие курсы частенько им баловались, заставляя друг друга смеяться до колик. С палочки сорвалась яркая вспышка, ударилась в серебристый бок сферы и срикошетила, угодив точнёхонько обратно в Лавендер. Захлебнувшись смехом, девушка сползла на пол.

— Да-с, забыл сказать, — с иезуитской улыбочкой Гатто взмахнул рукой, отвлекая внимание класса от корчащейся на полу студентки, покрасневшей так, что казалось, она вот-вот лопнет, — при попытке разрушить сферу заклинанием надо быть очень осторожным, иначе оно может угодить в вас самих. Что и продемонстрировала нам мисс Браун. Поблагодарим же её за это *ex toto animo, от всей души*. И поправьте кто-нибудь ей юбку, а то это уже переходит всякие границы приличия.

— *Finite Incantatum*, — взмахнула палочкой пришедшая в себя первой Гермиона.

Красная и растрёпанная, Лавендер поднялась с пола, юркнула на своё место и

беззвучно разрыдалась от унижения.

— Кто-нибудь ещё желает попробовать? — поинтересовался Гатто.

Гарри, как раз раздумывавший, не испытать ли на итальянце Заклятье Мгновенного Скальпирования или Взрывающее, не рискнул поднять руку, зато Дин Томас просто-таки рвался в бой.

Правда, после пяти минут безуспешной бомбардировки сферы сногшибателями, сдался и он.

— *Finite Incantatum*. Ну-с, мои друзья, думаю, всё было достаточно наглядно...

Следующий час класс провёл в бесплодных попытках создать нечто, более-менее приближенное к серебристой сфере. Преуспела, как ни странно, не Гермиона, а заплаканная Лавендер: её защитная оболочка, правда, вряд ли бы поместила в себе и мышь, зато была достаточно плотной. То, что вышло у Гермионы, напоминало большое дымное облако, а у Гарри снова ничего не получилось, сплошные мыльные пузыри — как и тогда, когда он пытался отработать заклятье в Солнечной башне замка Крума.

В конце концов, Гатто надоело созерцание безуспешных потуг и, высмеяв всех по очереди, он распустил класс, велел к следующему уроку научиться делать защитную сферу для своих животных.

— Я собственноручно проверю, на что вы годны. В случае неудачи рекомендую заказать себе в Волшебном зверинце какую-нибудь новую зверюшку, там как раз недавно был новый завоз. Но всё же, думаю, стоит серьезно отнестись к работе. Особенно это касается вас, мистер Лонгботтом. Как говорится, *повторенье — мать ученья*. *Repetitio est mater studiorum*. Так что, возможно, у вашей жабы есть шанс.

Невилл выходил из класса, прижимая Тревора к груди. В глазах у обоих стояли слёзы.

Остальные учителя в преддверии Хеллоуина тоже, словно с цепи сорвались: Гарри не припоминал, чтобы раньше приходилось столько читать, писать и практиковаться. Теперь даже по ночам его преследовал не привычный кошмар, раз от раза становившийся всё более детальным, а бесконечные улицы, освещённые неоновыми формулами.

Макгонагалл пообещала устроить контрольный тест по Циклическим превращениям сразу после Хеллоуина, Снейп обрадовал сотней дополнительных вопросов к экзаменам по С.О.В, а тут ещё Анджелина напомнила, что приближается матч со Слизеринном и со следующей недели начинаются тренировки («Надеюсь, Гильдия Авров к тому времени вернёт Всполох. Иначе советую тебе подумать о новой метле», — заметила она в лучших традициях Вуда).

В общем, хоть и Рон, и Гарри запаслись разрешениями на посещение Хогсмид (которые Макгонагалл подписала с о-очень большим скрипом), но настроения идти куда-то веселиться не было, а потому они решили остаться в гриффиндорской башне и в относительной тишине, наконец-то, позаниматься. Разумеется, после того, как расчистят хотя бы пару метров завала в подземном ходе в Хогсмид, — Гарри рассказал другу и про Добби, и про забитый камнями туннель, и про свои библиотечные исследования, и Рон чуть-чуть воспрял духом: это немного отвлекло его от унылых мыслей, не дающих покоя ни днём, ни (судя по совершенно зелёному лицу) ночью. И неудивительно: Гарри мог только догадываться, что испытывает Рон, глядя, как уже вернувшаяся из лечебницы Эшли, как ни в чём не бывало, кокетничает с очередным кавалером. На этот раз из Слизерина. Ни Рона, ни Гарри она демонстративно не замечала. Хотя Гарри иногда казалось, что он ловит на себе подозрительные взгляды.

После обеда башня начала пустеть, и уже через час из всех старших курсов там остались только трое — Рон, Гарри, да Алисия Спиннет, простудившаяся во время дополнительной тренировки для Охотников, которую Анджелина устроила накануне. Насморочно шмыгая носом, она уселась поближе к камину и погрузилась в подготовку выпускной работы по Трансфигурации.

Младшекурсники занимались своими делами: шуршали книгами, играли в шахматы или карты — на Рона и Гарри, к их огромной радости, никто не обращал особого внимания. Закончив с расчётами по Астрологии неожиданно быстро, Гарри прикинул, что успеет дописать для Трелани эссе по сновидениям — надо было выждать ещё хотя бы час, прежде чем спускаться в слизеринское подземелье, не боясь, что на тебя кто-нибудь налетит. А Рон угрюмо вздыхал над дополнительным сочинением, заданным ему Гатто, — даже “Ритуальные оргии Чёрной магии” не смогли поднять настроение.

В полтретьего пополудни, они переглянулись, отнесли письменные принадлежности и свитки в комнату и, стараясь не привлекать к себе внимания, выскользнули из гостиной.

* * *

Лишь только взглянув на письма, что держал в руке Дамблдор, я испытал неприятное чувство: а чего собственно, было ждать? К тому же федерация меня предупредила, что копии будут отправлены Дамблдору и Английскому Министерству Магии.

— ... видите ли, мистер Крум... гм... Виктор, после всего случившегося в стенах школы, я не могу упрекнуть представителей вашей страны в том, что эти письма... гм... носят немного резкий характер. Я прекрасно понимаю причины — знаменитый спортсмен, гордость Болгарии в течение менее чем месяца, дважды подвергается нападению и, можно сказать, находится на грани гибели... В любом случае, выбор за вами: я соглашусь с любым решением, которое вы примете, — не думаю, что найдётся человек, который рискнёт обвинить вас в трусости. Я не требую ответа сейчас, вы можете дать его после вашего возвращения.

— Профессор Дамблдор, — подхватил я, едва дав ему закончить, — я готов ответить немедленно: я остаюсь. Конечно, мне придётся покинуть школу на несколько дней — ближайшая игра требует подготовки, но я вернусь, как только смогу. Я подписал контракт с Хогвартсом до конца года, у меня есть ученики и обязательства перед ними.

Дамблдор вздохнул и чуть качнулся вперёд, пристально глядя мне в глаза поверх очков:

— Но ведь дело не только в этом, верно?

Я молчал. Он ждал. Он знал. Я сдался.

— Да, не только.

— Мистер Крум... я понимаю, вы — взрослый человек, и я не могу советовать вам что-либо... но... — Дамблдор вздохнул, словно взвешивая и подбирая слова. — Я понимаю ваши чувства к мисс Грейнджер, но не могу, да и не имею права их приветствовать — ни с какой из возможных точек зрения...

Я не мог вынести обсуждения моих чувств — ни с ним, ни с кем бы то ни было.

— Разве я давал вам какой-либо повод для упреков? — тихо спросил я, чувствуя, что от напряжения у меня опять начала дёргаться щека. — Я необъективен к ней на уроках? Позволяю неприличные замечания? Выделяю среди прочих студентов? Или... — я сделал многозначительную паузу, — вечерами приглашаю в свой кабинет, чтобы поизучать дополнительную литературу?

Дамблдор поморщился.

— Да-да, профессор Гатто, я понимаю... Определённо — что-то не ладится в Хог-

вартсе с должностью преподавателя по защите от Тёмных Искусств. Уже восьмой год сплошная чехарда, с тех пор, как нас покинул профессор Сенсус. Но кто мог предусмотреть? Шармбатон дал профессору превосходные рекомендации, его публикации в “Тенденциях современного мракоборства” весьма занимательны и интересны — не могли же мы принимать решение об отказе в приёме на работу, опираясь только на слухи...

Я хмыкнул, вспомнив величавую поступь и статью мадам Максим. Кажется, их отношения с Дамблдором во время Трёмудрого Турнира не очень-то сложились. С её стороны это была маленькая, эффектная и очень женская месть.

— И всё же, я позволю себе вернуться к вашим чувствам к мисс Грейнджер...

— Профессор, я не нарушил ни единого школьного правила. Хотя одному Богу известно, чего мне это стоило, — негодование и отчаяние переполняли меня, я не мог сдержаться. — Газетчики и их внештатные корреспонденты, которых полно и в школе, следят за каждым моим шагом: оступись я, это бы немедленно появилось и на страницах вашего Пророка, и на страницах Квиддич-экспресса. Да, история с моим неудачным отравлением имела огласку, но я сделал всё, чтобы имя мисс Грейнджер не упоминалось. Равно как и имя Поттера.

— Я очень ценю ваше беспокойство о наших студентах и чести школы.

— Так разрешите мне хотя бы в глубине души оставаться самим собой, не отнимайте у меня права любить. Директор, поверьте — я не заслужил ни единого из обвинений, которые вы готовы мне несправедливо предъявить...

— Виктор... — он произнёс это так мягко, что я оторвал глаза от полированной поверхности огромного стола и потрясённо взглянул на него. Я ожидал увидеть на старческом лице что угодно — раздражение, гнев, готовность спорить и отстаивать свою точку зрения, но... Но в его глазах была только печаль. — Позволь мне сказать тебе несколько слов, мальчик... — я всегда ненавидел подобное обращение, но тут из меня, словно, выдернули пробку: плечи сами собой поникли, слова отповеди застряли в горле, и я покорно кивнул. — Я давно наблюдаю за тобой. Ещё с прошлого года, когда ваша делегация прибыла в Хогвартс. Ты талантлив во всём, за что берёшься, мальчик. Тебе много дано: ты можешь стать великим спортсменом. Великим учёным. Великим магом. Светлым. Или... — он помедлил и накрыл мою руку своей — пергаментной, сухой, но излучающей невероятную силу ладонью, — тёмным. Или не стать никем. Отказаться от всего, что можешь достичь. Всё, что ты имеешь, и чего мог бы добиться, ты положил к ногам девочки, которая... — он замолчал. Я сидел, затаив дыхание, и слышал, как гулко пульсирует в ушах кровь. Дамблдор вздохнул и, когда снова заговорил, голос его был полон сочувствия, — которая не любит и никогда не полюбит тебя...

— Это неправда, — прошептал я, сам не зная, какое затмение на меня нашло, но остановиться уже не мог. — Она просто не хочет скомпрометировать ни себя, ни меня. Она любит меня или... или полюбит. Она обязательно полюбит... Ведь я... — мои руки затряслись, горло свело, и я умолк, чувствуя, как лицо судорожно дёргается, и трясутся губы. Я не знал, что со мной происходит, но от доброго и, в то же время, беспощадно-проникновенного взгляда печального старика, сидящего напротив меня, появилось сильное желание разрыдаться. Грудь давило изнутри, казалось, что меня вот-вот разорвёт от боли. Больше всего хотелось облегчить душу, рассказав о преследующих меня странных кошмарах, о мучительных видениях, не дающих покоя ни днём, ни ночью. О страшных предчувствиях, о постоянном страхе за неё... Но едва эта мысль коснулась разума, как мрачный и холодный внутренний голос — наверное, гордость или что-то в этом же роде — приказал не уподобляться слюнтяям, готовым разрыдаться на плече первого, кто сказал им ласковое слово. Я

взял себя в руки и замолчал.

— Виктор, — Дамблдор поднялся, подошёл ко мне и положил руку на плечо. Это был удивительно родственный жест — так в детстве касались меня сёстры, так я сам успокаивал рыдающих племянников, так до сих пор делала мать, когда видела, что со мной что-то не в порядке, — знаешь, как бы я поступил на твоём месте? Я бы уехал. Студентам мы всё объясним, сообщим, что дело в поправке здоровья перед приближающимися отборочными матчами. Никто не осудит тебя и уж, тем более, не упрекнёт в трусости. Ты — национальное достояние, гордость мирового квиддича... ради чего ты хочешь уничтожить себя? Да-да, — кивнул Дамблдор, почувствовав, как я дёрнулся от его слов, — ведь то, что ты с собой делаешь, называется именно так... Ради чего ты продаешь свою душу, уничтожаешь себя, летишь в бездну?

— Я люблю её, — одними губами прошептал я. — Я боюсь за неё.

— Мы сможем позаботиться о ней.

— Нет, — перед глазами всё плыло — то ли от напряжения, то ли от слёз. — Можно... я пойду, директор? Мне нужно ещё собраться — поезд вечером...

Дамблдор устало кивнул и перевёл взгляд на затрепыхавшегося на жёрдочке феникса.

— Любовь — странное чувство... Оно может вознести тебя в небеса, а может низвергнуть в адские глубины, — донеслось до меня, когда я подходил к дверям. — И если мисс Грейнджер действительно что-то угрожает, то, боюсь, причина кроется именно в вас. Создателю дороги ваши намерения, но не дела... — Впрочем, за последние фразы ручаться не могу, возможно, они прозвучали лишь в моём воспалённом воображении.

* * *

Гермиона критически оглядела стопку книжек на столе и решительно выбрала одну. Пожалуй, в Трёх мётлах она полистает учебник по Заклинаниям — на ближайшем уроке Флитвик пообещал устроить серьёзное практическое занятие, совсем не мешает освежить полученные знания.

В дверь кто-то постучал.

— Войдите, — не глядя, откликнулась Гермиона и потянулась за тёплым шерстяным плащом. Повернувшись к гостю, она похолодела: в дверях, нервно теребя край мантии и явно не зная, куда девать руки, совершенно непохожий на себя самого — спокойного, уверенного, непроницаемого — стоял Виктор Крум. — Профессор? — удивлённо ахнула она и замерла.

Он дрогнул, будто от удара, и совершенно спокойным, так не вяжущимся с его нервозностью голосом спросил:

— Могу я войти, мисс Грейнджер?

— Но... вы же знаете, что это нарушение правил... А как вы попали в гриффиндорскую гостиную?

— Меня впустили второкурсники. Так я могу войти?

— Может, лучше будет, если мы поговорим в коридоре? — Гермиона понимала, что настаивать, наверное, невежливо, но его вид откровенно пугал.

— Хорошо, — он шагнул назад и, пройдя немного по коридору, остановился у окна. Она вышла из комнаты, взмахнув палочкой, заперла дверь и медленно двинулась к нему. В коридоре было совершенно безлюдно. Сквозь окно сочился хилый ноябрьский день. — Гермиона... Я уезжаю.

Она с трудом удержала в себе вздох облегчения и едва открыла рот, как он продолжил:

— Ненадолго: предстоит две игры, несколько тренировок... Я вернусь через де-

сять дней, — он стоял, пытливно глядя ей в лицо и стараясь поймать её взгляд. — Я не мог уехать, не попрощавшись с тобой.

— Счастливой дороги... Виктор. Береги себя, — выдохнула она. — Значит, ты решил остаться? Сегодня во время обеда Малфой говорил, что в Министерство пришла нота протеста в связи с... — она замялась. — В общем, говорили, что ты думаешь уехать из Хогвартса и вернуться в Болгарию. Я слышала — не знаю, может, это только слухи, — тебе предложили место в Отделе Внешних Сношений вашего Министерства Магии...

— Это не слухи. Но я остаюсь. Хотя это не избавляет меня от обязательств перед моим клубом и сборной. Поезд сегодня вечером, в шесть.

— Счастливой дороги, — умирая от неловкости, повторила она. *Мерлин, а если кто-нибудь сейчас пойдёт по коридору?* — Возвращайся, тебя все будут ждать.

— А ты? — он взял её за руку, и она обмерла от страха.

— Конечно, и я тоже, — она потрясла руку Крума в дружеском рукопожатии и осторожно вытащила пальцы из его хватки. — Э... А ты заедешь домой?

— Вряд ли. Хотя, возможно, у меня и будет свободная минутка. А что?

— Нет-нет, ничего. Передавай привет всем — сёстрам, госпоже Лее, племянникам... Стане... и этому... Младену, — Гермиона выдавила из себя улыбку.

— Стану я точно не увижу: она сейчас в школе и появится дома только на Рождество, — машинально откликнулся он и снова попробовал взять Гермиону за руку. Но она, скорее предугадав, чем увидев его жест, начала торопливо что-то искать в карманах. — Ты носишь его? — внезапно спросил он, и она оторопело замерла. — Кулон, что я подарил тебе, когда ты возвращалась в Англию?

— Ах, кулон... Да, — чуть удивлённо кивнула она, сунула руку за воротник и вытянула тускло блеснувшую половинку сердечка на тонкой цепочке.

— Хорошо, — с облегчением выдохнул он и, слабо улыбнувшись, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Через миг на его ладони лежал брат-близнец кулона Гермионы. — Не снимай его, пока меня не будет, ладно? Пообещай, что не будешь его снимать, — он пригнулся, стараясь поймать её взгляд.

Она торопливо закивала и фальшиво улыбнулась:

— Совсем забыла, мне надо кое-что взять из комнаты... Прости...

— Я подожду?

— Нет-нет, не надо... на это может потребоваться время, не надо. Всего доброго, Виктор... — в это время дверь в коридор распахнулась. Одетая в тёплый зимний плащ и замотанная полосатым гриффиндорским шарфом по самые глаза из комнаты четвёртого курса вышла Джинни. — Да-да, спасибо, профессор, — официальным тоном громко произнесла Гермиона, — благодарю, что вы принесли мне эту книгу. Я так долго её искала... непременно изучу на досуге. Удачной вам игры.

Крум кивнул. Его лицо стало непроницаемым, только в глазах светился тусклый огонёк страха и боли.

— Всего доброго, мисс Грейнджер, мисс Уизли...

— До свидания, профессор, — растерянно произнесла Джинни, провожая его взглядом. — Гермиона, ты идёшь в Хогсмид?

— Да-да, я пойду. Чуть попозже, увидимся в Трёх мётлах.

Джинни кивнула в ответ на её прощальный взмах рукой и заторопилась вниз. Гермиона присела на подоконник и взглянула в окно. Её захлестнули противоречивые чувства: боль, радость, вина, стыд. Но главным было облегчение.

* * *

Трейси и её подруга Дженнифер мрачно полировали таблички в Трофейном Зале. Филч ухитрился изловить их, когда они, заблудившись в бесконечных лестницах и

переходах, забрели на седьмой этаж, куда вход первокурсникам был категорически запрещён.

— Хорошо бы успеть до пира, — пробурчала пухлощёкая Дженнифер, придиричливо изучая свою работу и снова берясь за тряпку и полировочную жидкость. — А то ужасно хочется есть...

— У меня кекс в кармане, — с готовностью предложила Трейси, — правда, он немного засох... да и руки у нас воняют этой гадостью...

— Всё равно давай, у меня от голода уже в животе бурчит. Сейчас только полчетвёртого, до пира я просто умру...

У дверей Трофейного Зала кто-то остановился, девочки притихли и насторожились.

— Как жаль, что нам не удастся на это полюбоваться, — голос принадлежал первокурснику Слизерина, Джорджу Кенту. На Зельях он сидел позади Трейси и периодически дёргал её за волосы, а однажды сунул ей за шиворот живую жабу. Трейси посмотрела на Дженнифер и скорчила рожу. — Драко сказал, что сегодня он за всё с ней посчитается...

— А он не боится? Ну, она всё-таки — староста Гриффиндора... — обладателем второго голоса был Дерек, товарищ и сосед Джорджа по парте и неменьший обожатель Драко Малфоя. Он даже пытался произносить слова так же, как кумир — лениво и нараспев. — Она и так сняла с него столько баллов...

— А чего ему бояться, — в голосе Джорджа прозвучало превосходство: судя по всему, он знал что-то, неизвестное Дереку, и явно этим гордился. — Он сказал мне по секрету, что потом использует Заклятье Памяти... Ну, так ты пойдёшь? Я покажу тебе специальный приз Тома Реддла... Того-Кого-Нельзя-Называть...

Трейси с ужасом опустила глаза к табличке, которую полировала, и жестом показала Дженнифер, что речь идет именно о ней. Быстро сунув её в витрину, девочки на цыпочках метнулись к окну и спрятались за тяжёлую портьеру.

Дверь заскрипела, раздались шаги.

— Фу, как тут воняет... Вон же, гляди...

— И только-то?

— А ты что хотел? Большой золотой щит с чеканкой?... Ладно, пойдём отсюда, у меня аллергия на сильные запахи, — Джордж чихнул и заторопился к выходу. — Удивительно, что они, вообще, оставили на виду эту табличку... Кстати, мне Драко сказал, что где-то тут есть и кубок этой грязнокровки. Вот бы найти и выбросить, а то позорят школьные стены... — он опять чихнул. — Слушай, давай быстрее, а то у меня уже глаза чешутся...

Дверь снова заскрипела, шаги и чихание стихли, и первоклассницы выскользнули из-за портьеры. Обе были в пыли и паутине. Переглянувшись, они, слова не говоря, стремглав бросились к выходу, побросав тряпки на пол и сбив полироль.

* * *

Гарри с Роном вполне могли считать сегодняшнюю вылазку в подземелье удачной: в четыре руки дело пошло куда живее, и вместо полутора метров, о которых Гарри мечтал, они прошли все десять — завал оказался небольшим и несложным, с использованием Уменьшающего Заклятья они его быстро и осторожно расчистили. Рон, правда, постоянно присматривался, опасаясь пауков и пару раз дёргался: ему всё время мерещились в полутьме мохнатые восьминогие твари. Второй завал оказался посерьёзней; им удалось разобрать в нём лаз, сквозь который, хоть и с трудом, можно было протиснуться дальше, но на этом силы иссякли. Работать в душном и узком туннеле с непривычки оказалось тяжеловато, часа через полтора измотанные юноши решили отдохнуть, прийти в себя и продолжить после праздничного

пира.

Осторожно выскользнув в безлюдный слизеринский коридор, они накрылись мантией-невидимкой и вдоль стенки медленно двинулись к гриффиндорской башне. Мантия для двоих была уже маловата (*а ведь когда-то мы запросто помешались под ней втроём*), поэтому приходилось прижиматься к друг другу (*Не щекочись, извращенец!* — хихикнул Рон, дёрнулся и наступил Гарри на ногу. Тот взвыл и чувствительно пнул Рона в лодыжку). К счастью, до лестницы из подземелий было не так и далеко; выбравшись в коридор, ведущий к Большому залу, они с облегчением скинули мантию.

— Ну, в гостиную? — спросил Гарри.

— Не, погоди: давай зайдём в библиотеку: мадам Пинс обещала подобрать для меня кое-что. Не ладится у меня с Трансфигурацией, — Рон расстроено развёл руками. — Может, сегодня перед сном посижу, полистаю... Циклические превращения — явно не моя стихия.

— Да уж, — согласился Гарри. — Смотри, если надо, я могу вечером поработать и один — основное мы уже сделали, а у тебя столько хвостов...

— Слушай, Гарри, роль заботливой тётушки тебе, определённо, не идёт, — фыркнул Рон и, взглянув на своё отражение в пыльном окне, начал торопливо отряхиваться. — Чёрт, у нас обоих такой вид, словно мы извалялись во всех каминах Лондона. Посмотри на себя — у тебя даже волосы серые. И на физиономии чёрные разводы.

В библиотеке было сумрачно и полупустынно. За тёмными столами прилежно корпели младшекурсники и несколько выпускников — в том числе и капитан Равенкло, Крис Дэйвис, с которым у Рона в начале осени состоялась памятная дуэль. Едва завидев Уизли и Поттера, он оторвался от разложенных перед ним книг и свитков, некоторое время сидел, не сводя с гриффиндорцев глаз и о чём-то сосредоточенно размышляя, потом резко поднялся и двинулся к Рону.

— Эй, Уизли, можно тебя на минутку?

Напрягшись и явно преодолевая внутреннее сопротивление, Рон шагнул ему навстречу. Они отошли к дальнему книжному шкафу, забитому какой-то многотомной энциклопедией с одинаковыми зелёными корешками. Гарри старался не прислушиваться, но до него долетели обрывки разговора:

— Я хотел извиниться перед тобой — ну, за дуэль и прочее... — Дэйвис хмурился. Ему было явно непросто подбирать слова. — Кто знал, что она окажется такой лицемерной стервой... В общем... — капитан Равенкло протянул Рону широкую ладонь.

Кивнув, Рон молча пожал её и вернулся к Гарри, меланхолично изучающему стеллаж с табличкой, гласящей, что здесь собрана литература по магической истории. Он уже почти наизусть знал его содержимое, но всё равно, попадая в библиотеку, каждый раз старательно смотрел, не появилось ли на полках что-нибудь новое. Это уже стало чем-то вроде ритуала. Внимание Гарри привлекла тоненькая брошюрка, он вытащил и наспех просмотрел первые страницы — определённо, там вполне могло бы оказаться нечто любопытное...

Мадам Пинс критически оглядела пыльных и чумазных, не смотря на все старания, юношей и протянула Рону растрёпанный журнал.

— То, что вы просили, мистер Уизли. Кстати, мистер Поттер, вас искали первокурсники вашего факультета, — сообщила она, отмечая в формуляре Гарри взятую им брошюрку. — По-моему, вы им были очень нужны: они уже дважды сюда наведывались, — губы библиотекари недовольно изогнулись, словно за беспокойство и суету был ответственен лично Гарри.

— Значит, найдут, если нужен, — равнодушно пожал он плечами и в очередной раз

подумал о том, через кого можно было бы добыть фолиант по рукотворным монстрам XX века.

Едва мальчишки вошли в гостиную, как к ним подлетел Кевин:

— Рон, Гарри, Дженнифер и Трейси уже с ног сбились, разыскивая вас! У них что-то ужасно важное! — затараторил он.

Опешив, Гарри смотрел на первокурсника, плохо понимая, о ком идёт речь и причём тут они с Роном.

— Это связано с Гермией, — понизив голос, пояснил Кевин. Его лицо от волнения горело. — Они говорили, что слизеринцы во главе с Малфоем надумали её прочесть...

Не дослушав, Гарри выхватил палочку.

— Как, говоришь, зовут тех, кто меня искал?

— Трейси Алесини и Дженнифер Грин, — непонимающе повторил Кевин, — а что это ты собрался...

— Ассіо Трейси Алесини! — воскликнул Гарри и через миг, задышавшись и путаясь в полах мантии, в гостиную задом наперёд ввалилась растрёпанная первокурсница.

— Вот это да! Целых два этажа! — восхищённо ахнула она, но тут же, увидев Гарри, вцепилась ему в рукав и потащила в угол. — Гарри, где же тебя носит: мы уже битый час мечемся по школе, всех на уши поставили...

— Мы заметили, давай к делу, — бесцеремонно перебил её Рон.

— Мы сегодня были в Трофейном зале, чистили... в общем, неважно. Туда зашли двое слизеринцев — ну, вы всё равно их не знаете... Словом, мы слышали, что Малфой задумал какую-то гадость. Из-за того, что Гермия сняла с их факультета много баллов. А потом, говорят, он хочет стереть ей память... Они громко сокрушались, что не смогут полюбоваться на это зрелище.

— Когда она ушла в Хогсмид? — Гарри схватил девочку за плечи и потрянул так, что та охнула. — Прости. Она говорила, куда собиралась пойти?

— Да, она обещала нам принести пирожных и сливочного пива из Трёх мётел. А мальчишкам — петарды. И ещё — новые перья и пергаменты, — Гарри застонал: придётся обегать все лавки и магазинчики. — А вот во сколько она ушла — я не знаю. Но в три часа она была ещё у себя в комнате, мы заходили к ней перед тем, как...

Но Гарри уже не слушал. Он взглянул на часы: раньше шести они в Хогсмид никак не попадут. И что могло случиться за это время — одному Богу известно.

— Рон, разрешение на выход из школы у тебя с собой?

Тот уже мчался по лестнице вниз, размахивая пропусками и перепрыгивая через две ступеньки. Юноши выбежали из гостиной и рванули к выходу.

* * *

Ноябрь был мокрый и сопливый — во всех отношениях. Но перед Хеллоуином неожиданно подморозило, и земля застыла в ледяном окаменении. Гермия шла полугу, по холодной, ломкой и острой, словно сделанной из тонкой жести, траве. Ветер теребил её за полу мантии и посвистывал в полупрозрачных кустах. Девушку переполняли странные чувства — короткий разговор с Виктором произвёл двойственное впечатление: ей показалось, что он то ли хотел что-то сказать ей, то ли ждал каких-то слов от неё самой... Она была рада, что он уехал, и корила себя за это, но поделаться ничем не могла — в последнее время, даже мимолётно думая о нём, она испытывала жуткие угрызения совести. Про Болгарию, вообще, не могла вспомнить — зажмуриваясь, как от боли, руками и ногами гнала прочь и мысли, и встающие перед глазами картинки.

Глаза Виктора... глаза Гарри... тёмная, тягучая страсть, таящаяся в одних, и отча-

янная мальчишеская искренность, выплёскивающаяся из других...

Чего я добилась? Чего хотела? Где допустила ошибку? Почему всё случилось именно так, а не иначе?

Гермиону снова посетило лёгкое, почти неуловимое ощущение, словно она безвольная пешка в чьей-то хитроумной игре. И всё, что она может увидеть, — лишь соседнее шахматное поле, тогда как опасность кроется впереди, куда её несёт неведомая рука.

Было чуть-чуть страшно. Хотелось петь что-то торжественное и печальное. И почему-то басом. Она открыла, было, рот — петь она любила, но всегда этого стеснялась, — однако тут же отказалась от своих намерений: порыв ветра забил рот её же собственными густыми растрепавшимися волосами.

Окаменевшая тропинка со слюдяными стёклышками замёрзших лужиц петляла между деревьев, Гермiona шла, звонко чеканя шаг по промёрзлой земле. Неожиданно в голове зазвучали рифмованные строчки, поразив её до глубины души: Гермiona не просто никогда не писала стихов, — она даже не читала их, начиная зевать на первой же строфе. И всё же — цепляясь друг за друга, слова, выводимые чьей-то неведомой рукой, сами собой складывались в строки, рисующие какую-то мрачную картинку:

*Внутри же — пустота, усталый мрак,
Как в домино костяшка “пусто-пусто”.
Не узнаёт меня ни друг, ни враг,
Да и с друзьями у меня сейчас негусто.*

*Передо мной — пустынная тропа,
Над ней лечу я, словно привиденье.
Исчезнет плоть — душа давно пуста,
И стану я пугающею тенью...*

Мурашки — то ли от холода, то ли от страха — пробежали между лопаток. Гермiona на зябко поёжилась и вздохнула. Из рта вырывалось вырывалось облачко пара. Зажмурившись, она шепнула:

— *Fumus!* — клубочек пара превратился в сердечко. Гермiona снова на мгновение прикрыла глаза, выдохнула и взмахнула палочкой — вокруг запорхал полупрозрачный белёсый снитч.

...В Хогсмиде былолюдно, наверное, именно из-за этого Гермiona чувствовала себя такой одинокой. Она гуляла, ходила по лавочкам и магазинчикам, перебрываясь ничего не значащими фразами со знакомыми, покупала всякие необходимые мелочи. Наконец, в сумке за спиной заняли своё место перья и несколько связок пергаментов, кульки со сладостями из Сладкого королевства и три хлопушки, которые Кевин упросил купить в Зонко для Хеллоуина. Гермiona отправилась погреться к мадам Розмерте.

Как всегда, в Трёх мётлах было шумно,людно и тепло. Под потолком реяли летучие мыши и светильники в виде оранжевых тыкв. За потемневшими от времени скоблёнными столами с отпечатками кружек и стаканов и полустёршимися надписями и рисунками весёлых студентов (*Слизерин:Равенкло — 220:100 Уррра!* — змея, держащая в зубах снитч; свеженькая Это Снейп — мерзкая физиономия с высунутым языком над бутылкой с надписью “яд” — со свежим же комментарием, написанным знакомым резким убористым почерком *Мисс Морн, 20 очков с Хаффлпаффа!*) галдели, размахивали руками, смеялись студенты, преподаватели, жители Хогсмиды, проезжие и приезжие.

Крепко стиснув под мышкой учебник, Гермиона пробралась в уголок и уселась на тяжёлый деревянный табурет. Она специально хотела устроиться где-нибудь в стороне, подальше от всех. Признаться, её и раньше не очень-то любили, но она не обращала на это внимания: рядом всегда были Гарри и Рон, и их ей вполне хватало, теперь же она чувствовала себя отрезанной от всего мира.

Перед носом мелькнуло белоснежное полотенце, на стол облокотились пухлые, с ямочками на запястьях, ручки: мадам Розмерта спешила принять заказ.

В её сочувственном взгляде Гермиона прочитала: “Такая милая умненькая девочка... Как не повезло. Ох, уж мне эти мальчишки!”

Гермиона попросила две бутылки сливочного пива... нет, четыре (*чуть не забыла, что обещала Трейси!*), тыквенный сок, плюющийся эклер — и уткнулась в толстый фолиант. В конце концов, не сидеть же в одиночестве, с тупой тоской разглядывая остальные столики! Она меланхолично пробегала глазами строчки, и невнимательно прислушивалась к доносящимся до неё обрывкам разговоров.

— ...иерархии демонов?... Три свитка?... Он с ума сошёл...

— Да прекрати, на самом деле, Демонология — это не так уж сложно... смотри, десять архидьяволов соответствуют... прекрати, не надо записывать! Сатана, Вельзевул, Люцифер...

Гермиона наострила уши — точно, свои: она узнала голоса пятикурсников из Хаффлпаффа и Гриффиндора. У востроносенькой белокурой Ханны Эббот был ужасно расстроенный вид, её утешала Парвати Патил.

— Возьми в библиотеке пятый том “Падших ангелов и духов тьмы” и первую часть “Сада демонов” — справишься за пару дней... Мерлин, за что нам такое наказание: как подумаю об этом мерзком Гатто — сразу выть от тоски хочется. Не жалуйся — он всех за коленки хватал... И перестань хныкать, смотри, вот идёт твой Джастин...

Гермиона вздохнула и вернулась к непослушным, не желающим складываться в слова буквам. Она пыталась обмануть себя, говоря, что никого не ждёт, — как бы не так, каждый раз, когда распахивалась дверь, она незаметно (для себя самой, конечно, никто вокруг и так не обращал на неё внимания) косилась на входившего — *нет, это Хагрид... хорошо, что я сижу далеко, он меня не заметил... ужасно не хочется ни с кем говорить.*

Так ли уж и ни с кем? — тут же уел её внутренний голос.

Вот профессор Флитвик... сидит, строчит что-то на пергаменте... толпа горластых третьекурсников... для них всё в новинку, первый поход...

Она вздохнула, вспомнив, как два года назад они с Роном вдвоём сидели здесь за столиком — вот за тем, во втором ряду, где сейчас расселся Драко Малфой со своими прихлебателями...

Словно почувствовав её неприязненный взгляд, Драко, продолжая что-то говорить с благоговейной тупостью внимающим ему Крэббу с Гойлом (интересно, они ему ещё не надоели?), повернулся и презрительно хмыкнул. У Гермионы замерло сердце, когда он вдруг поднялся и пошёл в её сторону.

— А ты сюда что пришла, грязнокровка? Хочешь отравить мне удовольствие от сегодняшнего вечера?

— Да уж не за тем, чтобы любоваться на ваши физиономии, — отрезала Гермиона и уткнулась в учебник, чувствуя, как от злости и страха волосы у неё встают дыбом (она запомнила ощущение встопорщившейся на загривке шерсти, когда, испив Оборотного зелья, превратилась в кошку и от ужаса чуть не упала в обморок прямо в туалетной кабинке).

— Эй, я с тобой разговариваю... — Драко запнулся: проходивший мимо него в этот момент Рон чувствительно задел его плечом и всем видом продемонстрировал, что

этим дело может не закончиться. За спиной Рона с напряжённой улыбкой и злыми глазами маячил Гарри. Гриффиндорцы, несмотря на промозглый день, были красными и вспотевшими, словно только что пробежали марафон. Малфой замялся, потоптался, но счёл за лучшее ретироваться.

Гермиона в ожидании замерла, у неё засосало под ложечкой... Но нет — не снижая темпа, бывшие друзья прошли дальше и уселись за столик к ребятам из Равенкло. Теперь она оказалась к ним спиной и даже повернуться незаметно не могла. Сжавшись, она невидящим взглядом уткнулась в учебник, не чувствуя вкуса, сжевала эклер (*Не ешь меня, противная девчонка!* — возмущённо попискивал тот, брызгаясь кремом), ещё немного посидела, потом, сделав вид, будто ей дуёт от окна, демонстративно поднялась и села лицом к столику с юношами.

Гарри мгновенно вскинул взгляд и мгновенно же отвернулся — это и порадовало (*значит, он не упускал меня из виду*), и огорчило Гермиону: казалось, встретиться они взглядами, он бы обязательно улыбнулся в ответ, и стена молчания и обиды распалась бы в тот же миг. Она бы... *да-да, конечно!* — позвала его жестом, он бы подошёл, сел рядом... Взглянул на учебник, посетовал, что даже сюда она ухитрилась приволочь книги... а потом бы они все вместе пошли домой, мечтая вслух, чтобы скорее закончилась эта холодная сырость и выпал бы снег, — а с ним пришли и рождественские каникулы...

Гермиона почувствовала, что у неё задрожали губы, буквы в книге запрыгали и начали расплываться за пеленой слёз. Она с остервенением вцепилась в остатки эклера и допила своё сливочное пиво.

Сама виновата. И вообще — нечего тебе здесь делать!

С грохотом хлопнув толстенным учебником об стол (все вокруг вздрогнули и удивлённо воззрились на сердитую гриффиндорскую старосту), она решительно поднялась, накинула капюшон, потуже завернулась в мантию и, высоко подняв голову и даже не взглянув напоследок на провожавших её напряжёнными взглядами Поттера и Уизли, направилась к двери.

На улице смеркалось, зажигались оранжевые тыквы-фонари. Колючий и заметно похолодавший ветер совершенно бесстыже укусил её за коленки и накинуд на голову подол мантии. Поёжившись, она закуталась поплотнее и заторопилась вперёд, из Хогсмида до Хогвартса путь был не самый близкий.

Вот раньше, когда они шли втроём, смеясь и шутя... Она вздохнула, сморгнула предательски выползшую слезинку и прибавила шаг.

Взгляни она назад, она бы увидела, что двери Трёх мётел отворились, и из них выскользнула высокая фигура.

Глава двадцать третья, в которой происходит колдовская дуэль, Гермионе приходится лечить Драко Малфоя, а Крум упускает снитч

На полпути Гермиона почувствовала, что коленки замёрзли так, что, наверное, если стукнутся друг об друга, то зазвенят и непременно разобьются. Наклонившись, она потёрла их, пытаясь согреть, выронила книгу, протянула руку, чтобы поднять, и в этот момент услышала чьи-то быстро приближающиеся шаги.

Кто-то с силой ударил её в спину, и, не успев не то, чтобы обернуться, но даже охнуть от боли и неожиданности, она полетела носом вперёд в жёсткую и сухую, словно ненастоящую траву.

Малфой нависал над ней, ещё более высокий сейчас, когда она, ошеломлённо задрав голову, машинально отряхивая ладони и поправляя мантию и юбку, сидела в какой-то замёрзшей луже.

— Попалась, Грейнджер, неустрашимая гриффиндорская староста? — Малфой лениво крутил в руках волшебную палочку. Гермиона дёрнулась было за своей, но его палочка тут же нацелилась ей в грудь, — даже и не думай. Ещё одно движение, и ты об этом здорово пожалеешь, — она покорно замерла, лихорадочно соображая, что же делать. — Ну, что вытаращилась, грязнокровка? Можешь кричать свои “сто баллов со Слизерина” — тут это не сработает. И никто к тебе на помощь не прибежит, хоть оборись. Да и кому ты нужна — вон, даже твои верные телохранители — и те разбежались. Где наш трогательный героический сиротка? А наш рябой оборванец? — губы Малфоя презрительно искривились. Гермиона оторопела от звучащей в его голосе ненависти и тёмного, мрачного торжества. Медленно, но верно, её начал захлёстывать ужас — настоящий ужас, от которого волосы встают дыбом, внутри образуется пустота и начинает бить мелкая дрожь. — Ничего, доберутся и до них, резвиться осталось недолго — скоро раздолье закончится, и найдутся те, кто отправит Поттера его придурочным родителям. Я буду этому только рад. А Уизли самая дорога на свалку — нечего позорить своим видом волшебную кровь! Но что это я всё о них, да о них... — слизеринец дёрнул бровью. Гермиона, которая думала, что страшнее уже быть не может, от этого неуволимого движения впала в настоящую панику. — Я так долго ждал момента, чтобы посчитаться с тобой, ведьма лохматая... Будь уверена, тебе предстоит много интересного... — он наклонился к ней, теперь их лица разделяли какие-то дюймы, его дыхание щекотало ей губы, она чувствовала, что от него пахнет сливочным пивом, морозом и одеколоном, вызывающим ощущение странного холода. — Начнём, пожалуй?..

Договорить он не успел, слова слились в какой-то нечленораздельный вопль: вытаращив глаза, Малфой взлетел в воздух и звонко шмякнулся об землю.

Гарри и Рон стояли плечом к плечу, нацелив на него палочки. Малфой сделал резкое движение, дёрнувшись к своей, лежавшей в футе от его руки...

— Даже и не думай об этом, *Accio!* — и палочка³ взвилась в воздух и послушно приземлилась на ладонь Рона.

Гарри молча подошёл и подал Гермионе руку. Девушка с трудом поднялась — упав, она здорово ушиблась, разорвала колготки и в кровь разбила коленку и ладонь. Её была дрожь от пережитого потрясения.

— Больно? — участливо спросил он, словно бы они не промолчали почти три месяца, а только что расстались в Трёх мётлах.

Она кивнула и, не в силах сдерживать душащие её слезы, ткнулась носом ему в грудь, захлёбываясь от унижения, боли, только что пережитого ужаса и — как ни странно — счастья.

Запах... его запах, — её затрясло от рыданий, она стиснула кулаки, чтобы не плакать в голос, — напряжение, которое не отпускало последние месяцы, ушло, осталась только радость — радость от того, что они снова вместе, что он неловко и нежно похлопывает её по спине и растерянно бормочет какие-то успокоительные слова...

— Ну, Малфой, теперь ты, действительно, попал. Ты у меня сейчас не слизняков жрать будешь!.. — яростное шипение Рона не предвещало ничего хорошего.

— Стой, Рон, — Гарри в последний раз погладил Гермиону по спине и, пробормотав что-то вроде “ну-ну, не плачь, уже всё хорошо...”, отстранил её от себя и подошёл ко всё ещё сидящему в траве с ошалевшим видом Малфоя и возвышавшемуся над ним красному от бешенства Рону, волосы которого стояли дыбом, напоминая разгоревшийся в осенних сумерках костёр. — Я вызываю тебя, Малфой. Вызываю при свидетелях, прямо сейчас. И если ты не трус и способен сам ответить за свои поступки, ты будешь драться со мной на дуэли. Немедленно. Здесь.

Лицо Малфоя дрогнуло — то ли от испуга, то ли от недоумения; с ленивой грацией он поднялся с земли, неторопливо отряхнулся и прищурился:

— Тогда мне нужен секундант. Не будет же им этот рыжий придурок или твоя грязнокровка... — нараспев протянул он, брезгливо сморщив нос.

Спокойно, спокойно... — кулаки Гарри сжались, он был готов броситься на слизеринца и придушить голыми руками... — Он просто меня провоцирует...

— То есть ты трусишь, и без своих телохранителей не способен ни на что? — так же прищурившись, в тон ему уточнил Гарри.

Драко побелел ещё больше, тонкие ноздри раздулись от ярости.

— Хорошо, я принимаю вызов. Но у меня нет палочки — не будешь же ты нападать на безоружного. Великий Поттер не может себе этого позволить, — он уже совершенно пришёл в себя и теперь кривил губы в саркастической ухмылке.

Рон заколебался, взглянул на палочку Малфоя, потом на Гарри — бледного и решительного:

— Ладно. Но только посмей сделать что-то не по правилам. Я наплюю на дуэльный кодекс и превращу тебя в мясную лапшу.

— Как аппетитно, — перевёл на него надменно-презрительный взгляд слизеринец. — Сразу видно, что в детстве тебе приходилось недоедать, и кормили тебя всякими объедками.

Гермиона подошла поближе, держа свою палочку за спиной. Ей было по-настоящему страшно: сейчас может произойти (а зная Драко Малфоя, можно было утверждать это почти наверняка) что-то совершенно ужасное. Но, взглянув на мрачных юношей, от которых шла волна ярости и гнева, она поняла, что лучше не вступать. В такие минуты рассерженные маги превращают всё, что им мешает, во что-нибудь безмолвное. И малоподвижное. Например, в черепаху. Или в камень. Девушка просто стояла и ждала. В груди стало пусто-пусто, сердце гулко стучало, как часы в огромном безлюдном доме...

Рон, всё ещё крепко держа в руке обе палочки, отмерил дюжину шагов. Замявшись, он вопросительно взглянул на Гарри.

Тот встал на своё место и кивнул.

— На счет “три”, Малфой, и если ты ещё раз попробуешь сыграть не по правилам, клянусь, ты об этом пожалеешь.

Рон кинул Драко палочку, тот поймал её, и его губы растянулись в не предвещавшей ничего хорошего улыбке.

— Раз... — начал отсчёт Рон.

У Гермионы засосало под ложечкой.

Драко вскинул палочку в издевательском приветствии и встал в позицию.

— В любом случае, Поттер, я останусь в выигрыше: я один против вас троих.

— Ты один против меня, Малфой, — Гарри вскинул руку в салюте и тоже встал в боевую стойку.

— Да, но кто этому поверит? — дёрнул бровями слизеринец.

— Два... Я тебе схитрю, Малфой... — пригрозил Рон.

Гермиона прикусила губу. В голых кустах уныло пел ветер, хрустя одиноким бурым листом.

— А кто поверит тебе, зная, кто ты есть? — ветер откинул волосы Гарри назад. В сумерках лицо казалось бледным пятном, на скулах алел лихорадочный румянец.

Малфой не ответил, он сосредоточенно о чём-то размышлял.

Гермионе перестало хватать воздуха.

— Три!

Не успел Рон закрыть рта, как одновременно раздались два заклинания:

— *Igneus pulsus!*

— *Incutio cervix!*

Палочка Гарри полыхнула оранжевый вспышкой. Из палочки Драко вырвался огненный шар и взорвался, ударив Гарри в грудь. Перекувырнувшись, гриффиндорец отлетел назад и бесформенной кучей рухнул на землю.

Гермиона взвизгнула и кинулась к нему — Гарри был весь в крови, копоти и саже. Мантия и рубашка на груди превратились в окровавленные лохмотья.

— Больно дышать... Кажется... ребро... сломано... — еле шевеля губами, прошептал он. Из уголка рта на подбородок потекла тёмная густая струйка крови.

— Да я его сейчас убью! — взвыл Рон, метнулся в сторону Драко и замер.

Гермиона повернула голову: Рон с недоумевающим видом, так не сочетавшимся с этим воинственным воплем, стоял над лежащим на земле Малфоем.

— Что с ним? — крикнула Гермиона, не в силах отойти от Гарри, который слабел на глазах.

— Не знаю... — развёл руками Рон и попинал Малфоя носком ботинка в бок. — Я только видел, как в него ударило заклятье Гарри — вспышка, и он улетел сюда... Он без сознания, но целый. Пока, — Рон ещё раз пнул Малфоя в бок. — И дышит. Кажется...

— Их надо немедленно отправить к мадам Помфри, — в напряжённые моменты Гермиона начинала очень быстро соображать. — Рон, прекрати его пинать и отойди. Вдруг у него повреждены внутренние органы!

— Я ему сейчас и наружные тоже поврежу! — мстительно пробурчал Рон, но отодвинулся. — Что с Гарри?

Она махнула палочкой в сторону Драко.

— *Mobilicorpus!*

Тело Драко безвольно заколыхалось в воздухе. Гермиона снова повернулась к Гарри. Глаза юноши потускнели, дыхание было частым и поверхностным. На лбу, кажущемся мертвенно-бледным в сгущавшихся сумерках, поблёскивали бисеринки пота. Холодный ветер трепал чёрные волосы. Она машинально потянулась за платком, чтобы обтереть ему лицо, но лишь размазала тёмную кровь по подбородку. Гарри застонал и прикусил губу.

Ей стало по-настоящему страшно.

... Нельзя, сейчас бояться нельзя: ему необходима срочная помощь. Я должна это сделать.

— Рон, нам нужны носилки. Мы не должны его поднимать, мне кажется, это опасно. Возможно, задето лёгкое...

— Чему вас там учат на Первой помощи?.. — растерянно спросил Рон. Он смотрел на распростёртое на сухой каменной земле окровавленное тело друга и бледнел на глазах.

— Нас этому ещё не учили, — отрезала Гермиона. — *Ferculum!*

Через мгновение процессия уже направлялась в замок: Рон пинками гнал вперёд покачивающегося над травой Малфоя, похожего на неплотно набитую ватой тряпичную куклу, а Гермиона вела за собой плывущие невиданной лодкой носилки, на которых всё тише и тише постанывал впадающий в забытье Гарри.

* * *

Мадам Помфри взмахнула палочкой, и дверцы старого шкафа со скрипом закрылись. Раздался металлический лязг задвижки. Удовлетворённым взглядом окинув лазарет, она погасила свечи. Дыхание Хеллоуина чувствовалось и в этом не самом праздничном месте: из больших тыкв-ночник под потолком лился приглушённый свет, придавая строгим рядам белых кроватей (сейчас пустовавших, к большой про-

фессиональной гордости мадам Помфри) уютный и очень домашний вид. Кокетливо поправив белоснежную наколочку в волосах, мадам Помфри посмотрела на часы: кажется, она слегка опаздывает. А она этого очень не любила и была пунктуальна во всём, не зависимо от того, касалось ли это сезонных профилактических мероприятий или же сегодняшнего праздничного пира.

“Сегодня вы опаздываете, а завтра перепутаете Слабительное Зелье по Снотворным!” — с этой фразы начались занятия по Первой Магической Помощи, которые она вела у старшекурсниц.

Запирая двери лазарета, медсестра услышала какой-то странный шум и заторопилась вниз. Картина, представшая перед её глазами, была поистине душераздирающей: иссиня-бледные от ужаса и холода пятикурсники Рон Уизли (*успокоительное, и немедленно!* — профессионально определила мадам Помфри) и Гермиона Грейнджер (*тут будет достаточно горячего питья...*) сопровождали...

За свою долгую работу в школе мадам Помфри повидала многое, но от увиденной картины у неё похолодело в груди. Одного взгляда на покачивающиеся в воздухе носилки с Гарри Поттером и на зависшего в воздухе бесчувственного Драко Малфоя было достаточно, чтобы понять, кем стоит заняться в первую очередь.

Через миг лазарет был залит ярким светом, шкаф с пилюлями, зельями и порошками распахнут, в воздухе хороводом кружились бинты, вата, блестящие инструменты, порошки...

— Мисс Грейнджер, мистер Уизли, выпейте вот это и возьмите себя в руки. Мне будет нужна ваша помощь, — скомандовала мадам Помфри, и в посиневшие от холода руки ребят влетели дымящиеся кружки. — Быстро: что произошло.

— Дуэль, — лаконично ответил Рон, клацая об край кружки зубами.

— Заклинания? — медсестра взмахами палочки откинула одеяла с двух кроватей в разных концах лазарета.

— *Ignes pulsus* и *Incutio cervix*, — Гермиона поставила уже пустую кружку на тумбочку и, розовея на глазах, начала переодеваться в хрустящий крахмальный халат, белым лебедем опустившийся на плечи.

Лицо мадам Помфри посерьёзнело.

— Мисс Грейнджер, займитесь мистером Малфоем. Там, скорее всего, сотрясение мозга. Проведите диагностику и окажите первую помощь. Мистер Уизли, помогите мне переложить Гарри на кровать. Действуйте очень осторожно. Возможно, у него перелом рёбер и задето лёгкое. Это наиболее часто встречающееся последствие заклинания, применённого мистером Малфоем... На счёт “три”.

Побледнев, Рон дрожащей рукой поднял палочку, и совместными усилиями они осторожно опустили окровавленного и бледного Гарри на белоснежные простыни. На их фоне его лицо казалось серым.

С металлическим звуком задвинулась ширма.

В руках мадам Помфри сверкнул нож, и Рон, охнув, опустился на ближайший стул.

— Ну же, мистер Уизли! Держите нож! Режьте!

— Что резать? — губы Рона даже не дрожали, а прыгали от страха. — Я... я крови боюсь...

— О, Мерлин... Режьте одежду! Его надо раздеть!

Вжик-вжик — и то, что осталось от рубашки Гарри, упало на пол. Рон дрожащими руками взялся за штанины, и через миг брюки Гарри лежали на полу кучей тряпья.

Сейчас, взглянув на полуобнажённого, окровавленного и совершенно беспомощного друга, распростёршегося на больничной койке, Рон испытал страх, отчаяние и внезапно накатившую злость. Неужели именно так всё и заканчивается — тряпичное, испачканное кровью тело на неприятно-белоснежных простынях, неестествен-

но неподвижное лицо, синие губы и испарина на лбу? Рон невольно потянулся и тронул Гарри за руку. Та была прохладной и мягкой. Безвольно, равнодушно мягкой.

Рон прикусил губу. В голову полезли дурацкие мысли — первая встреча с Гарри. Первые слова. Первые ссоры. Первые примирения. Первые приключения... Рон почувствовал, что на глаза наворачиваются слёзы, и сердито заморгал.

Лицо мадам Помфри было на редкость серьёзным. Она колдовала над Гарри, шепча какие-то не очень понятные Рону слова, из которых он уловил, что дела у друга неважные:

— Переохлаждение... Закрытый пневмоторакс... Перелом рёбер... ранение лёгкого острыми обломками. Необходима плевральная пункция... *Accio* согревающее одеяло! Мистер Уизли, ступайте, помогите мисс Грейнджер с мистером Малфоем. И никакой самостоятельности! — она предупреждающе сверкнула глазами, снова взмахнула палочкой и склонилась над Гарри. Из шкафа журавлиным клином к ней полетели блестящие инструменты, от одного вида которых Рону стало дурно. Он непроизвольно попятился.

— Мадам Помфри, — срывающимся голосом спросил он напоследок, — это очень опасно?

— Достаточно, — не поднимая головы, ответила фельдшерица. — Не волнуйтесь, с Гарри всё будет в порядке. Думаю, к концу недели он уже будет на ногах. Хорошо, что вы сообразили с носилками: его нельзя было поднимать — вы могли повредить внутренние органы.

— Это Гермиона, — зачем-то уточнил Рон.

— Я знаю. Ступайте, — в руках мадам Помфри оказалась длинная игла кошмарного вида, и Рон торопливо выскользнул из-за ширмы. — *Aether!* — донеслось до него из-за белоснежных занавесок, и тут же резко запахло эфиром.

Над Малфоем, распластанным на кровати в углу, склонилась Гермиона. Вид у неё был сосредоточенный и очень ответственный, словно она сдавала экзамен. Рон с неудовольствием отметил, что с раздеванием Малфоя девушка справилась самостоятельно: мысль о том, что ей пришлось трогать этого белобрысого слизняка, едва не убившего их лучшего друга, была отвратительна.

Сейчас, укрытый по пояс согревающим одеялом, Малфой казался беззащитным и абсолютно невредимым, будто просто спал. Почему-то от этого Рон взбесился.

— Ну, что с этим придурком? — негромко спросил он и с удовольствием вытер ноги о чёрную бархатную мантию слизеринца, валяющуюся на полу.

Гермиона не ответила. Засветив кончик волшебной палочки, она, приподняла веки Драко и направила лучик ему в зрачки, потом посчитала пульс, держа за запястье, затем выслушала при помощи длинной деревянной трубки — словом, по мнению Рона, делала совершенно неприличные вещи. А уж когда она стала осторожно трогать юноше шею, Рон не смог сдержаться:

— Прекрати его щупать! — возмутился он. — Видел бы это Гарри!..

— Рон, перестань! Мне нужно исследовать ригидность мышц затылка для выявления субарахноидального кровоизлияния, — Гермиона даже не повернула голову. — Что с Гарри?

— Мадам Помфри говорит, что он выкарабкается, — Рон постарался придать своему голосу безмятежное звучание. — Но, вообще-то, сейчас не очень — она говорила про какой-то... пневмо... торкас, что ли...

— Пневмоторакс? — Гермиона продолжала какие-то манипуляции над бесчувственным слизеринцем, но Рон увидел, как на ресницах блеснули слёзы. Когда она заговорила, голос дрожал. — Она делает пункцию?

— Не знаю. Вроде, что-то делает. Там к ней налетела целая куча всяких железяк...

А что это такое?..

— Ничего хорошего, — Гермiona прикусила губу, в её взгляде, устремлённом на слизеринца, неожиданно вспыхнула ярость. — Как же я тебя ненавижу, Малфой! — прошипела она, пальцем ткнув Драко в бледную грудь. — Ну, погоди, вся школа узнает, что ты носишь трусы с гербом Слизерина на самом интересном месте!

— Мисс Грейнджер! — позвала из-за ширмы мадам Помфри, и Гермiona опрометью бросилась к импровизированной операционной.

— Рон, надень на него пижаму, ладно? — бросила она.

В глазах Рон вспыхнул недобрый огонёк.

— Пижаму, говоришь? Непременно! Так-так, и что у нас тут...

Когда Гермiona вернулась, на Драко была доверху застёгнутая больничная пижама в синюю полоску. Рон с невинным видом сидел на стуле рядом.

— Что Гарри?

— Всё в порядке. Уже в порядке... — Гермiona улыбнулась — устало, вяло.

Налив в стакан из большой тёмной бутылки какого-то зелья, она раздвинула Малфоя губы и осторожно влила жидкость в рот. Слизеринец закашлялся и приоткрыл глаза. Некоторое время он беспомощно моргал, потом, присмотревшись, простонал:

— Грейнджер?.. Уизли?.. Какого чёрта? Где я? — неожиданно он схватился за горло и свесился с кровати. — Ты меня отравила? Меня тошнит... О... лучше б я умер вчера...

— Не сомневаюсь, — сквозь зубы прошипел Рон и, усмехнувшись, добавил, — посмотрим, что ты скажешь завтра...

— Кстати, Малфой, — произнесла Гермiona холодным тоном, в котором Рон не без удовольствия услышал злорадные нотки, — когда тебя в следующий раз вырвет, постарайся не попасть на свою мантию. Бархат плохо отстирывается. Пойдём, Рон. Завтра Гарри уже можно будет навестить.

* * *

Большой зал напоминал разгоревшийся в ночи пожар. Оранжевые огоньки заливали его радостным светом: они плавали в воздухе, таинственно моргали в огромных тыквах (Хагрид, скромно потупив глаза, с явным удовольствием принимал поздравления учителей), переливались на столах, запутывались в мантиях. Блез Забини, наловив несколько штук, прицепила их к волосам и сразу же стала похожа на устроившуюся за слизеринским столом рождественскую ёлку.

Под потолком, усыпанным звёздами, реяли сонмы летучих мышей; привидения, нарядившись по случаю Хеллоуина в торжественные одеяния, празднично серебрились.

Всеобщее возбуждение достигло пика в момент, когда Дамблдор, высокий колпак которого был увенчан целой пригоршней оранжевого света, взмахнул руками, и столы просели под тяжестью блюд, ваз, тарелок. Среди студентов ходили слухи, что после пира будут танцы; кто-то даже клялся, что видел прибытие в Хогвартс "Безумных гоблинов".

Но несколько человек в Зале буквально не находили себе места от беспокойства, и, как ни странно, в подавляющем большинстве это были слизеринцы: Джордж Кент и Дерек Барнетт — первокурсники из свиты Малфоя, растерянные Крэбб и Гойл, так и не сумевшие обнаружить своего предводителя ни в Хогсмиде, ни в Хогвартсе, ни по дороге, а также Пенси Паркинсон, уже трижды бегавшая в слизеринскую гостиную на поиски Драко и теперь смотревшая на пустое место напротив с отчаянием и тоской.

За столом Гриффиндора царило радостное оживление. На уголке, у самых дверей, шушукались взволнованные Трейси, Кевин и Дженнифер, которые никак не могли

решить, рассказать кому-нибудь про слизеринский заговор и Гарри с Роном, победивших на выручку Гермионе, или же подождать ещё чуть-чуть. И если рассказать, то кому. Остальных гриффиндорцев отсутствие неразлучной когда-то троицы ничуть не взволновало: Гермиона вечно засиживалась за учебниками и терпеть не могла шумные мероприятия. А то, что произошло в последнее время с Гарри и — особенно — с Роном, тем паче к веселью не располагало.

Утолив первый голод, студенты начали развлекаться — сначала изредка, а потом чаще и чаще хлопали петарды, раздавались взрывы смеха; даже за столом профессоров царило оживление.

Дамблдор о чём-то беседовал с раздумавшимся Хагридом, то и дело прикладываявшемуся к огромному кубку с тыквенным вином, профессор Снейп, приподняв бровь, внимательно слушал мадам Пинс, на губах его мелькала слабая улыбка. Флитвик со смаком уплетал третий кусок тыквенного пирога, и с набитым ртом безуспешно пытался поведать что-то профессору Вектор, поминутно стряхивавшей вылетающие у него изо рта крошки со своей мантии. Профессор Гатто напропалую кокетничал с профессором Синистрой, подливая ей вина и невзначай пожимая под столом ручку, от чего та краснела и смущённо улыбалась. Макгонагалл, сидящая рядом с Дамблдором, неожиданно наклонилась и что-то спросила у него, указав на пустовавшие за преподавательским столом места — не было Крума и мадам Помфри. В Большом Зале уже стоял негромкий, но ровный гул, поэтому ответа она не расслышала. Однако переспросить не успела: одна из тыкв, висящих под потолком, оглушительно взорвалась, засыпав ползала сочной оранжевой мякотью, и оттуда вылетел Пивз в огромном оранжевом колпаке и с трепыхающейся летучей мышью вместо бабочки на шее.

— Море крови! Горы трупов! Жертвы и разрушения! Последние известия с полей сражений! — загнусавил он, пародируя голоса дикторов “Магической волны”. — Поттер при смерти! Малфой без сознания! Грейнджер и Уизли — бесстрашные спасители дуэлянтов-неудачников! Мадам Помфри вторые сутки не отходит от операционного стола! — он сделал пируэт над головами онемевших студентов и преподавателей, задудел в невесть откуда взявшуюся трубу и, кинув в середину зала водяную бомбу, с триумфальным хохотом вылетел через дверь.

Через миг тишина в Зале взорвалась топотом и гамом, студенты Гриффиндора и Слизерина сорвались с мест и рванулись к выходу.

— Спокойно! — глядя на на сухощавую фигуру директора трудно было даже заподозрить в нём такую мощь: жалобно звякнули стёкла, эхом откликнулся высокий потолок. — Всем вернуться на свои места. Профессора Макгонагалл и Снейп сейчас сходят в лазарет к мадам Помфри и сообщат нам, что случилось.

Снейп и Макгонагалл, неприязненно переглянувшись, торопливо нырнули в маленькую дверь за преподавательским столом. Всё внимание растерянно замерших за столами и в проходах студентов было приковано к ним, поэтому никто не заметил, как сидевшие у самой двери гриффиндорские первокурсники осторожно — шагжок за шагком — добрались до выхода и опрометью кинулись по коридорам, ведущим в лазарет.

Правда, на полдороги они в буквальном смысле наткнулись на бредущих рука об руку Рона и Гермиону, и только вмешательство Рона, вовремя подхватившего старосту под руку, смогло во всех смыслах удержать её на высоте.

— А ну, разуйте глаза! — рявкнул он. — А, это вы... Уже знаете?

Они торопливо закивали и затеребили старшекурсников:

— Что случилось?

— Пивз... он нёс какую-то ерунду про жертвы и разрушения...

— Вы успели?

— Сейчас уже всё хорошо, — у Гермионы не был сил даже улыбнуться. — Спасибо вам, ребята... Не знаю, что было бы, если бы вы не... если бы не вы. Пойдёмте обратно — мадам Помфри закрыла лазарет и сказала, что каждого, кто будет рваться туда в неурочный час, напоит Слабительным зельем... С Гарри уже всё хорошо.

— А с Малфоем? — подозрительно поинтересовалась Трейси.

— И с ним тоже, — ответил Рон, и на его губах, к её удивлению, появилась удовлетворённая улыбочка.

— Жаль, — выдохнул Кевин.

Первоклассники смущённо затоптались на месте.

— Ну, мы тогда вернёмся в зал? — робко предложила Дженнифер. — Пир в самом разгаре, потом обещали танцы... Пойдёмте, там столько вкусного...

Гермиона улыбнулась.

Жизнь продолжается...

— Нет, мне уже ничего не хочется. Вы простите, я вам не принесла обещанного — потеряла сумку по дороге... Может, завтра схожу поискать, если отпустят, — она виновато развела руками.

— Я тоже, пожалуй, пойду в спальню. Что-то нет у меня желания ни с кем говорить и никому ничего рассказывать, — вздохнул Рон.

В гриффиндорской гостиной было пусто. В камине трещал огонь, за окнами завывал ветер. Не сговариваясь, Рон и Гермиона прошли к креслам и взглянули друг на друга:

— Я так по вас скучала...

— Мы тоже...

* * *

Все последующие дни в Хогвартсе только и говорили, что об этой дуэли. Несмотря на потерянные баллы, оба её участника, по-прежнему находящиеся в больничном крыле, стали героями своих факультетов. Дамблдор собственноручно снял с каждого Дома по 50 очков, причём на следующий день во время обеда сделал объявление: дуэли отныне запрещались категорически, впредь нарушители будут немедленно исключены из школы, а их факультеты безжалостно оштрафованы.

Вдобавок на следующий же день деканы — Снейп и Макгонагалл — отправили Малфоям и Дурслям уведомление о нарушении школьных правил и несчастном случае. И если у Гарри это вызвало только невесёлую ухмылку (“Бедные Дурсли, как они будут разочарованы: и снова им не удалось от меня отделаться!”), то Малфой, похоже, расстроился и даже напугался. Особенно после того, как зашедший проведать его Снейп сообщил, что в ближайшую неделю в Хогвартс собирается прибыть Люциус Малфой собственной персоной.

Мадам Помфри была очень недовольна шумихой; лазарет превратился в проходной двор: студенты Слизерина и Гриффиндора толпами навещали своих ловцов, пара драк состоялась прямо в больничной палате. Ей регулярно приходилось выводить синяки и приводить в порядок разбитые носы. Фред и Джордж демонстративно приходили со своими дубинками отбивал на плечах, в результате чего заглянувший в лазарет Снейп (ясно, что по наущению Малфоя) заявил, что выставит у кровати слизеринского ловца охрану из троллей.

— Троллей? — фыркнули близнецы, едва за профессором Зелий закрылась дверь. — Зачем так напрягать школьное начальство? У Крэбба с Гойлом и мозгов столько же, и внешность подходящая: в серой униформе никто не заметит разницы!

— Кстати, об униформе, — медовым голосом заметил Рон, поворачиваясь к Малфоям, — слизеринская змея на трусах — это твоё собственное изобретение или фир-

менный знак вашего факультета?

Время было выбрано как нельзя более удачно: из слизеринцев в палате присутствовали только Крэбб с Гойлом да осунувшаяся от безмолвных страданий Пенси Паркинсон, тогда как Гриффиндор был представлен полным составом квиддичной команды и почти всеми однокурсниками Гарри. Повисла звенящая тишина.

Никто не думал, что Малфой может покраснеть до такой степени — теперь его лицо напоминало спелый помидор. Крэбб с Гойлом вопросительно взглянули на Драко, но, прежде чем тот успел дать им знак, Пенси взвилась со своего стула:

— Что ты несёшь, Уизли!

Рон всем корпусом развернулся к ней, словно наводя крупнокалиберное орудие:

— Если ты, Пенси, думаешь, что я получил удовольствие, натягивая пижаму на его худосочное тело, то ты ошибаешься. Правда, Гермионе пришлось ещё хуже, она его раздевала. Слышь, Малфой, — он сделал эффектную паузу, любясь, как цвет лица Драко становится пепельно-белым, — у тебя змея на трусах, и правда, шевелится или ей показалось?

Гриффиндорцы взорвались хохотом, даже девушки хихикали, прикрывая ладонями рты. Малфой, снова ставший пунцовым, рухнул на подушку и натянул одеяло до самых бровей.

— Кстати, — не смог удержаться Рон, — так себе змейка, говорит, — маленькая...

— Рон, — сквозь слёзы всхлипнул Гарри, — Гермионе бы не понравилось то, что ты сейчас рассказал...

— Это ещё не всё, — конспиративным шёпотом, который можно было услышать даже в коридоре, продолжил Рон, — у него... — он наклонился к тут же сблизившим головы юношам. Лазарет потряс очередной взрыв хохота.

— Не может быть!

— Чтоб меня мантикора укусила!

— О! Я хочу это видеть!

Крэбб с Гойлом, наконец-то, сообразившие, что происходит, подскочили со стульев, у Пенси был такой вид, будто она вот-вот вцепится Рону в физиономию. От очередной драки лазарет уберегло только появление мадам Помфри, решительно разгородившей противников ширмами. В конце концов, чтобы визитёры не встречались друг с другом, дни посещений были поделены между Гриффиндором и Слизерином.

Исключение сделали только для Гермионы. Трудно сказать, чем конкретно тронула гриффиндорская староста сердце строгой медсестры, но она могла проводить рядом с Гарри столько времени, сколько ей хотелось. Чему они оба — и Гермиона, и Гарри — были несказанно рады.

...Когда он впервые пришёл в себя, серый тусклый мир покачивался в мутном тумане. Белые занавески, запах лекарств — место, где он находился, нельзя было ни с чем спутать. Гарри прислушался к ощущениям: перебинтованную грудь ломило, было немного больно дышать, но руки-ноги находились в целости и сохранности. А вот попытка сесть оказалась не очень удачной: тело взорвалось болью, едва Гарри попробовал приподняться на локтях. Негромко охнув, он рухнул на подушку.

Что-то звякнуло, раздались быстрые лёгкие шаги, и за ширму вошла мадам Помфри в белом халате.

Стоп. Мадам Помфри?

Гарри захлопал рукой по тумбочке в поисках очков, на пол посыпались бумаги и коробка с Шоколадными лягушками.

— Гермиона? — недоверчиво уточнил он, хотя уже прекрасно видел, что это она.

Девушка стояла, держа в руке стакан с водой, и растерянно смотрела на Гарри. Он не менее растерянно смотрел на неё.

Наверное, надо что-то сказать, — крутилась навязчивая мысль, но ничего умного в голову не приходило. Он просто лежал, глядя на белый халат явно с чужого плеча — слишком широкий в талии, на её порозовевшее — от смущения? неожиданности? — лицо, на тёмные круги под глазами, в которых угадывались и бессонные ночи, и выплаканные в подушку слёзы, на сжимающие стакан пальцы с несмываемыми чернильными пятнами. Внезапно Гарри почувствовал, что улыбается, и увидел отражение своей бледной улыбки на её лице. Она медленно подошла, опустила стакан на тумбочку и присела на краешек его кровати.

— Гарри?

Он так давно не слышал в её голосе нежности и тепла, что даже не сразу понял, что она назвала его по имени, — оно рассыпалось музыкальной каплей. Гермиона сидела и, кусая дрожащую нижнюю губу, смотрела на него. Её рука непроизвольно потянулась к его ладони, но вдруг замерла на полдороги.

— Как ты себя чувствуешь?

Он пожал плечами и сморщился от пронзившей грудь боли:

— По сравнению с профессором Биннсом у меня всё впереди.

Гермиона улыбнулась шире. Снова повисла неловкая пауза. Он вдруг понял, как волнуется. Словно спохватившись, она наклонилась и, подняв с пола уроненные Гарри бумаги (это оказался вчерашний выпуск Пророка), протянула ему.

— Смотри, что напечатано в передовице! — она нетерпеливо постучала пальцем по первой странице. Гарри с трудом оторвал взгляд от её склонившегося над ним лица и перевёл его на газету.

Оправдание Сириуса Блэка! Раскрыта самая грандиозная мистификация последнего времени!!!

— Ух, ты! — выдохнул Гарри и пробежал заметку глазами. — Вот это да... Молодчина Дамблдор! Как же ему это удалось?

— Не знаю, но, как мне кажется, тут большую роль сыграло то, что вопрос был поднят самим Дамблдором. Сейчас, когда он почти что министр Магии, с ним не спорят... — Гермиона держала газету, не сводя взгляда с юноши. — Так что, может быть, тебе теперь разрешат уехать от Дурслей... Гарри, — голос её странно изменился, и он вскинул глаза. — Я хочу тебе сказать... — она замялась и, решившись, выпалила, — я хочу сказать тебе — спасибо и прости меня, пожалуйста! Я была неправа, я вела себя просто ужасно, я так виновата...

Он остановил её, взяв за руку:

— Не надо. Я был кретином.

Его рука была тёплой и крепкой, и она тут же почувствовала, как всё внутри затрепетало и откликнулось на давно забытое прикосновение.

— Гарри, я...

— Не надо, — повторил он и чуть сжал её руку. Она покорно кивнула и протянула стакан. — Выпей, а потом я осмотрю тебя. Нужно сделать перевязку.

Гарри кивнул и выпил зелье, почувствовав, как горячее тепло разливается по всему телу.

— Штаны снимать? — неловко пошутил он, и сам тут же смутился.

— Вот их, как раз, можешь оставить, — Гермиона помогла ему расстегнуть пуговицы на пижаме, и Гарри, опустив глаза, увидел, что на стягивающих грудь бинтах кое-где проступили пятна засохшей крови.

Взмахнув палочкой, Гермиона удалила бинты и склонилась над ним.

Гарри зажмурился, и весь сосредоточился на её осторожных прикосновениях: пальцы пробежали вдоль ключиц, потом коснулись груди, откликнувшейся на эти лёгкие касания тупой болью, замерли на рёбрах. Он подался вперёд, тут же скривившись

от боли, но в этот момент Гермиона снова взмахнула палочкой, и свежие бинты туго обмотали Гарри от плеч до пояса.

— Ты теперь выполняешь обязанности мадам Помфри? — поинтересовался он, негнущимися пальцами с трудом пропихивая пуговицы в петли.

— Я тут ей много помогала в последние два дня, — неопределённо махнула рукой куда-то за ширму Гермиона, — так что она зачла мне экзамен по Магической Помощи и освободила от дальнейших занятий. И разрешила ухаживать за тобой. Мадам Помфри сейчас у себя — смешивает порошки и готовит новые зелья.

Она снова замолчала. Гарри лихорадочно думал, о чём бы ещё её спросить, — он так соскучился по звуку её голоса, по её взгляду, прикосновениям, что ему хотелось, чтобы она больше никуда не уходила, а вот так же сидела на краешке его кровати, рассеянно теребя пояс.

— А что Малфой? — неожиданно вспомнил он.

— Жив и здоров. Сотрясение мозга. Твой подзатыльник получился весьма увесистым... Гарри, мы так перепугались... — она тут же взяла себя в руки и постаралась улыбнуться. — Завтра придёт Рон — сегодня он сдаёт Флитвику “хвосты” по Заклинаниям. Весь Гриффиндор так за тебя переживает... — она вытащила из кармана стопку открыток, одна из которых тут же распахнулась и запела противным писклявым голосом.

— Придави её чем-нибудь тяжёлым, — сморщился Гарри. — Кажется, я догадываюсь, от кого она...

— Перестань, Гарри! Нельзя смеяться над чужими чувствами, — с напускной строгостью произнесла Гермиона, пряча улыбку. — К тому же, если ты думаешь, что она от Джинни, ты ошибаешься. Её прислал Колин Криви, — и она расхохоталась, увидев, как вытянулось его лицо.

— Какого чёрта ты разоралась, Грейнджер! — раздался сонный недовольный голос. — Дай поспать! — пружины кровати Малфоя запели, он завозился, что-то ворча себе под нос. — И принеси мне воды — у меня стакан пустой!

— Есть такое слово — “пожалуйста”, — невозмутимо откликнулась Гермиона, не поднимаясь с места. Гарри нахмурился, но она успокоительно махнула рукой. — Он сейчас ужасно смешной и жалкий, — пояснила она, понизив голос. — После того, как мадам Помфри сказала, что его осматривала и лечила я, всё время говорит гадости, хорохорится и краснеет. Боится, наверное, не увидела ли я чего недозволенного.

— А ты его осматривала? — Гарри нахмурился ещё больше.

— Исключительно с медицинской точки зрения, — улыбнулась Гермиона. — Никакого удовольствия.

Гарри заглушил неприятное чувство внутри и постарался улыбнуться в ответ.

— Грейнджер, я кому говорю! — проныл тот же голос из угла лазарета. — Я пить хочу.

— Я тебе всё сказала.

— Хорошо — пожалуйста.

— Что “пожалуйста”?

— Дай воды.

— А теперь то же самое полным предложением.

Гарри был готов поклясться, что слышит скрежетание зубов.

— Дай воды. Пожалуйста, — выдавил из себя Малфой.

— Подождёшь, — отбрила Гермиона и, наклонившись, коснулась прохладными губами лба Гарри. — Мне уже пора. Я приду утром, — и, не успев он опомниться, вышла из-за ширмы. Он слушал, как журчала вода, как её шаги пересекли палату и

замерли в дальнем углу, и в ноющей груди начало расти ощущение счастья.

— Давай сюда, — буркнул Малфой.

— Скажи “спасибо”.

— Я хочу пить.

— Если не скажешь, отнесу обратно.

— Хорошо — спасибо.

— Держи.

— Проваливай.

— И тебе тоже спокойной ночи, Малфой.

Хлопнула дверь, и всё стихло.

— Чёртова нянька, чтоб тебе провалиться на полдороги, — пробурчал Малфой и, судя по скрипу пружин, снова завозился.

— Я бы не советовал тебе хамить, Малфой, — предупреждающим тоном заметил Гарри из-за своей ширмы. — Иначе можешь лишиться последних мозгов, коль скоро мадам Помфри утверждает, что они у тебя всё-таки есть.

— О, никак Поттер очнулся! — откликнулся слизеринец. — Какая жалость! — но тут же в его голосе появились страдальческие нотки, и по скрипу двери и донёсшимся шагам Гарри понял, что в лазарет снова кто-то вошёл. — Ах, мадам Помфри, меня опять тошнит, и мне больно — вот тут... тут... И ещё тут.

— Мистер Малфой, — раздался строгий голос медсестры, — прекратите симулировать. Почему вы не выпили порошки, что я вам дала?

— Они горькие, — капризно проныл слизеринец.

— Вы предпочитаете инъекции? Хорошо, разворачивайтесь! Я уже устала от ваших бесконечных жалоб! Если всё, действительно, настолько серьёзно, будем принимать решительные меры! Поворачивайтесь, ну же!

— Ой, что вы делаете!

Гарри с улыбкой прислушивался к возне на том конце лазарета.

— Мистер Малфой, прекратите вести себя, как ребёнок! Вы сами полежите или мне позвать кого-нибудь на помощь? Например, мисс Грейнджер — наверное, она ещё не ушла далеко? — в голосе мадам Помфри зазвучали ядовитые нотки. Возня сразу же прекратилась.

— Полежу, — буркнул слизеринец.

— И отпустите свои штаны — что вы в них вцепились. Вот так. О, Мерлин, что это у вас?!

* * *

Я краем уха слушал предматчевую речь Бажена и пытался настроить себя на игру. Да, Ангелы неба, и правда, очень хороши, но всё же баланс игр в нашу пользу — мы им уступили всего дважды, а выигрывали аж пять раз. Так что психологический перевес на нашей стороне. И, кроме того, — в последней игре их вратарь получил травму, сегодня им придётся выставить запасного, а он совсем зелёный, так что наши Охотники имеют все шансы отличиться. Свою задачу я знаю...да, четвертьфинал... если мы побеждаем, то полуфинал через неделю, и предстоит встреча с Ястребами... и, значит, мне придётся снова задержаться. Как же она там?

Я незаметно сунул руку под красную фуфайку со львом на груди и сжал в кулаке половинку сердечка. Оно начало разогреваться, и через миг мне стало жарко, словно я вернулся в тёплое августовское утро, когда провожал её из Софии. Значит, кулон на ней, и она в безопасности...

Я закрыл глаза и изо всех сил сконцентрировался: передо мной замелькали какие-то обрывочные видения. Белая ткань... много белой ткани... больница? Я в ужасе вздрогнул — но тепло сердечка в моей руке было таким солнечно-безмятежным. Нет,

она цела и невредима. Я снова сосредоточился. Солнечное утро... она улыбается?.. да, точно, — она улыбается... ей хорошо... она счастлива?.. — как странно, сколько я ни заглядывал в её душу, я ни разу не ощущал счастья... Печаль, усталость, грусть и боль — сколько угодно. Но счастье — никогда. Что же с ней произошло? Она удачно сдала тест? Получила десятку на Зельях?

— ...Ты понял, Виктор? Да очнись же ты!

Я вздрогнул и судорожно выдернул руку из-за пазухи.

— Да понял я, понял. Важны не очки, а победа. Я что — когда-нибудь вас подвёдил?

— Нет, просто у тебя такой вид, словно ты, вообще, не слышишь. Ты замёрз, что ли, в своей Англии — ходишь, ровно примороженный...

Я мрачно покосился на Бажена, но тот уже подозвал Охотников, и они сгрудились около схемы поля. Взмах палочкой, и разноцветные стрелки начали танец на белом фоне.

Я стиснул метлу и пошёл к выходу. Мне было душно, хотелось на воздух. Удивительно — здесь совсем тепло, вернувшись из промозглой, сырой и ветреной Англии, я окунулась в мягкую осень. Я всегда так любил эти последние дни, дарящие обманчивую надежду, что зима никогда не наступит...

Но сердце моё осталось там.

Украдкой оглянувшись и убедившись, что на меня никто не смотрит, я снова сунул руку за пазуху и попробовал сконцентрироваться.

Она смеётся... мне показалось, что я даже слышу переливы её смеха. Я почувствовал, что тоже улыбаюсь. Когда закончится матч, тут же напишу ей.

Я говорил себе это каждый день, каждый день писал ей и... тут же рвал или сжигал письма — никакие слова не могли передать мои чувства; попадая на бумагу, они тут же жухли и скукоживались, превращаясь в тусклые банальности.

Да... она смеётся, она говорит с кем-то. Я не слышал её слов, только эмоции. Радость, счастье... а ЭТО что? Я стиснул сердечко так, что острый край взрезал мне ладонь. Нет, не может быть — мне показалось. Не может быть...

Я тряхнул головой, отгоняя навязчивое чувство, и резко выпустил кулон, словно боялся, что могу услышать или почувствовать что-то, после чего отрицать очевидное будет невозможно.

Команда уже построилась и оседлала мётлы. Я занял своё место в строю. Свисток. Мы взмыли в воздух.

Ощущение полёта полностью захватило меня. Внизу переливалось разноцветное людское море. От скорости ветер шумел в ушах. Зависнув над полем, я услышал ровный гул толпы, грохот барабанов, взрывы петард. На трибунах полоскались красные и лазурные флаги. Я обыскивал глазами пространство, краем боковым зрением отслеживая перемещение по полю Велы Стояновой — ловца Ангелов.

Похоже, надежды наших тренеров на неопытность вратаря соперников вполне оправдались: к десятой минуте мы вели в счёте с перевесом в семьдесят очков. Я методично обследовал воздух, делая круги над полем, Вела следовала за мной на расстоянии. Знаю я эту женскую тактику: повиснуть на хвосте и надеяться на джентльменское отношение. Как бы не так! Мы с ней встречаемся не в первый раз, и в прошлой игре я получил в бок ногой. Уловка ей всё равно не помогла, а после матча она клялась, что это было чистой случайностью.

Я решил проверить свои подозрения, нырнув вниз и заложив крутой вираж. Точно. Она повторила мои действия, норовя проскочить у меня прямо перед носом. Что ж, тебе же хуже. Летаешь ты хорошо, но на малых высотах начинаешь нервничать и плохо справляешься с управлением. А потому...

И в этот момент он появился. Солнечный луч вспыхнул на сверкающем боку, я метнулся туда раньше, чем успел понять, что это было. Снитч нырнул вниз, завис на миг и, резко сменив направление, помчался вперёд.

Я уже ничего не видел, только его медленно приближающийся напоенный солнцем бок и размазанное марево бьющих крылышек. Позади висела Вела, норовя зацепить хвост моей метлы.

Послышался угрожающий гул. Резкий рывок вверх — и бладжер просвистел мимо. Снитч звал за собой, я снова нырнул вниз, стиснув метлу. Порезанную сердечком руку пронзила неожиданная боль.

Мы победим. И я остаюсь здесь ещё на неделю. Она счастлива. Полуфинал. С кем она сейчас?

В ушах свистел ветер, рёв стадиона смазался в какой-то невнятный гул, доносящийся до меня, как сквозь толстый слой ваты. Я протянул руку — до заветной победы оставался метр, не больше.

Я остаюсь здесь. Она там. Она смеётся. С кем она смеётся?

Я уже чувствовал колебания воздуха вокруг бьющихся крылышек, но в тот момент, когда я хотел сомкнуть пальцы, ощутил резкий удар в бок, и узкая ладонь скрыла от меня сияющий шарик.

Вела поймала снитч.

Глава двадцать четвёртая, в которой Добби скрепляет себя узами брака, Люциус Малfoy поучает сына, а военный совет заканчивается самым неожиданным образом

— Гарри, что ты там застрял? Не можешь найти его? — шёпот Гермионы оторвал Гарри от задумчивого созерцания её коленок, и, подхватив с пола упавшее орлиное перо, он вылез из-под парты. — Скоро твоя очередь, — Гермиона явно волновалась куда больше его самого, — сосредоточься, как следует! Помни: ты всё можешь, у тебя всё получится, мы с тобой всё выучили...

— Гермиона, не дребезжи, — угрюмо буркнул сидящий по другую сторону от неё Рон. Макгонагалл зачала ему тест по Циклической Трансфигурации с большой натяжкой: его дикобраз, недовольно щёлкая, то сбрасывал иголки, то снова обрастал ими, что считалось серьёзной ошибкой.

В этот момент у доски раздался грохот. Когда клубы дыма рассеялись, на месте Лонгботтома уныло таращила глаза огромная жаба. Взмахом палочки Макгонагалл вернула ей человеческий облик.

— Похоже, никак не может отвлечься от предстоящей контрольной по Защитной Сфере, — шепнул Гарри. — Невилл вчера весь вечер практиковался, но совершенно безуспешно, а потом Тревору, вообще, надоело, и он сбежал... Я его понимаю, — уныло добавил он, — мне вот Хедвига даже палочку навести на себя не даёт — сразу улетаёт...

— Гарри Поттер! — вызвала Макгонагалл, и Гарри отправился к доске. Его задачей было превратить куропатку в подушку, а потом вернуть ей исходный вид, но, то ли мысли были заняты чем-то иным, то ли куропатка попалась какая-то неправильная, — подушка из неё оказалась украшенной россыпью красных сердечек. Которые, чуть побледнев, сохранились потом и на птичьих перьях.

Макгонагалл вопросительно приподняла бровь, но ничего не сказала. Покраснев, Гарри вернулся на своё место. Гермиона прятала улыбку и глаза, Рон улыбался от уха до уха.

— Не замечал в тебе столько сентиментальности, Гарри. Джинни была бы в вос-

торге — у неё вся комната завалена такими же подушками и обклеена сердечками с твоим именем...

Гарри смущённо уткнулся в учебник. Ему было ужасно неловко — одноклассники косились, многозначительно хмыкали и подмигивали. Гермиона сидела с каменным лицом и смотрела в сторону. Гарри неловко завозился, перо опять упало на пол, и он нырнул под спасительную парту, снова оказавшись наедине с её коленками. Он поднял перо, задумался на миг и, убедившись, что всеобщее внимание привлечено к попыткам Дина Томаса снова сделать расчёску ежом, пером пощекотал Гермиону под коленом. Её ноги вздрогнули, и ему погрозил появившийся под партой крепко сжатый кулачок, который Гарри поймал и пощекотал запястье. Гермиона задёргалась.

— Эй, у тебя что — нервный тик? — раздался шёпот Рона. — Гарри, ты где там?

— Тут я, — с невинным видом Гарри вылез из-под парты. — Дурацкие перья. Вечно летят куда не надо...

Гермиона фыркнула. Рон посмотрел на друзей с подозрением.

— Слушайте, а что вы сегодня подарите Добби? — шёпотом, чтобы не услышала Макгонагалл, поинтересовался Гарри.

Рон вытащил из кармана две пары носков:

— Когда становятся грязными, начинают орать.

С трудом сдерживая смех, Гарри полез в свою сумку.

— А у меня розовые и голубые. Для жениха и невесты... Добби будет счастлив. Надеюсь, его избранница разделяет страсть к носкам.

— Мистер Уизли, мистер Поттер! — раздался строгий голос Макгонагалл. — То, что вы сдали тест, не значит, что вы можете ничего не делать и мешать другим. Ознакомьтесь со следующим параграфом и составьте конспект. Это касается и всех остальных.

— Допрыгались, — буркнул Рон и потянулся к пергаменту. — Гермиона, а что ты им приготовила?

— У мадам Малкин я заказала для них школьную форму — мантии, свитера, шарфы, — одними губами произнесла Гермиона. — С гербом Хогвартса... Надеюсь, им понравится. Кстати, не забудьте надеть парадные мантии — вы ведь всё-таки на свадьбу идёте...

Звонок с урока заглушил ответ Рона, но, похоже, перспектива тащиться на кухню при полном параде его совсем не привлекала.

Днём предстоял урок по Уходу за Магическими Существами и, судя по лицу Хагрида во время обеда, ему удалось подготовить для студентов нечто потрясающее.

— Если не будете киснуть за столом, успеем до занятия заглянуть в библиотеку, — заметила Гермиона, накладывая себе полную тарелку рагу и пододвигая поближе блюдо с маринованными огурчиками и кувшин тыквенного сока. — Как же я проголодалась...

— На солёненькое потянуло? Грейнджер, уж не беременна ли ты? — не удержался проходивший мимо Драко Малфой. — Поттер, надо быть предусмотрительнее, — стоящая позади слизеринца свита с готовностью загоготала, а Пенси Паркинсон аж хрюкнула от смеха. Гермиона устало вздохнула и остановила рванувшегося навстречу обидчику Гарри.

— Не обращай внимания, пусть болтает, — она невозмутимо пожала плечами и склонилась над своей тарелкой. — Ему только того и надо, чтобы ты дёргался.

Гарри в очередной раз поразился её выдержке — сам он краснел от одной только мысли о слухах про них с Гермионой, которые ходили по школе. Кстати, слухи были совершенно беспочвенны, — и, прислушавшись к себе, Гарри понял, что в самом-

самом далёком уголке своей души, в который он не то, что никого не пускал, но и себе почти не разрешал заглядывать; где хранились не самые приличные желания и не самые достойные тайны, имеющиеся у каждого, даже честного и чистого гриффиндорца, — так вот, в глубине души Гарри очень жалел о том, что это только слухи и ничего больше. Лёгкий и подозрительно дружеский поцелуй, которым коснулась его лба Гермиона, — ещё в лазарете, когда он только-только пришёл в себя, — вот и всё, что между ними было с тех пор, как они помирились. Умолкнувшая было ревность снова начала подавать голос.

Через полчаса Гарри, Рон и Гермиона уже копались в библиотечных закромах — благо, староста и лучшая ученица школы была облечена особым доверием мадам Пинс, а потому имела возможность добыть книги, о которых Гарри мечтал всё это время. Впрочем, им всё равно не повезло: и “Великая магическая война”, и “Рукотворные чудовища и монстры” находились на руках, а у кого — мадам Пинс, как ни старалась, не смогла обнаружить — формуляры книг бесследно исчезли. Библиотекарша была сама этим потрясена, что не помешало ей с подозрением поинтересоваться, по какому это предмету им задали эссе, дополнительной литературой для которого являлись книги из Запретной секции.

— По Уходу за Магическими Существами, — не моргнув глазом, ответил Рон. — Мы решили сделать исследование по методам селекции и выведению рукотворных монстров, — он осёкся, потому что Гермиона пихнула его в бок.

— Как тебе не стыдно, Рон! Хагриду твоя глупая шуточка может дорого стоить! — выговаривала она, торопясь по школьному двору в направлении избушки лесничего, вокруг которой, кутаясь в чёрные мантии и натягивая на уши шапки и воротники, уже толпились студенты. День был промозглый и холодный, на мёрзлую землю сыпалась белая крупа, а ветер пребольно кусал за кончики ушей и нос.

— Да ладно — пустяки! — после удачной шуточки с Малфоем Рон чувствовал себя просто королём каверз. Особенно, когда близнецы уважительно пожали ему руку, признавшись, что даже они не смогли бы посчитаться с Малфоем лучше. Сама же жертва, встречаясь с неразлучной, как и прежде, троицей, скрежетала зубами, но никаких активных действий не предпринимала. И Гарри с Гермионой совершенно справедливо полагали, что ничего общего со страхом, миролюбием или забывчивостью это не имеет...

Они были очень близки к истине: Драко Малфой, потомок древнего и могущественного колдовского рода, единственный отпрыск одного из самых богатых волшебников Англии, истинный слизеринец и лучший студент своего факультета (не считая нынешней старосты... но она была семикурсницей, так что в следующем году Драко рассчитывал прицепить на грудь значок со словами “Драко Малфой, староста Слизерина”) — так вот, он был не из тех, кто прощает обиды, и, тем более, публичные унижения. И уже во время завтрашнего матча между Слизерином и Гриффиндором он намеревался посчитаться с Поттером и Уизли за всё и, в первую очередь, за сделанную Уизли гнусную татуировку (хотя прямых доказательств у него не было, Драко знал наверняка, что это дело рук именно Уизли), в курсе которой была, по странному стечению обстоятельств, вся школа.

Мадам Помфри потратила целых три часа, чтобы её свести. Оскорбительней процедуры Драко испытывать ещё не приходилось (наверное, Дадли разделил бы его чувства), да, вдобавок, после этого он два дня не мог лежать на спине и сидеть, что послужило новой темой для шуток: теперь даже тупоголовые хаффлпаффцы, завидев его, наперебой предлагали присесть — в ногах, дескать, правды нет...

Что же касается души... Для Малфоя, при его аккуратности и чистоплотности (дома он привык принимать ароматную ванну с пеной и розовым маслом хотя бы два раза

в день) посещение этого места превратилось в сущую трагедию, хотя он применил бы Пыточное проклятье к первому, кто осмелился утверждать это вслух. Любопытствующие подстерегали внутри и беззастенчиво разглядывали, гадая, что же за изображение украшало его бледные ягодицы. Так что теперь Драко приходилось принимать душ или поздно вечером, или же рано утром, пока все ещё спали, и душевая была безлюдна, а вода — умопомрачительно холодна.

Словом, причин для бешенства имелось вполне достаточно. И смыть оскорбление могла только кровь, — это была нежно лелеемая мечта: окровавленные, бездыханные Поттер с Уизли и втоптанная в грязь выскочка Грейнджер. И над ними — сжимающая трепещущий снитч — он, Драко Малфой. А потом он разворачивается к трибунам и стирает всем память, чтоб больше никто и никогда не посмел бы попрекнуть его портретом Снейпа, увенчанным похабной надписью, на заднице.

Драко почувствовал, что опять впадает в бешенство, и глубоко задышал, пытаясь взять себя в руки. Нет, он не будет опускаться до методов этих отбросов из Гриффиндора. Он не полезет в драку на публике — не дождутся... А вот завтра, во время квиддича... Сначала он посчитается с Уизли. О, он сделает всё, чтобы первый матч этого рябого придурка стал последним.

А потом — Поттер. Его вечный соперник. Тот, кому прощается всё, за что другого бы давно выкинули из школы. Тот, кто не заслуживает и тысячной доли расточаемых ему похвал и дифирамбов. Тот, кто строит из себя скромного спасителя мира, мечтая, на самом деле, сколотить неплохой капиталец на будущее. Тот, из-за кого Драко ещё ни разу не ощутил вкуса победы над гриффиндорскими выскочками. Тот, кто является “фирменным знаком” их школы.

Ах, Драко, ты ведь из Хогвартса? Той самой школы, в которой учится Мальчик-Который-Выжил? — вспомнив фразу, преследовавшую его всё лето, Малфой с отвращением сплюнул на мёрзлую землю и направился на урок по Уходу за Магическими Существами. Ненавистный урок у отвратительного косматого неряхи — существа, которого и “преподавателем” назвать язык не поворачивался.

— Ненавижу. Ненавижу! — слизеринец стиснул кулаки.

* * *

Хагрид сиял, как свежеотчеканенный галлеон. С ощущением, что ничего хорошего им это не предвещает, Гарри присоединился к остальным гриффиндорцам. У ног лесничего стояли корзины, из которых не доносилось ни звука, — впрочем, это ещё ничего не значило: там могло находиться всё, что угодно — от драконьих яиц до фарша из лягушачьей печёнки. Студенты бросали на корзины подозрительные взгляды и старались держаться подальше — на всякий случай.

— Значится, так, — Хагрид, улыбаясь, потирал руки. — Сегодня мы начнём изучение всяких волшебных пернатых. Я тут для вас припас кое-что, — все, как по команде, шарахнулись назад, когда он наклонился и снял с одной из корзин крышку.

— Опять скучечерви? — разочарованно протянул Симус Финниган, ухитрившись встать на цыпочки и заглянуть в корзину через плечо стоящего впереди Рона. Все недовольно зароптали: кормить скучечервей — занятие, конечно, необременительное (знай, толкай в них салат), но уж больно нудное. Один Невилл вздохнул с облегчением: наконец-то, он мог не опасаться за целостность своих рук и ног. Кроме того, ему — единственному из всех классов — удалось точно следовать инструкциям Хагрида, а потому его подопечные не только не передохли, как у всех остальных, но и дали многочисленное потомство, которое сейчас вяло шевелилось в корзинах.

— Опять, — кивнул Хагрид, довольно улыбаясь в спутанную окладистую бороду. — Только сегодня они сами будут кормом. А вот для кого — вы догадаетесь самостоятельно. Вот ты, например, каких волшебных птиц знаешь? — и огромный узловатый

палец лесничего нацелился прямо в лоб Крэбба, от неожиданности оторопевшего и потерявшего дар речи (и без того не слишком щедрый).

— Ну... э... — замычал тот и послушно забубнил, повторяя за стоящей рядом Пенси, которая подсказывала ему уголком рта, — авгур... выскакунчик... грифон...

— Дириколь... — шепнула Пенси.

— Этот... на “д”... — не расслышал Крэбб.

— Дебил, — шёпотом прокомментировал происходящее Рон.

— Дебил, — громко повторил Крэбб.

Хагрид, благостно кивавший головой в такт названиям, оторопел и вытаращил глаза. Класс грохнул, вспугнув нахохлившихся ворон с ближайших кустов. Возмущённо каркая, птицы полетели в сторону Запретного Леса. Крэбб недоумённо захлопал глазами и, поняв, в чём дело, угрожающе погрозил Рону кулаком размером с небольшую тыкву.

— В общем, я тут приготовил вам пташек, — пряча в бороде улыбку, продолжил Хагрид. — Они из тёплых краёв, а потому работать сегодня будете у меня в сторожке. Там, конечно, немного тесновато... — он смущённо почесал переносицу.

— ... и грязно, как в свинарнике, — отчётливо прозвучал в морозном воздухе голос Малфоя, привалившегося к изгороди. Хагрид покраснел и, забыв, что хотел сказать, замер, не поднимая глаз от корзины со скучечервями и теребя свои огромные рукавицы. Гарри и Рон развернулись к Малфоя.

— А ну, извинись. Немедленно, — тихим голосом произнёс Гарри.

— Сейчас, — хмыкнул Малфой. — Разбежался. Извиняться перед всякой... — он презрительно хмыкнул, — которую нам сунули в учителя.

Воцарилась тишина, казалось, что даже по-зимнему холодный ветер притих от изумления.

— Ты, хорёк недобитый! — рванулся на него грудью Рон, но был остановлен маленькой изящной рукой.

— Тридцать очков со Слизерина за оскорбление учителя и попытку сорвать урок, — Гермиона смотрела прямо в глаза Малфоя. Он поднял на неё полный ненависти взгляд и распрямился. У него за спиной расправили плечи Крэбб и Гойл. Рядом ощерилась Пенси. Гермиона против них была тонкой щечкой против дуба, но по сторонам от неё тут же выросли Гарри и Рон. К ним шагнул Невилл. Симус. Парвати. Дин Томас. К Малфоя, вытаскивая палочки из карманов, подтянулись слизеринцы, на против них решительно вскинули головы гриффиндорцы, и над всем этим топтался Хагрид, не зная, что делать с явно готовыми к стычке старшекурсниками. Ноздри Малфоя раздулись, рука медленно потянулась к палочке...

— Всем приятного дня, — чуть растягивая слова, произнёс бархатный баритон, от которого все — и Малфой в первую очередь — вздрогнули. В нескольких футах от студентов, постукивая набалдашником трости по затянутой в черную перчатку ладони, стоял Люциус Малфой. — Вижу, урок в самом разгаре? Могу я поприсутствовать?

Если раньше тишину можно было назвать напряжённой, то теперь она стала гробовой. Хагрид хлопал глазами с видом школьника, застигнутого за списыванием со шпаргалки. Драко чуть побледнел и закусил губу. Кинув на него пристальный взгляд, Гермиона увидела, что слизеринец нервно теребит зажатую в кулаке волшебную палочку.

— Что же вы остановились? — с самой милой улыбкой поинтересовался Малфой-старший. — Прошу, продолжайте, многоуважаемый профессор, — тон его был нейтральным, но взгляд, который он метнул в Хагрида, переполнялся ядом и презрени-

ем, — не обращайтесь на меня никакого внимания.

С таким же успехом он мог просить не обращать внимания на развёрстую над головами пасть василиска.

— Ну... это... — дрожащим голосом начал Хагрид, явно не зная, куда девать руки, — сегодня я хотел показать вам... этих... дириколей. Ну, вы бы их покормили там... — лесничий замаялся и тревожно покосился на Люциуса. Тот зябко кутался в чёрный меховой плащ и рассеянно смотрел по сторонам, абсолютно не обращая внимания на происходящее. Гермиона заметила, что он ни разу не взглянул на сына, который переминался на месте, уставясь себе под ноги и кусая губы. На скулах Малфоя-младшего горели два багровых пятна, и гриффиндорская староста подозревала, что к лёгкому морозцу они не имеют никакого отношения.

— Ну, пойдёмте, что ли, — тихо пробормотал Хагрид и, споткнувшись о корзину, побрёл к сторожке. Переглянувшись, гриффиндорцы подхватили и внесли корзины со скучечервями в дом. Слизеринцы вошли следом, демонстративно стараясь ни к чему не прикасаться и брезгливо оглядываясь. Последним поднялся Люциус Малфой. Взмахом палочки он прикрыл дверь и замер на пороге.

Внутри было жарко: пылал огромный камин, из висящего в нём чайника валил пар. На столе стояла ваза с горой самодельных бисквитов и целая батарея разнокалиберных чашек — и однотонных, и в горошек, и с цветочками; примерно треть щеголяла отбитыми ручками.

— Ну... это... кто замёрз, может выпить чаю, — упавшим голосом произнёс лесничий и чем-то загрохотал в углу. Присмотревшись, Гермиона поняла, что он просто перебирает развешанные на стенах фонари, ловушки, котелки, периодически роняя и снова цепляя их на большие медные крючья. Гарри и Рон переглянулись, решительно стянули мантии и, взяв на себя роль хозяев, начали в четыре руки разливать чай из огромного синего чайника в крупный белый горшок. Гарри был даже готов пожертвовать половиной своих зубов и съесть все бисквиты, лишь бы порадовать Хагрида, видимо, мечтавшего превратить этот урок в интересное и занимательное занятие с чаепитием.

Гриффиндорцы, поймавшись, последовали их примеру и, покидав мантии в одно из кресел, столпились у стола, с удовольствием разбирая чашки и с интересом поглядывая по сторонам: большинству из них ещё не приходилось бывать в сторожке, где друзья давно чувствовали себя, как дома. Невилл решился, мужественно откусил бисквит, на секунду замер, прислушиваясь к своим ощущениям, и проглотил оставшуюся часть в мгновение ока. Настороженно наблюдавшие за ним однокурсники тут же расхватили угощение; даже следящая за фигурой Лавендер не удержалась и откусила кусочек. Постепенно и слизеринцы начали разоблачаться. Вопревшие Крэбб и Гойл невзначай подбирались поближе к столу, не сводя глаз с оставшихся в вазе бисквитов.

Драко Малфой стоял, как вкопанный, кутаясь в чёрную школьную мантию, хотя у него на лбу выступили капельки пота. Люциус Малфой, замерший у двери, напоминал гибрид моли и летучей мыши — узкое бледное лицо, спадающие на плечи серебристые волосы и широкие полы чёрного плаща.

В избушке было уютно, весело хрустел камин, похрапывал Клык, и тишина дрогнула, рассыпавшись смешками, весёлым журчанием чайника, позвякиванием чашек, разговорами, которые звучали всё громче. Хагрид взял себя в руки и собрался с мыслями.

— Ну, в общем, вот они, дириколи, — он сдёрнул покрывало со стоящих в углу клеток и, раздвинув чашки, водрузил одну на стол, влюблённо глядя на её обитателей. — Ну, кто мне что-нибудь расскажет про них?

Его взгляд привычно остановился на Гермионе, которая вскинула руку с таким рве-

нием, что чашка с горячим чаем вылетела у Рона из рук, и весь кипяток выплеснулся ему на штаны. Рон взвыл и подскочил.

Прежде чем Хагрид успел открыть рот, заговорил Драко Малфой:

— Дириколь — нелетающая птица с пухлым телом и пушистым оперением, — Гермiona заметила, что слизеринец явно волновался, и говорил не как обычно — нараспев, лениво — а чеканил каждое слово. — Родиной дириколя является Маврикий. Птица примечательна своей способностью скрываться в случае опасности: дириколь исчезает в облаке перьев и возникает в другом месте — как и феникс. Интересно, что магглы в течение определённого периода времени знали о существовании дириколей и именовали их “додо”. Не подозревая о способности дириколей намеренно исчезать, магглы были убеждены в том, что полностью истребили данный вид. Поскольку это способствовало осознанию магглами опасности беспорядочного уничтожения братьев наших меньших, Международная Федерация Волшебников не сочла нужным информировать магглов о том, что дириколи по-прежнему существуют.

— Прекрасный ответ, Драко, — раздался негромкий голос Малфоя-старшего.

— Д-да... — растерянно кивнул Хагрид. — Это... пять очков Слизерину.

Гермиона раздосадовано опустила руку.

— Прямо по учебнику, — ревниво пробормотала она. — Даже дополнить нечего.

Рон, мрачно разглядывающий свои сырые штаны, придающие ему весьма двусмысленный вид, хмуро пробормотал:

— В следующий раз маши руками рядом с кем-нибудь другим. Я, конечно, понимаю, что с моей личной жизнью сейчас не всё гладко, но не теряю надежды, что мне ещё может пригодиться содержимое моих штанов.

— Рон, фу, как тебе не стыдно! — всплеснула руками Гермiona, едва не попав по чашке сидящего рядом с ней Гарри.

— Я, пожалуй, тоже поостерегусь, — фыркнул Дин Томас, отодвигаясь подальше, — а то Парвати будет очень недовольна...

Гермиона покраснела и сердито нахмурила брови, но было видно, что она сама с трудом сдерживает улыбку.

— А теперь вы должны с ними подружиться и накормить. Они ещё совсем птенцы, так что легко приручаются... — Хагрид сунул в клетку руку и вытащил оттуда сонный пушистый комочек.

— Ай, какая прелесть! — взвизгнула Блез Забини и протянула руки, но прежде чем она успела коснуться птенца, тот исчез.

— Не надо так кричать рядом с ними, — улыбнувшись, пояснил Хагрид, вытаскивая возмущённо попискивающего кроху из кармана. — Они тут же прячутся. А поскольку они совсем малыши, то и прячутся пока, как маленькие... — он ласково пощекотал огромным пальцем толстенькое пузико птенца, отчего тот восхищённо закатил глаза и закурлыкал. — Держи-ка... — он осторожно переложил дириколя на ладони Блез. — А теперь его надо накормить. Родители заталкивают червяков им прямо в глотку. Ну, выбирайте себе птенцов и кормите их. Только не напугайте.

Студенты столпились вокруг клеток, вынимая оттуда жмущиеся пушистые комочки. Почему-то Гарри не понравился своему питомцу: сначала тот решил спрятаться в заднем кармане брюк Рона (который испуганно дёрнулся и чуть не придавил малыша), а потом пребольно клюнул юношу в палец. Однако угощение принял вполне благосклонно и под конец даже разрешил почесать себе шею.

Девушки были в восторге: нежно мурлыча, они отщипывали кусочки скучечервей и мизинцами засовывали корм в распахнутые клювы. Как ни странно, от них дириколи не пытались спрятаться, а питомец Гермiony, исчезнув из её ладоней, тут же возник

у неё на голове, горделиво поглядывая на всех из пышных волос, словно из гнезда.

— Да чтоб тебя! — Рон поскользнулся на скучечерве и грохнулся на пол, чертыхаясь от боли. Он попытался встать, но охнул и сел на пол. — Та же нога, — пробормотал он, растерянно глядя на Гарри. — Кажется, я её растянул... Ох, как больно...

Гермиона подбежала и склонилась над Роном.

— Похоже на то, — согласилась она. — Его нужно проводить в лазарет. Гарри...

Но Гарри не слышал: он стоял, не сводя глаз с Малфоя.

— Это ведь ты сделал, — тихо произнёс он. — Ты кинул ему под ноги скучечервя.

— Ты бредишь, Поттер. Похоже, тебе самому лазарет бы не помешал, — хмыкнул Малфой, засовывая корм в клюв требовательно пищавшему птенцу.

— Ты хочешь оставить нашу команду без вратаря! — возмущению Лавендер не было предела, её грудь вздымалась так, что пуговица на блузке грозила вот-вот оторваться. Почему-то этот факт привлёк к себе заинтересованное внимание мужской части коллектива.

— Вот что, вы, давайте-ка, проводите Рона до лазарета, а мы тут сами закончим, — скомандовал Хагрид Гарри и Гермионе и вернул в клетки их сытых и уже засыпающих подопечных. — Ну, домашнее задание — прочитать о дириколях дополнительную литературу... в общем, вам потом расскажут.

Обменявшись с Малфоем яростными взглядами, Гарри подставил плечо стиснувшему зубы Рону и медленно повёл его к выходу. Гермиона на ходу набросила на юношей мантии и пошла открывать дверь. Люциус Малфой по-прежнему кутался в плащ и даже не снял чёрных перчаток. Статуей застыв у входа, он, не шелохнувшись, чтобы дать ей дорогу.

— Вы разрешите? — нетерпеливо произнесла Гермиона, вскидывая на него взгляд.

— Конечно, мисс Грейнджер, — любезно улыбнулся одними губами Малфой-старший. Глаза мерцали арктическим холодом. — Собираетесь приступить к вашим прямым обязанностям — подкладывать утки и делать перевязки? Судя по всему, быть сиделкой — ваше призвание, разве я могу стоять у вас на пути? — Он взмахнул полкой плаща и сделал шаг в сторону. Чёрная ткань взвилась в воздух и больно хлопнула Гермиону по щеке. — Кажется, это вы лечили моего сына? Я счастлив, что он столь дёшево отделался. Мне ещё предстоит прояснить вопрос, почему в этих стенах доверяют жизнь и здоровье студентов неопытным... — он сделал паузу и продолжил, — маглянкам, не имеющим отношения к колдомедицине. Вы не находите, мисс Грейнджер, что это просто возмутительно?

Гермиона покраснела и, опустив голову, прошмыгнула мимо. С трудом ковыляя и подпрыгивая на здоровой ноге, к дверям подошёл Рон.

— Ах, мистер Уизли... Сожалею, сожалею. Какая потеря для команды. Кажется, завтра должен был состояться ваш дебют? Надеюсь, мадам Помфри приложит все усилия, чтобы вы были в строю.

Рон поднял на Малфоя полный боли и ненависти взгляд:

— Вам-то что за забота?

— О, как невежливо, молодой человек. Разве так можно разговаривать со старшими? — укоризненно покачал головой Люциус, зацокав языком. — Вашим родителям стоило бы обращать больше внимания на ваши манеры и воспитание. Хотя, что с них взять — они ведь целый день в трудах и заботах о хлебе насущном.

Губы Рона дрогнули, но Гарри торопливо подтолкнул его вперёд, и, с трудом сдерживая гнев, он пропрыгал на крыльцо. Гарри хотел шагнуть следом, но в этот миг прямо перед носом, перегородив дорогу, взлетела чёрная трость.

— Удачи вам в завтрашнем матче, мистер Поттер. Думаю, завтра она вам понадобится.

— Пожелайте это вашему сыну, — вскинул голову Гарри. — Возможно, тогда он сможет удержаться на метле в нужный момент.

Губы Малфоя дрогнули и приподнялись, превратив лицо в подобие хищной оскаленной морды. Но уже через миг любезная улыбка вернулась.

— Время нас рассудит, мистер Поттер.

— Не сомневаюсь, мистер Малфой, — Гарри дёрнул трость вниз, вышел из сторожки Хагрида и помог Рону спуститься по ступенькам. Обрадовавшийся добыче ветер в тот же миг безжалостно вцепился в свои жертвы.

Если бы Гарри, пересекая луг, повернул голову, то увидел бы, с какой ненавистью смотрят ему вслед две пары светло-серых глаз.

* * *

— Этот чёртов кот, Люциус...

— Зови меня “мистер Малфой”, Червехвост. После того, как ты произносишь моё имя, мне хочется его сменить.

— Какого чёрта?.. Ну, ладно, ладно... Мистер Малфой... Чёртов кот этой грязнокровки снова меня учуял. Сейчас ведь всё приходится делать своими руками — а он мне ещё тогда прохода не давал, так и норовил сожрать. Может, его тоже убить — и дело с концом?

— Не надо. Никаких лишних движений. Господин этого не хочет. Всё должно быть именно так, как задумано. Если он тебе прикажет, ты будешь есть с этим котом из одной миски.

— Ну, уж нет, я лучше съем человечины.

Люциус смерил Петтигрю брезгливым взглядом.

— Однако, шуточки у тебя... Спасибо, а я так воздержусь. Итак, завтра он всё сделает, как нужно. Я сам прослежу. А тебе, я думаю, лучше на время исчезнуть из замка. Ты приготовил зелье?

— Да, вот оно, — зелье жирно блеснуло во флаконе с притёртой пробкой. — Должно хватить.

— Надеюсь. Что ж, завтра от мистера Поттера останется лишь груда переломанных костей, Червехвост... Его сейчас ничто не остановит, так что момент выбран как нельзя лучше.

— А если нет?

— А если не сработает, то в ход пойдёт следующий вариант. Они никуда от нас не денутся. Оба.

* * *

— Драко, сын мой, — Люциус Малфой стянул с рук перчатки и кинул их на низкий столик. Слизеринская гостиная пустовала — студенты были на уроках. Тускло горели факелы, многочисленные змеи, украшавшие гостиную в виде канделябров, gobelенов и каминных решёток, в неровном свете казались живыми. — Я хотел бы поговорить с тобой.

Малфой-младший стоял у камина, машинально водя пальцем по затейливой резьбе на каминной полке.

— Да, отец.

— Будь так любезен, повернись ко мне лицом. Да-да, именно так, — шёлковый голос отца не мог обмануть. Драко весь напрягся, словно перед прыжком. — До меня дошли презабавные слухи. И прелюбопытнейшие письма, — Люциус Малфой задумчиво изучал набалдашник своей трости, словно беседовал не с сыном, а с разинувшей ядовитую пасть змей. — Говорят, ты стал завзятым дуэлянтом. Бретёром. По слухам, вы бились с Поттером. Устроили грандиозную дуэль с членовредитель-

ством.

— Да, — слизеринец сжался.

— Надеюсь, не из-за грязнокровки?

Драко покраснел и углубился в изучение своих ногтей. Увы, чуда не произошло. Отец ждал ответа.

— Из-за неё. Но это совсем не то, что ты думаешь.

— А ты уверен, что знаешь, о чём я думаю? — Люциус приподнял серебристую бровь. — Хочешь, я открою тебе сию тайну? — он качнулся вперёд и перешёл на шёпот, от которого у Драко по спине побежали мурашки. — Запомни, мальчик: Малфои не бьются на дуэлях. Для того чтобы получить желаемое, существуют другие способы. Зелья. Яды. Деньги. Заклинания. Тёмная магия. Чужие руки, наконец. Показуха — удел сумасшедших и безродных. И не важно, из-за чего произошла дуэль. Тем более — из-за женщины. Даже не женщины — а из-за поттеровской потаскушки-грязнокровки.

— Но отец... Я и хотел отомстить ей за всё, что она сделала. А потом стереть ей память...

— Ты ещё не владеешь Заклятием Забвения до такой степени, чтобы стёртую тобой память нельзя было восстановить. И что бы тогда вылезло на поверхность? — Люциус вскинул взгляд. Было в его тоне нечто такое, от чего Драко дёрнулся, будто получил хлыстом по лицу. Похоже, перспектива разоблачения доселе им всерьёз не рассматривалась, однако теперь повергла в ужас.

— Но... Это Поттер вызвал меня — не мог же я отказаться. Тогда бы вышло, что я трусил.

— Значит, ты должен был убить его. Или умереть сам, — Малфой-старший произнёс это так легко и обыденно, словно говорил “и не забывай чистить зубы после еды”. — Первое, конечно, предпочтительнее, — он откинулся в кресле и забросил ноги на низенький столик. Набалдашник трости в его руках тускло поблёскивал, и Драко поймал себя на том, что не может оторвать глаз от змеиной головы и острых зубов в хищно распахнутой пасти. — А не попадать в лазарет, чтобы там тобой занималась эта выскочка. Или же тебе именно этого и надо, а, мальчик? — на губах Люциуса появилась насмешливая улыбка, а от пронзительного взгляда нельзя было укрыться. — Юная мисс Грейнджер хороша, я имел возможность убедиться в этом сегодня. У Поттера, определённо, есть вкус. Но она — магглорождённая, грязнокровка, а потому усьмири свои гормоны и выброси из головы все шалости. Малфои не валяются в грязи. Мой тебе совет: держись от неё подальше. Это в твоих же интересах.

— Отец, как ты мог подумать... — задохнулся от негодования Драко, впервые за всё время разговора столь явно проявив ещё какое-то чувство, кроме покорности.

Малфой-старший откинулся назад, его изящные тонкие руки, которые могли бы принадлежать скрипачу или пианисту — опустились на атласные подлокотники кресла. Он был явно доволен реакцией сына и, нетерпеливым жестом велел ему замолчать, продолжил:

— Если ты хочешь добиться того же, что и Поттер, думаю, тебе стоит начать не с его подружки, а с квиддича. Мерлин мой, мог ли я подумать, что однажды произнесу эту фразу, — Малфой-старший театрально закатил глаза. — Отпрыск рода Малфоев, существующего вот уже вторую тысячу лет, не может соперничать с каким-то недодавленным гриффиндорским клопом. Мой сын всё ещё не староста. Не лучший ученик школы. И он ни разу не выиграл матч против Гриффиндора. Какой позор... Всё, на что он способен, — растрачивать факультетские баллы в глупых перепалках и выходках. В результате добьёшься того, что тебя возненавидят твои же сокурсники.

ки.

Драко продолжал исследовать свои руки. Плечи его ещё больше поникли. Однако сумей Малфой-старший заглянуть сейчас в глаза сына, он не увидел бы там раскаяния — только ненависть, упрямство и с трудом сдерживаемую ярость.

— Сколько раз я просил тебя смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю! — концом трости Люциус резко вскинул голову сына вверх.

— Да, отец, — лицо Драко ровным счётом ничего не выражало.

— Мальчик мой, ты опять разочаровываешь меня, — голос вновь стал вкрадчивым. — Дуэль. Потерянные семьдесят пять баллов. Даже сегодня, когда Уизли вывихнул ногу, тебя заметили. Кстати, об Уизли, — Люциус взмахнул тростью и со всего маха ударил набалдашником по столу. Зубы змеи глубоко вошли в дерево, жалобно дрогнувшее от удара. Драко дёрнулся. — До меня дошли совершенно отвратительные слухи. Только не надо говорить, что это правда. Я буду очень недоволен... Очень... — теперь шёпот напоминал змеиное шипение — тихое и смертоносное. Драко помертвел, но в этот миг явилось спасение в лице вошедшего в гостиную Снейпа. Увидев Люциуса, декан Слизерина насторожено замер.

— Северус, — Малфой встал и учтиво поклонился, не пытаясь подать руки.

— Люциус, — чуть склонил голову Снейп, не отводя от него глаз, словно в любую секунду ожидая удара. — Я слышал, что ты в Хогвартсе. Что привело тебя сюда? Семейные дела? Беспокоишься о здоровье сына?

— Всё гораздо прозаичнее — дела министерства, — улыбнулся Люциус, метнув на Драко такой взгляд, словно тот публично его опозорил.

— Я слышал, тебя отстранили...

— Всё меняется в этой жизни. И довольно быстро.

Взгляды мужчин — чёрный и серый — скрестились, и Драко показалось, что он услышал лязг металла.

— Да, подчас даже быстрее, чем хотелось бы, — сухо заметил Снейп. — Мистер Малфой, — он взглянул на Драко, — мне необходимо обсудить с вами некоторые аспекты курсовой работы по Зельям. Ты позволишь, Люциус? Или ваша беседа ещё не завершена?

— О, нет-нет, конечно, не буду вам мешать. Дела превыше всего, — Малфой-старший с лёгкостью выдернул из столика застрявшую трость, подхватил плащ и перчатки и шагнул к дверям. — Матч завтра в полдень, Драко?

— Да, отец.

— Отлично. До завтра, сын. Подумай над моими словами. Северус... — он снова учтиво склонил голову.

— Прощай, Люциус, — скрестив на груди руки, Снейп проводил его настороженно-напряжённым взглядом и развернулся к Драко.

* * *

Дни прошелестели надо мной клочками разорванных писем. Писем, которые я так и не отправил ей. И вот я снова затаился на привычном месте неподалёку от входа в гриффиндорскую гостиную. Я уже знал каждую трещинку на статуе колдуньи, что стала невольной поверенной в моих делах. Я ждал её.

За дни, прошедшие после возвращения в Англию, мы почти не встречались и не разговаривали — несколько фраз на уроках, пятнадцать баллов, что она заработала для факультета. И только. А мне нужно было поговорить с ней. Я чувствовал, что со мной происходит что-то непонятное, что-то опасное. Безумные сны. Станные пробуждения. Навязчивые видения, не дающие покоя даже днём. Проигрыш в отборочной игре, после которого тренер поставил передо мной условие: или я присутствую на всех играх и тренировках, или же на моё место вводят другого игрока. Нового

игрока... Он думал, что меня остановит это. Пусть. Боян будет только счастлив. Какое мне дело до квиддича, если речь идёт о жизни. Жизнях. Моей и её.

Меня неудержимо тянуло сюда, в эти стены, — все дни, что я был на родине. На родине? Нет, на чужбине. Моя родина там, где она. Я даже испытал облегчение от проигрыша — значит, меня больше ничего не удерживает в тех краях. Едва успев скинуть после матча форму и растолкав галдящих и бросающихся на меня репортёров, я метнулся на вокзал. Мне становилось легче с каждым шагом, словно неведомая боль отпускала душу и сердце. И вот замок, вонзённый в озеро, отражается в воде у моих ног, и замёрзший камыш серебряной щетиной разрывает тонкую корочку льда. Я вернулся.

Она рядом. Я чувствовал её присутствие, её запах. Я касался рукой камней, зная, что рано или поздно, проходя мимо, она случайно заденет их, и наши руки соприкоснутся, хотя она и не будет знать об этом. Когда из моего класса выходил последний студент, я садился на её место, пытаюсь ощутить тепло её тела, услышать обрывки её фраз и мыслей. Я разговаривал с ней, она отвечала, улыбалась мне. Я касался её рук, снова ощущал её вкус на губах. Почему-то солёный, как в тот день, когда целовал её в последний раз. Как безумно далека она от меня сейчас. Я проклинал свою летнюю нерешительность и стечение обстоятельств, отобравших у меня её — сложись всё иначе, сейчас мы бы уже были вместе и ничто не смогло бы нас разлучить. Ничто и никто.

Поттер и Уизли. Проклятые Поттер и Уизли. Они снова рядом с ней. Я должен это остановить. Раз и навсегда.

Звук её голоса оторвал меня от мрачных размышлений и воспоминаний, чтобы тут же швырнуть в чёрную бездонную пучину боли: они снова шли втроём — она и её неразлучные оруженосцы, чтоб их баньши порвали. Она смеётся, она счастлива. Поттер смотрит на неё влюблёнными глазами. Портрет отодвигается. Ну, уж нет... Взмах палочкой...

— Ой, у меня туфля расстегнулась... Я сейчас.

Их долговязые фигуры скрылись в проёме. Она присела на одно колено, склонившись над разлетевшейся застёжкой.

— Reparo...

— Виктор?

— Гермиона...

Она поднялась и посмотрела на меня со смесью недоумения и страха. Сейчас или никогда. Я взял её за руки и, без труда преодолев сопротивление, увлёк в мою нишу.

Выслушай, ну, выслушай же... Не надо отталкивать меня, не кричи... Я закрыл ей рот поцелуем. Подожди, я сейчас всё тебе расскажу. Боже, зачем ты кусаешься? Постой же, девочка, замри на миг, послушай... Мне снится один и тот же сон: обрывается тоненькая золотая ниточка, и на меня обрушивается безумный, уничтожающий всё живое шквал. Ледяная вода — сладкая, смертоносная — поднимается, доходя до самого сердца, и мир меркнет перед глазами. Глухо, словно через вату, доносится твой голос — ты умоляешь о чём-то. Я вижу твоё лицо — неясные, расплывшиеся в сумраке черты, искажённые ужасом. А потом — крик, зелёная вспышка и хохот — мрачный, торжествующий. Покажи мне руку, дай я снова взгляну на твою ладонь, ну же! Вот так. Молчи, молчи... Прости, я не могу отпустить тебя. Не плачь, послушай дальше: иногда по утрам я чувствую странную боль в груди — словно кто-то всю ночь напролёт втыкал иглы в моё сердце. И после таких ночей я целый день, будто пьяный — тело не слушается меня, разум отказывается повиноваться, я, словно схожу с ума, слышу зловещие голоса, шелест крыльев, мышинный писк, хотя рядом со мной никого и ничего нет. И во рту странный, горький вкус... Стой! Куда же

ты?..

— Эй, Гермиона! — она змеей вывернулась из моих объятий и метнулась к недоумённо оглядывающемуся в коридоре Поттеру. — Куда ты запропастилась?

— Я... — от звука её голоса я замер, почувствовав на губах всё тот же горький вкус ледяного пота. — Я искала Косолапсуса, — она задыхалась. — Он... он опять куда-то исчез. Ну, пойдём же скорее, Гарри...

Она ушла, и в этот миг я сообразил, что так и не сказал ей ни слова, словно кто-то наложил печать молчания на мои уста.

* * *

— Ты когда-нибудь раньше бывал на свадьбе? — шёпотом спросил Рон, удивлённо оглядывая кухню. Мадам Помфри отпустила его из лазарета с большим неудовольствием, но Гермиона клятвенно пообещала, что проследит за тем, чтобы вторая половина зелья была выпита точно в десять вечера, так что, вопреки опасениям, на матч против Слизерина гриффиндорцы должны были выйти в полном составе.

— Не-а, — Гарри топтался рядом и крутил головой. В парадных мантиях, которые Гермиона заставила их надеть, они чувствовали себя полными болванами. Это усугублялось видом огромной хогвартсовской кухни, увитой зеленью петрушки и базилика, благоухающей корицей и гвоздикой. В воздухе роились светлячки, звучала негромкая музыка, извлекаемая феями из крошечных инструментов. Лица эльфов сияли торжественной радостью. Большинство из них были обитателями Хогвартса, и белоснежные полотенца с гербом, обёрнутые вокруг зеленоватых тел на какой-то замысловатый манер, превращали их в довольно злые карикатуры на древних римлянах. Мелькали среди них и чужаки — в наволочках, полотенцах и тряпках, давно утративших свой первоначальный цвет, при виде чего Гермиона возмущённо нахмурилась, видимо вспомнив про свою былую деятельность на фронте всеэльфийского освобождения.

Сложив подарки у величественно гудящего камина, Гарри, Рон и Гермиона скромно встали в уголке, но ликующий Добби извлёк Гарри оттуда на всеобщее обозрение и начал привычно возносить до небес его доблесть, ум и бесстрашие, в результате чего тот минут через пять стал чувствовать себя живым воплощением всех Рыцарей Круглого Стола во главе с королём Артуром. С трудом отбившись от жениха, он присоединился к друзьям, пристроившимся у стоящего в стороне столика со сливочным пивом и пирожными.

— Интересно, как это у них происходит? — вслух поинтересовалась Гермиона, крутя в пальцах пустой бокал. — Кто поведёт невесту к алтарю... то есть алтаря-то тут как раз нет... А кто скрепит их узами брака? У них есть священники? Или кто-то в этом роде?

— Сейчас всё узнаешь, — Рон кивнул на странную процессию, направлявшуюся к камину: два домовика вели под руки старого, дряхлого и, судя по всему, слепого эльфа, на котором было не белое, как у всех, а красное полотенце с гербом Хогвартса. — Наверное, он у них тут самый главный.

Как по команде, на кухне воцарилась почтительная тишина, домовики склонили головы в приветствии. Старик прошаркал к камину и опустился на подставленный ему хлипкий деревянный стул. В тот же миг музыка снова зазвучала — торжественная, тихая — и к старику подошёл Добби. Гарри отметил, что эльф не смог удержаться от искушения и немедленно облачился в наряд, преподнесённый Гермионой, став тут же ужасно похожим на худосочного заморенного первоклассника.

— А где невеста? — поинтересовался Гарри, и в этот миг вцепившиеся в мантию маленькие ручки потянули его куда-то в сторону, он едва успел сунуть обратно на стол бутылку со сливочным пивом.

— Гарри Поттер окажет всем нам большую честь... Гарри Поттер проводит невесту к жениху... Добби так мечтал об этом... И Тэрри тоже, сэр...

Опустив глаза, Гарри едва удержал смех: на него с обожанием взирала облачённая в школьную мантию невеста. На голове у неё было повязано белое полотенце, украшенное веточками укропа и петрушки. Юноша беспомощно оглянулся на друзей: Рон хихикал и показывал ему большой палец, а Гермиона, рассеяно улыбаясь и поправляя на шее повязанный бантом платок, судя по всему, погрузилась в какие-то раздумья.

— Конечно, конечно, — кивнул Гарри и, мысленно проклиная Добби и всю его зелёную эльфийскую родню, взял Тэрри, дрожащую от волнения, за тоненькую ручку. Невеста, семеня на цыпочках, едва поспевала за длинноногим гриффиндорцем. Домовики расступились, давая им дорогу, и под органное гудение огня и тихую торжественную музыку Гарри пошёл к Добби, размазывающему по худому остроносому лицу слёзы умиления и восторга. Губы домовика непрерывно шевелились, и Гарри не стоило большого труда угадать, что тот бормотал:

— Великий Гарри Поттер... Какая честь для меня... Мог ли Добби мечтать об этом... Сам Гарри Поттер...

Наконец, невеста была торжественно вручена жениху, и юноша с чувством глубокого облегчения присоединился к друзьям. И Рон, и Гермиона покатывались со смеху:

— У тебя в жизни не было такого глупого лица, — булькал сливочным пивом Рон. — А ты бы видел, с какой завистью таращились на Добби остальные! Я не удивлюсь, если отныне у домовых эльфов появится новая традиция: приглашать на свадьбу Гарри Поттера. В качестве посажённого отца — ну, или как оно называется — свадебного генерала.

— Рон, не смешно, — буркнул Гарри и налил себе сливочного пива.

— Ой, ну и забавная же у них церемония, — Гермиона стояла, не сводя глаз с брачующейся парочки. — Похоже, я знаю, что сейчас будут делать с этим полотенцем... Наверное, это у них вместо обмена кольцами... Ой, точно!

Юноши повернулись аккурат в тот момент, когда старый слепой эльф связывал руки жениха и невесты простым кухонным полотенцем. Видимо, в этом и состояла кульминация свадебного обряда, потому что в тот же миг грянула музыка, и гости набросились на молодых с поздравлениями. Старого эльфа бережно подняли и увели его внимательные провожатые, а домовики принялись за угощение и танцы.

Спустя час раскрасневшаяся Гермиона расстегнула верхнюю пуговку на своей блузке. Увидев это, Гарри и Рон тут же скинули парадные мантии, в которых постоянно запутывались пляшущие домовики. Музыка становилась всё веселее и безудержнее, краем глаза Гарри заметил, что Гермиона рассеянно постукивает в такт ногой. Он наклонился к ней и смущённо произнёс:

— Может, мы тоже потанцуем? Конечно, я не умею и наверняка обступаю тебе все ноги...

— С удовольствием, Гарри!

Она подала ему руку, и они задвигались, пытаясь подражать движениям домашних эльфов.

— Кажется, это какой-то ритуальный танец, — заметила Гермиона, внимательно наблюдая за домовиками и старательно копируя их движения. — Что-то вроде эльфийского менуэта... Раз-два-три... раз-два-три... Так, теперь поклон... Ну, что же ты, Гарри, о чём ты думаешь!

— О тебе, — честно признался юноша, которому ещё ни разу не удалось попасть в такт, зато ближайšie к ним эльфийские парочки с испуганным писком шарахались

прочь от его ботинок. — Ты здорово танцуешь.

— В детстве мама и папа хотели, чтобы я занималась балльными танцами, — фыркнула Гермиона. — Они считали, что это способствует выработке хорошей осанки и красивой походки. Видели бы они мою набитую книгами сумку — в тот же день забрали бы из Хогвартса!

— Ага, — рассеянно согласился Гарри, не сводя взгляда с её лица. Разрумянившееся от тепла и сливочного пива, оно было так близко; губы цвета спелой вишни чуть шевелились, когда она отсчитывала ритм, и юноша понял, что если сейчас её не поцелует, то сойдёт с ума. Прямо тут и прямо сейчас. Он сжал руку Гермионы и притянул девушку к себе.

— Ой! — её лицо исказилось гримасой боли, она судорожно выдернула руку.

— Что такое? Я сделал тебе больно? — и прежде чем она успела возразить, он закатал рукав, обнажив её запястье. На коже синели свежие кровоподтёки. — Гермиона, что это?! Кто это сделал?! Кто тебя обидел?

Гермиона, помертвев, подняла на Гарри взгляд и с ужасом убедилась, что от ярости у того волосы встали дыбом, а из глаз посыпались зелёные молнии. Дерево в камине звонко треснуло и разломилось пополам, разбросав золотые искры. Музыка грянула снова, и, взвизгнув от восторга, домовики понеслись в безумной жиге.

— Нет-нет, Гарри, — залепетала девушка, пряча руки за спину и пятясь, — я просто расшиблась, когда искала Косолапсуса. Ты же знаешь его — то в камин свалится, то в трубе застрянет...

— Нечего было его так раскармливать, — к ним с недоеденным куском пирога в руке, осторожно лавируя между лихо отплясывающими эльфами, подошёл Рон. — Наступит день, когда твоя разожравшаяся животиная не пролезет в главные ворота Хогвартса, и для него придётся прорубать персональный проход в стене.

— Неправда, Рон! — стараясь сменить тему, горячо возразила Гермиона. Но попытка не удалась: белый, как полотно, Гарри стоял, не сводя с неё глаз.

— Гермиона, кто это сделал? Малфой? Я его убью.

— Что такое? — замер Рон.

— Гарри, я тебя умоляю — честное слово, это сделал не Малфой! — Гермиона едва сдерживала слёзы, но пыталась говорить как можно более успокаивающе.

— Тогда кто?

— Клянусь — я расшибла руки, вытаскивая Косолапсуса из дупла! — она сейчас скорее совершила бы клятвопреступление, нежели рассказала правду. — Ты же знаешь, он в последнее время стал каким-то бешеным.

И, словно подтверждая её слова, в кухню неизвестно откуда влетел взъерошенный Косолапсус, напоминающий размерами не кота, а упитанного тигрёнка. Сбив с ног несколько танцующих пар, он подлетел к Гермионе и начал настойчиво тереться об ноги. Но лишь она наклонилась, чтобы погладить его, он отпрыгнул в сторону и призывно замяукал, явно зовя хозяйку за собой.

Гарри с сомнением покосился на кота, но, к огромному облегчению Гермионы, кажется, начал остывать. Оклеветанное хозяйкой животное, меж тем, продолжало свои странные действия: бегая от ног ребят к дверям, оно явно хотело, чтобы те последовали за ним. Переглянувшись и пожав плечами, друзья, стараясь не привлекать внимания, бочком двинулись мимо пиршественного стола. Гости ели, пили, веселились, кое-кто, утомлённый сытостью и пивом, уже подрёмывал над тарелкой. Добби во главе стола, что-то пламенно вещал, размахивая подарком Гарри, — ярко-синим носком. Тэрри взирала на супруга влюблёнными глазами, благоговейно внимая каждому слову и смахивая с глаз крупные слёзы умиления.

— ... и тогда мы сможем объединиться в единый фронт освобождения и борьбы за

равные права с волшебниками, — донеслось до ребят. Рон не выдержав, громко хрюкнул, и Добби, развернувшись, немедленно переключился на свой любимый объект, — который возглавит неустрашимый борец со злом, великий волшебник и спаситель мира...

Гарри взвыл и опрометью бросился к дверям.

Кот радостно мяукнул и помчался по коридору. Его огромный пушистый хвост рыжим знаменем реял в воздухе. Коридор, ещё один, лестница, снова лестница — они спустились в какое-то незнакомое подземелье. Сырость, плесень, по стенам сочилась вода, где-то в темноте звонко бились о камень капли. Косолапсус метнулся в угол и призывно замыкал. Прозвучало дружное “Lumos!” — и в свете волшебных палочек они увидели валяющиеся в углу опалённые тряпки.

— Что это? — недоумённо спросил Рон, с трудом переводя дух от пробежки на сытый желудок. — Зачем ты приволок нас сюда, безмозглое животное? Я ещё торт не пробовал!

Глаза кота презрительно блеснули, и животное снова воззрилось на свою хозяйку.

— Пойдите... — пробормотал Гарри. — Если я всё правильно помню, то это...

— ... одежда Винки, — кивнула Гермиона с самым похоронным видом. — А саму её...

* * *

Гермиона, поджав ноги, сидела в кресле, глядя тархтевшего Косолапсуса. Гарри и Рон пристроились на её кровати напротив. Военный совет был в самом разгаре, чему немало способствовало наличие у старосты собственной комнаты, где можно было беспрепятственно беседовать хоть до самого утра.

— Давайте перечислим и запишем все имеющиеся у нас факты, только после этого можно будет делать какие-либо выводы, — разумно предложила Гермиона, когда первые страсти улеглись. — Итак, с самого начала: мы с Гарри, возвращаясь домой, попали в таинственный коридор. За прозрачной стеной находилось какое-то странное существо. Дамблдор сказал, что это... — она приглашающе махнула рукой Гарри.

— ... страж блуждающего восьмого коридора, одно из созданий Гриндевальда. Потом я попал туда с другой стороны, провалившись сквозь витрину в лавочке “Магия кухни”. Там куча коридоров, ведущих в огромный зал, где явно проводятся ритуалы Тёмной магии.

— Так, ты должен мне подробнейшим образом рассказать, что именно ты там видел, — взмахнула пером Гермиона, оторвавшись от пергамента, на котором она старательно записывала всё, что говорил Гарри. — Я попробую что-нибудь отыскать в Энциклопедии колдовства.

— Хорошо, — кивнул тот и продолжил. — Одного из колдунов я видел и, думаю, даже сумею узнать. Судя по надгробиям, всё связано с Вольдемортом. Во всяком случае, мне ничего иного в голову не приходит. Когда в подземелье никого нет, страж разгуливает на свободе, и как обезопасить его — неизвестно.

— А книга о рукотворных монстрах и созданиях Гриндевальда из библиотеки испарилась, — добавил Рон, оторвавшись от созерцания прилипших к тёмному окну снежинок.

— Верно, — одобрительно кивнула Гермиона. — Значит, не мы одни интересуемся этим, в Хогвартсе есть ещё кто-то, кто в курсе или, хотя бы, догадывается о происходящем.

— Не факт, — с сомнением покачал головой Гарри. — Возможно, это просто совпадение.

— Ты в это сам-то веришь? — фыркнул Рон.

Гарри вздохнул и продолжил:

— Выход из подземелья находится в заброшенном доме в Хогсмиде. Хотя, вероятно, вход тоже где-то поблизости. Нам нужно будет обследовать этот дом и окрестности. Только осторожно, чтобы никто не заметил. Из Хогсмида в Хогвартс ведёт несколько потайных ходов, но все они — кроме одного, который мы с Роном почти расчистили, — заблокированы Дамблдором.

— И, тем не менее, несмотря на предпринятые меры безопасности, в школе происходят странные покушения — уже дважды их жертвой стал Крум, хотя вполне мог оказаться Гарри, — добавил Рон, и от внимания Гарри не укрылось, что Гермиона вздрогнула и машинально потёрла свою покалеченную руку.

— Теперь мы нашли то, что осталось от Винки.

— Кстати, — вставил Гарри, — я недавно был на кухне, и на вопрос про неё домовики тут же начали темнеть, а потом и вовсе выставили меня за дверь.

— Она была убита, — мрачно продолжила Гермиона. — А ещё нам известно, что какой-то сильный Тёмный маг проклинал метлу Гарри.

— Слушайте, мы всё гадали, кто же мог подсыпать яд в кувшин в лазарете, — неожиданно хлопнул себя по лбу Рон. — Конечно же — домашний эльф! Ведь Винки ещё в прошлом году не могла себя контролировать и почти спилась. Возможно, она попала под чьё-то влияние. А потом он, наверное, решил её убить — за ненадобностью.

В комнате повисло молчание. Гарри задумчиво уставился на свечу с каплей огня наверху.

— И ещё... — начал он, собравшись с духом. — Меня постоянно преследуют кошмары. Дементоры. Призраки. Мертвецы. Они кричат...

— Так вот почему ты так орёшь по ночам... — буркнул Рон.

— ...и там есть ты, — Гарри в упор взглянул на Гермиону. — Я должен спасти тебя и себя — и не могу. Я словно связан по рукам и ногам.

— А шрам у тебя при этом болит? — деловито уточнила Гермиона.

— Нет. То есть это было, но всего один раз — ещё в Болгарии.

Воцарилась гробовая тишина. Рон поёжился.

— Что-то слишком мрачно звучит... Ну, Гермиона, и к каким выводам ты пришла?

— Я не могу ничего утверждать наверняка, пока не посмотрю кое-какие книги в библиотеке, — задумчиво откликнулась староста. — Но пока всё указывает на то, что каким-то образом Тёмная магия проникла в Хогвартс. И среди нас есть Тёмный маг, ненавидящий Гарри и пытающийся до него добраться.

— Я даже знаю его имя, тут к гадалке не ходи. Драко Малфой, — пожал плечами Рон.

— Нет, он не владеет Тёмной магией в такой степени. Дамблдор сумел бы отличить чары, наложенные рукой студента, от проклятья, выполненного сильным волшебником, — покачала головой Гермиона.

— А ты почём знаешь? Ведь его папочка — один из Пожирателей. И, кстати, Малфой-старший сейчас тоже в Хогвартсе. Ох, не нравится мне всё это. А завтра ещё матч...

— Точно, — встрепелась Гермиона, и в её голосе снова появились командные нотки. — Так, уже поздно. Вам надо как следует выспаться, немедленно отправляйтесь к себе. Всё равно сегодня мы уже ничего умного не придумаем. А завтра после матча пойдём в библиотеку. И вместе обследуем ваш подземный ход.

— Хорошо, — кивнул Гарри.

— Угу, если останемся в живых, — буркнул Рон (и ведь как в воду глядел! — прим. авт.) и направился к выходу. — Спокойной ночи.

— И вам тоже, — Гермиона прикрыла за юношами дверь, но уже через миг снова раздался стук.

— Гермиона, — в дверь просунулась голова Гарри, — я забыл мантию. На тумбочке.

Гермиона протянула ему мантию, мысленно улыбнувшись банальности уловки. Юноша не спешил уходить, медлил, топтался в дверях, комкая мантию в руках.

— Гермиона?.. — дрогнувшим голосом произнёс он, наконец. — Может быть, ты согласишься... Мы могли бы... — голос предательски сорвался.

— Что могли бы? — она почувствовала, как сердце замерло в груди.

— Ну, если ты не против, мы могли бы встречаться... Опять, — даже в полумраке было видно, как он покраснел. — Если, конечно, ты не встречаешься с кем-то другим, — Гарри взглянул на неё в упор, и Гермиона с трудом удержалась от того, чтобы снова спрятать руки за спину.

— Конечно, я с радостью буду встречаться с тобой, — чуть смущаясь, кивнула она, осознавая насколько официально, а потому ужасно смешно это прозвучало. — Я ни с кем не встречаюсь.

Гарри больше не мог терпеть, из него будто вынули большую тяжёлую заслонку. Зажмурившись, он притянул её к себе и губами осторожно дотронулся до её губ.

Всю сграбастав, изогнул по себе, прижал и стих. У Гермионы в груди взорвалось что-то горячее, она ахнула и обмякла в его объятиях, чувствуя, как подгибаются ноги и начинает кружиться голова. В комнате было темно и тихо, лишь Косолапсус одобритительно мурчал в кресле.

— Гарри, милый... Не... не надо, пожалуйста... — у Гермионы было отчётливое чувство, что ещё чуть-чуть, и происходящее выйдет из-под контроля.

Он не понял, сказал:

— Подожди, — и снова притянул её к губам.

Она не знала, сколько времени прошло, мгновение или час, но из коридора донеслись приглушённые шаги и недовольный голос Рона:

— Эй, какого чёрта? Сколько можно тебя ждать?

Дверь приоткрылась, ударив Гарри в спину, и в образовавшуюся щель просунулась рыжая вихрастая голова.

— Понятно, — кивнул Рон, мгновенно оценив обстановку. — Рад за вас. Давно пора. Гарри, мог бы сразу сказать, что останешься тут.

— Нет-нет, — спохватилась Гермиона и, упёршись Гарри в грудь, с трудом отстранилась от него. Щеки у неё горели, а глаза сияли так, что казались двумя чёрными солнцами. — И... иди...

Не поворачиваясь, Гарри молча лягнул дверь ногой — Рон едва избежал риска быть обезглавленным, поспешно нырнув обратно в коридор, — и снова потянулся к ней.

— Гермиона, я...

Она чувствовала, что сейчас прозвучит что-то ужасно важное, после чего нельзя будет жить, как раньше. И перепугалась. Она была не готова. Нет-нет, не сегодня. Только не сегодня. Она ещё чувствовала на губах горечь поцелуев Виктора, руки болели, а на плечах ей предстояло наутро обнаружить синяки. Нет, она сейчас не могла говорить об ЭТОМ с Гарри.

— Подожди, Гарри. Не надо. Я... я не могу.

— Но почему? — его горячий шёпот обжёг ей шею. Юноша прижал её к стене, отрезав руками пути к отступлению.

— Просто... просто... — она попробовала поднырнуть под его руки, но не тут-то было: он недаром был лучшим ловцом школы. — Я... я не могу так сразу...

— Гарри... — грозно провыл в дверь Рон. — Отстань от Гермионы. Пойдём спать. Завтра игра со Слизерином. Успеете ещё.

— Иди к чёрту, — посоветовал ему Гарри, но слегка сбавил натиск. — Гермиона, я...

— Я тоже, — перебила она его и, приподнявшись на цыпочки, торопливо чмокнула в губы. И тут же выскользнула из его почти сомкнувшихся объятий и отворила дверь. В комнату ввалился неосмотрительно прислонившийся к косяку Рон. — Спокойной ночи.

— Гермиона, — снова рванулся к ней Гарри, но Рон вздохнул и, ухватив друга за воротник и ремень, выволок в коридор, не обращая внимания на бурное сопротивление.

— Спокойной ночи? — донеслось бурчание Рона с лестницы. — Да не брыкайся ты, всё равно не отпущу. Ха, как бы не так, будет у него теперь спокойная ночь...

Глава двадцать пятая, в которой за победу в квиддиче приходится заплатить кровью, шантажиста постигает страшная кара, а в Хогвартсе вводится чрезвычайное положение.

Словно знаменуя приход зимы, с утра грянул мороз. Вчерашний снегопад укутал белым саваном промёрзшую землю и разом превратил величественный серый замок в посыпанный сахарной пудрой шедевр кулинарного искусства.

Драко Малфой равнодушно отвернулся от многочисленных башен и, сделав ещё один круг над квиддичным полем, завис в воздухе, не сводя глаз с Поттера. Тот сосредоточенно обшаривал взглядом пространство.

Здесь, на высоте, ветер уныло завывал, обжигая щёки и перехватывая дыхание. Горло у слизеринца уже горело, как будто в него воткнули тысячу мелких осколков, глотать было больно. Солнце, прорвавшееся сквозь набухшие от снега тучи, резало глаза. Но Малфоя сейчас всё было нипочём, он переполнялся упоительными предчувствиями. Спрятанная в рукаве волшебная палочка, предусмотрительно привязанная к запястью, согревала душу, периодически он нежно поглаживал её кончиками пальцев, предвкушая близящийся миг торжества и возмездия. Заклинание он отточил до совершенства: вчера репетировал на берегу озера — ветка в руку толщиной хрупнула и переломилась, как соломинка. Теперь осталось лишь дожидаться подходящего момента.

Ну-ну, сегодня у зрителей есть все шансы увидеть, какого цвета кровь настоящего чистокровного волшебника, — он снова погладил тёплое отполированное дерево и обвёл глазами небо в поисках золотистой искры. Снитч давно не радовал своим появлением: едва выпущенный в начале игры мадам Хуч, золотой шарик взмыл вверх и скрылся с глаз, потом мелькнул пару раз, но исчез раньше, чем ловцы успели кинуться в погоню. И вот уже с четверть часа соперники напряжённо парили друг напротив друга, крутя головами и обмениваясь полными ненависти взглядами.

А внизу, судя по мельтешению игроков, рёву трибун и по доносящимся до них комментариям, всюю кипела игра:

— Мяч у Кэти Белл — ну, давай же! Она прорывается к кольцам Слизерина... О, нет — бладжер! Квофл потерян, его подхватывает Уоррингтон и летит на половину поля Гриффиндора. Ага! Отличная работа, Джордж! Да, это снова Белл... Вот урод! Дай ему в глаз, Кэти! Это было намеренное нарушение, разве вы не видите?

— Ку-бок Львам! Впе-рёд, Гриффиндор!

— Мистер Джордан, на поле есть судья, прекратите ваши замечания, — разнёсся в морозном воздухе строгий голос Макгонагалл.

— Итак, квофл снова в игре... Монтею обходит Алисию, Кэти рвётся наперерез... о нет! Ну же, Рон, останови его! Чёрт... — ветер унёс в сторону окончание фразы, табло щёлкнуло, добавив Слизерину ещё десять очков.

— Слизерин — чемпион! Сли-зе-рин! — взревела зелёная трибуна.

— Что, патлатый, получили? — с торжествующей улыбкой крикнул Драко, но ветер затолкал слова обратно в глотку.

Поттер сделал вид, что не услышал, и отвернулся.

“Гарри, только не реагируй на Малфоя, я тебя умоляю!.. Ты ведь знаешь, он сделает всё, чтобы вывести тебя из равновесия! Поклянись, что не будешь огрызаться и вступать в перепалку — ему ведь только того и нужно...”

Малфой обвёл глазами небо над полем и метнул торопливый взгляд в сторону трибун, ища закутанную в чёрное фигуру с длинными серебристыми, как у него самого, волосами. Отец безмятежно беседовал о чём-то с Гатто, даже не поворачиваясь к полю. Рядом с мрачным лицом восседал одетый во всё зелёное Снейп. У Драко тут же мучительно засосало под ложечкой, он почувствовал приступ лихорадочного волнения.

Какого чёрта он приехал? Откуда узнал про всё, и чем это грозит? — слизеринец вздрогнул от нехорошего предчувствия и вцепился в рукоятку Нимбуса — 2001 так, что заныли онемевшие от холода пальцы. Поводов для переживаний было достаточно: уж кто-кто, а он своего отца прекрасно знал. — *Впрочем, погодите, я ещё вам всем покажу... Ты узнаешь, что я тоже кое на что гожусь. Убью проклятую тварь,* — Малфой резко развернул метлу и, прищурившись, взглянул на противоположный конец поля как раз в тот миг, когда Уизли перехватил пущенный Уоррингтоном мяч и ввёл его в игру сильным и точным — прямо в руки Анджелины — броском. — *Не будите спящего Дракона...*

В этот миг вниз, у самого снега что-то блеснуло, Поттер тут же рванулся вниз, и, отшвырнув свои мстительные размышления, Малфой ухнул следом. Их мётлы почти не уступали друг другу по скоростным качествам (как Драко ни мечтал, Поттер все же успел вернуть свой Всполох из Гильдии Авроров); пихаясь локтями и коленями, ловцы, ноздря в ноздю неслись за крохотным золотым шариком. Изловчившись, Драко лягнул Поттера в лодыжку, тот ответил ударом по рёбрам. Игроки противоборствующих команд разноцветными брызгами разлетались в разные стороны.

— Пшёл с дороги, — яростно проорал Драко, и горло ободрал мороз. Ответом был полный ненависти взгляд и выразительный жест, судя по которому, Поттер вовсе не собирался уступать.

Снитч, дразнясь, вильнул в сторону.

Делая разворот, Драко изловчился и с силой пнул метлу соперника, выиграв несколько мгновений. Но при той скорости, которую развивал его Нимбус, этого было вполне достаточно, чтобы получить изрядное преимущество. Теперь он преследовал снитч в одиночестве, давясь морозным воздухом и чувствуя, что щёки вот-вот вспыхнут ледяным пламенем.

Ну же, ещё чуть-чуть...

Свист, удар!

Какого чёрта!

Красная трибуна радостно взвыла: посланный Уизли бладжер заставил Малфоя отвернуть в сторону. Из метлы посыпались переломанные прутья, Драко едва не свалился.

— Отличная работа, Фред Уизли! Точный удар гриффиндорского отбивалы спасает команду от проигрыша! Ловец Гриффиндора Гарри Поттер продолжает преследовать снитч в одиночку!

Чёрт, теперь Поттера не догнать, вся надежда только... О, молодчина Боул! Вот это удар! Надеюсь, что Поттер лишился парочки зубов. Как, штрафной? Глазастая, стерва... Хотя — ерунда. Поймай сейчас он снитч, Гриффиндор бы победил...

Гриффиндорцы взревели, над красно-жёлтым морем взвилось алое полотнище с золотым львом.

— Шестьдесят — сорок, ведёт Гриффиндор!

Какой всё-таки омерзительный голос у придурка Джордана... И почему эта девка не промахнулась?

Драко развернулся и полетел прочь, снова высматривая снитч. Но тот уже исчез. Не пора ли мне...

Он направил метлу вверх, делая вид, что просто собирается облететь вокруг поля.

Да, отсюда Уизли виден, как на ладони, промахнуться невозможно, — он чуть приподнял руку, словно собирался поправить волосы, и прицелился. — *А потом займусь тобой, клоп недодавленный...* — покосившись, он увидел зависшего чуть в стороне Поттера.

Внизу переливались разноцветные трибуны, теперь, когда Драко парил в воздухе и ветер перестал свистеть в ушах, он снова услышал звонкое:

— О-ле! Гриффиндор!

— Слизерин — вперёд!

— Поттер! Поттер! — алая трибуна ритмично хлопала и вскидывала вверх полосатые шарфы. Слизеринцы не отставали — трещотки, дудки, а Пенси Паркинсон даже ухитрилась раздобыть где-то барабан, и теперь они с Гойлом трудолюбиво бумкали в него по очереди, в такт орущей толпе:

— Сли-зе-рин! Сли-зе-рин! А-а-а-а! — взвыла трибуна, и команда в зелёных мантиях обменялась торжествующими взмахами: точные броски Монтегю, и вот, они уже впереди, хоть и с минимальным преимуществом.

Малфой развернулся и занял позицию, позволяющую ему не упускать Поттера из вида, чтобы не отстать от него, если тот увидит снитч. Он снова бросил взгляд на трибуну и почувствовал необъяснимую обиду: ни отца, ни Гатто там уже не было.

— Квофл в игре, проход по флангу... Рон Уизли отбивает бросок — вы не находите, что он прекрасно вписался в команду Гриффиндора? Ответная атака Алисии Спиннет... ну же, вперёд! Эх, нет — перехват... Монтегю, Уоррингтон... снова атака на кольца Гриффиндора...

Вот оно!

— Рон, берегись! Бладжер летит в сторону голкипера Гриффиндора, вынуждая его уйти вбок и открыть кольца...

Нет, приятель, от этого бладжера ты не уйдёшь... — Драко прошептал заклинание, из кончика его палочки вырвалась едва заметная струйка дыма, и чёрный мяч, набрав скорость, со всей силы впечатался в Уизли. У слизеринца было навязчивое ощущение, что он слышит хруст ломающихся костей и горячее хлюпанье крови. Стадион потряс вопль ужаса. Рон камнем упал вниз, и снег под ним окрасился в гриффиндорский цвет.

Но что это?

— Победа Гриффиндора: Гарри Поттер поймал снитч! Но что с вратарём львов? Скорее, скорее врача!

— Игра окончена: 210:70 в пользу Гриффиндора! — мадам Хуч дунула в свисток и, направив метлу на гриффиндорскую часть поля, замахала руками в сторону профессорской трибуны.

Какого чёрта?! Почему игра окончена?!

— Мадам Помфри — на поле! Срочно!

Малфой вскинул голову и помертвел: Поттер был высоко вверху, он только что поймал снитч и, теперь, увидев распростёршегося на окровавленном снегу Рона, пулей ринулся вниз, что-то крича и не замечая, как Дерек, огромный отбивала Сли-зерина, подняв биту, рванулся наперерез... Глухой удар — и гриффиндорец, раскинув руки, рухнул вниз; красная мантия звонко захлопала на ветру в гробовой тишине. Мир затих и замер, было только это беспомощное, бесконечное падение. Малфоя показалось, что оно длится целую вечность: кувырок, ещё один — ненавистный враг летел вниз головой на мёрзлую землю, прикрытую тоненьким слоем снега. На душе стало просторно и спокойно, словно Драко только что проснулся от мучительного и цепкого кошмара.

Ну, вот и всё, — с облегчением подумал он.

* * *

Я наблюдал за полётом Поттера. Мальчишка был проворен, как мы бываем проворны только во сне. Алым росчерком он взрезал небо и гнался за снитчем, как преследует добычу сокол — не давая жертве ни единого шанса на спасение. Глядя на него, казалось, что он родился в полёте. И в полёте же умрёт...

Я почувствовал приступ необъяснимой горечи и боли, увидев себя, каким был совсем недавно. Стремительный, непобедимый, бесстрашный, готовый на всё ради победы... Теперь игра не вызывала у меня никаких эмоций — я отстранённо и безразлично следил за ней, как смотрел бы на расходящиеся по воде круги. Следующий матч Красных Львов должен состояться перед Рождеством. Но я уже точно знал, что не поеду.

— Любуетесь? — этот вкрадчивый бархатный голос можно было бы даже назвать приятным, если бы не навязчивые ассоциации с шипением смертельно ядовитой змеи. Да и обладатель его, при всей своей красоте, скорее, отталкивал, чем привлекал: породистое лицо, наполненные холодом бесстрастные серые глаза, неестественно белоснежные волосы... Он элегантно склонил голову в приветственном кивке. — Кажется, мы не представлены друг другу? Позволю нарушить общепринятые правила и сделать это самостоятельно. Люциус Малфой.

— Виктор Крум, — я протянул руку для рукопожатия, но он лишь слегка коснулся моей ладони кончиками пальцев, затянутых в чёрную кожу перчаток. Тонкие губы изогнулись в любезной улыбке.

— Если не ошибаюсь, ваш сын... — я сделал неопределённый жест в сторону мелькающих в зимнем небе игроков.

Улыбка тут же превратилась в безразличную.

— Мальчишка совершенно бездарен. Мучительно больно наблюдать за его жалкими потугами изобразить из себя квиддичного игрока. Его ничто не сможет спасти — будь у него не Нимбус, а Всполох или даже Торнадо, ничего бы не изменилось. Смотреть на это — выше моих сил, к тому же, мне пора возвращаться в Лондон — дела Министерства...

— Нет-нет — вы несправедливы к собственному сыну. Думаю, из него мог бы получиться неплохой игрок. Профессиональные тренировки, хороший учитель — и через пару лет он вполне мог бы занять место второго ловца и в Серебряных соколах, и в... — взглянув на выражение лица своего собеседника, я осёкся, почувствовав, что сказал что-то невообразимо бестактное и оскорбительное.

— Помилуйте, молодой человек, — судя по голосу, я навсегда потерял шанс стать его добрым приятелем, — вам ли, прекрасно разбирающемуся в квиддиче, не знать, что ниже, чем в Доблестных драконах, Малфои не появлялись никогда. Вы бы ещё Палящие пушки предложили, — тонкие ноздри хищно раздулись, побелев от гнева, но он тут же взял себя в руки и “укусил” в ответ. — И вообще, по моему глубокому

убеждению, профессиональная спортивная карьера — удел мужланов, не способных ни на что, кроме как вовремя отталкиваться от земли да ловко уворачиваться от бладжеров. Жалких помелошников, вроде Поттера, — он не произнёс, а выплюнул это имя. — Кстати, а вы почему здесь, внизу, а не на трибунах — отсюда ведь не так хорошо видно поле? Впрочем, как же я не сообразил... да-да, понимаю, квиддич сейчас для вас — больное место. После того, что о вас написали...

— Вы о последней игре? — он был удивлён моему равнодушию. Наверное, он ждал взрыва, но упоминание о моём проигрыше — первом и, теперь уже наверняка, последнем — вызывало у меня не больше эмоций, чем воспоминание о “незачёте” по Астрологии, который я ухитрился схлопотать на четвёртом курсе, проведя большую часть года на сборах. Я улыбнулся и пожал плечами. — Что поделать — спортсмены не всегда находятся в прекрасной форме. И мой проигрыш — очередное тому доказательство.

— Да-да, конечно, — сочувственно закивал колдун, перебросив из правой руки в левую трость с резной серебряной ручкой. — Чёрная полоса. Говорят, у вас сейчас проблемы и с работой... Я слышал, Дамблдор недоволен вашим отношением к студентам и... студенткам. Эти сплетни про нападения и покушения... Хотел бы я знать, кто заплатил Моските отступные за некую статью — говорят, баснословные деньги. Но Рита-то Рита! Вопреки своим правилам, словно в рот воды набрала: заперлась в новом доме и больше не пишет ни строчки, — он сделал выжидательную паузу. Но я стоял, рассеяно глядя в небо, в котором одна из охотников Гриффиндора ловко забросила квоффл в кольца слизеринцев. Малфой играл вслепую, а Рита никому ничего не расскажет: деньги и страх — лучшие помощники в делах такого рода. Пауза затянулась. Малфой проследил за моим взглядом и цокнул языком. — Между нами: я всегда говорил, что Поттер неадекватен, и таких, как он, надо держать подальше от нормальных детей — где-нибудь в отделении для буйных клиники Св. Мунго. Вы слышали, что он сделал с моим сыном?

Судя по тому, что я знал о пресловутой дуэли, окажись я на месте Поттера, от Малфоя-младшего осталась бы горстка навоза, точно отражающая внутреннюю сущность этого белёсого гадёныша, посмеявшегося поднять руку на неё.

— Да, я слышал. К сожалению, в этот вечер я как раз уехал из Хогвартса. Согласен, это просто возмутительно. И омерзительно.

Брови Малфоя-старшего сошлись в тонкую серебряную нить, он окатил меня с ног до головы странным, полным ледяного сочувствия взглядом и поднял глаза к небу, следя за алой стрелой, мчащейся вверх:

— Да, — негромко повторил он, смакуя каждое слово, — удел нищеты и безродных отщепенцев вроде Уизли и Поттера...

— Он блестящий игрок...

Малфой метнул в меня ножи своих пронзительных глаз.

— Вы безмерно великодушны. Ведь этот Поттер... Представляю, каково сейчас вам...

— А в чём дело? — я вздрогнул, судорожно облизнулся и ощутил лёд губ, не существовавших больше языка.

Высоко в небе над нашими головами, распластавшись на метле, просвистел Поттер, преследуя снитч. Малфоя-младшего рядом с ним не было.

— ...голкипера Гриффиндора, вынуждая его уйти вбок и открыть кольца...

По трибунам пронёсся вздох и вопль ужаса.

— Помилуйте, разве вы не в курсе? Драко мне рассказал... всей школе известно про Поттера и эту Грейнджер... впрочем, прошу прощения, наверное, я позволил себе бестактность. Сожалею, если причинил вам боль, — судя по его глазам, он

наслаждался этим. — Кстати, как вы находите английскую зиму?

Я больше ничего не слышал. Я стоял, подняв голову, и смотрел в тяжёлое небо. Тусклое солнце заглянуло в глаза, залив мозг слепящим огнём боли. Где-то далеко-далеко стадион взорвался шумом — как-то странно, необычно, тревожно — выдернув меня из небытия, куда я рухнул от негромких слов, прозвучавших страшнее самого ужасного взрыва. Потом всё вокруг снова затихло... Малфоя рядом уже не было. Уши закладывало от гробовой тишины. Я вскинул глаза и похолодел: беспомощно раскинув руки, Гарри Поттер летел вниз, до земли оставалось меньше пятнадцати... десяти футов...

За меня всё сделал инстинкт: палочка взмыла в воздух раньше, чем я успел осознать, что именно происходит. Поттер завис в воздухе. Я медленно опустил его на землю, отстранённо поразившись тут же потрясшему трибуны дикому рёву. Все вокруг забегали; учителя, толкаясь, мчались на поле, Гатто едва не сбил меня с ног, что-то прокричав на бегу. Следом за мадам Помфри, распихивая всех деревянными ручками, торопились носилки. Я стоял и смотрел на происходящее. Внутри было холодно и пусто. Потом повернулся и, еле волоча ноги, поплёлся к себе, так и не узнав, чем же всё закончилось.

Мир казался вырезанным из картона — ненастоящим, пустым и глупым. Я бессмысленно смотрел по сторонам, находясь на грани состояния, когда для того, чтобы сделать шаг, приходится сосредотачиваться и думать, как и куда поставить ногу. Когда приходится думать, как сделать вдох и как — выдох.

Я пытался вызвать её мысленный образ, но лицо, появлявшееся передо мной, казалось нарисованным чёрным карандашом на папиросной бумаге. В нём не было жизни. В нём ничего не было.

Я опустил на свою кровать и замер, уронив голову на руки. Не знаю, сколько я так просидел. Ко мне кто-то приходил, что-то говорил. Потом заглянула встревоженная Макгонагалл и куда-то позвала. Деревянной марионеткой я пошёл за ней, тело механически вело меня по знакомой дороге к учительской. Я зачем-то считал шаги. Шестьсот шестьдесят четыре... пять... уже пришли?

Все были в сборе — бледные и напряжённые. Кажется, мне жали руку и благодарили за реакцию и находчивость... Да, именно так всё и было. Я рассеянно кивнул и забился в угол. Гатто похлопал по плечу, что-то шепнул, встревоженно глядя на выражение моего лица...

Звук к миру вернулся в тот момент, когда в учительскую вошли мадам Помфри и профессор Флитвик. Коротышка просеменил к нам и, взволнованно ахая и прикладывая руки к щекам, выдохнул:

— Игрок Слизерина, сбивший с метлы Поттера, находился под Заклятьем Imperius. Тёмная магия в школе. Надо немедленно принимать меры.

— Есть у меня подозрения, что и с бладжером не всё в порядке, — подхватила появившаяся следом мадам Хуч. Вид у неё был хмурый и недовольный. — Профессор, мне бы хотелось, чтобы вы тоже на него взглянули. Могу я вас попросить?..

— Без сомнения, — малютка Флитвик засеменил следом за ней из учительской.

— Полагаю, это дело Совета Школы, — голос Снейпа был холоден и ровен, но он судорожно хрустел пальцами и теребил край зелёной мантии, не замечая, что уже превратил его в безобразные махры. — Я считаю, нужно немедленно собрать все волшебные палочки и провести проверку. И учащихся, в первую очередь — старшекурсников, и педагогов и... — он сделал паузу, — гостей замка.

— Боюсь, это совершенно бессмысленно, — покачала головой Макгонагалл. — Кто бы это ни был, он уже наверняка избавился от улик. Как Уизли и Поттер?

— Поттер может уже вечером вернуться в Гриффиндорскую башню. Сущие пустя-

ки. Ах, Виктор, если бы не вы... А вот с Уизли всё сложнее, — мадам Помфри озабоченно покачала головой. — Сколько работаю в школе, не припоминаю, чтобы кто-то получал от бладжера такие травмы. Думаю, ему придётся провести в лазарете не меньше недели.

— Относительно бладжера будем ждать вердикта профессора Флитвика. А может, обратиться в гильдию Авроров, к Хаммеру? — Макгонагалл вопросительно обвела глазами деканов и столпившихся учителей. — В последнее время в школе стало беспокойно.

— Беспокойно — это не самое подходящее в данном случае слово. Мне кажется, вопрос с Поттером надо решать самым радикальным образом. По-моему, очевидно, что Хогвартс для него больше не безопасен, — хмуро уронил Снейп. — Все три раза его жизнь была спасена по чистой случайности, благодаря профессору Круму...

В наступившей тишине на меня воззрились несколько десятков пар глаз.

Я съёжился на стуле.

— Я считаю, нужно немедленно сообщить директору в Лондон, — тихо заметила профессор Спраут, растерянно глядя по сторонам. — Ума не приложу, что мы можем ещё сделать. Где гарантия того, что новое покушение не случится нынче ночью?

— Первое и главное: не паниковать, — холодно посмотрел на неё Снейп. — Мне кажется, такие настроения преждевременны. В любом случае, профессор Дамблдор ведёт сейчас международные переговоры чрезвычайной важности. Нас не соединили бы с ним даже в том случае, если бы Хогвартс сровняли с землёй.

Макгонагалл вздохнула и кивнула головой.

— Да, нам необходимо всё немедленно обсудить. Я попрошу представителей Совета Школы в мой кабинет... И надо вызвать привидений и портреты. Будем решать вопрос с патрулированием и наблюдением...

Главы факультетов вышли, оставив после себя ошеломлённую и растерянную тишину.

* * *

— Я ещё раз спрашиваю, зачем вы позвали меня сюда и к чему такая чрезвычайная секретность?

— Любезный друг, — лицо профессора Гатто расплылось в наиприятнейшей улыбке, — право слово, не изображайте из себя божью корову. Таким образом вы лишь вынудите меня перейти к крайним мерам. А что делать — *sic vita truditur*. Как говорится, *такова жизнь*. Я повторяю: я всё видел. И восхищён вашей смелостью и, не побоюсь этого слова, дерзостью: использовать Заклятье Подвластия прямо перед носом у всего честного народа! *Molto, molto intelligente!* Просто гениально! — он поцеловал кончики своих пальцев. — Могу сказать, что выполнено было на редкость изящно и метко. Примите моё профессиональное восхищение. Но вернёмся к нашему маленькому дельцу. Так каково будет ваше решение? *Мудрый решает все дела словами, а не оружием* — *consilia omnia verbis prius experiri quam armis sapientem decet*. Не хочется давить на вас, но, в противном случае, я немедленно отправляюсь к представителям Совета Школы. Судя по всему, они настроены весьма решительно и несказанно обрадуются тому, что все тайны невероятных покушений последнего времени будут разом открыты их изумлённым взорам. Да, полагаю — предельно изумлённым взорам. Не делайте такого лица — я способен сложить два и два и сказать, что сегодняшний инцидент — лишь логическое продолжение того, что происходит в последнее время. Скажите, а Уизли — тоже ваших рук дело?

— Чего вы хотите? Денег? — глухо хмыкнул собеседник. В голосе отчётливо прозвучала брезгливость.

— Не надо, не надо пытаться меня оскорбить, — укоризненно качая головой, ита-

ल्याнец игриво погрозил униженным перстнями пальцем. Те засияли в свете надрывно желтеющих факелов. — Давайте не будем ссориться, решим всё полюбовно, без привлечения Дамблдора и прочих. *Волк не кусает волка, lupus non mordet lupum*, верно?

— Я правильно понял, что деньги вас не интересуют?

— Ну, как вам сказать... — заюлил профессор Защиты от Тёмных Искусств, — право слово, что же вы такой прямолинейный, друг мой...

— Я, было, решил, что, пользуясь вашей любимой латынью, *tolle pecuniam, bella sustuleris. Уничтожь деньги — уничтожишь войны*. Не согласны?

— Благодарю, я читал Квинтилиана. Хм, признаюсь, от вас я подобных знаний не ожидал... Вы странный человек. Мне казалось, что вы больше специализируетесь на...

— У меня были прекрасные учителя, — перебил собеседник, явно тяготясь поворотом разговора в сторону своей персоны.

— Вот как?.. Удивительно...

— Я вообще люблю удивлять, — брови второго человека сдвинулись, а губы дрогнули в улыбке, увидев которую, любой нормальный человек бросился бы наутёк. К несчастью, профессор Гатто на мгновение отвлёкся: мимо Трофейного зала прошестели чьи-то торопливые шаги.

— У меня есть предложение получше, чем деньги...

— Вот как? Великолепно. Ненавижу банальности. Я весь внимание.

— Я слышал, вы искали одну книгу. Редкую книгу. Несуществующую книгу. Рассылали запросы, пытались воспользоваться связями и знакомствами. И, насколько мне известно, безуспешно, — колдун замолчал и многозначительно подмигнул.

— Ну же? — севшим от волнения голосом поторопил Гатто.

— Да, единственный оставшийся в мире экземпляр... — словно не слыша его, неторопливо произнёс волшебник. — Колоссальное количество сведений по Тёмной магии и самому могучему чёрному магу последнего времени, собранное им самим и его последователями. Детальное описание ритуалов. Обилие технических подробностей. Мощь, которую может приобрести тот, в чьи руки попадёт этот фолиант, трудно вообразить. Правда, поговаривают, что последний оставшийся на свете экземпляр проклят... Но это не более, чем глупые слухи.

— *Multum egerunt, qui ante nos fuerunt, sed non peregedunt*, — Гатто уже справился с волнением, теперь на его губах играла обычная лёгкая усмешка.

— *Те, кто жили до нас, многое свершили, но ничего не завершили?* Вы и правда так думаете? Значит, у вас свои планы на ближайшее будущее этого мира, да? — колдун снова подмигнул.

— Могу предложить вам совместное исследование и работу, — глухо произнёс итальянец, и голос его дрогнул, выдав истинные чувства.

Собеседник улыбнулся:

— Как быстро вы перешли от шантажа к предложению о сотрудничестве. Нет-нет, меня это не интересует. Оставляю весь мир вам.

— О, в вашем возрасте — и такое отсутствие тщеславия... Как-то не очень-то сочетается с тем, чем вы занимаетесь, не находите? Не может быть, чтобы ваш разум был занят... — Гатто умолк, остановленный взмахом руки и вспыхнувшим взглядом.

— Значит, мы договорились?

— Да-да. Книга в обмен на... наши дружеские отношения, — от собеседника не укрылась ни едва заметная пауза, ни зазмеившаяся по пухлым губам Гатто многозначительная усмешка.

Я тебя раскусил, лживая скотина. Ты предал бы меня в тот миг, когда добился

желаемого, — подумал колдун, вынимая из-под мантии увесистый том и осторожно передавая его в повлажневшие от волнения руки итальянца. Гатто судорожно вздохнул. Пухлые пальцы сладострастно погладили обложку, нежно прикоснулись к позолоченной застёжке, стянувшей переплёт.

— Приятного чтения, — любезно произнёс колдун и снова подмигнул. — *Читать полезно...*

— *Legere utile est*, не могу с вами не согласиться... — подхватил Гатто sacramентальную фразу. — Рад, что мы поняли друг друга.

Хлопнула дверь, и в Трофейном зале остался только Гатто, вззирающий на толстый фолиант в руках со смесью недоверия и вожделения.

* * *

Обхватив колени руками, Гермиона сидела в кресле и смотрела в камин. Она никак не могла согреться, хотя уже давно вернулась в башню. В гостиной, несмотря на обилие народа, было тихо и траурно, слышалось завывание ветра за окном — вместе с вечером пришёл и новый снегопад — потрескивание дров в камине да негромкие вздохи и шепотки. Создавалось ощущение, что команда не выиграла этот матч, а проиграла — причём с самым разгромным за всю историю Хогвартса счётом. Опираясь на метлу, Анджелина стояла у окна и, глядя в сумерки, машинально постукивала ногой об пол, Фред с Джорджем о чём-то хмуро толковали в сторонке, Джинни хлюпала носом. Обняв её за плечи, рядом сидела её подруга Лиза Джейн — тёмноволосая девушка с большой родинкой на щеке. Младшекурсники робко перешёптывались. Наконец, от них отделился Кевин и, подойдя к Гермионе, присел на корточки рядом с креслом.

— Гермиона, как там Рон с Гарри?

— Всё будет в порядке, — монотонно ответила Гермиона в сотый раз. — Мадам Помфри сказала, что Гарри уже вечером вернётся в башню. А вот Рон...

Кевин скорбно кивнул головой и машинально погладил свернувшегося вокруг ножки кресла Косолапсуса. Кот приоткрыл левый глаз и брезгливо оглядел мальчика, нервно дёрнув хвостом.

— Да, я видел. Это было просто ужасно... Жестокая игра — квиддич, правда?

— Правда, — согласилась Гермиона, мрачно подумав, что отныне во время матчей она будет чувствовать только напряжение и страх.

— Зато после этой победы у Гриффиндора все шансы на то, чтобы снова выиграть кубок... — попробовал утешить Кевин, но осёкся и попятился, встретившись взглядом со старостой. — Ну, я пойду, пожалуй...

Гермиона снова уставилась в огонь. Внутри нарастало беспокойство, она почувствовала, что больше не может просто сидеть, сложа руки, ей нужно было действовать.

Какая жалость, что Дамблдора нет в школе — кто, как не он, помог бы мне сейчас. Хотя... Пожалуй, есть ещё один человек, у которого можно кое-что выяснить...

В этот миг портрет отодвинулся, и в гостиную вошёл Гарри. Вид у него был угрюмый и ужасно усталый. Все немедленно накинулись на него с вопросами, но он молча пробрался сквозь толпу и подошёл к Фреду и Джорджу.

— Рона переводят в клинику Святого Мунго.

В наступившей тишине раздался чей-то судорожный всхлип. Первокурсница Дженнифер Грин, зажимая рот рукой, кинулась по лестнице, ведущей к спальням. Джинни охнула и села мимо дивана. Близнецы окаменели.

— Но как же?.. — Гермиона медленно поднялась из своего кресла, наступив Косолапсусу на хвост. Возмущённо рывкнув, кот пулей вылетел в распахнутый портретный проём. — Ведь буквально час назад мадам Помфри мне сказала...

— У него резкое ухудшение — непрерывное внутреннее кровотечение, источника которого она не может установить. Сейчас туда набежали учителя. Я не знаю, в чём дело, — меня выставили за дверь, но Снейп обмолвился, что бладжер, вроде, был заколдован.

— Опять? — вырвалось у Гермионы.

— Кто же это сделал? — тихо спросил Невилл.

Раздался грохот. Повернувшись, все увидели, что причиной стал упавший на стол фотоаппарат Колина Криви. Сам Колин стоял, не сводя с него глаз. Почувствовав устремлённые на него взоры, он вздрогнул и, бормоча под нос что-то извинительное, заторопился в спальню.

— Надеюсь, не Добби, иначе быть его молодой жене молодой вдовой... Гермиона, можно тебя на минутку? Это не всё, — продолжил Гарри, когда они поднялись наверх и, убедившись, что в коридоре, кроме них, никого больше нет, уселись на подоконник. — Макгонагалл сказала, что Дерек находился под Заклятием Подвластия, когда сшиб меня с метлы.

Гермиона ахнула и прижала руки ко рту.

— То есть это было не намеренное нарушение? Но кто?.. Неужели Малфой? А бладжер? Это тоже его рук дело? Неужели он решил отомстить вам с Роном за дуэль и всё остальное?

— Я не знаю, — пожал плечами Гарри. — Но если он рискнул использовать Непростительное Заклятие на глазах у всей школы...

— С него станется, — прикусила губу Гермиона, вспомнив лицо и слова Малфоя памятным хэллоуинским вечером. — Но ведь это исключение из школы — как минимум...

— Может, он надеется, что папочка его отмажет. Слышала — он опять вернулся в Министерство?

— Понять не могу, каким образом, — встряхнула головой Гермиона. — Неужели даже Дамблдор ничего не мог сделать, ведь ему же известно, что Малфой — один из Пожирателей и устроителей летних беспорядков.

Гарри рассеяно кивнул, явно думая о своём.

Донёсшийся из гостиной шум, гам, топот и беготня заставили их опрометью кинуться вниз. Семикурсница Патриция О'Нил, сжимая стакан дрожащими руками и стуча зубами по стеклу, пила воду. Судя по всему, она только что пришла — дверной проём был снова распахнут, открывая взорам тускло освещённый коридор. Настроение в гостиной приближалось к отметке "паника", казалось, что для начала всеобщей истерики будет достаточно просто хлопнуть в ладоши. Расталкивая всех, Гермиона пробралась к девушке.

— В чём дело? Что случилось? Рон?.. — она осеклась.

Оторвавшись от стакана, Патриция уставилась на неё бессмысленным взглядом и вдруг взорвалась рыданиями. Рот её разъехался уродливой мокрой дырой:

— Профессор Га-а-атто... мы должны были встретиться сегодня ве-е-ечером... Я пришла — а Карло у себя в кабине-е-е-те... мё-ё-ёртвый...

В тишине, прерываемой завываниями, всхлипываниями и бульканьем, раздались приближающиеся шаги, и в гостиную влетела профессор Макгонагалл. Никому ещё не приходилось видеть её в таком взвинченном и растерянном состоянии — остроконечная шляпа игриво съехала набекрень, из-под нее выбились растрёпанные седые пряди. Это выглядело бы смешно, если бы не было таким пугающим. Даже Патриция перестала голосить и лишь судорожно вздыхала.

— Попрошу внимания, — задыхаясь после пробежки по этажам, произнесла Макгонагалл. Впрочем, эта фраза была неуместна: все и без того смотрели на неё, не

отрывая глаз. — У меня экстренное сообщение. В связи с последними событиями в школе объявляется чрезвычайное положение. Все студенты должны находиться в своих гостиных, выходить из них категорически запрещено. Категорически! — она подняла палец, и её глаза скользнули в сторону Фреда и Джорджа Уизли, бунтарски вскинувших головы при слове “запрещено”. — Двери гостиных будут заблокированы в течение часа, к этому времени студенты должны находиться у себя в спальнях. Сохраняйте спокойствие. Мисс О’Нил, я попрошу вас проследовать за мной, — декан Гриффиндора скользнула взглядом по замершим в ужасе ученикам и торопливо вышла, словно боясь расспросов.

Патриция выронила стакан. Тот с жалобным звоном разбился о каменный пол. Девушка пересекла пустое пространство, образовавшееся вокруг неё после слов профессора Макгонагалл, и пошла к дверям. Лавендер шарахнулась в сторону, словно та была заражена эльфийской пылью.

Гермиона обернулась. На лестнице замер Гарри. Встретившись с ней взглядом, он вдруг метнулся вверх и уже через минуту бегом спускался, пряча что-то под мантией. Она поняла его без слов и бросилась к выходу следом. Полная Леди ахнула им вдогонку:

— Куда вы? Студентам нельзя покидать гостиные! Распоряжение Совета Школы!

— Мой кот сбежал! Мне нужно его найти, пока не заперли двери, — выпалила Гермиона, не останавливаясь.

Завернув за угол, они накрылись мантией-невидимкой и, стараясь производить как можно меньше шума, на цыпочках побежали в сторону преподавательского крыла.

— Сначала к преподавателям, потом в лазарет? — шёпотом спросила Гермиона. Гарри кивнул, полностью сосредоточившись на том, чтобы не оттоптать ей ноги. Мантия то и дело соскальзывала, они сталкивались локтями, бёдрами и коленями и никак не попадали в ногу. Беззастенчиво распахивая серьёзные размышления и тревожные предчувствия, в голову юноши полезли странные мысли, не имеющие никакого отношения к тому, что они намеревались делать. Он безмолвно чертыхнулся и попробовал выкинуть из головы всё, не имеющее отношения к делу. Наверное, не наступи в этот миг Гермиона ему на ногу, это бы даже получилось.

— Гарри, ради Бога, извини, — прошептала она и виновато погладила юношу по руке.

Его рука сама скользнула на её талию.

— Гарри! — возмущённо прошептала Гермиона, сделав попытку отстраниться. — Сейчас не время... — она снова наступила Гарри на ногу, мантия сползла у неё с головы. На их счастье, коридор был безлюден, а обитатели картин отсутствовали.

— Так мы не споткнёмся и не наступим друг на друга, — шёпот Гарри был очень убедителен, и она послушно умолкла. Дальнейший путь они проделали в молчании, погружившись в собственные мысли. Она — о том, что, если к нападению на Гарри и Рона имеет отношение именно Малфой, то палочку Малфоя надо немедленно изъять и проверить на предмет последнего заклинания. О том, что не мешало бы проверить и палочку Люциуса — ведь недаром же тот испарился сразу после матча. О том, что рука Гарри могла бы вернуться на талию — *это, конечно, очень приятно... но совершенно, совершенно несвоевременно!*

Он же рассеяно отметил, что упругий изгиб её тела прямо-таки создан под его ладонь. Хотя — конечно же! — сейчас не время, и главное, на чём им нужно сосредоточиться, — это... *но до учительской башни еще два коридора...* Гарри прижал её к себе чуть сильнее. Она замедлила шаг. Он совсем остановился.

— Гарри, нам надо спешить, — она нерешительно потянула его за руку, но юноша не шевельнулся, к чему-то сосредоточенно прислушиваясь. Из-за поворота донес-

лись приглушённые голоса, Гарри дёрнул Гермиону к стене, и они замерли, вжавшись в холодный камень.

Из-за угла в сопровождении Снейпа, мадам Помфри и профессоров Вектор и Синистры выплыли носилки, на которых, вперив в сумрачный потолок невидящие и мелкие, похожие на полувысохшие лужицы, глаза, лежало то, что еще днём было профессором Гатто. Искажённое предсмертной гримасой лицо, почерневшие раздувшиеся губы. Коридор был очень узкий, и носилки проплыли совсем рядом с ними, едва, как с перепугу показалось Гарри, не зацепив ручкой мантию-невидимку. Юноша почувствовал, как Гермиона вздрогнула и сжалась, и, покосившись, увидел, что она зажмурилась. Неудивительно: бросив взгляд на тело, Гарри сам почувствовал приступ ужаса и отвращения.

Погребальной ладьёй носилки проплыли мимо, процессию замыкал Снейп, неся под мышкой какой-то увесистый свёрток, завернутый в полу мантии.

— Мадам Помфри, как освободитесь, подходите в учительскую, — обыденным, словно ничего страшного не произошло, голосом, произнёс профессор Зелий. Разве что звучал он ещё тише, чем обычно. — Когда вы сможете дать ответ по поводу причин его смерти?

— Прямо сейчас, — фельдшерица взглянула на мёртвое раздувшееся лицо и, спохватившись, закрыла его уголком простыни. — Он отравлен, и яд, судя по тому, как было обнаружено тело, каким-либо образом находится в той книге, что вы держите под мышкой.

— Это само собой, — немного раздражённо откликнулся Снейп. — Меня интересует ваше мнение по поводу яда.

Пропустив профессоров чуть вперёд, Гарри и Гермиона на цыпочках последовали за ними, стараясь не дышать.

— Я пока затрудняюсь ответить, о каком конкретно составе идёт речь, — покачала головой мадам Помфри, — мне нужно провести тесты...

— Я тоже займусь ими. Как только мы разберёмся с формальностями.

— Северус, — идущая впереди профессор Синистра повернулась, и носилки ткнулись ей в спину, — вы уже сообщили Дамблдору и остальным?

— Школа будет закрыта? — в тон ей подхватила профессор Вектор.

— О последнем инциденте он пока не оповещен. Я сейчас отнесу это, — Снейп кивнул на книгу, — в его кабинет, запру слизеринские подземелья, а потом присоединюсь к вам. Профессор Макгонагалл, наверное, уже закончила с обнаружившей труп студенткой... — тут их дороги разделились: мадам Помфри отправилась в лазарет, носилки поплыли за ней, профессора отправились в учебное крыло, а мастер Зелий свернул в сторону директорского кабинета. Переглянувшись, Гарри и Гермиона направились за ним.

— Сливочная нуга, — сердито буркнул Снейп, и Гарри машинально отметил, что с лета пароль сменился уже во второй раз. Винтовая лестница унесла профессора вверх. Ребята замерли за углом.

— У тебя с собой карта Мародёров? — почти беззвучно прошептала Гермиона. Гарри кивнул и полез в карман. — Надеюсь, свет сквозь мантию-невидимку не виден, — деловито произнесла Гермиона. — *Lumos!*

Стукнувшись головами, они склонились над картой.

— Ага, вот мы, — Гарри ткнул пальцем в две точки, подписанные “Гарри Поттер” и “Гермиона Грейнджер”. Снейп замер у стола в кабинете директора. В лазарете суежилась мадам Помфри.

— Смотри, Рона уже нету, наверное, его забрала бригада экстренной помощи из госпиталя, — с тоской вздохнула Гермиона. — Взгляни-ка сюда...

В учительской было настоящее столпотворение — там собрался весь преподавательский состав, включая Хагрида, и даже Филч. Через миг точки, подписанные “Миссис Макгонагалл” и “Патриция О’Нил” вышли и медленно направились в сторону гриффиндорской башни.

— Сейчас Макгонагалл запрет Гриффиндорскую башню, и мы не сможем туда попасть. Слушай, я не вижу Косолапсуса, — заметил Гарри, наткнувшись на точечку “Миссис Норрис”, кравшуюся по седьмому этажу. — Нам обязательно надо его найти, иначе как мы утром объясним нашу отсутствие?

— Не волнуйся, — махнула рукой Гермиона, поразив Гарри своей самонадеянностью, — на крайний случай, что-нибудь придумаем. А это что такое, интересно... — близоруко прищурившись, она склонилась над картой, и её волосы тяжелым дождем пролились Гарри на грудь и руки, а их пальцы соприкоснулись, и вот уже юноша буквально разрывался между взаимоисключающими друг друга мыслями. От внутренней борьбы у него вспотели руки и лоб, он не замечал, как тяжело и шумно дышит. Неожиданно совсем рядом раздались шаги, Гарри зажал себе рот рукой: по узкому коридору мимо них в сторону слизеринских подземелий пролетел Снейп. В полутьме его развевающаяся мантия напоминала крылья гигантской летучей мыши. Шаги смолкли. Юноша и девушка настороженно прислушались, но в коридоре царила полная тишина. Гарри сверился с картой. Путь свободен.

— Вперёд?

— Сливочная нуга.

В кабинете было сумрачно, но, едва они ступили на толстый ковёр, как с весёлым потрескиванием вспыхнул камин, а под потолком зажглись свечи. Гарри, помедлив, стянул с головы мантию. Кабинет был наполнен сонным посвистыванием и похрапыванием: престарелые обитатели портретов в директорском кабинете не были оповещены о случившемся, а потому сладко спали. Мысленно молясь, чтобы никто из них не проснулся, Гарри на цыпочках прокрался к столу и с опаской воззрился на тяжёлый фолиант в тиснёной кожаной обложке, стянутый блестящей защёлкой.

— И что нам делать? Книга отравлена и убивает каждого, кто к ней прикасается... — он с любопытством подошёл поближе, прочитал название. И окаменел. *“Гриндевальд. Mea rixa”*.

— “Моя борьба”, — шёпотом произнесла Гермиона у него из-за плеча.

— А это кто? — Гарри осторожно указал на свернувшегося на обложке дракона с орлиными ногами и хвостом в форме пики.

— Симплиссимус, — ответила Гермиона, обводя глазами комнату, словно ища чего-то, — символизирует войну, зависть, зловоние, бедствие, сатану; также бдительность. Мы должны — нет, мы просто обязаны это увидеть... Но как? Эх, мне бы сейчас драконоустойчивые рукавицы, — тоскливо произнесла она. — Хотя... может, это подойдет?

Она схватила каминные щипцы и осторожно нажала на переплёт. Защёлка соскочила, и книга упруго распахнулась. Страницы оказались жёлтыми и какими-то жирными на вид. Судя по всему, книга была напечатана на тончайшей телячьей коже, разлохматившейся по краям.

— Вот что, Гарри, ты пойди пока посмотри библиотеку Дамблдора, всё равно мы вдвоём у книги не поместимся, — в её решительном шёпоте зазвучали привычные командирские нотки, и Гарри послушно двинулся к полкам, закрывавшим стены от пола до потолка. Пробегая глазами по корешкам книг, он время от времени косился на карту, которую по-прежнему сжимал в руке. Но на ней всё обстояло по-прежнему, разве что мадам Помфри покинула лазарет и теперь двигалась к учительской.

Гермиона приглушённо ахала над книгой-убийцей, стараясь держаться от неё по-

дальше и переворачивая страницы каминными щипцами. В глазах девушки горела страсть настоящего исследователя; нашарив в кармане огрызок карандаша, она схватила ближайший клочок пергамента и торопливо начала что-то царапать на нём, конспектируя особенно интересные и важные моменты.

— Гермиона, ты не в библиотеке, — напомнил ей Гарри, — у нас мало времени.

— Да-да, — разочарованно кивнула она и, перевернув зараз несколько страниц, пробежала глазами текст. От изумления рот у неё открылся. — Гарри, что, говоришь, находилось в пламени в том подземелье?

— Что-то вроде каменного сердца. Ну, или кулака — я не разглядел, там было темно.

В этот момент огонь в камине вдруг изменил цвет.

— Что это? — попяtilась Гермиона. — Не может быть: Хогвартс ведь не подключён к каминной сети...

— Чёрт... Бежим! — Гарри перекинул мантию-невидимку через плечо, схватил опешившую девушку за руку и потянул к двери. Машинально скользнув глазами по книжному шкафу, стоящему у самого выхода, он вдруг оцепенел, забыв обо всём на свете: на нижней полке стояли “Исповедь перебежчика” и “Рукотворные чудовища и монстры” — те самые книги, которые он безуспешно искал в течение нескольких месяцев.

Дальнейшее произошло в один миг: толкнув Гермиону на винтовую лестницу, он молниеносным движением выхватил увесистые тома с полки, разровнял книги так, чтобы пропажу не сразу обнаружили, и одним прыжком очутился за порогом, захлопнув за собой дверь именно в тот момент, когда из камина на ковёр шагнули Альбус Дамблдор и Сириус Блэк.

— Благодарю, Аластор, можешь отключать, — негромко произнёс Дамблдор в камин, и пламя снова стало оранжевым.

Глава двадцать шестая, в которой Гарри и Гермиона проводят вместе ночь, Защиту от Тёмных Искусств ведёт очередной преподаватель, а Колин Криви становится обладателем страшной тайны.

— Чего и следовало ожидать, — вздохнул Гарри, когда они с Гермионой добрались до гриффиндорской гостиной. Полная Леди на картине отсутствовала, и попасть внутрь не представлялось возможным. — Наверное, только утром откроют. Что теперь делать будем?

— Ну, конечно же, пойдём в библиотеку, — пожала плечами Гермиона, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся. — Мне надо срочно кое-что посмотреть. В Запретной Секции, — она похлопала по карману, в котором зашуршал пергамент. — Как жаль, что у нас было так мало времени, та книга — сущий клад. Попади она мне в руки хотя бы дня на два... — она мечтательно причмокнула.

— ...и вполне вероятно, что на третий мадам Помфри снова пришлось бы заниматься мёртвым телом, — решительно осадил её Гарри. — Даже не думай об этом.

— Запрещаешь? — насмешливо приподняла бровь Гермиона.

— Запрещаю, — кивнул Гарри.

— На каком основании?

— На основании того, что ты — моя девушка, — выпалил Гарри и решительно взял Гермиону за руку. Она хмыкнула, но ничего не сказала и руки не отняла.

Воцарилось натянутое молчание. Если честно, Гарри начинал понемногу раскаиваться в том, что вчера напрямик предложил Гермионе “встречаться”: в их отноше-

ниях тут же появилась странная неестественность, словно теперь оба ждали друг от друга каких-то поступков. Но вот каких? Он и сам затруднялся ответить. В его представлении после слов “Я согласна встречаться с тобой” сразу должна была начаться новая, взрослая жизнь. На самом деле всё осталось так же, как и раньше; более того, теперь рядом с Гермией он чувствовал себя скованно, неловко и всё время боялся попасть в глупое положение.

Снова завернувшись в мантию и стараясь не задевать друг друга, они двинулись к библиотеке, поминутно прислушиваясь, оглядываясь и посматривая в карту.

Путь предстоял неблизкий и весьма непростой: как и во время нападений три года назад, коридоры кишмя кишели преподавателями и привидениями: патрули осматривали классы и комнаты. Вслед за задравшей хвост трубой миссис Норрис вверх по лестнице, астматически задыхаясь, пробежал Филч; из класса, мимо которого они прокрались на цыпочках, доносились негромкие и, как показалось Гермие, раздражённые голоса Снейпа и Крума; вернувшиеся в свои рамы портреты вертели головами и прислушивались к каждому подозрительному шуму.

Беззвучно вывернув из-за угла, через них чуть не прошёл Толстый монах — хафлпаффское привидение. Они с Плаксой Миртл осматривали четвёртый этаж. Миртл просто лучилась от гордости, что ей доверили столь ответственное дело, её прыщи триумфально светились, тогда как на лице Монаха застыло такое выражение, словно ему предложили навеки переселиться в слизеринские подземелья.

В библиотеке было пусто и темно — луна, пробивающаяся сквозь пыльные и заснеженные стёкла, давала света ровно столько, чтобы едва-едва угадывать очертания окружающих предметов и не свернуть себе шею. Тихо скрипнул тяжёлый медный засов, и они оказались в Запретной секции.

Гермиона явно чувствовала себя здесь, как дома: быстрым шагом пройдя мимо мрачных глыб стеллажей, она нырнула в маленькую нишу, где стоял покосившийся деревянный шкаф. Вспыхнул тусклый огонёк. Гарри осторожно пристроил книги на ближайший стол и подошёл. Сдвинув брови и беззвучно шевеля губами, Гермия вела пальцем по корешкам, явно ища что-то конкретное.

— Вот оно! — она потянула на себя растрёпанную старинную книгу и тут же зачихала от всколыхнувшейся пыли.

“*Ритуалы подчинения*”, — прищурившись, разобрал Гарри облупившуюся серебряную надпись.

— Гермия, зачем это тебе? Может, расскажешь, а то я чувствую себя полным дураком, — попросил он.

— Подожди, у меня пока лишь догадки, в “Моей борьбе” я успела увидеть только картинку да пару строк — не больше. Эх, было бы у меня там ещё хотя бы полчаса... — девушка вздохнула, взмахом палочки зажгла свечу на столе и, склонившись над книгой, торопливо зашуршала страницами. — Так-так...

Гарри сидел, облокотившись на “Исповедь перебежчика”, и наблюдал за ней, ему всегда нравилось смотреть, как она работает — быстро, сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь, чуть хмуря брови и задумчиво накручивая прядку волос на палец. А ведь сегодняшний день был наполнен такими событиями... Страшными событиями...

Надо прямо с утра написать в клинику и узнать, как там Рон, — вяло подумал Гарри и, наконец, оторвавшись от созерцания её профиля, пододвинул поближе “Рукотворных чудовищ и монстров”, открыл оглавление.

Ага, страница 256... Глава 14. Тридцатые годы XX века. Гриндевальд. Стражи, Лики Страха, Огнезмеи... — Гарри пробежал глазами строчку за строчкой и чувствовал, что у него невольно открывается рот.

— Да-а, силён был Гриндевальд, — невольно вырвалось у юноши, — и фантазия у него — будь здоров. Ты только взгляни на это!..

Гермиона склонилась над его книгой и содрогнулась.

— Бр-р. Тут хоть что-нибудь есть?

— Ага, похоже, всё, что нужно, — кивнул Гарри и неожиданно зевнул во весь рот. — Ой, извини, — смутился он, — просто я вчера ночью почти не спал, да и сегодня день был сама-знаешь-какой... Но я сейчас посмотрю, — заверил он, встретившись с её строгим взглядом. От тишины, темноты, мерного шуршания страниц и на редкость академически-нудного текста глаза начали слипаться почти сразу.

Я только секундочку отдохну и тут же продолжу, — пообещал себе Гарри, снял очки и потёр кулаками уставшие глаза. Через мгновение он уже спал, уронив голову на сложенные руки.

Когда Гермиона оторвалась от “Ритуалов подчинения” и взглянула на часы, было почти три. Гарри сладко посапывал рядом, свеча догорала. Девушка закрыла книгу и отнесла её обратно в шкаф. Нахмурилась и невидящим взором уставилась на тёмные корешки.

Да, если всё обстоит именно так, ей непременно нужно снова заполучить в руки ту отравленную книгу. Непременно. Того, что ей открылось, явно недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы. Но зато события предыдущих месяцев начали напоминать не бессвязные картинки, а разрозненные кусочки сложной мозаики. Очень сложной. И для того, чтобы собрать её воедино, ей не хватало знаний и сведений. Почему-то в голову пришло воспоминание о том паззле, что собирали Стана и Боряна. Она вспомнила, как полыхнул огнём дракон на вмиг ожившей картинке, и вздрогнула от нехорошего предчувствия.

Да, хотела бы я знать, как эта книга очутилась у Гатто... Откуда она, вообще, взялась? Где он добыл её? И если кто-то дал её ему, то зачем?

Гермиона вернулась и присела рядом с Гарри. Юноша спал, и сон его вовсе не походил на безмятежный — дыхание было прерывистым, глаза под веками двигались, губы чуть подрагивали. Он так и не переоделся после матча и до сих пор был в квиддичной форме — за исключением, разве что, протекторов да перчаток — и, похоже, спёкся в тепле: лоб вспотел, на носу выступила испарина. Без очков лицо казалось беззащитным, совсем не таким, к какому она привыкла, — были отчётливо видны тёмные круги под глазами, бледные веки, напряжённая складочка между бровей... Она машинально протянула руку и ладонью отёрла пот у него со лба. Юноша вздрогнул, но не проснулся — цепкие лапы сна не выпускали.

— Гарри, проснись, — прошептала она ему на ухо. Он него шел тёплый, сонный запах. Какой-то и мальчишеский, и взрослый одновременно. — Гарри... — она тихонько погладила его по щеке.

Ресницы дрогнули, он открыл глаза — совершенно бессмысленные ото сна — близоруку прищурился. Шумно выдохнул, потянул её к себе.

— Гермиона... — в голосе звучала хрипотца; улыбка, сонная и какая-то вздёргнутая, заволокла его губы. Колени прикоснулись к её крепко сжатым коленкам, губы обожгли кипятком, он неуклюже завозился, поднялся, потянув её за собой и едва не перевернув стол, и притиснул к себе с такой силой, что она с трудом могла вздохнуть. От его тела шёл жар. Её руки скользнули ему за спину, неожиданно наткнувшись на горячую полоску голого тела.

— Майку-то заправь... — выдохнула она.

Это, последнее, будто слепило их мгновенно: качнулся потолок, утихли шумы и запахи. Свеча предсмертно встrepенулась и погасла.

Квиддичная мантия с тихим шорохом осела на пол, Гарри на секунду отстранился

от Гермионы, она почувствовала лёгкое колебание воздуха — за ней последовал свитер. Вслепую протянув руки в темноту, она наткнулась на его повлажневшие со сна ключицы над растянутым воротом старой футболки. Он рванулся навстречу, едва не сбив её с ног; покачнувшись, она оступилась, ухватилась за стол, раздался грохот — книги, чернильница, подсвечник — всё повалилось на пол.

— О, Мерлин, мы сейчас полбиблиотеки разнесём... — с улыбкой пробормотала она куда-то в уголок его губ и, не договорив, оцепенела от ужаса: совсем рядом раздался тихий, мягкий шорох, и кто-то требовательно коснулся её плеча.

— Да, Сириус, я согласен, что стоит заняться делами безотлагательно, но сначала... — Дамблдор подошёл к столу, хлопнул в ладоши — перед ним появились кувшин и большое серебряное блюдо с сэндвичами. — Подкрепись с дороги. У тебя усталый вид.

— Спасибо, не откажусь. Сами знаете, сэр, — хмуро откликнулся Блэк, — последние рейды оказались очень утомительны: Хаммеру не хватает людей, чтобы решать все вопросы, — иногда по двое-трое суток находишься на работе. В воздухе явно что-то витает... — он откинул с головы капюшон. Свет упал на лицо, худое и усталое. В угольно-чёрных волосах змеилась седина, короткая “шкиперская” борода побелела на концах, как колючки на спине у ежа.

— И не только в воздухе, — уронил директор, переводя задумчивый взгляд с распахнутой на столе книги на валяющиеся на ковре каминные щипцы. — Боюсь, наш враг идёт на шаг впереди нас, и всё, что нам остаётся, — стараться избежать самых страшных последствий и вовремя уворачиваться от ударов. Большого мы пока сделать не можем: чтобы вырвать заразу с корнем, нам прежде нужно эти корни отыскать.

Сириус сосредоточенно жевал, шумно глотая.

— Но пока обстановка такая напряжённая и угрожающая, может, мне, и правда, стоит забрать отсюда Гарри и отправить его в какое-нибудь укромное место? — невнятно спросил он и жадно впился белыми острыми зубами в следующий сэндвич.

— Гарри никогда не согласится, — покачал головой Дамблдор. — И ты это знаешь не хуже меня. Это в его глазах будет выглядеть трусостью и признанием своей слабости. Он не станет прятаться, оставляя друзей под возможным ударом. Кроме того, думаю, это всё равно ничего не решит. Ни для Гарри, ни для нас, ни для ситуации в целом. Разве что чуть затормозит события. Или же слегка ускорит их. Его жизнь всё равно будет в опасности, вот только в трудную минуту рядом не окажется людей, способных помочь и поддержать. Уберечь. Спасти.

— Вы про Виктора Крома, профессор? — Сириус нахмурился и замер с набитым ртом.

— Нет, но его это тоже касается, — глаза Дамблдора помрачнели, он с усилием оторвал их от иллюстрации, темнеющей на раскрытой странице, и серьёзно взглянул на Сириуса.

— А что, если выслать Крома из Хогвартса? — Сириус утолил первый голод и теперь, встав спиной к камину, большими глотками пил из тяжёлого кубка. От его волглого плаща валил пар. — Сказать, что, в свете последних событий, в его услугах больше не нуждаются — как-нибудь помягче, конечно, чтобы не обидеть... кроме того, болгарское министерство просто-таки на ушах стоит, даже к нам, в Гильдию приходили гневные письма — куда, мол, смотрят все ваши хваленые авроры...

— Я подобные письма даже не вскрываю, — словно отгоняя назойливое насекомое, махнул рукой Дамблдор, — так, будто бы прознав об этом, мне начали посылать вопиллеры... Три штуки взорвались прямо в приёмной и сожгли месячный за-

пас цветного телячьего пергамента для международной переписки... Перси Уизли был в шоке — он выписал его для своих нужд... — губы директора чуть дрогнули, но улыбка на них так и не появилась. — Дело в том, что у нас нет официального повода, а сам мистер Крум категорически настаивает на продолжении работы в Хогвартсе. Кроме того, в связи с трагическим происшествием, боюсь, его услуги будут нам как нельзя более кстати. Да, ты мне кое о чём напомнил... — Дамблдор подошёл к камину, кинул щепоть блестящего порошка и произнёс в самое сердце пламени, — мистер Крум, будьте любезны, поднимитесь ко мне. Ну, если ты готов, — он снова развернулся к Блэку, — пора заняться печальными формальностями. Северус и мадам Помфри сейчас выясняют причины смерти профессора Гатто, хотя у меня такое ощущение, что я их уже знаю... Мне ещё необходимо написать в итальянское министерство Магии и уведомить семью покойного... — Дамблдор перехватил взгляд Сириуса, обращённый к опустевшему блюду. — Как насчёт пары горячих рогаликов?

— Представляю, какой поднимется скандал, — хмуро хмыкнул Сириус и отрицательно помотал головой. Он, наконец-то, согрелся и теперь вернулся к столу, рассеяно рассматривая лежащие на нём предметы. В бороде, делающей его похожим на пирата из комиксов, запутались хлебные крошки. — Смерть преподавателя, несчастный случай с лучшим болгарским спортсменом, два покушения на Гарри, его дуэль с Малфоем — задери грифон всё это чёртово семейство с папашей во главе, несчастный случай во время квиддича, использование Заклятья Подвластия... и всё это в течение менее чем четырёх месяцев... Многовато для самого безопасного места в Англии. Хаммер буквально рвёт и мечет.

— Кстати, о несчастном случае — я попросил связаться с госпиталем святого Мунго: думаю, мистер Уизли вернётся к нам от силы через неделю-полторы, — за налётом облегчения в голосе Дамблдора явно звучало беспокойство. — Однако, боюсь, что ситуация может выйти из-под контроля в любой момент, все мы в большой опасности.

— Я займусь установкой детекторов немедленно...

— Детекторы Чёрной магии, охрана... — это подобно симптоматическому лечению тяжёлой болезни, но вряд ли мы сейчас способны на большее... Как продвигается расследование?

— Очень трудно, сэр, кто-то постоянно суёт нам палки в колёса: люди исчезают или же отказываются от уже данных показаний. Дело поручено Арчи Сноу — он мне вчера пожаловался, что всё снова забуксовало. У двоих свидетелей оказалась стёрта память, ещё один намекнул, что ему пригрозили смертью за явку в департамент, трое уехали, и связь с ними оборвалась... Осталось человек пять, не больше, но из их разрозненных показаний каши не сваришь. Метла Гарри сначала затерялась в дебрях склада вещественных доказательств, а когда её нашли, выяснилось, что с ней уже кто-то поработал, и добыть информацию о том, кто и зачем наложил то проклятье, оказалось невозможно, — Сириус мрачно развёл руками. — Опять ползут слухи о готовящемся заговоре, который связан с именами Макнейра, Малфоя и Нотта... — взгляд Сириуса неожиданно упал на иллюстрацию в раскрытой книге, он замер и заинтересованно склонился над ней, потянулся, чтобы перевернуть страницу. Но раньше, чем он успел это сделать, Дамблдор предостерегающе хлопнул его по руке.

Блэк удивлённо присвистнул, словно этот жест был лучшим объяснением.

— Значит, это?..

— Именно. Та самая. Книга-не-имеющая-конца, — коротко кивнул Дамблдор.

— Вот как... Но ведь тираж был уничтожен почти пятьдесят лет назад...

— Не весь, — Дамблдор обернул руку полой тёмно-синей мантии, осторожно зак-

рыл книгу и щёлкнул застёжкой. В неверном свете камина латинские буквы на чёрной коже полыхнули горячим золотом, а симплициссимус распахнул крылья и угрожающе тряхнул острой пикой на конце хвоста. — Наряду с пятнадцатью экземплярами по личному указанию Гриндевальда был напечатан ещё один, для которого использовалась отравленная типографская краска — знал об этом только сам Гриндевальд и его ближайшее окружение. И он собственноручно заколдовал книгу так, чтобы она продолжала писаться. Многие хотели заглянуть внутрь, но, кто бы ни начал читать эту книгу с начала, умирал на девятой странице на словах *“люди иногда проходят как слепые мимо самоочевидных истин”*. Именно этот экземпляр полвека назад и избежал глаз цензуры.

— А откуда вы?.. — но глаза Дамблдора полыхнули синевой, и Сириус осёкся, внезапно осознав всю неуместность своего вопроса. — Конечно, сэр. Но как?.. Как книга очутилась у Гатто?

— Увы, предусмотреть ничего подобного не мог никто. Сейчас, задним числом, я припоминаю, что эссе, опубликованные Гатто в последнее время, были весьма тенденциозны. Все его интересы крутились вокруг неких обрядов и ритуалов, исполнявшихся в своё время Гриндевальдом и его сподвижниками. Но подавалось это под соусом исключительно научного интереса и крайней необходимости подобных изысканий в настоящее время. В частных беседах — и со мной, и с другими преподавателями — он несколько раз упоминал о таинственной книге, которую разыскивает, чтобы довести до логического завершения своё исследование, намекал, что руководству школы оно будет более чем небезынтересно. Однако я и не подозревал, что речь идёт именно о ней, — Дамблдор кивнул в сторону стола. — Я знал — один из немногих, если не единственный, — что экземпляров было отпечатано шестнадцать, а уничтожено пятнадцать, но мне и в голову не приходило, что сохранившийся — тот самый. Книга, которая продолжает писаться сама собой.

— Значит?.. — настороженно спросил Сириус, сжавшись, как животное перед прыжком.

— Значит, приспешники Гриндевальда ухитрились не только сохранить её, но и проникнуть сюда. Значит, дело Гриндевальда живо, как жива и его борьба, — спокойно и печально произнёс Дамблдор.

— Но, — осторожно начал Сириус, тщательно подбирая слова, — наверное, они захотят вернуть её себе, ведь иначе мы сможем проникнуть в их планы и разоблачить их...

— Проникнуть в планы? — с сомнением покачал головой Дамблдор. — Я не был бы столь категоричен. Они не называли друг друга по именам, пользовались иносказаниями — на расшифровку потребуются годы. Особенно, если учесть, что на книгу наложены сотни заклятий, и обращаться с ней надо предельно осторожно. А это — время, которого у нас нет. Время, которого они нам не дадут, — Дамблдор покачал головой, и устало прикрыл глаза.

— Вы имеете в виду?..

— Я имею в виду, они придут за ней.

— Кажется, я начинаю догадываться, почему Рон терпеть не может Косолапсуса, — Гарри впотьмах шарил по полу в поисках своей палочки. Наконец, Запретную Секцию осветил тусклый огонёк. Лицо Гермионы, сидящей на полу и всё ещё зажимающей себе рот рукой, было бледным от ужаса, она никак не могла успокоиться. Сердце билось в горле, не давая дороги словам. Кот, восседая на краю стола, возвышался над ними статуэткой откормленной богини Баст и таинственно мерцал во мраке глазами. Гарри показалось, что под его встопорщенными, как у моржа, усами, играет

довольная улыбка. — Нам надо скорее сматываться отсюда: если патрульные не услышали визг и грохот, они глухие от рождения.

Они мгновенно сгребли в охапку вещи, книги и на цыпочках побежали к выходу. Гермиона крепко прижимала к груди довольно мурчавшего кота, которому Гарри сейчас хотелось дать крепкого пинка. На их счастье, то ли поблизости, и правда, никого не было, то ли Гарри переоценил мощностъ лёгких Гермионы, но путь был свободен.

— Внизу... недалеко от Большого Зала... есть кладовая, — шепнул Гарри Гермионе, которая всё никак не могла выровнять дыхание. — Там мы можем просидеть до утра, а когда все пойдут на завтрак, тихонько смешаемся с толпой.

В кладовой, переделанной из маленького класса для занятий древними языками (судя по грамматическим таблицам, сваленным в углу), оказалось неожиданно просторно, хотя и пыльно. В единственное окно, обладающее таким достоинством, как широкий подоконник, тихонько постукивали голые ветви растущего у стены клёна. Плотнo прикрыв за собой дверь, Гермиона выпустила извивающегося Косолапсуса, зажгла свою палочку и устало вздохнула.

— Меня уже ноги не держат...

В тусклом свете палочки Гарри обнаружил в стене дверку, ведущую в крошечный чуланчик, где были свалены какие-то таблицы, тряпки и старое пыльное барахло. Устроив из них подобие кровати, и положив в изголовье обёрнутые мантией-невидимкой книги, он расстелил поверх свою квиддичную мантию:

— Приляг, поспи...

Она благодарно улыбнулась и легла, прикрыв ноги полгой. Молча постояв над ней в ожидании сам-не-знаю-чего и так ничего и не дождавшись, он прошёл к окну и уселся на подоконник, привалившись спиной к холодному стеклу. В тишине было слышно, как Косолапсус точит когти об валяющуюся в углу доску.

— Гарри... — тихо позвала Гермиона.

— Что? — тут же с надеждой встрепенулся он.

— Иди сюда. Тебе ведь тоже надо поспать. Только...

Он был уже на полпути но, услышав неуверенность и смущение в её голосе, замер, как вкопанный.

— Что — только?

— Гарри... я хочу тебя попросить кое о чём... — приподнявшись на локте, она пристально смотрела на него глазами, кажущимися в темноте чёрными окнами, ведущими в пустоту.

— Я понял, — вспыхнув, перебил Гарри, и у него неприятно засосало под ложечкой. Он осторожно лёг на спину, стараясь не задеть её, и уставился в потолок. Только сейчас, заняв горизонтальное положение, он неожиданно почувствовал, как сильно устал: тело гудело и болезненно пульсировало, голова напоминала колокол, в который только что ударили. Юноша завозился, пытаясь устроиться поудобнее на жёстком и неровном ложе, в этот миг между ним и Гермионой, предостерегающе урча, гирей плюхнулся Косолапсус. Гарри лежал на мантии, сбившейся под ним и впившейся неприятной складкой куда-то под ребро, и почти физически ощущал идущее от Гермионы тепло. Оно манило и звало, и ему стоило больших усилий не наплевать на её просьбу и не продолжить то, что таким беспардонным образом прервал *этот рыжий поганец*. Промаявшись минут пятнадцать, Гарри не выдержал.

— Гермиона, — позвал он, но она не откликнулась: уже спала. Юноша повернулся на бок и, наконец-то, позволил себе взглянуть на неё. Спокойное лицо, плотно сжатые губы, густые брови — полутон не было, лицо казалось нарисованным углём на тёмно-серой бумаге. Она глубоко дышала. Книга под головой вылезла из-под

мантии и кованый уголок впечатался в щёку. Мстительно турнув кулаком Косолапсу-са, Гарри пододвинулся поближе, бережно переложил её голову себе на плечо, обнял. Уткнулся лицом в волосы. Осторожно и нежно поцеловал в макушку, неожиданно почувствовав приступ какого-то сладкого, упоительного отчаяния и желания. Пальцы его шевелились сами собой, поглаживая её по виску... шее... он нашёл ямочку над ключицей и понял, что ещё чуть-чуть, и не сумеет устоять перед тягучим чувством, от которого всё тело томилось и словно звенело.

Замерев, Гарри уставился в потолок. Лёгкая приятная дрожь пронеслась по телу, мир начал тихонько раскачиваться и вдруг куда-то поплыл; перед закрывшимися глазами замельтешили картинки — сначала разрозненные и смазанные, они становились всё более осмысленными и пугающими.

Он, словно со стороны, увидел две свернувшиеся на куче тряпья фигурки, которые становились всё меньше, как будто он поднимался вверх. Но стены не появились — они лежали не на полу в каморке, а под открытым небом. И вокруг, безмолвно и угрожающе колыхаясь, сжималось чёрное кольцо. Знакомое чувство ледяного ужаса и беспомощности прострелило с головы до пят. Разом пропали силы и желания, было невозможно ни крикнуть, ни пошевелить рукой. Единственной частью, в которой сохранилась хоть какая-то жизнь, остались глаза. Он мог только видеть.

Круг сжался, чёрные фигуры склонились над спящими и резко отпрянули назад, завертевшись в хороводе — в этот раз пугающе безмолвном. И вдруг Гарри увидел, как безвольное кукольное тело Гермiony кружится по этим чёрным волнам, превращающимся в бездонный омут, ныряет в него, бессильно раскинув руки и запрокинув бледное лицо с закрытыми глазами. Её затягивает глубже, глубже — и вот на поверхности остаются только руки... Безжизненные руки с испачканными чернилами кончиками пальцев.

В этот момент силы вернулись к нему, и он камнем ринулся вниз, успев коснуться её пальцев за миг до того, как они скрылись в вязкой чёрной жиже, и те наручниками намертво сомкнулись на его запястьях. Они не умоляли о спасении — нет, они тянули в бездонную пучину. К миру вернулись голоса: знакомый вой и вопли о пощаде, плач детей и женщин, предсмертный рёв мужчин, торжествующее пение и дьявольский смех...

Гарри рвался наверх, тащил её за собой — вот показались ладони... потом запястья с браслетами синяков... вот под чёрной водой проступило спящее лицо; оно всплывало, как лицо утопленницы...

И в миг, когда она сделала первый глоток воздуха, глаза её широко распахнулись, наполненные мольбой и ужасом, губы зашевелились — она кричала, умоляла о чём-то, но от грохота и визга безумного пространства он потерял не только способность что-то слышать, но и способность понимать. Он просто тянул её вверх, чувствуя, что силы уже на исходе, и сейчас они оба рухнут в плещущую под ними пучину забвения и смерти, откуда не будет спасения.

Что-то мешало ему, что-то не пускало её — собравшись с силами, он рванулся вверх и увидел руки, цепляющиеся за неё из последних сил, руки, стиснувшие её щиколотки.

Гарри проснулся — задыхающийся, покрытый потом. За окном ночь обагрилась кровью. Светало. Гермiona спала, сладко сопя юноше в ямку между шеей и плечом и в сонной нежности обхватив его поперёк груди. Косолапсус с мрачным видом лежал в ногах у хозяйки. Не в силах поверить в то, что это был просто ночной кошмар, и теперь всё позади, Гарри колыхался на зыбкой границе между болезненным забытием и явью. Комнатушка вяло покачивалась, светлея на глазах и обретая чёткие очертания. Гарри повернул голову и похолодел: прямо над его головой полупрозрач-

ной медузой в воздухе колебалось дымное облако. Вот из него вылепилась фигура... Гарри судорожно протёр глаза, чувствуя, что во рту пересохло... Это был призрак из его сна. Внезапно видение исчезло. И снова возникло, чтобы — ещё более блёклым и тусклым — мелькнуть в дальнем углу и снова пропасть. Теперь уже совсем.

Странное чувство охватило Гарри: замок был полон привидений, дружелюбных и не очень, но их появление никогда не вызывало в его душе этого жуткого чувства беспомощности и ужаса... Ему показалось, что голоса из ночного кошмара зазвучали среди бела дня. Он лежал, мучительно прислушиваясь, от напряжения в ушах начало звенеть. Голоса затихали, пока не затихли совсем. Слышалось лишь мерное дыхание Гермионы да шуршание мыши где-то в чулане.

Стало совсем светло, теперь были видны все выбоинки на обшарпанных каменных стенах и дюймовый слой пыли на полу. Сердце постепенно успокоилось, сознание прояснилось, и кошмарное полувидение-полувоспоминание поблело и рассыпалось прахом, спасовав перед наступающим днём.

Гермиона заворочалась во сне, её рука соскользнула с его груди и вернулась обратно. Гарри ещё не приходилось просыпаться в чьих-то объятиях. Он отметил, что это чрезвычайно приятно. И Гермиона... Она ещё никогда не была к нему так близко — прижалась всем телом, словно ища защиты. Однако назойливая, будто комар в темноте, мысль не давала ему покоя. Взглянув на ровно дышащую девушку, он воровато коснулся её руки и потянул вверх рукав. В предрассветном сумраке на запястье зачернели синяки. Отпечатки чьих-то пальцев.

Гарри стиснул зубы и, откинувшись на спину, уставился в потолок.

Кто?! И почему она обманула меня? Она за кого-то боится? Или пытается меня от чего-то уберечь? Кто же он? Снова Малфой? Или же... Но неужели?... — от этих безответных вопросов в груди поселилось неприятное сосущее чувство. Медленно текли минуты. Гарри потерял счёт времени и ощущение реальности — измученный и усталый, он лежал, обнимая её одной рукой и разрываясь от насккивавших друг на друга мыслей, подозрений, предположений и рассуждений.

— Так вот вы где, голубки наши сизокрылые... — нежно пропел голос, от которого Гарри подскочил, как ужаленный, дёрнувшись и разбудив Гермиону. Она вздрогнула и открыла глаза, с не меньшим ужасом уставившись на взирающего на них с деланным умилением Пивза. Довольный произведённым впечатлением, полтергейст почмокал губами. — Голубки, голубочки... — он набрал полную грудь воздуха и заорал во всё горло. — Ой, кого это я нашёл! Все сюда!

— Пивз, пожалуйста! — умоляюще замахал на него руками Гарри.

Пивз на миг затих и взвыл с утроенной силой:

— Скорее сюда! Гляньте, где воркуют наши пропавшие гриффиндорские голубки!!!

Гарри вскочил, схватил мантию, книги и пинком отправил импровизированную кровать в угол.

— Бежим!

Уже пришедшая в себя, Гермиона кинулась к двери, у которой отирался Косолапсус, распахнула её... И столкнулась нос к носу с профессором Снейпом и профессором Макгонагалл, ведущими свои факультеты на завтрак в Большой Зал. Студенты из-за их спин с любопытством взирали на представших перед ними душераздирающе заспанных, растрёпанных, помятых и перепуганных Гарри Поттера и Гермиону Грейнджер. По коридору пронеслись приглушённые шепотки и смешки.

— Мистер Поттер, мисс Грейнджер, — Гарри показалось, что у Макгонагалл вообще нет губ, а голос был так тих, что ему приходилось вслушиваться, — будьте любезны сообщить нам, по какой причине вы нарушили строжайший запрет и покинули

факультетское общежитие?

— Это моя вина, — оттерев Гарри, Гермиона шагнула вперёд, и старшекурсницы зашушукались, обмениваясь многозначительными взглядами и ещё более многозначительными движениями бровей. — Мой кот выскочил из гостиной, я побежала за ним... Гарри хотел мне помочь. Остановить... это я во всём виновата... — она подняла глаза на каменное лицо профессора Макгонагалл, оторвавшись от разглядывания пола, и подпустила в голос драматизма. — Но когда мы нашли кота и вернулись, гостиная, к нашему ужасу, была уже заперта, — словно в подтверждение её слов Косолапсус вальяжно вышел из кладовой, расселся посреди коридора и, задрав лапу, начал неторопливо вылизываться, не обращая ни малейшего внимания на обилие народа. — А потом мы побоялись бродить по коридорам и потому заперлись в ближайшем чулане, где просидели всю ночь, — Гермиона не сводила с декана честных, наполненных слезами глаз.

Лицо Макгонагалл чуть смягчилось.

— Вот как... — бархатно произнёс Снейп, изучая нарушителей с головы до ног своими буравящими чёрными глазками. Похоже, искренняя и торопливая речь Гермионы его не впечатлила и не убедила. — Значит, теперь староста факультета, обязанная следить за исполнением школьных правил, первая же их и нарушает. Более того, — Снейп повысил голос, слизеринцы за его спиной начали насмешливо перешёптываться и пересмеиваться, почувствовав безнаказанность, — более того! — похоже, она нуждается в Напоминаре, чтобы не забывать о должности, которую занимает. Или, хотя бы, в Поттере — не сомневаюсь, что именно об этом он ей и твердил всю ночь, — бледные губы профессора вздёрнулись в кривой усмешке — этого было достаточно, чтобы слизеринцы, как по команде, повалились друг на друга от хохота. — И, я так понимаю, мисс Грейнджер — лучшая представительница своего факультета, так куда же катится Гриффиндор?

Макгонагалл резко развернулась и взглянула на Снейпа так, что стоящие рядом с ним попятились.

— Полагаю, судьба студентов моего факультета находится в моей компетенции, — ледяным голосом отрезала она, давая понять, что дискуссия по этому поводу исчерпана. — Мисс Грейнджер, мистер Поттер, следуйте на завтрак. И на учёбу — согласно расписанию. Я ещё побеседую с вами по поводу вашего поведения.

Гарри и Гермиона пристроились в хвост гриффиндорцам. У Гарри было странное ощущение, что, не вставь профессор Зелий своего замечания, вряд ли бы им удалось так легко отделаться.

Впрочем, судя по всему, пожинать плоды своего ночного отсутствия теперь предстояло довольно долго: девушки мерили их с ног до головы восхищённо-укоризненными взглядами, семикурсники, во главе с Фредом и Джорджем, подмигивали Гарри, одобрительно кивая головой.

— Просидели всю ночь, дрожа от страха, — фыркнул Джордж,

— ...дрожа от страсти, — подхватил Фред, на что Гарри показал им кулак и отвернулся, сосредоточившись на том, чтобы не выронить из-под мантии украденные у директора книги. Гермиона шла молча, делая вид, что происходящее её не касается. Однако от Гарри не укрылось, что щеки её горят, и она нарочито старается не встречаться с ним глазами. Это его здорово расстроило. И даже насторожило.

— Кстати, — осенило юношу только посреди завтрака, и он оторвался от тарелки с копчёной селёдкой, тостами, яичницей с беконом и стакана крепкого чая с горячей булочкой (аппетит, вопреки переживаниям, а может, благодаря им, был просто зверский), — у нас же сегодня по расписанию первым уроком Защита от Тёмных Искусств, а профессор Гатто...

— Понятия не имею, — пожал плечами сидящий рядом Дин Томас. Почему-то он внезапно проникся к Гарри небывалым доверием, хотя раньше в его словах частенько проскакивали снисходительные нотки, — но Макгонагалл сказала, что ничего не отменяется и не переносится.

— Наверное, опять Снейпа поставят, — обречённо вздохнул Невилл, силясь съесть хотя бы тост. — А сегодня нас как раз должны были проверять по Защитной сфере... — он робко погладил сидящего у кувшина с тыквенным соком Тревора.

Над столом пронёсся обречённый вздох. Мрачные предчувствия не отпускали гриффиндорцев весь завтрак и только усилились, когда таким же строем педагоги проводили студентов на уроки.

В классе по защите от Тёмных искусств стоял негромкий гул, и царило настроение, которое без всякой натяжки можно было назвать похоронным, но едва распахнулась дверь и в кабинет вошёл новый учитель, воцарилась изумлённая тишина.

— Добрый день, — произнёс Виктор Крум, — с сегодняшнего дня вести у вас этот предмет буду я.

Здравствуй, дорогой Рон!

Мы знаем, что у тебя уже всё в порядке и совсем скоро ты вернёшься в Хогвартс, и очень рады этому. Ты не представляешь, как за тебя все переживают, вы с Гарри стали просто героями матча. Мы победили, и теперь Гриффиндор лидирует в соревновании за Кубок школы по квиддичу...

Гермиона покусала перо и нахмурилась. Ей хотелось написать что-то ободряющее, но выходило плохо. Про квиддич она теперь без дрожи и думать не могла.

В Хогвартсе сейчас тревожно, после трагической гибели профессора Гатто (он чем-то отравился во время опытов в своей лаборатории, как нам сказала профессор Макгонагалл) ввели новые правила: нам запрещено покидать гостиные вечером, на все уроки нас опять сопровождают учителя. А Защиту от Тёмных Искусств теперь ведёт Крум.

Гермиона опять остановилась. У неё пробежал мороз по коже — как и тогда, когда Крум шагнул в класс. Он был собран и спокоен, и с первых же слов стало понятно, что предмет был знаком ему отнюдь не понаслышке. Он ни разу не взглянул на неё, но от этого ей не стало легче: не поднимая глаз, сжавшись, она старательно строчила всё подряд, едва ли понимая, о чём идёт речь.

Её мысли были заняты совсем другим: Гарри сидел рядом, напряжённо уставившись в пергамент и сжав губы, и она знала, что это признак раздражения и недовольства. Он не писал, а просто теребил перо и, похоже, о чём-то думал, его сдвинутые брови чуть подрагивали. Она решила уничтожить растущую стену недоверия до того, как та станет непреодолимой, и тихонько коснулась его локтя. Видимо, совсем тихонько: Гарри даже не заметил. Тогда, удостоверившись, что на них никто не смотрит (впрочем, за это можно было не беспокоиться, позади них сидел только Невилл, полностью поглощённый повторением заданной на сегодня темы: зажав уши руками и уставясь в учебник, он беззвучно шевелил губами), осторожно погладила его по руке. Гарри замер и вопросительно взглянул на неё. Она утвердительно кивнула и, ещё раз погладив его руку, потянула за мизинец под парту. Ей сейчас хотелось сделать ему нечто приятное и нежное, что компенсировало бы и то, что она обидела его ночью (да-да, она прекрасно это осознавала, но ничего не могла с собой поделать: от мыслей, подозрений и опасений, обуявших её после изучения книг, ей было просто физически нехорошо), и то, что весь день держалась отчуждённо (уже за завтраком стало понятно, что будет, поступи она иначе: Лавендер, Парвати, Джинни и даже Кэти пытались поймать её взгляд с одной только целью — чтобы сделать огромные глаза и чуть слышно прошептать: “Вы уже — ...? Ну, и как?!” В ответ Гермиона хму-

рила брови и бурчала сквозь зубы: “С ума сошли?! Не несите чушь!” Судя по всему, это совсем не убедило их, а лишь укрепило подозрения.)

Сейчас, взяв под партой руку Гарри и развернув её, Гермиона кончиком мизинца нежно провела через всю ладонь к запястью. Его рука чуть вздрогнула и закрылась, будто пытаясь поймать её палец, а сам Гарри слегка улыбнулся. Она пощекотала ладонь пером. Улыбка стала шире, а рука обмякла и раскрылась. Гермиона стала рисовать на ней замысловатые кривые, писать буквы, складывающиеся в слова на неизвестном языке. Ему казалось, что под кончиками её пальцев рождаются и умирают вселенные, взрываются звёзды, она обводила каждый палец — нежные, будто целующие, прикосновения, будоражили и дразнили.

Они давно забыли про то, где находятся, и не замечали, что Невилл, разинув рот и отодвинув в сторону учебник, не может отвести глаз от их игры. Правой рукой Гарри ритмично сжимал перо, невидящим взглядом уставясь на чистый пергамент перед собой. Улыбка с его губ давно исчезла, они приоткрылись и вызвали у Гермионы сильное желание затащить его под парту.

Внезапно в классе воцарилась тишина, и она скорее почувствовала, чем увидела, что все глаза обратились в их сторону. Повисла странная пауза.

— Гермиона, — тревожным шёпотом произнёс Невилл, — тебя вызывают.

Гермиона подскочила, словно её подбросило, и почувствовала, что с ног до головы заливается краской: как она ни силилась, никак не могла взять в толк, что от неё требуется.

— Мисс Грейнджер, вам удалось добиться успехов в отработке Защитной Сферы? — терпеливо повторил Крум. — Ведь, если не ошибаюсь, это тема сегодняшней практики?

— Мне?... Да... но...

— Попрошу вас к доске. Будьте добры — покажите, как вы выполняете это заклинание.

Гермиона с трудом собрала свои мысли и взяла себя в руки.

— *Servoinvolucrum!* — полупрозрачная сфера размером с небольшой воздушный шарик радужно вспыхнула в солнечном луче и тут же звонко лопнула.

Крум кивнул.

— Я понял, в чём причина того, что вы так и не преуспели в этом заклинании. Всё дело в том, что вы выполняете неправильное движение. Кисть должна двигаться более плавно, замыкая круг... Позвольте, я покажу, — не дав ей опомниться, он взял руку Гермионы в свою. — Давайте вместе. Заклинание произносится, когда круг будет замкнут, причём, обращая ваше внимание — в верхней точке. Итак...

Гермиона снова почувствовала крепость и силу его рук, его пальцев. Он стоял у неё за спиной, сжимая её руку, вторая рука легла ей на плечо. Его дыхание ерошило волосы на макушке.

— Итак, попрошу всеобщего внимания. Мисс Грейнджер, начали! — он вёл в воздухе её руку, описывая замысловатую фигуру, чуть сжал её пальцы...

— *Servoinvolucrum!* — звонко воскликнула Гермиона, и в тот же миг всё окружающее чуть смазалось, оказавшись за барьером, образованным плотной серебристой сферой.

— Умница, — чуть слышно шепнул Крум ей в затылок. Она попробовала шевельнуться — не тут-то было, пальцы на её плече стали жёстче. — Мне нужно поговорить с тобой. Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Приходи...

— *Finite incantatem!* — не дослушав, звонко воскликнула она, снова вернув их обоих в класс, и встревожено взглянула на Гарри. Юноша чуть приподнялся на своём месте, словно был готов броситься вперёд.

— Итак, — самым спокойным тоном продолжил Крум, взмахом руки отпуская её на место, — сейчас я подойду к каждому и покажу необходимое движение. Приготовьте ваши палочки.

Гермиона вернулась и села рядом с Гарри ни живая, ни мёртвая, но на его вопросительный взгляд ответила самой невинной улыбкой. Крум методично обходил студента за студентом и точно так же, как и ей, показывал выполнение заклинания. Вот он подошёл к Гарри и протянул свою руку.

— Мистер Поттер?..

Гарри не шевельнулся:

— Я умею.

— Прекрасно, — серьёзно кивнул Крум, — в таком случае, я попрошу вас... — он приглашающе махнул в сторону доски. — А сейчас мы с мистером Поттером проведём испытание его защитной сферы на прочность.

— Показательная дуэль... — вспыхнул восхищённый шепоток. Гермиона вздрогнула и угрожающе взглянула на Лавендер, которая шушукалась с Парвати, пожирая Крума глазами.

В тишине шаги преподавателя и ученика звучали громко и отчётливо. За окном взвыл и затих ветер. Под кем-то скрипнул стул. Все напряжённо ждали, переводя глаза с юношей на Гермиону.

— Гермиона... — тихонько прошептал у неё за спиной Невилл. — Гарри не умеет выполнять это заклинание... Я сам видел...

Она это знала не хуже него: события последних дней не очень-то располагали к учёбе и приготовлению домашних заданий. Гарри стоял на возвышении у кафедры. Гермиона зажмурилась, нервно покусывая нижнюю губу. Он произнёс заклинание... Воцарилась тишина.

— Отлично, отлично, — удовлетворённо произнёс Крум. Гермиона чуть-чуть приоткрыла один глаз, и её рот тут же распахнулся от удивления: Гарри, и правда, удалось! — Благодарю вас, мистер Поттер, вы прекрасно справились. А теперь обратите внимание вот на что: Защитной сферой можно накрыть двух и более людей рядом с собой, надо только, чтобы все они касались друг друга. Можно её как бы растянуть, но тогда, по понятным причинам, она потеряет в прочности. Или же можно спасти от заклинания или физической травмы другого человека, стоящего в стороне от тебя, но на это способен только взрослый маг, потому что в этом случае с каждой секундой выполняющий это заклинание будет неудержимо терять силы. Я попробую продемонстрировать это... — Крум взмахнул палочкой, произнёс заклинание, и вокруг Гарри вновь заколыхалась серебристая плёнка. Юноша толкнул её изнутри, но та лишь упруго прогнулась. К удивлению всего класса, барьер исчез, лишь только Крум опустил свою палочку.

— Большой недостаток заклинания в том, что действие его прекращается, как только перестаёшь поддерживать сферу волшебной палочкой. Поэтому в обычных случаях чаще используются другие заклинания — например, Барьерное или Замедляющее, хотя они и менее эффективны.

До конца урока все практиковались и добились некоторых успехов. У Лавендер сфера получилась перламутрово-розовая, что ей очень не понравилось: на розовом, как ей казалось, её роскошные светлые волосы казались белёсыми, а цвет лица — неровным. А сфера Невилла оказалась настолько плотной, что он сумел её убрать только с третьего раза.

...А в остальном всё по-старому, — продолжила письмо Гермиона, отогнав воспоминания. — Вот только в библиотеке мы больше не сидим: Гарри удалось найти нужные книжки — те самые, к эссе по Уходу за Магическими Существами. Поправляйся ско-

рее, нам нужна твоя помощь: задание большое, мы одни не справимся. Привет тебе от Гарри, а также от всего Гриффиндора. Мы по тебе очень скучаем и ждём. Гермиона.

Ей ужасно хотелось написать Рону обо всём — и правду про смерть Гатто, и про таинственную книгу в библиотеке Дамблдора, и про украденные Гарри тома, оказавшиеся именно теми, за которыми он охотился весь семестр, но она не знала, проверяется ли отправляемая из Хогвартса почта, так что решила не рисковать: в конце-то концов, Рон вот-вот появится, и тогда они с Гарри всё ему расскажут. Гермиона скатала письмо в трубочку, чуть помедлила и, повинувшись какому-то внутреннему порыву, налила воска на стык и прижала к тёплой капле свой кулон — половинку сердечка. Для верности перевязала ленточкой и собралась отправиться в солянку.

— Гермиона, я нашёл! — в комнату с сияющим радостью и ужасом лицом влетел Гарри, от возбуждения забыв даже постучать. — Вот, взгляни! — он бухнул перед ней толстенный том.

По мере чтения у Гермионы брови поднимались всё выше и выше:

— То есть ты хочешь сказать, что это — единственный способ уничтожить Стража?! Но чтобы применить Смертельное проклятье, надо долго тренироваться... ведь не каждому это под силу! А это чудовище убьёт тебя куда быстрее, чем ты отыщешь у него тринадцатый палец на пятой правой руке! Ты дальше-то читал? *“Во время оргий Гриндевальд часто устраивал поединки между пленными волшебниками и Стражами. За всё время известен лишь один случай, когда пленнику удалось выжить: в 1942 году известный мракоборец Невилл Лонгботтом сумел убить Стража, лишившись в битве правой ноги, левого уха и нескольких пальцев”*... Да ведь это, наверное, родственник нашего Невилла! Похоже, его называли в честь героического дедушки. Или прадедушки.

Они переглянулись: глядя на нескладного и неловкого Лонгботтома-младшего, трудно было заподозрить, что в его роду имелись прославившие себя подвигами герои.

— Ноги, уха и пальцев, — повторила Гермиона, похлопав рукой по книге. — Хочешь быть похож на Шизоглаза? Шрамы, конечно, мужчин украшают, но не до такой же степени...

Вспомнив впечатляющий вид заслуженного аврора, Гарри внутренне передёрнулся.

— Так или иначе, до этого момента нам ещё долго. Может, есть ещё какой секрет: Пушок, вот, музыку любил... Кстати, надо поговорить с Хагридом: монстры и чудовища ему — дети родные, может, он что-нибудь знает? Или написать бабушке Невилла?

— Займись Хагридом, — подумав, посоветовала Гермиона. — Думаю, что бабушке Невилла стоит написать мне, — колебавшись, Гарри с ней согласился: крутой нрав миссис Лонгботтом и её громкий голос были всем хорошо известны. Вряд ли имена Гарри или Рона могли вызвать у неё доверие. Другое дело — отличница и староста факультета.

Рон угрюмо взглянул на шахматную доску (кому угодно надоест второй день подряд играть с собой в шахматы) и перебрал свежую почту, завалившую тумбочку. Так-так... Конфеты, ещё конфеты, всевозможные орешки... дрянь какая — тараканий козлик!.. Письмо и свёрток от матери, коробочка от близнецов — Рон, имея представления о том, что в их понимании значит “немножко развлечь”, открывать не рискнул, — письмо от Гарри... Рон с тоской стиснул кулаки: оказаться на больничной койке в такой ответственный момент! Он понимал, что и Гарри, и Гермиона не могут рассказать в письмах всего, но намёков было достаточно, чтобы понять, что в школе про-

изошло что-то экстраординарное, и он нужен друзьям, как никогда. А ему придётся провести в клинике никак не меньше недели...

Вздыхнув, Рон потянулся к красивой открытке, усыпанной переливающимися звёздочками и сердечками. Едва он взял её в руки, как она взлетела в воздух и бабочкой начала витать вокруг него, декламируя тоненьким голоском:

*О, ты, герой рыжеволосый,
Пуškai упал ты в землю носом
Но я клянусь, в моих глазах
Вознёсся ты под небеса...*

— Хорошо, что не НА небеса, — буркнул Рон, но благосклонно кивнул головой, и открытка продолжила:

*Твои веснушки я целую,
И очень без тебя тоскую,
И на снегу увидев кровь,
Почувствовала я любовь.*

*Пуškai не знаешь ты меня,
Я очень-очень жду тебя,
Так возвращайся поскорей,
Ты — самый лучший из парней.*

Из открытки вылетел сноп сердечек, и она начала по новой:

*О, ты, герой рыжеволосый,
Пуškai упал ты в землю носом...*

Рон поймал открытку, и та умолкла. Оказавшись в клинике, за два дня он получил тринадцать писем и открыток от гриффиндорцев (включая письма от Гарри, Гермионы и всей квиддичной команды), пять — от девушек с других факультетов, три анонимных признания в любви, пять приглашений на свидание (кстати, тоже анонимных, как ни странно) и вот теперь — оду. Рон взглянул на открытку: как он и предполагал, послание тоже не было подписано. Но почерк казался почти детским, наивно-округлым. Сам не зная, почему, Рон вспомнил о валентинке, что несколько лет назад Джинни послала Гарри. Кстати, после того, как Малфой злобно высмеял её робкое признание, она больше не написала ни одной стихотворной строчки, чему Рон, в глубине души считавший её стихи просто ужасными, был несказанно рад.

Одно только непонятно, — с грустью подумал он, снова переводя взгляд на громоздящуюся на тумбочке гору конфет⁴, записок, открыток, — *неужели для того, чтобы узнать, какой я хороший, мне нужно было свернуть себе шею?*

Он поправил одеяло, взял следующее письмо, развернул... и, едва увидев почерк, которым оно было написано, не читая, разорвал в мелкие клочки, которые медленно осели на пол и на оранжевых утят — комнатные тапочки Рона. *“Я так виновата... стечение обстоятельств... невинная шутка... надеюсь, ты не сердишься... прости меня... скучаю...”*

— *Incendio!* — и тапочки вместе с письмом рассыпались горсткой пепла.

Колин Криви прищурился и поднёс колдографию почти к самому носу.

— Не может быть, — оторопело повторил он, — не может быть!..

Первой мыслью у него было немедленно броситься к Дамблдору. Второй: показать фотографию Гарри. А может, попробовать самому?..

Колин грустно вздохнул и снова взглянул на колдографию.

Нет, у него это вряд ли получится...

Ну, что ж, тогда... — и он пододвинул к себе Подписной Каталог Ведущих Волшебных изданий.

Глава двадцать седьмая, в которой Гарри знакомится с секретом и пророчествами Нострадамуса, Крум наживает себе врагов, а Колин Криви расплачивается за наивность и доверчивость.

Гарри догадывался, что, рано или поздно, Дамблдор вызовет его к себе, поэтому, когда профессор Макгонагалл после завтрака велела вместо Истории Магии следовать в кабинет директора, он коротко кивнул, ничем не выдав своих чувств: ждать-то он ждал, но всё же надеялся, что обойдётся. Преодолевая вслед за деканом лестницу за лестницей, машинально перешагивая через проваливающиеся ступеньки и сторонясь кусающихся перил, он мысленно прикидывал, к чему стоит подготовиться.

Единственное, что приходило в голову, — их с Гермионой налёт на кабинет директора раскрыт. Оправданий этому поступку не было никаких, и Гарри решил честно во всём повиниться. Однако объяснить необходимость кражи книг, не рассказывая про личную встречу со Стражем, подземный ход, надгробия и странный предмет в холодном пламени, будет довольно проблематично. А это цепляло за собой и подозрения о покушениях, и многое-многое другое. И что он мог поведать? Поделиться смутными сомнениями? Выглядеть в глазах кого-либо, особенно Дамблдора, любознательным параноиком с манией преследования ему совсем не хотелось.

Кабинет был открыт, лестница уже ждала юношу и резво побежала вверх, едва он шагнул на ступеньки. Входя, Гарри метнул быстрый взгляд на полку, откуда двумя днями раньше вытащил “Монстров” и “Исповедь”, — книги по-прежнему были чуть сдвинуты, как он их и оставил. Дамблдор сидел за столом, склонившись над кипой газет и пергаментов, а на высокой спинке стула, увенчанного резным гербом Хогвартса, пристроились три совы, тут же воззрившиеся на Гарри круглыми внимательными глазами. Ещё две кружили под потолком и, судя по громкому уханью, обменивались нелицеприятными замечаниями в адрес друг друга. А в тот момент, когда Гарри собрался заговорить, через открытое окно влетел большой угрюмый филин и грузно опустился на стол прямо перед директором, крылом скинув на пол чернильницу в виде хрустального льва.

— Добрый день, сэр, — поздоровался Гарри, делая шаг назад, чтобы избежать чернильного душа.

— Проходи, Гарри, я тебя жду, — одним взмахом палочки Дамблдор вернул чернила в чернильницу, а последнюю — на стол. — Думаю, ты догадываешься, о чём я хочу с тобой поговорить?

Гарри кивнул и осторожно уточнил:

— О последних событиях?

— Совершенно верно, — Дамблдор отцепил от лапы филина свиток, перевязанный серебряной лентой, пробежал глазами послание и нахмурился. Птица, недовольно ухнув, вылетела в окно. — Но, может быть, начнёшь ты? Мне нужно кое-что рассказать тебе, но сначала я хотел бы услышать твои соображения по поводу случившегося. Ведь вы с мисс Грейнджер, если я всё правильно понимаю, знаете об этом чуть больше, чем остальные студенты.

Сердце у Гарри упало в пятки. Поколебавшись, он кивнул.

— Профессор, в тот вечер...

Их снова прервали: через окно влетела сова, цвет конверта на лапе которой не оставлял никаких сомнений относительно тона и содержания письма.

— Вопилка! — ахнул Гарри.

Едва Дамблдор распечатал конверт, как кабинет наполнил пронзительный женский голос, от которого завибрировали разноцветные стёкла, а пожилая и, по-видимому, чрезмерно нервная директриса на одном из портретов хлопнулась в обморок.

— Я предельно возмущена! Все обещания Министерства, что мой ребёнок будет в безопасности, на проверку оказались ложью!

Фоукс взмахнул крыльями и, взлетев со своего насеста, опустился Дамблдору на плечо. Директор улыбнулся.

— Да, дружок, я тоже так думаю... — кивнул он, словно отвечая на безмолвное предложение феникса. Взмах палочкой, и Гарри показалось, что он оглох: в кабинете стало удивительно тихо. Письмо продолжало вещать — но теперь уже еле слышным писклявым шепотком:

— Я пишу от имени и по поручению группы родителей, обеспокоенных происходящим. Наши дети не могут спокойно учиться: мысль о том, что в любой момент они могут пострадать...

— Продолжай, Гарри, — Дамблдор перевёл на Гарри взгляд своих ярких глаз.

— Профессор, в тот вечер мы с Гермионой искали её кота и случайно налетели на профессора Снейпа, профессора Синистру и мадам Помфри — они переносили тело профессора Гатто. Мы слышали, что они говорили об отравлении. И что яд — был в книге, которую он читал, — Гарри умолк.

— Значит, вы искали кота, — задумчиво кивнул Дамблдор. — Укрывшись мантией-невидимкой. И случайно — совершенно случайно — оказались в преподавательском крыле. Так-так. Знаешь, Гарри, ты очень похож на своего отца, — улыбнулся директор, словно не замечая смущения юноши, — тот тоже всегда оказывался в самом неподходящем месте в самое неподходящее время. Хотя можно сказать и по-другому: в нужном месте и в нужное время...

Директор замолчал, ожидая продолжения. Гарри лихорадочно соображал, поделиться или нет своими мыслями и подозрениями.

— ...не могу не обратить вашего внимания на то, что с началом учёбы в Хогвартсе Гарри Поттера количество несчастных случаев и происшествий резко возросло, — упрямо бубнила вопилка. — Вы, конечно, можете утверждать, что это — простое совпадение, но...

— Я думаю, — осторожно начал Гарри, — что в школе снова появился человек, пытающийся причинить мне зло... убить меня. И этот человек связан с Вольдемортом.

И Гриндевальдом, — мысленно добавил он и вздрогнул под пронзительным взглядом Дамблдора. Ему в очередной раз показалось, что директор может без труда читать мысли.

— Гарри, я, с одной стороны, рад, что ты воспринимаешь это спокойно и мужественно. Но, с другой стороны, это меня тревожит: привычка жить в постоянной опасности притупляет чувства и интуицию. А сейчас ситуация крайне серьёзна, и дело не только в некой угрозе, подстерегающей тебя в стенах Хогвартса. Взгляни-ка... — директор наобум взял один из свитков, горой лежащих на столе, и протянул его Гарри.

...настоятельно требуем убрать из школы источник потенциальной опасности для детей и педагогов — Гарри Поттера...

— Или вот это...

...с глубоким прискорбием сообщаем, что запас лимонных долек на нашем складе иссяк. До того момента, как он будет восполнен, будем рады предложить Вам три коробки малинового шербета и ящик Шоколадных лягушек...

— Что-то не так? — спросил Дамблдор, встретив изумлённый взгляд Гарри. — О... прости, это из "Сладкого королевства"... Малиновый шербет... Такая гадость, между

нами говоря... Ужасно приторно. Вот, прочитай это.

...со второго семестра прошу перевести мою дочь, студентку шестого курса факультета Равенкло Чу Чанг, и сына, студента первого курса факультета Слизерин Мэна Чанга в китайскую школу "Сянь"...

— Или это... и это...

"принять решительные меры", "избавить моего ребенка от присутствия Поттера", "перевести в другую школу Гарри Поттера, в противном случае..."

— Откуда это? — с недоумением поднял взгляд на директора Гарри. — Неужели всё зашло так далеко?

— Гарри, я уже не в первый раз говорю тебе, что твоя жизнь — как ни странно и неприглядно — принадлежит не только тебе: ты — символ спасения и возрождения волшебного мира. И не всех это устраивает. Кое-кто был бы рад, если бы не только ты сам, но и имя твоё были стёрты с лица земли и из памяти людей. Или же смешаны с грязью. Сейчас, пользуясь неразберихой и смятением в нашем мире, они пытаются запугать всех до такой степени, чтобы любая видимость порядка казалась желанной, и было не так уж и важно, кто будет стоять за этим. Эти письма — первые ласточки продуманной и, боюсь, хорошо организованной кампании. Испуг, страх, паника — и готовность подчиниться первому, кто пообещает остановить хаос...

— Вольдеморту?

— Тебе кажется это невероятным, да? — грустно улыбнувшись, Дамблдор снял очки и устало потёр глаза. Гарри впервые увидел лицо директора без очков. Оно показалось юноше ещё старше и печальнее. — На самом деле всё очень просто: настроить общество против тебя, дискредитировать, вытолкнуть тебя из магического мира, посеять панику, лишить надежды... Сколько продержатся люди? Неделю? Месяц? Год? Мир не может балансировать на острие ножа вечно, всему приходит конец, и Вольдеморту не понадобятся ни армии дементоров, ни стаи рукотворных чудовищ и монстров... — директор опять помедлил, и эта пауза показалась Гарри неслучайной. — Измученный неопределённостью, ужасом и страхом перед будущим, волшебный мир сам падёт к его ногам. Панике и хаосу противостоять невозможно — ни разумные аргументы, ни уговоры в этих случаях не помогают. Это не в наших — увы! — весьма немногочисленных силах. Так что единственное, что стоит на пути Вольдеморта к могуществу, — это любознательный юноша, обожающий приключения и тайны. Гарри, я думаю, не стоит повторять, но ты, и правда, в опасности. Даже здесь, в Хогвартсе. Возможно, — добавил директор, колебавшись.

— Но почему? Почему я? Что во мне такого особенного, что не дает Вольдеморту покоя? Пусть мы с ним чем-то похожи, пусть он передал мне частицу своей силы, и мне удавалось спастись всякий раз, когда мы встречались, но как, как я могу спасти ВЕСЬ мир?

— Думаю, что сейчас пока — никак. И всё же... — Дамблдор поднялся, подошёл к книжному шкафу и достал с полки огромную книгу. Она была старая и очень потрепанная. Повернувшись к Гарри, директор неожиданно улыбнулся и поманил его к себе. — Я знаю твою нелюбовь к Прорицанию и всевозможным пророчествам, да и сам, признаюсь, слегка предвзят, но, думаю, тебе будет любопытно взглянуть на это, — он опустил книгу на резную деревянную подставку в виде расправившего крылья дракона и сдул пыль с тёмного переплёта.

— Нострадамус? — удивлённо воскликнул Гарри, взглянув на вытесненное на коже имя. — Как, разве он тоже был?..

Дамблдор пролистнул несколько страниц:

— О, да, и, притом, достаточно изобретательным и очень любопытным волшебником. Мишель смастерил Хроноворот — да-да, тот самый, что однажды случилось

держат в руках тебе и мисс Грейнджер, — при помощи которого обожал заглядывать в будущее. У него была идея, что, подсказывая грядущим поколениям, где именно и в каком обличье их подстерегает опасность, он поможет этой опасности избежать. Николя не уставал твердить ему, что он — идеалист, но Мишель никого не слушал.

— Но ведь это же запрещено, мы не имеем права изменять прошлое и пытаться влиять на будущее! — удивлённо воскликнул Гарри.

— Между нами, Гарри, — Дамблдор улыбнулся и чуть понизил голос, — он просто обожал нарушать правила, да и правил тогда было гораздо меньше. Не все последствия вмешательства в будущее и прошлое были изучены. Но Мишель догадывался о том, что надо быть очень осторожным, потому-то и зашифровал свои пророчества так, что под конец жизни сам едва ли мог вспомнить, что именно имел в виду. Вот, взгляни... Это написано о нашем времени:

Гарри подошёл поближе. Книга была старинной, рукописной, с заглавными буквами, старательно украшенными диковинными птицами и зверями, и иллюстрациями, нарисованными красной и чёрной тушью.

*Внезапно скончается крупный правитель,
Весь мир поразивший размахом реформ,
Но будет преступным его заместитель,
Неистовый враг всех традиций и норм.*

*Он кровью дорвётся до власти порочной,
Позёр и скотина, воспрявший из тьмы.
Он звёзды сорвёт политической ночью...*

В углу, рядом с камином, что-то застрекотало. Послышалось шуршание, но Гарри читал строчку за строчкой, не в силах оторваться:

*Фанатик-маньяк стал опорой народа
И к власти пришёл через злобу и кровь.*

*Мир губят война, грабежи, наводнения...
И знайте, достигшие горных вершин:
Из хаоса трудно создать возрожденье,
Руины на дне неспособны ожить.*

— Это о нём? О Вольдеморте? — Гарри коснулся пальцем строк и поднял потрясённый взгляд на Дамблдора. — А кто этот крупный правитель? Ведь это не Фудж, правда? Тогда кто? — озарение пришло внезапно, и Гарри почувствовал, как мороз пробежал у него по коже. — Но ведь это... Это не вы, профессор?

— Ну-ну, Гарри, не впадай в панику. Я ведь только что сказал тебе, что над расшифровкой этих стихов не первый век бьются и простые люди, и волшебники. И никак не могут прийти к единому мнению. Случались ошибки в целые десятилетия. Я склоняюсь к тому, что это написано про Гриндевальда. Но, согласись, в любом случае — рано или поздно — каждый из нас будет вынужден оставить этот мир. Помнится, мы уже говорили с тобой об этом, — и директор, мягко улыбувшись, взглянул на Гарри поверх очков. Но тут же лицо его помрачнело, и он снова обратил свой взор к книге. — Возможно, я неправ, что показываю и рассказываю тебе всё это, но, мне кажется, ты уже достаточно вырос и силён, чтобы узнать... Читай же.

Гарри послушно опустил глаза к странице.

Я знаю, что явится новый Спаситель,

*Нет силы, способной разрушить любовь,
Так слово погибших пророков цените,
Чтоб вырвалось солнце из древних гробов.*

— И этот новый Спаситель... я? — Гарри не ждал ответа. Он стоял и смотрел в стеклянную дверцу шкафа, на отражение высокого и худого, чуть растрёпанного юноши в очках. Отражение было очень растерянное и оторопевшее. — Но почему? Ведь я... — Гарри резко повернулся к серьёзно взиравшему на него Дамблдору и заговорил — горячо, отчаянно:

— Я постоянно слышу про миссию, которая возложена на меня, про великое дело, которое я совершил, и то, что мне ещё суждено совершить. Но я не помню того, что сделал в детстве, и не знаю, где взять силы, чтобы выполнить то, о чём все постоянно твердят. Я — самый обычный, я — такой же, как и все. Я даже не лучший ученик своего курса — так как же я могу стать спасителем мира?

— Гарри, твоё время ещё не пришло, но у тебя уже есть всё, что нужно: дружба, вера, любовь и поддержка твоих друзей. Чистое и горячее сердце. Бескорыстие и искренность. Смелость и великодушие. Кроме того, сила, таящаяся в тебе...

В этот миг пламя в камине неожиданно поменяло цвет, и за кованой решёткой появились голова и плечи Сириуса.

— Профессор, извините за вторжение, но это срочно. Добрый день, Гарри, — кивнул он крестнику, — надеюсь, что у тебя всё в порядке, — судя по виду Сириуса, про него самого ничего подобного сказать было нельзя.

— Сириус! — обрадовано воскликнул Гарри и рванулся к крёстному: за всё время он получил от него только два письма; и если первое было довольно длинным и радостным — Гарри получил его как раз после оправдания и возвращения Сириуса в Гильдию Авроров, то за десятком слов второго стояла тревога и ужасная усталость.

— Гарри... извини — столько дел... Я напишу, — пообещал он, почувствовав угрызения совести: как быстро пролетело время, наверное, Гарри ростом уже почти догнал Джеймса... надо обязательно поговорить с ним... как-нибудь... или написать — да-да, надо непременно найти время, сесть и написать, завтра же! — Понимаешь — дела... — взгляд Сириуса снова вернулся к Дамблдору.

— Конечно, я понимаю, — кивнул Гарри, почувствовав, что расспросы и разговоры неуместны, — я буду ждать... Напиши, как сможешь.

Дамблдор, шурша синей мантией с золотыми звёздами, подошёл к камину и облокотился на мраморную каминную полку; они с Сириусом начали о чём-то тихо и сосредоточенно разговаривать, предоставив Гарри самому себе.

Перелистнув страницу, Гарри взглянул на следующее четверостишие:

*Близ замка сражались и падали люди,
И тех, и других мучат раны и кровь...
Вождь гибнет, но всё же его не забудут:
Четвёрка дорвалась до вражьих рядов.*

У Гарри было ощущение, будто он прочитал свой смертный приговор.

Сражались? У какого замка? Вождь гибнет? А что это за четвёрка?

Голова пошла кругом, и он вернулся к предыдущим строкам: "...Так слово погибших пророков цените, Чтоб вырвалось солнце из древних гробов"...

Чьи эти древние гробы? Что за погибшие пророки?

Растерянным взглядом Гарри обвёл кабинет Дамблдора, словно впервые увидев и книжные полки, и громоздящиеся на них загадочные предметы — знакомые и незнакомые, и прикорнувшую наверху запылившуюся Сортировочную Шляпу, и стены, увешанные портретами, и подставки с книгами, и...

Подставки с книгами.

Его словно ударило электрическим током: толстая книга в тиснёной кожаной обложке с симплициссимусом. Книга, переплёт которой стянут позолоченной застёжкой. Книга, с которой он уже встречался. В этом кабинете.

Бросив взгляд на погружённого в переговоры Дамблдора, и убедившись, что на него никто не смотрит, Гарри сделал несколько осторожных шагов. Драконоустойчивые перчатки лежали рядом с книгой. Он надел их и аккуратно нажал на переплёт. Застёжка щёлкнула, книга послушно распахнулась перед ним, раскрывшись на большой — во всю страницу — иллюстрации. Тусклая, будто выцветшая или же плохо пропечатанная, она, как и многие иллюстрации в волшебных книгах, была живой и представляла сцену человеческого жертвоприношения. Обречённую на смерть жертву — юную девушку с пышными волосами — несли в лапах какие-то жуткие чудовища. Гарри наклонился поближе, и картинка обрела жизнь и цвет, а девушка — лицо. Гарри присмотрелся и едва сдержал крик: это была Гермиона. Он приблизился ещё — изображение стало отчётливее, словно кто-то навёл резкость. Сомнений не было: это она.

Решение созрело мгновенно: мельком взглянув на страницу ещё раз, Гарри осторожно закрыл книгу, защёлкнул замок и, убедившись, что Сириус с Дамблдором по-прежнему погружены в серьёзный разговор, сунул её себе под мантию.

Что-то снова застрекотало — совсем рядом и настолько неожиданно, что Гарри, чьи нервы были напряжены до предела, едва не выронил драгоценную добычу. Из странного устройства, напоминающего по виду серебряную шкатулку с резной крышкой, пополз узкий исписанный пергамент.

Предусмотрительно вернувшись на прежнее место, Гарри кашлянул и позвал Дамблдора:

— Профессор, тут, кажется, вам что-то пришло...

Ознакомившись с новостями, Дамблдор помрачнел и повернулся ко всё ещё маячившему в камине Сириусу:

— Люциус не блефовал, Хаммер только что получил подтверждение. Вот что, попроси-ка Аластора подключить меня к Каминной Сети...

Сириус кивнул Гарри на прощание и исчез. Пламя в камине снова изменило цвет. Дамблдор взял из коробочки на полке горсть порошка и обернулся к Гарри:

— Срочные дела требуют моего присутствия в Лондоне, однако напоследок я хочу тебе повторить: у тебя есть всё, что нужно, Гарри. Но твоё время ещё не пришло. Будь предельно осторожен. Ступай.

Чувствуя затылком пронзительный взгляд синих глаз, Гарри повернулся и вышел. Дамблдор бросил порошок, шагнул в пламя и исчез. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая похрапыванием портретов да раздражённым шепотком:

— ...мы — нижеподписавшиеся родители пятидесяти трёх студентов — требуем: первое — Гарри Поттер должен быть немедленно переведён из Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс. Второе: поскольку Альбус Дамблдор в настоящий момент выполняет функции Министра Магии, он должен быть смещён с поста директора и заменён на главу одной из древнейших волшебных семей...

* * *

Мне никогда не приходилось так тяжело, как в первые дни после утверждения в должности преподавателя по защите от Тёмных Искусств. Словно судьба за что-то разгневалась и стала посылать мне испытание за испытанием. А началось всё с ошеломляющего сообщения о смерти профессора Гатто и вызова к Дамблдору.

Я покривлю душой, если скажу, что меня обуяло уныние из-за кончины болтливого, навязчивого и распутного итальянца. Его бесконечные двусмысленности и утомитель-

ная латынь, мелочность и злобность, порочность и лицемерие раздражали, как мне кажется, абсолютно всех. Хотя, наверное, я был одним из самых горячих его недоброжелателей. Ведь ещё летом я просил Дамблдора предоставить мне место именно преподавателя по Защите, но Гатто успел первым. Что ж, *мёртвая собака не кусается*: *canis mortuus non mordet*. Прощайте, профессор Гатто.

И теперь я буду вести не издевательский, бесполезный предмет, который посещали исключительно ради того, чтобы поглазеть на меня (а с начавшимся закатом моей спортивной карьеры я и вовсе перестал представлять интерес — даже для восторженных студенток), а займусь чем-то по-настоящему серьёзным и нужным. И по-настоящему интересным для меня.

Знай я, каким путём могу получить это место, давно бы его отравил. Сам, — мрачно пошутил я про себя, услышав слова директора.

Я думал, что на этом наш разговор закончится — но не тут-то было:

— Коль скоро в ваши обязанности теперь входит не только обучение студентов способам защиты от Тёмной Магии, но и поддержание порядка в школе... а за последние сутки в её стенах — увы! — произошло целых три чрезвычайных происшествия, я решил предпринять кое-какие меры безопасности. Хочу познакомить вас с представителем Гильдии Авроров — Сириусом Блэком. Учитывая всё случившееся, мы посчитали разумным установить в замке детекторы Тёмной магии.

Раздался шорох, шаги, и из-за шкафов с книгами вышел высокий и худой человек, напоминающий своим видом то ли капитана пиратского корабля, то ли дьявола: желчное худое лицо с горящими чёрными глазами, торчащая вперёд борода с проседью, крючковатый нос, спадающие на плечи чёрные волосы. Конечно. Сириус Блэк — бывший заключённый, крёстный отец моего соперника. Уже одного этого было достаточно, чтобы и его я тоже возненавидел.

Мы молча пожали друг другу руки — его была жилистой и холодной, как у покойника, — и мой новый знакомый отправился проводить подготовительные мероприятия: школу требовалось поставить на сигнализацию в течение одной ночи.

Я двинулся, было, за ним, но Дамблдор снова остановил меня:

— Позвольте, я ещё ненадолго задержу вас, мистер Крум. Думаю, вам, в силу вашей новой должности, а так же новых обязанностей, будет небезынтересно взглянуть на это...

Он махнул рукой в сторону стола, и я послушно подошёл, пытаясь сообразить, о чём конкретно идёт речь: на столе громоздились приборы и книги, пергаменты и перья. Посредине стояла початая коробка Шоколадных лягушек.

— На что именно, профессор?

Дамблдор молча указал мне на лежащий с краю толстый том с золотой застёжкой.

— “Гриндевальд. Mea Rixa”, — вслух прочитал я и вопросительно взглянул на директора. Название показалось мне знакомым. — Если не ошибаюсь, я про неё читал в Новейшей истории магии...

— Совершенно верно, — без улыбки кивнул он.

— Но ведь... Насколько мне известно, весь тираж был уничтожен сразу после войны, не смотря на активное сопротивление тех, кто...

— ...тех, кто пытался доказать, что уничтожить зло — это полдела. Нужно понять, откуда и почему оно выросло и не дать возможности повториться этому, — голос Дамблдора задрожал от сдерживаемого гнева. — Я без устали твердил об этом, но, увы, на волне всеобщей эйфории в возможность возрождения всемирного зла никто не хотел верить. Книги были публично сожжены, лишив нас возможности изучить феномен Гриндевальда...

Поколебавшись, я протянул руку к застёжке и замер. Что-то в голосе директора го-

ворило мне, что всё это неспроста. Ну, что ж... Я щёлкнул застёжкой. Кожаный переплёт на ощупь был мягкий и тёплый, словно живой.

— Пойдите, — резко остановил меня Дамблдор, — вы забыли вот это, — он протянул мне пару перчаток из драконьей кожи. — Я подозреваю, что книга смертельно ядовита, поэтому лучше будет принять необходимые меры предосторожности. Пока не проведены исследования, трудно утверждать наверняка, но я уверен, что профессор Гатто был отравлен при помощи именно этого фолианта. Профессор Снейп и мадам Помфри в ближайшее время выполняют необходимые тесты, но мне понадобится и ваша помощь: я хочу узнать, каким путём эта книга могла попасть в стены Хогвартса. Было бы неплохо заняться и расшифровкой находящейся в ней информации. Боюсь, что, при нынешней нагрузке, в одиночку я не справлюсь. Вы согласны помочь?

Что-то в его голосе подсказывало, что вопрос задан для проформы. Это было не предложение, а приказ. Я никогда не слышал, чтобы Дамблдор с кем-то разговаривал ТАК — решительно и жёстко, хотя и предельно вежливо. Подняв глаза, я неожиданно увидел перед собой не мудрого усталого старика, каким он мне всегда казался, а доблестного воина: гордо поднятая царственная голова, увенчанная шляпой с сияющими звёздами, мечущие молнии синие глаза, руки — сухие и морщинистые, но по-прежнему полные нечеловеческой силы... Однако стоило мне моргнуть, всё пропало (а может, дело просто в игре света и тени?): взгляд Дамблдора стал печален, а узловатые руки, ещё мгновение назад решительно сжимавшие волшебную палочку, рассеянно крутили пустую коробочку от Шоколадной лягушки.

— Конечно, профессор. Но сначала я хотел бы узнать побольше об этой книге. С чего вы посоветуете мне начать?

— Наверное, с этого... — Дамблдор подал мне толстый свиток, туго перевязанный и запечатанный сургучом. — Здесь все материалы по последним дням Гриндевальда, опись предметов и библиотеки, допросы его сторонников... В общем, увидите сами. А с самой книгой... я настоятельно советую работать с ней только в моём кабинете: она не должна покидать этих стен. Ни при каких условиях — только в моём кабинете вы будете в безопасности. Относительной безопасности: учитывая, кто был её создателем, могу с уверенностью заявить, что книга очень опасна. Нельзя заранее предсказать, чего от неё можно ждать.

В ту ночь никто из преподавателей Хогвартса не спал: мы обследовали комнату за комнатой, класс за классом... я не знал, что в одном из них спала *она*. Спала, обнявшись с *ним* — наткнись я на них тогда, меня не остановили бы ни детекторы Чёрной магии, ни преподаватели, ни угроза огласки, ни возможные последствия: эта ночь стала бы для Поттера последней.

Она не должна быть ни с кем, кроме меня. Я это чувствовал. Я это знал.

Судьба хранила своего любимчика, тогда как мне в напарники достался Снейп, и если до моего повышения он относился ко мне вполне терпимо, то уже через пару часов после разговора с Дамблдором я испытал на себе всю силу его зависти и ревнивого раздражения. Зельевар исходил желчью, завуалировано иронизируя над моими знаниями, увлечениями и пристрастиями, демонстративно не замечая моих попыток обратить всё в шутку и игнорируя недвусмысленные намёки на то, что я впредь не потерплю подобного отношения.

С той самой ночи наши с ним разговоры превратились в дуэли, где вместо палочек или шпаг использовались ядовитые слова, колкости и оскорбительные намёки. Даже в присутствии студентов профессор не считал нужным сдерживаться, вслух сомневаясь в моих знаниях (при том, что именно в те дни я прошёл квалификационный тест и получил сертификат преподавателя Тёмной магии и защиты от оной) и, изде-

ваясь над моим иностранным акцентом, который все остальные деликатно не замечали.

Да и другими профессорами моё назначение было воспринято без энтузиазма — впрочем, я не ждал его. Всё, что мне было нужно, — это возможность заниматься своими делами. И видеть её. Хотя бы видеть.

Я находился в полушаге от безумия: мысль о любовном зелье и похищении не оставляла меня, преследовала днём и ночью. Я презирал себя за глупую щепетильность и идиотизм: она жила у меня, она была в полной моей власти, а я, как последний болван, рассуждал о высоких материях, о свободе выбора, о том, что не имею права принуждать её к чему-то... Какой бред! По ночам в своей комнате я снова и снова смотрел в Зеркало памяти — она ходила, улыбалась, спала, переодевалась... я касался кончиками пальцев её тела — ровной и холодной поверхности равнодушного стекла — захлёбываясь от ненависти к самому себе.

А потом эти слухи о ней и Поттере... С той минуты мрачный, тяжёлый сон, которым казалась мне моя жизнь, обернулась ночным кошмаром, не имеющим начала и конца. Я чувствовал, как кулон на моей груди лучится радостью, нежностью, и переполнялся ненавистью и горечью... Эта радость и нежность были украдены у меня. Они должны были принадлежать мне. Как и она.

А она...

А она меня старательно избегала. Никаких взглядов, никаких вопросов. Никогда не подходила ко мне одна. Никогда не поднимала взгляда, отвечая урок.

Проснувшись однажды ночью, я долго смотрел в кружащийся надо мной красноватыми хлопьями мрак. Неожиданно в груди появилась пустота и лёгкость: решение было принято. Оставалось только найти повод и добиться того, чтобы она пришла ко мне. Но мне и не потребовалось этого делать: однажды вечером она сама постучала в дверь моего кабинета. И случилось это гораздо раньше, чем я мог представить себе в самых смелых мечтах.

* * *

Как Гарри ни пытался отыскать ту страницу, ради которой он, собственно, и выкрал книгу из кабинета Дамблдора, у него ничего не выходило. Правда, делал он это урывками, по ночам, когда спальню пятикурсников наполняло мерное похрапывание Дина, Симуса и Невилла (Рон был всё ещё в клинике, его обещали выписать со дня на день). Что-то удержало юношу от того, чтобы, выйдя из кабинета Дамблдора, тут же кинуться в комнату Гермионы и попытаться разобраться с этой книгой вдвоём. И теперь, задёнув полог кровати и светя себе зажатой в зубах волшебной палочкой — в лучших традициях Приват-драйв, Гарри, натянув перчатки из драконьей кожи, осторожно листал страницу за страницей.

Сначала он пытался читать текст. Но тот состоял из философских кусков (вникать в которые у него не было времени, да и желание пропало после первой же пары страниц), чередующихся с рецептами сильнодействующих зелий (одного взгляда на названия и состав которых было достаточно, чтобы понять, с *какого* рода Тёмной магией имеешь дело), абзацами, написанными на иностранных языках, рунами, расчётами, звёздными картами... И юноша быстро оставил это занятие: чтобы понять и разобраться в написанном, нужна была масса знаний по Тёмной магии. И пара человеческих жизней. А потому он просто листал страницу за страницей, мельком просматривая иллюстрации.

Иллюстрации, от которых волосы на голове шевелились, и Гарри пару раз уже пытался пригладить их, но каждый раз вспоминал, что на перчатках наверняка есть следы яда; лицо покойного профессора Гатто произвело на него достаточно сильное впечатление, чтобы серьёзно относиться к собственной безопасности.

Пытки, казни, жертвоприношения, кровавые ритуалы... *“Создание монстров и умерщвление оных”* (Гарри пробежал глазами текст, но кроме формул, заклинаний, расчётов и списка необходимых компонентов там ничего не было), этапы приготовления зелий, пропаганда и организация, национальная политика после установления мирового господства, принципы и причины уничтожения магглов и полукровок (*“В результате скрещенния двух существ, стоящих на различных ступенях развития, неизбежно получается потомство, ступень развития которого находится где-то посередине между ступенями развития каждого из родителей... Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать, таким образом, собственной силой”*). Гарри перевернулся от отвращения и против собственной воли вспомнил Малфоя и те оскорбления, которые он уже который год швырял в лицо Гермионе.

Гарри листал и листал, стараясь больше не вдумываться в то, что видит, — он просто искал ту иллюстрацию, где пышноволосую девушку — Гермиону — вот-вот должна была поглотить огненная пучина... Всё остальное — потом. Но, как он ни пытался, в этот раз ему не удалось раскрыть книгу ни в середине, ни в конце, и приходилось листать подряд — с самого начала, проклиная *“Мою борьбу”* вместе с её создателем и сожалея о потерянном времени. Страница за страницей — желтовато-прозрачные, мягкие, податливые и удивительно тонкие — они не шуршали, а послушным шёлком ложились одна на другую.

Какая странная бумага, — мимоходом подумал Гарри, переворачивая страницу 1024. То, что предстало перед глазами в следующий миг, заставило его похолодеть, и уже в следующую секунду он, с трудом сдерживая подкатившую к горлу тошноту, выбежал из спальни, завернув книгу в простыню и держа её на вытянутых руках, как отвратительное чудовище.

На странице 1025 красовался Знак Мрака — вернее, то, что послужило прототипом метки, созданной Вольдемортом несколько десятилетий спустя; метки, которой он клеймил своих последователей, — змея, кольцами обвившаяся вокруг человеческого черепа и высовывающая свою ядовитую пасть из пустой глазницы. Учитывая то, с какой именно книгой Гарри имел дело, в этом не было ничего неожиданного, — в *“Моей борьбе”* встречались иллюстрации, рядом с которой эта смотрелась невинной валентинкой. Если бы не одно “но”: Знак Мрака не был иллюстрацией. Это была татуировка, нанесённая прямо на страницу. Сделанную из человеческой кожи.

Гарри вбежал в ванную комнату для мальчиков, кинул книгу на пол, стряхнул с рук перчатки, разделся, стараясь себя не касаться, и, открыв кран до упора, метнулся под душ. Ему не хватало воздуха, он дышал широко открытым ртом. Струя, бившая из душа, была ледяной, уже через минуту он замёрз, посинел и покрылся “гусиной кожей”, зато тошнота отступила, и кровь перестала гудеть в ушах. Наконец, вода начала нагреваться. Клацая зубами, Гарри, оступаясь и поскальзываясь на холодном каменном полу, проскакал к полочке и, схватив мыло и губку, начал с остервенением тереть себя: его не покидало жуткое ощущение крови и плоти, приставшей к пальцам, несмотря на перчатки. Мокрые волосы облепили лицо, вода залила очки — только сейчас Гарри сообразил, что забыл их снять.

Он не знал, сколько времени простоял под тёплыми струями, но, наконец, почувствовал желанное облегчение. Растеревшись махровым полотенцем — так, что кожа начала гореть, — он оделся и спустился в гостиную, чувствуя, что сегодня ночью будет не в силах вернуться в спальню, в свою кровать: во всяком случае, пока домашние эльфы не сменят ему бельё. Теперь ему повсюду мерещился сладковатый запах тления, а во рту стоял металлический привкус.

В гостиной было тихо и темно, в камине вяло покачивалось затихающее пламя,

в свете которого тёмно-бордовые кресла и диваны, ковры и гобелены казались почти чёрными.

Осторожно, как ядовитую змею, Гарри положил свёрток с книгой и перчатками на низкий столик и подошёл поближе к огню, чтобы высушить мокрые волосы. Внезапно в кресле кто-то шевельнулся.

— Гарри?..

— Гермиона? Что ты тут делаешь? — ему было стыдно в этом признаться, но он почувствовал облегчение, что не придётся сидеть в одиночестве.

— Да вот, решила полистать “Трансфигурацию сегодня” — Макгонагалл предложила в качестве допуска к экзамену по СОВ прочитать третьекурсникам доклад об истории и современных течениях в Трансфигурации... Но что-то я сегодня устала, только тезисы набросала, всего три листа... — Гермиона зевнула и сладко потянулась. — Кстати, Джинни получила письмо от миссис Уизли: Рона послезавтра выпишут из госпиталя, и он вернётся. Замечательно, правда? Но ему столько придётся догонять... надо будет обязательно ему помочь — я возьму на себя Трансфигурацию, Историю магии и Зелья, а ты — Защиту, Прорицание и Гербологию... — она нахмурилась, что-то прикидывая в уме. — Да, думаю, с остальным он справится и сам. До конца семестра ему обязательно надо всё наверстать, иначе в Рождество придётся, не разгибаясь, сидеть над учебниками. Знаешь, я ужасно по нему соскучилась, просто не терпится его увидеть: наконец-то, мы всё ему расскажем и обо всём расспросим! А то у меня есть подозрения по поводу совиной почты — его вчерашнее письмо определённо кто-то вскрыл, а потом снова запечатал...

— Да ну, прекрати: кому могут быть интересны зарисовки из жизни клиники Св. - Мунго? — недоверчиво мотнул головой Гарри. — Рон приедет послезавтра вечером, он мне написал, я знаю... Кстати, он в курсе, что бладжер был заколдован... горит желанием узнать, чьих это рук дело. Подозреваю, что кое-кому не поздоровится... — Гарри пытался говорить, как ни в чём ни бывало, но мысли, так или иначе, снова возвращались к книге.

Видимо, было в его лице и голосе что-то такое, что Гермиона, внимательно приоткрывшись к нему, тревожно приподнялась из мягкого кресла.

— Гарри... что с тобой? Что-то случилось?

— Понимаешь... — в голове мелькнула мысль, что она, наверное, обидится на то, что он сразу же не рассказал об украденной книге, которую она так мечтала поизучать, — словом... я утащил из кабинета Дамблдора ТУ книгу, — понизив голос, закончил он, хотя в гостиной — определённо — не было ни одной живой души.

Гермиона ахнула — то ли испуганно, то ли восхищённо, Гарри не решился бы утверждать наверняка.

— С ума сойти! Молодец! Но как тебе удалось? Ну же, где?.. Где она? Давай же скорее посмотрим!.. — куда только девался сонный взгляд: Гермиона светилась энтузиазмом и буквально рвалась в бой.

— Погоди. Ты знаешь, на чём она напечатана? На человеческой коже...

К его вящему изумлению, она, хоть и нахмурилась, вовсе не была потрясена.

— Ничего удивительного. Очень многие Тёмные маги писали и печатали книги на коже своих врагов и жертв... А некоторые не брезговали и сторонниками. Говорят, что личная библиотека Салазара Слизерина была именно такой... Об этом написано в “Истории Хогвартса”. Бр... — она невольно передёрнула плечами, но решительно встала. — Так, где же она?

— Вон, — кивнул Гарри в сторону стола. — Не знаю, как тебя, а меня теперь так просто тошнит от отвращения...

— Мы делаем это не ради любопытства, — строго возразила Гермиона. — Тебя -

же не тошнит, когда на Зельях ты потрошишь рогатых жаб или растираешь крысиные мозги? Просто не думай об этом — и всё. Я помню, как вы с Роном писали для Биннса реферат по использованию пыток для выявления ведьм и так хихикали, что мешали всем готовить уроки, — она осторожно взяла свёрток и кивнула в сторону ведущей к спальням девочек лестницы:

— Пойдём ко мне. Там нас точно никто не побеспокоит. И когда ты её утащил?

— Пять дней назад, — ответил Гарри, но не получил ожидаемой порции упрёков. Гермиона как-то странно взглянула на него — и только. — Но пока я не смог найти для нас ничего полезного...

— Надеюсь, ты конспектировал? — поинтересовалась Гермиона тоном “ну-естественно-ты-этого-не-делал” и, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Странно, что её до сих пор не хватились.

Гарри тоже размышлял об этом, но, поскольку со времени их последнего разговора Дамблдор так ни разу и не появился на трапезах в Большом Зале, пришёл к заключению, что, кроме самого директора, никто не мог заметить отсутствия этой книги.

Едва они подошли к двери в комнату старосты, как из тёмного коридора, неведь откуда взявшись, им под ноги подкатился Косолапсус, мурлыча и умильно заглядывая хозяйке в глаза. Но, заметив свёрток в её руках, тут же прижал к голове уши, зашипел и утробно завыл, припав к земле.

— Да что с тобой, глупое животное, — недовольно ахнула Гермиона, когда кот начал кусать её за ноги, не пуская в комнату. — Уйди!.. Ай! А ну, брысь! — отпихнув его обратно в коридор, она быстро захлопнула дверь.

Косолапсус начал с остервенением царапаться и рваться в комнату.

— Ничего не понимаю — с ума он, что ли, сошёл...

— Мне кажется, он чувствует опасность, — откликнулся Гарри, — и пытается предупредить...

Гермиона зажгла на столе две свечи, залившие неярким светом книжные монбланы и эвересты, возвышающиеся на всех горизонтальных плоскостях: кровати, тумбочке, полках. Книги и свитки были даже на полу и стульях. Окно едва виднелось: его закрывала громоздящаяся на подоконнике книжная гора.

— Гермиона, а тебе никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день твоя голова просто взорвётся? — Гарри смотрел по сторонам с неподдельным изумлением, близким к ужасу. — Когда мы были у тебя в последний раз, ты ещё не успела перетащить сюда всю Хогвартсовскую библиотеку...

— Эти книги мои собственные, я их выписала по каталогу, — не услышав в его голосе иронии, откликнулась Гермиона, расчищая стол: она переставила на пол опасно покачивающиеся стопки книг, отодвинула связки перьев и кинула на кровать кипу исписанных и чистых пергаментов. — Заказ пришёл как раз вчера. К тому же, я читаю не всё подряд. В основном, тут у меня справочная и дополнительная литература, с которой я консультируюсь, когда занимаюсь... Ну, давай начнём...

Гарри взял второй стул, мельком обратив внимание, что через спинку, вопреки правилам этой комнаты, была переброшена не пара свитков, а школьная блузка и галстук, и присел рядом. Гермиона решительно натянула перчатки, осторожно раскрыла книгу. И вдруг...

Комнату залил ослепительный свет, льющийся с жёлтых страниц, внезапно ощерившихся на неё десятками свирепых, пылающих ненавистью морд. Страницы намертво прилипли к перчаткам, и Гарри с ужасом увидел, как книга засасывает Гермиону: вот внутри оказались кисти... вот руки уже по локоть скрылись с глаз... по плечи... — всё произошло почти мгновенно. Её голова клонилась всё ниже и ниже, волосы коснулись страницы, и девушка взвизгнула от боли. Иллюстрация, увиден-

ная им несколько дней назад, ожила: Гермиону, потерявшую от ужаса и неожиданности дар речи, поглощала огненная бездна, и это не имело ничего общего с тем, что случилось, когда его самого забрал внутрь себя дневник Тома Реддла.

Гарри обхватил Гермиону поперёк живота и изо всех сил потянул на себя. Книга заурчала, как собака, у которой хотят отнять кость. Гарри почувствовал сопротивление... услышал, как напряглась и охнула от боли Гермиона... в этот миг застёжки на перчатках с треском лопнули, её руки выскользнули из них и, пролетев через всю комнату, ребята с грохотом рухнули на пол, при этом Гарри чувствительно приложился затылком об металлическую стойку кровати, а Гермиона всем весом приземлилась ему на живот. С грохотом и шуршанием им на головы посыпались книги и пергаменты — Гермиона едва успела увернуться от толстого «Справочника-определителя магических трав Западной Европы», который больно ткнул Гарри кованым уголком в грудь.

С неприятным, хрустяще-хлюпающим звуком перчатки исчезли в чреве книги. Свет исчез. Безмолвная и неподвижная, «Моя борьба» лежала на столе.

С чувством невыразимого облегчения Гарри ткнулся лицом Гермионе в спину и ещё сильнее прижал к себе, словно что-то страшное и непоправимое могло произойти, едва он выпустит её из объятий.

— Вот это да... — только и смогла выдохнуть Гермиона. Она с ужасом и недоверием смотрела на свои руки и, судя по всему, встать с Гарри не собиралась. — Ч-что это было?.. Она хотела меня... проглотить?..

— Похоже на то... — ошеломлённо согласился он, подняв голову и глядя ей в затылок.

— Вот это да...

Гарри смотрел, как вздымаются её плечи, и чувствовал, что ему под лопатку больно впивается какая-то железная деталь от кровати.

— Ге-гермиона, я совсем не против, чтобы ты на мне сидела, — даже наоборот, но, может, приподнимешься на минутку, чтобы я лёг поудобнее?

Гермиона машинально привстала, но тут же вскочила на ноги и с негодованием воззрилась на Гарри, наполовину погребённого под кучей книг и пергаментов.

— Как ты можешь сейчас шутить?!

— Не знаю, — честно признался тот, тоже поднимаясь и тревожно глядя на неё, — наверное, это нервное... да я и не шутил. С тобой всё в порядке? Она ничего тебе не сделала?..

Гермиона ещё раз взглянула на свои руки и утвердительно кивнула. Какое-то время они с Гарри просто смотрели друг на друга, пытаясь осознать случившееся, при этом юноша испытывал неудержимое желание изо всех сил прижать её к груди и спрятать от всех напастей. — Знаешь, меня тоже однажды втянула в себя книга... но, по-моему, эта определённо хотела тебя сожрать. Странно, — продолжил Гарри, обращаясь, скорее, к самому себе, — я ведь листал её, на меня она так не реагировала... — и тут его осенило. — Постой-ка... Ну, конечно! Ведь Гриндевальд ненавидел всех неволшебников — ты бы видела, что он писал про расовую чистоту — может, он заколдовал книгу так, чтобы она уничтожала...

— ...грязнокровок?.. — подхватила Гермиона.

— ...тех, в чьих жилах не течёт волшебная кровь, — поправил Гарри.

— Но ведь в кабинете Дамблдора я уже читала её!

Гарри помедлил. И правда...

— Но... ну, конечно: ты ведь тогда не приближалась к ней! И переворачивала страницы кочергой.

— Каминными щипцами, — машинально уточнила она, потирая бок, ещё ноющий

от его крепкой хватки, — наверное, ты прав... — она опасливо покосилась на книгу. — Гарри, а не мог бы ты её прикрыть, а то мне как-то не по себе...

Обмотав руку валяющейся на полу простыней, Гарри захлопнул книгу, накрепко застегнул застёжку и — чтобы уж наверняка — положил сверху два тома Энциклопедии колдовства.

— Надеюсь, этого хватит.

Гермиона с сомнением взглянула на придавленную тяжёлыми книгами “Борьбу”:

— Сегодня нам, в любом случае, не удастся её почитать: для начала надо раздобыть у Хагрида новую пару драконоустойчивых перчаток... — к вящей радости Гарри, она не выказала желание нестись к лесничему немедленно, посреди ночи. — Думаю, её лучше хранить у меня: тут её точно никто не будет искать. Клянусь — я не буду читать её одна, — немедленно ответила девушка на немой вопрос Гарри, — мне вполне хватило того, что только что произошло: если бы не ты... — она замолчала и непроизвольно передёрнула плечами. — Я сказала тебе “спасибо”?

— Теперь да, — наклонившись, Гарри начал собирать с пола раскиданные книги. Гермиона присоединилась к нему. В комнате воцарилось молчание.

Всё, что достаточно безопасно для меня, смертельно опасно для моих друзей, — мрачно думал Гарри. — Первый же матч закончился для Рона клинкой святого Мунго. Гермиону едва не проглотила книга, которую я листал пять ночей подряд без всяких последствий... Я — ходячий источник опасности для окружающих: моя метла пыталась убить преподавателя, родители боятся отправлять своих детей учиться в одной школе со мной... Наверное, меня, и правда, надо изолировать.

Гарри потянулся за очередной книгой, и их с Гермионой руки встретились. Подняв взгляд, он увидел её серьёзные, ещё полные недавнего испуга глаза:

— Только не надо винить себя в том, что едва не случилось, — словно прочитав его мысли, тихо произнесла она. — Ты не можешь предусмотреть всего.

— Я должен был догадаться, — упрямо мотнул головой Гарри, — у него там такое понаписано про истребление магглов и нечистокровных... Я, вообще, не должен был забирать её из кабинета Дамблдора: коль дневник шестнадцатилетнего Тома Реддла оказался таким опасным, я обязан был сообщить, что книга Гриндевальда...

— Гарри, прекрати себя винить и не говори глупостей, — в её голосе не было раздражения. Она погладила его руку, в которой он сжимал книгу, и заглянула в глаза. — Теперь мы предпримем необходимые меры безопасности и во всём разберёмся. Послушай... мне кажется, или действительно есть что-то ещё, о чём ты не договариваешь?

— Есть, — кивнул Гарри и замолчал.

Гермиона не пыталась торопить или выпытывать, справедливо полагая, что, если посчитает нужным, он всё расскажет сам. Она просто стояла и смотрела на него, держа за руку. Внезапно Гарри взял “Мую борьбу” и решительно засунул под матрас.

— У меня ощущение, будто она нас подслушивает, — пояснил он в ответ на изумлённый взгляд Гермионы. — В общем... Когда я был у Дамблдора, он показал мне одну книгу. Книгу Мишеля Нострадамуса, — Гермиона кивнула и открыла, было, рот, чтобы, как всегда, сообщить точное название и известные ей сведения о дружбе Нострадамуса и Николя Фламелья, но, осознав, что сейчас не самое подходящее время продемонстрировать свои энциклопедические познания, промолчала. — И там было написано про грядущие битвы и нового спасителя. “Я знаю, что явится новый Спаситель, нет силы, способной разрушить любовь, так слово погибших пророков цените, чтоб вырвалось солнце из древних гробов...” — процитировал Гарри намертво врезавшиеся в память строки. — Дамблдор дал мне понять, что этот спаситель — я, —

губы юноши дрогнули в растерянной и горькой усмешке. — Но ведь я... я не знаю... Если честно, я, вообще, ничего не могу понять: Дамблдор говорил что-то про силу, про то, что у меня есть всё, чтобы победить: вера, дружба, любовь... Да, любовь моей матери дважды спасла мне жизнь, но теперь она для Вольдеморта не помеха, — перед его внутренним взором снова встало безжизненное лицо, и Гарри пронзило воспоминание об адской боли, обжёгшей тело в тот миг, когда к нему прикоснулся Тёмный Лорд. — Я... понимаешь — я не чувствую в себе силы, о которой все вокруг говорят; иногда мне кажется, что то, что я до сих пор жив, — простая случайность, везение. Ведь каждый раз в трудные минуты мне подсказывали, что нужно делать — ты, Рон, Дамблдор...

— Нет, Гарри, — голос Гермионы был тих и мягок, она смотрела ему в глаза, и он видел в её зрачках подрагивающее отражение стоящей на столе свечи, — решения ты всегда принимал сам, и всё, что ты совершил, ты тоже совершил сам...

— Единственный раз, когда я сам принял решение, — мрачно возразил Гарри, наклоняясь за очередным томом, — это когда предложил Седрику Диггори разделить со мной победу в Турнире. И ты знаешь, что из этого вышло. Я опасен для окружающих: знаешь, какими письмами сейчас завалили Дамблдора родители? Требованием отчислить меня из школы и просьбами о переводе их собственных детей в другие школы!

— Гарри, ты не хуже меня знаешь, что это — дело рук малфоевского папочки: и ты, и Дамблдор ему тут поперёк горла, — тряхнула головой Гермиона, насупив брови.

— Гермиона, я не могу не видеть очевидных вещей: те, кто рядом со мной, находятся в постоянной опасности... Я боюсь за Рона, я ужасно боюсь за тебя, и то, что только что произошло, доказывает, что я прав, — юноша был бледен и решителен. Гермиона не могла вспомнить, когда последний раз видела его таким. — Я не могу позволить, чтобы с вами что-то случилось. Я никогда не прощу себе, если с тобой что-нибудь произойдёт... Ты мне очень дорога. Я... понимаешь, я... — он попробовал сказать ЭТО, но не смог: язык намертво прилип к нёбу и категорически не желал произносить остальные два слова. Вздыхнув, Гарри отказался от попытки сообщить Гермионе о своих чувствах и продолжил, — и при этом все, кому не лень, твердят о моей исключительности, тычут в меня пальцем, как в экспонат, глазят на мой шрам... — Гарри скрипнул зубами. — Как меня это достало! “Чудо-Мальчик”, “Мальчик-Который-Выжил”, “Мальчик-Который-Должен-Спасти-Мир”... Если бы ты знала, как ужасно постоянно это слышать... Ведь это же неправда, я — самый обычный...

— Нет, Гарри, ты — не самый обычный, — её рука коснулась его волос. Высохнув, они снова начали топорщиться в разные стороны. Было в её тоне что-то такое, от чего ему вдруг захотелось уткнуться лицом ей в ладони. — Я, конечно, никудышная предсказательница, и третьего глаза у меня нет, если верить Трелони, — её губы тронула робкая улыбка, но лицо Гарри осталось мрачным, — но я это точно знаю... Ты трижды встречался с Тем-Кого-Нельзя-Называть, ты спас Джинни, Сириуса, Клювокрыла, меня... Если бы не ты, Хогвартс бы закрыли. Благодаря вам с Роном был оправдан Хагрид... Ты же сделал это не потому, что был обязан кому-то или пытался подтвердить справедливость своего прозвища, правильно? Просто ты не мог поступить иначе. Ну, то есть — мог, но — не мог. Ты — самый-самый... Ты... понимаешь, Гарри, ты... В общем, ты меня понимаешь, — с ощущением, что она окончательно запуталась, подытожила Гермиона. Гарри, чуть сутулясь и явно не зная, куда девать руки с зажатым в них “Спецкурсом по арифмантике. Уравнения и задачи”, вопросительно смотрел на неё, ожидая продолжения и пояснений. Она вздохнула. — Наверное, твоё время ещё не пришло, надо просто подождать. И не стоит сейчас терзать себя мыслями о том, что ты мог сделать или же тебе ещё предстоит, — бы-

лого не воротишь, а будущее не поторопишь; мне кажется, наступит день, когда на все вопросы ты получишь ответы — и на этот тоже. А мы — твои друзья — всегда будем рядом с тобой... — она осторожно и нежно погладила его руку, сжимающую книгу так, что побелели костяшки пальцев. — И я тебе хочу сказать: ты не самый обычный... ты — великий волшебник... и... и самый лучший... И волшебство твоё не столько в волшебной палочке, сколько в твоём сердце. А предназначение... Знаешь, я сама не очень в этом разбираюсь, — вздохнув, призналась она, — я никогда не думала о нём...

— Да не хочу я никакого предназначения! — внезапно взорвался он и в сердцах кинул книгу на стол. Оттуда с жалобным шорохом на пол спланировала гора пергаментов. — Мне надоело о нём слышать! Во мне нет ничего особенного, я не хочу этого! Пойми: я не хочу ни с кем бороться, не хочу вести войска на битву — ты, вообще, меня в этой роли представляешь?.. Вот ведь бред-то какой... я хочу просто жить — просто жить: играть с Роном в шахматы, ходить в гости к Хагриду, учиться, целоваться с тобой... Да, я хочу с тобой целоваться, — с вызовом повторил он, — и не надо делать такие глаза — в этом нет ничего плохого!

— А я, собственно, и не говорю, что это плохо, — покраснела ошеломлённая таким неожиданным переходом Гермiona и с нарочитым усердием погрузилась в сборы раскиданных по полу пергаментов. Он присел рядом на корточки и остановил её, крепко взяв за руку.

— Гермiona... Мне кажется или ты действительно избегаешь меня? Ты уже жалеешь, что согласилась встречаться со мной? Я тебе неприятен? — он сам напугался того, что может услышать сейчас: одно короткое слово — и его робкие надежды пойдут прахом.

— Нет, — почему-то шёпотом ответила она, не поднимая глаз от пергаментов.

“И далее названный Томас Нолтон свидетельствует и говорит, что, мол, около 3 месяцев назад моя дочь Мэри проснулась и закричала ужасным образом, что была уколота в своё седалище булавками, как она подумала,” — сообщал свиток, который она в этот миг держала в руках. С трудом оторвавшись от украшенных завитушками букв, Гермiona подняла взгляд на Гарри. Юноша ждал ответа; ей показалось, что он трепещет, как натянутая струна. Гермione захотелось сказать что-то такое особенное, что могло бы выразить переполняющие её чувства, но слова не шли наум, в голове крутилось только дурацкое и совершенно неуместное “Кент и Бест и мой сын Томас пошли и стали грозить названной Рейчел, что если она ещё когда-нибудь уколет названную Мэри Нолтон, они вышибут ей мозги. И с тех пор с моей дочерью всё хорошо”.

— То есть да, — поправилась она, и тут же по его озадаченному лицу поняла, что это явно не то, что он хотел услышать. — То есть — я не жалею. И ты мне приятен.

— Тогда почему?..

— Гарри... я... — она зажмурилась, сделала над собой усилие, но так и не смогла произнести этих слов, — понимаешь... я... — всё так же сидя на корточках, она потянулась к нему и поцеловала. Пергаменты — в том числе и “Показание под присягой Томаса Нолтона против Рейчел Клинтон, Сейлем, Массачусетс, 1687” — посыпались у неё с колен, когда, обнявшись, Гарри и Гермiona поднялись на ноги. Но этого никто не заметил.

* * *

Колин не ожидал, что так скоро получит ответ — уже спустя день во время завтрака перед ним опустилась сова с фирменной меткой на крыле.

Ух ты, “Ежедневный пророк” — самая популярная и читаемая газета!

Конечно, разоблачения в “ВедьмELLE” или “Экспресс-сове” тоже произвели бы

немало шума, но “Пророк”... да, это будет подобно разорвавшейся бомбе. В мечтах Колин уже видел себя знаменитым репортёром, за которого дрались ведущие издания, отвечал на вопросы многочисленных пресс-конференций...

“Заговор в Хогвартсе раскрыт!”, “Злоумышленник пойман!” “Тёмная магия не прошла!” “Скромный гриффиндорский герой”...

Он снова взглянул на письмо:

Уважаемый мистер Криви!

Мы заинтересовались Вашим предложением и можем предложить Вам не разовую публикацию, о которой Вы говорили, а длительный контракт. Десятого декабря наш человек прибудет в Хогвартс, чтобы обсудить с Вами детали — как нам кажется, до этого разговора стоит всё хранить в строжайшей тайне, иначе могут найтись силы, желающие воспрепятствовать появлению снятых Вами колдографий в нашей газете.

Надеюсь, Вы и сами это прекрасно понимаете, так что наше предупреждение излишне.

В пять часов пополудни представитель редколлегии будет ждать Вас в коридоре, ведущем к Астрономической башне. Возьмите с собой все колдографии и негативы, чтобы материалы можно было начать готовить к публикации немедленно.

С надеждой на сотрудничество

Хью Нильсен,

заместитель главного редактора по кадровым вопросам.

Колин пошарил в чемодане, вытащил из-под стопок одежды плотный конверт и вытряхнул его содержимое на кровать. Дюжина фотографий, на которых совершенно отчётливо было видно, как Драко Малфой, восходящая слизеринская звезда, единственный сын аристократа и высокопоставленного чиновника Министерства Люциуса Малфоя, заколдовывает бладжер, едва не ставший причиной смерти сына другого высокопоставленного чиновника — Артура Уизли.

Да, скандал должен получиться громкий... Наверняка и Заклятье Империи — его же рук дело.

Дверь в спальню четверокурсников скрипнула, Колин судорожно сгрёб колдографии и закрыл их подушкой, не заметив, что от резкого движения один снимок соскользнул под кровать.

— А, Боб, это ты... — в спальню вбежал вымокший и замёрзший Роберт Камминг, тут же бросившийся к чемодану. Щёки его пылали от мороза и возбуждения.

— А ты что сидишь? Айда со мной: мы играем в снежки с парнями из Равенкло. Пока ничья, но к ним только что пришли шестикурсники! — он вытряхнул вещи на пол, нашёл тёплую сухую мантию и начал торопливо переодеваться.

— Мне что-то не хочется, — соврал Колин. — Но, если что, я приду... Попозже, ага?

...До пяти часов оставалось ещё десять минут, но Колин уже торопливо прохаживался туда-сюда по коридору, сжимая в руках заветный конверт. Уроки давно закончились, и вокруг царил полумрак и тишина. Продумывая беседу с представителем уважаемого издания, он не заметил, как из-за угла вывернула закутанная в мантию фигура.

— *Obliviate!* — это было последним словом, которое он услышал перед тем, как потерял память.

* * *

Стук в дверь оторвал меня от проверки эссе семикурсников на тему “Современные тенденции и направления Тёмной магии” (хм, пожалуй, мистеру Джордану надо уделять урокам больше времени, из него может выйти толк...) Было в этом звуке нечто такое, что я сразу же понял: пришла она. И пришла одна — я чувствовал её ре-

шимость и волнение, смятение — кулон обжёг грудь тревогой и страхом. Я молча распахнул дверь и выпустил её в свой кабинет.

— Я могу отнять у вас несколько минут, профессор? — тихо спросила она и — впервые за недели, показавшиеся мне вечностью, — в упор посмотрела в глаза.

— Сколько тебе будет угодно, Гермiona. Я весь в твоём распоряжении... Всегда. Ты знаешь об этом.

Она замялась.

— Профессор, — она упорно не желала называть меня по имени, словно было в этом что-то запретное, — я пришла просить у вас помощи. И совета. И я полагаюсь на ваше молчание... это... это очень важно. И очень серьёзно.

— Разве я давал повод заподозрить меня в болтливости?

Она молча положила передо мной увесистый свёрток. Я развернул его и обомлел: передо мной оказалась книга, неделю назад таинственным образом исчезнувшая из запертого кабинета Дамблдора сразу же после того, как директор отбыл в Лондон по экстренному вызову. Книга, из-за исчезновения которой я не стал поднимать шум только потому, что думал, что он захватил её с собой (а я ещё удивлялся, почему не был введён в курс дела!), книга, пропажа которой грозила мне чрезвычайными неприятностями. Значит, мои предположения были неверны, и всё это время она была у неё... Тем лучше.

— Как она к тебе попала? — ахнул я. — Ты, вообще, представляешь, что это за книга?!

— Да, — кивнула она. Лицо её было бледным и решительным. Похоже, она, и правда, прекрасно знала, что делала. — Потому-то я и пришла к вам.

— Надеюсь, ты не открывала её?! Ты знаешь, что она отравлена? Что заколдована так, чтобы уничтожать нечистокровных? Что, возможно, с её помощью истинные владельцы могут слышать нас сейчас? Что она может подчинять себе того, кто её открыл и превращать его в своё слепое орудие? Что — заметь кто-нибудь её исчезновение — замок бы перевернули вверх дном, а меньшее, чем бы ты отделалась, если бы книгу нашли у тебя, — это отчисление? Но и это пустяки — сущие пустяки, если принимать во внимание наложенную на неё тысячу злокозненных заклинаний. Тебе не приходило в голову, что ты можешь под них попасть?! — я сам не понял, когда сорвался на крик. Но от мысли, ЧТО с ней могло произойти, волосы у меня встали дыбом. — Как ты могла быть такой легкомысленной?! О чём ты думала?!

Она попятилась к двери, испуганная моим напором. Я осознал, что ещё одно моё слово, и она просто убежит, и взял себя в руки.

— Прости, прости, что я накричал на тебя... Прости — ты ведь знаешь, как ты дорога мне... я бы не пережил, если бы с тобой что-то случилось...

Кажется, я сделал ещё хуже. В глазах появился испуг, ладонь уже шарила по двери в поисках ручки. Но в этот момент её взгляд снова упал на книгу. И страх отступил.

— Да, профессор, я совершила ошибку... Я всё знаю, профессор, но... Мне очень нужно узнать одну вещь... а сама я не справляюсь — мне не хватает знаний... Я знаю, что вы не выдадите меня... Клянусь — я немедленно верну книгу на место! Мне нужна помощь... — закончила она шёпотом и прикусила губу, умоляюще уставясь на меня.

— Значит, ты пришла за помощью? — протянул я и подошёл к ней вплотную. Она кивнула. — А к кому, если не секрет? К профессору Круму — школьному преподавателю, который немедленно должен уведомить о случившемся декана факультета и директора, или к своему другу Виктору, готовому помочь тебе всегда?.. И во всём?

Она молчала. Наконец, в глазах мелькнула решимость, но дрожащий голос был

тих:

— Я пришла к своему другу...

Я приподнял её голову за подбородок, взглянул в глаза. Они были так близко, что я мог видеть в расширенных зрачках отражение своего лица. Сейчас всё должно решиться.

— Что? Я не слышу.

Она не дёрнулась и не отвела взгляда.

— Я пришла к тебе как к другу, — громче повторила она.

— Так-то лучше, — я шагнул назад и взмахнул палочкой. Дверь моего кабинета с грохотом захлопнулась. — Слушаю тебя, Гермiona.

Глава двадцать восьмая, в которой под сенью Хогвартса едва не звучит Смертельное проклятье, а домовый эльф нарушает школьные правила.

Тонкий голосок в душе пискнул, что она совершила серьёзную ошибку, решив обратиться к нему за помощью, и теперь, оставаясь в кабинете, где нет никого, кроме них двоих, только усугубляет её. Но отступить было поздно. И некуда: никто другой сейчас не мог бы помочь, не задавая лишних вопросов. Хотя, вероятно, всё может обернуться не так, как она себе представляла, когда продумывала визит в кабинет преподавателя Защиты от Тёмных Искусств...

Гермиона судорожно вздохнула и боязливо покосилась на Крума. Она молчала, не зная, с чего начать, его напор ошеломил и испугал: она терпеть не могла, когда на неё кричали, но сейчас не испытывала ни раздражения, ни желания ответить и отстоять свою точку зрения. Только страх. Страх и дурное предчувствие.

Широкоплечий, высокий и чуть сутулый, Виктор стоял спиной, и, барабанив пальцами по стеклу, смотрел в окно, за которым уже наступил ранний зимний вечер. Мантии на нём не было, только чёрная рубашка с закатанными, несмотря на холод в кабинете, рукавами и чёрные же брюки. Вкупе с бледным лицом, чёрными волосами и густыми бровями его тёмный силуэт напомнил ей о вампирах.

Наверное, стоило сказать Гарри, куда я пошла... — мелькнула очередная запоздалая мысль. — Но он ни за что бы меня не отпустил...

Гермиона тихонько тронула дверь за спиной. Та легко поддалась, и девушка перевела дух: если что, можно успеть убежать.

Виктор повернулся — его лицо уже разгладилось и стало совершенно спокойным, даже отрешённым, лишь подёргивающаяся щека напоминала о вспышке гнева несколько минут назад.

— Так чем я могу помочь тебе, Гермiona? — тихо спросил он.

Она решилась:

— Я хочу кое-что у тебя спросить Виктор, — едва она произнесла имя, как лицо его просветлело, и на губах мелькнуло даже некое подобие улыбки. — Про Ритуалы Подчинения.

Густые брови удивлённо приподнялись.

— Про что? — протянул Крум. Вот теперь он точно улыбался. Ей нравились эти редкие улыбки, было в них что-то такое, что заставляло её с гордостью поднимать голову. Кроме того, мало кто мог бы похвастаться тем, что видел улыбающегося Виктора Крума. — Ты не перестаёшь меня удивлять, Гермiona... Ты твёрдо уверена, что хочешь специализироваться на Нумерологии и Трансфигурации, а не на защите от Тёмных искусств? Да где ты, вообще, откопала эту информацию?

— Там и ещё вот здесь, — кивнув на фолиант Гриндевальда, Гермiona вытащила

из-под мантии потрёпанный томик, насчитывающий уже не первый век. — Я кое-что посмотрела в нашей библиотеке, потом написала запрос в Библиотеку Министерства... Тут рассказывается про ритуалы подчинения. И выполнение некоторых из них — самых сложных и сильных — упоминается как навеки утраченное. Но в книге Гриндевальда я видела подробный рассказ с иллюстрациями... только не успела прочитать... а когда Гарри попал в подземелье, он очутился в месте тайных сборищ соратников Вольдеморта, Пожирателей Смерти... — перескакивая с пятого на десятое, сбивчиво заговорила она, испытывая невыразимое облегчение от того, что рассказывает о наполнявших её страхах и подозрениях кому-то умному, сильному и взрослому. Сейчас ей всё объяснят. И всё кончится. — Мне кажется, он видел атрибуты и место исполнения именно этого ритуала. Следовательно, Гарри... да и все мы, — тут же поправилась она, подозревая, что такой аргумент может выглядеть сомнительно в глазах Виктора, — в большой опасности... Эти нападения — на него, тебя, Рона... отравление профессора Гатто... Я тут успела кое-что записать...

Гермиона протянула Круму исписанный обрывок пергамента, который она взяла со стола в кабинете Дамблдора. Он бросил на него быстрый взгляд, покрутил в руках, машинально сунул в карман и помрачнел.

— Я понимаю, о чём ты, — чёрные глаза вернулись к её лицу, улыбка с губ пропала, теперь он был воплощением серьёзности. — Но не уверен, что могу рассказать тебе об этом... Ведь в вашей школе Тёмная магия не изучается — даются лишь общие сведения да некоторые приёмы самозащиты, а всё, что вы читаете, — не более чем исторические исследования и обзоры... Во всяком случае, пока, — неожиданно закончил он и, увидев её вспыхнувший интересом взгляд, пояснил, — на ближайшем Школьном Совете я хочу поставить вопрос об уроках по Боевой магии. А что касается Ритуалов подчинения... — он взял книгу из её рук и быстро просмотрел несколько страниц и оглавление. — Да, я так и думал. Общие фразы. Я расскажу тебе в двух словах. Правда, не очень хорошо помню подробности — мы ведь проходили это курсе на втором, столько времени уже прошло... Итак: вообще ритуалов довольно много, но все их можно свести к четырём основным типам, и самый простой — это Подчинения Тела. Как ты понимаешь, таким образом можно создавать идеальных воинов. Чтобы не быть голословным... — он прошёл к высокой книжной полке, занимавшей всю стену. — Послушай, что написано об этом здесь, — к нему в руку с полки сама собой соскользнула толстая книга, и Крум начал нараспев читать по-болгарски — слова на незнакомом языке, словно бусины, одно за другим нанизывались на его бархатный, низкий голос. В них был ритм и, наверное, рифма, они завораживали. Виктор остановился, поднял глаза и снова заговорил по-английски. — Здесь описывается произошедшая в древности битва между двумя магами: *“Но часто враны кричали, трупы деля меж собою; а галки речь говорили, собираясь лететь на обед. То было в тех ратях и тех походах, но битвы такой и не слышно! От утра до вечера, от вечера до света звучат заклятья страшные, гремят мечи о доспехи, трещат харалужные копыя в поле неизвестном...”* — он опустил книгу и замолчал на миг, словно прислушиваясь к затихающим словам. Ветер за окном взвыл и кинул в стекло пригоршню снега. — Человек под этим заклятьем становится машиной для войны и убийств — сильной, послушной, выносливой... Следующая ступень — Подчинение Разума. Таким способом любого мага, мудреца или учёного — каким бы нравственным и гуманным человеком он ни был — можно заставить служить самым низменным целям. Например, изобретать изощрённые яды или страшное оружие, способное разом уничтожить тысячи людей...

— Атомную бомбу, — прошептала Гермиона. Он замолчал, сделал к ней несколько быстрых шагов и взял за руку.

— Что ты сказала? Я не понял...

— Нет, ничего, — попыталась улыбнуться она и осторожно потянула свою руку из его пальцев. Не тут-то было.

— Ты вся дрожишь... Тебя напугали мои слова?

— Н-нет, — покачала она головой, — просто у тебя в кабинете ужасно холодно. Почему ты не затопишь камин?

— Холодно? Я не заметил. Странно: раньше я совершенно не переносил холода, а теперь люблю — тепло меня расслабляет, мешает работать... *Incendio!* — в камине вспыхнул огонь, наполнив маленький кабинет светом и теплом. Крум быстрым движением развязал тесемки на мантии Гермiony и потянул её с плеч. — Сейчас здесь будет жарко. Сними. И это тоже.

Не успела Гермiona запротестовать, как мантия и тёплая вязаная кофта уже были переброшены через высокую спинку стула.

— А какие ещё есть Ритуалы Подчинения? — оборвала она повисшее молчание, во время которого Крум задумчиво перебирал её пальцы, глядя, как ей показалось, в неведомые дали. Его руки были холодными и удивительно мягкими, Гермiona даже не сразу поняла, что шершавые мозоли с ладоней и пальцев почти полностью пропали.

Он больше не летает, — догадалась она, и ей почему-то стало грустно.

— О, следующие требуют высочайшего мастерства — не каждому тёмному магу подвластны две последние ступени. Тот, кто владеет их секретом, может контролировать не только разум и тело, но так же души и сердца. Подчиняя сердце человека, можно заставить его делать то, что противно его натуре — самые ужасающие вещи: убивать, пытать... даже родных и друзей. Даже любимых. И при этом всё остальное время человек будет находиться в здравом рассудке. Правда, недолго — как правило, самая сильная психика не выдерживает, и люди на глазах деградируют и сходят с ума. Обычно злые маги пользовались этим, когда не слишком волновались о судьбе исполнителя и не боялись разоблачения. Но Тёмной магией высочайшего уровня остается ритуал Покорной души. Если верить книгам, изобретён он был в XIV веке Альфонсом де Борджиа, который использовал его для своего возвышения и восшествия на папский престол. Все свои чёрные дела он проворачивал чужими руками, превращая людей в послушных марионеток, лишая их воли и разума, заставляягодами выполнять самые жуткие и отвратительные поручения.

Крум снова умолк и потёр лоб, словно его пронзил приступ внезапной головной боли.

— Альфонс де Борджиа — этот тот самый, из династии... — осторожно продолжила Гермiona, в глазах которой уже горел огонь интереса и исследовательского азарта.

— Верно, знаменитая семья убийц и отравителей. По восшествии на престол стал папой Каликстом III, — подхватил Крум.

— А потом рецепты зелий и заклинания канули в Лету. Но Гриндевальду удалось отыскать и восстановить их. К счастью, это произошло слишком поздно, он не успел использовать их в войне, и Дамблдор...

— Правильно. Гриндевальд был уничтожен, его сторонники и приспешники понесли заслуженное наказание, а все книги и свитки были сожжены. Почти все, — поправился Крум, увидев, что её взгляд метнулся к книге на столе.

— А существуют ли какие-нибудь признаки, по которым можно установить, находится ли человек под заклятьем или нет?

— Ну, конечно, — кивнул он и снова потёр лоб. — Правда, для того, чтобы распознать их, нужен большой опыт... Очень часто их путают с другими проклятиями, да -

и просто — физическим и душевным недомоганием. Ночные кошмары, провалы в памяти, тянущая боль в груди... И главное... — он глубоко вздохнул и замолчал. — И главное... — правая рука взлетела к горлу, он судорожным движением, словно его что-то душило, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

И снова замолчал. Гермiona, затаив дыхание, ждала продолжения. И оно последовало незамедлительно, хотя оказалось куда неожиданнее, чем она думала: Крум вдруг пошатнулся и, силясь удержаться на ногах, опёрся на стол. Рука снова потянулась к воротнику, дёрнула его, одна из пуговиц отскочила и звонко запрыгала по столу, Крум потерял равновесие и осел на ковёр, умоляюще глядя на Гермionу и силясь что-то сказать.

— Виктор! — она метнулась к нему, успев подставить руку до того, как он едва не разбил себе затылок о кованый сундучок. Осторожно опустив его на ковёр, девушка схватила кувшин, набрала полный рот воды и прыснула ему в лицо, потом, поколебавшись, расстегнула ещё две пуговицы на рубашке и, намочив платок, протёрла холодной водой грудь, заметив крупный синяк — видимо, до сих пор не сошедший след удара Дракучей Ивы.

Он судорожно вздохнул и открыл глаза.

— Я сейчас позову мадам Помфри! — Гермiona хотела подняться, но он крепко сжал её руку.

— Не надо, это не в первый раз. Я уже обращался к ней — она не нашла никаких отклонений... наверное, авитаминоз... смена климата... — Крум глубоко вздохнул, кровь начала приливать к лицу, он пошевелился и слегка приподнялся на локтях, не отрывая от неё взгляда. Лицо его было бледным и беспомощным, густые чёрные брови напомнили ей то ли косматых гусениц, то ли разлохматившиеся зубные щётки: настолько неуместно они смотрелись над полными отчаяния яркими чёрными глазами. — Обо...оботри мне лицо... Прошу тебя.

Она снова намочила платок и осторожно провела им по лбу, вискам, губам... Он прикрыл глаза и с облегчением вздохнул.

— Эта голова... Иногда перед глазами всё меркнет, а боль такая, что выворачивает наизнанку... Я потом даже не сразу могу понять, кто я и где... И как сюда попал...

Гермiona плеснула воды в стакан и поднесла к его губам. В памяти всплыли строки из учебника по Магической медицине. Ничего хорошего они Круму не сулили.

— Виктор, — осторожно начала она, — возможно, это действие яда. Или последствия твоей травмы. Нарушение мозгового кровообращения, например. Эти мигрени могут быть симптомом серьёзного заболевания, тебе надо обязательно...

Он протянул руку и приложил палец к её губам. Его рука пахла дымом, чернилами и какими-то сладкими травами, напомнившими ей о жаркой Болгарии, солнечном пляже; о том, как весело и легко ей было с ним летом. Пока она не поняла, что...

Гермiona замолчала, внезапно осознав, что сидит на корточках рядом с распротёртым на полу молодым мужчиной. И что этот мужчина уже нежно гладит её по лицу и смотрит очень... гм... специфическим взглядом.

Гермiona почувствовала, что краснеет, начала суетливо расправлять юбку и натягивать её на колени.

— Э... хм.. Тебе уже лучше? — уточнила она, отведя глаза в сторону. — Я, пожалуй, пойду. Позову мадам Помфри, и вообще — у меня ещё Гербология не выучена... и расчёт по Зельям не закончен. Спасибо, что помог мне разобраться с этими ритуалами...

— Конечно... Подожди ещё секундочку: что-то мне нехорошо... по-моему, у меня жар... — она не могла понять, действительно ли он говорит то, что думает, и это её тревожило. На всякий случай она тронула его лоб кончиками пальцев.

— Если и так, то несильный... Я всё же думаю, что тебе стоит обратиться к мадам Помфри; как бы то ни было, я сейчас...

— Рукой невозможно точно определить, есть у человека жар или нет, — перебил он, как будто не слышал её слов.

Она недоумённо осеклась на полуслове.

Да он же просто хочет, чтобы я его поцеловала! Какая же я идиотка!

— Виктор... но...

— Гермиона, я же не прошу, чтобы ты целовала меня, — словно прочитав её мысли, произнёс он, чуть сдвинув брови, — но разве ты не можешь просто проверить, есть у меня жар или нет? Или ты так неукоснительно соблюдаешь школьные правила, по которым нарушением считается даже неформальное обращение к студенту или преподавателю⁵? Умирай я сейчас от кровопотери, ты даже перед лицом смерти не оказала бы мне первой помощи? Или же я настолько неприятен и противен тебе?

— Но ты ведь не умираешь? — глупо возразила Гермиона. И ещё больше покраснела.

Он молчал, укоризненно глядя на неё. Поколебавшись, она наклонилась и осторожно коснулась губами его лба — как будто целовала спящую кобру, которая в любой момент могла проснуться. И смертельно укусить.

Он не шелохнулся, лишь прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Нет, я думаю, что всё в порядке, — вынесла она вердикт, смущённо кашлянув.

— Гермиона... — Крум взял её за руку и потянул к себе, девушка почувствовала, что ещё миг — и она потеряет равновесие и упадёт ему прямо на грудь; её буквально парализовало от испуга и неожиданности. — Гермио-о-на... — нараспев, как год назад, повторил он и вдруг грустно улыбнулся. — А ты ведь не веришь, не доверяешь мне. Боишься меня, правда?

— Ну, что ты, Виктор... Как я могу тебе не верить, ведь мы же друзья, — дрогнувшим голосом возразила она и, не удержавшись, добавила, — хотя... твоё поведение в последнее время меня, действительно, пугает... Мягко говоря. То, что ты себе позволяешь — это просто... просто... Оскорбительно! Я никогда не давала тебе повода... — заводясь, заговорила она, позабыв, что, идя сюда, пообещала не упрекать и не вспоминать о том, что было. Просто узнать, что хотела, и уйти. И вот, её планы рушились один за другим, создавалось назойливое ощущение, что он вертит ею, как хочет, добиваясь того, чего ему нужно.

Крум быстро коснулся кончиками пальцев её запястья. Глаза помрачнели.

— Я так виноват... Прости — не знаю, что на меня нашло... Вернее, я как раз знаю... А вот ты — разве ты не догадываешься, что со мной, — это не было вопросом. Она почувствовала исходящее от него напряжение и какую-то томительную горечь, как летом, в совятне, накануне своего отъезда из Болгарии. — А хочешь, я скажу тебе, в чём дело? — шепнул он, чуть приподнявшись, отчего рубашка на груди распахнулась ещё больше, а синяк, как ей показалось, потемнел, словно налился кровью.

— Виктор, не надо, — собравшись с силами, она подняла на него глаза и тут же отвела их, не в силах выдержать идущую от него горячую волну.

Дурочка, убегай, и немедленно! Пошли его к чёрту и беги!

Но что-то мешало ей даже подняться на ноги, лишало способности быстро реагировать, и она продолжала сидеть рядом с ним на корточках.

— Надо... — хватка на её руке стала крепче, быстрым и резким движением он зажал в той же руке и второе её запястье. Она задёргалась — но теперь было уже поздно.

— Виктор! — Гермиона вскрикнула, постаралась вывернуться, — но его пальцы

стали стальными. Она попыталась подняться на ноги, но он был быстрее и через миг уже прижимал её к книжному шкафу. — Помогите! Кто-нибудь! — отчаянно закричала она.

— Девочка моя, что ты кричишь? Не надо, ведь я ничего тебе не сделал... я ведь люблю тебя, — если Гермiona когда-то (ну, о-очень давно) и мечтала о том, что он скажет ей эти слова, то явно в несколько иной ситуации: он навалился на неё грудью и придавил к стеклу шкафа, прижал коленом её ноги — она не могла даже брыкаться. Изловчившись, она в порыве отчаяния укусила его в предплечье. — Милая, что же ты всё время кусаешься... — укоряюще шепнул он ей в волосы. Лицо светилось нежностью и печалью. — Ты же всё знаешь, всё понимаешь... Правда? Ты... я... Ведь не может быть иначе... — он легонько коснулся её лица, движения были мягкими и плавными, и это ужаснуло её куда больше, чем резкость и грубость во время их последней встречи в коридоре Хогвартса. Она уже вообще плохо соображала — унижительное чувство беспомощности, и бессмысленности любого сопротивления лишило её этой способности.

Гермиона почувствовала на своей груди бесцеремонную руку и завизжала, надеясь, что этот не самый типичный для хогвартсовских классов и коридоров звук привлечёт хоть чьё-то внимание. Впервые в жизни она мечтала увидеть Пивза, Кровавого Барона и Плаксу Миртл. Причём, желательно — всех сразу.

Где-то вдалеке хлопнула дверь.

Укоризненно покачав головой, свободной рукой Крум вытащил из-за пояса палочку:

— *Silentium!* — в тот же миг из горла словно разом выдернули связки — как она ни силилась, ей больше не удалось издать ни звука.

— Не надо... Я сначала хочу поговорить с тобой... Просто поговорить... Я не причиню тебе боли, я ничего тебе не сделаю — я не могу... И не вынуждай меня. А потом... всё кончится... И всё будет хорошо, моя девочка.

Ей казалось, что всё это ужасный сон... ну, или же какое-то страшное недоразумение. Она изо всех сил зажмурилась, потом открыла глаза — Крум в упор смотрел на неё, чуть покачивая головой, словно в такт какой-то неведомой мелодии. Губы шевелились — он что-то шептал. Громче, громче... И вот он уже говорил — что-то говорил по-болгарски. Глаза подёрнулись поволокой, она с ужасом почувствовала, как он наваливается всем телом, как рука снова протискивается между их телами, как дёргает за воротник её блузки... Послышался треск отрывающихся пуговиц, и через миг она ощутила прохладу его кожи, коснувшейся её тела, и его пальцы начали путешествие от шеи вниз... Она затрепыхалась, как птица в силках и, запрокинув голову и зажмурившись, беззвучно зарыдала, умоляя только об одном: чтобы кто-нибудь пришёл и спас её. Или же чтобы всё кончилось как можно скорее.

Вдруг он громко вскрикнул, зачертыхался и отшатнулся прочь так резко, словно был отброшен неведомой силой. Не смея поверить в избавление, она открыла глаза.

Крум — взлохмаченный, в расстёгнутой рубашке размахивал в воздухе рукой, отчаянно шипел и дул на пальцы, кожа на которых покраснела и пошла волдырями, словно он сунул их в огонь. Потом перевёл взгляд на Гермionу и замер: растрёпанная и заплаканная девушка в разорванной на груди блузке смотрела на него круглыми, похожими на блюдца глазами, наполненными отчаянием, ужасом и слезами.

— О, Мерлин, что я делаю?! Прости... — он кинулся к ней, но не успел даже поднять палочку, чтобы снять заклятье, как дверь кабинета распахнулась и в тот же миг взревела сирена.

— *Stupefy!* — перекрыв её, раздался звонкий голос, в последний миг Крум успел увернуться, и сногшибатель просвистел в каком-то футе от Гермiony, врезавшись

в шкаф. Стекло весёлым искрящимся дождём посыпалось на пол, книги и пергаменты радостно вырвались на свободу, замусорив весь пол у её ног. Звуков почти не было слышно: их перекрывал вой сирены

Второе заклинание было выпущено точнее: профессора ударило в живот и швырнуло через стол. Книги грудой повалились на пол, следом упала чернильница, кувшин с водой. Гермиона вяло удивилась, что преподаватель даже не пытается обороняться. Но недоумение, с каким лежащий на полу Крум взирал на человека, которого он меньше всего думал увидеть в своём кабинете при сложившихся обстоятельствах и от которого вовсе не ожидал ничего подобного, пропало, сменившись отстранённым, мрачным выражением. Вот он вскинул палочку — Гермиона, похолодев, смотрела, как медленно поднимается рука, и губы начинают шевелиться... прочитала по губам первое слово Непростительного Заклятья...

Беззвучный крик разорвал грудь, она рванулась вперёд, но ноги подкосились, отказавшись служить, она вцепилась в ближайший стул и тут же, собравшись, схватила и занесла его для удара... Но в этот миг распахнулась дверь, и в кабинет вбежали встревоженные профессора Флитвик и Макгонагалл.

— Профессор Крум!

Перед их глазами предстала весьма занимательная картина: освещённые жизне-радостным светом камина ошалевшая гриффиндорская староста со стулом в руках и взволнованный, раскрасневшийся студент с волшебной палочкой наизготовку в другом конце комнаты, в которой царил полный разгром: залитый чернилами и засыпанный битым стеклом пол, изуродованный книжный шкаф, горы книг и серпантины свитков, меланхолично кружащиеся в воздухе перья. Крума, заваленного книгами и пергамен-тами, им видно не было.

— А где профессор? — спросила Макгонагалл, рассеяно обведя взглядом кабинет и совершенно не отреагировав ни на погром, ни на выражения лиц, ни (к большому облегчению Гермионы) на некоторый, если можно так выразиться, беспорядок в её одежде. Девушка быстро прикрылась мантией, покосилась под стол и снова посмотрела на Макгонагалл, недоумённо пожав плечами. — Вы что тут делаете? У вас индивидуальные занятия? Тренировки? — Гермиона торопливо закивала. — Немедленно возвращайтесь в гостиную, нет — я сама провожу вас. Только что произошло новое нападение.

Студенты безмолвно (хотя Гермиона, собственно, и не могла выбирать) подчинились и оставили поле боя, где, держась за грудь устремив невидящий взор в потолок, лежал поверженный Крум.

Уже в гриффиндорской башне, глядя вслед уходящей Макгонагалл, Гермиона сообразила, что среди вещей, оставленных ею в кабинете Крума, были самые большие драгоценности: “Mea Rixa” Гриндевальда, составленный ею конспект одной из глав и книга о Ритуалах Подчинения. За один вечер она лишилась всего, что они с Гарри с таким трудом добыли.

Но сейчас это показалось ей сущим пустяком.

* * *

За деканом захлопнулась дверь в гриффиндорскую башню, и они остались вдвоём перед портретом Полной леди. Но, не торопясь заходить в гостиную и всё ещё задыхаясь от изумления и потрясения, он развернулся к ней:

— Гермиона, что это было?! Я не мог поверить своим глазам! Почему ты ничего не рассказала профессору Макгонагалл?! — Гермионе не приходилось видеть у него такого потрясённого выражения.

Она жестом показала, что вообще не в состоянии ничего произнести.

— Что? Я не понимаю.

Сними заклятье!

— Да что с тобой? У тебя нервное потрясение? Ты не можешь говорить? — он волнения голос сорвался на октаву вверх и дал смешного петуха, эхом откликнувшегося от каменных стен пустынного коридора.

Да! Сними заклятье, болван!

— Ты как хочешь, а я позову профессора Макго... Ай, недерись!

Fi-ni-te In-can-ta-tum!

Наконец, он сообразил. Теперь юноша выглядел ещё расстроеннее и куда более возмущённым, на его и без того всегда румяных щеках вспыхнули яркие пятна.

— Спасибо! Спасибо тебе... Ты просто молодец, я не ожидала...

— То есть он лишил тебя голоса?! Чего он хотел?.. — и, сообразив, осёкся, задохнувшись от возмущения и гнева.

— Всё в порядке, главное, что всё в порядке, только никому ничего не рассказывай, я умоляю, — шёпотом затараторила Гермиона, вцепившись в рукав его мантии с такой силой, что ткань не выдержала и затрещала. — Только никому не говори, что ты сегодня видел, это для меня вопрос жизни и смерти!

— Да ты с ума сошла! Ты представляешь, в какой ты была опасности? А если бы я не успел? А если бы Снейп не назначил мне взыскание, и я бы не оказался по соседству? Нет, я немедленно пойду и всё расскажу Дамблдору. Это... это просто возмутительно! Это бесчестно! Если ты сама этого сделать не хочешь...

— Ты забыл — директора нет в школе, — она лихорадочно пыталась собраться с силами и мыслями и не разрыдаться.

— Профессору Макгонгалл.

— Она же сказала: в школе новое нападение, сейчас никого из учителей не найти. И общежития блокированы.

— Тогда Гарри.

— Не надо, умоляю! — взвизгнув, Гермиона снова повисла у него на рукаве.

— Тогда сделай это сама!

— Я не могу! Ты представляешь, что будет, если об этом узнает Гарри? Чем это может закончиться? — она захлюпала носом, чем повергла его в прострацию: как и все юноши его возраста, он совершенно не представлял, что нужно делать с рыдающей девушкой. Особенно с рыдающей девушкой, только что пережившей нервное потрясение.

Засопев, он озадаченно замолчал, раздумывая, не погладить ли её по плечу. Или же это сейчас совсем не уместно.

— А если учителям?.. — в его голосе уже не было прежней убеждённости.

— И что? Его выкинут из школы, поднимется жуткий скандал, опять появится этот кошмар в газетах, всех вокруг обольют помоями и изваляют в грязи... Мне придётся рассказывать об *этом*... — она содрогнулась, невольно представив суд (почему-то маггловский, который она не раз видела в кино) и себя на свидетельском месте, дающей показания... — Гарри обо всём узнает... Я не знаю, что он сделает с *ним*. И со мной тоже — а я... я не хочу его терять!.. Не говоря о том, что мы посередине года останемся без учителя. А это совершенно исключено — разве ты забыл, что в конце года у нас серьёзный экзамен по этому предмету?

Он как-то странно посмотрел на неё:

— Экзамен? О чём ты? Гермиона, ты как себя чувствуешь?

Она стояла, стуча зубами от холода и пережитого ужаса, её трясло.

— Прекрасно.

— Тебе надо к мадам Помфри. Он... гм... ничего тебе не сделал?

— Ничего, — она передёрнулась. — Поклянись — сию же секунду — что ты нико-

му ничего не скажешь. Ни учителям, ни Гарри, ни Рону. Никому вообще. Потому что, в противном случае, ты разрушишь мою жизнь.

В её глазах сверкали безумные искры, он понял, что если сейчас откажется выполнить её просьбу — вернее, требование — она долго раздумывать не будет. А в её решительности и способности совершать нестандартные поступки, если того требовали обстоятельства, он уже убеждался. *Petrify* — и все свободны.

— Хорошо, Гермиона, я никому не скажу. Обещаю. Но и ты дай мне слово: пожалуйста, больше никогда...

— Хорошо-хорошо, — торопливо закивала Гермиона. С каждой секундой она дрожала всё сильнее.

— И не ходи одна по коридорам, ведь он может подкараулить тебя...

— Ладно-ладно. Пароль... ты помнишь пароль?.. Я... я, кажется, забыла.

Он испуганно покосился на неё и сморщился, словно от зубной боли.

— Восста... нет, кажется, "Возрождение". Да, точно.

Едва распахнулся дверной проём, как Гермиона, не обращая ни на кого внимания и не замечая удивлённых взглядов однокурсников, пряча лицо и кутаясь в мантию, взлетела наверх и заперлась у себя в комнате.

* * *

— Здесь всё?

— Конечно, Люциус. Мальчишка приволок и колдографии, и негативы, как ему и было велено.

— А где вероятность того, что он не сделал копий? На всякий случай, чтобы подстраховаться? Или чтобы перепродать их конкурентам?

— Ну, знаешь, — в голосе Червехвоста послышалось раздражение, он вразвалочку подошёл к тёмному дубовому столу и, подхватив пухлыми пальцами высокий кубок на витой ножке, налил себе вина из покрытой пылью и паутиной тёмной бутылки, — по-моему, ты дуешь на воду: четырнадцатилетний сопляк-гриффиндорец и двояная игра? Не смейся. В любом случае, не мог же я после этого бежать в гриффиндорскую башню и рыться в его вещах! Там же чёрт знает что началось! Сработала сигнализация, я еле успел скрыться... К тому же, меня могли узнать...

— Меня не волнуют твои трудности, — сквозь зубы процедил Люциус, быстро просматривая снимки. В комнате царил мягкий полумрак, свет шёл только от камина да высокого канделябра с пятью свечами. — Ты делаешь, что тебе приказывают, и помалкиваешь.

Червехвост по-крысиному быстро лизнул языком вино и восхищённо замер, наслаждаясь его изумительным вкусом, но от резкого тона Люциуса лицо его потемнело, и он сморщился, словно хлебнул уксуса:

— Я должен выполнять приказы, которые отдаёт мне Тёмный Лорд. А коли ты не можешь держать в узде своего сыночка, это уже твои проблемы.

Колдун в чёрной мантии с серебряными позументами чуть дёрнул щекой, словно его внезапно пробила зубная боль, и вскинул волшебную палочку, не отрывая глаз от разложенных на столе колдографий.

— *Crucio!*

Червехвост, как подкошенный, рухнул на пол. Лицо его покраснело и раздулось, глаза вылезли из орбит, синие вены вспухли на лбу — казалось, его вот-вот разорвёт. Он судорожно сжимал в руке серебряный кубок, и побелевшие пальцы сминали матово поблескивающие бока, словно тот был из картона. Металлическая рука с отвратительным звуком скребла по каменному полу. Люциус Малфой брезгливо отодвинулся, стараясь не наступить в разлившееся по полу тёмное, напоминающее по густоте и цвету кровь, вино.

— *Finite Incantatum!* Ты что-то зарвался, Петтигрю. Надеюсь, этого тебе достаточно, чтоб понять, кто тут главный. Если нет, я повторю.

— Не... не надо... — Червехвост не мог встать на ноги, из уголка дряблого рта напухлый подбородок стекала тонкая струйка смешанной со слюной крови, светлые редкие волосы налипли на лоб. Наполненные недавней болью глаза сверкнули затаённой ненавистью, но голос был покорен и тих. — Я позволил себе лишнее.

Внезапно взгляд Люциуса вспыхнул тревогой, он пересчитал негативы, потом колдографии, побледнел, снова пересчитал и повернулся ко всё ещё сидящему на полу Петтигрю с таким выражением, что тот лихорадочно заёрзал и пополз прочь, торопливо перебирая руками и ногами и развозя мантией вино по полу.

— Тут двенадцать негативов. И только одиннадцать отпечатков, — опасно звенящим голосом, вызывающим ассоциации с натянутой тетивой, сказал Люциус. — И, как ты думаешь, какого не хватает?

Червехвост судорожно помотал головой.

— самого главного, болван! А может... ты сам припрятал его? А?... Ведь ты давно пытаешься очернить меня в глазах Господина... Хочешь заняться шантажом? Ты - ведь мечтаешь вывести меня из игры, — тонкие губы Малфоя чуть приподнялись в брезгливой хищной улыбке.

— Нет, Люциус... мистер Малфой, — торопливо залопотал Червехвост, с ужасом следя за кончиком неумолимо поднимающейся и нацеливающейся на него палочки, — я никогда...

— Так, где же колдография? Ты потерял её?

— Нет, нет, клянусь! — взвизгнул Червехвост, пытаясь прикрыть голову серебряной рукой. По потолку весело запрыгали отблески пламени. — Конверт был запечатан, я принёс его вам! Я просто взял его из рук мальчишки, я не трогал содержимое!

— Хочешь, я проверю тебя? — ласково, если можно назвать ласковым адское пламя, рвущееся из-под ледяного панциря холодного безразличного голоса, поинтересовался Малфой. — И наши споры разом прекратятся. К чему эти препирательства, одно заклинание, и...

— Не надо! — визг толстяка заметался по комнате, отозвавшись неожиданным эхом от голых каменных стен. Словно откликнувшись на этот звук, в камине треснуло полено, выбросив на пол горсть золотых искр. Червехвост подскочил, пал на колени и, дробной рысью подскочав к ногам Малфоя, попытался облобызать его сапоги, но - был немедленно остановлен ударом трости по плечу.

— Не смей даже приближаться ко мне, — Малфой с отвращением передёрнулся и отошёл. — Хорошо, положим, я тебе верю. Но... тогда вернись и добудь мне ту - колдографию, которая пропала. Иначе...

Рыхлая фигурка на полу сжалась, напомнив ворох рваного чёрного тряпья.

— Да-да, я понял, я понял... Но сейчас Хогвартс перекрыт... Они установили там детекторы, которые сработали на Заклятье Памяти, которое я применил... Там сейчас тревога, проверка... патрули...

— Ты ещё здесь? — холодно поинтересовался Люциус Малфой, удивлённо приподняв серебристую бровь. Неторопливо подойдя к столу, он плеснул немного вина в высокий кубок и отщипнул золотистую виноградину от медово переливающейся в высокой вазе грозди.

Осёкшись на полуслове, Червехвост с трудом, опираясь на стул с высокой спинкой, поднялся на ноги и поплёлся к двери. Едва он осторожно прикрыл её за собой, как потное пухлое лицо преобразилось, став воплощением маски ненависти. Резким ударом серебряного протеза он переломил жалобно хрупнувшие деревянные перила.

— С каким бы удовольствием я сделал то же самое с твоим хребтом, Малфой... Или с хребтом твоего щенка... погоди, я с тобой ещё посчитаюсь...

Оставшись в одиночестве, Люциус Малфой сбросил маску брезгливого и холодно-го презрения. Он снова и снова перебирал снимки, на которых его сын, единственный наследник и продолжатель дела и рода, вёл себя как невероятный глупец, как последний болван, не достойный, чтобы в его жилах текла кристально-чистая волшебная кровь. Даже самый тупоголовый хаффлпаффец не позволил бы себе никакого колдовства на глазах у всей школы! Неужели Малфои вырождаются? И магия, вершимая когда-то их великим предком, *Одним-Из-Дюжины*, рассеялась и истончилась в веках, обернувшись мелочной местью глупого юнца, неуклюжей попыткой возмездия? Этому ли учил он отпрыска всю его недолгую жизнь?!

Снимки полетели в огонь, за ними последовали негативы.

На щеках Люциуса появился гневный румянец, он размахнулся и ударом трости снес вазу с фруктами на пол. Не удовлетворившись, со сладострастной ненавистью начал топтать коваными каблуками сочно хлюпающие персики, упругий виноград, непослушные апельсины, так и норовящие выскочить из-под ноги. В комнате поплыли летние запахи сочных, спелых плодов.

Бутылка вина, стоимость которой многократно превышала месячный доход всего отдела, где трудился Артур Уизли, опасно дрогнула, опрокинулась и, подкатившись к краю стола, упала вниз, с печальным звуком разбившись об пол. Тёмно-бордовое вино густой лужей расплескалось по каменным плитам. Утолив первую ярость, Малфой с удовлетворением обвёл глазами устроенный в комнате разгром. Да, хозяин будет недоволен. Но за молчание и неудобства ему неплохо платят.

Он вытащил из кармана белоснежный батистовый платок с монограммой, тщательно обтер им перчатки; наклонившись, стёр сочную фруктовую мякоть с серебряных пряжек на высоких сапогах драконьей кожи и швырнул испачканную ткань в огонь. Затем взял из банки на каминной полке пригоршню искрящегося порошка и кинул в камин.

— Ежедневный пророк, кадровый отдел.

Через миг в языках пламени появилась чья-то молодая, но очень быстро — прямо на глазах — лысеющая голова. Воззрившись на Люциуса Малфоя с угодливой улыбкой, клерк почтительно ждал приказаний.

— Хью, благодарю тебя за хлопоты, я уладил все интересующие меня вопросы. Кстати, вознаграждение за это маленькое беспокойство уже переведено в Гринготтс. Сейф номер 380, — и, не снимая перчатки, Малфой кончиками пальцев подал торопливо вскинувшему руку заместителю редактора по кадровым вопросам крошечный золотой ключик.

* * *

Вальяжно раскинувшись на ковре у камина, Ли Джордан запустил обглоданной куриной косточкой в пламя и, облизнув испачканный жиром палец, перевернул страницу учебника по Сно-Видениям. Рядом Фред и Алисия что-то горячо обсуждали, склонившись над выпуском Квиддич-Экспресса: «Маленькие хитрости великих: сборная Швейцарии», а Джордж задумчиво изучал готовность изжаренного на огне кусочка хлеба. Шёл десятый час, спать ещё не хотелось, но после бурного вечера всех охватило странное умиротворение, которое трудно было предсказать ещё пару часов назад.

До выяснения обстоятельств случившегося накануне, студенты не покидали своих гостиных даже на трапезы, что вызывало у них смешанные чувства: с одной стороны, каждые обед и ужин теперь превращались в некое подобие вечеринки (стараниям Фреда с Джорджем, в первую очередь, а также разделяющих их любовь к весе-

лю и приколам студентов помладше) — и это было хорошо.

Но, с другой стороны (а вот это было уже плохо) запрет покидать общежития пришёлся аккурат на выходные, когда — в кои то веки — можно было всласть нагуляться и наигратись в снежки, потренироваться, спокойно позаниматься, а так же (но это касалось уже только Гарри) наконец-то вернуться к разбору завала в подземелье. И это вызывало у него изрядную досаду.

Вдобавок, Гермiona целый день не выходила из своей комнаты, и если во время завтрака он не очень удивился (наверное, потому что сам проспал), то во время обеда это уже вызвало лёгкое беспокойство (он не знал, что, по просьбе Гермiony, Дженнифер Ли и Трейси Алесини принесли ей в комнату целую тарелку жаркого с картошкой, пару булочек, джем, кувшин с соком и фрукты).

И вот, миновал ужин, превращённый в какое-то безумство: Дин Томас по просьбе Фреда (близнецы знали, что из их рук согласиться что-то принять разве что вечно рассеянный Невилл. Но вот как раз Невилл “гастрономического” интереса не представлял) обнёс шоколадными ирисками самых красивых девушек, и спустя четверть часа весь факультет наслаждался самозабвенно отплясывающей самбу Лавендер, а так же Кети Белл, пытающейся станцевать, за неимением шеста, вокруг Гарри, как самого худого и длинного на факультете — в отсутствие Рона. Гарри провёл три самые лучшие минуты в своей жизни, пока Алисия Спиннет силком не увела вырывающуюся Кети наверх. Впрочем, это мало кто заметил: все были поглощены борьбой Патриции О’Нил, рвущейся исполнить “соло рок-н-ролла со стриптизом на столе”, и её подругами, пытающимися её разубедить. К разочарованию юношей, многообещающее зрелище удалось предотвратить.

Кевин Сторм, тоже отведавший ириску — по недосмотру Дина, отчаянно краснея, пел что-то невероятно лирическое, припав на одно колено перед разинувшей рот Джинни Уизли. Он и в полный-то рост едва доставал ей до плеча, в коленопреклонённом виде и вовсе походил на гнома. Столпившиеся вокруг первокурсники и первокурсницы зажимали рты от смеха.

Близнецы и их друзья ликовали: похоже, подготовка к Рождеству шла именно такими темпами, как им хотелось, и вечеринка обещала войти в анналы школьной истории.

Но смех и возмущение постепенно угасли — девушки, придя в себя через четверть часа, разбежались по спальням, Фред снова принял человеческий облик (хотя Джинни потом утверждала, что моржовые усы были ему очень к лицу), и оставшиеся в гостиной постепенно переключились на свои дела — кто читал, кто болтал, кто учил уроки...

Гарри, уже дважды за день сбегав к комнате Гермiony (первый раз ему открыла Трейси и пискнув, что Гермiona неважно себя чувствует и, к тому же, сейчас занимается с ними Зельеварением, тут же захлопнула дверь. Во второй раз и вовсе никто не откликнулся) сидел в сторонке, листая “Рукотворных монстров”, для конспирации завернутых в старый выпуск Пророка. Полученное перед ужином письмо буквально прожигало карман, и Гарри то и дело неосознанно теребил рукой плотный конверт.

Странное поведение Гермiony тоже не давало покоя, юноша рассеянно перелистывал страницу за страницей, зевая от скуки и с трудом улавливая написанное. Заглавием о Стражах, в которой не было ничего полезного (*Кто такие Стражи? Общая характеристика. Органы чувств. Загадочные существа. Как изучают Стражей*) — разве что упоминание о том, каким образом можно уничтожить *сие чудовище* — следовала столь же скучная и наукообразная глава про Огнемеев. Надо сказать, книга его вообще разочаровала: она состояла из коротеньких обзорных статей,

а не исследований, поэтому вряд ли стоило ожидать от неё разоблачения невероятных тайн.

Неподалёку у камина сидел серьёзный и печальный Невилл с Тревором на одном колене и учебником по Истории магии на другом. На лестнице, ведущей с половины девочек, прошуршали негромкие шаги, Гарри вскинул глаза. Нет, опять не Гермиона.

— Я видел её вчера, — неожиданно сообщил Невилл и добавил, тревожно взглянув на Гарри и слегка покраснев, — она выглядела очень расстроенной. Как мне показалось.

Последнее как раз Гарри не очень удивило: после назначения на пост старосты Гермиона принимала близко к сердцу происходящее в школе, и известие о *каком-то* несчастном случае с *кем-то* из студентов (после разговора с Макгонагалл Дэнис Криви ходил, как в воду опущенный, но на все вопросы отнекивался) могло её здорово огорчить. Но подробностей не сообщали, а потому в гостиной высказывались самые невероятные гипотезы.

Симус Финниган отколол с доски объявлений список запрещённых заклинаний и заключал с близнецами пари на то, какое именно вызвало тревогу. Джордж, хрустя поджаренным хлебом, напоминал, что сработали детекторы на Астрономической Башне, и готов был поставить пять галлеонов, что это было Заклятье Мгновенного Разведения.

Выслушав очередную порцию предположений, раз от раза становящихся всё более непристойными, — школьный список заклинаний давно валялся на полу, в ход уже пошла вытащенная из запасников Дина Томаса “Сексуальная магия: триста тридцать три заклатья” и “1000 и 1 ответ про ЭТО” — Гарри снова отправился наверх, к спальням, провожаемый хитрым взглядом Ли Джордана и напутственным “не напугайся, приятель, это с девчонками бывает... время от времени. Пора бы уж знать”.

И на этот раз никто не открыл. В комнатах девушек, куда, набравшись храбрости, он постучался и где его встретили звонким жизнерадостным визгом (а всё ещё не пришедшая в себя Лавендер, которую угощали ирисками особенно настойчиво, тут же попыталась увлечь Гарри в танец, являющийся какой-то непристойной разновидностью танго), Гермиону сегодня не видели. Первокурсницы хранили трагическое молчание, прикидывались глухими и старательно делали невинные лица.

Возвращаясь обратно к лестнице, он снова помедлил у её комнаты. Ответом на “- Гермиона... это я... Гарри... Открой, пожалуйста, дело есть...” опять стала тишина, из-под двери не пробивалось ни лучика, и, поразмыслив, юноша решил, что подруга, судя по всему, легла спать. Это, конечно, было более чем странно: чтобы она легла в... Гарри взглянул на часы... десять вечера?... Нет, невозможно. Похоже, действительно заболела. Для верности ещё раз дёрнув ручку, он развернулся и собрался было уходить, как вдруг в коридоре появилась Гермиона — в знакомом ему халатике, комнатных тапочках и с полотенцем, закрученным чалмой на голове. Вид у неё был настолько трогательно-домашний, что он фыркнул, а она, увидев Гарри, смущённо замерла и торопливо сдёрнула полотенце. Тяжелые спутанные кудри, влажно блестя в свете факелов, упали ей на плечи.

— Гарри? — она подошла поближе. Глаза чуть припухли и запали, впрочем, в коридоре было довольно темно, так что он не мог сказать наверняка. Но в груди на смену радости пришло и прочно обосновалось беспокойство.

— Гермиона?... Невилл сказал, что у тебя что-то случилось... Ты заболела? Ты сегодня целый день от всех прячешься.

— Невилл? — напряглась она. — С чего он взял... Нет, я не прячусь... Я что-то... да, приболела. Наверное, переутомилась. А ты что тут делаешь?

— Тебя жду. Ты куда исчезла? Целый день тебя не было, на обед не пришла. И

ужин... держи... — протянул ей завёрнутый в льняную салфетку толстый бутерброд, подошёл ближе и осторожно приподнял её голову за подбородок, пытаясь заглянуть в глаза. — Хей... Гермиона, что-то случилось? — тихо и серьёзно спросил юноша. — Я волновался. И скучал...

В этом жесте было столько нежности и покровительства, что она обмякла и жалобно шмыгнула носом.

— Спасибо за то, что побеспокоился обо мне, — она грустно улыбнулась и даже не попыталась взять свёрток. Выражение её лица ему совсем не понравилось. Помнявшись, она решительно вздохнула. — Пойдём ко мне. Мне нужно кое-что тебе рассказать. Я ужасно виновата, Гарри... — начала она, едва убедилась, что дверь в комнату заперта самым тщательным образом. Гарри освободил себе местечко на кровати, опустив на пол внушительную стопку, состоящую из книг по заклинаниям на французском и латыни. — Прости меня, но я... — она собралась с силами и тихо закончила, — я потеряла ту книгу...

— Какую?! — ахнул Гарри, вскакивая на ноги. Разбуженный резким движением Косолапсус недовольно заворчал и блеснул глазами в полумраке.

— “Мою борьбу”. Я... я вчера ходила к Круму, — Гарри, ошеломлённый известием, не заметил ни тщательно скрываемого напряжения в её голосе, ни лёгкой дрожи в руках, теребящих перо. Но странное призрачное чувство вдруг коснулось его души, и он ощутил, как разом напряглись все мышцы, словно у животного перед прыжком. — А потом сработала сигнализация, и... и я всё оставила там — и книгу, и свои заметки. Прибежали Макгонагалл с Флитвиком... Понимаешь, я не могла забрать книгу у них на глазах, к тому же Макгонагалл сама проводила нас... меня, — тут же поправилась она, — в гриффиндорскую башню.

— Вот чёрт, — раздосадовано выдохнул он. — А зачем ты вообще к нему пошла? Он ведь... — Гарри замер, подбирая слова, и выложил всё напрямик, — то, что он позволял себе раньше, и сейчас... мне не нравится, как он на тебя таращится!

— Мне тоже, — честно призналась Гермиона, опустив голову и не сводя заворожённого взгляда с рук юноши, стиснутых в кулаки. Почему-то она очень легко предстала, как этот кулак врежется в лицо Виктора. Девушка вздрогнула и продолжила, — но я думала, что он что-нибудь знает и расскажет мне. Он, и правда, знает. И рассказал, — торопливо закончила она, подняв глаза и встретившись с пристальным взглядом Гарри. — Не сердись на меня. Пожалуйста. Я так виновата, — он молчал, переваривая сногшибательную новость. — Зато, — торопливо продолжила она дрожащим голосом, чувствуя, что вот-вот заплачет, — я много узнала про Ритуалы Подчинения... Например, тот, что ты видел, называется Покорное сердце, и человек в этом случае... — дрожащий голосок сорвался, Гермиона пискнула и затихла, глотая сдавленные рыдания.

Словно очнувшись, Гарри подошёл к ней и обнял за плечи, внезапно ощутив, насколько же она хрупкая и маленькая, и как судорожно подрагивает под его рукой. Нежность и странное ощущение собственной взрослости и ответственности за неё смели все прочие чувства.

— Ну, ладно, что теперь делать... — вздохнул он. Ему уже не надо было стараться, чтобы разочарование и недовольство не слышались в его голосе. Они бесследно пропали. Он ведь тоже не всегда бывал прав, верно? — Ты... не казись, ладно? Я что-нибудь придумаю. Твоей вины тут нет, ты же хотела, как лучше, и ведь мы успели узнать, верно? Ты мне сейчас обо всём расскажешь, потом ещё что-нибудь поищем... Может, удастся стащить книгу у него... И потом — у нас ещё осталась “Исповедь” и книга про монстров... Тоже полезные... в общем. Кстати, о монстрах, — ободряюще улыбнулся он, глядя на её расстроенное лицо. — А у меня вот хорошие

новости: смотри, сегодня тебе пришёл ответ от миссис Лонгботтом, — он нашарил в кармане и протянул тёмно-коричневый конверт. Тот не был распечатан, и Гермiona даже в нынешнем своём состоянии оценила деликатность и терпение Гарри: ведь он прекрасно знал, что письмо не носит личного характера и, возможно, содержит в себе ответ на весьма и весьма интересующий его вопрос.

— Гарри... — она ткнулась носом ему в шею и зажмурилась. Ей вдруг стало хорошо и спокойно, словно не было ужасного вчерашнего вечера, после которого она полночи просидела в ванной, с остервенением оттирая себя губкой. Словно сегодня она не проплакала полдня, отчаянно пытаясь представить, как после случившегося подойдёт к Гарри, и что теперь будет чувствовать, когда тот будет целовать и касаться её...

Но вот сейчас он коснулся... и словно ничего и не произошло — он был таким родным, что у неё перехватило дыхание от внезапного облегчения и радости. Юноша вздохнул и зарылся лицом в её влажные волосы. Он знал, он чувствовал, что ей сейчас нужно. И — едва ли не впервые в жизни — вдруг понял, что может ей это дать — защиту, силу. Нежность. Убежище.

Приподняв её лицо, он коснулся носика лёгким поцелуем.

— Всё будет хорошо. Я обещаю.

Гермиона почувствовала, как многотонная гора рухнула с плеч, как отступили от глаз слёзы, как прояснился разум и появилось желание жить и двигаться вперёд.

— Будем надеяться, что там на самом деле есть что-то полезное, — она торопливо разорвала надписанный решительным размашистым почерком пергамент и развернула письмо к Гарри, чтобы тому тоже было видно.

Дорогая мисс Грейнджер!

Я была приятно удивлена, получив Ваше письмо — во-первых, Невилл мне неоднократно рассказывал о Вас, неизменно отзываясь как о выдающейся и достойной во всех отношениях девушке, а, во-вторых, мне приятно, что драматическая история, связанная с моим покойным мужем, наконец-то, заинтересовала кого-то из подрастающего поколения.

К сожалению, в последнее время мало кто уделяет внимание былым подвигам, и стариков забывают раньше, чем те уходят из жизни. Даже героев — что же тогда говорить о простых магах, много лет назад проявивших доблесть и мужество?

Поэтому я рада, что в школьной программе, наконец-то, появились предметы, на которых вас, молодежь, учат уважать старшее поколение и брать с них пример.

Думаю, вы знаете, что те времена, о которых Вы просите меня рассказать, были темны и трагичны: Гриндевальд не нуждался в пленниках, поэтому использовал их в страшных ритуалах, испытывал новые заклятья, зелья, травил несчастных созданными своими руками чудовищами. Не было семьи, которая бы не лишилась кого-то из родных и близких. Фантазия Гриндевальда потрясала своей безграничностью, уродством и изощрённостью, силы его казались неисчерпаемыми. Одно время (к счастью, весьма непродолжительное) даже Хогвартс находился в осаде. Его несколько раз пытались взять Лики Страха, убивавшие тех, кто слабее, и сводившие с ума сильных. У меня на глазах умерла одна из студенток: кошмары, преследовавшие её во сне, вырвались на свободу, растерзав её разум и убив самой страшной смертью, какую только она могла представить.

Что касается Стражей, то они, судя по слухам, ходившим среди нескольких счастливых, которым удалось вырваться из плена, были любимцами Гриндевальда — безжалостные, уродливые, наводившие на жертву ужас своим видом. В честь побед он устраивал турниры, выпуская монстров против пленников. Иногда — в виде издевательства — позволял волшебникам брать оружие: мечи, копья и даже волшебные палочки, которые лишь продляли смертельное развлечение.

Моему покойному супругу чудом удалось спастись: случилось так, что, уже истекая

кровью, многократно раненый, он забыл все заклятья, кроме одного, и случайно применил экспериментальное Антипаучье Заклятье Обезноживания, над которым проводил исследования ещё в мирное время. И Страж, разом лишившись всех конечностей, тут же умер.

— Антипаучье Заклятье Обезноживания? — задумчиво повторила Гермиона. — Кажется, потом оно было запрещено: постоянно давало осечку и оборачивалось против наславшего его мага...

— Без чего он там остался? Без ноги и без руки? Да уж, вполне в духе Лонгботтомов. Иногда на уроках Трансфигурации мне просто страшно за Невилла, — согласился Гарри. Гермиона укоризненно покосилась на него, слабо улыбнулась и вернулась к пергаменту. — Похоже, он унаследовал от бабушки не только своё имя. Что ж он просто не применил Смертельное проклятье?

— Ты что — совсем забыл, что нам рассказывали на четвёртом курсе? Это же запрещённая тёмная магия, и не все ей владеют. Помнишь, как он сказал... — Гермиона нахмурилась, припоминая, — “если вы сейчас хором произнесёте Авада Кедавра, вряд ли меня даже насморк пробоёт”...

Гарри недоверчиво хмыкнул, и они вернулись к пергаменту.

Мой же супруг выжил только благодаря тому, что его приняли за мёртвого и бросили в кладовку в качестве корма для монстров. Откуда он, придя в себя, сумел чудом спастись, воспользовавшись тем, что охранники потеряли бдительность. По счастью, передовые отряды светлых сил находились поблизости и, истекающий кровью, он был подобран и немедленно помещён в полевой госпиталь, где как раз работала я. Несколько ночей подряд мы боролись за его жизнь...

Позже за героизм, проявленный в поединке, супруг был награждён орденом Мерлина второй степени...

— Так, ну, дальше неинтересно, — быстро пробежав глазами конец, Гермиона чуть покраснела и потянула пергамент из пальцев Гарри.

— Погоди-погоди... Поверить не могу! Она просит тебя об этом?! — Гарри расхохотался и ткнул пальцем в последнюю строчку. — Да, нелёгкая это работа — быть старостой: отвечать приходится за всё, даже за это, — он обнял Гермиону и потянул к себе. Она положила голову ему на плечо и прикрыла глаза, внезапно почувствовав умиротворение и уверенность в том, что всё будет хорошо. Пока он с ней. Пока она с ним.

— Я люблю тебя, — выдохнула она, сама удивившись тому, как легко слова вырвались наружу — словно три сияющие бабочки, они запорхали по комнате, тут же наполнившейся солнцем, летними звуками и ароматами.

Она почувствовала, как он вздрогнул, как часто забилось его сердце. Схватив за плечи, он развернул девушку к себе лицом. Глаза сияли таким счастьем и недоверием, что ей стало одновременно и страшно, и смешно.

— Что?.. Что ты сказала?

— Я. Люблю. Тебя.

— Гермиона, я...

— Нет, не надо, — она чуть улыбнулась, закрыв ему рот ладонью. Ей ужасно хотелось услышать это, но не в ответ на свои слова. — Просто поцелуй меня...

— Эй, я не понял. Меня что — совсем не хотят видеть? Даже дверь не откроют? — раздался чуть приглушённый весёлый голос из коридора. — Меня записали в изгои? Окончательно вычеркнули из списков живых? Или теперь это моя судьба: стоять под дверью, ожидая, когда вы закончите целоваться и изволите снова стать нормальными людьми?

— Рон! — хором вскрикнули Гарри и Гермиона, кидаясь к двери.

* * *

— И что — это всё признания в любви и приглашения на свидания? — завистливо поинтересовался Симус Финниган, глядя на пухлую стопку открыток и писем, перевитых разноцветными ленточками, которые Рон с демонстративно равнодушным видом засовывал в выдвижной ящик тумбочки.

— Это? Нет, это только пожелания скорейшего выздоровления... Признания в любви у меня тут, — Рон вытащил из сумки большую коробку из-под коллекционных Шоколадных лягушек, плотно перевязанную лентой. — Её надо держать закрытой, — пояснил Рон в ответ на недоумённые взгляды однокурсников, — а то сразу такое начинается: стихи... песни...

— Психическая атака, — фыркнул Симус, и Гарри, с ужасом вспомнив присланную ему на втором курсе валентинку, мысленно с ним согласился. И подумал, что у них с Роном, видимо, разное отношение к поэзии. И музыке тоже. Впрочем, учитывая, насколько Рону не везло в личной жизни, он имел право на маленькое утешение. Во всяком случае, у кого — у кого, а у Гарри бы язык точно не повернулся упрекнуть друга в некотором хвастовстве. Особенно сегодня.

Сегодня. Горячая волна счастья прокатилась по всему телу, отозвавшись пульсацией в каждой клеточке, и юноша машинально коснулся указательным пальцем губ, вспомнив поцелуй с Гермионой у самой двери, за которой топтался Рон. Пусть он продлился только миг — ТАКОГО поцелуя у них ещё не было.

Подробный рассказ Рона о клинике Св. Мунго оказался, по правде говоря, ужасно скучным, поэтому вопросы звучали всё реже и всё тише; наконец, уснули все, кроме самого Рона и с трудом борющегося со сном Гарри.

— ...тут входит доктор, и мой сосед его спрашивает: “Лекарь, я ходить буду?” — “Да, — отвечает лекарь, — но только под себя...”

— Рон, — не выдержал Гарри, поняв, что это может тянуться бесконечно и, возможно, ему так и не удастся рассказать другу о самом главном, — погоди. Тут у нас столько всего произошло, пока тебя не было...

Рон с неудовольствием умолк и стал слушать Гарри с подчеркнуто равнодушным видом. Но уже через пару минут ахал и охал, зажимая рот руками, краснел, бледнел; его рыжие волосы топорщились в разные стороны, а вытаращенные глаза разве что не светились в темноте.

— Вот чёрт! — не выдержав, рывкнул он, грохнув себя по колену кулаком и тут же сморщившись от боли. — Значит тот, кто сшиб меня...

— Тшшш!

Они, умолкнув, опасливо выглянули из-за полога кровати Рона и прислушались, но остальные сладко спали.

— Значит тот, кто сшиб меня, — шёпотом продолжил Рон, — использовал против тебя Заклятье? Думаешь, это Малфой? Хотя... да кому это ещё может быть нужно... И потом книга, что отравила Гатто — вот уж кого не жалко! — пыталась сожрать Гермиону? Чёрт, как жаль, что она её потеряла!.. Но теперь ведь всё стало проще: если бабушка Невилла написала, как справиться со Стражем...

— Но Смертельному проклятью надо долго учиться, а тут везде понатыканы детекторы Чёрной магии. Да и как бы я смог потренироваться — это ведь не Хахачары на тебе отрабатывать. А я... я не знаю, смогу ли я убить живое существо — просто так, чтобы проверить, *смогу ли* я это сделать... — Гарри помрачнел, вспоминая, как псевдо-Хмури равнодушно уничтожил Смертельным Заклятьем паука. И как так же равнодушно, словно назойливое насекомое, Вольдеморт убил Седрика.

Неужели я тоже должен это уметь? Уничтожать живых существ? И... людей?

Рон, понурившись, потянулся к большой плитке шоколада и, отломив два куска,

один сунул себе в рот, а второй протянул Гарри.

— Но ведь... если ты хочешь убить Того-Кого-Нельзя-Называть, ты должен будешь как-то это сделать. Ты думал об этом? — словно услышав мысли друга, заметил он.

— Да, — кивнул Гарри, не поднимая глаз, — я думал об этом много раз — я вспоминаю нашу с ним последнюю встречу, и каждый раз я спрашиваю себя: что было бы, поступи я иначе у Кубка? А что было бы, если бы я владел Непростительными заклятиями? Смертельным заклятием? — он понизил голос. — Но... Мне сложно говорить — смог бы или нет я убить человека. Мне кажется... — Гарри чуть помедлил, словно впервые признаваясь в этом самому себе, — смог бы. Вольдеморта — он уже не человек, в нём не осталось ничего человеческого. Пожирателей Смерти, вернувшихся к нему по первому зову... Наверное, я смог бы... Червехвоста. Люциуса Малфоя.

Рука Гарри сжалась вокруг воображаемой волшебной палочки, глаза потемнели, он представил, как с её конца срывается ярко-зелёная вспышка.

Смог бы я?

Рон не сводил с друга взгляда, наполненного одновременно ужасом и восхищением.

— Гарри Поттер... — тихий тоненький голосок, раздавшийся за их спинами, заставил ребят одновременно вздрогнуть. Переминаясь с ноги на ногу, виновато помахивая ушами и пряча глаза, на полу спальни топтался Добби. — Добби очень стыдно прерывать ваш разговор... но Добби не мог не принести вам этого... Гарри Поттер должен знать, кто строит козни его друзьям, — вытаращенные глаза, придающие домовику вечно испуганный вид, скользнули к Рону и снова воззрились на Гарри. — Плохой, ужасный Добби — он не имел права приходить к вам, он должен отдать это Дамблдору... — тонкие зелёные ручки судорожно зашарили в воздухе в поисках чего-нибудь тяжёлого.

Гарри с Роном обречённо переглянулись. Рон сунул в руку домовика башмак.

— Плохой, гадкий Добби! Опять нарушает все правила! — эльф лупил себя по лбу со сладострастным упоением, отчего в голову Гарри закралась мысль, а не получает ли он от самоистязания какого-нибудь извращенного удовольствия. — Но Добби не мог не показать это великому Гарри Поттеру, великому спасителю и избавителю всего волшебного мира, и его чудесному другу, снизошедшим до свадьбы такого маленького существа...

— Хватит, давай к делу, — решительно остановил его Гарри.

Глаза Добби испуганно забегали по углам. В комнате царила тишина, наполненная ночными звуками — посапыванием, похрапыванием, сонной возней.

— Вчера моя супруга Терри убиралась в комнате четверокурсников. И она нашла вот это под кроватью того мальчика, к которому вчера было применено Заклятие Памяти... — сообразив, что выболтал очередную тайну, Добби зажал себе рот руками и вытаращил глаза. Рон с готовностью подал ему башмак.

— Так, значит, дело не в Мгновенном раздевании... Значит, Колину стёрли память, — ошарашено ахнул Гарри, морщась от глухих звуков, раздающихся при каждом соприкосновении башмака с многострадальной головой домового эльфа. — Единственное, что мне приходит в голову, — это то, что он что-то знал или что-то видел.

— Или что-то сфотографировал, — слегка заикаясь и нервно подмаргивая, подхватил только что закончивший экзекуцию Добби. Глаза его чуть расфокусировались, придавая эльфу слегка пьяный и блаженный вид. — Он сфотографировал того, кто заколдовал бладжер.

— Кто это?! — подскочил Рон. — Кто этот гад, из-за которого я загремел в клинику? Да я его собственными руками задушу!

Огненные волосы гриффиндорца встали дыбом, казалось, что они вот-вот вспыхнут. Гарри выглядел не лучше, разве что молчал. Ошеломлённый напором и идущим от них гневом, Добби на секунду замер и молча протянул колдографию.

Стукнувшись лбами, юноши склонились над ней, и в полумраке комнаты перед их глазами предстала следующая картина: зависший на метле Драко Малфой поднял руку, из рукава вырвалась струйка дыма, и бладжер, летевший в сторону гриффиндорских колец, вдруг удвоил скорость, развернулся и, нацелившись прямо на Рона, изо всех сил ударил того в грудь.

Рон охнул и схватился за живот.

— Ужас... Со стороны выглядит ещё страшнее. Клянусь — я убью этого сморчка. Превращу его в жука — это ведь не запрещено? — и раздавлю. Буду топтать до тех пор, пока от него даже мокрого места не останется, или нет — лучше в...

— Пстой, — Гарри снова и снова смотрел на колдографию, чувствуя, как в нём закипает гнев и желание немедленно помчаться в слизеринские подземелья отнюдь не с дружескими намерениями. Он сам не знал, кого пытается сейчас остановить и привести в чувство — себя или кипевшего от ярости Рона. — Вспомни, о чём мы только что говорили: сразу после этого на Дерека было наложено Заклятье Подвластия, и тот напал на меня. Я хочу узнать, кто это сделал — Малфой или нет. И кто стёр память Колину. И знает ли он что-то о том, что сейчас происходит в школе. А потом мы прибьём его вместе.

— Так он тебе и рассказал... — фыркнул Рон. — Добби, а других колдографий у тебя нет? Эх, вот бы взять его с поличным: я бы послушал, что бы он заскулил в своё оправдание — жалкий, мерзкий слизняк...

Рон распинался минуты две, поразив и Гарри, и Добби многозначностью некоторых волшебных выражений и смутив неожиданным использованием волшебной палочки. Впрочем, Гарри был готов подписаться под каждым словом. И добавить от себя пару вещей, о которых всегда бурчал Дадли, когда того лишали любимых развлечений.

— Вот чёрт, как бы нам узнать? Я не усну, пока что-нибудь не придумаю, — раздосадовано пробормотал Гарри. — И ведь Гермiona уже спит — спросить не у кого...

Домовик, молча переводящий взгляд с одного гриффиндорца на другого, приподнял зелёную безволосую бровь и хитро улыбнулся, постукивая себя по ладони ботинком, только что участвовавшим в экзекуции.

— Почему же не у кого? Если бы вы спросили у Добби, он бы вам сказал, что есть надёжное и проверенное средство: *Veritaserum*.

— Зелье правды? — ахнули, переглянувшись, Рон и Гарри. — Ну, конечно!..

Глава двадцать девятая, в которой Гарри знакомится с ещё одним обитателем Запретного Леса и проходит сеанс психотерапии, а Рон устраивает погром и занимается мелким воровством.

В эту ночь юноши уснули нескоро: после исчезновения Добби они ещё долго шептались и рылись в книгах в поисках рецепта зелья *Veritaserum*. Безрезультатно.

— Неудивительно: вряд ли такая штука могла оказаться в учебнике Стандартных Зелий, — заключил Гарри. — Наверное, придётся снова раздобыть из Запретной Секции Самые сильные Зелья. Хорошо хоть, что теперь с разрешением не будет никаких проблем: Гермiona чувствует себя в библиотеке хозяйкой. И, по-моему, мадам Пинс не возражает...

— Вот что, — начал вслух размышлять Рон, — ну, положим, приготовим мы это зелье. Но как напоить им Малфоя? Ведь он из наших рук никогда ничего не возъ-

мёт... Может, незаметно подкрасться к столу слизеринцев во время обеда и накапать зелья ему в стакан?

— Незаметно? Мантия-невидимка? Знаешь, я пока об этом не думал, — честно признался Гарри. — Да, Малфоя так просто не подловишь — это не Крэбб с Гойлом... Осторожный, гад... Надо будет всё как следует продумать и рассчитать. Завтра расскажем Гермione, а сейчас — давай спать, утро вечера мудренее. Я уже вообще ничего не соображаю.

— Кстати, о Гермione, — Гарри был готов поклясться, что Рон ехидно прищурился, — я смотрю, у вас с ней всё просто чудесно.

— Угу, — выдавил Гарри, поймав себя на мысли, что данный вопрос кажется ему неприемлемым для обсуждения даже с лучшим другом. Рон деликатно не стал развивать тему, хотя и продолжил неделикатно ухмыляться и хмыкать. Гарри почувствовал, как краснеет, и возблагодарил небеса, что в комнате достаточно темно, дабы Рон этого не заметил. — Спокойной ночи, — буркнул он, испытывая странное раздражение, завопил в кровати и устроился поудобнее.

— Так слушай, я тебе не дорассказал про моего соседа, — донёсся полный энтузиазма шёпот с соседней кровати.

— Угу, — снова пробормотал Гарри и уснул, едва услышав первые слова очередной занимательной истории будней клиники Св. Мунго.

И сам сон, и возвращение к яви были худшими из всех, что он испытал за последнее время.

Нескончаемый кошмар, с каждой ночью обретающий новые и всё более жизненные детали, и в этот раз не ушёл с пробуждением: едва вырвавшись из липкого чёрного плена сновидения, где он задыхался от ужаса, бессилия и охватившей всё тело боли, Гарри окунулся в темноту декабрьской ночи, где вокруг продолжали кружиться призраки, только что пытавшиеся растерзать и уничтожить его тело и разум. Но на этот раз их черты уже не смазывались, а голоса, крики и истошные вопли доносились раскатами далёкого грома или шумом невидимого прибоя; они отдавались в ушах, заставляя волосы вставать дыбом, голова полыхала болью, перед глазами плясали красные точки. Мелькали мёртвые безглазые лица, разрывающиеся криком рты — они не исчезали, закрывал юноша глаза или же открывал их. Гарри чувствовал, что мир сейчас взорвётся.

Он не понял, кричал он или нет — наверное, нет, если соседи по комнате продолжали безмятежно спать. Потянувшись дрожащей рукой к палочке, Гарри не смог найти не то что её, но даже прикроватную тумбочку — пространство издевалось над ним, предметы отпрыгивали и оказывались вовсе не там, где должны были находиться. Тело отказалось служить, мир вокруг ходил ходуном, как во время землетрясения или извержения вулкана.

Гарри показалось, что он сейчас умрёт, захлебнётся, словно тонущий в болотной жиже щенок. Он барахтался в этом бредовом полусне — полуяви, не в силах найти соломинку, за которую можно было бы зацепиться и выползти к свету.

— Помогите, помогите мне... — немеющими губами шептал он, вторя умоляющим и издевающимся воплям, но всё покрыл взорвавшийся в голове ледяной смех. Перед глазами полыхнули ввинчивающиеся в мозг огненные спирали. — Рон... Гермione... Сириус...

И, словно испугавшись этих слов, видение поблекло и притихло. Накрепко вцепившись в спасительные имена, Гарри твердил их снова и снова, и тоненькая соломинка становилась прочнее и крепче, превратившись в лестницу, которая вывела его из страшного кошмара в спальню, где царила тихая безлунная ночь.

Весь покрытый потом и гусиной кожей, он лежал плашмя на постели, не в силах

понять, ни где находится, ни что с ним происходит. Робко провёл рукой по кровати, ощутив ладонью тугую накрахмаленную простыню — Гарри бы сейчас не удивился, обнаружив, что проснулся не в том месте, в котором засыпал. Но справа по-прежнему посапывал Рон, а слева всхрапывал Дин Томас.

Гарри потянулся за очками и с трудом сел.

— Вот так чёрт, — дрожащим шёпотом произнёс он, как будто звук собственного голоса мог вернуть ему спокойствие и ощущение реальности происходящего. — Вот так чёрт... Как будто все кошмары мира решили свести меня с ума...

И в тот же миг он почувствовал новую волну паники и ужаса: Лики Страха, убивают тех, кто слабее, и сводят с ума сильных. Кошмары преследуют во сне, а, вырываясь на свободу, уничтожают разум и убивают самой страшной смертью, какую только можно представить.

Гарри стало жутко — словно доктор только что сообщил ему смертельный диагноз. Почти так же, как в подземелье, когда Страж навалился на него всем телом. Но тот хотя бы обладал плотью, которое — так или иначе — можно было попробовать уничтожить. То же, что витало вокруг него сейчас, не было материальным; оно не имело тела и формы, казалось всепроникающим и всепоглощающим. Квинтэссенцией страха, раз от раза становящейся всё сильнее. И неуправляемее.

Вытащив из-под матраса книгу по Рукотворным монстрам, Гарри торопливо зашуршал листами, подсвечивая себе палочкой.

Лики Страха... — он в отчаянии застонал: вместо нужного раздела были лишь размахившиеся клочья. Кто-то вырвал полсотни страниц.

Гарри начал лихорадочно соображать:

Ещё пара таких ночей, и я наверняка свихнусь. А сколько я смогу не спать? Ну, два дня от силы. Может быть три. Или нет — даже неделю, если попросить у мадам Помфри Бодрствующих Пилюль. А потом? Сколько я протяну, если мне будут сниться такие кошмары?

...Хогвартс находился в осаде...

Ну, конечно!

Гарри подскочил и метнулся к окну. В крошечном окошечке избушки Хагрида, невидимой в беспросветной мгле зимней ночи, теплился неяркий огонёк: лесничий не спал. Дождаться утра не было ни смысла, ни желания; Гарри начал лихорадочно одеваться: до рассвета ещё далеко, но даже мысль о том, чтобы вернуться в постель, казалась абсурдом. Как можно бесшумнее прокравшись по сумрачным коридорам, наполненным сонным бормотанием портретов да поскрипыванием доспехов, юноша выскользнул из замка.

Уже дышащая предчувствием Рождества морозная звёздная ночь тут же вцепилась в него, от холода перехватило дыхание. Склонившись под колючим ветром, изо всех сил кутаясь в тёплый плащ и придерживая накинутую поверх мантию-невидимку, Гарри пересёк поле, хрустя настом — настолько плотным, что тот выдерживал его вес.

Клык откликнулся на стук истерическим лаем, от которого закладывало уши и, как показалось Гарри, должны были проснуться все обитатели Хогвартса.

— Хагрид, это я, Хагрид! — крикнул юноша, барабанив в дверь и стараясь переорать заходящегося лаем пса. — Пожалуйста, открой, это срочно!

— Срочно, говоришь? — заставив подскочить от неожиданности, раздался знакомый бас за плечом. — Похоже, очень, коль ты нарушил все существующие правила... Ну, что стоишь — заходи, Гарри, пока не замёрз до смерти... Ну-ка, где тут заветная бутылка: экая в лесу холодища...

Жёлтый свет, заливший занесённое снегом и покрытое наледью крыльцо, выхва-

тил из темноты раскрасневшегося лесничего с поседевшей от инея окладистой бородой и мелко подрагивающее от холода существо, с которым Гарри прежде встречаться не доводилось. В доме, когда оно, глухо цокая копытами по дощатому полу, доковыляло до кресла, Гарри рассмотрел его лучше: похожее до пояса на сильно заросшего рыжей курчавой шерстью мужчину среднего роста и средних же лет (если не обращать внимания на аккуратные витые рожки на лбу и заострённые уши), нижнюю часть оно имело козлиную: покрытую плотной коричневой шерстью, с хвостом и раздвоенными копытами.

Сатир, — сообразил Гарри. Он читал про них в книгах, но живьём не встречал, а потому даже не знал, как и на каком языке к ним принято обращаться. Вежливо поклонившись и получив в ответ кивок и задиристый взгляд, Гарри опустил на табуретку и принял из рук Хагрида чашку обжигающего мятного чая.

В камине гудел огонь, трещали дрова, в углу на подстилке Клык мокро обсасывал огромную кость (Гарри строил о её происхождении самые мрачные предположения), Хагрид что-то негромко сказал своему загадочному гостю, который казался настолько замёрзшим, что от одного взгляда на него по спине Гарри начинали бегать мурашки. Достав из кладовки огромную бутылку с мутно-зелёной жидкостью, лесничий наполнил две высоких глиняных кружки, и, едва они с сатиром сделали по глотку, как от них повалил пар, а лица немедленно приобрели свекольный оттенок.

— Хагрид, старина, — ещё раз приложившись к кружке, заметил сатир, — твоя гиппогрифова настойка стала куда лучше. И от неё уже не так воняет навозом... А уж - согревает просто отменно...

Гарри вздрогнул и уставился на сатира: тот шмыгнул длинным подвижным носом, подмигнул и снова воззрился на лесничего.

— Зачем потчуеть своего юного приятеля всякой гадостью? Просто какая-то моча кентавра. Плеснул бы ему... как настоящему мужчине, — и сатир стрельнул хитрыми в рыжую искорку глазами в сторону юноши.

— Нет, Диофан, ему это пить рановато, — выдохнув клуб зеленоватого пара, возразил Хагрид, приступив к расстёгиванию своей кротовьей накидки. — К тому же, надо иметь крепкий желудок, иначе придётся провести пару дней в обнимку с ведром, — они с сатиром рассмеялись одним им ведомой шутке.

Гарри глотнул чая и вяло улыбнулся за компанию, начиная чувствовать некоторое раздражение: Хагрид, наверное, должен понимать, что, коли он, Гарри, прибежал в сторожку в пять утра, на то были экстраординарные причины. Почему же лесничий не пытается ничего разузнать, а делает вид, что занят своими делами?

Тем временем, хозяин с гостем погрузились в негромкий разговор, из которого до Гарри доносились лишь отдельные слова да блеющие смешки Диофана, беззастенчиво рассматривающего гриффиндорца блестящими нахальными глазами.

— Хагрид, я бы хотел кое о чём тебя расспросить, — не выдержав, перебил их - Гарри, громко поставив чашку на стол. Лесничий и сатир умолкли, уставившись на него так, словно только что заметили его присутствие. — Ты ведь учился в Хогвартсе во время той войны, да?

Хагрид нахмурился, чёрные глаза забегали по комнате, не желая встречаться со взглядом Гарри. Тот знал, что эта тема другу неприятна, но отступать не собирался:

— Я узнал, что во время войны с Гриндевальдом Хогвартс был окружён Ликами Страха... Не мог бы ты мне рассказать о них?

— Кхм... — замялся Хагрид, пристально рассматривая гору валяющихся в углу инструментов, среди которых виднелось несколько топоров разных размеров и большая двуручная пила, покрытая ржавчиной, словно лишаём, — тут такое дело, Гарри... Это долгий разговор, — он явно сказал первое, что пришло ему в голову, —

а нам с Диофаном надо закончить работу по утеплению домов для этих... наяд... и для нимф тоже...

— Но Хагрид! — протестующе воскликнул Гарри, вскакивая на ноги. — Мне действительно это очень нужно! Потому-то я и пришёл сюда... Это срочно.

С явным неудовольствием на лице Хагрид поднялся и начал придирчиво изучать большим пальцем остроту одного из топоров. Гарри, затаив дыхание, ждал.

— В общем, такое дело... — откашлявшись, начал лесничий, — я сам немного об этом знаю, да нам, студентам, особо про это и не рассказывали... Словом, Лик Страха — это что-то типа богарта, только вот тела своего он не имеет и смехом его не победить. Да и пострашнее он будет во сто крат. Помнится, ходили слухи, что кто-то из студентов пытался в одиночку сразиться с осадившими замок, ну, и забрёл, на свою беду, в глубь Запретного Леса, где на него эта штука и напала... В общем, нашли бедолагу через неделю — полуживого, несущего какую-то околесицу — что, дескать, ему нельзя давать спать, потому как мерещится всякая дрянь во сне и наяву. Он кричал по ночам, бился... Пока поняли, что к чему, пока разобрались, уж поздно было: тогдашний фельдшер вкатил ему успокоительного со снотворным... — Хагрид вздохнул и, в очередной раз проведя пальцем по лезвию, наконец-то порезался. — Ведь времечко тогда, ох, какое беспокойное было — куда там какой-то перепуганный третьекурсник... Наутро у него разум помутился — он начал кричать, корчиться, гоняться за невидимыми врагами и спрыгнул с одной из башен. Потом ещё ходили слухи про какую-то студентку, наложившую на себя Непоправимое проклятье... Но меня тогда в школе уже не было. Вот и всё.

— Всё? — разочарованно протянул Гарри.

Хагрид с Диофаном переглянулись, и лесничий виновато пожал плечами.

— Это всё, что я знаю...

— А вы? — гриффиндорец развернулся к сатиру.

Тот протянул руку, покрытую густыми кучерявыми волосами, и Хагрид плеснул в его кружку очередную порцию мутного зелёного пойла.

— Кому же, как не мне, знать об этом все подробности?.. — шершавым негромким голосом откликнулся сатир и лукаво ухмыльнулся в бородку.

Гарри поднял на него умоляющий взгляд:

— Прошу вас...

— С превеликим удовольствием, — Диофан вальяжно раскинулся в кресле и почесал круглое пузцо, кучерявая шерсть на котором была чуть светлее, чем на спине и руках, — но надо сначала договориться о цене.

— О какой цене? — опешил Гарри.

— Как о какой? — удивлённо приподнял брови Диофан, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся. — Тебе ведь нужна информация о том, кто такие Лики Страха и как с ними совладать, верно? А мне не помешал бы тёплый плащ: зима нынче уж больно суровая — в такую погоду хороший хозяин и мантикраба из дому не выгонит...

— Конечно-конечно, — Гарри с готовностью стянул с плеч чёрный плащ с эмблемой факультета и протянул его сатиру, который проинспектировал плотность и качество сукна и довольно хмыкнул.

Хагрид кашлянул и укоризненно покачал головой.

— А что такого? — тут же возмущённо вскинулся сатир, потрянув кучерявой бородкой. — По нашим правилам, всё должно строиться на честном обмане... тьфу, обмене. А ему ты дашь что-нибудь накинуть на обратном пути, да и до замка недалеко. Так вот, юный Гарри Поттер, слушай... — Гарри вздрогнул: Хагрид не представлял их с Диофаном друг другу, но тот, определённо, знал, с кем имеет дело. — Я тогда,

конечно, совсем юнцом был, мало чего понимал и запоминал, но старшие друзья рассказывали, что Лики Страха были выведены одним из приближённых Гриндевальда — имя его осталось неизвестным, стёртым с лица земли вместе с его бренным телом: уж больно Гриндевальд не любил, когда его в чём-то превосходили. Существа эти вечно голодны и вливаются в первого, кто попадётся им на пути, если он не защищён особыми чарами и, — сатир ухмыльнулся, — обладает душой. Сначала жертва не чувствует почти ничего — разве что ночные кошмары начинают досаждать чуть чаще. Присосавшись к душе, Лики кормятся человеческими страхами, многократно усиливая их сначала в снах, а потом, набравшись сил, перешагивают границу между сном и явью и переносят эти кошмары в реальность. Рождённый людьми недолго способен сопротивляться натиску смертельного ужаса, не дающего покоя ни днём, ни ночью: рано или поздно, он лишается рассудка, сходит с ума во сне или наяву... И погибает.

Диофан прервался и сделал ещё один задумчивый глоток. Гарри, вздрогнув от гулкого булька, с каким жидкость переместилась из стакана в глоток сатира, перевёл глаза на Хагрида. Лесничий застыл посреди сторожки, не сводя с юноши глаз, наполненных откровенным ужасом. Хрипло откашлявшись, сатир продолжил:

— Противостоять Ликам способны немногие сильные духом — такие, например, как мы. Или, — сатир брюзгливо хмыкнул, — эти снобы-кентавры, вечно задирающие нос и строящие из себя небожителей, словно четыре ноги и отсутствие рогов дают им перед нами весомое преимущество — дескать, конь козе не товарищ, — сатир нахмурился и почесал одним копытом другое. — Поговаривают, что под землёй остались места, где Лики Страха бродят и стенают в поисках новых жертв — могу себе представить, как они проголодались за полвека! Давным-давно нимфы шептались, что они водятся даже здесь, в нашем лесу — в самой чаще. Правда, лично я не встречал, так что — за кнат купил, за кнат и продаю.

— А... а как их можно победить? — с трудом сглотнув комок в горле, спросил Гарри и сам поразился, насколько неуверенно прозвучал его голос.

— О, интересный вопрос... — сатир приподнял густую рыжую бровь и протянул руку к полосатому шарфу Гарри. Гриффиндорец послушно стянул его с шеи. — Это не так просто: надо научиться контролировать свой сон и не допускать в него страх. Только не давая возможности Лику Страха поработить тебя, ты можешь сохранить свои силы и разум. Уничтожишь его во сне — освободишься. Избавишься от страха — победишь. Воля и самоконтроль, — сатир назидательно погрозил Гарри узловатым пальцем с заострённым ногтем и уткнулся носом в полосатый шарф, шумно и часто, по-звериному, принюхиваясь.

— Но как, как его уничтожить?

Диофан критически оглядел Гарри с головы до ног и решительно ткнул пальцем в брюки. Юноша оторопело взялся за пряжку ремня и замер: под ними была лишь тонкая пижама, а за подёрнутым инеем окном стоял нешуточный мороз.

— Э, Диофан, это уже излишне, обмен-обменом, но как же Гарри доберётся до замка без штанов? — пробурчал Хагрид, впрочем, не особо уверенно.

— А как я без них хожу всю жизнь? — сварливо откликнулся сатир. — Позавчера, присев на пенёк поиграть на флейте, я примёрз и теперь у меня на задугнусная проплешина, над которой смеётся всё стадо! Не говоря о том, что шалуни-нимфы постоянно дразнят меня “козлоногом” и норовят дёрнуть за хвостик — у меня там уже скоро мозоль будет! Снимай-снимай, — нетерпеливо поторопил он Гарри, — а то больше ни слова не скажу.

Гарри вопросительно покосился на Хагрида, но тот лишь бессильно развёл руками: и правда, не скажет. Послушно расстегнул пуговицы и, вывернув и опустошив

карманы, юноша подал брюки Диофану, прикидывая, хватит ли у него вещей для обмена и что сатир может пожелать за следующую порцию сведений. Он был готов расстаться со всем, включая трусы и ботинки, за исключением двух вещей: отцовской мантии-невидимки и волшебного ножа — подарка Сириуса. Диофан, внимательно проследив за процессом и завистливо прищурившись на ножик, серебристо сверкнувший у Гарри в руке, мгновенно натянул брюки. Потом накинул сверху плащ, обвязался шарфом и критически изучил своё отражение в огромном пузатом чайнике.

— Совсем другое дело, — довольно кивнул он и, процокав к столу, плеснул в свою кружку очередную порцию настойки. Вид тяжёлых раздвоенных копыт, торчащих из штанин его собственных брюк, вызвал у Гарри лёгкую оторопь и нервный смешок. — Так вот, — сделав пару глотков, Диофан пошарил под мантией и извлёк откуда-то⁶ коротенькую деревянную трубочку. Щёлкнув пальцами, прикурил и со вкусом затянулся. — Ты должен победить все свои страхи — сначала наяву. Затем должен научиться контролировать сновидения, и вот тогда ты найдёшь во сне дверь, откуда Лик вторгается в твой разум. Преодолев страхи, ты сможешь уничтожить Лик, вышвырнуть его из своего сна и сознания, оторвать от души. Только и всего, — он запрокинул голову, раздул и без того широкие ноздри и выпустил к потолку две мощных струи зеленоватого дыма. В избушке едко запахло навозом и какими-то корешками. Сатир зашёлся хриплым кашлем.

— Только и всего?! Мерлинова борода! — мрачно грохнул Хагрид. — Это же... как её там... техника контроля сновидений! Она же не каждому магу доступна!

Диофан самозабвенно перхал.

— Хрипунец — утренний кашель курильщика, — наконец-то откашлявшись и утерев волосатой рукой слёзы с глаз, пояснил он, как ни в чём не бывало. Потом выпустил ещё одно облачко дыма, махнул на него рукой, и оно обратилось в соблазнительно изогнувшуюся нимфу. Не меняя голоса, он продолжил, — когда речь идёт о жизни и смерти, люди способны на многое. Кому, как не Гарри, этого не знать... Кстати, есть даже специальные книги... — обшарив Гарри плотоядным взглядом, Диофан решительно ткнул пальцем в ножик Сириуса.

Гарри замотал головой.

— Я не могу это отдать. Это подарок моего крёстного.

— Тогда это, — сатир указал на радужно переливающуюся на коленях мантию невидимку.

— Это оставил мне отец! — Гарри инстинктивно прижал мантию к груди, словно кто-то пытался выхватить и утащить её прямо сейчас, у него на глазах.

— Как знаешь, — с деланным равнодушием пожал плечами сатир и отвернулся, — ну-с, Хагрид, в любом случае, нам уже пора: ночь уже заканчивается, а мы собирались всё спроворить до рассвета... — и, не успев Гарри открыть рот, как, подхватив на плечо тяжёлый топор, он направился к двери, гулко топая копытами и шелестя мантией. — Если изменишь своё мнение, дружок, Хагрид знает, где меня искать...

— Оно и правда — нам пора, Гарри, — чуть виновато кивнул Хагрид, — да и тебе самое время вернуться в замок, пока никто не хватился и не заметил твоего отсутствия. Держи-ка... — Хагрид турнул Клыка и поднял с пола то, на чём тот лежал. — Завернись, а то простынешь по дороге.

— Нет, спасибо, тут недалеко, я так добегу, — Гарри было страшно даже коснуться *этого*. Судя по виду, самое меньше, на что он мог рассчитывать, надев на себя нечто лохматое и грязное, — это чесотка. Нет, пожалуй, чесоткой он бы вряд ли отделался. Скорее, проказа. — Спасибо Хагрид, Диофан — вы мне очень помогли, — вполне искренне добавил юноша и следом за лесничим и сатиром вышел на крыльцо, тут же задохнувшись от вцепившегося в почти голое тело мороза. — Я, пожалуй,

побегу...

И, завернувшись в мантию-невидимку, он со всех ног рванул в сторону школы, надеясь, что доберётся до дверей раньше, чем превратится в сосульку, болтающуюся внутри полосатой пижамы.

* * *

— Дай поспать, астань... — бурчал Рон, даже не пытаясь разлепить глаза. — Астань, тебе говорят!..

— Р-рон, — клацая зубами от холода, Гарри тряс друга за плечи посиневшими от мороза руками, — п-просыпайся, ну, п-просыпайся же!

Но рыжеволосая голова болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы и, едва Гарри отпустил Уизли, тот тут же всхрапнул и сладко зачмокал губами. Поразмыслив, Гарри расстегнул пуговицу на пижаме и засунул ледяные ладони другу под мышки. Эффект превзошёл все ожидания: взревев, как больной слон, тот подскочил на кровати, вытаращив глаза и судорожно размахивая руками. Гарри едва успел пригнуться, когда над его головой просвистел второй кулак. От первого он увернуться не успел.

— Сдурел?!

Гарри потребовалось битых пять минут, чтобы утихомирить разбушевавшегося Рона и пробормотать несколько извинительных фраз проснувшимся от истошного вопля соседям. Что-то пробурчав про многочисленную уизлевскую родню и пообещав при повторении ора повыдергать ноги всем, до кого сумеют дотянуться, Дин, Симус и Невилл рухнули обратно на свои кровати и через миг снова дружно засопели.

Ещё четверть часа потребовалось, чтобы вкратце всё объяснить Рону, уже слегка очухавшемуся от крепкого утреннего сна.

А ещё через пять минут, пробравшись на цыпочках на девчоночью половину, они топтались под дверью в комнату Гермионы.

Заспанная, с отпечатком подушки на щеке и заплетёнными в тугую косу волосами, она сквозь приоткрытую дверь хмуро уставилась на друзей, но, едва разглядев в темноте выражения на лицах, тут же впустила Гарри и Рона в свою комнату.

Через полчаса они дружно корпели над книгами: Гарри выписывал рецепт Veritaserum из Сильнейших Зелий (*Вы в курсе, что эта штука готовится почти месяц?* — ахнул он. — *Значит, только после Рождества...*), а Рон и Гермиона сосредоточенно листали “Творческий сон” Патрисии Гартфилд и “Проекцию астрального тела” Мульдона. Тишину в комнате нарушали только шуршание страниц да поскрипывание пёрышка.

— Смотри-ка, это не подойдёт? — Рон качнулся к Гермионе и двинул к ней книгу. — Так-так, вот тут: “Овладение, даже однократное и поверхностное, контролем в сновидении навсегда устраняет кошмары и создает абсолютную неуязвимость сновидца...”

— Умница, Рон! — восторженно прошептала Гермиона и, несмотря на активное сопротивление, чмокнула Рона в рыжий вихрастый висок.

— Не, ты лучше отпусти, — покосившись на Гарри, на звук поднявшего голову, хмыкнул он, — а то меня сейчас кое-кто прибьёт на месте. Эй, приятель, иди сюда, похоже, это то, что тебе нужно...

Чувствуя, как от волнения и предчувствия сердце стучит где-то в горле, Гарри преодолел завалы громоздящихся на полу книг и через плечо Рона склонился над страницей.

Украшенные завитушками буквы гласили:

Учитесь владеть “телом сновидения” — это не так просто...

Сердце Гарри ёкнуло в груди. Кажется, именно об этом толковал сатир. Ну, или

почти об этом.

Если во сне вам встретятся некие существа, они могут стать вашими проводниками в закрытые области. Но, прежде всего, необходимо убедиться, что Вы сохраняете контроль... Если же ваш спутник — нежеланный гость...

— Гарри, не волнуйся, если надо, я всё для тебя выпишу, — заторопилась Гермиона, освобождая юноше место у стола, — запомни: главное — это имя, — она отчеркнула ногтём пару строк и подтолкнула книгу к Гарри, который тут же вцепился в неё с отчаянием утопающего. — Смотри: он должен назваться. Сказать, откуда прибыл и кто его послал. Тогда ты сможешь ему приказывать, например, выгнать или наслать на своего недруга... Тут, вроде бы, всё понятно... Кстати, а как быть со страхами? — заправив за ухо выбившуюся из косы прядку, Гермиона сосредоточенно нахмурилась и с видом строгой учительницы указала на Гарри пером. — Давай всё подробно разберём. Итак, чего конкретно ты боишься — давай по порядку, — Рон чуть слышно шикнул на неё и дёрнул за руку. Девушка тут же осеклась и смешалась. — А чего я такого спросила?

Но Гарри, похоже, не заметил разногласий в стане друзей.

— Чего я боюсь... — он поднял голову от “Творческого сна” и взглянул на склонившихся над ним Рона и Гермиону. Пламя стоящей на столе свечи заливало их лица живым, тёплым светом, расплывчатые тени меланхолично покачивались на стене. Юноша вздохнул, и капля огня вздрогнула и съёжилась. Тени испуганно заметались по всей комнате. — Хорошо. Я... я скажу. Я попробую.

— Просто, когда говоришь о страхе, тем самым разрушаешь его... — покосившись на Рона, робко попыталась оправдаться Гермиона и тут же сжалась в комочек под сердитым взглядом:

— Так думают только болтливые девчонки! Парни о страхах трепаться не станут. Или станут? — тихо добавил Рон, удивлённо покосившись на Гарри.

Тот не слышал их препирательств: слепо глядя в одну точку, он о чём-то сосредоточенно думал. Друзья обменялись тревожными взглядами и застыли в гробовом молчании. Наконец, глубоко вздохнув — словно входя в холодную воду, Гарри заговорил, тихим, отчуждённым голосом:

— Наверное, я ужасный трус — оказывается, я боюсь столько вещей... — он невесело хмыкнул и начал машинально загибать уголки страниц лежащего перед ним тома.

Гермиона с мученическим выражением лица не сводила глаз с его пальцев, разрываясь между желанием немедленно прекратить надругательство над книгой и боязнью спугнуть Гарри: на её памяти он почти никогда не пускался в откровения такого рода. В конце концов, сделав над собой невероятное усилие, она оторвала взгляд от рук и пристально уставилась ему в лицо, хотя и продолжала нервно вздрагивать и морщиться от шороха и похрустывания страниц. Рон же, услышав слова Гарри, протестующе дёрнулся, но, пристально посмотрев на друга, проглотил возражения. Гарри нахмурился. Откинув с лица растрёпанные волосы, потёр лоб, словно у него болела голова. В полумраке шрам казался тонкой провололочкой, налипшей на кожу. Или же лёгким росчерком пера.

— Я боюсь потерять вас. Сириуса. Тебя, Рон. И тебя, Гермиона, — он повернул к девушке голову, их глаза встретились, и она вздрогнула от захлестнувших её мрачных предчувствий. — Не просто — потерять, а — ПОТЕРЯТЬ. Боюсь, что из-за меня с вами может что-то случиться, а я не смогу помочь; что Вольдеморт что-нибудь сделает с вами, потому что вы мои друзья. Что-нибудь ужасное, как с моими родителями, — нижняя губа Гарри дрогнула, он отчаянно закусил её и хмуро взглянул на друзей.

Встретившись с их серьёзными потемневшими взглядами, в которых не было ни капли унижительной жалости или праздного любопытства, юноша внезапно почувствовал, что из него словно выдернули пробку. То, что он годами скрывал и прятал в глубине души, о чём запрещал себе думать и говорить, рванулось наружу, сметая сомнение и стеснение. Он заговорил взахлёб, перескакивая с одного на другое и сваливая всё в одну кучу:

— Боюсь дурацких пророчеств и предсказаний о том, что я должен стать спасителем магического мира — ну, не чувствую я в себе этой силы, о которой твердят вокруг — мне кажется, что это какая-то ошибка, но обнаружится она, когда будет слишком поздно; боюсь дементоров и того, что снова услышу крики родителей и не смогу с собой совладать; боюсь лишиться волшебного мира — проснуться однажды утром и обнаружить, что всё это был только сон, а я — воспитанник интерната Святого Брутуса; боюсь лишиться способности колдовать; боюсь, что меня за какую-нибудь провинность выгонят из Хогвартса, и тогда придётся вернуться на Привет-драйв к Дурслям — ну нет: лучше тогда уж сразу лишиться и памяти; боюсь во время матча проворонить снитч и подвести команду...

Гарри говорил и говорил, пока не почувствовал, что выложил всё, что так долго томилось на душе. Он опустошённо замолчал и уставился на друзей. Те оторопело смотрели в ответ.

Первой пришла в себя Гермиона.

— О, Гарри... — она всплеснула руками. От того, чтобы погладить Гарри по голове её удержал только неожиданно строгий взгляд Рона. — Я... я так тебя понимаю!

Она призывно покосилась на Рона, приглашая и его что-нибудь сказать, но тот молчал, покусывая ноготь на указательном пальце и тревожно-уважительно глядя на Гарри.

Поколебавшись, она продолжила — осторожно, будто ступая на тонкий лёд:

— Знаешь, мне кажется, у человека должны быть страхи — ведь, если их нет, значит, он либо сумасшедший, либо... — она безуспешно попыталась подобрать слово и, сделав неопределённый жест рукой, продолжила, — жизнь и счастье близких, друзей — кто из нас за это не боится?.. Знаете, когда мы с вами поссорились, мне снилось, что я потеряла вас навсегда — о, это было ужасно, самый страшный сон в моей жизни! А ещё мне всё время кажется, что, если я не буду лучшей во всём, то... — она испуганно понизила голос, — для меня всё разом кончится. Навсегда. И мне придётся вернуться домой, выучиться на стоматолога и до конца жизни лечить маглам зубы... Пойдите-ка! — метнувшись к одной из книжных полок, Гермиона начала торопливо перебирать книги, украдкой вытирая глаза и задыхаясь от волнения и переполнявших её чувств. — Сейчас-сейчас, у меня тут что-то было... Ах, вот же! Тут есть замечательные советы...

Со взволнованно-робкой улыбкой девушка обернулась, держа в руках небольшую книжку в бумажной обложке. В темноте не было видно имени автора, а из длинного названия угадывалось только что-то вроде “исцели себя сам” и “психология для всех”. Но, едва Гермиона подошла к столу, как была решительно перехвачена крепкой рукой Рона. Он сделал это, не отрывая взгляда от всё ещё ошеломлённого собственными словами Гарри; остановил её руку с книгой быстрым и ловким жестом — словно муху поймал.

— Да, дружище, верно: есть чего бояться, — неожиданно спокойным тоном заговорил Рон, словно обсуждалось нечто не более жизненно важное, чем предстоящие на следующей неделе контрольные по большинству предметов. — Но, в кои-то веки, я соглашусь с Гермионой: есть вещи, которых все боятся, и в этом нет ничего удивительного или постыдного. Наверное, тебе страшнее, чем многим, но на то мы и дру-

зья, чтобы помогать тебе, — так же, как ты помогаешь нам... — Рон почесал кончик своего длинного веснушчатого носа. — Знаешь, я думаю, не надо относиться к страхам слишком серьёзно, словно, кроме них, ничего больше и на свете-то нет — так ведь можно и свихнуться в два счёта... Наверное, надо принять их и просто жить, а? Мы же всегда тебе поможем... — он обвёл глазами друзей, словно искал подтверждения своих слов. Те задумчиво молчали. — Знаете, у меня тоже есть ужасный страх — ну, кроме пауков, — продолжил Рон, доверительно понизив голос, и Гарри с Гермионой, затаив дыхание, инстинктивно придвинулись к нему поближе, — словно я опаздываю на ужин, сбегая в Большой Зал — все поворачиваются ко мне — и тут я понимаю, что совершенно голый... А все на меня смотрят... смотрят... — и голос, и вид Рона были задумчиво-серьёзны, но в глазах прыгали весёлые искорки. Гарри прыснул от неожиданности и сразу почувствовал, как по телу разливается неимоверное облегчение — отражённые в кривом зеркале, страхи дрогнули и отступили, он не был с ними один на один — он почувствовал рядом надёжные плечи друзей. Теперь, когда всё то, что он так долго таил и прятал в себе, прозвучало, оно вдруг оказалось вовсе не таким уж непреодолимо-ужасным.

Гарри поднял взгляд: удивлённое улыбающееся лицо Гермионы, синие глаза Рона под вздёрнутыми рыжими бровями. Через миг он уже хохотал; надтреснутым баском ему вторил Рон, а Гермиона, выронившая книгу, зажимала рот рукой, чтобы не смеяться в полный голос. Они хохотали до слёз, позабыв про то, где находятся, наплевав на утренний час и царящую вокруг тишину.

Наконец, Рон перевёл дух:

— Слушай, Гарри, я тут подумал: а я, кажется, знаю, чего боится...

Но, не успел он закончить, как в комнате зазвучал резкий и строгий голос профессора Макгонагалл:

— Семь утра. Подъём!

Юноши подскочили, вытаращив от ужаса глаза, но Гермиона, прыснув, замахала на них руками, снова уронив книжку и едва не смахнув с подоконника кувшин, из которого она наливала себе воды:

— Это просто будильник, но вам, действительно, надо уходить: скоро все встанут, а я не хочу, чтобы по школе опять ходили слухи... — конец её фразы заглушил очередная взрыв хохота.

* * *

— Значит, так: у нас есть почти всё, — Гермиона проинспектировала стоящие перед ней флаконы, склянки и коробочки. — Осталось добыть только это и это, — она ткнула кончиком орлиного пера в помятый пергамент с выведенным рукой Гарри длинным списком компонентов для приготовления зелья Правды. — Так, ну, положим, рог единорога добавляется перед самым окончанием, так что главное сейчас — это порошок языка дракона... И сделать всё надо побыстрее: приближаются рождественские каникулы, а мы из замка, кажется, уезжаем, да, Рон? — тот молча кивнул в ответ. — Так что основные манипуляции необходимо провести в ближайшую неделю.

Она запаковала ингредиенты в большую коробку, наложила на неё запирающие чары и спрятала за унитаз самой дальней кабинки туалета Плаксы Миртл.

— И какие будут предложения? — поинтересовался Рон, устроившись на треснувшей, заляпанной ржавыми подтёками раковине.

— У нас не так много вариантов, — Гермиона как следует заперла кабинку и развернулась. Туалет Плаксы Миртл в зимних сумерках казался ещё более мрачным и унылым, чем обычно: закислое лужи на каменном полу, битые раковины, перекошенные дверки кабинок со свисающими лохмотьями отсыревшей краски, треснутое

мутное зеркало, от холода и сырости давно потерявшее голос. И заливающий всё это великолепие тусклый свет одинокого факела в проржавевшей скобе на стене. Самой хозяйки не было — Миртл не так давно переселилась в ванную преподавательского крыла. Как шепнул Рону Почти-Безголовый-Ник, *воспылала безудержной страстью* к Виктору Круму, *брутальное обаяние* которого *тронуло нежное исстрадавшееся сердце*. — Такие редкие и ценные вещества могут быть только у Снейпа и Крума. Снова придётся лезть в личные запасы преподавателей.

— Тогда голосую за Крума, — вскинулся Рон. — Шутить на уроках Снейпа в преддверии полугодовой контрольной и С.О.В. — это чревато. Я не самоубийца: он порвёт нас как Хагрид — мокрую газету.

Гермиона чуть нахмурилась, но возражать не стала.

— А ты что скажешь, Гарри?

Но Гарри не ответил: двое суток без сна совершенно его измучили, он уснул, где сидел, — привалившись головой к косяку деревянной кабинки.

— Эй, Гарри! — повысил голос Рон.

— Постой, — остановила его Гермиона, — мне кажется, не надо его будить. Если сейчас ему приснится кошмар, то мы рядом и в любой момент сумеем всё прекратить. А может, обойдётся, и тогда он просто поспит... — она с состраданием взглянула на измученное бледное лицо и синие круги под глазами, которых не скрывали даже очки.

Рон пожал плечами.

— Ладно. Буду учить уроки в туалете: это внесёт пикантную нотку в рутинный и однообразный процесс, — он хмыкнул и, пристроив на колени сумку, углубился в учебник по Трансфигурации: Макгонагалл обещала завтра провести тестирование по всему материалу, пройденному в первом семестре.

Гермиона наклонилась к Гарри и прислушалась к его дыханию — ровному и спокойному. Свернув свою мантию, осторожно подсунула под голову — юноша не шелохнулся. Вздохнув с облегчением, она, опустив крышку сиденья, устроилась по близости на покосившемся унитаза и занялась расчётами по Нумерологии.

— Слушай, Гермиона, — примерно через полчаса заметил Рон, который, к своему собственному удивлению, сумел разобраться с переносом энергии и вещества в процессе трансфигурации гуся в салатницу, — боюсь, что, с учётом того, сколько он не спал, процесс может затянуться. Не то, чтобы я возражал, — он тут же пошёл на попятный, встретившись с её сердитым взглядом, — просто с Трансфигурацией я разобрался, а больше у меня с собой ничего нет.

— Надо же, как благотворно действует на тебя обстановка. Пожалуй, ради такого дела можно ввести это в традицию, — фыркнув, Гермиона извлекла из недр своей сумки, на которую, как подозревал Рон, наложила Расширяющие Чары, два увесистых тома — каждый толщиной примерно с кирпич. — Держи. Пергамент, надеюсь, у тебя есть? Снейп велел к послезавтра написать три фута по снотворным зельям. Забыл?

— Про него забудешь, — пробурчал Рон и передёрнулся: во время последнего взыскания, когда за пролитую на стол желчь летучей мыши профессор заставил его остаться после уроков и до блеска надраить все прокопчённые лабораторные котлы (*Мистер Уизли, вы должны видеть в его стенке своё отражение — до последней, с позволения сказать, веснушки!*), он бросил взгляд на флаконы с отвратительным содержимым, красовавшиеся на полках. И чуть не заорал от неожиданности: в одном из них завоzilось что-то склизкое и серо-розовое. И посмотрело на Рона сквозь мутное запылившееся стекло фиолетовым глазом. При этом омерзительном воспоминании тошнота опять подкатила к горлу.

Рон тряхнул головой и решительно взялся за перо, но, едва успел написать пару дюймов, как его отвлек шорох со стороны Гермионы. Подняв голову, он увидел, что она поднялась со своего фарфорового трона и в упор смотрит на Гарри.

— Кажется, началось...

Лицо Гарри, и без того бледное, побледнело ещё больше. Теперь он чуть заметно качал головой и постанывал сквозь стиснутые зубы. Дыхание стало неровным и прерывистым, на лбу выступила испарина.

— Смотри, — испуганно шепнул Рон, указывая на его руки. Те были напряжены до предела, пальцы судорожно сжимались и разжимались, словно силились что-то схватить. Он стонал всё громче и протяжней — теперь это напоминало надрывное сухое рыдание.

От этого звука волосы на голове Гермионы встали дыбом, она потянулась к нему, чтобы разбудить.

— Постой, — схватил её за руку Рон, — а если попробовать как-нибудь помочь? Подсказать ему, что именно надо делать?

— Как?

— Ну, это ты у нас отличница — ты и думай...

Помедлив секунду, Гермиона склонилась к уху Гарри и начала отчётливо и медленно шептать:

— Имя... спроси... его... имя...

Сначала ничего не произошло. Потом вдруг морщины на лбу Гарри разгладились, и стоны прекратились. Гермиона и Рон переглянулись.

— Как думаешь, спросил?

Рон пожал плечами и наклонился ко второму уху:

— Спроси, кто его послал.

Лицо Гарри оставалось спокойным, но дыхание было частым и поверхностным. Брови чуть заметно сдвинулись. Крепко сжатые кулаки лежали на коленях.

Друзья снова переглянулись.

— А теперь отправь его к тому, кто его послал! — не выдержав, в полный голос воскликнула Гермиона. Звонкий голос эхом отозвался под отсыревшим потолком, теряющимся в темноте над головами.

Голова юноши запрокинулась, тело выгнулось дугой, он заскрипел зубами, вскрикнул и проснулся, задыхаясь и ошеломлённо глядя по сторонам.

В этот самый миг худой и бледный колдун, спешащий в наступающих сумерках по занесённой снегом улице, схватился за горло, захрипел и упал замертво. Сопровождавшая его толстая ведьма в пёстром плаще взглянула своему спутнику в лицо и истошно заголосила.

— Пить... — с трудом поднявшись на ноги, Гарри добрёл до раковины и сунул голову под кран. — Это... это опять было. Они хотели, чтобы я сделал... о, совершенно жуткие вещи. А потом... — Гарри замолчал и с подозрением обвёл взглядом лица друзей. — Это ведь вы сделали, да? Я будто вспомнил всё, о чём читал, и смог приказывать ему. И я приказал... — он кашлянул и чуть слышно закончил, — вернуться к тому, кто натравил его на меня...

— И?!

— Я не знаю. Всё вокруг взорвалось, и я проснулся...

— А тот, ну... кто наслал Лик на тебя?..

Гарри пожал плечами.

— Не знаю... Это было так необычно: сначала всё кружилось, кричало, а потом кошмар вдруг замер — знаете, как бывает, когда нажмёшь на пульте “паузу”... — Рон растерянно вытаращил глаза, а Гермиона понятливо закивала, — и я вдруг почув-

ствовал странную силу. Внутри распахнулась какая-то дверь... я стал ветром... или чем-то в этом роде. Я просто толкнул всё прочь — и оно рухнуло, как карточный домик... И вспыхнуло огнём. Он... Лик... Мне кажется, он был очень зол...

— Надеюсь, тому, к кому он вернулся, не поздоровилось... — пробормотал Рон. — Хорошо бы это был... ну, в общем, вы поняли...

— Нет... я так не думаю, — покачал головой Гарри. — Когда Вольдеморт, — щека Рона непроизвольно дёрнулась, — что-то делает своими руками, я всегда это чувствую. Да и вряд ли мне удалось бы справиться так легко...

— В таком случае, мы узнаем подробности из завтрашних газет, — резонно заметила Гермиона. — В любом случае, если наш первый опыт оказался столь удачен... Я думаю, что пару ночей, пока ты спишь, рядом с тобой должен кто-нибудь дежурить. На случай повторения кошмара. Рон, перестань ухмыляться.

— А я что? Я — ничего. Просто гадаю по поводу этого “кого-нибудь”. Если ты намекаешь на то, что я должен буду сидеть у его постели ночи напролёт, шепча указания ему на ушко, то я против. Вдруг проснётся Дин или Симус — потом слухов не оберёшься...

— Да уж, не надо. Только этого мне не хватало, — вытаращил глаза Гарри и с надеждой обернулся к Гермионе.

Не меняясь в лице, та продолжила:

— Так, это мы обсудим позже, а теперь надо подумать, как пролезть в кабинет Крума. И боюсь, делать это придётся именно тебе, Рон...

— Ясное дело, — с деланой обречённостью буркнул Рон, глядя, как Гермиона расправляет на коленях карту Мародёров. — Скажи лучше напрямик, что хотите от меня избавиться, чтобы предаться тут порочным страстям.

— Порочным страстям? Тут? Не смей меня, — не моргнув глазом, саркастично парировала Гермиона, хотя заалевшие щёки выдали её смущение: Рону удалось-таки добиться своего. — Не думаю, что порочные страсти в таком окружении могли бы доставить хоть какое-либо удовольствие.

— Ну, я бы не стал говорить с такой убеждённостью: порочные страсти хороши в любом окружении, — округлил глаза Рон.

— Знаешь, Рон, я соглашусь с миссис Уизли: тесное общение с Фредом и Джорджем плохо на тебя влияет, — Гермиона строго повысила голос. — Мы с Гарри покараулим в коридоре и задержим тех, кто пойдёт, или предупредим тебя. Просто мне кажется, что сейчас Гарри не стоит поручать что-то сложное, он и так еле на ногах стоит. А я, — она внутренне передёрнулась, — к Круму в кабинет не полезу.

— Ладно, но прежде чем я отправлюсь совершать налёт... можно сказать, пойду на верную смерть, поясните мне, о какой такой штуке вы вели тут речь — а то я почувствовал себя полным дебилом. Культ... мульт...

— Пульт. Это такая штука, чтобы включать и выключать телевизор. Или видеоманитофон. Или стереосистему, — с готовностью отозвался Гарри. Они с Гермионой переглянулись и заулыбались.

— Ты как? — шепнула она.

— Порядок...

— Исчерпывающие объяснения. Главное — всё сразу стало предельно ясно, — хмыкнул Рон. — Ну, вперёд?

— Слушайте, я ведь забыл самое главное: спасибо вам, ребята, — пробормотал Гарри, когда они, убедившись, что в коридоре никого нет, выскользнули из туалета.

...Рон рылся в высоком шкафу в личном кабинете Крума. Скланки, банки, флаконы, фиалы, колбы, реторты, пробирки, коробки, коробочки, шкатулки... С бирочками на латыни, на болгарском, на английском, вообще без бирочек...

— Хоть бы знать, как эта штука должна выглядеть, — бормотал он себе под нос, чувствуя, как на него накатывает отчаяние. Он взмок от волнения, под мантией-невидимкой стало невыносимо жарко, несмотря на царящий в кабинете ледяной холод. — Что же делать?..

Откуда-то издалека донеслось жизнерадостное фальшивое завывание. По спине Рона стекла струйка холодного пота, ладони внезапно стали мокрыми и скользкими: к дверям кабинета, голая не слишком приличные слова на мотив рождественского гимна, приближался полтергейст Пивз. Времени было в обрез, и, взглянув на многочисленные колбы и флаконы, Рон начал просто сгребать их в сумку и рассовывать по карманам.

— Авось, среди прочих попадётся и то, что нужно...

Пивз, мурлыча себе под нос припев, просочился сквозь замочную скважину. Рон замер под мантией и затаил дыхание. Приблизившись к письменному столу, полтергейст, не обратив внимания на распахнутый шкаф, начал старательно замазывать жвачкой замочные скважины и выцарапывать на матовой поверхности столешницы непристойные слова. Сумка оттягивала Рону плечо. Он осторожно поправил её, стекляшки громыхнули... Пивз на мгновение замер и расплылся в сладострастной улыбке.

— Так-так... Что это у нас тут?.. Кто это у нас тут? Студентик-студентиска?

В этот миг Рона осенило. Тщательно прицелившись, он заклинанием вдребезги разбил стеклянную дверцу многострадального книжного шкафа в противоположном углу кабинета. Рулоны пергамента, книги, перья с грохотом повалились на пол. Пивз с радостным визгом рванулся туда, наслаждаясь хаосом и старательно его усугубляя. Гриффиндорец, тем временем, одним движением руки смёл в сумку оставшиеся флаконы, потуже завернулся в мантию, на цыпочках прокрался к двери и, положив руку на дверную ручку, обернулся. Пивз, повизгивая от удовольствия, бесновался над шкафом, расшвыривая пергаменты и заливая их чернилами. Прицельным заклинанием разбив напоследок стоящую под столом бутылку с прозрачной жидкостью, Рон выскользнул в коридор.

— Что там был за грохот? Ты нашёл то, что нужно? — накинулись на него дежурившие за углом Гарри и Гермиона.

— Бежим быстрее, — выдохнул Рон. Мантия-невидимка сползла, и его голова плавала в воздухе перед друзьями на высоте пяти с половиной футов. — Там Пивз. Надеюсь, что погром в кабинете и разграбление личных запасов профессора, — он громыхнул сумкой, — будут записаны на его счёт...

* * *

— Итак, господа, подготовительная работа завершена, — Люциус Малфой поднялся из-за стола и оглядел восседавшее перед ним почтенное собрание. Вопреки обыкновению, лица присутствующих не скрывались за чёрными капюшонами, и сейчас, когда эти люди сидели за столом, мирно переговаривались и сосредоточенно перебирали пергаменты, они походили не на наводящих ужас Пожирателей Смерти, а на мирных горожан, собравшихся ради обсуждения такого насущного вопроса, как подключение к Каминной Сети нового квартала или появление на Диагон-аллее сквера со столиками для игры в шахматы и плюй-камни. — Думаю, мы справились неплохо, хотя могли бы добиться большего. В частности, покончить с этим мальчишкой, — Малфой замолчал и выразительно покосился на сидящего рядом Петтигрю, барабанившего по столу пальцами металлической руки. Заметив воцарившуюся тишину, тот вздрогнул, покосился на Люциуса и прекратил своё занятие. — Подводя итог, могу сказать, что рождественский подарок для Дамблдора и прочих готов — думаю, он придётся по вкусу всем. Материалы в Пророке пойдут с завтрашнего дня — этот вопрос я решил, всё случится в канун Рождества. Таддеуш, спасибо за письма и массо-

вые выступления — отличная работа. В ближайшую неделю всё должно идти по нарастающей, можешь добавить отклики из Италии и фотографии стонающей семьи, — хмурый колдун с близко посаженными чёрными глазами кивнул.

— А не поздно? Это ведь не вчера случилось...

— Самое время. В совокупности с годовым отчётом клиники Св. Мунго и вставленной туда заметочкой об ужасной судьбе лишённого памяти студента и сыне Уизли, покалеченном во время школьного матча, — Малфой довольно хмыкнул, — думаю, это создаст подходящее настроение. Предпраздничное, — за столом раздались смешки, Люциус улыбнулся одной стороной рта, отчего показалось, будто его лицо свела судорога. — Неплохо бы организовать на Магической Волне пару передач, озвучить общественное мнение... Ты займёшься этим, — он кивнул одному из колдунов, и тот сделал пометочку в лежащем перед ним блокноте. — Итак, на следующем этапе нам надо решить вопрос с Министерством. Думаю, теперь это тоже будет не так уж и сложно...

— Вот как? — раздался гулкий бас с дальнего конца стола. Грузный, ещё не старый колдун со шрамом на щеке, выдающим бурное прошлое, поставил на стол кубок и вытер пухлые губы салфеткой. — А ты не забыл, что Министром Магии у нас по-прежнему остаётся Дамблдор?

— Пока остаётся, Эйвери, пока, — улыбнулся Малфой. — И потом — на посту Министра он доставит нам, как ни парадоксально, куда меньше хлопот, чем в роли директора Хогвартса: как официальное лицо он связан массой условностей, зависит от качества, достоверности и полноты поставляемой ему информации... Короля играет свита. А свита — рано или поздно — будет у нас под контролем. Она уже почти в наших руках. Хаммера я возьму на себя. Думаю, ты, Макнейр, на посту руководителя Гильдии Авроров будешь смотреться куда представительней, чем этот худосочный горлопан, — губы Люциуса изогнулись в тонкой улыбке. — Теперь Блэк и прочие...

— Люциус, позволь мне, — женщина с хищным лицом вскинула руку, — у меня с ним старые счёты.

— Желание дамы — закон, — Малфой галантно склонил серебристую голову. — Далее... Дементоры Азкабана ждут знака. Так что наши ряды скоро восстановятся, — Люциус скользнул взглядом по пустующим стульям. — Кстати, почему нет Милларда? Разве его не известили?

— Я собственноручно отправила ему сову сегодня утром, — прогудела бегемотоподобная усатая дама, вид которой не оставлял никаких сомнений, что Грегори Гойл является копией своей матушки. — Ума не приложу, что случилось, — он ответил, что непременно будет...

Люциус нахмурился и обвёл присутствующих пристальным взглядом, под которым многие заёрзали.

— Что касается зарубежных миссий...

— Маклайбер и Трэверс пишут, что переговоры продвигаются успешно, — подал голос Червехвост, протягивая стопку пергаментов и писем. Бегло просмотрев верхние, Малфой улыбнулся и кивнул.

— Румыния, Чехия, Дания, Германия — я так и знал... Во Франции надо усилить давление... Пожалуй, с мадам Максим побеседую сам, думаю, я найду способ заставить её пересмотреть свои взгляды. Как идёт вербовка рядовых членов?

Над столом повисла напряжённая тишина.

— Хм, Люциус, — Френсис Паркинсон смущённо почесал бровь и зашуршал разложенными на столе пергаменами. Он выглядел так, словно боялся подзатыльника: глаза всё время бегали, он оглядывалась назад, как бы говоря: «Вот сейчас и с-

тукнут... вот-вот сейчас... сами увидите”. — Я сразу сказал, что намеченные тобой сроки и цифры невыполнимы. На сегодняшний день есть только треть...

— Сроки и цифры намечены не мной, Френсис. Поэтому оправдываться ты будешь тоже не передо мной, — Малфой смерил Паркинсона тяжёлым взглядом, под которым тот съёжился и судорожно вздрогнул, словно наконец-то дождался затрепичины. — На твоём месте я предпочёл бы справиться с поставленной задачей. Исключительно из соображений безопасности. Твоей и твоих близких. Осталось решить вопрос с Поттером, и сделать это нужно ДО того, как я появлюсь в Хогвартсе, во избежание кривотолков и мутной волны слухов...

Над столом пронёсся гул, Пожиратели оживились:

— Подсыпать яду...

— По-нашему, по-простому: Авадой его!

— Можно задушить в коридорах...

— Заманить на Астрономическую башню и скинуть вниз...

— Зачем заманивать: Заклятье Подвластия, и он спрыгнет с неё сам.

Взмахом руки Люциус приказал всем умолкнуть.

— Если бы всё было так просто, сопляк давно был бы мёртв! И потом, он умеет сопротивляться Заклятью Imperius. Что касается Смертельного Проклятья: есть добровольцы? Кто-нибудь хочет на своей шкуре убедиться в живучести Поттера?

Воцарилась тишина. Желающих не оказалось.

— Мы должны всё сделать изящней, чтобы — ни живой, ни мёртвый — он не стал тем знаменем, под которым могли бы сплотиться наши враги — как это случилось той проклятой осенью пятнадцать лет назад! Должно быть нечто предельно глупое, банальное до неприличия...

Не дождавшись предложений, Люциус Малфой отвернулся и зашуршал пергамен-тами, ни на кого более не обращая внимания и тем самым давая понять, что собрание окончено. Поток людей в чёрных мантиях с накинутыми на голову капюшонами вытек сквозь дубовые двери. В зале задежались только трое.

— Хвост, осталось полторы недели. Это твой последний шанс. Проследи, чтобы всё было сделано филигранно. Несчастный случай. Травма, несовместимая с жизнью. Некролог в газете, я просто вижу его название: “Мальчик-Который-Выжил...” нет, вернее, “Мальчик-Который-Умер — нелепая случайность” или что-то подобное. Это станет последней каплей, после чего ключи от Хогвартса положат к нашим ногам. Более того — нас ещё будут умолять принять их. Господин велел, чтобы к началу открытого противостояния — если таковое всё-таки начнётся — и воспоминания о Поттере быльём поросли. Понятно?

Петтигрю угрюмо кивнул и мрачно поинтересовался:

— А почему не сделать это после Рождества? Ведь на месте ты бы лучше увидел ситуацию, да и возможностей появится куда больше...

— И как ты себе это представляешь? Очередное покушение на Поттера — и снова я в замке? Удивительно, как происшествие на квиддиче никто не связал с моим визитом в Хогвартс! Конечно, это бы всё равно ни к чему не привело: в тот миг, когда произошли несчастные случаи, я беседовал с почтенным стариной Снейпом, — он желчно усмехнулся. усмехнулся. — Ну да о Снейпе разговор особый. Ты принёс то, что я велел?

Червехвост вынул из кармана мантии крошечную коробочку, произнёс заклинание — и через миг на столе лежала толстая книга. Симплисиссимус на обложке угрожающе щёлкнул хвостом.

— В кои-то веки Пивз сделал что-то полезное — в кабинете стоял полный разгром, я едва её нашёл. Вряд ли пропажу заметят скоро. И уж точно не догадаются, куда

делась книга.

— Прекрасно. А то Господин уже начал волноваться, — Малфой бережно завернул фолиант в плащ и отложил в сторону. — Дорогая! — Нарцисса Малфой отошла от камина и вопросительно взглянула на мужа. — Принеси мне специальный пергамент и чернила. Мне нужно написать нашему мальчику. Пора бы ему довести начатое до конца.

Глава тридцатая, в которой гриффиндорцы испытывают на себе прелесть эксклюзивных орешков Берти Боттс и прочих взрослых развлечений, Рон едва не лишается языка, а доброжелатель успевает вовремя.

Шли последние дни перед Рождеством, и древний замок дышал преддверием праздника. Омела и падуб, плющ и самшит, лавр и розмарин украшали каменные стены, в коридорах пахло корицей и цитрусами. Накануне на рождественских венках зажглись четвёртые свечи, свидетельствуя, что до Рождества — а значит, и каникул — осталось меньше недели.

Огромные заиндеветшие ели в Большом Зале переливались золотыми шарами и звёздами, под высокими потолками плавали красно-зелёные огоньки; начищенные доспехи празднично поскрипывали рождественские гимны: “и в небе ангелы поют”, — басом запевали первые, едва кто-то заворачивал в коридор, — “и пастухи спешат с холма” — тут же подхватывали следующие. “На волнах голубого эфира родилась на Востоке звезда” — старательно дребезжали металлическим тенорком латы в соседнем коридоре. Портреты бегали друг к другу в гости, шушукались и лущезарно улыбались проходящим.

Плюясь от отвращения, Филч по указанию Дамблдора развесил в укромных местах омелу и украшенные гирляндами, свечами и яблоками ветки для поцелуев. Теперь после ужина, несмотря на обилие контрольных и письменных работ, старшекурсников в гостиных заметно убавлялось, причём в библиотеку спешило меньшинство.

Всю последнюю неделю Пивз появлялся на трапезах в Большом Зале в праздничном красно-зелёном костюме и кувыркался под молочно-белым, в тон зимнему небу, потолком, голая: “Дай нам, Отец наш, немного солнца, немного работы, немного веселья. Хлеб наш насущный и масла кусочек, здоровья и песен, и сказок, и книгу. Дай нам, Господь, стать чуть лучше возможность, что б люди вокруг стали жить все, как братья...” Правда, в первое же утро он дал понять, что призыв жить в мире и братской любви полтергейстов не касается, поэтому продолжал усердно кидаться в студентов водяными и навозными бомбами, обливать чернилами, ставить подножки — словом, пакостил в полное своё удовольствие. Особое наслаждение ему доставляло издеваться над застуканными под “поцелуйными ветками” парочками. Лавендер каждый вечер возвращалась в гостиную мокрая с головы до ног, бормоча себе под нос проклятья, которые с трудом можно было представить на устах юной невинной красавицы.

Но Гарри, Гермиона и Рон не ощущали приближение праздника. И дело заключалось даже не в уроках и домашних заданиях, коими их, словно соревнуясь друг с другом, заваливали профессора. Настроение не улучшалось даже от предвкушения близящихся каникул, ребята мрачнели день ото дня, переполняясь нехорошими предчувствиями: утреннее чтение Пророка, с которого они начинали эти предрождественские дни, приносило куда больше сюрпризов, чем ожидалось. Друзья — и не они одни — были до глубины души потрясены передовицами и бросающимися в глаза

заголовками вроде “Место директора — в Хогвартсе!”, “Может ли хороший министр быть плохим директором?” или “Хогвартс — территория опасности”. В статьях вспоминались все несчастные случаи, происшедшие в Хогвартсе за последние пять лет, даже история с Клювкрылом и Малфоем опять всплыла на поверхность (*преподаватель-недоучка продолжает работать в школе, подвергая наших детей ежедневной опасности, что в очередной раз доказывает кризис и несовершенство системы волшебного образования в Англии. И заниматься этим должны профессионалы — последовательно и серьёзно. Время не ждёт...*)

Многие старшекурсники по утрам тревожно шептались и шуршали газетами, да что старшекурсники — пару дней назад Трейси с вытаращенными от нетерпения и смущения глазами подбежала к Гермионе, трясая над головой газетой с особо гадкой статьёй:

— Дамблдора уволят, да?

Староста в ответ фальшиво улыбнулась:

— Зачем ты говоришь и читаешь всякие глупости? — но, встретившись с серьёзным и разочарованным взглядом первоклашки, вздохнула и пожала плечами. — Знаешь, надо, конечно, надеяться на всеобщее благоразумие, но...

— А если это случится, кто будет главой школы? — краснея и поглядывая на Рона, который с хмурым видом приканчивал вторую тарелку овсянки и косился на стол Хаффлпаффа, пискнула подтянувшаяся за Трейси её подруга Дженнифер Грин.

— У нас есть Школьный Совет, возможно, руководство будет коллегиальным. Но я даже думать об этом не хочу, — честно призналась Гермиона. — Да, факты, изложенные в статье, — правда: Дамблдора не было в школе во время большинства несчастных случаев... Но преподнесено всё так, словно это его личная вина и злой умысел...

— Гермиона, не устаю поражаться твоему умению находить дипломатичные фразы, — заметил Гарри, когда первокурсницы отошли. — Всё, что я вынес из этой статьи: Дамблдор — никудышный руководитель и сошедший с ума старик, не способный удержать в руках бразды правления... Удивительно, почему никто не предлагает заменить его на посту Министра Магии...

— Пока не предлагает, Гарри, пока...

Не для всех происходящее явилось неприятным сюрпризом. Слизеринцы одобрительно гудели. Малфой так просто сиял. По утрам он направлялся к слизеринскому столу в сопровождении свиты из гориллоподобных Крэбба с Гойлом, проклянувшемуся щетина на щеках и подбородках которых придала их лицам уголовную мрачность и сизость, и двух тщедушных первоклашек, которых Рон прозвал “бандиманами”.

Проходя мимо друзей в первый день и помахивая свежим выпуском Пророка, Драко вполголоса, манерно растягивая слова, заметил:

— Что, гриффиндорцы, допрыгались? Помяните моё слово: скоро вышибут вашего дражайшего директора, как пить дать! Нечего ему в школе делать! Да и вам тоже. Повеселимся мы на Рождество...

Гарри молча показал ему кулак: троица была так ошарашена свалившимися на них новостями, что на большее его просто не хватило.

На второй день после очередной гадости в адрес Дамблдора Гарри и Рон дождались Малфоя в коридоре, после чего отправились на Историю Магии с парой синяков и чувством хорошо выполненного долга. Потому что Малфой, несмотря на попытку активного участия в драке Крэба и Гойла, отправился в лазарет — выводить поганки с языка.

На третий день Гермиона сидела за завтраком одна (после вечерней тренировки, назначенной Анджелиной, юноши настолько устали, что проспали завтрак, а Рон,

вдобавок ещё и простыл), поэтому просто сняла со Слизерина очередные пять баллов. Малфой в отместку исподтишка заколдовал её юбку, и та постоянно задиралась, вызывая жеребьячье ржание слизеринцев.

Если бы не это стечение обстоятельств, то они, изучая газету как всегда — от корки до корки, заметили бы крошечный некролог, проскочивший на последнюю страницу исключительно по недосмотру редакции. Не помнящая себя от горя молодая вдова сообщала о трагической кончине своего мужа, Джейсона Милларда и приглашала всех его товарищей на *скромное прощание, имеющее место быть...* Вряд ли бы имя что-либо сказало Гарри, но вот фотография худосочного молодого мужчины, а так же простое сопоставление дат многое бы объяснило. И позволило избежать последовавших далее драматических, вернее, трагических событий...

Но Гермиона торопливо засунула газету в сумку и, вцепившись в так и норовящую взлететь в воздух юбку, помчалась переодеваться в Гриффиндорскую башню, в результате чего опоздала на Зелья, и Снейп с удовольствием лишил Гриффиндор десяти баллов, а потом весь урок отпускал колкости и язвил. Рон маялся горлом и кашлял, у Гарри от недосыпа и усталости гудела голова — в общем, за обедом о газете никто не вспомнил

К слову сказать, профессор Зельеделия оставался единственным, на кого приближение Рождества не наложило ни малейшего отпечатка — он был зол, едок, сердит и придирчив, а его подземелья — по-будничному сумрачны и холодны. Никакого намёка на приближающиеся каникулы. Остальные учителя держали марку: в кабинете Флитвика мерцали разноцветные гирлянды, Астрономическая башня благоухала хвоей, в углу класса Трансфигурации приютилась небольшая ёлочка, и в конце каждого урока в качестве контрольной работы студенты превращали подручные средства в ёлочные игрушки.

Даже Трелони не отстала, хотя и на свой лад: вплыв в класс на последнем уроке, она замогильным голосом возвестила, что *Внутреннее Око узрело многие беды и несчастья, ожидающие после Рождества всех нас, особенно...* Тут она нашла глазами Гарри и выдержала драматическую паузу, во время которой Рон с Гарри совершенно невежливо хмыкали. Громко вздохнув, профессор сообщила, что для того, *чтобы оставить самые светлые воспоминания об уходящем году перед лицом надвигающейся тьмы, темой урока станут Рождественские гадания.*

После чего весь класс усердно лил воск в воду, пытаясь увидеть и угадать силуэты тех, с кем встретятся на жизненном пути, или же разнообразные символы: дом — к достатку, кружочки, похожие на монеты, — к богатству, овощи и фрукты — к здоровью. Гарри углядел половинку сердца и, прочитав в учебнике толкование, приуныл; Рон, напротив, ликовал: судя по всему, в следующем году его семью ждало сказочное богатство и процветание. Затем такие же силуэты-символы угадывали в контурах сгоревшей бумаги, сжигая её на плоской посудине и подсвечивая сзади, чтобы силуэт чётко отражался на стене.

На каникулы Трелони, смущённо порозовев, задала гадание на суженых, чем вызвала сияющие взоры девушек и кислые физиономии юношей.

— Как же, — бурчал Рон, спускаясь из душного и жаркого класса по верёвочной лестнице, — делать мне больше нечего, как в Сочельник вышвыривать за ворота башмак или полночи пялиться в зеркало...

Гарри согласно закивал. После выходки Трелони в конце урока, его настроение упало окончательно: когда все уже складывали книги в сумки, профессор прорицания вдруг трагически вскинула руку и, закатив глаза, воскликнула:

— О, Мерлин, что я вижу! — все синхронно завертели головами. — Гарри, твоя тень на полу без головы!

Подозревая, что ничего хорошего сия новость ему не обещает, Гарри опустил глаза: его тень, и правда, выглядела безголовой. Впрочем, огонь в камине уже почти погас, делая тени дрожащими и бледными, так что нельзя было утверждать наверняка. Лавендер и Парвати хором ахнули и в ужасе прижали ладони ко ртам.

— Готов поспорить, это сулит мне смерть, — раздражённо отозвался Гарри, сытый по горло регулярными предсказаниями собственной близкой и мучительной кончины.

— Именно так, мой мальчик... И не позднее следующего года, — побрякивая кольцами в ушах и кутаясь в прозрачную шаль, откликнулась Трелани, не сводя с него полных печали и сочувствия огромных глаз.

— Достала уже, старая карга, — пробурчал Гарри под нос, но, видимо, недостаточно тихо, потому что Невилл выронил блюдо с водой, а Парвати Патил возмущённо покрутила пальцем у виска.

Ветреное утро 23 декабря — последнего дня перед каникулами — началось вполне традиционно: Гермиона изучала Ежедневный Пророк, шипя и плюясь, Рон костерил последними словами редакцию и продажных журналюг, а Гарри, изучив очередной пасквиль, почувствовал, что раздражение, накопившееся за это время, переходит в собранную, боевую злость. То, о чём не так давно говорил ему Дамблдор, воплощалось в жизнь — значит, надо быть готовыми ко всему. Не оставалось ни малейших сомнений, что речь идёт не о единичных письмах встревоженных и сбитых с толку родителей, а о хорошо спланированной кампании, за которой стоял...

Тут их мнения разделились: Рон настаивал, что это непосредственно Тот-Кого-Нельзя-Называть, Гермиона возражала, говоря, *Сам-Знаешь-Кто в редакции Пророка — нонсенс, скорее всего, он действует руками Малфоя-старшего*, Гарри же склонялся к тому, что одним Малфоем, судя по размаху, тут вряд ли обошлось. Они совпали в одном — попытками вытеснить Дамблдора из Хогвартса дело может не ограничиться. На этом месте завтрак подошёл к концу, впереди маячила контрольная у Снейпа, затем опрос по истории взаимоотношений гоблинов и магов у Биннса, а после обеда — письменная работа по планетам Солнечной системы (...полярный диаметр Урана — 49946 км, экваториальный — 51118 км, — скороговоркой бормотал Невилл даже во сне), так что разговоры были перенесены на потом, когда — о чудо! — наступит тихий вечер в гостиной, Рождество, подарки и каникулы в Норе...

На ужине Дамблдор объявил, что, согласно постановлению Школьного Совета, всем ученикам настоятельно рекомендуется на каникулы вернуться домой (троица многозначительно переглянулась), Рождественского Бала в этом году не будет (раздался разочарованный девичий вздох), но его компенсирует завтрашнее катание на санях (по Большому Залу прокатился одобрительный гул) и праздничный обед, после которого все отправятся по домам. Вернувшись в Гриффиндорскую башню, Гарри и Рон не сразу поняли, куда попали. Гермиона по своему обыкновению, сказала, что на секундочку забежит в библиотеку: надо проверить, полностью ли она ответила на вопрос о том, откуда взялись спутники у Марса.

Вопреки немногочисленности и тишине, царившей по вечерам в гостиной в последнее время, нынче тут кипела жизнь. И не просто кипела: била ключом. Грохотали хлопушки, разбрасывая конфетти, лягушек, бабочек и живых мышей, второкурсники во главе со своей заводилой Джейн Бантинг (для этой особы Филч уже смастерил персональный ящик нарушений) затеяли прицельное метание Самострельного Серпантина, опутав всё вокруг разноцветной бумажной паутиной, четверокурсник Боб Камминг крутил ручку настройки допотопного приёмника, ловя Магию Музыки, а Фред с Джорджем устроили беспроектную лотерею: за пару сиклей можно было обзавестись пустячком — брошкой, крошечным флакончиком духов, рождественс-

ким колпачком. Вот только через четверть часа у Денниса Криви, неосмотрительно понюхавшего духи, вырос огромный хобот, а Кэти Белл истошно завизжала, увидев у себя на груди вместо маленькой брошки большого волосатого паука. Невилл тут же попытался сдёрнуть с себя красный колпак — не тут-то было: тот намертво прирос к голове. Рон, получив от братьев за шиворот пригоршню Щекотного порошка, истерически хохоча, умчался наверх, Гарри последовал за ним, решившись внести свою лепту в праздничное безумие: порывшись в сундуке, он вытащил со дна забытую коробочку с Эксклюзивными орешками Берти Боттс “Сумасшедшая вечеринка”.

Снизу предсмертное хрипение приёмника сменилось музыкой — что-то гулко забухало, загромыхало, донёсся ликующий вопль, перекрывший даже завывания корчащегося от смеха Рона. Наконец, тому удалось стащить с себя рубашку, и Гарри плеснул ему на спину воды.

— Ладно, ступай вниз, *твоя* подруга, поди, уже заждалась, — в изнеможении опускаясь на кровать и отдуваясь, пробормотал Рон.

— *Моя* подруга? — переспросил Гарри, которому тон Рона показался немного странным даже учитывая, что тот, скорее, сипел, чем говорил.

— *Твоя, твоя.* И не делай таких глаз, словно тебе это никогда не приходило в голову. Вы и без меня прекрасно развлечётесь...

— Рон, да что с тобой такое? — не понял Гарри. — Тебе что — совсем не хочется повеселиться? Никаких заданий, никакого Снейпа на ближайшие две недели, самое время расслабиться! Смотри, что я хочу подарить Фреду и Джорджу, — он громыхнул коробкой.

Рон фыркнул.

— И что? Предлагаешь выяснить, какого цвета бельё у Парвати? И верны ли слухи, что Лавендер не носит лифчик? Или, может, мне смотаться к слизеринцам, чтобы убедиться, что у Гойла действительно имеется кожаное бикини? Нет, мне внизу нечего делать, а вам с Гермией уж точно будет не до меня...

— Рон, с чего ты взял...

— Ой, прекрати, — Рон раздражённо развернулся и в упор взглянул на Гарри. — Не надо меня жалеть, не надо пытаться развлечь и всё такое: иди, веселись, тебя внизу ждёт *твоя* девочка...

— Гермия — *наша* подруга, — поправил его Гарри, тут же почувствовав себя круглым дураком. Рон, и вправду, уставился на него, как на дебила. — Ну, то есть она — да, она моя девушка, но ведь мы все друзья, и вполне можем повеселиться вместе, — соврал Гарри, покосился на Рона и тут же заткнулся.

— Да, горазд ты путать кислое с пресным... — только и смог вымолвить тот. — Я не удивлюсь, если ты скажешь, что вы ещё ни разу не ходили под ветку поцелуев.

Гарри покраснел.

— А ты? Кхм... — тут же осёкся он.

— Я уже своё отцеловался, — скорбно буркнул Рон, улёгся на кровать и уставился в стену. — Сыт по горло.

Повисла неловкая пауза, во время которой Гарри пристально изучал коробочку с Орешками, обнаружив, что, если взглянуть на неё под определённым углом, то у улыбающейся ведьмочки на крышке пропадала мантия. Процесс оказался весьма захватывающим. Гарри сидел на кровати, крутя коробку в руках и качая ногой.

— Столько времени прошло, а она мне до сих пор снится, — внезапно сдавленно произнёс Рон. — Не так-то просто оказалось всё забыть... я не думал, что *это* — ну, ты понимаешь — окажется для меня таким важным...

Глядя на веснушчатую спину друга с выпирающими лопатками, Гарри на всякий случай кивнул, не очень хорошо представляя, что именно он должен понимать, но -

решив не уточнять.

— Она мне написала. В клинику. А потом ещё раз — уже после того, как я вернулся...

— Написала? Зачем? А что ты сделал с письмами? — осторожно спросил Гарри, несколько сомневаясь в ответах Рона.

— Ну, первое письмо я сжёг, не читая...

— А второе?..

— Не смог, — выдохнул тот и тут же торопливо добавил, — но я его не читал, оно у меня где-то... гм... валяется. Не знаю, что с ним делать, — и прочитать не могу, и выбросить — тоже...

— Она же предала тебя...

— Да я знаю, знаю! — рявкнул Рон, подскочив на кровати. Гарри от неожиданности отпрянул назад. — Я всё знаю, я сам себе это твержу каждый день! И ничего не могу с собой поделать... Говорю себе, что это всё неправда... что всё было ненастоящим... Что она просто зарабатывала, — в голосе Рона появилось такое отвращение, что Гарри в очередной раз посетили сомнения, стоило ли рассказывать другу всю подноготную той истории. — И не могу, не могу! — он ударил кулаком по колену, снова плюхнулся на кровать и отвернулся к стенке. — Зачем тогда она мне пишет сейчас? Ведь она же знает, что я знаю...

Они ещё немного помолчали. Гарри крутил в руках коробку, рассеяно глядя на игриво подмигивающую ведьмочку.

— Хочешь, я выброшу это письмо? — почему-то Гарри был совершенно уверен в отказе.

— Нет, не надо... — тихосказал Рон и ворчливо добавил, — ладно, иди, я потом спущусь. Фред шепнул по секрету, что, вроде, Ли Джордан обещал принести огневиски или бренди — не могу же я такое пропустить! — он мрачно хмыкнул и, не поворачиваясь, махнул Гарри рукой. — Ты иди, иди, я сейчас...

Гарри вдруг отчётливо понял, что друг хочет побыть один. Кивнув, он повернулся и вышел. Едва открылась дверь, как по ушам тут же вдарил грохочущая внизу музыка, хохот и взрывы хлопушек. Вечеринка была в самом разгаре. Над головами плавали Бенгальские Шары, под ногами хлопали петарды, заставляя танцующих подпрыгивать от неожиданности.

Принесённые Гарри Орешки были приняты на ура. Близнецы благоговейно отсыпали немного “на экспериментальные нужды”, добавив остальное в вазу с конфетами. Немного поразмыслив, Гарри взял горсть и засунул себе в карман.

— Гарри, наш спаситель...

— ...бесстрашный помощник кустарей-одиночек...

— ... добрый гений...

— ...кузнец и вдохновитель наших побед...

— ...за твой неоспоримый...

— ...неоценимый вклад

— ...в дело Уникальных Удивлялок Уизли...

— ...мы хотим воздать тебе сторицей!

Закончив патетическую речь, Фред и Джордж, хохоча, подхватили Гарри под руки и поволокли мимо веселящихся гриффиндорцев в дальний угол гостиной, где на разбросанных по полу подушках тесной компанией вальяжно устроились семикурсники.

— Ли-и, — тонюсеньким голосом заблеял Джордж, — малыш Гарри хочет вку-ус-ненького...

Разрумянившийся — то ли от жары, то ли от близости девушек, то ли от чего-то ещё,

Ли Джордан вытащил из-за спины открытую бутылку сливочного пива и протянул её Гарри.

— Не усердствуй, — предупредил он, — а то это последняя.

Гарри недоумённо принял бутылку из его рук и, не ожидая подвоха, сделал большой глоток. Горло обожгло что-то терпкое, огненное, пряное, из глаз брызнули слёзы; он сморщился и закашлялся.

— Что... что это?

— Бренди “Хвост дракона”, дурачок, — расхохотался Фред, прикладываясь к отобранной у Гарри бутылке. — Отменно согревает и, вообще, — хмыкнул он, вытирая губы, — штука для настоящих парней.

Джордж присмотрелся к Гарри, замершему с вытаращенными глазами и открытым ртом (ему показалось, что он глотнул расплавленного свинца) и засмеялся:

— Тебе стоит чего-нибудь съесть, а то у тебя такое лицо... Смотри, вон Гермiona пришла... Если хочешь успеть сказать ей пару слов до того, как вырубись, стоит поторопиться...

Гарри машинально сунул руку в карман, забросил в рот пару Орешков, даже не ощутив их вкуса, и обернулся: в проёме стояла только что вернувшаяся Гермiona. Она с недоверием и ужасом оглядывала расстилающееся перед ней безобразие: мальчишки затеяли игру в плюй-камни, на них презрительно косились танцующие друг с другом третьекурсницы. Симус Финниган лихо кружил с Джинни, просвещая её в отношении ирландских традиций Рождества:

— Мама в Сочельник всегда печёт Рождественский хлеб — большой, с крестом наверху... И ещё овсяные лепешки... с дырками...

Джинни кивала головой и морщилась — чтобы перекрыть музыку, он орал ей в самое ухо.

В дальнем кресле под высоким канделябром с десятью свечами Дин Томас самозабвенно целовался с сидящей у него на коленях Парвати. Покачивая бедрами и серьёзными, Лавендер лениво танцевала на низеньком столике, на неё голодными глазами взирало свободное от игр и танцев половозрелое мужское население гостиной. Невилл окаменел на диване, не в силах оторвать глаз от раскачивающихся в такт движениям подвесок на поясе. Под его ногами рассыпались Орешки Берти Боттс. Он силился что-то произнести, но мог лишь беззвучно шлёпать губами. Тревор, почувствовав свободу, соскочил с колен хозяина и припустил к выходу, резво лавируя между танцующими парочками. Кто-то из младшекурсников, получив пригоршню Щекотного порошка за воротник, упав на пол, сучил от смеха ногами. Джордж и Фред, сделав ещё по глотку из заветной бутылочки, затеяли метание в камин Самострельного Серпантина — взрываясь, тот огненными лентами взлетал и змеился под потолком. Повсюду валялись фантики от Жужжащих шмельков и Шипучих мармеладок, корбочки от Шоколадных лягушек, пустые бутылки из-под фруктового лимонада и сливочного пива. Судя по тарелкам с пирожными и кексами и расшвыренным повсюду огрызкам, без набега на кухню так же не обошлось.

От всего этого великолепия глаза Гермiony полезли на лоб, она открыла рот, собираясь положить конец происходящему, но здравый смысл взял верх, и, мученически вздохнув, староста собралась подняться к себе.

Гарри вскинул руку и крикнул через всю гостиную:

— Гермiona! — расплавленный свинец в желудке обернулся чем-то горячим, пушистым и ужасно весёлым, губы сами собой растянулись в улыбке. Не дожидаясь, пока она проберётся к нему, он рванулся навстречу, наступая на ноги и расталкивая танцующие парочки. — Посидим? — с готовностью предложил он, пытаясь перекрыть орущую музыку. — Или потанцуем?

Гермиона оторопело взглянула на него, покрутила головой: пристроиться было нигде, все места оказались уже заняты, а свободное пространство замусорено. С сомнением взглянув на не сводящего с неё шальных глаз Гарри, она неуверенно пожалала плечами:

— Ну, давай потанцуем...

Чувствуя странную и удивительную лёгкость во всём теле, он смело обхватил её затылок и прижал к себе так, что девушка ойкнула: столь плотным тандемом не то что танцевать — даже просто топтаться на месте можно было с большим трудом. Её лицо уткнулось ему в плечо, он почувствовал её дыхание, запах волос, защекотавших шею, ощутил её гибкость и тепло... — и задохнулся от нахлынувших ощущений, требующих немедленных действий.

— Гарри! — возмущённо просипела Гермиона, тщетно трепыхаясь в его руках. Он стоял на месте и блаженно улыбался. — Отпусти! Что с тобой такое? В тебя что — попали Самострельным Серпантином? Или Фред с Джорджем опять угощают всех самодельными конфетами?

Гарри молчал. Кровь искрящимся золотом клокотала в венах. Мир был дружелюбен и прекрасен. Гермиона ещё немного побарахталась в его руках и настороженно принялась.

— Ты напился! — оторопело ахнула она, не веря собственным глазам.

— Не-а, я только попробовал, — честно признался Гарри, зарываясь лицом в её волосы и блаженно закрывая глаза. — Как от тебя приятно пахнет...

Гермиона мысленно застонала.

— Всем внимание! Апофеоз: двуполое четвероногое! Мечта селекционера-любителя, — рявкнул подкравшийся Ли Джордан.

— Не, бери выше: не селекционера-любителя, а заводчика-профессионала. Хагрида на них нет, — возразил Джордж и продолжил сладким голосом: — Дети мои, мы вам не мешаем, а? — только сейчас Гермиона осознала, что разговоры в гостиной затихли — лишь музыка по-прежнему орала. Взгляды всех, даже Патриции О'Нил, принявший у Лавендер эстафету танцев на столе, были устремлены на них — стоящих, обнявшись, в самом центре засыпанной серпантином и конфетти гостиной. Она покраснела и снова задёргалась, но Гарри держал её крепко и отпускать не собирался.

— Вот это правильно, Гарри, — Ли одобрительно хмыкнул и хлопнул его по плечу, — нечего время терять, надо сразу брать дракона сам-знаешь-за-что...

— Так что — потанцуем? — оторвавшись от её волос, снова спросил Гарри, лениво удивляясь тому, что окружающее его теперь абсолютно не волновало.

— Музыка кончилась, — мрачно сообщила Гермиона, перестав сопротивляться и не желая превращать происходящее в глупый фарс — ей вполне было достаточно того, что окружающие (в том числе и первоклашки) хихикали и смотрели на них во все глаза. Безупречная репутация старосты трещала по швам.

— Тогда посидим. Или погуляем, -с готовностью откликнулся Гарри и, не дождавсь ответа, потянул её к выходу.

Стоящий на верхней ступеньке лестницы Рон проводил их сумрачным взглядом и решительно смял кулаке клочок пергамента. Сунув комочек в карман, он спустился в гостиную и начал пробираться в уголок, где вовсю веселились семикурсники.

— Гарри, как ты себя ведёшь! Неужели тебе не стыдно! — возмущённо фыркнула Гермиона, едва портрет закрылся за их спинами.

— Ни капельки, — радостно сообщил он и снова потянул её к себе. На душе светило июльское солнце и чирикали птицы, в желудке поселилось весёлое тепло, а в голову лезли разные глупости.

— Милые, не хочу вас прерывать, но я ненадолго отлучусь — у Виолетты с седьмого этажа вечеринка, — пропела Полная Леди, поглядывая в крохотное зеркальце и припудривая декольте.

— Пусти меня! — Гермиона рванулась обратно в гостиную.

— Вот ещё. Конечно-конечно, ступайте, желаю вам повеселиться, — кивнул Гарри и потянул Гермиону от портрета. Та упёрлась, не желая двигаться с места. — Как скажешь, — пожав плечами, он легко подхватил девушку на руки и пошёл по коридору.

Гермиона ахнула, взмахнула руками:

— Гарри, немедленно поставь меня на место!

— И не подумаю... держись крепче и не дёргайся, а то я споткнусь... — предупредил он, и она послушно обвила руками его шею.

— Так?..

Высоко над их головами загорались и гасли огоньки; доспехи, украшенные рождественскими венками, таинственно мерцали изнутри.

— Кажется, сюда, — Гарри кивнул в сторону ниши, над которой подмигивала обвитая гирляндой еловая лапа.

— Нет-нет, Джинни говорила, там в самый неподходящий момент проваливается пол, — покраснела Гермиона и махнула рукой чуть дальше. — Вон туда...

Колокольчики чуть слышно наигрывали “Ангелов”, от ветки для поцелуев пахло горячим воском, яблоками, грушами и хвоей. После тренировок на морозе у Гарри обветрились губы, и теперь тонкие сухие корочки чуть царапали Гермионе лицо и шею, когда она, запрокинув голову, тонула в его жадных прикосновениях. Он не целовал — он будто пил её, хватая губами, задыхаясь и захлёбываясь. Она обняла его за шею, потянулась к нему, ощутив шершавость и солоноватый вкус, смешивающийся с горячим и пряным, отдающим бренди, дыханием.

— У тебя губа лопнула...

Он чуть отстранился, и тусклый свет упал ему в лицо — стал виден пробившийся над верхней губой пушок. А посреди нижней, и правда, темнела глубокая трещина. Очки съехали на кончик взмокшего носа и смешно перекосились. Гермиона взяла Гарри обеими руками за виски и, привстав на цыпочки, поцеловала.

— Не больно?

— Гермиона...

Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, его руки скользнули по её плечам к шее и начали медленно — как будто спрашивая разрешения — спускаться к груди. Она замерла, прижавшись к стене. Сейчас... сейчас...

— Гермиона, я люблю тебя... Я так люблю тебя, — в следующий миг она задохнулась в его руках, в его губах — не могла ничего сказать, ничего ответить...

— Кхе-кхе... — от неожиданного звука они шарахнулись друг от друга и завертели головами, ожидая увидеть кого угодно — от Плаксы Миртл до профессора Снейпа. Никого не было, однако кашель — в этот раз какой-то писклявый и совершенно точно незнакомый — раздался снова, причём прямо у них над головами.

— Спешу вас уведомить, что подобными действиями вы нарушаете школьные правила и переходите границы дозволенного, — сообщила сидящая на ветке для поцелуев крошечная фея. Лицо у неё было маленькое и сморщенное, как печёное яблоко, на голове красовался рождественский колпачок, который ей ужасно не шёл. — Данное место предназначено исключительно для поцелуев, всё прочее является нарушением. Настоятельно советую вам вернуться в общежитие вашего факультета, — закончила она строгим голосом и в упор уставилась на оторопевшую парочку злыми маленькими глазками.

— Нет, ну ты подумай! И здесь сигнализация, — фыркнула Гермиона. Гарри, судя по лицу, был не в состоянии оценить юмор и предусмотрительность Дамблдора: не смотря на возмущённый писк и попытки цапнуть его за руку, юноша ловко ухватил фею двумя пальцами поперёк блестящего туловища и вышвырнул в коридор. Когда он порывисто повернулся к Гермионе, та, привалившись к стене, беззвучно смеялась. У него в груди что-то оборвалось: над ним? Она смеётся над ним?

— Дамблдор... — пояснила она чуть слышно, пытаясь взять себя в руки. — Когда меня назначили старостой, я узнала: во всём Хогвартсе установлены детекторы, улавливающие не только Тёмную магию, но и...

Его плечи расслабились; не говоря ни слова, Гарри рванул Гермиону к себе, и они сшиблись губами с такой силой, что снова ощутили привкус крови — на миг он даже испугался, не сделал ли ей больно.

О, нет, она не протестовала — она вдруг снова почувствовала рядом с собой того, кто когда-то отстоял Философский камень, избавил Хогвартс от ужасающего монстра, помог сбежать Сириусу, спас их от дементоров, очертя голову кидаясь на дракона... — только теперь весь пламень, вся страсть и целеустремлённость принадлежали ей, ей одной. В его движениях появилась властность, руки стали смелее и настойчивее. Неужели она раньше могла жить без этих прикосновений? На каждое — самое неуловимое — её тело выгибалось и вздрагивало; она потеряла голову, запуталась в обрывках фраз и вздохах, она прильнула к нему, как припадает к земле выбравшийся на берег утопающий. Узкое, гибкое, худое юношеское тело, только-только начавшее наливать силой и статью, — обхватив его двумя руками, она ощутила, как где-то рядом, прямо под щекой, колотится сердце, услышала, как он прерывисто дышит и простужено шмыгает носом.

Форменный галстук сбилсся набок, верхняя пуговица рубашки болталась на одной ниточке — кончиками пальцев она коснулась его кожи — горячей и чуть влажной — вдоль трогательных ямочек над ключицами, вверх по шее — и зарылась в жёсткие непослушные волосы. Она потянула Гарри к себе и коснулась губами выпирающих ключиц.

Он беззвучно охнул, обмяк, прислонившись к стене. Она взглянула ему в лицо. Пока он не видел, она жадно впитывала все мелочи — чуть приоткрывшиеся шелушащиеся губы... белеющие в полумраке зубы... правый клык немножко выдаётся вперёд (Дурслям, естественно, и в голову не приходило поставить ему скобки), по-подростковому слегка неровная кожа, густые, почти сходящиеся на переносице брови и появившаяся между ними тонкая складочка, когда он чуть сморщился от напряжения и удовольствия... острый кадык, пульсирующая на шее жила...

У неё закружилась голова, и засосало под ложечкой. Его руки легли ей на бёдра.

— Делаю вам второе предупреждение, — хмуро поправляя помятые радужно переливающиеся крылья, фея снова сидела на ветке, на этот раз вне пределов досягаемости. На неё никто не обратил внимания.

— Иди ко мне... — его шёпот был горячим и тяжёлым. Собственное тело сейчас казалось ему кораблём, поднимающимся и опускающимся на волнах, ноги превратились в нечто желеобразное; он едва не падал. Трепеща и задыхаясь от собственной смелости и желания, он открывал для себя изгибы её тела, бархатистость и вкус её кожи, видя в ней, как в зеркале, отражение захлёстывающих его чувств — робости, любви, нежности.

— Так, я предупреждаю вас в последний раз, — скучающе проскрипела фея, лениво покачивая ногой.

— А ты иди к чёрту!

В этот самый миг под удовлетворённое “итак, это было последнее предупрежде-

ние” на них обрушился ледяной водопад. Гермиона завизжала. Гарри стоял, хватая ртом воздух. Наконец, он смог перевести дух.

— Да, пожалуй, лучше бы под нами провалился пол... А тебя, мелкая пакость, я сейчас...

Фея, буркнув под нос “каждый раз одно и то же, сегодня же потребую у Дамблдора прибавку за вредность — ни одного доброго слова, сплошные оскорбления”, быстро ретировалась под самый потолок.

Хлюпая обувью и оставляя за собой мокрые следы, они заторопились по коридору в сторону Гриффиндорской башни, пытаясь на ходу привести себя в порядок. Ни ему, ни ей сейчас и думать не хотелось о том, что скажут веселящиеся однокурсники, когда они вернутся с прогулки расхристанные и мокрые с головы до ног. Внезапно Гарри замер. Гермиона покосилась на него и с трудом удержала смех: с волос текла вода, они облепили щёки и лоб, юноша подрагивал от холода, но лицо сияло, а сияющие губы растягивались в улыбке. Представив, как сейчас выглядит она, Гермиона поморщилась⁷.

— Гарри?

— Лавендер... — он рассмеялся, — она же всю последнюю неделю возвращалась мокрая! Как думаешь, она любит экстремальные приключения или же просто занимается закаливанием?

Гермиона заулыбалась и потянулась к нему — нежно, доверчиво, благодарно. Положила голову на плечо. Мимо продефилировал учительский патруль: Крум смерил их неодобрительным взглядом, а профессор Синистра вздохнула и умильно погрозила пальцем.

Полная Леди басовито похрапывала за рамой, вся картина была усыпана фантиками от вишни в ликёре. Им пришлось трижды повторить пароль — с каждым разом всё громче и громче.

Наконец, портрет отодвинулся, и они вошли в гостиную. К счастью, их явления никто не заметил: всеобщее внимание было приковано к профессору Дамблдору: тот сидел на диване, а вокруг на почтительном расстоянии пристроились благоговейно внимающие ему гриффиндорцы:

— ...а потому я решил поздравить все факультеты заранее. Позади остался нелёгкий год, принесший нам много событий и немало бед... — Гарри почувствовал, что сейчас взоры всех присутствующих будут искать его, и предусмотрительно присел, делая вид, что завязывает шнурок. Гермиона, меж тем, невзначай набросила на себя чью-то мантию и пробралась поближе к директору. — Конечно, мне бы очень хотелось сказать, что грядущее безоблачно, и всё самое страшное мы уже миновали. Но, боюсь, основные напасти и испытания у нас впереди... — директор тяжело вздохнул. Студенты удивлённо запереглядывались, по притихшей гостинной пробежали шепотки, затихшие, едва Дамблдор снова заговорил. — И как вы думаете, чего нам надо опасаться больше всего?

— Того-Кого-Нельзя-Называть? — прозвенел чей-то робкий голосок.

— Его можно называть. Его нужно называть, — повысил голос Дамблдор. Глаза строго блеснули за очками-половинками. — Молчание только усиливает страх. Преодолев страх, мы преодолеем и Вольдеморта, — Гарри заметил, что стоящие рядом студенты вздрогнули. — Но — нет, не его мы должны бояться, вернее, не только его, — он помедлил и обвёл взглядом притихших мальчиков и девочек, юношей и девушек — совсем ещё детей, которым уже завтра придётся принять на себя удар Тёмных сил. Научиться противостоять им. И не просто противостоять: бороться и побеждать. — Разобщённость и уныние — вот опасности, которые подстерегают нас. Которые могут нас уничтожить. Так давайте дадим друг другу слово — чтобы ни случи-

лось, не опускать руки и не верить тем, кто попытается разделить, рассорить всех нас — чтобы сломать и поработить по одиночке — здесь, в Хогвартсе, или же за его стенами. Что бы вы ни узнали, что бы ни услышали — всегда верьте только своему сердцу. Оно вас не обманет... — Дамблдор умолк и взглянул на покачивающийся в камине огонь — казалось, даже пламя сейчас притихло и уважительно внимало. Студенты сжались, не сводя с директора напряжённых и испуганных взглядов. Вдруг он улыбнулся и погладил стекающую на колени белоснежную длинную бороду. — Весёлого вам Рождества. Скажу по секрету, Хагрид сегодня целый день красил и смазывал сани — надеюсь, завтрашняя прогулка удастся на славу. Давненько мы не устраивали ничего подобного... Жаль, я этого не увижу.

Директор поднялся и шагнул к выходу.

— Веселитесь, друзья мои, веселитесь, счастливого вам Рождества...

То ли приветственно, то ли прощально он взмахнул рукой, наклонил голову и исчез в дверном проёме.

В гостиной воцарилась полная тишина. Друг за другом гриффиндорцы вставали и поднимались по лестницам в спальни — веселье сдулось, праздник закончился. Под ногами шуршали обёртки от конфет, ледяных мышек и шоколадных лягушек, похрустывали обломки печенья. Уныло хлопнула одинокая петарда. Гарри покрутил головой — Гермионы уже не было. Вздохнув, он направился к ведущей на половину мальчиков лестнице. Рядом поднимался Невилл с немного отсутствующим выражением лица, словно ему не давали покоя глубокие и очень серьёзные размышления. Он вздыхал и что-то бубнил под нос.

— А у Дамблдора кальсоны в оранжевых дракончиков. Голубые. И в дракончиков, — умоляюще взглянув на Гарри, со слезой в голосе неожиданно сообщил он. — Кэти Белл носит под платьем чёрную маечку и шортики. А Джинни Уизли — белую комбинацию. На бретельках. У Анджелины на трусиках — майские жуки и бабочки, — похоже, Невилла прорвало, Гарри не знал, как остановить поток сведений, без которых он лично вполне мог бы обойтись. — А Лавендер... Лавендер... — тут ступеньки кончились, Невилл оступился и замолчал.

Когда Гарри вошёл в спальню, полог вокруг кровати Рона был уже задёрнут — сигнал того, что друг не хочет ни с кем разговаривать или уже спит. Да, признаться, Гарри сейчас тоже хотел побыть один, чтобы сохранить и в безмолвном одиночестве ещё раз вспомнить предрождественский жар сегодняшнего вечера. В сонной сладкой истоме в голове закружились бессвязные обрывки мыслей, слов и событий... *Интересно, Невилл видел, какое бельё носит Гермиона?..* Он мысленно погрозил пальцем себе, а Невиллу — кулаком, зевнул... *И почему Дамблдор не поздравил всех нас на ужине, а решил обойти гостиные?.. Нет, всё-таки интересно, какое бельё носит...*

Он провалился в сон.

* * *

Холода, от которых птицы замерзали на лету, отступили, и утро встретило бодрящим приятным морозцем и скучным серым небом. Гермиона спустилась на завтрак первой — она полночи не могла заснуть, извертевшись на кровати: одеяло оказалось кусачим, подушка — душной, перекрахмаленные простыни — жёсткими, как старый пергамент, а Косолапсус возжелал спать исключительно на голове хозяйки. Не говоря уже о том, что вечерние события вообще не располагали ко сну: ей приходилось прикладывать усилия, чтобы держать глаза закрытыми, — едва Гермиона отвлекалась, те бессовестно распахивались, и она обнаруживала, что, глупо улыбаясь, таращится в стену. В конце концов девушка решительно встала с намерением немного почитать — надеясь, что, рано или поздно, устанет и захочет спать настоль-

ко, что разные раздражающие мелочи не будут иметь значения. Сначала она даже не сразу поняла, что держит книжку вверх ногами: так далеко от колдовской науки витали её мысли. Правда, минут через десять втянулась и... в результате очнулась, когда за окном уже светало и пора было спускаться к завтраку. Но сегодня даже после бессонной ночи она чувствовала себя окрылённой и полной сил — хотелось петь и танцевать. Подпрыгивая от радостного возбуждения, она оделась и отправилась в Большой Зал, забежав по пути в туалет Плаксы Миртл, чтобы добавить предпоследний компонент в готовящееся для Малфоя зелье. Помешав неаппетитно выглядящее варево, Гермиона удовлетворённо вздохнула. Совсем скоро... О, у неё есть, о чём спросить этого слизеринского мерзавца! Да и недавно родившаяся идея о том, как потом заставить его держать язык за зубами, вызвала улыбку.

Она была сегодня довольна всем: бессонной ночью, серой погодой, гулками холодными коридорами... позади остался восхитительный вечер, а впереди ждали многообещающие каникулы в Норе. Вместе с Гарри. Ей ещё не приходилось проводить с ним каникулы... в таком статусе. Мысли о Гарри снова вызвали на лице мечтательную улыбку, даже витающие в воздухе тревога и напряжение, не дававшие покоя последние дни, куда-то исчезли.

В конце концов, у Дамблдора столько сторонников — авторы, служащие Министерства... Хогвартсовские учителя, Сириус Блэк и профессор Люпин... а сколько взрослых сильных волшебников его поддерживают! Что с того, что в какой-то глупой газете пишется всякая ерунда! Ведь люди же способны отличить правду от мерзкого вранья, верно?

По правде говоря, она сама верила в эти слова лишь отчасти, но ей ужасно хотелось — хотя бы секундочку, хотя бы сегодня — не думать ни о чём серьёзном и побыть счастливой. Просто счастливой. Не размышлять об интригах и опасностях, о назревающей катастрофе, о пугающих пророчествах и странных словах Дамблдора, об отравленной таинственной книге-убийце, о Стражах и Ликах, о возвращении... она напряглась и мысленно произнесла — *Вольдеморта*, о том, что, рано или поздно, Гарри — *её Гарри* — придётся выйти на битву с ним. И одному Мерлину известно, чем всё закончится...

От этих мыслей, не отступающих ни днём, ни ночью, сердце тут же упало, на глаза навернулись слёзы, в носу защипало. Гермиона закусил губу и остановилась.

Даже сегодня я не могу просто порадоваться...

Ей сразу расхотелось спускаться на праздничный завтрак, не говоря уже о том, что не осталось ни малейшего желания отправляться на прогулку. Девушка уселась на ближайший подоконник и прижалась лбом к холодному стеклу. За зарешёченным окном распростёрлась белая безмолвная равнина, окаймлённая вдалеке чёрной полосой Запретного леса. На краю огромной пустоши, прогнувшись под тяжестью снежных шапок, раскинулась Дракучая ива. Хагрид заканчивал последние приготовления, инспектируя многочисленные сани, нетерпеливо переминающиеся и роющие полозьями снег в ожидании седоков. Неожиданно в Запретном лесу что-то блеснуло — как будто кто-то выглянул из-за деревьев, сверкнув огромными глазами.

Но Гермиона ничего этого не видела: зажмурившись, она в отчаянии думала о том, почему судьба так несправедлива: мало того, что лишила Гарри семьи и заставила провести детство среди людей, наполненных самой чёрной и жгучей неприязнью к нему, так и теперь не хочет оставить его в покое и воздать сторицей за все муки и унижения, которые он перенёс! Получается, что с каждым днём и часом он приближается к битве. Решающей битве. Возможно, последней своей битве. Битве, от которой зависит судьба всего волшебного мира. Значит, и её, Гермионы, судьба — тоже. Наступит день, когда он — один — с мечом, волшебной палочкой или просто

с голыми руками выйдет против ужасного чёрного мага. И...

Гермиона сжалась, и перед глазами взорвались огненные разноцветные вспышки. Она не хотела об этом думать. Она боялась. И ненавидела себя за малодушие.

Если я люблю его, я должна быть с ним. И пройти этот путь до конца. Рядом с ним. Даже если... даже если... если...

Она почувствовала, как по щекам поползли слёзы.

— Такого не может быть! — упрямо воскликнула она, стукнув кулаком по жалобно застонавшему стеклу. Строгая ведьма в синей мантии с портрета на стене напротив вздрогнула и оторвалась от толстого фолианта. — Я говорю — такого не может быть! — повторила Гермиона и, развернувшись, обвиняюще ткнула в неё пальцем. Ворон на плече колдуньи расправил крылья и недовольно каркнул.

— О чём ты, девочка? — она отложила книгу и сняла с носа маленькие очки для чтения.

— Я говорю, не может быть, чтобы тот, кого я люблю, просто взял и исчез с лица земли — словно его и не было! Чтобы всё кончилось! Это невозможно! Я... я ненавижу мир, за который надо платить такую цену! Я хочу... я не хочу... Нет, это решительно несправедливо!

— Конечно, несправедливо, — без тени улыбки на лице волшебница кивнула и, глядя вслед уходящей Гермионе, спокойно продолжила, — но именно так и бывает. Первыми всегда уходят лучшие. Тебе ещё предстоит это понять. И пережить, — она взглянула на ворона на своём плече и погладила ему пёрышки. — Верно, Коготь? Пережить — и затосковать навеки... — и, надев очки, Ровена Равенкло вернулась к чтению.

Эльфы расстарались вовсю — овсяные лепёшки, сыр, сливовый пудинг с веточками падуба, отведав который, Джинни с гордостью произнесла:

— Какая вкуснятина! Но наша мама делает не хуже!

— Ещё бы — надеюсь, она хоть на что-то способна! Если бы, сидя дома, она не научилась толком даже готовить... вы же не можете позволить себе эльфов, верно? — не нужно было даже поворачиваться, чтобы узнать, кому принадлежит этот голос. Джинни покраснела и замолчала. Рон сжал кулаки, но Гарри и Гермиона с двух сторон вцепились ему в мантию. Малфой со свитой прошёл мимо и устроился за слизеринским столом.

Место Дамблдора пустовало, Рон шепнул Гарри, что вчера директору пришёл срочный вызов — потому-то, собственно, он и обходил вечером гостиные⁸. Гермиона, сидя между Роном и Невиллом, мрачно ковырялась в тарелке и смотрела на Гарри глазами, полными тревоги и печали, что несказанно его удивляло. Он же чувствовал себя совершенно счастливым, прекрасно — вопреки ожиданиям — выспался, жутко проголодался и был полон предвкушением межфакультетских гонок и вечернего возвращения в Нору, в отношении которой у него, признаться, имелись некоторые планы.

Над головами раздалось хлопанье крыльев — через окошко под самым потолком в Зал влетела стая утренних сов. Разноголосо ухая, они роняли посылки и газеты, приземлялись на столы и плечи хозяев и требовательно протягивали лапы со свитками. Гарри — наверное, единственному со всего гриффиндорского стола — не было никаких посланий. Рон и Джинни склонились над коротенькой записочкой.

— Вечером нас ждут, — телеграфным стилем сообщил Рон. — Комнаты готовы. Билл и Чарли уже там. Все передают приветы. Держи, — он перекинул Гарри пакетик с домашними сладостями, которыми так славилась миссис Уизли.

Гермиона, прочитав письмо... (Гарри изловчился и углядел обратный адрес) ...от родителей, погрузилась в изучение Ежедневного Пророка.

— Что пишут? — спустя пять минут пробормотал Гарри с набитым ртом, с трудом оторвавшись от пудинга, вкуснее которого он пока ещё ничего в жизни не пробовал.

— Как ни странно, всё тихо, — быстро листая и пробегая глазами заголовки, откликнулась Гермиона. — Поздравления, приглашения на распродажи, святочные истории... *“Колдунья, находившаяся в магической коме пять лет пришла в себя. Её первыми словами были “Хочу тыквенного сока”. Муж, сидевший в этот миг рядом с ней, лишился чувств...”* — староста фыркнула, как рассерженная кошка. — Интересно, им не надоедает каждый раз сочинять эти глупые душещипательные истории? Гадания, рецепты... *“Наколдуй себе гуся”*... так-так... О! Уникальное предложение: *“Проведи Рождество с “Безумными гоблинами” или “Танцующими скелетами”!*”.

— Круто! — вскинулся Рон. — Было бы здорово пригласить их в Нору — можно было бы устроить классную вечеринку!

— Боюсь, это удовольствие нам не по карману, — тихо заметила Гермиона, и, словно в ответ, с соседнего стола донеслось:

— Отец выписал к нам в замок на праздник “Чёртовых сестричек” — повеселимся, парни!

Рон мрачно уткнулся в тарелку, а Джинни передёрнула плечами:

— Рождество моей мечты: Малфои в полном составе, Крэбб, Гойл... “Чёртовым сестричкам” можно только посочувствовать.

Сидящие рядом гриффиндорцы грохнули. Улыбнувшись, Гермиона торопливо доликала Пророк:

— Нет, ровным счётом ничего... Обыкновенная предпраздничная галиматья... Тема номера: что ты нашёл в своём пудинге — монету, напёрсток, пуговицу или кольцо. Толкования по Кассандре Ваблатски и девице Ленорман.

— Вот и славно, — сыто откинулся от стола Рон. — Хоть одно утро пройдёт по-человечески... Ну, Гарри, кого берём себе в экипаж третьим?

Гарри оглядел стол Гриффиндора:

— Как насчёт Дина Томаса?

— Нет, он в команде с Симусом и Робертом Каммингом...

— А Фред или Джордж?

— О, они ещё вчера договорились с Ли Джорданом...

Гарри обвёл глазами однокурсников.

— Свободными остались только девчонки — откликнулся Рон на немой вопрос, — и то не все: я знаю, что Алисия, Кэти и Анджелина тоже решили участвовать в гонках, и малышня, но студентов младше четвёртого курса в команду приглашать нельзя.

— Я тоже свободен, — тихо произнёс сидящий рядом Невилл и покраснел.

— И не мудрено, — вполголоса, чтобы Невилл не услышал, хмыкнул Рон. — Дураков нет.

— Хорошо, мы будем иметь это в виду, — дипломатично кивнул Гарри. Ему очень не хотелось брать Невилла. Словно почувствовав это, тот вернулся к своей тарелке. — Гермиона, а ты?..

— Нет, Гарри, ты же знаешь, я ужасно боюсь скорости, к тому же я не выпалась... — не дав ему закончить, покачала головой Гермиона. — Насколько я знаю, Джинни пока никто не пригласил, можете позвать её.

— Ну уж нет, — замотал головой Рон, — тогда никаких гонок не получится: мне мама голову оторвёт, если с ней что-нибудь случится. Уж лучше Лонгботтом.

— Почему? — удивилась Гермиона.

— А его не жалко, — состроив жуткую рожу, тихо пояснил Рон.

Смех смехом, но, все, к кому обращались Рон и Гарри, либо сами решили участво-

вать в гонках, либо намеревались быть зрителями. В конце концов, Рон смирился с кандидатурой Невилла, хотя и продолжал бурчать.

— Рон, прекрати! — не выдержав, строгим шёпотом пресекла нелицеприятные высказывания Гермиона. — Невилл уже давно перестал быть толстяком — он не толще тебя! И вовсе он не неуклюжий... — как раз в этот миг Невилл, выбираясь из-под стола, куда он лазал за сбежавшим в очередной раз Тревором, опрокинул на себя блюдо с запечёнными в тесте яблоками и кувшин с остатками тыквенного сока, — ...просто ему не всегда везёт, — упавшим голосом закончила она.

— Ладно, Рон, — примирительно заметил Гарри, — в конце концов, мы же не собираемся ставить мировой рекорд...

— Ну, Поттер, поглядим сегодня, каков ты на земле, — противный малфоевский тенор заставил Гермиону скривиться. — Или всё, на что ты способен, — выделять в небе фокусы на своей хвалёной метле? Надеюсь, в твоей команде не будет всяких... грязнокровок?

— Малфой, как ты мог подумать, что я снизойду до того, чтобы гоняться с тобой на санках! Да я с тобой и колдовать на одном поле не стану! — зло отрезала Гермиона и, тряхнув головой, пулей вылетела из-за стола.

— Придержи язык, Малфой, — посоветовал Гарри, проводив её взглядом. — А то встречать тебе Рождество в лазарете. Не думаю, что “Чёртовы сестрички” согласятся составить тебе компанию и там.

— Только не говори, что в твоём экипаже Уизли и Лонгботтом, — пропустив пассаж Гарри мимо ушей, хихикнул Драко, и его смешок тут же подхватили громоподобным ржанием Крэбб с Гойлом.

Рон и Невилл синхронно покраснели.

— Именно, — спокойно ответил Гарри, — а ты не говори, что в твоём — Крэбб и Гойл: не думаю, что тогда сани смогут сдвинуться с места. Они, вообще, едва ли выдержат — насколько я знаю, сани рассчитаны на людей, а не на троллей.

Крэбб с Гойлом побагровели и сжали кулаки, но в этот момент мимо к выходу прошла профессор Макгонагалл, и потому они лишь скрипнули зубами. Ухмылка сползла с лица Малфоя, слизеринец окинул Гарри с ног до головы злым взглядом.

— Не твоё дело, кого я беру в свой экипаж, шрамолобый, — рявкнул он и, развернувшись, вышел из Большого Зала. Исподтишка погрозив Гарри кулаками размером с голову Рона, телохранители заторопились следом.

— Спасибо, Гарри, я всё понимаю — тебя просто вынудили, — негромко произнёс Невилл, не поднимая головы и не отрывая глаз от Тревоора, словно разговаривал не с Гарри, а со своей жабой, — вам, и правда, стоит подыскать кого-нибудь другого...

— Ничего подобного, Невилл, — отрезал Гарри. — Решено: ты будешь в нашей команде.

Взглянув на просиявшее лицо Лонгботтома и скривившегося Рона, он развернулся и направился к дверям. Рон бухтел ему в спину всю дорогу, пока они шли в гриффиндорскую башню одеваться.

— Ты с ума сошёл! Малфоя ведь только того и надо было! Вызвать тебя на соревнование и вынудить взять в команду Лонгботтома. Всё, на что остаётся надеяться, — что мы доберёмся до финиша к обеду. Если вообще тронемся с места.

— Рон, не говори ерунды, — не выдержал Гарри и решительно добавил, — Невилл ничуть не хуже Симуса или Дина.

— Ну-ну, блажен, кто верует... — пробормотал себе под нос Рон, но больше к этому вопросу не возвращался.

Заснеженное поле кипело и бурлило, студенты толпились, толкались, смеялись,

галдели — как на квиддичном стадионе. Лёгкий морозец покусывал щёки, в неподвижном зимнем воздухе на оглоблях позвякивали колокольчики — так мелодично, что хотелось пританцовывать. Пробившись сквозь толпу, Гарри, Рон и Невилл подошли к сияющему Хагриду, который распределял сани.

— У, друзья, вы как раз вовремя, я вот туточки... специально для вас... саночки припас, — конфиденциально понизил он голос, — норовистые чуток — есть такое дело — но зато какие резвые...

Рон закатил к небу глаза. Невилл боязливо поёжился.

— Спасибо, Хагрид, — обречённо поблагодарил Гарри. Сани, выбранные для них Хагридом, пришлось привязать к оgrade — они рычали, ржали и рвались в поле.

— Кажется, кто-то что-то говорил про лазарет? — поинтересовался Рон, когда лесничий отошёл и занялся Алисией и Анджелиной. — Как бы нам не пришлось встречать Рождество там — втроём...

— Попрошу всех подойти ко мне и сдать свои палочки, — как ни странно, на этот раз кислый голос профессора Снейпа вызвал недовольные гримасы даже у слизеринцев. — Во избежание несчастных случаев и нечестной игры, — при этих словах мастер зелий уставился прямо на Гарри, словно обвинял в жульничестве лично его. — По окончании гонок они будут возвращены вам в целости и сохранности. Разумеется, тем, кто доберётся до финиша, — и он послал полный отвращения взгляд в сторону тут же окаменевшего от ужаса Невилла.

Получив краткий инструктаж по управлению (всё было предельно просто: сани управлялись голосом и простым похлопыванием по борту), толкаясь, переговариваясь, задирая друг друга и перешучиваясь, студенты направились к своим санкам.

— Три поцелуя, если я выиграю у тебя, — обнимая Анджелину за плечи, заявил ей Фред.

— О, какие мы уверенные, — она насмешливо тряхнула выбившимися из-под вязаной шапочки длинными волосами. — А если выиграю я?

— Малышка, этого не может быть, потому что не может быть никогда, — Джордж оттер брата и, понизив голос, добавил, — мы тут немного подправили наши санки. Самую малость. Успели, пока у нас не отобрали палочки. А ещё немного помогли Малфою. Удержаться было невозможно — надеюсь, сегодняшние гонки оставят у него неизгладимые впечатления. Ты ведь никому не скажешь, да? А то нас нака-а-жут, — плаксиво закончил он.

Усмехнувшись, Анджелина собралась чмокнуть Фреда в щёку, но в последний момент тот повернулся, подставив ей губы и ответив сочным и звонким поцелуем. Гарри, поймав себя на том, что стоит и смотрит на них в упор, быстро отвёл глаза.

— Что, завидно? — негромко хмыкнул Рон, толнув его в бок. — Ты бы видел ваши лица, когда вчера вы вернулись в гостиную... У обоих губы были, как после Раздувающего заклятья... А, кстати, где Гермиона?

Обернувшись, юноши начали шарить глазами по толпе, причём Рон смотрел вовсе не в ту сторону, где над головами развевались красно-жёлтые флажки Гриффиндора, а гораздо левее — туда, где толпились хаффлпаффы. Как раз в этот момент Эшли напутственно поцеловала принимающего участие в соревнованиях Джастина Финч-Флетчли (стоящая рядом с ним Ханна Эббот покраснела, позеленела и, разрыдавшись, спешно ретировалась). Рон поджал губы, мрачно пнул попавший под ноги ком снега и уселся в сани.

— Долго вас ещё ждать?

Гарри и Невилл заняли места и огляделись: полсотни разноцветных деревянных саней нетерпеливо елозили по снегу, ожидая команды. Справа разместились шестикурсники из Равенкло, слева — свои, гриффиндорцы — Фред, Джордж и Ли Джор-

дан.

— Не подкачай, братишка, — подмигнул Фред.

Сигнал к началу гонок собственноручно подал профессор Снейп — с мрачным и блезгливым лицом, словно делал нечто ужасно неприятное и не доставляющее ему ни малейшего удовольствия, он взмахнул своей палочкой. Из неё вырвалась оранжевая вспышка, и сани, толкаясь и взрывая полозьями снег, рванулись вперёд.

Дистанция была небольшой — всего два круга по полю, но то, что её пройдут не все, стало ясно уже на старте: столкнувшись и перепутавшись полозьями, двое саней опрокинулись, в них воткнулись ещё двое — образовалась настоящая куча-мала. Гермиона прищурилась — но нет: ни Рона, ни Невилла, ни Гарри среди вылезающих из снега и отряхивающихся студентов не было. Ещё трое вылетели на первом же повороте, не справившись с управлением. Изгородь загона для мантикравов затрещала, но выдержала. Когда столб снега осел, стало видно, что первенство захватили гриффиндорские семикурсники — экипажи близнецов и их подруг шли оглобля к оглобле. Гриффиндорцы радостно взревели и отчаянно замахали флажками и шарфами, но разрыв был не слишком велик — сзади плотной группой шло сразу десятка полтора саней — подрезая друг друга, выталкивая с дистанции, они медленно, но неуклонно приближались к лидерам.

Гермиона видела, что сани, которыми управляли Малфой, Монтегю и Боул подрезали те, в которых был Гарри, — гриффиндорцы едва не опрокинулись, пытаясь уйти от столкновения, и сразу же отстали. Малфой напоследок проорал что-то — наверняка очень оскорбительное, но радость его была недолгой: неожиданно на полном ходу их сани начали разваливаться: полозья, оглобли, борта — через мгновение слизеринская тройца отплёвывалась от снега, сидя в огромном сугробе среди аккуратно сложенных дощечек. Толпа радостно заорала: за исключением Пенси Паркинсон да квартета прихлебателей к Драко мало кто испытывал тёплые чувства. Даже среди его собственных однокурсников.

Благодаря этой заминке лидерство Фреда, Джорджа и Ли стало очевидным: сани девушек неожиданно сбавили темп — к большому неудовольствию Гермионы⁹. Гермиона нашла взглядом экипаж Гарри, Рона и Невилла, и в груди у неё похолодело: совершенно очевидно, что-то шло не так: вихляясь из стороны в сторону, сани начали ускоряться — быстрее, быстрее... вот они нагнали Кэти, Алисию и Анджелину... Вот приблизились к Фреду, Джорджу и Ли... И в этот миг, на повороте к финишной прямой, они вдруг вылетели с дистанции и, не сбавляя скорости, понеслись прямо к Дракучей иве. Словно почувствовав приближающуюся опасность, та стряхнула снег и вскинула ветви, приготовившись, как всегда, ответить ударом на удар. Сани мчались всё быстрее и быстрее... По большому счёту, уже было неважно, куда врезаться, — хватило бы обыкновенного дерева... Все вокруг ахнули и затихли, за ходом гонок уже никто не следил.

— Почему они не поворачивают, почему не поворачивают? — стиснув руки, твердила замершая Джинни. Второкурсница Джейн Бантинг выхватила из рукава палочку и прицелилась:

— Сейчас... я сейчас остановлю сани...

— Не вздумай! — хлопнула её по руке Гермиона. — С такого расстояния ты попадёшь прямо в мальчишек!

Рядом раздался сдавленный всхлип, и, уткнувшись в плечо Трейси, Дженнифер Грин отчаянно разрыдалась.

В тот миг, когда столкновение казалось неизбежным, и с довольным скрипом Дракучая ива уже занесла для удара тяжёлые ветви, Гермиона вдруг заметила мчащийся по полю голубой фордик. Вернее, голубым его можно было назвать с очень боль-

шой натяжкой — пятна ржавчины проели помятые бока, и краска сохранилась лишь местами. Набирая скорость и отчаянно мигая фарами, фордик успел втиснуться между Ивой и санями за миг до столкновения. Сани воткнулись в его железный бок на полном ходу, издавека было хорошо видно, как Рона, Гарри и Невилл ударом выбросило в сугроб.

— Бегите! — взревела толпа. Ветви хлестнули по снегу спустя секунду. Перекачываясь и уворачиваясь от ударов, юноши выбрались на безопасное место. И в этот миг взбесившаяся Ива выместила свою злость на обидчиках.

От первого удара у фордика провалилась крыша и с громким хлопком вылетели сохранившиеся стёкла, фары судорожно замигали... Из последних сил, надрывно сигналив, он дал задний ход — не тут-то было: огромная ветвь опустилась на землю, отрезав путь к отступлению, ствол качнулся назад и с натужным скрипом обрушился вниз. Всё было кончено в считанные мгновения. Послышался стон железа, хруст, звон, свист ветвей, сани взорвались щепками... Гермiona зажмурилась. Она не могла на это смотреть: ей казалось, что убили живое существо. Когда она открыла глаза, в сугробе под деревом лежала лишь бесформенная кучка металла и какие-то жалкие деревянные обломки.

Придя в себя от шока, гриффиндорцы, крича и размахивая руками, рванулись вперёд, студенты остальных факультетов, сбежавшие кто сочувствием, кто любопытством, а кто и злорадством, побежали следом, утопая в снегу и путаясь в длинных мантиях.

Гарри и Рон сидели в сугробе. Рядом стоял Невилл. Вид у всех троих был ошеломлённый и мрачный. Особенно у морщившегося от боли Рона, у которого, вдобавок, изо рта текла кровь.

— Кажется, Рон прикусил язык, — сообщил Невилл, едва к ним пробившись учителя. — А Гарри по голове попало веткой.

Мадам Помфри бросила на них внимательный взгляд, но, похоже, осталась удовлетворена осмотром.

— А вы, мистер Лонгботтом?

— Со мной всё в порядке, — удивлённо ответил Невилл, настороженно оглядывая себя и словно сам этому не веря.

— Тогда, возможно, вы расскажете нам, что случилось? — попросила, чуть задыхаясь от красса по пересечённой местности, подоспевшая профессор Макгонагалл. Следом за ней подошли остальные учителя — за исключением крошки Флитвика, который завяз в снегу и теперь барахтался, пытаясь извлечь себя из сугроба при помощи заклинания левитации.

— Сани вдруг потеряли управление и помчались прямо сюда. Что мы ни пытались сделать, как их ни хлопали, как ни кричали — бесполезно. А выпрыгнуть они нам не давали — как чувствовали, сразу начинали заваливаться на другой бок... Мы ничего не могли поделать: палочек-то у нас не было...

— Значит, всё дело в санях, — холодный голос Снейпа рассёк морозный воздух. Гомон тут же замолк. Профессор Зелий подошёл к щепкам, раскиданным по снегу, и пнул их носком начищенного до блеска чёрного ботинка. — К сожалению, установить, что послужило причиной, уже не представляется возможным. Во избежание новых несчастных случаев, дальнейшие катания отменяются. Рекомендую всем вернуться в замок. Ах да, кстати, — словно вспомнив, добавил он и поморщился, — в гонках победил экипаж Гриффиндора Уизли — Джордан — Уизли.

Он развернулся и стремительным шагом — словно под ногами был не глубокий снег, а каменный пол Большого Зала — направился к замку. Переговариваясь и обмениваясь впечатлениями, студенты, уже изрядно продрогшие на морозном возду-

хе, потянулись следом. Рядом с Гарри, Роном и Невиллом, над которыми колдовала мадам Помфри, остались только Гермиона, Трейси, Дженнифер и Джинни.

Пробравшись напрямик через поле, подоспел Хагрид. Позади него в снегу оставалась широкая колея. Он метнулся к Гарри, погладил его по голове огромной ручищей, вдавив в сугроб едва ли не по пояс, потом подбежал к Рону, к Невиллу — растерянный, испуганный, он размазывал слёзы по щекам и периодически пытался рвать на себе волосы:

— Ох, дурень я, дурень... Из-за меня вы едва не убились... Но кто бы знал, кто бы знал... Никогда себе не прощу! Они ведь были такие резвые, но совершенно, совершенно безобидные... Ума не приложу, что с ними случилось...

* * *

Хогвартс-экспресс выдохнул в синее небо клуб белоснежного пара, свистнул и тронулся от хогсмидской платформы. Впрочем, об этом можно было догадаться только по покачиванию вагона: белоснежная, вернее, уже голубовато-серая унылая равнина за окном оставалась неизменной. Стучали колёса, теплое, уютное купе заливал желтоватый свет ламп. Рон угрюмо смотрел в окно, отвернувшись от куска жареного гуся, прихваченного с обеда Джинни, Гарри привалился к стеклу и закрыл глаза; Гермиона, сначала пытавшаяся завести общую беседу, отказалась от этого в виду полной бесплодности попыток и теперь клевала носом: сказывалась бессонная ночь.

Джинни сидела, поглядывая на друзей, и машинально отщипывала от гуся волокна мяса — пока на тарелке не осталась лишь груда косточек.

Наконец, Рон отвёл глаза от сгустившейся за окном черноты.

— Холосый был Фолдик... столько лаз нас от смелти спасал... — с трудом ворочая прокушенным языком, тихо произнёс он.

Гарри открыл глаза и кивнул.

— Ладно, сто тут голевать... — продолжил Рон, пряча глаза. — Ведь все живы, здоловы и, главное, каникулы начались... Даже не велится...

— Да, — сквозь сон пробормотала Гермиона, — не верится... — она похлопала рядом с собой по сиденью и, найдя руку Гарри, крепко сжала её. — Хотела бы я знать, почему взбесились ваши сани... Кто, кто опять... — и, не договорив, она уснула, убаюканная мерным покачиванием.

* * *

Профессор Крум сидел за столом в своей комнате, рассеяно перебирая лежащие перед ним пергаменты и глядя в пространство невидящим взором.

В тусклом свете одинокой свечи были видны синие тени под тусклыми глазами, устало опущенные уголки губ, напряжённая морщинка между бровей, спутавшиеся и всклокоченные волосы — сейчас он казался не двадцатилетним юношей, а усталым стариком.

Он не читал эти письма — он уже знал их наизусть:

“в связи с неявкой на сборы... пропуск решающих матчей... команда была дисквалифицирована... расторжение контракта... неустойка...”, “ваши рекламный контракт с методологической компанией “Торнадо” считается недействительным... причитающаяся с вас неустойка составляет...”, “Виктор, мама очень плоха. После вынужденной продажи дома и описи имущества её разбил паралич, и мы поместили её в Софийский Богородичный Госпиталь... По заключениям врачей, прогноз неблагоприятный. Приезжай, если хочешь успеть с ней попрощаться...”, “хотим уведомить вас, что, поскольку плата за обучение студентов третьего и первого курса Братковой Станы и Стоичковой Боряны не была внесена согласно заключённому договору, их дальнейшее обучение в Школе Магов Дурмитранг не представляется возможным”...

Но не об этом думал сейчас профессор Крум. Он сейчас вообще не мог ни о чём думать, всё вызывало у него дикую боль, сравнимую разве что с болью от Пыточно-го Проклятья.

Неожиданно его глаза посветлели, он вздохнул и поднял голову к огромному зеркалу в старой раме с облезшей позолотой.

— Testor!

Зеркало Памяти дрогнуло, подёрнулось рябью, с поверхности исчезло отражение мрачной комнаты, заваленной свитками и заставленной странными магическими приборами, о предназначении которых можно было только догадываться. Кабинет профессора Защиты от Тёмных Искусств наполнился жарким июльским солнцем. По медовому деревянному полу босиком пробежала тоненькая девушка в жёлтом сарафане-разлетаике. Она шагнула вперёд, словно собираясь преодолеть тонкую стеклянную границу, и, подняв руки вверх, начала скручивать в пучок упрямые густые волосы. Брови сосредоточенно сдвинулись. В зубах она держала шпильки. Три шпильки с ярко-жёлтыми шариками. Он мог бы, зажмутив глаза, по памяти рассказать всё, что она будет делать: сначала волосы заупрямятся... у неё получится только со второго раза... она нетерпеливо притопнет босой ногой. Наконец-то! — крутанётся перед зеркалом, сверкнув полоской белых трусиков, подхватит с пола босоножки и, послав зеркалу напоследок воздушный поцелуй, выбежит из комнаты.

— Finite incantatum!

Он уронил голову на руки. Если бы сейчас кто-то очутился рядом, то, склонившись над ним, услышал бы сдавленный вздох. Перед закрытыми глазами Крума снова появилась увиденная накануне картина: сумрачный коридор и обнявшиеся пятикурсники Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер. Мокрые с головы до ног. Ему не надо было объяснять, откуда они идут. Это было написано на их раскрасневшихся лицах с тёмными, распухшими губами. Равно как не надо было растолковывать, что именно с ними случилось, — ведь он лично присутствовал на собрании, где преподаватели решали, каким способом можно остановить студентов, которые уже не способны сделать это сами. Десять галлонов воды — это было предложение Флитвика. Макгонагалл настаивала на проваливающемся полу, Снейп — на назначении взыскания в виде внеочередной уборки в классе зельеварения, Филч — на подвешивании за большие пальцы в холодном карцере. (Последние два предложения, к большому сожалению их авторов, не прошли)

Мокрые с головы до ног Грейнджер и Поттер.

Виктор Крум поднял голову, ещё раз махнул палочкой на зеркало. Босоногая девушка снова и снова выбегала к нему из солнечного лета, снова и снова посылала воздушные поцелуи.

Он вздохнул, перебрал шуршащие пергаменты на столе, поднялся и подошёл к зеркалу. Она стояла перед ним, чуть пританцовывая от нетерпения, держа в зубах три шпильки. Коснувшись пальцем холодной равнодушной поверхности, он обвёл пальцем её контур.

Она притопнула ногой.

Он прикоснулся к её губам.

Она закружилась, юбка плавно взмыла вверх, обнажив загорелые ноги.

Вздохнув, он поднял волшебную палочку.

Она послала ему воздушный поцелуй и, держа в руках босоножки, побежала к двери.

Он зажмурился и нацелил палочку себе в грудь.

— Avada...

Но договорить не успел: кто-то заломил ему руки за спину и вывернул палочку из к-

репко сжатых пальцев. Крум со всего маху врезался головой в зеркало и, открыв глаза, увидел прямо перед собой отражение её загорелых ног.

— Э, нет, мистер Крум... Самоубийство — это было бы слишком просто, — прошипел в затылок знакомый голос.

Глава тридцать первая, в которой мы вновь узнаём о пользе подслушивания, а в Хогвартсе вводятся новые правила.

Рона разбудило самозабвенное постанывание упыря — тот выводил тоскливые рулады в тон заблудившемуся где-то на чердаке ветру. Судя по всему, было ещё очень рано. За маленьким окошком царила зимняя мгла, но снизу, из кухни, доносились приглушённые голоса и позвякивание посуды — миссис Уизли уже заступила на боевой пост. Как и во все эти дни Рон не сразу понял, где находится, не в силах привыкнуть, что эта конурка с голыми фанерными стенами и деревянным потолком — его новая комната.

“Нет, надо сегодня же ею заняться. Тут жить нельзя”, — привычно подумал он и зевнул. Потянулся. Перевернулся на спину.

С этой мысли начиналось каждое утро — но за чередой дел, разговоров, прогулок и домашней работы (не только той, что задали на каникулы, но и настоящей, *домашней*, которой с удовольствием нагружали отпрысков миссис и мистер Уизли — в “новой” Норе ещё оставалась пропасть недоделок) он вспоминал об этом только вечером, ложась в кровать.

Рон прислушался к себе. Спать не хотелось. В окно заглядывали ещё абсолютно ночные луна и звёзды. Снизу опять донеслось гроыхание посуды и плеск воды. Рон протянул руку и, затеплив волшебную палочку, взглянул на циферблат наручных часов.

Семь часов. Проснуться в семь утра в каникулы — что может быть хуже? Он беззвучно застонал. Спать не хотелось. Совсем. И вообще — не хотелось ничего. Будто проникнувшись его упадническим настроением, упырь под крышей старательно заохал и взвыл особенно надрывно и проникновенно, со слезой.

Повернув голову, Рон взглянул на стоящую через узенький проход вторую кровать. По очертаниям свернувшегося и с головой укрытого одеялом тела понял, что Гарри всё же явился спать. Привычно удивился — в силу довольно незатейливых взглядов на жизнь, Рон недоумевал, почему он не остаётся у Гермионы, — ведь их отношения для младших Уизли были секретом полишинеля и служили неистощимой почвой для тихих дружеских подначек. (Между нами: Гермиона не относилась к девушкам, слишком просто или даже вообще “просто” смотрящим на некоторые аспекты взаимоотношений между полами. Но Рону с его открытостью и темпераментом ничего подобного даже в голову не приходило.) Его смешило, когда вечером, разбредаясь спать, влюблённые чинно желали друг другу спокойной ночи, — она отправлялась в отведённую ей спальню на втором этаже, а Гарри вместе с Роном поднимался наверх, нырял под одеяло и спустя несколько минут начинал старательно изображать глубокий сон. В первую ночь Рон даже на это купился. Следующим вечером, уже задрёмывая, он услышал скрип соседней кровати... потом тихое “Эй... Рон... ты спишь?”, после чего Гарри, взяв ботинки в руку, на цыпочках прокрался к двери. И вернулся отнюдь не через четверть часа...

Утром на первый же весёлый вопрос и попытку поздравить Гарри в довольно резкой форме напомнил другу о том, что соваться не в своё дело нехорошо.

— И вообще — мы просто разговариваем!

— Ну и дураки! — захохотал Рон, но, поймав взгляд Гарри, осёкся на полуслове,

подавился подготовленной шуткой и, криво улыбнувшись, ретировался. Он понял: времена, когда Гарри, в первую очередь, был нужен именно он, Рон, прошли. И отчётливо почувствовал себя лишним. Третьим лишним.

Конечно — на кой чёрт я им сдался? Только путаюсь под ногами и вламываюсь в самый неподходящий момент — как вчера в гостиную... — он усмехнулся в темноту, вспомнив, как Гермиона свалилась с колен вскочившего от неожиданности Гарри. Но улыбка тут же потускнела и исчезла. За последние дни Рон устал улыбаться и делать вид, что искренне радуется за друзей и нисколько не обижается полному отсутствию внимания к своей персоне. Устал в одиночестве гулять, возиться по дому, листать комиксы в гостиной, делать уроки — устал всегда находиться в одиночестве, даже когда Гарри и Гермиона находились рядом. Ведь они видели только друг друга, говорили только друг с другом, отвечая Рону односложно или не отвечая вовсе. А иногда напрочь забывали о его присутствии! В такие минуты Рону хотелось их стукнуть, схватить за шкирки и как следует потряхнуть, заорав: “Вот он я! Ау! Посмотрите на меня!”

Но это было глупо и по-детски — он и сам прекрасно понимал. А потому на людях Рон был весел, чуть циничен и так старательно не обижался и бодрился, что не замечал этого только слепой. Вернее, слепые.

А всё началось Рождественским утром...

Они завалили комнату объёмной бумагой и облопались сладким до такой степени, что под конец принялись кидаться перечными чёртиками и мятыми лягушками — будто снова превратились в сопливых первоклашек. Прибежала Гермиона с подарками, попав под перекрёстный огонь... Повисла у них обоих на шее, а потом под села к Гарри, и они начали смеяться, шушукаться и украдкой целоваться, думая, что Рон, занятый распаковыванием коробок и коробочек, ничего не замечает...

— Тьфу, противно слушать — заканчивайте лизаться! — не выдержав, фыркнул Рон после донёсшегося очередного мокрого чмока.

Спустились на завтрак — мама расстаралась: сливовый пудинг получился вкуснейшим. Помнится, Фред вытащил из своего куска монету, а Рон — пуговицу, символ холостяцкой жизни. Билл, смеясь, продемонстрировал кольцо, мама заахала, спрашивая, когда готовиться к свадьбе. Гермиона и Гарри, как всегда, тарасились друг на друга. Косолапсус, сидя у неё на коленях, медитировал на бекон, потом, бросив пристальный взгляд на хозяйку, аккуратно подцепил кусок когтём и с урчанием уволок под стол.

— А почему сегодня нет Пророка? — наконец очнувшись, спросила Гермиона, недоумённо переводя взгляд со своей пустой тарелки на пустую же вилку. — Я что — уже позавтракала? — озадаченно пробормотала она.

— Право, Гермиона, душечка, ничего не могу сказать, — торопливо откликнулась миссис Уизли. Мистер Уизли вздрогнул и, смахнув на пол нож, тут же нырнул под стол. — Наверное, проблемы с доставкой — всё-таки Рождество, совы нарасхват... Джордж, передай Джинни сок. Нет, не тыквенный, она просила у тебя апельсинового.

— Ты что! Будешь пить кровь мёртвых апельсинов?!

Джордж вытаращил глаза, Билл расхохотался, Гермиона заулыбалась и попросила Рона подвинуть к ней джем... Никто не заметил, как мистер и миссис Уизли обменялись взглядами, полными облегчения.

— Джинни, детка, помоги мне с кладовкой — надо отнести туда пустые банки и разобрать шкафы: у меня никак руки не дойдут...

— Ма-ам, но сегодня же праздник! — проныла Джинни. — Давай завтра, а? Я так устала в школе, да и не выспалась сегодня — упырь всю ночь стонал и возился в -

дымоходе.

— И скрипел кроватью, — ехидным полушёпотом добавил Рон, тут же получив от Гарри чувствительный пинок в голень.

— Что делать, — развёл руками Билл, — денег, выделенных для восстановления дома, на звукопоглощающие чары не хватило. Еле-еле сделали то, что есть.

— Можешь забивать уши ватой, — с набитым ртом посоветовал Джордж.

— Гермиона, деточка, а как ты спала? — развернулась к красной, как рак, Гермионе миссис Уизли.

— Как убитая, — тихо пробормотала девушка и уткнулась в свою чашку с чаем.

Рон снова выразительно хмыкнул и получил от Гарри ещё один пинок, подкреплённый для убедительности показанным под столом кулаком. Глаза у друга были на редкость сердитыми.

...Гарри на соседней кровати заворочался, что-то пробормотал сквозь сон и повернулся на спину. Вынырнувшая из-за облака луна плеснула на него пригоршню света. Одеяло откинулось и наполовину съехало на пол. Рон покосился на друга (растянутый ворот старой линялой футболки сполз с плеча, на шее красовалось нечто, подозрительно напоминающее... *тьфу, гадость какая!*) и начал решительно одеваться: не сидеть же здесь до завтрака, верно? В темноте это оказалось процедурой не из лёгких, хорошо ещё, что Влюблённые Носки — рождественский подарок близнецов — оправдали ожидания изобретателей.

— ...Итак, хит сезона: носки, которые существуют только попарно, — анонсировал Фред. Джордж сыграл на губах туш и призвал всех хранить благоговейную тишину. — Специально созданы для обалдуев, которые вечно расшвыривают своё барахло, а потом клячат у старших братьев носки и носовые платки, — Рон покраснел. Гарри, к вящему недоумению Гермионы, тоже¹⁰. — Носки, раскиданные обалдуем по углам, энергично подползают друг к другу... — действительно, каждый носок решительно направился навстречу своему собрату. Встретившись, они свернулись в аккуратный клубочек и замерли. Под бурный хохот и аплодисменты Джордж с гордостью сообщил, что патент на изобретение уже подан.

И вот тут Рон случайно услышал, как Гарри тихонько позвал Гермиону погулять в саду после завтрака. И радостно захлопал в ладоши. Как последний баран.

— О, классная идея, Гарри! Отличная погода — можно поиграть в снежки или покататься с горки... — и по растерянным глазам понял, что его присутствие отнюдь не входило в их планы. Конечно, Гермиона сразу взяла себя в руки.

— Да, отличная мысль! Джинни, Фред, Джордж — что скажете?

Но Рон видел мелькнувшую на лице Гарри досаду... Это убило его наповал. Рождество было испорчено. Каникулы сразу опротивели. Мысль о том, что ты, оказываешься, навязываешься... путаешься под ногами... И от тебя хотят отделаться, чтобы лизаться в укромном уголке и нести всякую чушь...

Наверное, это моя судьба. Я всем мешаю, я никому не нужен... Чарли с Биллом старше меня, и даже теперь, когда нам действительно есть о чём поговорить, их никогда нет рядом. Перси мной отродясь не интересовался — для него любая бумажка в сто раз интереснее живого человека, вон даже в Рождество нашёл себе работу. Фреду с Джорджем никто не нужен... А Джинни — девчонка... Гермиона и Гарри — это всё, что у меня оставалось. Нет, наоборот: Гарри и Гермиона. Эх, а как здорово мы жили: расследовали очередную страшную тайну, бродили по ночам по разным запретным местам, устраивали тайные собрания, выручали друг друга и лезли в самое пекло... Я для них жизнью рисковал, можно сказать, — забрался в кабинет к преподавателю! (как всегда случается с людьми в момент сильной обиды, Рон напроць забыл, что при помощи зелья Правды они собирались выяснить, кто отправил

его почти на полмесяца в госпиталь. Он чувствовал себя обманутым и использованным.) А теперь... Они там, друг с другом... Впрочем, это действительно не моё дело, ну их... — оборвал себя Рон.

В поисках ботинок он присел на корточки и начал шарить под кроватью. Рука натолкнулась на большую коробку, в которой хранились письма и открытки от поклонниц: поток посланий, хотя и превратился из полноводной реки в тонкий ручей, окончательно всё же не иссяк. На Рождество доброжелательницы засыпали его подарками — от Шоколадных лягушек до шпиргальных перьев и даже (его бросило в жар, когда он это распечатал) трусов с рисунком в виде фривольных скелетиков и надписью *Трусы Щастя* — Рон не рискнул их надеть, и слава Мерлину: этот подарочек, суливший массу острых ощущений, преподнесли Фред с Джорджем. Разумеется, не обошлось без очередной поэмы: открытка порхала, рассыпая волшебные натающие снежинки, и под позвякивание колокольчиков дребезжащим голосом распевала: *“Тебя от всей души я поздравляю, И много счастья я тебе желаю...”* — в таком духе ещё куплетов пять.

Рон сам не знал, зачем продолжал коллекционировать послания от неизвестных, в большинстве своём, девушек. За всё время подписались двое. Рискнув пойти назначенные свидания, Рон впал в ужас — одна выглядела, как тролль, втиснутый в школьную форму, а вторая оказалась сопливой второклашкой с косичками. Но, засовывая в коробку очередной пергамент, он каждый раз испытывал странное облегчение, и мысли об Эшли уже не казались такими мучительными. Увы, увы — Рон сам не знал, что с собой поделаться: то ли природа брала своё, то ли в душе его не осталось места чёрной злобе и мести — каждый день он продолжать искать оправдания её поступку и, как ни странно, находил.

Наконец, сунув ноги в ботинки и хлопая по полу развязанными шнурками, Рон выскользнул из комнаты. На лестнице царил полумрак, голоса, доносящиеся снизу, теперь звучали громче — хотя слова по-прежнему сливались в неразборчивый гул, в интонациях угадывалась тревога и напряжение. Сам не зная, почему, путь по лестнице Рон проделал на цыпочках и почти не дыша. Дверь в кухню была приоткрыта, оттуда в коридор тёк жёлтый свет и упоительный запах. Стучали ножи, в раковине упруго звенела вода, на плите распевали подаренные Гарри кастрюльки: *“ещё чуть-чуть ты посоли и четверть часа повари...”*, *“я начинаю подгорать, меня пора с огня снимать!”*. Что-то звякнуло, громынула какая-то крышка, и замерший на миг разговор продолжился. Голоса принадлежали миссис и мистеру Уизли и Ремусу Люпину.

— Я их каждое утро перехватываю, — устало вздохнула миссис Уизли. — Пока они ни о чём не догадались...

— Молли, ты сама понимаешь, что пикси в мешке не утаишь: они вернутся в школу и всё узнают.

— Вот и пусть узнают в школе, иначе вовсе откажутся туда возвращаться... Ох, нелёгкое время их ждёт! Я с ужасом об этом думаю... Может, их действительно стоит забрать из Хогвартса, Артур? С учётом, какие у тебя с *ним* отношения, мне страшно подумать...

Рон наострил уши и затаил дыхание. От нехороших предчувствий по спине пробежали мурашки.

— Прекрати, Молли, — оборвал жену мистер Уизли. — Всех нас ожидает нелёгкое время, я не вижу смысла пытаться искусственно ограждать детей от реальной жизни. Идея с газетами мне категорически не нравится: они бы так хоть морально подготавливались, а ты хочешь поставить их перед фактом. Именно так и совершается большинство глупостей, — в голосе отца Рон услышал непривычную резкость. — Ремус, что слышно от Сириуса?

И тут Рона осенило. Странные взгляды, которыми, думая, что никто этого не видит, обменивались родители, отсутствие информации из внешнего мира — всё вдруг обрело смысл.

Так вот куда деваются газеты. Вот почему с кухни исчезло радио, и о его судьбе мать сказала, что оно сломалось и валяется где-то на чердаке...

— После недавней провокации он скрывается, у меня нет никаких вестей — судя по всему, дело серьёзно: будь у него малейшая возможность, он бы написал. Дамблдор пока держит оборону, но с каждым днём это сложнее и сложнее — мне кажется, всё уже предрешено, вопрос времени. Арчи Сноу — он вёл расследования по Пожирателям и, в том числе, по нападению на Гарри во время квиддича — бесследно пропал. Хаммеру предъявлено обвинение в многочисленных злоупотреблениях. Он — пока не арестован, но уже отстранён от должности. Дамблдора упрекают в недалёковидности... Всё развивается именно так, как и предсказывали.

Рон окаменел.

Послышалось чертыханье мистера Уизли.

— Угадайте, кого Совет предложил на должность главы Гильдии Авроров? Макнейра! — в голосе Люпина зазвучало глубочайшее отвращение.

Судя по звону, миссис Уизли уронила на пол что-то металлическое.

— Кошмар! Он же живодёр! О чём они только думают?!

— Кто “они”, Молли, кто? — горько откликнулся Люпин. — Хейман уволен, Миллз ушла сама... Миклтуэйт давно понизили, он ни на что не влияет... Холл всегда вызывал у меня сомнения — похоже, его действительно переманили. И кто у нас остаётся?

— Думаю, дни Дамблдора на посту министра сочтены, — вздохнул мистер Уизли. — В Министерстве бродят разные слухи... Многие увольняются сами, кого-то принуждают к этому — ты прав, идёт явная чистка рядов. Приходят новые люди. На первый взгляд, они ни в чём не замешаны, но время от времени проскальзывает странная информация... И все дорожки ведут к одному человеку — видимо, Люциус готовился не один месяц: раз-раз, и мы полностью дезорганизованы. Судорожные попытки положить конец этому ползучему перевороту не дают результатов. Общественное мнение и пресса не на нашей стороне.

— Статьи в Пророке день ото дня всё одиозней, — хмуро подхватил Люпин. — Не удивлюсь, если через неделю снова прочитаю, что Гарри — псих, а Сириус — преступник всех времён и народов. Молли, я понимаю твоё решение в отношении газет — ты хочешь, чтобы у детей были нормальные каникулы — тем более, что, судя по всему, это их последние нормальные каникулы... но, всё же, соглашусь с — Артуром: ты ставишь их в очень трудное положение. Мне твой поступок кажется весьма э-э... непоследовательным. Мягко говоря.

Миссис Уизли вздохнула и что-то пробурчала под нос — Рон не расслышал и приник ухом к щели. В этот момент что-то забулькало, кастрюлька на плите громко залопотала “готово, готово, с огня пора снимать!”, снова послышалось громоуханье и шум воды.

— ...они великолепно организованы — это именно то, чего нам вечно не хватало. Сразу чувствуется железная рука Малфоя.

— А кто стоит за этим? — дрожащим голосом спросила миссис Уизли. — Опять — ?..

— В этом не приходится сомневаться, сейчас игра пошла по-крупному. Эх, узнать бы, где их штаб-квартира, может, тогда бы мы успели... — Люпин замолчал и продолжил, понизив голос, так что у Рона появилось огромное желание оторвать ухо и подсунуть его под дверь, — Дамблдор сказал, что старая гвардия должна быть

в полной боевой готовности. Собrania будут проходить там же...

Вдруг Люпин замолчал, раздались быстрые шаги, и, не успев Рон отпрыгнуть от двери, та распахнулась и стукнула ему по лбу с такой силой, что он отлетел к противоположной стене, и к нему в гости пожаловали все галлюцинации мира: от разноцветных искр до чирикающих птичек и зелёных звёздочек.

В проёме, угрожающе подбоченясь и занеся над головой большую поварёшку, стояла миссис Уизли. Когда зрение прояснилось, от выражения лица матери Рона бросило в дрожь.

— Рон, негодный мальчишка, ты подслушивал?!

— Ничего подобного, — Рон принял вид оскорблённой невинности. — Спускается человек на кухню, не успевает даже за дверную ручку взяться — а ему сразу в лоб! Я встал пораньше и шёл узнать, не могу ли чем-нибудь помочь! — страх перед гневом матери придал его голосу уверенности, а глазам, в которых стояли настоящие слёзы, — правдивости. — Но если я тут не нужен, я, пожалуй, пойду обратно... Полежу... то есть, приберусь в комнате, — Рон мигом позабыл об обидах и раздорах, в голове крутилась единственная мысль: “надо немедленно разбудить Гарри и Гермиону и всё им рассказать”. Он даже не чувствовал набухающую на лбу шишку.

Не тут-то было!

— Рон, прости, дружок, — миссис Уизли вытерла руки о клетчатый передник и с виноватым видом потрепала сына по всклокоченным рыжим волосам. Потом вытащила из кармана палочку и убрала со лба кровоподтёк. — Твоя помощь окажется очень кстати: возьми со стола пирожок и ступай на улицу, надо разместить дорожки и сбить лёд с крыльца. Потом сходи в чулан и принеси муки и варенье из крыжовника — оно на полке, слева. Да! И не вздумай опять есть джем прямо из банки! Он от этого портится!

Рон вздохнул и поплёлся за курткой.

Похоже, денёк не задался с утра...

* * *

Он ступил на мягкий ковёр и обвёл кабинет торжествующим взглядом. Уходящие под потолок книжные шкафы, стол с магическими принадлежностями и письменным прибором, подставки для книг, стрекочущий в углу магический телетайп... Прикорнувшая на самой верхотуре Сортировочная Шляпа...

Колдун подошёл к столу — стул был чуть выдвинут, будто хозяин кабинета только что поднялся со своего места. Хотя о каком хозяине теперь речь! Теперь он здесь хозяин. Директор Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс, назначенный Попечительским Советом.

Колдун расстегнул плащ и кинул его в сторону стоящей у двери вешалки. К его недоумению, та не стала угодливо прогибаться и ловить одежду, и роскошный чёрный плащ с серебряными пряжками упал на пол. Колдун нахмурился, поднял и положил его поперёк стола, после чего продолжил обследование своих новых владений. Уже через минуту-другую недовольство сошло с лица, уступив место откровенному ликованию. Его никто и никогда не видел таким: обычно бледный, с искривлёнными в безразличной улыбке губами, сейчас он раздумялся от волнения и радости, став похожим на ребёнка, дорвавшегося до полок Сладкого королевства.

Он поднял руку и попробовал открыть дверцу книжного шкафа. Заперта. Нетерпеливо подёргав и покрутив ручку, он резким движением, словно кинжал из ножен, выхватил из трости волшебную палочку.

— *Alohomora!* — ничего не произошло. Волшебник нахмурился. Повторил заклинание — снова, снова — без толку. Серебристые брови сошлись на переносице, он размахнулся и изо всех сил ударил по стеклу кулаком в чёрной перчатке. И вск-

рикнул от боли. Стекло даже не прогнулось. Он метнулся к другому шкафу, третьему — то же самое.

Бормоча под нос ругательства, он развернулся к портретам.

— Эй, вы, — как они открываются?.. — но рамы были пусты, директора и директрисы исчезли с полотен. Ноздри колдуна раздулись от ярости. — О, значит вот как... Саботаж? Тем хуже для вас... Я... я прикажу сжечь все портреты!.. А ну — я кому сказал — по местам!

Однако холсты остались так же черны и безмолвны.

— Я вам покажу, кто здесь хозяин... — зашипел колдун и рванулся к столу, но в тот момент, когда он опускался на стул с высокой резной спинкой, тот вдруг отпрыгнул. Колдун рухнул на пол, взыв от боли и ярости. По кабинету разнеслось дружное хихиканье. Посерев от бешенства, колдун вскинул палочку на ближайший портрет:

— *Incendio!* — полыхнул огонь, из-за рамы донёсся истошный вопль, послышались торопливые шаги, и в соседнем портрете возник толстенький маг в подпалённом сюртуке. — Я вам покажу, кого вы должны слушаться!..

Но в тот миг, когда он нацелил палочку на следующий портрет, к нему резво подскочил высокий стул, наподдав непрошенному гостю под зад — раз, другой, третий — наскакивая по-петушиному, стул решительно толкал чужака к двери. Стол на львиных лапах закрипел и вздыбился, перья, чернильница, пергаменты полетели на пол; поднявшись на задние ноги, стол с угрожающим рычанием распростёрся над головой оторопевшего колдуна. Подставки для книг настойчиво пинали его под колени, дверцы шкафов разом распахнулись, и книги вырвались оттуда стаей огромных перепуганных бабочек. Шурша страницами, они закружились вокруг головы, кляя его коваными переплётками. Свечи под потолком погасли, снова зажглись, опять погасли... Колдун, отмахиваясь палочкой, взревел:

— *Impedimenta!* — но раньше, чем он успел закончить заклинание, огромный стол, нутно скрипя разошедшимся деревом и выпустив когти, начал опускаться ему на голову — колдун шарахнулся назад и в последний момент успел выпрыгнуть в тут же захлопнувшуюся за ним дверь. Винтовая лестница мгновенно подхватила его на свои ступени и через миг выплюнула на каменный пол тихого хогвартского коридора. Скрипя зубами от ярости и бормоча страшные проклятья в адрес всех и, в первую очередь, прошлого хозяина упрямого кабинета, волшебник поднялся на ноги и помчался прочь.

— Да-с, — со шкафа на царящий в кабинете разгром с удовлетворением взидала Сортировочная Шляпа, — не думаю, что тебе удастся посидеть в этом кресле, Люциус. Седлищем не вышел.

* * *

Под видом уборки Рон перевернул чердак вверх ногами, обнаружив-таки после долгих поисков запрятанный под горой строительного мусора потрёпанный радиоприёмник, так что следующие дни троица регулярно сбегала от всех и, запершись в комнате Рона и Гарри, слушала магические новости. У Фреда и Джорджа таинственные исчезновения, запертая дверь, возня и смущённый вид брата и его друзей, когда к ним стучали, вызывали массу вопросов и глумливых предположений. Впрочем, самим ребятам сейчас было не до шуточек: от того, что они узнали, голова шла кругом. Гарри и Гермиона, на радость Рону, вечерами больше не уединялись в её комнате, напротив — едва Нора засыпала, Гермиона на цыпочках поднималась к мальчишкам, и ночи напролёт они слушали радио, обсуждая и разрабатывая дальнейшие действия.

Весть об увольнении Дамблдора с поста директора Хогвартса не стала для них шоком — они давно были к этому морально готовы, но вот имя нового директора

повергло в ужас.

— Люциус Малфой! — хором простонали они.

— Всё, Гарри, кранты — считай, нас с тобой уже выгнали, — мрачно подытожил Рон. — Впрочем, не могу сказать, чтобы я был сильно против: мама права, мне действительно не очень-то хочется туда возвращаться...

— Нет, Рон, боюсь, всё гораздо страшнее, — сдвинув брови, покачала головой Гермиона. — Ведь мы знаем, что Малфои — Пожиратели Смерти, прислужники Слэдхэда. — она осеклась и, сделав над собой видимое усилие, поправилась, — В-Вольдеморта, верно? — Рон и Гарри разом вскинули к ней головы, в их глазах читалось неприкрытое восхищение. — Думаю, его истинная цель — Гарри, он хочет познакомиться с ним поближе.

— Согласен, — кивнул Гарри. — Он хочет убить меня, а не исключить. Но не думаю, что дело во мне одном. Хогвартс — это почти тысяча студентов. Вольдеморт наверняка мечтает сделать их — и вас в том числе — своими слугами и последователями.

Гермиона вздрогнула — не только от самих слов, но и от той лёгкости и простоты, с какими юноша их произнёс. Но она сама знала, что это истинная правда.

— Гарри, милый, тебе надо быть очень осторожным, я тебя умоляю...

— Знаю, знаю. Если ты думаешь, что сейчас мне хочется расстаться с жизнью, Гермиона, то здорово ошибаешься... — он улыбнулся и, обняв её за плечи, притянул к себе. Рон снова почувствовал себя лишним и поторопился прервать затянувшуюся паузу, во время которой его друзья опять вздыхали и пялились друг на друга.

— Ну, и какими же будут наши действия?

— Первым делом надо доварить зелье и выудить из Малфоя всё, что он знает — и о покушениях, и о квиддиче, и о том, что сейчас творится, — очнулась Гермиона.

— Второе: надо расчистить, наконец, лаз в Хогсмид и найти вход, ведущий в подземелья, — продолжил Гарри. — А то из-за этой учёбы всё забросили... (Рон скорчил козью морду, явно говорящую *“из-за учёбы? Ну-ну...”*, но ни Гарри, ни Гермиона не отреагировали на его гримасы). — Готов поклясться, что и штаб у них тоже где-то там, в тех подземельях.

— Третье: надо выяснить, кого держат под Проклятьем Покорного Сердца и не имеет ли это отношения к происходящему.

— Угу, — кивнул Гарри. — И ещё надо придумать, каким образом вернуть в Хогвартс Дамблдора. Ведь один раз нам это уже удалось.

— Итого — четыре. Всего-то навсего, — заметила Гермиона.

Рон взглянул на неё, как на полоумную, но девушка опять крутила ручку настройки приёмника, ловя очередной выпуск новостей. Сквозь хруст и треск эфира донеслось:

— ...смещён со своего поста. До выборов, которые, согласно регламенту, состоятся... — опять всё завывало, и Гермиона судорожно завращала ручку, — ...руководство страной будет осуществляться коллегиально — Советом Мудрейшин. Против Дамблдора выдвинуты обвинения, Совет дал санкцию и, по сведениям из достоверных источников, ордер на арест уже выписан, но, к сожалению, найти подозреваемого не представляется возможным: он исчез, как только посланные за ним... — волна снова ушла, на этот раз окончательно, и теперь тишину в комнате нарушали лишь сухое потрескивание и писк.

— Всё, — выдохнул Гарри. — Началось.

* * *

Профессор Зельеделия склонился над котлом, под которым тихо покачивалось пламя. Ноздри его выдающегося во всех отношениях носа раздулись, он сосредото-

ченно принялся и удовлетворённо вздохнул.

— *Misceo!* — содержимое котла тут же быстро завращалось, на глазах меняя цвет от чёрного к маслянисто-зелёному. — Будьте любезны, подайте мне жир ядозуба... *многоуважаемый коллега*, — даже сейчас Снейп не удержался, чтобы не поязвить.

Но Крум вряд ли обратил внимание на эту неприметную паузу. Последнюю неделю он вяло реагировал на окружающее, вызывая брюзжание Снейпа и пристальные взгляды мадам Помфри, с которой они встречались за трапезами. Таким оказалось побочное действие зелья, которым Снейп пичкал его с тех пор, как успел в последний момент схватить за руку.

Остальные вряд ли вообще обратили внимание на странное поведение самого молодого учителя: события, произошедшие в Хогвартсе и стране за Рождественские праздники настолько всех потрясли, что половина преподавательского состава находилась примерно в том же состоянии, что и Крум. Во всяком случае, губы профессора Макгонагалл стали ещё тоньше, Флитвик постоянно что-то ронял, мадам Помфри всё время всхлипывала... Трелони, явившись как-то к обеду, не торжествовала, по обыкновению, в связи с точностью своего пророчества о грядущих потрясениях, а, приютившись на краешке стола, тихо щипала булочку. Хагрид и вовсе не показывался: ему запретили вход в замок, и он целыми днями стenal в обнимку с Диофаном и огромным кувшином гиппогрифовой настойки.

Учитель по Защите от Тёмных Искусств опустил глаза к лабораторному столу и после минутного раздумья молча подал Снейпу пузатую склянку. Зельевар мерной ложкой набрал прозрачного золотистого жира, добавил в котёл, перемешал и тут же погасил пламя.

— Готово. Запомните, Волеукрепляющее зелье необходимо принимать дважды в день в течение недели. Надеюсь, у вас, господин Крум, хватит ума не пренебрегать моим советом, в любом случае — у меня нет ни времени, ни желания присматривать за вами и, тем более, проверять, следуете ли вы рекомендациям. В связи со сменой директора у меня достаточно забот и без ваших глупостей. Могу лишь добавить, что вам стоит подумать хотя бы о ваших малолетних родственницах, для которых вы — единственный близкий человек во всей Англии, — Снейп пихнул в руку Крума обжигающе горячий флакон и, подталкивая в спину, выставил его за дверь. Вернувшись к столу, педантично убрал за собой химическую посуду, склянки с порошками и жидкостями и уселся делать записи в рабочем журнале. Но, написав от силы десятков строк, внезапно отшвырнул перо и откинулся на спинку стула.

Люциус, Люциус, старинный мой приятель... Почему за это время ты ни разу не вызвал меня к себе, не спустился в подземелья сам? Неужели тебе от меня совсем ничего не нужно? Ведь теперь ты тут не гость, теперь ты тут полновластный хозяин и можешь рассчитаться со мной за всё... Или ты чего-то ждёшь?.. Приказа содрать с меня шкуру живьём? Что ж, это будет довольно забавно: как ни странно, у меня тоже есть к тебе некоторые вопросы...

Профессор чуть прищурился, и от этого почти неуловимого движения его лицо приобрело удивительно хищное и кровожадное выражение.

Потом мысли снова вернулись к Круму. В них не было жалости — Снейп в принципе не был способен на подобные сантименты. Напротив, его переполняло презрение:

Надо же быть таким глупцом! Из-за порочной слабости разрушить всё, что имел, всего лишиться, свести в могилу мать, разорить семью... Бесхарактерный никчёмный слизняк! Удивительно, что его вообще приняли в Дурмштранг. И этому человеку доверили вести Защиту от Тёмных Искусств! Слюнтяй. Хагриду его сдать. Для опытов.

Нет, всё-таки первое впечатление о людях самое правильное: мне никогда не нравилась эта Грейнджер!

* * *

В Большом Зале царило странное, скорбное молчание, нарушаемое только звуками шагов да скрипом разошедшихся старых лавок, стоящих тут чуть ли не с момента создания Хогвартса¹¹. Вернувшиеся с каникул студенты бесшумно рассаживались, обмениваясь тревожными взглядами и редкими тихими замечаниями — словно люди, пришедшие на похороны. Однако молчание, царившее за столом Слизерина, можно было без натяжки назвать торжествующим — сияющие лица, улыбки, дружеские помахивания руками. Это настолько не вязалось с тревожным напряжением большинства, что создавалось впечатление, будто целый факультет разом сошёл с ума. На месте старосты, привалившись к столу и вытянув поперёк прохода длинные ноги, развалился Драко Малфой. Лениво играя палочкой, он с хозяйским видом оглядывал рассаживающихся студентов других факультетов.

— О, а вот и Грейнджер, пока ещё староста Гриффиндора, — его глаза злорадно вспыхнули, когда Гермиона и её друзья заняли места за гриффиндорским столом.

Сидящая рядом Пенси тут же развернулась и смерила Гермиону торжествующим взглядом.

— Мисс Гриффиндор! Смотрите-ка — и синяки из-под глаз почти пропали! Сразу видно — с каникул! Ой, что это с твоими волосами? Ты их воском укладывала, да? А то я сначала подумала, что у тебя голова грязная...

Гермиона сцепила зубы и сделала вид, что ничего не слышит.

— А ты поправилась! Очень здорово поправилась! — крикнула ей в спину Пенси и подобострастно покосилась на благосклонно кивнувшего ей Драко.

Гермиона уселась на своё место и улыбнулась друзьям самой спокойной улыбкой, какую смогла из себя выдать.

— Дура, — пояснила она, пожав плечами.

Малфой, тем временем, не удержался:

— Эй, Грейнджер! Поторопись, чтобы успеть насладиться своим постом последние три минуты. Сейчас тебе укажут место, которого ты достойна, — его лицо светилось от удовольствия.

— Малфой, похоже, совсем обалдел за каникулы, — пробурчал Рон, но, видимо, не достаточно тихо.

— Тридцать очков с Гриффиндора за оскорбление старосты другого факультета, — с наслаждением откликнулся Малфой, смакуя каждое слово.

— А с каких это пор ты стал старостой? — повернулся к нему Гарри.

— Не твоё дело, шрамолюбый, — Малфой хотел ещё что-то добавить, но по Большому Залу пронёсся шумок, и из маленькой дверцы позади преподавательского стола вышли учителя — мрачные, с непроницаемыми лицами. Они расселись, и пустовать осталось лишь место директора. Гарри, Рон и Гермиона внутренне сжались — как и все, вернее, почти все присутствующие в Зале. Конечно, они знали, кому теперь принадлежит высокий стул с резной спинкой, но сердце категорически отказывалось это принимать.

Может, произошла какая-то ошибка? Дурной сон? Коллективная галлюцинация?

Однако дверь снова распахнулась, и в Зал вступил Люциус Малфой — как всегда, в чёрном с ног до головы, щеголеватый и бледный. Стол Слизерина разразился аплодисментами, остальные хранили гробовое молчание. Постукивая рукоятью трости по ладони, новый директор неторопливо поднялся на возвышение, обвёл глазами студентов и жестом велел слизеринцам умолкнуть.

— Итак, мои юные друзья, я рад приветствовать вас в стенах нашей школы. Ду-

маю, вы уже в курсе некоторых произошедших в последнее время изменений, и, тем не менее, хочу расставить точки над “и”. В связи со вскрывшимися злоупотреблениями и правонарушениями бывший директор этого учебного заведения Альбус Дамблдор снят со всех постов, лишён наград и исключён из Совета Мудрейшин, — в голосе Люциуса не было ни торжества, ни злорадства. Только ледяное равнодушие. И оно пугало куда сильнее ликования Драко. — В настоящее время ведётся его активный розыск. Теперь пост директора, согласно решению Попечительского Совета, занимаю я, Люциус Малfoy, — он чуть склонил голову, словно ещё раз приветствуя присутствующих, и обвёл Зал цепким взглядом, на секунду задержавшись на столе Гриффиндора. В серебристой глубине его глаз полыхнула такая холодная ненависть, что у Гермионы внутри всё оборвалось, и мысль о том, что стоило бы подумать о смене места учёбы, впервые не показалась абсурдом.

— Гнусная скотина, — прошипел Рон и стиснул кулаки.

— Точно, — чуть заметно кивнул головой сидящий напротив Дин Томас. — Ей-богу, я, как узнал, возвращаться не хотел. Но у родителей нет денег, чтобы учить меня за границей.

Гарри сидел, не поднимая головы, но по тому, с каким остервенением он кусал нижнюю губу и как побелели его стиснутые кулаки, Гермиона поняла, чего ему стоит это видимое спокойствие.

— Итак, для начала я хотел бы представить школе новых студентов, прибывших к нам из Болгарии. По правилам они должны пройти распределение. Думаю, нам не потребуется много времени. Профессор Макгонагалл, прошу вас.

Декан Гриффиндора, заметно осунувшаяся за прошедшие недели, вынесла на возвышение трёхногий табурет и Сортировочную Шляпу.

— Браткова Стана! — вызвала она, сверившись с пергаментом. В тишине раздались шаги, и на табурет уселась старшая племянница Крума. Гермиона не сдержала удивлённого восклицания, услышав которое, Стана повернулась и смерила её неприязненным взглядом.

— Гарри, поверить не могу! — Гермиона повернулась к сидящим рядом юношам. — Это племянницы Крума! Но они же учатся в Дурмштранге, каким ветром их занесло сюда?!

— По-видимому, теперь будут учиться с нами, — пожал плечами Рон, окидывая сидящую на табуретке девочку взглядом, полным вялого интереса.

— Кстати, я что-то не вижу самого Крума, — заметил Гарри, оторвавшись от созерцания своей пустой тарелки.

— Да вон же он, рядом с Синистрой, — обведя взглядом профессорский стол, ткнул пальцем Рон. — Мда... не похоже, будто каникулы пошли ему на пользу: если скажу, что он выглядит дерьмово, боюсь, сделаю ему комплимент.

Гермиона взглянула, куда указывал Рон, и похолодела: иссиня-бледное лицо, тёмные круги под ввалившимися глазами, впалые щёки, пустой взгляд, устремлённый в пространство.

— Господи, что с ним произошло?! — ахнула она.

— Переел Поносных пастилок, — предположил Рон, рассеяно выцарапывая вилкой на столешнице неприличное слово.

— Надеюсь, ты не собираешься это выяснить? — холодно поинтересовался тут же напрягшийся Гарри.

— Знаешь, Гарри, временами ты ведёшь себя, как чёрствый бессердечный эгоист! — не выдержала Гермиона, не сводя глаз с Крума и испытывая жуткие угрызения совести: ей казалось, она знает причину такого плачевного состояния преподавателя Защиты.

— Гриффиндор! — после долгих колебаний вынесла вердикт Шляпа, прервав препирательства.

Раздались вялые хлопки — больше по инерции, чем от души, и, стрельнув в Гермину полным отвращения взглядом, Стана отправилась к младшекурсникам в конец стола, где оставались свободные места.

— Стоичкова Боряна! — продолжила Макгонагалл и водрузила Шляпу на чёрные косицы бывшей дурмштранской первоклашки.

— Равенкло! — не задумываясь, сообщила Шляпа, Боряна прыгнула с табурета и торопливо прошагала к своим новым соученикам, пряча глаза и втянув голову в плечи.

— А теперь я хочу сказать несколько слов о новых правилах, которые вводятся в Хогвартсе в связи с изменившимся положением в стране, — Люциус Малфой, безмолвно просидевший всю церемонию распределения на директорском стуле, снова поднялся и извлёк из-за отворота мантии пергамент. — Итак, с сегодняшнего дня магглорождённые и нечистокровные волшебники не могут исполнять обязанности старост...

— Получай, выскочка! — раздалось торжествующее шипение Малфоя-младшего.

— ...а потому на должности старост Гриффиндора и Хаффлпаффа назначаются Невилл Лонгботтом и Эшли Макферсон.

По Большому Залу пронёсся вопль изумления. Гермину окаменела, но тут же взяла себя в руки и взглянула на сидящего чуть дальше Невилла. Тот выглядел настолько ошарашенным, что, казалось, вот-вот упадёт в обморок.

Гарри сжал кулаки.

— Сволочь... — его взгляд, устремлённый на нового директора, горел такой ненавистью, что Гермину испугалась, не собрался ли он броситься и задушить Люциуса голыми руками. Рон сквозь зубы помянул всю малфоеву родню, пожелал им нечто совершенно невообразимое и с ещё большим остервенением занялся вырезанием на столешнице второго неприличного слова.

— Попрошу бывших и новых старост пройти к деканам для сдачи и приёма полномочий.

Гермину с трудом поднялась и на негнущихся ногах пошла к столу. Сзади послышался грохот и смех: перебираясь через лавку, Невилл зацепился ногой и упал. Слизеринцы заулюлюкали. За остальными столами царило гробовое молчание.

С трудом справившись непослушными пальцами со значком старосты, Гермину положила его перед Макгонагалл и, не поднимая глаз, собралась было вернуться на место, как вдруг профессор коснулась её запястья своей худой морщинистой рукой:

— Благодарю вас за отличную работу, мисс Грейнджер. Выше голову, помните: “не опускать руки и не верить тем, кто попытается разделить, рассорить всех нас — чтобы сломать и поработить по одиночке”... — прошептала Макгонагалл, выразительно покосившись на Люциуса Малфоя, который насмешливо взирал на идущего к преподавательскому столу Лонгботтома. В тот момент, когда Невилл проходил мимо Драко, слизеринец подставил ему ножку, и Невилл снова споткнулся и растянулся на полу.

Губы Люциуса дрогнули в быстрой усмешке.

— Попрошу вас поторопиться, мистер Лонгботтом, новый пост потребует от вас большей подвижности и ловкости...

Услышав от Макгонагалл слова, какими Дамблдор поздравлял их с Рождеством, Гермину вздрогнула.

— Помните... — повторила профессор Трансфигурации.

Кивнув, Гермиона вернулась на своё место, шепнув Невиллу на ходу “держись!”.

Гарри поймал её руку под столом и крепко сжал.

— Всё нормально, — мотнула головой Гермиона. — Лучше подумай о том, каково сейчас бедняге Невиллу.

— Вот-вот, — буркнул Рон, — могу поклясться, Малфой специально выбрал именно его, чтобы как следует поглумиться...

Лучащаяся счастьем Эшли Макферсон, гордо вскинув головку и выпятив вперёд грудь с сияющим значком старосты, прошествовала на своё место. Её каблучки торжественно цокали по каменному полу. Рон сплюнул.

— Хотел бы я знать, за какие такие заслуги Малфой в обход правил назначил на пост старосты четверокурсницу?

Ответом ему стал красноречивый взгляд Гермионы.

— Итак, вопрос со старостами решён, — удовлетворённо кивнул головой Малфой-старший, когда все заняли свои места, и гул в Зале затих. — Поздравим мистера Лонгботтома и мисс Макферсон, — он поднял руки и дважды сложил ладони в неизменных чёрных перчатках, обозначив хлопки. С разных концов Зала откликнулись нестройные и вялые аплодисменты. — Далее. Согласно постановлению Совета Мудрейшин за номером 2-ПС-01 от 3 января текущего года, чистокровные волшебники имеют льготы и преимущества, полный перечень которых можно будет увидеть на досках объявлений в гостиных факультетов. Отныне магглорождённым отводятся дальние концы столов и задние парты классов. Так что перед тем, как продолжить, попрошу занять соответствующие своему рангу места.

Взгляд Люциуса жёг Гермионе лоб, взгляд Драко — затылок. Она почувствовала, как её захлёстывает волна негодования:

— Расист! — она вскочила и, тыча пальцем в сторону Малфоя-старшего, звонко повторила: — Расист! Хотите таким образом унижить нас? Ни за что!

Вскинув голову, она направилась к дверям. Рон и Гарри тут же поднялись и присоединились к ней.

— Гермиона, стой, — Рон, не сбавляя шага, вцепился ей в рукав. — Я всё понимаю, но ведь ему только этого и нужно: вызвать тебя на открытое противостояние. За тобой уйдут остальные магглорождённые и их друзья — с этого и начнётся раскол внутри факультетов...

— Ты думаешь? — Гермиона чуть притормозила, но тут же тряхнула головой. — Нет, ни за что! Я никогда не сяду на дальний угол стола только потому, что мне на это указали! Давайте ещё и на туалеты таблички повесим: “только для чистокровных”! Это расизм и сегрегация, хуже ничего и быть не может. Оставаться тут — неуважение к самим себе!

Вздохнув, Рон пожал плечами и двинулся следом за ней и Гарри. Их провожали восхищённые и недоумённые взгляды. И вдруг из-за стола поднялся Симус Финниган.

— Нет, что хотите делайте, я так не могу, — он обвёл растерянным взглядом однокурсников. — Гарри, Гермиона, Рон! Стойте, я с вами!

Словно очнувшись, остальные гриффиндорцы разом шумно снялись с мест. Тишина Большого Зала рассыпалась гулом голосов, смешками и топотом. Близнецы перемигнулись, откашлялись и затянули во весь голос:

*Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс,
Нас ты научи-и-и-и,
Пусть мы старые, лысые иль юнцы белобрысые,
Всем нам очень полезно над наукой страдать...*

За ними гимн Хогвартса подхватили остальные. Песня взмыла под потолок, откуда за происходящим наблюдали яркие колющие звёзды — за стенами замка трещал январский мороз. Баритоны и тенора юношей, сопрано девушек, дисканты малышей — неожиданно какофония, в которую всегда превращался школьный гимн, выстроилась в стройный многоголосый хор. Шагая впереди, близнецы, как тамбур-мажоры, дирижировали волшебными палочками. Из-за стола Равенкло встал Терри Бут, за ним — Падма Патил; студенты Хаффлпаффа и Равенкло начали подниматься со своих мест и присоединяться к шествию. Гимн звучал всё громче, всё звонче:

*В головах-то не густо, а совсем даже пусто,
Одни дохлые мухи, паутина на ухе,
Научи нас тому, что нам следует знать
А уж если забыли, надо всё вспоминать.*

Откуда ни возьмись, из-за стяга Хаффлпаффа вынырнул Пивз, запустил в сторону преподавательского стола бомбой-вонючкой и присоединился к хору визгливым фальцетом:

*Так ты сделай что можешь, а мы сможем — поможем,
Обещаем учиться и мозги напрягать.*

— Йо-хо-хо, мы помо-о-ожем! — ещё раз для убедительности провыл полтергейст и выпорхнул в коридор.

Через минуту Большой Зал почти опустел — гриффиндорцы ушли, уведя за собой большую часть хаффлпаффцев и студентов Равенкло. Судя по оцепенению Малфоя-старшего, он не ожидал ничего подобного. Однако удивление и недоумение, едва мелькнув, тут же исчезли с его лица, и новый директор невозмутимо продолжил:

— Теперь, когда с глупыми выходками покончено и здесь остались только вменяемые студенты, позвольте мне закончить с формальностями. В связи с напряжённой внутривластной и международной обстановкой изменяется работа почтовых сов. Отныне все совы переходят в ведение школы, и студенты, за исключением тех, что перечислены указом 13, который вы также найдёте на досках объявлений гостиных, должны приносить подготовленные к отправке письма в открытом виде мистеру Филчу. В течение двухдневного срока ваше письмо рассмотрят и, если отправка его адресату будет признана целесообразной, — отправят. Получать письма вы тоже будете у мистера Филча, раз в неделю, — Люциус кивнул головой в сторону завхоза. Тот торжествующе заулыбался, и стало видно, что зубы у него во рту растут не подряд, а через один. — Засим всё. Всем приятного аппетита.

Малфой чуть склонил сереброволосую голову, хлопнул в ладоши и, не оглядываясь, вышел из Зала. На столах в тот же миг возникли разнообразные яства, но лишь слизеринцы набросились на них с аппетитом. Оставшиеся в зале студенты других факультетов с ужасом и смутением смотрели друг на друга. Преподаватели, храня гробовое молчание, сидели за столом, не прикасаясь к тарелкам.

— Если никто не возражает... — профессор Снейп поднялся из-за стола.

— Да, я тоже пойду, — профессор Макгонагалл поднялась и обвела взглядом полупустой зал. — Ваши расписания вы получите завтра. Спокойной ночи.

Она заторопилась к выходу, склонив голову.

Если бы кто-то увидел сейчас её лицо, то, наверное, был бы несказанно удивлён: профессор Трансфигурации улыбалась.

* * *

— Всё, готово! — торжествующе сообщила Гермиона и подняла над головой флакон с прозрачной, как слеза, жидкостью. — Теперь нужно поймать Малфоя и каким-то образом напоить его зельем.

Из-за обилия уроков им удалось пробраться в туалет Плаксы Миртл только на третий день, и Гермиона к тому времени уже вся изнервничалась, опасаясь, что зелье может перестоять и испортиться. Кроме того, правила опять ужесточились, и гостиные разрешалось покидать исключительно на уроки или взыскания, так что Гарри всегда держал отцовскую мантию-невидимку под рукой.

— Я плохо себе это представляю, — признался Рон. — Он никуда не ходит один...

— Так-таки никуда? — прищурилась Гермиона.

— Не тащиться же за ним в туалет? — фыркнул Гарри. Он сидел на раковине и с помощью волшебной палочки метал осколки битой плитки в дальний унитаз.

— А почему нет? — тряхнула головой Гермиона.

Осколок плитки, не долетев до унитаза, упал, больно ткнув Рона в темя. Гарри не обратил на это ни малейшего внимания, он возмущённо всплеснул руками, сбив с носа очки:

— Ну, знаешь, я, конечно, всё понимаю, но ведь существует же предел!..

— Я пошутила, — расхохоталась Гермиона, глядя на вытянувшиеся физиономии и круглые глаза друзей. — Я имела в виду, что, наверное, на свидания он не таскает всю свою свору, верно?

— Думаю, он вполне справляется сам, — кивнул Рон и скривился, в очередной раз подумав, что с назначением на пост старосты Эшли — хорошенькой четверокурсницы, не блещущей особыми успехами, — не всё так чисто. — Только сдаётся мне, что приглашение на свидание от меня или Гарри вряд ли его заинтересует.

— Совершенно верно, поэтому-то оно будет от меня.

— Гарри, подбери челюсть, а то потеряешь, — заметил Рон. — А с чего ты решила, что Малфой, ничего не заподозрив, придёт на свидание с тобой? Он, конечно, гад и ублюдок, но вот дураком его называть никак нельзя. Не забывай, где и как он учится. Слизерин — это тебе не лазиль начхал. Чтобы после того, что ты устроила, — с этим демонстрациями, значками, транспарантами и прочим — Малфой поверил, что ты назначаешь ему свидание, потому что вдруг вспылала к нему симпатией? Да скучечервю ясно, что тебе от него что-то нужно!

— Потому-то он и придёт: не упустит возможность поупиваться своей властью и в сласть унижить меня, — серьёзно ответила Гермиона и протянула юношам клочок пергамента. — Взгляните, что я написала. Если он и на это не купится...

Рон потянулся за пергаментом, но Гарри, на щеках которого ходили желваки, выхватил записку первым.

— Гермиона, то, что ты задумала, очень опасно... — он прочитал и, нахмурившись, передал записку изнемогающему от любопытства Рону.

— Не опасней того, что грозит тебе и всем нам, если мы этого не сделаем, — возразила Гермиона. — К тому же, вы уже будете в классе под мантией-невидимкой. Сразу его вырубите — и всё. Нам не потребуется много времени. Главное, чтобы он пришёл один.

— Да, после того, что ты тут написала, он точно придёт один... — фыркнул Рон, возвращая пергамент Гермионе. — А ты подумала о том, что он с тобой сделает, когда очнётся? Вернее, что сделает с нами его папочка? Боюсь, подвешиванием за большие пальцы на всю ночь в карцере за это не отделаешься — можно и под суд влететь, даром, что мы ещё несовершеннолетние. Только не надо думать, что я трушу, — быстро пошёл на попятный Рон, — я к тому, что надо всё как следует продум-

мать и подготовить.

— Он никому не расскажет, — улыбнулась Гермиона. — Я кое-что вычитала... — чуть покраснев, она порылась в школьной сумке и вытащила обёрнутую газетой книжку. — Вот тут.

Гарри открыл книгу, взглянул на название и присвистнул:

— Ничего себе книжки ты читаешь!

— Вау! “Проклятья от сексуальных маньяков”! — восторженно взвыл Рон. — Дашь?

— Не могу — я одолжила её у Лавендер, надо сегодня же вернуть. — В Запретной Секции есть такая, но теперь я не могу туда попасть, — вздохнула Гермиона. — Ладно, речь не об этом. Нам надо сначала испытать приготовленное зелье. Желаящие есть?

— Что-то мне не хочется, — замотал головой Рон, — не то, чтобы я тебе не доверял, Гермиона — я знаю, ты сделала всё правильно, и мы не отравимся, просто мне сейчас не до вопросов... И вообще — уже полпятого, а в пять я должен отбывать взыскание у Макгонагалл...

— Скажи честно, что испугался, — подначил Рона Гарри. — Боишься, что мы спросим у тебя что-нибудь такое... этакое...

— Вот ещё, — надулся Рон, — мне просто уже пора, — и, забросив за спину сумку, вышел из туалета.

— Ну, что будем делать? — спросила Гермиона. — Будем проверять зелье друг на друге?

— М-м-м... попробовать можно, — поколебавшись, согласился Гарри. — Будем задавать друг другу каверзные вопросы.

— А что ты у меня спросишь? — с подозрением поинтересовалась Гермиона. — Может, я тебе и так отвечу?..

— Ответишь? — поднял на неё взгляд Гарри. Он помялся секунду и выпалил: — Тогда скажи — у вас что-нибудь было летом с Крумом?

Гермиона онемела: ей и в голову не приходило, что Гарри до сих пор носит в душе неприятные воспоминания о минувшем августе. Особенно учитывая, с чем они столкнулись сейчас.

— Ну... мы с ним целовались — но только один раз. Или два, — упавшим голосом закончила Гермиона, увидев, как сразу помрачнело лицо Гарри. — Гарри, это же было сто лет назад, к тому же, не я его целовала, а он меня! — и, поняв, что подробности отнюдь не помогают ситуации, замолчала. В голову настойчиво полезли воспоминания о недавних событиях, но Гермиона запретила себе думать о произошедшем в кабинете Крума. Всё это время она пыталась убедить себя, что всё случилось не с ней...

Гарри сидел на раковине, опустив голову, и крутил между ладонями палочку.

— Но, послушай, — не выдержала Гермиона через минуту, — ты хотел правды, верно?.. Разве сейчас что-то изменилось из-за того, что произошло бог знает когда? ...А изменилось бы что-нибудь, расскажи я ему про?..

— Конечно, — Гермиона вздрогнула: ей показалось, что Гарри ответил её мыслям. — Ты права, — кивнул Гарри, не поднимая глаз, — мне не нужно было задавать этот вопрос. Ладно, если хочешь, можешь тоже меня о чём-нибудь спросить.

Гермиона поколебалась:

— Скажи, а в кого ты в первый раз влюбился? — наконец поинтересовалась она.

Гарри задумался. Похоже, этот вопрос никогда не приходил ему в голову. Внезапно его лицо просветлело:

— Ты смотрела когда-нибудь “Любовь на пляже”?

— Дурацкий сериал, шедший по телевизору сто лет назад? — недоверчиво уточнила она. — А при чём тут он?

— Помнишь актрису, игравшую главную героиню?

— Что?! Грудастую девицу с пухлыми губами и мозгами скучечервя?! Кошмар!

Гарри смущённо кивнул.

— Но мне тогда было лет тринадцать...

— Тем хуже для тебя! — возмутилась Гермиона. — Это только ещё раз доказывает, что все мальчишки дураки, и им нужно только одно!

— Ладно, не кипятись... — Гарри спрыгнул с раковины и направился к Гермионе.

Она тут же выставила перед собой палочку:

— Только подойди! Обзаведёшься парой слоновьих ушей.

Гарри рассмеялся и поймал её в объятия. Немного побарахтавшись и повырывавшись для вида, она прижалась щекой к его груди.

— Во всём произошедшем есть ещё один большой минус, — шепнул он, целуя её в затылок.

— И какой же?

— Теперь у тебя нет своей комнаты, и приходится торчать до упора в гостиной, дожидаясь, пока все разойдутся...

Чуть покраснев, Гермиона кивнула: ночные поцелуи в кресле и вздрагивания от каждого шороха и скрипа доставляли ей больше нервотрёпки, чем удовольствия. С другой стороны, риск быть застуканным сделал Гарри не таким инициативным, и она, признать, вздохнула с облегчением: сопротивляться его напору с каждым разом становилось всё труднее и труднее.

Гермиона задумчиво побултыхала пузырёк.

— Ну, коль мы всё выяснили без всякого зелья, может, пойдём обратно? А проверим его в другой раз. Мне столько надо сделать... Да и Невилл просил помощи с циркулярами и правилами. Боже, на него больно смотреть... — Гермиона помрачнела. — Я сейчас об этом вообще думать не могу — ты видел, что сделал Малфой с соревнованием факультетов?

— Угу. Не терзайся, — Гарри потрепал её по плечу, — у нас есть вещи поважнее, чем глупые баллы.

— Только этим себя и успокаиваю, — похоронно вздохнула Гермиона. — Хорошо ещё, что учителя не приняли всерьёз расистские указы Малфоя...

Они вышли из туалета и направились в сторону гриффиндорской башни. Факелы гудели над головами, временами даже заглушая осторожные шаги. Наверное, именно поэтому их появление осталось незамеченным.

В тот миг, когда Гарри и Гермиона выглянули в соседний коридор — убедиться, что там никого нет и можно спокойно продолжить путь, Пенси Паркинсон, повиснув на рукаве Драко Малфоя, пыталась затащить его в нишу, над которой — видимо по недосмотру Филча, впавшего с назначением Люциуса Малфоя в состояние эйфории, — ещё красовался рождественский венок. Судя по неестественно громкому голосу, нетвёрдой походке и чересчур размашистым движениям Пенси была, мягко говоря, нетрезва. Когда она развернулась лицом к затаившимся за углом Гарри и Гермионе, они утвердились в своих подозрениях: расфокусированный взгляд, разъехавшаяся неопрятным кроваво-красным пятном помада, придающая ей клоунский вид.

— Иди к чёрту, Пенси! — грубо рявкнул Драко и оттолкнул слизеринку так, что та опасно пошатнулась и, не удержавшись на ногах, плюхнулась на пол. — Меня от тебя уже тошнит — так ты меня достала! Катись, куда хочешь — я теперь могу выбирать себе любую девчонку. Если захочу — завтра ко мне прибежит даже выскочка Грейнджер!

Гарри ахнул и рванулся вперёд, Гермиона вцепилась ему в мантию и едва успела затащить обратно за угол.

— Стой! На самом деле нам это только на руку! Моя записка завтра будет как раз кстати!

— Не будет никакой записки! — зашипел в ответ Гарри, пытаясь стряхнуть её руку. — Неужели ты всерьёз думаешь, что я отпущу тебя?

— Тогда придумывай сам, как до него добраться! — не выдержав, шёпотом взорвалась Гермиона и отвернулась.

— И придумаю! Сейчас догоню, дам ему по голове и всё узнаю! — буркнул Гарри и надулся. Гермиона рассержено постукивала ногой, демонстративно глядя в другую сторону. Его лицо просветлело, и он снова выглянул в соседний коридор, убедившись, что Пенси не ушла, тогда как Малфоя и след простыл. — Слушай, Гермиона, доставай-ка зелье. Сейчас мы его и проверим.

Пенси по-прежнему сидела на полу, развозя по лицу слёзы, тушь и остатки помады. Когда она подняла лицо к стоящему над ней Гарри, он не увидел в глазах ни капли осмысленности — только пьяную дымку. Она с готовностью приняла Зелье из рук Гермионы, заставив её испытать нечто вроде угрызений совести. Судя по лицу Гарри, он чувствовал то же самое, глядя, как Пенси, едва проглотив зелье, глубоко вздохнула и медленно сползла по стенке. Глаза её распахнулись, зрачки неестественно расширились.

— Очень хорошо, — кивнула Гермиона, сверяясь с вытащенным из кармана клочком пергамента. — Судя по внешним признакам, действует.

— Отлично. А теперь, Пенси, скажи-ка мне вот что, — наклонился к слизеринке Гарри, — зачем ты осенью науськала на Рона Эшли Макферсон?

— Мне велел сделать это Драко Малфой, — заплетающимся языком ответила Пенси.

Глава тридцать вторая, которую мы практически целиком и полностью проводим в обществе Малфоя-сына и Малфоя-отца.

Близилось утро. Драко Малфой не спал всю ночь, хотя, скорее, недрогнувшей рукой сам отрезал бы себе язык, нежели поделился с кем-нибудь этим сногшибательным фактом, равно как и причиной одного. Лёжа на кровати с задёрнутым чёрным, расшитым серебром, пологом, он сквозь узенькую щёлочку смотрел на пол. Находись слизеринское общежитие не в подземельях, сейчас вдоль его кровати пробежала бы лунная дорожка — полнолуние заливало окрестности Хогвартса ночным молоком, искрясь на снегу и превращая заснеженные деревья в сказочных великанов, кутающихся в белые меховые шубы. Луна подсветила бы призрачным серебром бесцветные волосы нового слизеринского старосты и бросила пятна холодного румянца на его бескровные щёки. Но увы — слизеринские спальни размещались под землёй, и мрак комнаты нарушало только неяркое свечение, исходящее из лежащего на столе кристалла, который Драко использовал в качестве пресс-папье и, по совместительству, ночника.

Юноша смотрел в темноту, пытаясь уснуть и понимая всю бессмысленность своих попыток: невозможно даже закрыть глаза, когда так бьётся сердце и кровь оглушающе стучит в ушах. Поверх одеяла лежала толстая книга, название которой он едва ли мог сейчас вспомнить, и придавленная ею рука уже затекла. Драко в который раз подумал, что надо бы переложить том на стол... и в который уже раз не стал этого делать. А причина крылась в затерявшемся между 47 и 48 страницами маленьком кусочке пергамента, сплошь покрытом химическими пятнами и разводами. Такие же пятна укашали и тонкие, нервные пальцы Драко: целый вечер, забросив остальные уроки, он проторчал в кабинете Зельеделия, где под видом курсовой работы по рас-

тительным ядам провёл серию идентификационных тестов с запиской этой грязнокровки. А получив ответы на свои вопросы, сел за парту и слепо уставился в пространство, не замечая, что опять грызёт ноготь на левом мизинце.

Отец как-то сказал ему, что у истинного слизеринца-аристократа не должно быть никаких плебейских замашек. В идеале вредные привычки вообще не должны омрачать светлый образ Воина Тёмного Лорда, но, если уж обзаводиться чем-то в этом роде, то непременно эксклюзивным, чтобы даже такие раздражающие всех мелочи стали фирменным знаком... “собственность фамилии Малфоев”, как на всех книгах, картинах, даже мебели в их замке... К сожалению, ничего эксклюзивного Драко пока не придумал, но задался целью отделаться от детской привычки — тем более, что замечал подобное за Поттером, когда тот нервничал: ненавистный враг начинал с остервенением обкусывать ноготь на большом пальце правой руки. Как-то на Зельеделии Снейп снова усадил их за один стол, и от кровавых заусенцев гриффиндорца Драко едва не стошнило. Выглядели они омерзительно и, тем не менее, все три часа он так и не смог оторвать от них взгляд. Помнится, после этого случая Драко несколько недель успевал остановить свою руку, не донеся до рта... А потом всё пошло по-старому, и в минуты глубоких душевных треволнений и невзгод Драко, забывая обо всём на свете, снова вцеплялся в многострадальный мизинец.

А волноваться было из-за чего. И было над чем подумать.

Грейнджер. Сама. Значит, он не ошибся, подозревая, что всё её так называемое благородство и преданная дружба с этими гриффиндорскими отщепенцами и вырожденками — не больше, чем игра, ширма. А на деле её интересует то же, что и его: власть. Власть. Чёрт, не будь она... Стоп. А ведь это можно использовать в длинной и интересной игре... Если как следует застращать и наобещать золотые горы... Наверняка и отец заинтересуется — наконец-то он, Драко, докажет, что тоже кое на что способен...

Но уже через мгновение эти далеко идущие планы отступили перед обуявшей Малфоя всепоглощающей жадой мести — мести, которую он вынашивал в себе, которую холил и лелеял, подкармливая обидами, насмешками, презрением, ненавистью, крепнувшими год от года. Она появилась давным-давно — в тот самый миг, когда он узнал, что лохматая гриффиндорка, вечно успевающая раньше него поднять руку на уроке, выскочка, которую — и это вызывало у него особое возмущение — уважали даже некоторые представители его, слизеринского, племени, родилась не в волшебной семье. “Запомни, мальчик, — твердил ему отец с самого детства, — хуже незаконнорожденного волшебника только законнорожденный маггл”... И эта маггла утёрла нос ЕМУ — наследнику могущественнейшего рода, которому сами звёзды напроорочили великие свершения, кого сам Тёмный Лорд ещё до рождения включил в ряды своей преданной Тёмной гвардии!

Усилием воли Малфой заставил себя остановиться. Сделав несколько глубоких вдохов, нашарил книгу и тряхнул её, взяв за корешок. Пергамент бабочкой выпорхнул из раскрывшихся страниц.

— *Lumos!* — палочка ярко засветилась, и серебряное шитьё чёрного полога засияло живым лунным светом. Тяжёлые кисти покачнулись, когда он подоткнул под спину подушку и сел. Более впечатлительному человеку показалось бы, что он находится в склепе, но Драко в подобном окружении чувствовал себя вполне комфортно и привычно. Он в сотый раз перечитал записку, почувствовав удовлетворение: уроки старших пошли ему впрок, раз он с такой лёгкостью разгадал её.

Значит, всё, чему его с детства учил отец, правильно: нет ничего важнее собственных целей, для достижения которых годятся любые средства. Всё остальное хорошо лишь постольку поскольку способствует претворению этих целей в жизнь. И Грейнд-

жер с её заносчивостью, с её показной дружбой и раздражающим, доводящим до бешенства всезнайством, с её лживой справедливостью и готовностью первой прибежать на помощь Дамблдору и его своре — она такая же, как и все остальные, а её связь¹² с Поттером и Уизли — просто хитрый ход, дающий ей возможность, пользуясь ситуацией, пролезть наверх, засветиться, намозолить глаза учителям, попасть в газеты как Девочка Мальчика-Который-Выжил... Ничего не скажешь: умно. Как ни крути, — скрипнув зубами, признал Драко, — Поттер — самый популярный парень их школы, чьё имя, так или иначе, регулярно появляется на страницах печатных изданий. Да — умно... Не будь она грязнокровкой, наверняка оказалась бы в Слизерине...

Значит, нет никакой дружбы, никакой любви. Он так и знал. Знал с самого раннего детства, с расшитых серебром пелёнок, и только эта троица заставила его усомниться в верности и незыблемости мира, в котором он жил. Нет ни дружбы, ни любви, — как заклинание, повторил он, сел и, обхватив колени руками, уткнулся в них лицом. Но эта мысль, вместо того, что подарить ему желанное облегчение — облегчение, которого он так жаждал последние четыре с половиной года, оставило внутри саднящее ощущение странной обиды и пустоты, словно у него отобрали непонятную, раздражающую, но уже привычную игрушку.

И Грейнджер — получается, она такая же, как все. А значит, не заслуживает особого отношения. Хотя нет... Именно она как раз заслуживает... За то, что дважды обманула его — сначала попытавшись убедить в реальности миражей и теперь — столь безжалостно развеяв их. О, как же он ненавидит её — от вечно распущенных волос до оббитых носов школьных туфель с ремешками (глупых, старых туфель, считавшихся старомодными ещё во времена его бабушки. И это в то время, когда все — все, даже Миллисент! — в обход правил носят каблуки! Правда, Булстроуд они превращают в слона на подставках... Драко хмыкнул, вспомнив, как эта жирная неуклюжая корова наступила на ногу Гойлу. Тот потом хромал целую неделю.)

Из них бы вышла неплохая парочка. По производству троллей.

Драко погасил палочку и улыбнулся в темноту, снова разбавленную только мертво-голубым светом кристалла на столе.

Он всегда знал, что нет ничего, кроме власти. И, коли *она* так за неё цепляется, ей придётся заплатить по-крупному. Но ведь можно не останавливаться на сведениях его, Драко, личных счётов, верно? Можно пойти дальше...

Честолюбие — отменное качество. На нём так легко и приятно играть. Так просто. Так понятно.

Зимнее утро заглянуло в совятню, залило тусклым светом старый замок, заснеженные поля и непроходимую стену Запретного Леса.

Глубоко под землёй Драко лёг, повернулся на живот, уткнулся носом в подушку, ещё раз улыбнулся и приказал себе уснуть.

* * *

— Стой, Грейнджер!

Гермиона выронила книги и едва удержалась от испуганного вскрика. Поигрывая волшебной палочкой, из-за статуи Граспа Горемычного вышел Драко Малфой.

— Ты?! Что ты тут делаешь?

— Тебя жду, — холодно улыбнулся слизеринец. — Если не ошибаюсь, ты сама хотела со мной... поговорить, — перед последним словом он сделал чуть заметную паузу и выразительно приподнял бровь.

Мимо прошли две незнакомые третьекурсницы. Покосившись на Драко и Гермиону, они испуганно переглянулись и прибавили шагу: зная об отношениях гриффиндорки и слизеринца можно было легко предсказать, что конфликт не заставит себя

долго ждать. А учитывая, в чьих руках находилась школьная власть, даже находиться рядом — не то, что вмешиваться — казалось теперь весьма непредусмотрительным и даже небезопасным поступком.

Коридор, ведущий к библиотеке, в этот час выглядел довольно оживлённым; студенты, нагруженные свитками и фолиантами всех размеров, сновали туда-сюда, и Гермиона, чувствуя себя в безопасности, с деланной неторопливостью, скрывающей волнение, присела на корточки и начала складывать книги в стопку. Хотя второй рукой на всякий случай нащупала в кармане волшебную палочку и приготовилась выхватить её в любой момент.

— И что? Сейчас ещё только восемь... — она краем глаза покосилась на начищенный ботинок, отбивающий ритм какой-то неведомой ей песенки. Судя по всему — весёлой песенки¹³. "О физиономии небес" лежала у самых ног Драко, и, когда Гермиона потянулась за книгой, он поймал себя на том, что с трудом удерживается от желания наступить каблуком на пальцы или хотя бы выбить резким ударом этот астрономический бред у неё из рук.

— Неважно: вижу, ты уже освободилась. Зачем откладывать на час то, что можно сделать сейчас? Верно? — он усмехнулся и мысленно похвалил себя за удачный каламбур.

— Но... мы договорились встретиться через полчаса — у Большого Зала... — растерянно повторила Гермиона и, взглянув на нависавшего над ней Драко, едва не рассыпала книги вновь: слизеринец улыбался. Причём не просто улыбался — она уже видела на его лице такое же ликующее выражение. И приблизительно в таком же ракурсе: снизу вверх. Достопамятным хеллоуинским вечером.

— В это время там слишком многолюдно, просто проходной двор — вдруг нашей душевной беседе помешают твои дорогие Поттер, Уизли или ещё какое отребье, — он выжидательно взглянул на Гермиону, но та, сцепив зубы, промолчала. Похоже, его это удовлетворило. — Пошли, — скомандовал он.

— Но...

Он нахмурился, явно начиная раздражаться:

— Ты что — не поняла меня? — вытащил из кармана знакомый ей клочок пергамента. — Если я не ошибаюсь, тут написано... — его голос стал громче, и торопящиеся мимо студенты невольно замедлили шаг и воззрились на них с неподдельным интересом.

Наверное, окажись у Гермионы чуть больше времени на здравые размышления и не проходи мимо пятикурсники Равенкло, она бы оттолкнула этого ненавистного ей с головы до пят слизеринца и ушла, решительно наступив на горло сидящему внутри *настоящему исследователю*, который бы безутешно рыдал и убивался из-за неудавшегося эксперимента и времени, потраченного впустую на зелье. Но...

— Пошли! — решительно кивнула она и, повернув голову, начала подавать знаки Падме Патил, идущей под руку с Терри Бутом. Упускать Малфоя никак нельзя — весь их план держался на сведениях, которые они собирались сегодня добыть. Но и идти с ним невесть куда, не предупредив друзей...

— Падма, ты не передашь мои книги Парвати? Пусть она занесёт их в спальню... — и еле слышно зашептала сквозь зубы, — и пусть скажет Гарри и Рону...

Она осеклась: Драко выхватил учебники у неё из рук и сунул Падме.

— Все, Патил, можешь идти, — скомандовал Малфой. Так ничего и не поняв, Падма взяла книги и пошла дальше, недоумённо оглядываясь.

— Это книги для Гарри и Рона! — в отчаянии крикнула Гермиона. — Нужно передать их как можно скорее! Это для эссе по... по Зельям!

— Ладно... — Падма пожала плечами и завернула за угол.

— Я же говорил, что здесь слишкомлюдно — невозможно разговаривать! Пошли, быстро! — едва они поднялись по лестнице на второй этаж, к переходу, ведущему в учебный корпус, как Малфой, не проронивший за весь путь ни слова, быстрым и ловким движением — Гермиона даже среагировать не успела (не даром же Драко стал ловцом Слизерина: он, и правда, неплохо играл, Крум не кривил душой. В противном случае вряд ли помог даже щедрый вступительный взнос Малфоя-старшего) — вдруг сунул руку в карман её мантии и выдернул оттуда волшебную палочку. — Так мне будет спокойней, — ухмыльнулся он.

Гермиона промолчала. Собственно, она ожидала чего-то подобного. Сейчас у неё в голове крутилась только одна мысль: как скоро Гарри и Рон узнают, что Драко Малфой перехватил её на выходе из библиотеки, и когда они сумеют догнать их... Гермиона украдкой посмотрела на часы. До назначенного в записке срока, когда друзья под мантией-невидимкой должны затаиться в чулане, оставалось десять минут. Значит, её уже хватились. В любом случае. Даже если Падма ничего не поняла. Они должны посмотреть на Карту Мародёров и... — Гермиона опять покосилась на часы.

— Грейнджер, ты куда-то спешишь? — ехидно поинтересовался Малфой, но закашлялся на полужизне, и Гермиона не без удивления отметила, что надменный слизеринец разом лишился изрядной доли наглости и презрительной брезгливости. Правда, он тут же взял себя в руки и торопливо нацепил привычную маску. — Неужели ты оказалась настолько непредусмотрительной и не сделала уроки? Жаль-жаль. Разговор у нас будет долгий и, надеюсь, плодотворный, поэтому... — его губы искривились в такой усмешке, что Гермионе ужасно захотелось стукнуть ему кулаком между глаз, а потом нанести контрольный удар в пах. Этот самодовольный, упивающийся властью и безнаказанностью слизеринец вёл её чёрт знает куда, преисполняясь уверенности, что ради возвращения на пост старосты она готова на всё. Хорошенькие же у них нравы на факультете!

Гермиона возмущённо фыркнула. Драко настороженно уставился на девушку, видимо, никак не ожидая подобного поведения. На его лице мелькнула растерянность.

— Ты чего? — голос слизеринца сорвался.

— Да так, — пожала плечами она. — Куда мы идёт? В кабинет Истории Магии?

Они находились в учебном крыле — сейчас тёмном и безмолвном, освещаемом лишь тусклыми факелами.

— Помалкивай, — огрызнулся Малфой, мысленно отругав себя за дурацкого петуха, которого только что дал, — иначе не видать тебе поста, как своих ушей.

Гермиона усмехнулась и почувствовала прилив сил. Итак, всё идёт по плану: похоже, он ничего не заподозрил. Теперь нужно чуть-чуть потянуть время, чтобы Рон и Гарри успели их догнать. Она снова покосилась на часы. Наверняка они уже крадутся под мантией-невидимкой где-то неподалёку...

Тем временем, они миновали учебное крыло и поднялись этажом выше. Гермионе ещё не приходилось тут бывать.

— Сюда, — прервал её размышления Малфой. — "*Fors fortus!*"

Гермиона чуть не поперхнулась. "*Дохлый номер*" — это ж надо такое придумать!

Дверь одного из кабинетов открылась, и он толкнул гриффиндорку внутрь.

— Сам пароль сочинил или кто помог?

— Не твоё дело.

— А где мы?

— Вообще-то, это кабинет моего отца, — небрежно хлопнув дверью, Малфой хозяйски прошёл, уселся на стол, качая ногами, и махнул палочкой в сторону камина, который в тот же миг послушно вспыхнул. — Ну-с, а теперь я готов вас выслушать, мисс Грейнджер, — в его голосе зазвучало подчёркнутое издевательской веж-

ливостью торжество.

Гермиона кашлянула, прочищая горло, и решительно заговорила. Страх и вдохновение сделали своё дело: судя по довольному огоньку, вспыхнувшему в глазах Малфоя, экспромт ей удался. Она перевела дух.

— Э, нет, — протянул слизеринец, напомнив ей своим видом собирающуюся полакомиться остатками львиной трапезы голодную гиену. Гиену-альбиноса, уточнила Гермиона, — это несерьёзно, Грейнджер. Так дело не пойдёт, — и слизеринец с деланным равнодушием принялся разглядывать какую-то безделушку на огромном отцовском столе.

Настолько огромном, что человек начинал чувствовать себя блохой на плацу, делая лишь первый шаг по направлению к этой махине. Гермиона присмотрелась и её передёрнуло от отвращения: безделушкой оказалась засушенная человеческая рука, которая сжимала в пальцах нечто, напоминающее земную сферу. Гермиона молчала: ей казалось, она уже нагородила достаточно, чтобы усыпить бдительность подозрительного слизеринца.

Похоже, она ошиблась? Что ему ещё нужно?

Драко спрыгнул со стола, по-хозяйски устроился в отцовском кресле и закинул ногу на ногу, с трудом поборов желание положить их на столешницу. Его глаза, прикованные к Гермионе, были полны презрительно-брезгливого любопытства: наверное, так разглядывают в микроскоп особо зловредную бациллу, вызывающую какую-нибудь неприличную и гадостную болезнь. Гермиону, вдобавок, раздражало ещё и то, как он смотрел — по-змеиному, не моргая. Молчание затягивалось, причём Малфой не тяготился этим, а явно наслаждался, она же поймала себя на том, что от напряжения уже не соображает — мозги бестолково щёлкали, как заклинивший механизм. В голове крутилось только *“сейчас придут Рон и Гарри... Сейчас они придут...”* Ей снова безумно захотелось посмотреть на часы, но под пристальным взглядом Малфоя-младшего такой поступок казался в высшей степени неразумным. По счастью, он неправильно истолковал причины разбившего её мозгового паралича. Резким движением оттолкнувшись от стола, слизеринец поднялся и решительно направился прямо к Гермионе.

— То, что ты предложила для сделки, просто смешно. Что ж, если твоя скудная гриффиндорская фантазия ни на что больше не способна, слушай мои условия. И запомни — они не обсуждаются. Дважды я ничего никому никогда не предлагаю. Либо ты делаешь, как я сказал, либо катишься отсюда ко всем чертям — в свой гриффиндорский сарай. И сидишь там, ожидая, когда тебя вышибут из школы. А произойдёт это куда раньше, чем ты даже можешь себе представить. Ясно?

— Ясно, — тупо кивнула Гермиона.

Его лицо просветлело, выражение злобного торжества померкло — будто Драко перешагнул одному ему ведомый внутренний рубеж. Теперь слизеринец весь подобрался и смотрел на Гермиону настороженно — ей показалось, что отсутствие ожидаемого сопротивления и борьбы ввергло его в некоторую растерянность и даже напугало.

— Значит, ясно, — машинально повторил он и обошёл вокруг неё, похлопывая палочкой по ладони в лучших традициях своего отца. Сейчас Драко изо всех сил пытался собраться с мыслями. — Тогда вот что... — он сглотнул комок в горле и умолк, ощутив, как слова, которые в мыслях он бросал ей в лицо с властным высокомерием, присохли к языку, и всё, на что он сейчас способен, — сдавленное хрюканье.

Почему, почему я не могу это сказать?!

Гермиона подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза — он тут же отвёл взгляд и, как ей померещилось в неверном полумраке роскошного кабинета Люциуса Мал-

фоя, порозовел. Хотя, конечно же, ей это просто померещилось: Малфои никогда не краснели. Ну, или почти никогда.

Внезапно полуоткрытая дверь за спиной растерянного слизеринца тихо скрипнула и отворилась. Пламя свечей покачнулось, и тени высокого худого юноши с зализанными назад волосами и девушки с гривой вьющихся локонов закачались и запрыгали по стенам, то сталкиваясь, то — будто в ужасе — отпрыгивая друг от друга. Драко поднял глаза; этот жутковатый потусторонний танец под треск камина — дикое необузданное фламенко под негромкий хруст кастаньет огня — так захватило, что он даже не обратил внимание на облегчение, прокатившегося по лицу Гермионы и её вспыхнувшую улыбку. Дверь резко захлопнулась, вернув его к действительности: старательно искривив губы в презрительной усмешке и вздёрнув подбородок, он принялся излагать свой ультиматум:

— Значит так, Грейнджер. Слушай и запоминай... — он в который раз постарался взглянуть на неё в упор с самым независимым видом и опять осёкся. Злость на самого себя, ясно отразившаяся на его лице, так развеселила Гермиону, что она прыснула, чего Драко, мысленно изрыгающий проклятья направо и налево — главным образом, в адрес грязнокровки, смутившей его (нет, не так: ЕГО!!!) прямым и подозрительно спокойным взглядом, не заметил. Гермиона же ликовала — друзья нашли её, они уже здесь, она в безопасности. У них всё получилось!

— Ну, Малфой, я жду твоих предложений, — смелея от безнаказанности, поторопила его Гермиона. — Или у вас, слизеринцев, проблемы с формулированием мыслей?

Малфой позеленел от злости.

— Да как только такое могло прийти в твою лохматую голову! — возмущённо рыкнул он. — Ты ещё пожалеешь, что эти слова сорвались с твоего языка... — он помедлил, ещё потоптался вокруг неё и обречённо вздохнул: — Значит, так. Подойди ко мне.

Гермиона подумала было, что он хочет что-то сказать, но едва она приблизилась...

— А теперь положи руки мне на плечи и для начала поцелуй меня. В губы.

Гермиона онемела, но раньше, чем она успела отреагировать, раздались возня, сдавленные чертыхания и:

— *Stupefy!* — закатив глаза, слизеринец рухнул на пол. — Честное слово, не мог больше смотреть, как парень пыжится и мается, — сообщил Рон, стаскивая с головы мантию-невидимку. — Решил избавить его от мук.

Вслед за Роном в воздухе возник Гарри. Увидев выражение его лица, Гермиона похолодела: он был смертельно бледен и так возмущённо смотрел на неё, что ликование от едва не сорвавшейся и всё же удачно проведённой операции мгновенно испарилось, уступив место смеси стыда, недоумения и вины. Когда же он опустил взгляд к бесчувственному слизеринцу, то воздух вокруг заискрился, как в грозу.

— Как... ты... могла?!

Рон потыкал тело волшебной палочкой и хмыкнул с гордостью охотника, завалившего особо опасного зверя.

— Как я его, — Рон был близок к тому, чтобы нежно потрепать трофей по щеке. — У... хорёк недобитый... — это прозвучало почти ласково. — Ну, тут будем допрашивать эту скотину или перетащим в местечко поукромнее — неровен час, вернётся папаша и застукает нас в собственном кабинете над бездыханным телом сыночка...

— Перетащим, — лаконично скомандовал Гарри. Завернув Малфоя в мантию-невидимку, они подхватили его за руки и за ноги и, словно куль, поволокли из кабинета Малфоя-старшего. Гермиона взмахом палочки загасила камин, заперла дверь кабинета и, робко покосившись на демонстративно смотрящего чётко перед собой Гар-

ри, пристроилась к идущему впереди Рону.

— Ну и наделала ты дел, — шепнул тот украдкой. — Давно я так не бегал. Думал, он с ума сойдёт. Еле удержал его, когда мы сюда добрались — он бы Малфоя голыми руками задушил — не шарахни я Сногшибателем, и не знаю, чем бы дело кончилось, — Рон вдруг замолчал, сморщился и громко чихнул.

— Будь здоров. А что я такого сделала?! — шёпотом возмутилась Гермиона, косясь через плечо на шагающего с невидимой ношей в руках Гарри. — По нашему плану я должна была заманить Малфоя в безлюдное место — ну, я и...

— Угу, всё точно, — Рон крикнул и перехватил ноги Малфоя поудобнее¹⁴. — Вот ведь — тяжёлый, гад. На вид — сопля соплём, а я уже весь взмок... Всё точно, говорю. Только, насколько я помню, мы договаривались на другое время и другое место. И, если мне не изменяет память, — а мне кажется, она мне не изменяет — в наш план не входил марафон по Хогвартсу с картой в руках и палочками наизготовку, — Рон настороженно прислушался к себе и снова оглушительно чихнул. — Да что за чёрт! Чем это так воняет?

— А что я должна была делать?! — трагическим шёпотом возразила Гермиона. — Он таким тоном заявил — дескать, мы будем разговаривать немедленно! Ничего другого не оставалось. Не могла же я ему сказать: “Ах, Драко, Рон и Гарри ждут нас с тобой в чулане на первом этаже только через полчаса, так что мы можем не торопиться — а то они не успеют вовремя стукнуть тебя по голове...”

— Всё-то у тебя складно, — пропыхтел красный от натуги Рон. Они преодолели вторую лестницу и двигались по тёмному безмолвному коридору. Подняв палочку, Гермиона освещала длинный коридор с пустыми стенами из необработанного камня и бесконечным рядом дубовых дверей — запертых и приоткрытых. — Все свои оправдания будешь ему говорить, — он мотнул головой в сторону отдувающегося позади Гарри. Гермиона боязливо оглянулась. Тот сейчас тоже покраснел и взмок; чёрные волосы прилипли к поблескивающему от пота лбу, очки сползли и, перекосившись, каким-то чудом удерживались на самом кончике мокрого носа. Приотстав и поравнявшись с Гарри, Гермиона осторожным и даже, как ему показалось, виноватым движением вернула их на место. Он мотнул головой и сердито покосился, но ничего не сказал. Если честно, от робкого взгляда и этого жеста, полного безотчётной нежности, он тут же оттаял. Но сразу же заставил себя вспомнить про выволочку, которую вознамерился учинить подруге за *чудовищную, невообразимую самонадеянность и бесшабашность*. Правда, поразмыслив (Гермиона покорно топала рядом, повыше подняв палочку, чтобы Рон, оставшийся в одиночестве, видел дорогу), Гарри пришёл к неутешительному выводу, что самонадеянность у неё в крови, а бесшабашность, хоть и проявляется нечасто, зато приобретает неприемлимые, *невообразимые* (это слово понравилось Гарри и он даже повторил его ещё раз) — *да, совершенно невообразимые формы*.

Гарри снова взглянул на молча семенящую рядом Гермиону, покрепче перехватил тонкие и костлявые малфоевы запястья и подумал, что, кому-кому, а ему, наверное, лучше не поднимать вопросы предусмотрительности и осторожности.

Рон пинком открыл дверь в кабинет, где в время от времени троица тренировалась в заклинаниях. С негуманным грохотом сгрузив Малфоя на пол, они вытерли пот со лбов, а Гермиона тем временем зажгла единственный факел, сохранившийся на утыканной ржавыми скобами стене, и бессловесной мышкой замерла у входа.

— Ты бы снял с него мантию-невидимку, — Рон полой промокнул загривок и вытер лицо.

— Да уж, а то ещё придётся Малфоя тут наощупь искать... — Гарри сдёрнул с раскинувшегося на полу слизеринца мантию и кинул её на пыльную парту.

— Бе, щупать Малфоя — что может быть гаже? Вот бить его по башке, а потом приводить в чувство... Ей-богу, в этом что-то есть, — Рон щёлкнул пальцами.

Гарри хмуро усмехнулся.

— Только не вздумай привыкать.

— Кстати, жаль, что я не подумал насчёт новых татуировочек. Как считаешь, “я ублюдок” на лбу будет достаточно лаконично?..

— Главное, это точно отразит действительность, — с испугавшей Гермиону злостью откликнулся Гарри. — Ну, начнём?

Подхватив Малфоя под мышки, они оттащили его к стене и прислонили. Голова слизеринца безвольно моталась из сторону в сторону, всегда ухоженные и аккуратно зализанные назад волосы неопрятно растрепались, в них запутался сор с пола — пыль, щепки, веточки. Глядя на него, Гермиона испытала странное чувство — нечто среднее между жалостью и гадливостью. Рон опять расчихался, потом принюхался и скривился.

— Так вот от кого так воняет! А парень, похоже, вылил на себя полфлакона какой-то дряни — видимо, хотел произвести на тебя впечатление...

— Это не дрянь, — сама не зная, зачем, возразила Гермиона. — Это туалетная вода “Слеза вампира” ...

— Ты-то откуда знаешь? Смотрите-ка, он и жвачку прихватил, — Рон начал выворачивать карманы Драко. — Чего тут только нет... ух ты! Гарри, ты только взгляни! — Рон, покраснев, что-то продемонстрировал таким образом, чтобы Гермиона не могла это увидеть. — Он подготовился...

Едва бросив взгляд на то, что показывал Рон, Гарри со всей силы вмазал Малфоя под дых.

— Как ты можешь, он же без сознания! — через мгновение возмущённая Гермиона уже стояла рядом с друзьями, недвусмысленно давая понять, что собирается блюсти права военнопленных.

— Могу! — рявкнул в ответ Гарри. У его гнева прорезалось второе дыхание. Юноша поднялся и развернулся к ней. — И вообще — с тобой я ещё поговорю! Я, конечно, понимаю: у тебя масса энергии и идей, но впредь, пожалуйста, держи их при себе! — Гермиона давно не видела Гарри сердитым до такой степени. — А что, если бы у нас не было Карты Мародеров?

— Но она же у вас была... И всё обошлось...

Гарри, пылая гневом, отмёл возражения взмахом руки. Он с трудом сдерживался.

— Молчи, женщина, — прокомментировал Рон, продолжая обследовать карманы Малфоя.

— Заткнись, Рон! — хором воскликнули Гарри и Гермиона.

— Надо было просто дать ему по башке тогда в коридоре — и никаких проблем! — не унимался Гарри. — Я вообще не понимаю, куда девалась моя голова, когда я согласился на эту авантюру с записками и засадами! А ты, видно, даже сейчас не осознаёшь, в какой опасности оказалась! Добровольно полезть в самое пекло! А если б тут был его отец? А если бы он что-нибудь сделал с тобой? Нельзя быть такой... такой...

— ...самонадеянной дурой, — нарочито скучным тоном подытожил Рон и быстро пригнулся. И как раз вовремя — над его головой одновременно просвистели кулаки Гарри и Гермионы.

— ...легкомысленной эгоисткой, — метнув в него свирепый взгляд, закончил Гарри. — А если бы мы не успели?

Гермиона, которой эта мысль в голову как-то не приходила, прикинула, во что могла вылиться уединённая беседа с Малфоем-младшим и Малфоем-старшим. Осо-

бенно с учётом, что у них были волшебные палочки, а у неё — нет. От этой картинки ей стало не по себе.

— Простите меня — я... — она виновато подняла глаза, встретившись с насмешливо-понимающим взглядом Рона и сердитым — Гарри, — я не подумала об этом... Я больше так не буду... — она подошла к Гарри и просяще погладила его по руке. — Прости, — ещё раз выдохнула она и, как всегда в таких случаях, почувствовала беспомощность извинений.

— Как ты могла?... — тихо, с укоризной повторил он. В ответ она ткнулась ему головой в грудь и затаилась.

— Я прошу прощения, что прерываю вашу идиллию, — нарушил повисшую паузу Рон, — но хочу обратить внимание почтеннейшей публики, что, так или иначе — мистер Малфой перед вами и у нас не очень много времени.

Гарри осторожно вынул из нагрудного кармана флакон с прозрачной, как слеза, жидкостью и влил три капли в рот бесчувственного и по-кукольному послушного слизеринца.

— Готовы?

Друзья кивнули и взяли палочки наизготовку.

— Ну, поехали. *Enervate!* — голова дёрнулась, глаза открылись — мутные, невидящие.

— Малфой, ты меня слышишь?

— Да, — дрогнули губы Драко.

Гарри перевёл дух и присел рядом на корточки.

— Ты знаешь, кто заколдовал бладжер во время последнего квиддичного матча?

— Да, — друзья переглянулись и придвинулись поближе, стараясь не пропустить ни единого слова.

Гарри облизнул пересохшие от волнения губы.

— Кто?

— Я.

— Мы так и знали! — хлопнул ладонью об парту Рон. — Молодец, Гермиона — твоя штука работает! — Малфой перевёл на него взгляд тускло блеснувших в свете одинокого факела глаз. Рон погрозил ему кулаком. — Ну, держись, сволочь! Я тебе этого никогда не прощу! Я с тобой ещё за всё посчитаюсь!..

— Рон, тш-ш! — сердито шикнула Гермиона, продолжая держать Малфоя на прицеле волшебной палочки.

— А Заклятье Подвластья на Дерека наложил тоже ты?

— Нет, — голос Драко звучал монотонно и бесстрастно, безжизненные глаза снова вернулись к Гарри.

Друзья обменялись растерянными взглядами: они были настолько уверены в положительном ответе, что оказались сбитыми с толку.

— А... сани? Это ты хотел угробить нас и направил их на Дракучую иву?

Малфой покачал головой.

— А смерть Гатто чьих рук дело? — неуверенно спросил Рон.

— Не знаю, — в голосе Малфоя мелькнуло тусклое торжество.

— Разве не твоего отца?

— Мне об этом ничего не известно.

— А Колин Криви? Это ты лишил его памяти? Ты ведь узнал, что он сфотографировал тебя, когда ты заколдовал бладжер!

— Я не знаю, кто был исполнителем, но приказ отдавал мой отец...

— Ага! — торжествующе воскликнул Рон. — И что?

— И всё, — отрезал слизеринец.

Повисло молчание. Гермиона вопросительно уставилась на Гарри. Он понял, что именно она предлагает спросить, посмотрел на насупленного Рона и отрицательно покачал головой.

— А то, что сейчас происходит в Хогвартсе и в Англии — ты что-нибудь знаешь об этом?

После заметной паузы Малфой повернулся к Гермионе. Пустой взгляд делал его похожим на ожившего мертвеца.

— Мне мало что известно — меня должны принять в ряды Пожирателей Смерти лишь в день шестнадцатилетия, как это у нас принято. До тех пор присутствовать на собраниях запрещено, я знаю всё только со слов отца, — глаза Драко ещё больше потускнели, словно обратившись к глубинам его памяти, и он продолжил: — Захват государственных постов — одна из частей плана, целью которого является воцарение на всемирном престоле Тёмного Лорда... Газетная кампания в ближайшее время будет усилена, и имена Дамблдора и Поттера полностью опорочены. В дальнейшем планируется их устранение, — из-за монотонности слова прозвучали пугающе обыденно и даже приобрели оттенок фатальной неизбежности. Гермиона охнула, Рон стрельнул в Гарри тревожным взглядом, но тот остался полностью бесстрастен.

— Всё это я уже слышал раньше. Скажи, Малфой, что тебе известно про лондонские катакомбы?

В этот раз пауза была чуть дольше.

— Отец никогда не говорит при мне о делах, — с видимым усилием вымолвил слизеринец. — Я только знаю, что они есть. И в них до сих пор водятся созданные Гриндевальдом монстры... О том, как ими управлять и где находятся входы и выходы в подземелья известно не всем Пожирателям Смерти — только тем, кто имеет отношения к ритуалам.

Он опять замолчал. Юноши разочарованно вздохнули, Рон прищёлкнул языком и и с-мачно сплюнул.

— А кого держат под заклятьем Покорного Сердца? — Гермиона задала свой вопрос очень тихо, но Драко вздрогнул, словно его ударили. Он пристально посмотрел на неё и впервые в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

— Я не знаю имени этого человека...

— Да что б тебя! — Рон в сердцах пнул первую попавшуюся парту. — Что ни спросишь — ничего не знает!

— ...но однажды отец обмолвился, что сейчас он находится рядом с тобой, — словно не слыша гриффиндорца, продолжил Малфой, не сводя глаз с Гарри. — Тебя должны были убить ещё осенью, но — увы: глупые стечения обстоятельств... неожиданные спасения...

— Я знала, я знала! — забормотала Гермиона, стиснув ладонями виски. — Это не совпадение, это не случайность — все эти покушения! Я всегда это говорила!

Не обращая на неё внимания, юноши ждали продолжения, но, судя по всему, сведения на этом исчерпывались.

— Что теперь? — повернулся к Гарри Рон. — Как-то не густо. Положим, что в госпиталь меня снарядил именно он, мы и так знали. Получается, столько возни ради очевидного факта?

— Не скажи, — Гарри откликнулся не сразу, он о чём-то размышлял. — Значит, тот, кого держат под Заклятьем рядом со мной... И Дамблдору угрожает смертельная опасность...

— И тебе тоже! — напомнила Гермиона, почувствовав, как к глазам подступают слёзы. Не может быть, чтобы тот, кого я люблю, просто взял и исчез с лица земли —

словно его и не было! Ненавижу мир, за который надо платить такую цену!

Гарри серьёзно посмотрел на неё — неожиданно строго, устало и так по-взрослому, что подступивший к горлу комок разросся и превратился в камень; теперь она едва могла дышать.

Рон нахмурился:

— Слушай, пора подумать и о себе — Дамблдор в состоянии позаботиться о личной безопасности, к тому же он, в отличие от тебя, — в голосе зазвучали язвительные нотки, — трезво оценивает свои силы и не играет в спасителя мира.

Гарри резко вскинул голову:

— Я не играю в спасителя мира! Я вообще ни во что не играю! — раздражённо отрезал он таким тоном, что Рон, бурча себе под нос, не рискнул, тем не менее, возражать. — То, что меня хотят убить — и кто именно хочет это сделать, мы знаем уже не первый год. Или ты опять...

Рон резко поднялся, Гарри следом, и они напряжённо уставились друг на друга, будто продолжая одним им ведомый диалог.

Гермиона, осенённая внезапной идеей, напротив, присела на корточки рядом со с-кукожившимся у стены Малфоем и посмотрела на него со вновь вспыхнувшим жгучим любопытством. Лишённое привычных ей эмоций — высокомерия, брезгливости, лицо Драко казалось незнакомым, сейчас в него можно было вложить любое чувство, любой характер, любую душу; оно напоминало латексную маску, подходящую для любого человека. Гермиона попыталась представить, как бы она увидела его, встретиться они в этой комнате впервые и не зная она, каким мерзавцем он является. Тонкие черты лица, ровная, удивительно бледная кожа — не в пример усыпанной веснушками ярко-розовой физиономии Рона или землисто-смуглому лицу Гарри. Волосы, брови, ресницы — странного жемчужного оттенка, бескровные тонкие губы — всегда брезгливо искривлённые, сейчас грустно опустили уголки, превратив его в только что умытого Пьеро. Перед ней сидел грустный и по-своему красивый юноша и, глядя на него, Гермиона пожалела, что невидимая рука, стерева отталкивающую гримасу с лица Малфоя-младшего, не может таким же образом стереть грязь с его души. Почувствовав её пристальное внимание, Драко оторвался от созерцания своих ладоней и медленно перевёл на Гермиону снулый взгляд полупрозрачных глаз. В них опять тускло мигнул неяркий огонёк, и в этот раз все — и прекратившие своё немое препирательство Гарри и Рон тоже — это заметили. Время действия зелья было на исходе.

— За что ты так ненавидишь нас, Малфой? — тихо спросила она.

Чуть помедлив, будто подбирая слова, Драко заговорил:

— Потому что вы всё врётё. Придумали себе сказочку о любви и дружбе и морочите всем головы вместе с вашим сумасшедшим Дамблдором...

— Бред какой, — выдохнул Гарри. — Малфой, ты рехнулся!

Драко упрямо дёрнул головой и завозился на полу, пытаясь, не смотря на свою беспомощность, принять более величественную позу.

— Пустые слова, сочинённые одними слабаками для других, чтобы запудрить мозги и оправдать слюнтяев...

— Неправда! — вырвалось у Гермионы. — Ведь именно ради дружбы и любви, ради... — она задохнулась от переполняющих её слов, — ради друзей и любимых, — её рука неосознанно взметнулась, указывая на Гарри, и по лицу Рона снова пробежало чуть заметное облачко, — только ради этого и стоит жить!

Губы Малфоя дёрнулись, и на лице появилось знакомое презрение, сейчас, правда, являющееся лишь бледной тенью обычного.

— О, какая патетика... Да нет их — ни любви, ни дружбы. Порядочность... Благо-

родство... — глаза вспыхнули, но голос остался монотонным, абсолютно не вяжущимся с горечью слов, бросаемых в лицо гриффиндорцам. — Всё это выдумки газетчиков и чокнутых придурков. В мире есть только одна вещь, ради которой стоит жить: власть. Жажда власти — вот что движет людьми на деле. Ради власти — истинной власти, когда к твоим ногам ложится не... — он осёкся и, поморщившись, словно ему сунули под нос что-то отвратительное продолжил, — а целый мир, любовью из вас перегрызёт глотку остальным. Вы играете в благородство, пока вам не предложили подходящую цену. Вот Уизли это знает, верно? Ему достаточно было пару раз потискаться с той хаффлпаффской девкой, чтобы наплевать на всех вас с вашим хвалёным благородством с высокой колокольни, — на Рона было страшно смотреть, но он не сделал ничего, чтобы заткнуть Малфоя рот. — Только не надо думать, что власть — это только деньги и положение. Нет, власть — это судьбы, которыми ты распоряжаешься, это жизнь и смерть, повинующиеся мановению твоего пальца — тебе ли не знать, что такое смерть, Поттер, — Гарри дёрнулся и побагровел, будто Малфой ожёг его по лицу хлыстом, — власть — это светила, меняющие траектории по твоему желанию. А любовь, — Драко хмыкнул, и негромкий голос зазвенел знакомыми высокомерными и насмешливыми нотками, — слащавое словцо, придуманное, чтобы не платить деньги за такую физиологическую потребность, как секс. Что — скажешь не так, а, Грейнджер? — он в упор взглянул на Гермиону, тонкие породистые ноздри раздулись. — Думаешь, твоему *возлюбленному*, — вложенное в его уста, слово сразу стало тошнотворным, — Поттеру нужно от тебя что-то особенное? Тогда спроси его, хочет ли он с тобой переспать, спроси, нет ли у него с собой такой штуки... — и Малфой швырнул к ногам Гермионы яркий квадратный пакетик.

Она машинально подняла это, растерянно покраснела, но раньше, чем успела что-то возразить, трясущаяся от бешенства смуглая рука Гарри вцепилась в бледную малфоевскую шею.

— Ты, с-скотина! Не смей даже трогать своим поганым языком... — с каждым словом Гарри чувствительно прикладывал слизеринца затылком об стену. Судя по виду Рона, он был готов занять место друга, если тот выдохнется раньше времени.

— Постой, — прекратила экзекуцию Гермиона, и Гарри с огромным трудом остановился, хотя руку с горла Малфоя не убрал. Ей сейчас казалось, что она спит и видит странный, жуткий, бессмысленный сон. — Но если ты так ненавидишь меня, Малфой, если тебе противно даже рядом находиться — зачем ты просил поцеловать тебя? Куда подевалась твоя брезгливость? Дай ему сказать, Гарри!

На бледных скулах Малфоя затлел неровный румянец, но он смог лишь захрипеть, потому что Гарри сильнее сжал его шею.

— Только открой рот, и я тебя кадык вырву, — мрачно предупредил он.

Рука Малфоя взлетела вверх, но после непродолжительной борьбы победа осталась на стороне гриффиндорца.

— Боишься... что твоя... мисс невинность... услышит что-то... не предназначенное для... её ушей? — через силу прохрипел слизеринец. — Боишься меня... даже сейчас?

— Не боюсь! — сердито рыкнул Гарри, тем не менее, отпуская горло Драко. Тот потёр шею, на которой остались следы пальцев.

— Так ты хочешь знать, что мне было нужно от тебя, да, Грейнджер? — внезапно голос Малфоя зазвенел. — Только не изображай, что ты об этом не догадывалась! О, как же я ненавижу тебя! Знаешь, кто ты? Безродная выскочка, заносчивая шлюшка, лезущая по головам наверх — Крум, Поттер — кто следующий? Да ты недостойна даже того, чтобы отчищать туалеты в этих древних стенах!

Продолжения не последовало — взревев, Гарри и Рон дружно бросились на слизеринца, и теперь комнату оглашали только вопли и проклятья, доносящиеся из спутанного клубка тел, катающегося по полу и сметающего всё на своём пути. Оглушённая напором обрушившейся на неё дикой, первобытной ненависти — ненависти, с какой ей прежде никогда не доводилось сталкиваться, Гермиона не сразу пришла в себя; когда же мир вновь прояснился перед глазами, партерные страсти раскалились настолько, что она испугалась уже не за целостность, а за жизни дерущихся.

— Прекратите! — заорала она, кидаясь к ним и пытаясь схватить поочерёдно взлетающие в воздух руки и ноги, заносимые для ударов. Не тут-то было. Мосластый и большой, как и его хозяин, кулак Рона просвистел в каком-то дюйме от скулы, а изрыгающий ругательства Малфой больно лягнул её в голень, уворачиваясь и одновременно стараясь сбросить с себя Гарри, который сидел у него на бёдрах и пытался дотянуться кулаком до его носа. Малфой ухитрился выкрутиться — короткий удар локтем, и через миг очки, пролетев через полкласса, с печальным хрустом почили где-то в темноте, а в лице Гарри появилась явная асимметрия. Гриффиндорец взвыл и зажал кровоточащий нос рукой. Рон попытался отомстить за друга, и уже через миг его кулак звучно впечатался Драко в челюсть — тот ахнул и на мгновение оцепенел. Пришедший в себя Гарри, щурясь, снова кинулся в битву, но теперь они с Роном только мешали друг другу, а потому получившему ещё пару зуботычин Малфою удалось, ныряя под парты и роняя на пол стулья, ускользнуть и забиться за шкаф у окна.

— Да стойте же! — истошно заорала Гермиона, увидев, как в руках разъярённых друзей появились волшебные палочки. — Вы что — озверели?! Прекратите немедленно! Не трогайте его!

Поколебавшись, юноши, тяжело дыша, всё же отступили и Малфой, пылая бешенством и яростью, вышел на свет — стали видны и подбитый глаз, и синяк на скуле, и рассечённая набухающая губа.

— Мне не нужна твоя защита, грязнокровка! Ты... ты... — бледный от унижения, в разорванной в клочья рубашке и с пыльными отпечатками ботинок на брюках, он сейчас был и страшен, и смешон одновременно. — Ненавижу! — он рванул к Гермионе и, пихнув её на пол, мгновенно вывернул из пальцев волшебную палочку.

— *Expelliarmus!* — палочка выпорхнула из пальцев Драко и приземлилась на ладонь Гарри. Близоруко щурясь и размазывая кровь по лицу, он держал слизеринца на прицеле, протянув вторую руку Гермионе и помогая ей подняться. — Ещё одно слово, Малфой, ещё одно движение, — он говорил предельно тихо, но и руки, и голос тряслись от душащей его ярости и адреналина недавней драки, — и, клянусь, ваш хваленый род закончится прямо здесь, в этом классе. Клянусь чем хочешь... Только дай мне повод...

Малфой надменно вскинул голову и заложил руки за спину. С самым равнодушным видом он кончиком языка проверял, целы ли зубы. Один шатался. Чёрт.

Внезапно перед глазами Гарри встала другая картина: суд и женщина, пылающая ненавистью и бессильной яростью. У неё был такой же взгляд, как и у кинувшегося на Гермиону Малфоя.

Гермиона осторожно вложила Гарри в руку отремонтированные заклинанием очки. Холодное прикосновение металлической оправы вернуло его к действительности, он тряхнул головой, отгоняя видение.

Рон крутил палочку в пальцах. Он тоже пострадал в схватке — начавший заплывать правый глаз, разорванная рубашка, какие-то ошмётки, застрявшие в волосах; нос, и без того немаленький, распух и покраснел.

— Надо бы с этим покончить, — с нехорошей интонацией произнёс он, разглядыв-

вая Малфоя так, будто примеривался. — И чем раньше, тем лучше. Только больше никаких вопросов: если ещё раз он откроет рот, я не выдержу. Признаться, будь моя воля, я бы его сразу... Но... Ладно — что ты там предлагала, Гермиона?

— Сначала дайте мне слово — что бы он ни нёс, вы будете вести себя как люди, — потребовала она. Рон нехотя кивнул. Гарри, чуть помедлив и не сводя с Малфоя злого взгляда (тот платил ему той же монетой), — тоже. — Хорошо. Держите его на прицеле, — кивнула она и деловито вытащила из нагрудного кармана аккуратно свёрнутый вчетверо листок. Буквы перед глазами плясали, ей пришлось сделать над собой неимоверное усилие, чтобы разобрать собственный почерк.

— Уж не сомневайся, — кивнул Гарри.

Драко перевёл глаза с устремлённых на него палочек на лист пергамента и, почуввав неладное, побледнел.

— Вы не посмеете, — просипел он сквозь зубы.

— Ещё как посмеём. Тоже мне — тридевятая цаца, — хмыкнул Рон.

— Ты... вы... что бы вы со мной сейчас ни сделали, — похоже, у Малфоя были свои соображения по поводу ожидающей его участи, он будто махнул на всё рукой, — помните: придёт и наш час! И очень скоро! Недолго тебе осталось, Поттер, и твои поганым друзьям тоже...

— Гермиона, я тебя умоляю, поторопись, — сквозь зубы простонал Гарри.

— Так, — сверившись с пергаментом, произнесла Гермиона, обращаясь к слизеринцу, — для начала, я предлагаю на выбор: стереть тебе память или сам будешь держать язык за зубами?

— Гермиона, ты с ума сошла! — ахнул Рон. — Да он сейчас тебе наобещает...

— Тихо! — повысила голос Гермиона, не сводя глаз с Малфоя, и Рон осёкся. — Предупреждаю сразу: в избирательном стирании памяти я не сильна, так что, скорее всего, избавлю тебя и от полезных воспоминаний...

— Не посмеешь, — ответил слизеринец, хотя заметно струсил. — Мой отец тебя в порошок сотрёт.

— Согласна, — покладисто кивнула Гермиона. — Я знала, что ты выберешь второе. И сам, по доброй воле будешь следить, чтобы с языка не сорвалось лишнее слово. Это в твоих же интересах.

Брови Гарри полезли на лоб. Он покосился на Рона — у друга был столь же недоумевающий вид. Слизеринец обвёл глазами троицу и зашёлся хохотом.

— Я знал, что вы придурки, — в промежутках между приступами, пробулькал он, — но что до такой степени...

— Что ты задумала, Гермиона?.. — недоумевающе покосился на неё Гарри и тут же отпрянул назад: воспользовавшись тем, что он отвлёкся, Малфой тут же рванул в его сторону, намереваясь завладеть палочкой.

— Невозможно работать! — сердито буркнул Рон. — Гермиона, Парализующее заклятье тебе не помешает? — Малфой тут же послушно замер, зло сверкая глазами. От его недавнего веселья не осталось и следа.

— Нет, — ещё раз что-то проверяя по листочку, кивнула Гермиона. — Если он ещё раз дёрнется, применяй, не раздумывая, — она обвела Малфоя оценивающим взглядом и решительно указав палочкой на пряжку его ремня¹⁵, начала вполголоса что-то читать по-латыни.

Малфой наострил уши: донёсшиеся слова — *“castratio”* и *“momento”* ему совершенно не понравились. В тот же миг он почувствовал, будто в живот сквозь кожу прорвались чьи-то руки и начали связывать в узел его внутренности.

— Что... ты... задумала? — он морщился от боли и хватал ртом воздух, пытаясь увернуться от тонкого золотого лучика, вытекающего из её палочки. Пряжка на жи-

воте раскалилась и, казалось, прожигала насквозь. По лицу слизеринца заструился пот — он был близок к тому, чтобы заорать от ужаса и боли.

Гермиона не ответила. Закончив читать длинное заклятье, она ещё раз всё сосредоточенно проверила и, аккуратно сложив и вернув пергамент обратно в нагрудный карман, обернулась к друзьям.

— Проклятья от сексуальных маньяков, — она с гордостью похлопала себя по кармашку. — С некоторыми моими модификациями. Экспериментальный вариант. Так что, — она обернулась к замеревшему у стены мокрому, какмышь, Драко (у него так тряслись колени, что он боялся упасть), — лучше держи язык за зубами: если ты попробуешь рассказать о том, что произошло сегодня вечером, — на лице слизеринца мелькнуло странное выражение, не укrywшееся от её глаз, и она продолжила тоном усталого лектора, — а так же: написать, нарисовать, намекнуть... словом, передать информацию любым способом — вербальным ли, нет ли, то... — она подошла к нему вплотную, и тот, приготовясь к самому худшему, непроизвольно зажмурился и отшатнулся, вцепившись в стену ещё и руками. Гермиона обхватила Драко за шею, наклонила к себе (у Рона и Гарри пооткрывались рты) и что-то зашептала ему на ухо. Чем дальше она говорила, тем бледнее становился Малфой. Под конец его кожа приобрела тускло-серый оттенок молодой плесени.

— Я... я найду контрзаклятье, — еле ворочая языком, пролепетал слизеринец трясущимися губами, и голос у него сорвался на почти женский всхлип. — И... и отомщу тебе... Всем вам.

— Совсем забыла, — деловито кивнула Гермиона, — спасибо, что напомнил, — её издевательски вежливый тон и мелькнувшая на губах улыбка неприятно поразили Гарри, которому не впервые пришло в голову, что она временами перегибает палку. — Мстить тоже не советую: отвалится. Честное гриффиндорское. Верните ему палочку. Он больше для нас не опасен¹⁶.

— Ну, и что мы имеем, — подвёл итог Гарри, когда троица под мантией-невидимкой медленно возвращалась в гриффиндорскую башню, причём юноши инстинктивно засунули руки поглубже в карманы и старались держаться от Гермионы подальше, что, с учётом размеров мантии, было практически невозможно.

— Да ничего! — буркнул Рон. — Кроме бладжера...

— ...кроме бладжера, мы знаем, что опасность угрожает Дамблдору и Гарри, и источник этой опасности в Хогвартсе, — сама понимая, насколько неубедительно звучат её слова, перебила Гермиона и, сдаваясь, добавила: — Соглашусь с Роном — мы не узнали ничего нового. Дамблдор сам о себе может позаботиться, а вот мы тут, как в осаде: кругом враги...

— Значит, нам надо отсюда выбираться, — откликнулся Гарри. — Который час, Гермиона? Малфой мне часы разбил.

— Вот гад! — с выражением отозвался Рон.

— Почти полночь, — посветив себе палочкой, отозвалась Гермиона.

Гарри перешёл на конспиративный шёпот, хотя коридор был совершенно пуст — даже портреты на стенах отсутствовали:

— Если мы поторопимся, то успеем...

— Что, прямо сейчас?

— Самое время!

Не сговариваясь, друзья развернулись и на цыпочках направились в коридор, ведущий к слизеринским подземельям.

* * *

Ведя Гермиону в кабинет отца Драко считал, что ничем не рискует, хотя в этот день Малфой-старший и присутствовал в Хогвартсе (а это случалось нечасто: Люциуса

одолевали сейчас проблемы поважнее, чем какая-то школа: процесс смены госаппарата хотя и шёл полным ходом, но без мелких сбоев не обходилось. Так, например, когда ночью приехали за Люпином, оказалось, что эти идиоты из Магической Службы Безопасности проигнорировали фазы луны. И пятью оборотнями в Англии стало больше, не говоря о том, что сам Люпин, воспользовавшись переполохом, ухитрился сбежать. Да и его приятель Блэк как сквозь землю провалился. Тайным указом была создана специальная бригада, которой выдали санкцию на умерщвление всех больших чёрных псов. А это вызвало массовое негодование населения. Причём это — отнюдь не самые серьёзные вопросы, требующие пристального внимания. И Люциус предпочитал размышлять в Лондоне или, на худой конец, в Поместье). Но даже находясь в школе, Малфой-старший крайне редко бывал у себя, причём, где он при этом находился, не знал никто¹⁷.

И тем не менее, именно сегодня Драко балансировал на грани разоблачения (страшно подумать, к чему была близка троица, застань их Малфой-старший): размышляя над предметом давно назревшей беседы со старым приятелем, Люциус уже шёл по коридору, ведущему к кабинету, когда остановился, ещё немного поразмышлял и, решительно развернувшись, зашагал в сторону подземелий, где без труда обнаружил лабораторию профессора Зельдедея. Он мог бы добраться до неё с закрытыми глазами: за два десятка лет, прошедших с того времени, когда он сам был студентом и старостой Слизера, в подземельях ничего не поменялось.

Бесшумно приоткрыв дверь, он замер на пороге: длинные ряды каменных столов, плещущее под котлами пламя, разноцветный дым, разноголосое бульканье. Под необъятным прокопчённым потолком далёкими звёздами в ночном небе горели свечи. Стены сплошь покрывали длинные ряды стеллажей — Люциус бросил взгляд на ближайший: Гельвеций, Гербер, Элиас, Фулканелли... Губы тронула лёгкая усмешка¹⁸ — в студенческие времена ему нравилось зельеварение, но с Северусом, управлявшимся с котлами, тиглями, горном и алхимическими ретортами с удивительной, просто-таки музыкальной лёгкостью, не рисковал тягаться даже профессор... профессор... Люциус напрягся, вспоминая фамилию преподавателя, но так и не вспомнил: ему не было свойственно хранить в голове бесполезную информацию.

Кажется, тот прочил сноровистого студента себе в преемники, начиная со второго курса...

До нового директора донёсся шелест материи, и он обратил взгляд в другую сторону, где у большого котла стоял Снейп. Очень высокое и худое, его тело сейчас изгибалось, как арбузная корка, — зельевар навис над котлом, словно собираясь туда нырнуть. Крепко сжимая в руке флакон, он отсчитывал вливаемые в готовящееся зелье капли какой-то жидкости. Люциус не мог отказать себе в маленьком удовольствии. И без того почти бесшумные шаги полностью заглушило бульканье, когда он вплотную подкрался к мастеру зелий.

— Добрый вечер, Северус!

Снейп замер, его рука дрогнула, но капли продолжили падать в котёл так же ритмично, через равные промежутки времени.

— Триста тринадцать, триста четырнадцать... добрый вечер, Люциус, триста шестнадцать.

Он опустил флакон и обернулся.

— Чем обязан визиту? Ты мог бы вызвать меня к себе.

Светлые глаза вонзились в него с симпатией скальпеля.

— Я решил, что это будет слишком официально, мне хотелось побеседовать с тобой в неформальной обстановке, по-приятельски. Как со старым другом и, — Люциус сделал трехсекундную паузу. Паузу, рассчитанную дьявольски точно, — соратни-

ком.

— В таком случае, ты не будешь возражать, если я продолжу? Это не мешает нашей беседе? — сделав вид, что он не заметил или не понял подтекста, спокойно поинтересовался профессор Зельеварения, кивнув в сторону котла, тёмное варево в котором загустевало на глазах. Маслянисто блеснувшие чёрные пряди качнулись, отбросив на лицо тень и разом сделав его старше и угрюмей.

В ответ Люциус приглашающе махнул рукой, и Снейп начал перебирать склянки на столе, встав таким образом, чтобы не поворачиваться к Малфой спиной. Это позабавило новоиспечённого директора. Рассеяно постукивая тростью по каменному полу, он пробежал глазами по надписям на пузырьках и коробках.

— Волеукрепляющее зелье?

— Именно, — в голосе Снейпа мелькнула досада. Он добавил в котёл какие-то кристаллы и размешал. — Я смотрю, школьные знания накрепко засели в твоей памяти.

— Я вообще на память не жалуюсь, — многообещающе заметил Малфой, рассеянным взглядом обводя кабинет. Нет, пожалуй, кое-что тут всё же поменялось. Книг стало куда больше. И колб со всякой дрянью — тоже. — Помню много интересных вещей. И событий.

— Не сомневаюсь.

— А как твоя память? Она по-прежнему верна тебе? Или же тебе необходимы напоминания, носящие более... жгучий характер, — Люциус поднял трость и её змеиной головой невесомо прикоснулся к руке Снейпа, где под длинным рукавом мантии скрывался Знак Мрака.

Снейп выразил лёгкое удивление местонахождением упомянутой трости, попытался стряхнуть её, но Малфой усилил нажим, и серебряные зубы змеи проткнули ткань, чуть царапнув кожу. Дальше играть и притворяться не было смысла. Колдуны сбросили маски и окаменели друг напротив друга, обмениваясь ледяными взглядами и словно прикидывая, кто успеет выхватить волшебную палочку первым.

— Ты не пришёл, когда тебя звали, — голос Малфоя изменился. Ни малейшего намёка на приветливость. Лёд и металл.

— Я давно вышел из этой игры, — голос Снейпа прозвучал тише, но сталь в нём была той же закалки.

— Ты не можешь из неё выйти по собственной воле. Из неё вообще никто не может выйти. Живым. А кое-кто — и мёртвым. Ты не такая уж мелкая фигура, чтобы Господин смирился с твоим исчезновением. Тем более, поговаривали, что в тех таинственных провалах и арестах после его исчезновения четырнадцать лет назад не обошлось без предательства, — он раскаивался в каждом слове, едва успев выговорить его, но остановиться не мог.

На лице Снейпа не дрогнул ни один мускул.

— Ты меня в чём-то пытаешься обвинить? — в голосе не прозвучало угрозы. Лишь предостережение, но Люциус Малфой правильно его истолковал. Тонкие губы — вернее, намёк на них — искривились в улыбке, брови приподнялись над холодными пронзительными глазами.

— Что ты! Я просто делюсь с тобой некоторыми известными мне фактами. Возможно, у тебя есть по этому поводу какие-нибудь соображения. Или сведения.

— У меня их нет, — Снейп перевернул песочные часы, засекая время. — Что дальше?

— Я уполномочен задать тебе несколько вопросов. При необходимости — с пристрастием, — Люциус сделал многозначительную паузу, давая время осмыслить сказанное. От его взгляда не укрылось, что рука мастера зелий потянулась к карману,

куда минутой раньше он сунул волшебную палочку, и незаметным движением Малфой проверил, легко ли вытаскивается из трости его собственная. Не смотря на готовность немедленно выхватить её и без раздумий применить любое из Непростительных Проклятий, лицо Люциуса оставалось бесстрастным. — Признаться, мне бы не хотелось прибегать к крайним мерам.

— Я должен понимать, что ты собираешься получить ответы любым способом?

— Именно. И ты меня очень обяжешь, если вынешь руку из кармана.

Повисла напряжённая пауза, к концу которой Люциус сам не заметил, что вытащил свою волшебную палочку почти на треть. Колдуны смотрели друг другу в глаза. В лаборатории запахло серой, под потолком, загасив несколько свечей, пронёсся ледяной вихрь. Снейп, помедлив, выпустил волшебную палочку и оперся на стол, невзначай начав играть острым лабораторным ножом, которым только что измельчал листья папоротника. Малфой с сомнением покосился на длинное тёмное лезвие, но ничего не сказал. Он был хорошим дуэлянтом. Снейп — тоже, но Люциус всегда успевал первым.

— Почему ты не явился к Лорду в ту ночь, когда он восстал и призвал к себе всех нас — своих сторонников?

— Каким образом я должен был это сделать? Что-то я не помню, чтобы Крауч подготовил портшлюз и для меня. Или мне нужно было исхитриться и аппарировать с территории Хогвартса?

— Положим, — кивнул судя по всему удовлетворённый объяснением Люциус. — Но позже он ещё дважды собирал нас — в том числе в Главном Зале на Церемонии Посвящения. Ты мог прибыть, мы проверяли. Более того — ты тогда даже был в Лондоне.

— Это было слишком рискованно: после событий на турнире с меня глаз не спускали. Дамблдор — единственный, кто доверял мне. Хмури и его шпионы отслеживали каждый мой шаг.

— Ты — Пожиратель Смерти — и говоришь о риске?

Снейп и бровью не повёл. Он подошёл к соседнему столу, где под большим котлом с помятым боком плясало пламя, и зашуршал страницами какого-то фолианта. Наконец, словно только что поняв, что Люциус по-прежнему ожидает ответа, поднял голову:

— Я не помню, чтобы ты афишировал свои взгляды последние пятнадцать лет.

Люциус улыбнулся — так натянуто, словно только что сам себя изнасиловал.

— И тем не менее — сейчас Дамблдора здесь больше нет. Хмури тоже.

Снейп кивнул головой, соглашаясь с очевидным фактом, усилил огонь и вернулся к рабочему столу. Малфой знал, что от следующей фразы зависит очень многое, но зельевар осторожно добавил папоротник и принялся тщательно размешивать ставшее чёрным зелье. Малфой почувствовал, что теряет терпение, что глаза застит багровая пелена, что ещё немного — и перевёрнутый котёл полетит на пол, а сам Снейп, задыхаясь от боли, будет корчиться на каменном полу у него под ногами... Картинка была настолько живой, что в кончиках пальцев, которые сжимали скрывающую волшебную палочку трость, возникло лёгкое покалывание.

Если бы не приказ...

Люциус с сожалением взял себя в руки и через силу улыбнулся.

— Клянусь Мерлином, на тебя никакого змеиного яда не хватит не только у меня! Прими мои поздравления, Северус, — выдержка у тебя осталась прежней. Итак, твоё решение?

— Ты же сам сказал, что живым из этой игры выйти невозможно, — пожал плечами Снейп.

— ...и твоё решение? — Люциус стиснул змеиную голову так, что пальцы побелели.

После непродолжительной паузы профессор снова пожал плечами:

— Значит, я в неё возвращаюсь.

По лицу Люциуса мелькнуло странное выражение.

— Я верил в твою верность и благоразумие. Даже когда многие в них сомневались. Знаешь, какие слухи ходили о причинах, по которым ты вступил в наши ряды?

Сложно было понять, что скрывает молчание профессора, — желание, чтобы собеседник продолжал или же чтобы он замолчал навеки. Снова взявшись за нож, он начал с профессиональной быстротой измельчать корень лопуха.

— Злые языки говорили, что незадолго до твоего вступления в Орден тебе было предложено место аврора. Единственное. Лучшему выпускнику школы. Но в последний момент Поттер убедил комиссию, что практические навыки по Боевой Магии и Волшебной Криминалистике для аврора важнее, чем умение грамотно переливать воду из пустого в порожнее. И вместо тебя взяли его, — Малфой помолчал и добавил, словно невзначай: — А ещё через два месяца он женился.

Нож соскочил и, как не без удовольствия заметил Люциус, глубоко вонзился профессору в палец.

— Злой язык неверно тебя проинформировал, — равнодушно откликнулся Снейп, быстро пряча раненую левую руку и осторожно добавляя правой измельчённый корень в зелье. Оно стало маслянисто-зелёным. — Могу даже сказать, кому именно он принадлежал. Способность Петтигрю плести всякие небылицы всегда была притчей во языцах. Жаль, ты не учился на нашем курсе — тогда бы даже не стал слушать его бред.

Снейп мешал и мешал зелье, словно не мог остановиться.

— Жир ядозуба, Северус.

— Что?

— Теперь надо добавить жир ядозуба.

От этих слов профессор как будто очнулся. Зачерпнув мерной ложкой золотистый жир, он добавил его в котёл и погасил пламя.

— Я передам Тёмному Лорду о твоей готовности вернуться с повинной в лоно Ордена, но, думаю, без взыскания вряд ли обойдётся, — Малфой с напускным сожалением покачал головой.

— Значит, тебя повысили и отныне ты выполняешь ещё и функции экзекутора?

Лицо Малфоя дёрнулось, улыбка напоминала оскал.

— Нет. Я просто советую тебе подготовиться к искуплению.

— К искуплению? — внезапно Снейп улыбнулся. Это не была улыбка в общечеловеческом понимании этого слова: он поднял лицо и, отбросив со лба влажные сальные пряди, обнажил зубы. — Я давно к нему готов.

Поколебавшись, Люциус решил не спешить. Конечно, у него имелись чёткие инструкции относительно Северуса — тому предстояло стать запасным вариантом, если опять что-то произойдёт... Ещё одним запасным вариантом. Пятым? Десятым? Малфой уже сбился со счёта. Внезапно его охватила бессильная злость: сама судьба хранит этого проклятого Поттера! Все их планы, даже самые коварные и просчитанные на много ходов вперёд, не достигают цели — яд выпивает Крум, метла не попадает в руки Поттера, Дракучая Ива промахивается. Странные случайности, подозрительные совпадения... Совпадения.

Прозрачные глаза Малфоя загорелись, когда он взглянул на остывающее в котле Волеукрепляющее зелье. Снейп осторожно перелил его в большую флягу, но в тот момент, когда собрался завернуть крышку, в соседнем котле что-то громко булькну-

ло, и к потолку вырвался большой клуб пара. Чтобы убавить огонь и вновь повернуться потребовалась едва ли пара секунд, но за это время Малфой успел бросить в открытую флягу щепоть порошка из ближайшей коробки.

— Я рад, что мы нашли общий язык, — он склонил голову для прощания и протянул Снейпу левую руку. С недрогнувшим лицом профессор подал свою — порезанную — и Малфой пожал её — быстро и очень сильно, до боли сдавив пальцы. В глазах его при этом блеснули злобные огоньки, и у Снейпа осталось ощущение, что он причинил боль нарочно.

Дверь за директором давно закрылась, а профессор Зельеделия всё стоял и стоял, глядя в пламя, качающееся под котлом, содержимое которого выкипело.

Искушение.

Он понимал, что имел в виду Люциус. Оправдаться перед Тёмным Лордом, смыть обвинения в предательстве можно было только кровью. И он знал, чья именно кровь имелась в виду.

Поттер.

Пятнадцатилетний гриффиндорец Гарри Поттер, занимающий в списке самых ненавистных профессору людей почётное место, следуя непосредственно за собственным отцом и Сириусом Блэком.

Сириусом Блэком, отравившим студенческие годы Северуса Снейпа.

Джеймсом Поттером, лишившим Северуса Снейпа всего того, за что он так отчаянно боролся.

Гарри Поттер. Сын Джеймса. Профессор не мог вынести вида её глаз, смотрящих с его лица — с каждым днём мальчишка становился похож на отца всё больше и больше.

Люди, убившие её.

Но во главе списка, будь он написан, стояли бы три других имени.

Питер Петтигрю.

Люциус Малфой.

Вольдеморт.

Нелюди, убившие её.

* * *

Они разобрали камни и разочарованно переглянулись. Гладкая стена. Слишком гладкая и слишком ровная. Тупик.

Гарри взмахнул волшебной палочкой:

— *Alohomora!* — в темноте сверкнули и тут же исчезли бронзовые ленты, пересекающие стену крест-накрест.

Дверь? У него появилось странное ощущение, словно он уже видел нечто подобное — то ли во сне, то ли наяву.

Но где? Когда?

Рон, присев на корточки, ощупывал гладкую поверхность, пытаясь найти зазор, куда бы воткнулось тонкое лезвие подаренного Сириусом ножа. Бесполезно.

— Оставь, сломаешь. Вряд ли её можно просто подковырнуть, — остановил его Гарри.

Рон кивнул и вжался в стену, пропуская Гарри вперёд. В узком проходе было душно и жарко. Они все взмокли.

Гарри ещё раз провёл руками по стене-двери — странно: наощупь сплошь каменная стена, никакого намёка ни на ручку, ни на замок, ни на мелькнувшие полосы.

— *Alohomora!* — опять тускло блеснула бронза.

От напряжения зашумело в ушах, но Гарри оказался вознаграждён: воспоминание встало перед глазами — такая же дверь, такие же бронзовые ленты. Только тогда

на них были начертаны слова.

— Гермиона, ты помнишь? — он обернулся к Гермионе, которая стояла чуть позади, высоко поднятой палочкой освещая поле деятельности. — Ну же: наше возвращение из Болгарии, подземные туннели и ход, каким Дамблдор вывел нас в Дырявый котёл?..

Она коротко кивнула.

— Что было написано на двери? Что сказал Дамблдор? Какие слова открывают проход?

Между её бровей пролегла напряжённая складочка.

— Там ведь была латынь, верно? Я ещё подумала, сколько в этой фразе патетики... Что-то про то, что все желают добра своим потомкам, вроде бы... Нет... Может, счастья? Точнее я не помню.

Гарри прислонился к грубо отёсанной стене коридора рядом с Роном и начал методично обгрызать ноготь на большом пальце правой руки.

— Posterī? Нет, слова “потомки” не было в той надписи, я помню...

Гермиона зажмурилась и обхватила голову руками.

— Сейчас... Кажется... “*nemoest*”...

— Точно! — едва не подпрыгнул Гарри. — *Nemoest, quinon...*

На вновь материализовавшейся бронзовой ленте, пересекающей дверь, жидким золотом вспыхнули произнесённые слова. И тут же погасли.

— И что же дальше?..

— Я не помню. Может, *bonum*? — предположил Гарри.

— *Felicitas*? — внёс свою лепту Рон.

Дверь оставалась безмолвной и тёмной. Гладкий тёмный камень.

Текли минуты, а они всё гадали, не в силах остановиться и после каждого слова с надеждой всматриваясь в матовую поверхность. Они знали, что проиграли, но не могли смириться. Наконец, Гарри остановился.

— Пора возвращаться.

Гермиона вдруг просияла:

— Я пойду...

— ...в библиотеку, — унылым хором подхватили Рон и Гарри.

— А как вы догадались? — оторопела она.

— Не думаю, что в этом будет толк. Не похоже, будто эти слова относятся к тем вещам, о которых пишут в книгах, — покачал головой Рон.

— А есть кто-нибудь, кто может знать эти слова?

— Думаю, да. Дамблдор, — ответом Гарри был вздох разочарования. — И Добби. Вот только мне не кажется, что, став директором, Люциус Малфой оставил в покое своего бывшего домовика.

— Но попробовать стоит, — кивнул Рон. — Я могу заняться этим.

* * *

Царила уже глубокая ночь, когда Люциус Малфой всё же появился в своём кабинете. И ещё более глубокой она стала, когда дверь за Виктором Крумом закрылась, и директор ненадолго остался один.

Ещё один разговор. Один приказ. Он хотел надеяться, что последний. Что точка в деле и жизни Поттера будет поставлена. И его миссия в Хогвартсе будет завершена.

Но чутьё — звериное чутьё настоящего хищника — подсказывало, что, на самом деле, всё только начинается. А потому он продолжал расставлять сети и капканы.

В кабинете было по-зимнему зябко, Малфой подошёл и облокотился на камин, изразцы на котором располагались в точном соответствии с самыми строгими зако-

нами геральдики: никаких соседствующих друг с другом красного и зелёного цветов или золота и серебра. Он проанализировал состоявшиеся разговоры со Снейпом и Крумом и почувствовал досадную нотку неудовлетворённости. Хотя достиг поставленных перед ним целей... Разговор со Снейпом слегка утомил, и, когда Виктор Крум перешагнул через порог, натянуть маску внимательного дружелюбия оказалось не так-то просто.

— Я знаю о постигших вас несчастьях... Мои соболезнования... Да-да, терять родных — это всегда такое горе... Оставленный спорт... безденежье... По отзывам преподавателей, ваши девочки — кто они вам, сестры? Ах, племянницы! — они такие умницы, схватывают всё на лету... Да-да, понимаю. К вопросу о финансовых сложностях. Эту проблему можно уладить... Что вы говорите? Издание пособия для ловцов? Огромное количество предварительных заказов? О, в таком случае — мои поздравления. Будем надеяться, что и научная карьера не заставит себя долго ждать... Кстати, я решил внести некоторые изменения в режим работы преподавателей: Департамент науки указал, что за последние два года количество проводимых в школе исследований резко, можно сказать — непозволительно сократилось. Понятное дело: Дамблдору было не до того, он полностью окунулся в свои политические игры. Да, конечно — вы, как никто другой далеки от этого, приношу свои извинения. Вот свиток, взгляните на темы, которые я хочу вам предложить. О, я знал, что вам понравится. Что ж, теперь выбирайте себе студентов — настоятельно рекомендую вам пятикурсников, чтобы исследование стало долговременным, без чехарды...

Даже сейчас, перебирая в памяти этот разговор, Люциус напрягся. От ответа Крума зависело, верно ли он выстроил всю комбинацию.

— Мисс Забини? Мистер Финч-Флетчли? Прекрасно. Но, боюсь, им уже предложены исследования — взгляните, вот список, представленный другими преподавателями. И ещё один нюанс — думаю, вы сможете понять всю деликатность ситуации. В глазах общественности... Чистокровность... Дабы не считаться огульным хулителем... Да, вы меня правильно поняли. Я хочу, чтобы вы работали с мисс Грейнджер — кажется, она прекрасно успевает по вашему предмету?..

Люциус взглянул на каминные часы и чуть поморщился: Червехвост задерживался.

Мисс Грейнджер?

Когда Крум заговорил, его болгарский акцент стал заметнее, чем обычно.

Чем он там мотивировал свой отказ?

“...это может быть неправильно истолковано”... “...неформальные отношения, о которых известно в школе”... И прочий несущественный бред. Люциус знал, что за ним стояло: Волеукрепляющее зелье. Не будь его... Впрочем, следующая порция окажет на Крума совсем не такое действие, какого они со Снейпом ожидают...

Малфой улыбнулся.

— Не хотите ли стакан воды? Разве вам не будет приятно работать с этой студенткой? Причем здесь её отношения с другим? Я так понимаю — вы имеете в виду Поттера? О, что вы говорите — любовь? Какая глупость! Ни одним словом не разбираются, как этим. А между тем каждый понимает его по-своему. Вы, например, что под ним подразумеваете? Что люди должны научиться существовать вместе, проявляя заботу о благе ближнего? Об этом печётся закон. Может, вы вкладываете в это слово христианский смысл? Поизучайте маггловскую историю — и узнаете, к какому ужасу, к какому насилию и ненависти неизменно приводила человечество религия любви. Может, вы трактуете любовь как страстную привязанность одному человеку к другому? Подозреваю, что это именно так... Вот только любая страстная привязанность кончается ревностью и порабощением. Любовь даже более разрушитель-

на, чем ненависть. И если вы ещё до сих пор в раздумьях, чему бы посвятить свою жизнь, я бы посоветовал посвятить её какой-нибудь другой идее, только не любви. Так вы согласны с моим предложением относительно исследования? Прекрасно. Начинайте завтра же.

За спиной заскрипела дверь, и Малфой обернулся — в дверях стоял Питер Петтигрю.

— Ты опоздал. Впрочем, неважно. Сядь.

Червехвост вышел из тени, и стало видно, что волосы у него встали дыбом над мокрым от пота черепом, глаза потускнели, а лицо побледнело, как у человека, страдающего от морской болезни. Он вытер лоб мятым платком.

Малфой опустил в кресло. На зелёной поверхности обтянутого кожей огромного стола прямо-таки горел прямоугольник падающего из камина света, и будто ненароком, новый директор Хогвартса положил туда руку с перстнем, отчего зелёный камень ярко засиял.

— Ты ещё больше облысел, — намеренно едко заметил Малфой, на ходу скользнув взглядом по причёске Червехвоста. Он знал, что того ничто не задевает так, как высказывания на эту тему, но считал, что регулярное использование хлыста и шпор идёт на благо скотине в загонах, не давая ей слишком успокоиться. — Я уезжаю. Сейчас же.

Повисла пауза. Червехвост, скомкав, спрятал мокрый платок в карман мантии и кивнул.

— Я хочу, чтобы ты сделал это сегодня. Прокрадёшься в его спальню и утащишь палочку. Не бойся, он проспит до завтрашнего обеда.

— А почему ты не хочешь, чтобы он сделал это сам?

Люциус пристально взглянул на Червехвост и вдруг ласково улыбнулся.

— Где моя колдография, а, Хвост? Господин был очень недоволен твоей нерасторопностью. И, хочу заметить, не только в этом вопросе... Я замолвил за тебя словечко, но за это тебе придётся выполнить всё самому.

На мраморно-белом лбу Петтигрю снова появились крупные пятна пота.

— Только в качестве наказания?..

Люциус выдержал драматическую паузу.

— Хорошо. Не только, — Червехвост ждал продолжения, но его не последовало. — Возьмёшь палочку и отправишься в гриффиндорскую башню.

— Пароль?

— Зачем тебе пароль, болван! Ведь ты же не собираешься идти туда в человеческом облике, верно?

— Ах, да, конечно...

Малфой с сомнением посмотрел на Петтигрю.

— Палочку оставишь там. Всё. Я вернусь, когда в газетах появятся первые статьи. Возможно, после этого мне, конечно, придётся покинуть сей гостеприимный кров, — усмехнувшись, Малфой обвёл рукой кабинет, и перстень, словно злобный зелёный глаз, опять сверкнул в полумраке, — ну да меня это больше не интересует.

— А что потом будет с ним? — не сдержав болезненного любопытства, поинтересовался Червехвост.

Малфой равнодушно пожал плечами.

— Может, Азкабан. Убийство в состоянии аффекта. Помешательство на почве неразделённой любви и ненависти. А может, Лорд прикажет убить его. Но, если бы Господин позволил мне высказать своё мнение, я бы предпочёл видеть его в рядах Ордена — он удивительно силен. Добиться этого не так сложно, благо, его алиби — в моих руках, и если потребуется, можно поставить его перед выбором: переход в -

наши ряды или Азкабан. Он же нормальный человек, он выберет...

Люциус осёкся, сообразив, что пустился в непозволительные рассуждения.

— Ступай.

И, едва дверь за Чёрвехвостом закрылась, Малфой поднялся и, кинув в камин пригоршню переливающегося порошка, вступил в пламя.

— Ну, что ж, прощайте, мистер Поттер. Гостиница Гранд-Палас! — загудевший огонь унёс его прочь.

* * *

Замызганная мантия Червехвоста ходила ходуном от душившего его гнева.

— Замолвил слово! Пожалела кошка мышку!

Он с ненавистью взглянул на закрытую дверь. Через мгновение облезлая крыса, быстро перебирая лапками (одна из которых металлически царапала каменные плиты пола), уже бежала в сторону преподавательского крыла.

Но путь оказался куда короче, чем ожидалось: уже за следующим поворотом к ней метнулась огромная тень. Последнее, что почувствовала крыса, носившая среди людей имя Питера Петтигрю, — вкус собственной крови, хлестнувшей из прокушенного горла.

Глава тридцать третья, в которой Стана постигает тонкости английского языка, а День Святого Валентина приносит много неожиданностей и неприятностей.

Гриффиндорские юноши-пятикурсники сидели за столом, не в силах даже смотреть на еду. Они вообще не пошли бы в Большой Зал, если бы не строжайшее указание профессора Макгонагалл вести себя как ни в чём не бывало. Что ж — Дин, Симус, Гарри, Невилл и Рон послушно спустились вниз, заняли свои места за гриффиндорским столом, но вот есть — о, нет, не существовало в мире такой пытки, которая заставила бы их сделать это. Рона так до сих пор трясло. Он сидел, стараясь не поднимать глаз: от одного вида отбивных и сливового джема его желудок скручивался узлом и рвался на волю, трепыхаясь где-то в глотке.

На рассвете, спустив босые ноги с кровати и шаря ими по полу в поисках тапочек, он неожиданно наткнулся на что-то большое и холодное. Опустив глаза, на долю секунды остолбенело замер, а потом заорал — заорал так, что тут же сорвал голос; впрочем, Невилл, Гарри, Дин и Симус, проснувшись, сменили его, едва увидев на полу спальни труп человека. Слипшиеся от запёкшейся крови редкие волосы, тусклые рыбы глаза. Струя крови, узлом завязавшаяся под подбородком, уже подёрнутым чёрной сухой коркой. Густая багровая лужа на каменном полу, подтёкшая под раскисший ковёр... И металлический, душный, тяжёлый запах...

Кровь... Сколько крови...

Прибежали учителя (Флитвик кутался в клетчатый халат с начёсом, а на волосах Макгонагалл красовалась сеточка), мальчишек выставили из спальни прямо в пижамах, даже не дав одеться. Они топтались в коридоре, зябко ёжась и подрагивая от только что пережитого потрясения, в ожидании, когда Снейп и Макгонагалл вызовут их для беседы по горячим следам. Гарри, сцепив клацающие зубы, изучал свои торчащие из пижамных штанов лодыжки. Его ноги синели буквально на глазах и, судя по ощущениям, с минуты на минуту должны были превратиться в лёд. Рон уже давно приобрёл зеленоватый тон молодой травки. Он с трудом сдерживал тошноту.

Гарри и Рона вызвали последними. Снейп и Макгонагалл были на редкость мрачны, серьёзны и строги. И... Гарри, у которого зуб на зуб не попадал от холода, возбуждения, смятения и жуткого недосыпа, показалось, что в глазах профессора Зе-

льеделия мелькали искорки мрачного торжества.

Мельница господня мелет медленно, но верно.

— Мистер Поттер, мистер Уизли, вы знаете того, чьё тело было обнаружено утром в вашей спальне?

Официальность в голосе Снейпа резанула ухо фальшивой нотой. Гарри посмотрел ему в глаза, сосредоточился из последних сил. Открыл рот.

Предостерегающий взгляд, неуловимое движение бровей.

— Я ещё раз вас спрашиваю: вы знали этого человека?

— Нет, мы его впервые видели, — Рона била крупная дрожь, но в глазах вспыхнуло понимание. — Я вообще знать не знаю, кто это. Никогда прежде не встречал.

Макгонагалл с облегчением вздохнула и приложила руку к груди, словно у неёхватило сердце. Взгляд Снейпа смягчился и впервые в жизни не обжигал неприязнью, а переполнялся тревогой.

Гарри понял.

— Я тоже не знаю, кто это, профессор.

Вот и хорошо, — сказали глаза Снейпа, а профессор Макгонагалл, не сдержавшись, торопливо закивала. На её бледном лице появился слабый румянец.

— И никогда раньше не видел, — добавил Гарри, вопросительно взглянув на Снейпа. Тот чуть заметно склонил голову.

— Очень жаль, мистер Поттер, мистер Уизли, — профессор соединил кончики пальцев и, смерив студентов непроницаемым взглядом, покачал головой — на этот раз укоризненно. — Вы бы помогли расследованию, если бы, конечно, внимательно осмотрели тело и место происшествия вместо того, чтобы, как первоклашки, визжать с закрытыми глазами и бегать по коридору, переворачивая всё на своём пути.

— Мы... — вяло воспротивился Рон, попытавшись восстановить своё доброе имя, но Гарри на всякий случай наступил ему на ногу.

— Да, профессор. Простите. Мы очень испугались и сразу выбежали из спальни.

Рон закрыл рот и выдернул свою босую ногу из-под ледяной пятки Гарри.

— Угу, мы сожалеем. Мы ничего не видели.

— Если бы профессор Дамблдор узнал, до чего докатились его любимые гриффиндорцы, он бы был весьма расстроен. И, полагаю, встревожен, — Снейп выдержал паузу, во время которой задумчиво рассматривал переминающихся перед ним босых студентов, словно размышляя, какое взыскание на них наложить. — Такое падение нравов. Ну, что ж, очень жаль, что вы оказались настолько слабонервными. А теперь ступайте и держите язык за зубами. Это в ваших же интересах.

Как ни странно, профессор Макгонагалл, никогда не спускавшая язвительных замечаний декана противоборствующего факультета в адрес собственных студентов, в этот раз, судя по энергичным кивкам, полностью его поддержала, особенно в разделе падения нравов, которое должно было непременно произвести впечатление на бывшего директора.

Гарри и Рон развернулись и, шлёпая по каменным плитам ногами, уже потерявшими всякую чувствительность к холоду, пошли к дверям, но их задержал тихий и, к их вящему удивлению, дрожащий голос декана Гриффиндора:

— Вам предстоит разговор с директором. Господином Малфоем, — не поворачиваясь, юноши кивнули. Они понимали, что этого не избежать, но перспектива беседовать с нынешним директором школы хоть кому испортила бы настроение. — Подготовьтесь. Подумайте... как следует. Вспомните все подробности...

— ...и держите язык за зубами... — кашлянув, закончил Снейп.

Выйдя из комнаты, друзья повторили, обменявшись понимающими взглядами:

— Завизжали, зажмурили глаза, выскочили из спальни.

— Разговор с Малфоем-старшим... — пробурчал под нос Рон. — А я-то думал, что хуже сегодняшнего утра ничего уже и быть не может.

Гарри промолчал: он был целиком и полностью согласен с Роном.

И вот теперь вся гриффиндорская пятёрка с бледными лицами сидела за столом, не прикасаясь к вилкам и ложкам. Только Дин Томас, судорожно глотая, пил воду, которую ему — стакан за стаканом — наливала взволнованная Парвати. Однокурсники смотрели на них, как на героев. Остальные студенты, до которых слухи о происшествии дошли в несколько искажённом виде, косились настороженно и даже с подозрением.

Из-за стола преподавателей поднялся Снейп:

— Напоминаю, что на Валентинов день — то есть завтра — назначено посещение Хогсмита. Но, в связи с происшествием в школе, окончательное решение вынесет сам господин директор — когда вернётся. Тем не менее, студентов старших курсов прошу запастись разрешениями у деканов — на случай, если прогулка не будет отменена.

И больше ни полслова о случившемся. Гриффиндорцы встревожено переглянулись. По Залу пронёсся шепоток “происшествие... директор...”, все завертели головами, некоторые даже привстали, пытаясь увидеть Драко Малфоя — никто не сомневался, что ему — директорскому сыну — известны все подробности.

Сам Драко, пребывающий в таком же, как большинство, неведении и нынешним утром выглядящий куда бледнее, чем обычно, сидел на своём месте слизеринского старосты и размышлял, как впихнуть в себя хотя бы тост, чтобы никому не пришлось в голову, что с ним что-то не в порядке. И пришёл к выводу, что эта задача абсолютно невыполнима: от одного взгляда — да что взгляда — от одной мысли о вражеской троице, устроившейся за гриффиндорским столом в стороне от других студентов, ему становилось настолько нехорошо, что даже начинало мутить. Один Мерлин знал, чего стоила слизеринцу минувшая ночь, — он так и не смог сомкнуть глаз: то в бешенстве кидался на стены, то, задыхаясь от бессилия, сухо рыдал в подушку, то грозил кулаками небу, изрыгая самые страшные проклятья, то судорожно листал книги... При словах “вчерашнее чрезвычайное происшествие” у него внутри всё оборвалось, но Малфой тут же сообразил, что речь вряд ли идёт об учинённом над ним этими ублюдками...

Он снова покосился на гриффиндорцев и что-то невпопад буркнул подобострастно поздоровавшимся с ним первокурсникам Джорджу Кенту и Дереку Ли.

Душа не принимает. Но у человека есть ещё разум и сила воли.

Драко собрался с силами и решительным жестом пододвинул к себе деревянное блюдо с яичницей.

Впрочем, его беспокойство, что Поттер, Грейнджер и Уизли заметят и посмеются над его слабостью и невозможностью отомстить за вчерашнее, было излишне: сейчас у Гарри, Рона и Гермионы хватало пищи для размышлений и без малфоевского аппетита. Гермиона, тарелка перед которой так и стояла пустой (она очень хотела есть, но из солидарности с друзьями мужественно отводила глаза от блюд, ваз и тарелок) бросила на друзей очередной тревожный взгляд. Рон, бледный, как смерть, отчего даже веснушки на его лице словно выцвели, смотрел прямо перед собой, медленно скручивая в трубочку льняную салфетку с гербом Хогвартса. Хотя он давно уже согрелся, внутри всё равно затаился холод — холод мёртвого тела Червехвоста, которого он случайно и только на миг коснулся босой ногой. И запах — тёплый, плёвкий, тошный запах крови, которым сейчас пропахло всё вокруг: одежда, руки, яичница на блюде, отбивная в тарелке Ли Джордана, сидящие рядом Гарри и Гермиона, весь Большой Зал...

Гарри хмурился, машинально обводя указательным пальцем золотой ободок на кубке.

— Что Петтигрю делал в нашей спальне? Как он туда попал? И почему Снейп не велел нам говорить, что это именно Петтигрю? — внезапно спросил Рон еле слышным шёпотом, хотя рядом никого не было. Несмотря на февраль, солнце светило, впервые пригрев по-весеннему, и Большой Зал пустел на глазах: это субботнее утро большинство студентов проводило вне промерзших за зиму каменных хогвартских стен.

— Последнее как раз понятно, — таким же шёпотом ответила Гермиона. — Подумай, сколько всего тогда выплыло бы на поверхность... И то, что случилось в прошлом году, и то, что было четырнадцать лет назад... Вы с Гарри единственные из студентов знаете Червехвоста в лицо — таким образом, вы бы стали ненужными свидетелями... Снейп решил вывести вас из-под удара.

Гарри вцепился зубами в ноготь большого пальца.

— Постой... Так это же здорово! Тогда всё разом бы выяснилось — и про Петтигрю, и про Сириуса, и про возрождение Сама-Знаешь-Кого, и про то, что Малфои — Пожиратели Смерти...

— И кто бы позволил вам всё это рассказать? И кому? — холодно поинтересовалась Гермиона. — Пророк ангажирован, вся почта перлюстрируется... Малфой скорее заткнёт вам рот — любым способом, чем позволит сделать хоть один намёк... Сейчас, когда они почти у власти...

— Но ведь и Макгонагал... и Флитвик... и сам Снейп — все они тоже знают Петтигрю в лицо — не будет же Малфой истреблять их всех... — в голосе Рона уже не было уверенности.

Гермиона пожала плечами.

— Я не знаю, я ничего не знаю, — чуть раздражённо отмахнулась она и снова тревожно уставилась на Гарри.

— Ты права, — кивнул Гарри. — Червехвост заодно с Малфоем, я видел их вместе тогда на кладбище. Они оба на службе у Вольдеморта, уверен, он появился в нашей спальне неспроста... — Гарри не стал говорить “чтобы убить меня”, но друзья его поняли. — Но кто, кто его ТАК убил?! Если бы ты только видела...

Рон издал булькающий звук и вцепился себе в горло.

— Рон, дыши, — посоветовала Гермиона, и Рон послушно сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Нам надо выбираться из Хогвартса.

— Если завтра пойдём в Хогсмид, надо обязательно проверить *тот дом*, Гарри...

— А если Малфой отменит прогулку? — пришёл Рон в себя.

— Значит, воспользуемся подземным ходом.

— Да, я всё помню, — кивнул, собираясь с духом, Рон. — Я сейчас же пойду на кухню искать Добби...

С противоположного конца стола, склонившись над миской ненавистой склизкой овсянки, за своими новообретёнными однокурсниками исподлобья наблюдала Стана. Один за другим гриффиндорцы поднимались из-за стола и — поодиночке и группками — шли к выходу, о чём-то встревожено шушукаясь. Пока ещё с трудом понимающая английскую речь — и то, если говорили медленно и не очень сложными фразами — она уловила только суть случившегося вчера вечером или сегодня ночью, но какой-то там кровавый инцидент её не слишком взволновал: во-первых, за два с половиной года Дурмштранга она много чего повидала, а во-вторых... Во-вторых, в глубине души она даже испытывала что-то вроде мрачного торжества.

В одночасье свалившиеся на неё горечь утрат, нищета и одиночество привели к то-

му, что она терпеть не могла Англию, Хогвартс и всё, связанное с ними: и холодные, покрытые инеем каменные стены, и учёбу — какую-то бестолковую и беззубую, и скучных, непонятных, медлительных англичан. Они были противны ей — все до единого, — словно являлись причиной несчастий, рухнувших на её семью. Хотя нет: нельзя сказать, что она испытывала равную неприязнь ко всем. Знаменитая гриффиндорская троица вызывала у неё куда более красочную и разнообразную гамму чувств.

Она взглянула на ту, кого считала истинной виновницей сумасшествия её любимого Виктора или — как она его дразнила — “дяди Вики”: эта косматая зазнайка отняла его у них, влюбила в себя, заставила бросить дело его жизни — квиддич, вынудила отказаться от всего, что он так любил и чем так дорожил. Она всё отобрала у него и втоптала в грязь. Это она, мерзавка, убила бабушку Лею, она лишила всю семью дома и средств к существованию, а их с Боряной, ко всему прочему, любимой страны, школы и подруг!

Стана обожгла Гермину полным ненависти взглядом. Та, делая вид, что читает очередную книгу, прислонённую к вазе с фруктами, о чём-то шушукалась со своим несравненным Гарри Поттером.

Вот ведь — строила из себя бесстрашного борца за справедливость, а, как попёрли из старост, так не рискует демонстративно садиться на своё место — жмётся ближе к середине стола и помалкивает в тряпочку... А нового старосту — этого несуразного Лонгботтома, поди, запугала: он так ни разу и не отважился занять место, положенное теперь ему по статусу... Всех, всех подмяла под себя, даже своего *героя*...

Стана пренебрежительно хмыкнула и перевела взгляд.

Великий Гарри Поттер! Несравненный Гарри Поттер! Когда Виктор объявил, что тот приедет к ним погостить, она чуть не лопнула от счастья: сам Поттер! Подруги позеленеют от зависти! Веселина так просто повесится: она старательно собирала статьи и фотографии и даже переплела их в альбом, обклеенный сердечками.

Стана презрительно скривилась, позабыв, что ещё полгода назад сама отчаянно страдала по окружённому невероятным количеством драматических и трагических историй задумчивому англичанину с мечтательными изумрудными глазами и таинственным шрамом на лбу. О, у неё просто дух захватывало, когда она рисовала в воображении печального рыцаря, молчаливого героя, который на поверку оказался вечно лохматым, длинным, худым и голенастым, как цыплёнок-переросток с их птичьего двора, да вдобавок ещё и влюблённым в эту девицу! Бестолковый и глупый, как все мальчишки, — даром, что герой всего волшебного мира, о котором им с детства уши прожужжали. Всё время, пока жил у них, тарасился на свою Грейнджер (вот уж дурацкая фамилия!), не обращая на неё, Стану — между прочим, вовсе даже не уродину — никакого внимания! И Виктор тоже вёл себя, как болван — ослеп и оглох, не слышал, о чём ему твердили и бабушка, и мама, и тётя Божана — только и думал, как бы угодить ей, — тьфу, смотреть было противно!

Стана отложила ложку, которой ковыряла застывшую овсянку и снова покосилась на Гермину. Теперь та о чём-то шепталась с обоими мальчишками.

А она-то, она-то! Крутила хвостом, заигрывала с обоими — то подманит, то прогонит — у, хитрая лисица! — похоже, на всё была готова, лишь бы удержать их рядом. Ещё бы! Кто она такая? Безвестная студентка — да, вроде, не дура, но таких в любой школе пруд пруди. А они? Две мировых знаменитости. Гарри Поттер и Виктор Крум, вьющиеся рядом и ловящие каждое её слово, — наверное, это просто льстит её самолюбию и позволяет самой выделиться. Да вдобавок, ещё и стравливать их, заставляя мерить друг друга злыми взглядами, ревновать и мучиться! Поди, получала от этого море удовольствия! Судя по всему, она из тех девиц, которые хо-

тят владеть парнем целиком и полностью — отнять его у друзей и родных, лишить любимого дела, заставить бросить дом и страну и нестись на край света... Бедный дядя Вики! Бедный Мальчик-Который-Выжил! Неужели он настолько глуп и слеп, что не понимает, какая лживая и эгоистичная девица в него вцепилась!

Стана фыркнула в чашку с чаем (тыквенный сок она даже на запах не переносила) и опять вперила суровый взгляд в Гермиону.

Надо же! А ведь сначала она ей даже понравилась! И Виктор рассказывал о ней столько хорошего: и умная, и честная, и смелая, и справедливая, а уж какая красавица! Тоже мне, красавица! Ничего особенного!

Дрянь ужасная¹⁹!

Передёрнув плечами, Стана решительно отодвинула от себя тарелку и тоскливо обвела глазами стол, пытаясь обнаружить на нём хоть что-нибудь съедобное. Копчёная рыба неаппетитного ржавого цвета, жареные яйца, бекон... Всё такое жирное, всё такое пресное... Она обречённо намазала маслом тёплую булочку. Ей было грустно, одиноко и — как часто в последнее время — очень хотелось плакать. Иногда, свернувшись калачиком и подрагивая от холода под тонким шерстяным одеялом в огромной гулкой спальне третьекурсниц, она позволяла себе сдавленно всхлипнуть в подушку. Разумеется, когда все уже спали, и её никто не мог услышать. Чужая в этом чопорном и холодном мире, вежливо говорящем на непонятном ей языке (они даже ругались вполголоса!), лишившаяся вмиг родных и друзей, вечно одинокая... Во всей школе был только один человек, в глазах которого она видела отражение своего одиночества, тоски и затаённого отчаяния.

Стана сразу почувствовала родственную душу в рыжем друге Поттера — длиннющем и худом, как жердь. Друге, на которого тот в последнее время почти не обращал внимания, целиком и полностью захваченный своей неугомонной Грейнджер.

Это как же она сумела пустить пыль в глаза! И Вики, и Поттеру, а им с Уизли, лишившимся лучших друзей, теперь страдай...

Она сама не заметила, как объединила себя с Роном одним местоимением.

Это несправедливо. Надо всем, всем раскрыть глаза!

— ...я сейчас же пойду на кухню, — кивнул Рон и, поднимаясь, почувствовал на себе чей-то взгляд. На него в упор смотрела сидящая в отдалении новенькая третьекурсница, крумова племянница. Он вяло кивнул ей и, к его огромному удивлению (если бы Рон сейчас мог удивляться), она кивнула в ответ и мотнула головой в сторону дверей — мол, давай выйдем, дело есть! Удостоверившись, что ему не показалось, он пожал плечами и покорно направился к выходу, равнодушно размышляя, с чего бы это он вдруг ей понадобился — за всё время они ни разу не разговаривали.

— Удачи! — шепнул ему вслед Гарри. — Мы будем ждать тебя в гостиной!

Новенькая караулила у дверей. Увидев Рона, она решительно перегородила ему дорогу.

— Добро утро, — строго хмуря брови, поздоровалась она и, едва он успел пробурчать что-то приветственное в ответ, сразу взяла быка за рога. Сначала он хотел отделаться от неё как можно быстрее, но уже через минуту он совершенно забыл, куда собирался. Рон слушал, не веря своим ушам, чувствуя, что сойдёт с ума — прямо сейчас и прямо здесь — от событий сегодняшнего утра и её слов, нескладных и неправильных, не говоря уже о том, что донельзя абсурдных.

А таких ли уж и абсурдных? — спросил в подсознании какой-то тоненький голосок, который Рон немедленно заткнул.

— Обалдеть... Послушай, как тебя... Стана, ты всё не так поняла! Совсем не так! Как тебе и в голову-то такое пришло! Рехнуться можно!

— Не разбираю, — тревожно откликнулась она, взволнованно поблескивая тёмными, как спелые вишни, глазами.

— Чего? А... ты не понимаешь... Чёрт... Ну, вот, — начал Рон, медленно и громко, словно разговаривал со слабоумным ребёнком, который, вдобавок, был ещё и туговат на оба уха,

— Гермiona (гитарообразное движение рук) любит Гарри (очки из сложенных колечками больших и указательных пальцев). Гарри любит Гермionу (те же движения, только в обратном порядке). Они любят друг друга (поцелуйные движения губами). Уже тысячу лет. Тысячу, поняла?

— Хиляда? — недоверчиво переспросила она, с подозрением следя за пантомимой Рона и на всякий случай делая шаг назад.

— Какая хиляда? Тьфу. Давно любят, говорю, давно. И она любит только его. И совсем не потому, что он знаменит, ясно? Ты мне поверь, уж я-то точно знаю. Поняла? Она хорошая — Гермiona (*большой палец вверх*), ясно? Честная и искренняя, очень смелая и добрая. Только чересчур упёртая (*стук кулаком об ладонь*). Не веришь — спроси у любого, хоть на нашем факультете, хоть у хаффлпаффов, хоть у равенкловцев... Она столько раз нас выручала, спасала...

— Упёртая? Куда упёртая? — Стана осторожно повторила жест Рона, постучав кулаком об свою ладошку.

Рон мученически закатил глаза и, подумав, решил зайти с другой стороны.

— Ладно, забыли. Ты вот сколько лет её знаешь?

— На колко години? — опешила Стана. — Аз съм на четиристотин години. Че-пырнад-цать...

— Чего? — Рона пробил нервный смешок. — Вот ведь балда иноземная... Да не тебе, а сколько ты её знаешь! Полгода, верно (*его пальцы сами собой изобразили кукиш, вызвавший у Станы новые ассоциации*)? Всего ничего. А мы знакомы уже пятый год (*растопыренная пятерня*), понятно?

— Понятно. А как же Виктор? Почему она с ним так поступила?

Рон тоскливо вздохнул, подыскивая слова.

— Что — Крум? Сам дурак (*покрутил пальцем у виска*). Псих чокнутый. Она же не виновата, что он так влюбился в неё... ясно, нет? Это всё — несчастный случай. Авария. Хрусть — и пополам. Понимаешь?

— Разбира се... — она нахмурилась, покачала головой. — Хрусть. Она его... завлекала! Он популярный. Она хотела в газеты.

— Да не может наша Гермiona никого завлекать! — фыркнул Рон, начиная воспламеняться праведным гневом. — Она же просто ненавидит огласку и шумиху — ты бы знала, что было, когда про неё тиснули статейку в Пророке! Ей никто никогда, кроме Гарри, не был нужен, и если твой родственничек втрескался в неё по самые уши, что-то себе напридумывал и наделал глупостей, — это его проблемы, ясно?

Стана нахмурилась и покачала головой. Но бывшая уверенность её покинула.

— Она всё делала специально...

Рон в сердцах сплюнул.

— Ты ничего не понимаешь, вот и долдонишь своё! Гермiona — самая честная девчонка из всех, кого я знаю! И вообще — некогда мне тут с тобой торчать, у меня дела!

— Долдонишь — какво е това? — Стана удержала Рона, схватив за рукав.

— Талдычишь одну и ту же чушь, — мстительно уточнил он и стряхнул её руку. — Пока!

— Довиждане, — пробормотала Стана ему в спину и, потоптавшись, отправилась в сторону библиотеки — Деннис Криви обещал позаниматься с ней английским. —

Талдычишь, долдонишь, рехнуться, тиснули, балда иноземная, втрескался, обалдеть, хрусть, чокнутый... — шептала она себе под нос, загибая пальцы. — Оказывается английский язык куда сложнее и эмоциональней, чем я думала.

Но, не смотря на это открытие, на душе почему-то уже не было так тяжело.

* * *

Люциус Малфой рвал и метал. Но когда он обвёл глазами собравшихся в кабинете преподавателей, на лице появилось серьёзное и несколько расстроенное выражение, с каким обычно обсуждают нечто весьма досадное, хлопотное, но, в общем-то, устранимое — хоть и ценой некоторых усилий.

— В ходе экстренно проведённого расследования установлено, что тело, обнаруженное утром в спальне учеников пятого курса факультета Гриффиндор, принадлежит одному из домовых эльфов, не входящих в общину эльфов Хогвартса. Судя повсему, причиной смерти стало самоубийство, — рассеянно теребя в руке неизменную трость с серебряным набалдашником, Малфой буравил взглядом профессоров — одного за другим. Ни единого шевеления. Ни единого шепотка. Только потрескивание камина да скрип табурета под профессором Флитвиком, который никак не мог устроиться поудобнее. — Далее расследование продолжится в обычном порядке, я возьму его под личный контроль. Пока же нам стоит принять необходимые меры для того, чтобы впредь ничего подобного не происходило. Студентам и преподавателям рекомендуется этот вопрос не поднимать — ни на уроках, ни в частных беседах; разговоры в гостиных, сплетни, слухи... — он сделал паузу, и посмотрел на профессора Макгонагалл, которая, поджав и без того тонкие губы, невидящим взглядом уставилась в пространство, — всё должно немедленно пресекаться. Строжайшим образом. Все свободны.

По-прежнему безмолвно, профессора поднялись и покинули кабинет, тишину нарушал только звук шагов и шорох мантий.

— А тебя, Северус, я попрошу остаться...

Снейп замер в дверях и, пропустив в коридор метнувшую в него тревожный взгляд профессора Вектор, вернулся к столу.

Люциус Малфой рассеянно играл выполненным в виде головы домовика пресс-папье. Снейп молча стоял напротив. Наконец шаги в коридоре затихли. Малфой сбросил маску. Голова домовика тут же полетела в угол.

— Поттер и Уизли — они его узнали? — Люциус вскочил с кресла с такой скоростью, что оно едва не опрокинулось. О, нет, он был не просто раздосадован. Он пламенел от бешенства, он бушевал: казалось, даже волосы на голове вот-вот вспыхнут от летящих из глаз искр. И ещё он боялся — Снейп мог бы поклясться, что за яростью прячется неконтролируемый животный страх. Впрочем, Люциус и был животным. Хитрым, умным, безжалостным хищником.

Взгляд мастера Зелий остался скучающе-равнодушным.

— Нет, они были слишком напуганы. Уизли, обнаруживший труп, поднял такую панику и ор... — неувимое движение бровей, презрительная усмешка. — Я лично беседовал со студентами сразу после обнаружения трупа — их трясло так, что они друг друга-то едва узнавали. Впрочем, положила руку на сердце, сложно их в этом винить: представшая перед нашими глазами картина действительно выглядела весьма впечатляюще.

Похоже, Люциус немного успокоился. Во всяком случае, перестал хрустеть пальцами и даже снял перчатки. Пройдясь туда-сюда по кабинету, остановился у окна, за которым совсем не по-зимнему сияло солнце, сощурился и раздражённо задёрнул портьеру. Тут же воцарился полумрак, воздух колыхнулся, и в огромных бронзовых канделябрах вспыхнули свечи. Люциус вернулся к столу и, опустившись в кожа-

ное кресло с подлокотниками в виде извивающихся змей, задумчиво уставился на Северуса.

— Да, убийство — это всегда так неприятно и неопратно... И кто же *его* так?.. — он забарабанил пальцами по столу. — Ты видел *его* горло? И — заметь — никаких заклятий! Словно оборотень рвал... Или... Неужели это... *он*? Неужели *он* снова в школе? Не могу поверить в такую удачу, — лицо Люциуса посветлело, даже мелькнуло подобие кривой ухмылки.

Снейп пожал плечами. Если у него и были соображения на этот счёт, он не собирался делиться ими с Малфоем.

— Хорошо, — тоном, не сулящим на деле ничего хорошего, произнёс Малфой, — я побеседую с Поттером и Уизли. Лично.

Снейп коротко кивнул, мысленно похвалив себя за предусмотрительность: ему ли не знать этих бестолковых гриффиндорцев, сначала открывающих рты, а уж потом только думающих, то ли они сказали...

Люциус задумчиво смотрел в камин, осторожно проверяя пальцем остроту зубов змеи на набалдашнике трости. Судя по выражению его лица, Поттеру и Уизли беседа с директором не сулила ничего хорошего.

— А что Петтигрю делал в спальне гриффиндорцев ночью? Решил вернуться к старому хозяину?

От негромко прозвучавшего вопроса Малфой резко дёрнулся, проколов палец. Засунул его в рот и с отвращением почувствовал вкус собственной крови. Когда его глаза снова встретились с глазами профессора Зельеделения, они полыхнули сталью, а губы сжались в тонкую ниточку.

— Я тоже хотел бы это знать. Жаль, что мы вряд ли теперь получим ответ на этот вопрос.

Он замолчал, и два мага опять вступили в безмолвный поединок. Малфой сдался первым, не выдержав обжигающей черноты глаз Снейпа.

— Жаль, — согласился профессор Зельеделья, резко развернулся — так что его мантия громко хлопнула — и покинул кабинет.

А в тот момент, когда Люциус Малфой ещё только открывал ведущие в Хогвартс огромные двустворчатые двери, Рон, пощекотав нарисованную на картине грушу, входил в хогвартсовскую кухню. С первого же взгляда его потрясла произошедшая перемена. Сейчас она больше напоминала ад: тёмная, мрачная, прокопчёная, с единственным источником света в виде огромного пылающего камина, который отбрасывал на стены и каменный пол огненные языки, походившие на гигантский пожар. От разом обрушившегося на него грохота ножей, звона посуды, шума воды, шипения масла, топота крохотных ног и гула пламени едва не заложило уши. Пышащие огнём плиты, сковороды — удушливое пекло, в котором вполне можно было поджаривать грешников: Рона тут же прошиб пот, от раскалённого воздуха перехватило дыхание, и кожа на лице натянулась, будто покрылась румяной корочкой. В чаду и багровых отблесках суматошными тенями метались домовые эльфы, от вида которых Рон тут же онемел: ветхое замызганное тряпье вместо форменных чистеньких передничков, затравленные лица, опущенные взгляды, суетливые движения...

— Эй, — он попытался остановить двух домовиков, волочащих по полу втрое превышающую их по размеру разделанную коровью тушу, — а где Добби?

Даже не взглянув на него, словно и вовсе не слыша, эльфы пропыхтели мимо, через миг закинув свою окровавленную ношу на огромный разделочный стол. С новой силой загремели огромные сковороды, застучали ножи. Над головой Рона пролетел здоровенный тесак, и начал с грохотом рубить тушу, разбрасывая во все стороны ошмётки мяса и белоснежные и острые, как зубы, осколки костей.

Рону стало нехорошо.

О... больше никаких отбивных...

Не в силах отвести взгляд от этой кровавой картины, он попятился и налетел на огромную кадушку, в которой измождённый худой эльф усердно месил тесто.

— Эй, послушайте! — крикнул Рон и, не дождавшись отклика, тронул его за плечо. — Как я могу найти Добби?

Не поднимая глаз, эльф вывернул в тесто стоящую рядом миску, доверху наполненную изюмом, и, вспрыгнув в бадью, продолжил месить тесто сизыми ногами.

Так, со сладкими булочками тоже завязываю, — сглотнув комок в горле, подумал Рон, наблюдая, как тощие ноги домовика по колено погружаются в тесто, ноздреватое и неестественно-розовое в мрачных отблесках гудящего в камине пламени. — *Да что с ними такое?*

Будто не замечая его, эльфы сновали туда-сюда, жаря, паря, что-то перетаскивая. Они огибали Рона как неодушевлённое препятствие и, не поднимая глаз, бежали дальше. Звенела посуда, шкворчало масло, в огромном баке грохотали моющиеся тарелки; от невыносимого жара одежда облепила тело, а волосы — голову. Поток домашних эльфов делился перед ним на два ручейка и, обтекая, вновь соединялся за спиной.

Рон сделал ещё одну безрезультатную попытку заговорить и растерянно замер посреди кухни.

— Вы ищите Добби, да? — донёсся сквозь грохот и гул кухни писклявый голосок.

Рон опустил глаза и радостно перевёл дух: его теребила за рукав Терри, жена Добби. Но что с ней случилось? Худая и измученная, с потухшими глазами и обвисшими ушками; на ней болталось жуткое, едва ли не заплесневевшее рубище... — новый директор выгнал его. Добби больше нет в Хогвартсе.

— Кто выгнал — Малфой выгнал? Как выгнал? Куда выгнал? Почему выгнал? — вопросы рассыпавшимся горохом запрыгали из Рона раньше, чем он сам успел дать на них ответы.

Терри молчала, глядя на него внизу вверх. Из огромных глаз выкатились две крупные слезы.

Неожиданно кухню огласил звук гонга и эльфы забежали втрое быстрее.

— Терри пора идти, начинается репетиция обеда, — она потупила глаза и через миг уже растворилась в серой толпе домовиков.

Рон покинул кухню совершенно ошарашенный. Его злость на Люциуса Малфоя, которая, казалось, давно достигла пика, внезапно открыла новые горизонты, а идеи Гермионы о труде и отношении к домашним эльфам впервые не показались бредом. Рон выбрался из подземелья и уселся на ближайший подоконник, пытаясь остыть и прийти в себя.

— Ро-онни...

Дыхание перехватило. Он слишком хорошо знал этот голос. Даже теперь, когда Рон не слышал его наяву, тот регулярно преследовал его во сне. Постаравшись сделать лицо как можно более независимым, Рон повернулся. Перед ним с рулоном пергаментов в руке стояла Эшли — тоненькая, длинноногая, с сияющим в солнечных лучах значком старосты на груди.

— Рон, здравствуй.

— Привет.

В его глазах появилось полуумоляющее-полувызывающее выражение, которое было ей хорошо знакомо. Она мысленно улыбнулась и сделала шаг к нему. Рон инстинктивно качнулся назад, упершись спиной в оконное стекло.

— Что ты тут делаешь, Рон?

— А что, не имею права сидеть, где хочу? Это уже тоже запрещено правилами?

— Имеешь. И я — тоже, — она легко вспрыгнула на подоконник и уселась рядом. Повозившись, устроилась поудобнее и пристроила пергаменты себе на колени. Случайное прикосновение её тела обожгло Рона кипятком. Молчание, во время которого Эшли искоса смотрела на Рона и молча улыбалось, действовало ему сейчас на нервы куда сильнее, чем любой — самый душераздирающий — вопль. Он заёрзал, пытаясь отодвинуться, но в результате они стали соприкасаться не только коленками, но так же бёдрами и локтями. У Рона занялся дух, и свело горло.

— Что это? — ткнул он пальцем в пергаменты только для того, чтобы что-нибудь спросить.

Она мысленно улыбнулась. Она выиграла. Он сам задал вопрос.

— В связи с завтрашним днём Святого Валентина Филч составил список запретов. Смотри, — улыбнувшись, она развязала стягивающий пергаменты шнурок, — запрещается улыбаться, громко смеяться в коридорах, целоваться... — она сделала паузу и так посмотрела на губы Рона, что ему захотелось прикрыть их ладонью. Он вспыхнул и отвернулся. — Целоваться, — продолжила она, как ни в чём не бывало, возвращаясь к списку, — рассылать по внутренней почте поздравительные открытки, собираться группами больше пяти и меньше трёх человек... И — отдельным приложением — список разрешённых Поздравительных Заклинаний. Хочешь посмотреть?

— Не хочу, — не оглядываясь, буркнул Рон. В солнечных лучах его уши казались рубиновыми. Ей даже померещилось, что от них вьётся дымок.

— Посмотри, посмотри, — она настойчиво совала свиток ему в руки; от прикосновения её пальцев Рон вздрогнул, и это не укрылось от неё, — а то вдруг захочешь поздравить подружку и наживёшь себе кучу неприятностей.

— У меня нет подружки, — брякнул он, не успев прикусить язык.

— Пра-авда? — Эшли чуть наклонила голову, и отросшие до плеч волосы упали ей на лицо, вызвав у Рона непреодолимое желание поправить их. Он поднял руку, но тут же уронил её себе на колено. — Почему ты не ответил на мои письма? — внезапно спросила она таким знакомым, таким волнующим грудным голосом, что в его сердце что-то натянулось и больно щёлкнуло. Она, всё ещё держа пергаменты, снова коснулась его руки, и он сделал над собой усилие, чтобы... Чтобы что? Он сам не понял — то ли он хотел оттолкнуть её ладонь, то ли схватить, сжать... Он шумно сглотнул.

— Я их не читал.

— Неправда, — она тихонько рассмеялась и тряхнула головой. — Я наложила на них специальные заклятья. Ты читал их — я знаю. Зачем ты меня обманываешь?..

— Обманываю? Я? А ты? — подскочил Рон, обернувшись к ней всем корпусом и едва не упав с подоконника. — Зачем *ты* обманывала меня?! Или ты готова на всё ради денег?! А сейчас-то, сейчас тебе что от меня нужно?! Опять не хватает на развлечения? Родители узнали, за какие заслуги тебя назначили старостой, и урезали карманные расходы?

Испугавшись собственных слов, он с трудом перевёл дух и вызывающе уставился на неё, ожидая взрыва. Эшли же продолжала улыбаться, словно он говорил ей комплименты, а не пытался оскорбить.

— У тебя дрожат пальцы... — отложив пергамент в сторону, она обеими руками взяла его большую и широкую руку в свои ладони с аккуратно наманикюренными ноготками. Сплела свои пальцы с пальцами Рона. Тепло её было таким знакомым, таким забытым, таким желанным, таким ненавистным...

Он через силу рассмеялся.

— Дрожат...

И это было правдой: ему сейчас приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не сомкнуть их на затылке девушки и не привлечь её к себе. Рон высвободил свою руку и с силой ударил кулаком по краю каменного подоконника. Взрыв пронзительной боли докатился до самого плеча.

— Мне пора возвращаться.

Она растерянно взглянула на его руку, потом в лицо, но раньше, чем успела что-то сказать, Рон бегом помчался прочь.

* * *

Вечер этого дня выдался столь же насыщенным и выматывающим, как и утро, — с той лишь разницей, что после беседы с Люциусом Малфоем к тому, чтобы отдать Богу души, были близки сами Рон и Гарри. От недосыпа, напряжения, отвращения и усталости Гарри тошнило настолько сильно, что он с трудом удерживался от желания метнуться к ближайшей туалетной комнате.

— Мне кажется, он наложил на нас какое-то зловредное заклятье, — пробормотал Рон, держась за лоб. — У меня голова сейчас треснет...

— А у меня — живот, — пожаловался Гарри.

Они и сами не поняли, как им удалось до последнего настаивать на версии, подсказанной профессором Снейпом, откуда взялись силы, чтобы, ни разу не запутавшись, последовательно ответить на все — даже на самые каверзные и внезапные — вопросы и при этом сохранить невинные выражения лиц.

— Знаешь, после того, как пообщаешься с папочкой, Малфой-младший кажется просто тихим ангелом, — заметил Рон, когда они миновали три коридора в полном молчании, сконцентрировавшись на собственных внутренних ощущениях. — Будь его воля, он бы наложил на нас Заклятье Истины, потом, если бы не помогло, — Пыточное...

— Если бы помогло — тоже, — уточнил Гарри. — Удивительно, что он этого не сделал. Хотел бы я знать, что ему помешало... Вот гад — как же я попаду в Хогсмид, если он порвал моё разрешение, а Добби как в воду канул?

— Ну, можно попробовать выбраться под мантией-невидимкой... — неуверенно предложил Рон.

— Можно, — кивнул Гарри, — но от Червехвоста он наверняка знает о том, что она у меня есть... И устроит какой-нибудь подвох на выходе из замка... — мысль о новой встрече с Малфоем-старшим вовсе не привлекала. — Надо что-то изобретать.

Несмотря на поздний час, Гермиона, мужественно борясь со сном, ждала их в старом продавленном кресле у камина с очередным толстым томом на коленях.

— О, солидная книга — такой и Крэбба с Гойлом можно завалить. Один махом двух жлобов побивахом, — вяло пошутил Рон, опускаясь рядом.

— Ну?! — без предисловий уставилась на них Гермиона, даже не усмехнувшись.

— Порядок, — заверил её Гарри. — Держались, как могли. По-моему, он нам всё-таки поверил. Да и как не поверить истории о двух гриффиндорцах, которые, вереща, как малые дети, метались по спальне с зажмуренными от ужаса глазами и не могли найти дверь? Ему как слизеринцу это просто бальзам на раны.

— Надеюсь, он клюнул на ваш рассказ не из любви к искусству и уважения к вашему исполнительскому мастерству, — покачала головой Гермиона и с состраданием покосилась на Рона, который свернулся на диване, обхватив голову руками. — А что насчёт завтрашнего Хогсмида?

— Полный пролёт, — помрачнел Гарри. — Он отобрал у меня разрешение и со словами “мистер Поттер, мы все так тревожимся за сохранность вашей бесценной жизни, вдруг с вами что-нибудь случится...” порвал его у меня на глазах. Так что, —

он развёл руками, — надо что-то придумывать. Или вспоминать фразу, открывающую дверь в туннеле...

— Нет никого, кто бы не желал, чтобы его дети были свободны...

Гермиона вздрогнула от неожиданности. Рядом с креслом в полумраке светились огромные глаза, похожие по размеру на теннисные мячики. На очень грустные теннисные мячики.

— Добби?! — выдохнул Гарри. — Но как?! Откуда?!

— Твоя жена сказала, что тебя выгнали!.. — вытаращил глаза Рон.

— Так оно и есть, — простужено хлюпая сизым с мороза носом, эльф воровато озирался по сторонам, словно ожидая слежки или погони, — несчастный изгнанник Добби теперь обитает в Запретном лесу — Хагрид был так добр, что пристроил его к своему другу Диофану...

— О, к сатире?.. — Гарри улыбнулся: значит, запах корешков и табачка, шедший от порванных и грязных обносков, в которые превратился свадебный подарок Гермионы, ему не померещился.

— ...но когда на дежурство по замку заступают приятели Добби, он — на минуточку — заглядывает к своей любезной супруге Терри... — Добби смутился и чуть покраснел. — Терри передала, что друг великого Гарри Поттера искал Добби...

— Нам нужна была...

— ...фраза, отпиральная подполье, — закивал Добби. — Я всё слышал. *Nemo est, quinon cupiat liberos suos incolumes et beatos esse.*

— Точно! — хлопнула себя по лбу Гермиона. — Какая же я бестолковая! Не смогла вспомнить такую ерунду!

— Это не ерунда! — Добби предостерегающе поднял тощую зелёную руку. — Только те, кто входили в Движение Магического Сопротивления, знали этот пароль! И для укрепления духа повторяли его в трудные минуты, когда крошечная тьма застила горизонты и не было ни малейшей надежды на избавление! — Добби замолчал и величественно растопырил уши. Рон, не выдержав, фыркнул, но тут же взял себя в руки и постарался придать своему лицу соответствующее моменту выражение.

— Это тебе Диофан рассказал?

— И он, и вообще.. — Добби начал смущенно переминыться, косясь на большие напольные часы в углу. Его тощие ножки торчали из ботинок, как две сухие ветки. — В Запретном Лесу есть с кем поговорить...

— Знаешь, Добби... — Гарри пытался подобрать слова, чтобы выразить свою признательность, — Добби, ты... ты самый настоящий друг!..

— О... великий Гарри Поттер... — на глазах Добби появились слёзы благодарности, тут же, впрочем, высохшие. Домовик снова присел и тревожно закрутил головой. Безволосые уши настороженно приподнялись. — Э... Добби нижайше просит у Гарри Поттера извинения, но... сами понимаете... у Добби осталось всего полчаса, а Терри ждёт...

Он развёл руками и растворился в воздухе раньше, чем друзьям даже успели с ним распрощаться.

— *Nemo est, quinon cupiat liberos suos incolumes et beatos esse,* — задумчиво повторил Гарри.

— Уверена, что пароль придумал Дамблдор, — Гермиона вопросительно взглянула на друзей. Те переглянулись и утвердительно кивнули.

* * *

Рон и Гермиона без особого труда нашли дом, о котором им рассказывал Гарри, и, как и было условлено, затаились неподалёку, стараясь не привлекать к себе внимания. Впрочем, подобные предосторожности на первый взгляд казались излишними:

эта часть Хогсмида выглядела довольно безлюдной — пара увязших в снегу хибар с занавешенными каким-то тряпьем окнами и торчащим из сугробов бурьяном, заброшенный сад за поваленной изгородью, высокие кусты вдоль дороги. Взявшись за руки и, на всякий случай, изображая ищущую уединения парочку — чтобы вписаться в контекст сегодняшнего дня, когда нельзя было найти места, где бы не целовались-обнимались-сидели, трепетно держась за руки, студенты²⁰ — друзья настоятельно прислушивались и поглядывали по сторонам, поджидая Гарри. Тот, по всем подсчётам, уже должен был добраться до Хогсмида, а потому они — особенно Гермиона — начинали нервничать. И мёрзнуть: после радостного вчерашнего солнышка зима очнулась и собралась с силами: небо затянуло тучами, дул пронизывающий сырой ветер, от которого не спасали даже тёплые плащи и вязаные рукавицы.

Но вот раздались приближающиеся шаги, и рядом прозвучал чуть запыхавшийся голос:

— Я тут.

— Ну, наконец-то.

— Почему ты опоздал? Что случилось? — с облегчением спросила Гермиона, глядя в пустое пространство, откуда шёл голос Гарри, и чувствуя себя от этого ужасно глупо.

— Ждал, пока Кровавый Барон уйдёт из коридора. Пивз устроил очередной разгром, а Барон его застал... Ну, вперёд, Рон!

— А я?! Ты хочешь сказать, что после того, как мы почти полчаса проторчали на этом ветру, я так и останусь снаружи?

— Рон отдаст тебе свою мантию, — голос Гарри звучал строго. — Внутри мы тебя не возьмём — неизвестно, чего ждать от этого дома. К тому же...

Он возмущения Гермиона сердито топнула ногой:

— Так нечестно!

— Очень даже честно, — Рон внезапно переметнулся на сторону Гарри. — Знаешь, мне хватило давешних скачек по Хогвартсу. От тебя можно ждать любых... — он чуть было не сказал “неприятностей”, но успел поправиться, — “сюрпризов”, — и тут же, охнув, отскочил: Гермиона больно ткнула его в бок локтем.

— Предатель! — обиженно проворчала она, но перестала протестовать, хотя всем своим надутым видом показывала, как относится к дискриминации по половому признаку. Проводив взглядом вошедшего в дом Рона и сопровождавшего его под мантией-невидимкой Гарри, покрепче закуталась в огромный плащ, укрывший её до пят, и направилась к упавшей старой яблоне. Устроилась, чтобы не бросаться в глаза незванным гостям (если таковые появятся) и, в то же время, не выпускать вход из вида, взмахом палочки разровняла снег и приготовилась ждать.

Внутри дом сейчас производил куда более унылое впечатление, чем летом: сквозь худую крышу сыпался снег — в одном углу уже красовался аккуратный сугроб, в щелях заунывно выл ветер, поскрипывала сорванная с петель ставня. Рон устался на сугроб.

— Фу, как могила... — поёжился он.

— Проверяй всё! Самым тщательным образом, — Гарри засунул в карман мантию-невидимку и вытащил из рукава палочку.

— Не учи дедушку кашлять! — фыркнул Рон и обвёл комнату придирчивым взглядом.

Следующие полчаса они методично выстукивали стены и полы, проверяли на наличие магии все попадающиеся на глаза предметы. Никаких результатов это не принесло, и у Гарри даже мелькнула мысль, не позвать ли на помощь Гермиону, как вдруг...

Рон даже не понял, что произошло: ему почудилось какое-то движение в сугробе; немедленно отреагировав, он вскинул палочку и отпрыгнул назад, налетев спиной на Гарри, который охнул, оступился и... — бздынь! — исчез. Когда Рон в ужасе повернулся, сзади не наблюдалось ничего, кроме большого зеркала, в котором отражалась его собственная перекошенная физиономия.

...В этот раз, очутившись в туннеле, Гарри знал, куда и зачем он попал, а потому, накинув мантию-невидимку и стиснув палочку, решительно двинулся вперёд. Под ногами похрустывала чуть подмёрзшая грязь; покрытые изморозью стены дышали промозглым холодом, излучая лёгкое свечение. Идти пришлось дольше, чем летом, но через несколько минут коридор заметно расширился и посветлел. Гарри перевёл дух. Сделав ещё несколько шагов, осторожно выглянул. Сомнений не было: тот же самый Зал — огромный, сумрачный, теряющийся во мгле, с пляшущим на возвышении желтоватым пламенем и по-прежнему висящим в нём Сердцем. Гарри почувствовал, как его собственное сердце суматошно забилось — цель так близка! Затаив дыхание, он на цыпочках вышел из тёмного коридора, но, как ни старался двигаться как можно бесшумней, из-под исчезающего в зеленоватом мареве потолка откликалось эхо. Похолодев, Гарри застыл с поднятой ногой. Прислушался. Огляделся. Людей в зале не было, но Гарри сомневался, что мантия-невидимка уберёжёт его от Стражей и прочих гриндевальдовых охранников. Однако царила мёртвая тишина, и, осмелев, он сделал ещё несколько шагов и приблизился к возвышению. В каком-то футе от лица в воздухе висело Каменное сердце, очень похожее на настоящее. Языки пламени меланхолично облизывали его, не нагревая и не отбрасывая ни искр, ни бликов.

Кто ты? Где ты? Как я могу всё остановить?

И Гарри решительно протянул руку.

Она налетела на невидимое препятствие. Опешив, он попробовал снова — но тонкая невидимая преграда не пускала. Гарри поднял палочку, размышляя, при помощи какого заклятья можно разбить её и добраться до Сердца, но в этот миг раздались быстрые, решительные, по-хозяйски громкие шаги, и в Зал вошёл Люциус Малфой собственной персоной. Его сопровождал человек в чёрной мантии с опущенным на лицо капюшоном.

Гарри помертвел. Против его воли глаза метнулись к спасительным могильным плитам, коснувшись которых он мог вырваться из ловушки, в которую сам себя загнал. Но мысль о том, что он невидимкой присутствует в самом логове врагов, победила здравые доводы рассудка. Он затаился, боясь сделать лишний вздох.

Новоприбывшие полностью ушли в какую-то бурную дискуссию, отголоски которой, многократно отражаясь от стен и потолка, доносились до Гарри гулками обрывками, наполовину лишёнными смысла.

— ...Господин будет в ярости... поставить под удар...

— ...ты же сам говорил... запасные варианты...

— ...время! Время не ждёт, Дамблдор и его прихвостни...

— ...и ещё это убийство... облава...

— ...да, всех — независимо от цвета... Мне донесли, что его видели в окрестностях Хогсмида...

Гарри напрягся изо всех сил и, не совладав с собой, сделал в сторону разговаривающих шаг, откликнувшийся громким эхом.

Собеседники замолчали и встревожено переглянулись.

— Ты запер Стража? — немного нервно спросил Малфой.

— Естественно. Но, пожалуй, стоит проверить, — человек развернулся и нырнул в один из коридоров.

Оставшись один, Малфой глубоко задумался. Потом, помедлив, подошёл к высокой стене, испещрённой загадочными письменами, которые Гарри как-то раз уже пытался прочитать. Замер, словно собираясь силами, и, наконец, решившись, опустился на одно колено, склонил голову и приложил ладонь к камням. Наверное, он что-то тихо говорил, а может, просто о чём-то размышлял — Гарри не знал наверняка: с его возвышения, была видна только спина, по которой стекало серебро длинных волос. И вдруг тело Люциуса изогнулось, словно в предсмертной муке, и тишину Зала разрезал истошный крик. Малфой рухнул на пол и замер.

Да жив ли он вообще? — и, словно в ответ на его вопрос, тот зашевелился и с трудом встал на ноги.

— Простите меня, Господин, — склонив голову, произнёс он незнакомым Гарри голосом — подобострастным и дрожащим от только что пережитой боли. — В ближайшее время мы исправим наши ошибки. Все.

Между лопаток Гарри пробежали мурашки — судя по тому, как его передёрнуло, каждая была по размеру, как минимум, с кулак.

Из туннеля раздались шаги, и появился давешний собеседник Малфоя. Сейчас он откинул капюшон, но встревоженное лицо было совершенно незнакомо Гарри.

— Ума не приложу, в чём дело: Страж заперт... А что делать с демонами, Люциус? Мы давно их не кормили, того и гляди, вырвутся из-под контроля?..

Люциус медленно обернулся, и Гарри увидел кровавую пену у него на губах.

— Демоны? — хрипло спросил он и вдруг улыбнулся. Улыбнулся так, что Гарри похолодел, а собеседник непроизвольно сделал шаг назад. — Скорми им Червехвоста: хоть сейчас от него будет какая-то польза...

* * *

Гермиона чуть слышно постукивала зубами о горлышко бутылки со сливочным пивом, не в силах согреться под пронизывающим ветром. В Трёх мётлах, украшенных по случаю Дня влюблённых порхающими в воздухе сердечками и ангелочками, было не протолкнуться, так что друзья не рискнули войти туда вместе: даже если бы Гарри и остался невидимым для окружающих, на него непременно кто-нибудь бы да налетел. Поэтому, купив несколько бутылок сливочного пива и наспех выпив по чашке обжигающе горячего чая, Гермиона и Рон вышли на улицу, где тот топтался за углом трактира.

После его рассказа друзья почти не разговаривали, лишь обменивались ничего не значащими фразами и замечаниями, вроде “кажется, стало ещё холодней” и “надо поторопиться, чтобы поспеть к ужину”. Все чувствовали себя ужасно подавленно: Гарри изнывал от ощущения собственной беспомощности, Гермиона — от мысли, что Гарри опять балансировал на грани, а она даже ничего не заподозрила — сидела и смотрела на прыгающих по ветвям птиц; Рон же заново проживал те полчаса, во время которых в ужасе метался по заброшенному дому, не зная, что делать, и страдал от собственной никчёмности: опять остался за бортом и пропустил всё самое интересное.

Смеркалось. Подмёрзший снег похрустывал под ногами. Ветер гнал по неопрятному небу рваные клочья облаков; фонари и гирлянды из сердечек ещё не зажглись — вокруг царила тусклая сероватая мгла, и в сердца друзей начало потихоньку прокрадываться тоска и уныние. Внезапно, неожиданно для себя самой, Гермиона всхлинула.

— Что? — тревожно откликнулся Гарри. Несмотря на то, что поблизости никого не было, он по настоянию друзей так и оставался в мантии-невидимке.

— Я не хочу! Я не хочу так жить — всё время бояться тебя потерять! Что, что можем мы — три школьника — против этой армии Пожирателей во главе с Сам-Зна-

ешь-Кем! Они прекрасно организованы, Малфой вымуштровал их так, что они на все способны, а мы? Они раздавят нас, как клопов! Посмотри: даже Дамблдор перед ними не устоял! — Гермиона выдохнула эти слова и тут же съёжилась от мучительного стыда.

Рон удивлённо остановился. Нахмурился. Судя по тому, что шаги стихли, Гарри — тоже. Неожиданно в воздухе появилась его голова — он откинул капюшон мантии-невидимки. Лицо было предельно серьёзным.

— Гермиона, я понимаю — ты боишься. Я тоже боюсь. Но ведь мы не можем поступить иначе — не можем просто бросить это, сделать вид, что ничего не знаем, верно? Нам некому рассказать, неоткуда ждать помощи. Пусть пока — я уверен, что только пока — рядом нет никого: ни Дамблдора, ни Люпина, ни Сириуса...

— Сириус! — внезапно ахнул Рон, вытаращенными глазами уставясь Гарри за спину. — Смотрите!

Почувствовав, как зашлось сердце, Гарри развернулся, едва не вывихнув себе шею: из-за ближайших кустов, приветственно помахивая хвостом, вышел огромный чёрный пёс.

— Ты... ты с ума сошёл! — Гарри кинулся к нему, и был тут же опрокинут в сугроб и облизан шершавым и горячим языком. — Зачем ты тут? Это опасно! — внезапно его осенило, он ахнул и затеребил Сириуса, который в этот момент лизал руки Гермионе, по косматому заливку: — Сириус, слушай: вчера кто-то убил Петтигрю...

— Что?! — приняв человеческое обличье, Блэк стоял перед Гарри — осунувшийся, похудевший, но по-прежнему полный сил и боевой злости.

— Утром Рон...

— ...я нашёл его перед своей кроватью. С разодранной глоткой, — перебил Гарри Рон, делая шаг вперёд. — Всё вокруг было залито кровью... — Рон осёкся и опять позеленел.

— Это... это ведь не ты, правда, Сириус? — тихо спросила Гермиона, не сводя с побледневшего лица Блэка встревоженного взгляда. Он удивлённо посмотрел на неё, потом на всё ещё сидящего в сугробе Гарри, потом на замершего Рона: затаив дыхание, ребята ждали ответа.

Сириус медленно покачал головой.

— Конечно, я бы сам перегрыз ему горло, попадись он на моём пути, но... — он развёл руками, словно извинялся, что не имел возможности выполнить свою давнюю мечту. — И что же по этому поводу сказал Малфой?

— Что один из домашних эльфов покончил с собой, — с сарказмом ответил Гарри, поднимаясь. Он сам не знал, испытывает облегчение или разочарование, узнав, что это совершил не Блэк, и боясь, что эти мысли отразятся на лице, принялся торопливо отряхиваться. Снег, налипший на мантию-невидимку, выглядел очень странно: хлопья как будто висели в воздухе сами по себе. — Нам запрещено даже думать об этом, не то, что обсуждать. Новые правила... — и тут Гарри осенило. — Сириус! О, какой же я болван! Малфой! Я слышал: он говорил о какой-то облаве — они охотятся за тобой! Немедленно уходи, слышишь!

Сириус лишь слегка приподнял бровь и на лице его появилась усмешка, как у капитана пиратского судна, которому сообщили о приближении эскадры, посланной на его поимку.

— Ну же, Сириус! — почти простонала Гермиона.

— Ну-ну, не надо столько драматизма. Будто это в первый раз...

Вдалеке раздался хруст льда.

— Сириус!

Губы Блэка снисходительно дрогнули — он словно говорил: «ладно, коли вы так

настаиваете...” — и через мгновение большой чёрный пёс, вильнув хвостом, неторопливо потрусил в придорожные кусты. Гарри проводил крёстного тревожным взглядом, с трудом удерживаясь от желания затолкать его в заросли руками. Гермиона тихонько коснулась его:

— Гарри, надень мантию: мало ли что...

— Да какая разница — уже темно, так что... — и тут же руки Рона и Гермионы натянули на него капюшон. И как раз вовремя: из полумрака в сопровождении Крэбба, Гойла и Пенси Паркинсон вышел Драко Малфой.

— О, кого я вижу, — пронзительный голос Пенси разнёсся в тишине. Раздув ноздри, она вкушала дивный аромат грядущего скандала. — Драко, Винс, Грегори, смотрите-ка, кто тут в кустах! Уизли, Поттер будет очень недоволен, когда узнает, что ты тискаешь его подружку! — она визгливо рассмеялась.

Рон набычился, но Гермиона вцепилась ему в руку.

— Идите своей дорогой!

Пенси смерила её с ног до головы презрительным взглядом.

— О, какая сумочка! Кто тебе её подарил? Поттер? А может, Крум? Это она полиняла или должна быть такого цвета? Как же я не сообразила, — она клоунски хлопнула себя по лбу, — наверное, это подарок Уизли — только он может покупать такой хлам. Наверняка в секонд-хэнде была рождественская распродажа!

— Тебе ясно было сказано — проваливай! — Рон задвинул Гермиону за себя и непроизвольно сжал и разжал кулаки.

Пенси призывно воззрилась на Малфоя, который, как ей казалось, давно уже должен был встрять и перевести скандал из словесного русла в область рукоприкладства. Но тот угрюмо молчал, глядя в сторону зарослей, в которых только что исчез Сириус. Тогда Пенси решила взять инициативу в свои руки, тем более, что численный перевес был сейчас на стороне Слизерина:

— Ты заплатишься за это, гриффиндорский невежа! Грегори, Винсент, этот хам грубит девушке!

Крэбб покосился на Малфоя — так пёс, получивший приказ от постороннего человека, смотрит на хозяина, ожидая подтверждения. Драко оторвал взгляд от кустов и медленно повернул голову к своим телохранителям:

— Пошли.

— Что?! — взвизгнула Пенси. — Драко, он только что нахамил мне — неужели ты это ему спустишь?!

— Заткнись, Пенси. Я сказал — за мной.

Малфой поёжился и, потуже завернувшись в тяжёлый плащ на меху, двинулся вперёд. Крэбб и Гойл, похожие в полумраке на две замотанные в тряпки горы, послушно зашагали следом. На тропинке осталась только Пенси. Вытаращив глаза и открыв рот, она стояла, переводя недоумевающий взгляд со спины Драко на стоящих перед ней гриффиндорцев, лица которых не сулили ей ничего хорошего.

— Ты что, туговата на ухо, Паркинсон? — ядовито поинтересовалась Гермиона. — А ну, кыш отсюда! А то я тебе помогу...

Мгновенно придя в себя, Пенси сорвалась с места и, поскользываясь на льду, побежала за уже почти скрывшимися в сумерках слизеринцами. Едва они исчезли, как Гарри сдёрнул с головы мантию-невидимку:

— Как вы думаете, они могли видеть?.. — договорить он не успел, потому что Рон и Гермиона снова в четыре руки натянули капюшон ему на голову.

— Мало тебе проблем? Они ещё рядом! Хочешь побеседовать с Малфоем-старшим по поводу нарушения запретов? — прошипел Рон.

— О... я надеюсь, они не видели Сириуса... — прошептала Гермиона и почувство-

вала, как невидимая рука Гарри сжала её запястье.

— Я тоже...

Позади раздался шорох. Обернувшись, Гарри онемел: на земле, радостно стуча хвостом по насту, восседал чёрный пёс.

— Ты с ума сошёл! — зашипел Гарри. — Они же совсем рядом!

— Сириус! Это... это просто возмутительно! Как ты можешь быть настолько легкомысленным!

— Вы бы не кричали, а то Малфой сейчас действительно прибежит взглянуть, что у вас случилось, — Сириус поднялся и отряхнул руки от снега. — Здорово вы с ними, — одобрительно кивнул он Рону и Гермионе. — Не узнаю Драко: что-то он не в меру немногословен. Окажись на его месте Люциус...

Друзья многозначительно переглянулись.

— Сириус...

— Ладно, ладно, — Сириус примирительно кивнул и украдкой взглянул на часы. — Я, собственно, сначала хотел тебе написать, но не смог найти Косолапсуса, чтобы доставить письмо в Хогвартс... Я уезжаю, Гарри.

— Куда? Надолго? Зачем? — хором вырвалось у Гарри, Рона, и Гермионы но, поняв всю глупость вопроса, они тут же умолкли.

— Я обязательно вернусь, — Сириус виновато улыбнулся, будто испытывал неловкость от того, что ничего не может объяснить. — Как устроюсь на новом месте, поищу возможность дать весточку, — он сделал шаг назад и оглянулся на кусты, из которых вышел несколько минут назад.

— А как там Дамблдор? Профессор Люпин? Что вообще происходит *там*? — Гермиона умоляюще затеребила Сириуса за рукав чёрной дорожной мантии.

— Они делают всё возможное. Все живы и здоровы, передают вам привет, — судя по тону, эту тему Блэк считал закрытой.

— А как там...

— Гарри, мне правда пора, — Сириус ещё раз взглянул на часы и неловким, каким-то застенчивым жестом потрепал крестника по волосам. — Пора... Счастливо, ребята...

В следующую минуту у ног друзей снова сидел пёс. Поднявшись на задние лапы, он лизнул Гарри в нос, без труда достав до плеч, — под его тяжестью Гарри едва удержался на ногах — вильнул хвостом и растворился в сумерках.

— Только бы его никто не видел... — прошептал Гарри.

Однако первое, что их встретило следующим утром, когда, на ходу повторяя основные пункты Декларации о сотрудничестве, подписанной магами и гоблинами в 1867 году (первым уроком был опрос у профессора Биннса), они спустились к завтраку, стал Ежедневный Пророк с набранной огромными буквами шапкой: "Убийца-маньяк пойман! Сириус Блэк вернулся в Азкабан!"

Глава тридцать четвёртая, в которой Рону и Драко исполняется по шестнадцать лет, а Люциус Малфой знакомится с самым счастливым воспоминанием профессора Снейпа.

День сменял день. Миновала неделя, потом ещё одна — Гарри чернел на глазах. И Рон, и Гермиона делали всё возможное, чтобы выдернуть его из депрессии, в причину которой он погружался глубже и глубже, но их усилия ни к чему не приводили. Гарри почти не разговаривал, отделяваясь от вопросов и попыток втянуть его в беседу ничего не значащими фразами или же такими взглядами, что у друзей слова буквально засыхали в горле. По вечерам он исчезал и часами где-то бродил в оди-

ночестве, иногда пропуская ужин и возвращаясь в гостиную лишь поздним вечером — промёрзший до костей, с синими от холода губами и стылыми кулаками, усталый, хмурый и ко всему безучастный. Он почти перестал есть, ходил в одном и том же старом свитере, связанном миссис Уизли, — давно полинявшем и прохудившемся на локтях. Он сник и отощал — за ключицы, выпирающие поверх растянутого ворота футболки, вполне уже можно было держаться, как за автобусные поручни. Рон однажды шепнул Гермионе, что временами другу приходится напоминать даже о душе и зубной щётке, а волосы Гарри, и без того нечасто (и, надо сказать, безрезультатно) встречавшиеся с расчёской, сейчас и вовсе про неё забыли. И, что самое страшное, — он опять начал кричать и метаться во сне...

По утрам Гарри спускался к завтраку только с одной целью: получить свежую почту. Однако Ежедневный Пророк лишь подливал масла в огонь:

Следствие по делу закоренелого преступника Сириуса Блэка продолжается... По сведениям из достоверных источников, представителям Магоследственных органов удалось сломить стену молчания... Когда расследование завершится, дело Блэка передадут в Маготрибунал... Показательный процесс состоится в здании Верховного Магического Суда уже в апреле-мае...

И это — не считая обещанных Малфоем ведёр грязи, регулярно выплёскивающихся на страницы ведущего волшебного издания: Может ли Поттер учиться вместе со здоровыми детьми?.. Вся правда о Мальчике-Который-Выжил... Альбус Дамблдор: сумасшествие или злой умысел?..

Малфой-младший ходил с видом, словно экзамены по С.О.В. отменили, но гриффиндорцев не подначивал, обходя за три версты, — справедливо полагая, что за любое неосмотрительное слово в адрес Гарри²¹, можно крепко поплатиться. Троица же ломала головы, каким образом Сириус попал в руки “правосудия”: то ли Малфой увидел затаившуюся в кустах большую собаку и донёс об этом отцу (но почему тогда не сработало наложенное на него проклятье?), то ли посланные на поимку Блэка живодёры во главе с Макнейром и Беллатрикс Лестрандж — теперь они ходили в героях — сами случайно напали на след.

Гермиона трижды перепроверила изобретённое ею заклинание, перетряхнула кучу книг и убедилась, что свою работу выполнила безупречно; однако подойти к Драко и недрогнувшей рукой проверить, пожертвовал ли он самым дорогим ради того, чтобы, выражаясь фигурально, *всадить Поттеру нож в самое сердце*, так и не рискнула. Она едва сдерживала слёзы при виде того, во что сейчас превратился Гарри, но попытки хоть как-то посочувствовать или облегчить его страдания не встречали ни малейшего отклика: он зачастую не всегда её видел и слышал, даже ночные свидания в гостиной давно прекратились — а это недвусмысленно свидетельствовало: Гарри не просто плохо. Очень, ЧУДОВИЩНО плохо.

Он послушно посещал уроки, невпопад отвечая на вопросы учителей²², а когда Гермиона смотрела на горы домашней работы, к которым он и не думал прикасаться, её пышная шевелюра вставала дыбом. Спустя неделю она, видя, что улучшения не предвидится, наступила на горло собственным принципам и, вызывая недоумённо-восхищённые взгляды первоклашек и насмешливые — собственных однокурсников, уже делала для него расчёты по Зельям, корпела над эссе по Трансфигурации и рисовала звёздные карты. Даже пару раз писала какой-то прорицательский бред для Трелони — лампадомантия, теория гепатоскопии... Вся исплевалась.

Рон тоже старался, когда тихим незлым словом, а когда и силком усаживая Гарри за уроки. Даже Джинни принимала посильное участие, просиживая в библиотеке и подбирая для него литературу к письменной работе по Трансфигурации. Но всё без толку: облокотившись на учебники, Гарри смотрел невидящими глазами в прос-

транство и меланхолично общипывал перо, едва черкнув пару строк. Иногда его невозможно было заставить даже просто переписать выполненное Гермионой задание.

Существовал лишь один предмет, на котором он преображался, превращаясь даже не в себя — прежнего, а в какого-то абсолютно незнакомого друзьям человека. Мрачный собранный взгляд, плотно сжатые губы, тёмный огонь и решительность в глазах — Рон как-то подумал, что, наверное, с таким лицом Гарри вышел бы на квиддичное поле, кабы от исхода игры зависела сама его жизнь. И предметом этим была Боевая Магия, которую усердно, сосредоточенно и подробно — в своём обычном стиле — преподавал им Крум.

— Ноги в коленях слегка согнуть. Ступни расставить. Рука полностью вытянута. Смотреть всё время на цель. Рука прямая... — каждую свободную минуту Гарри испуганно тренировался на отведённом за школой полигоне, отрабатывая реакцию и уже лучше всего курса попадая и по стоящим, и по движущимся мишеням, даже не смотря на близорукость. Рон и Гермиона лишь недоумённо переглядывались, не в силах понять причину такого рвения.

— Наверное, он просто сбрасывает отрицательные эмоции, — полистав свою любимую замусоленную “Помоги себе сам: практическая психология для всех”, наконец предположила Гермиона.

Как-то, решив всё-таки выяснить, куда же Гарри исчезает по вечерам, они с Роном осторожно прокрались следом за ним по тёмным коридорам. И были потрясены: вытащив из тайника на втором этаже Всполох, Гарри отправился напрямик вниз, к выходу. А оказавшись за стенами замка, быстро зашагал на квиддичное поле.

— Он... — Гермиона с трудом различала в свинцовом небе крошечную точку, набешеной скорости закладывающую немыслимые виражи — не может быть... — она схватилась за голову, обратила к другу полный ужаса и восхищения взгляд и ахнула: — Рон, я поняла! Он тренируется! Учится маневрировать в темноте, ориентируясь по компасу и высотомеру! Он хочет... О, Мерлин! Нет, не может быть: он решил в одиночку полететь и спасти Сириуса...

Однако попытки достучаться до Гарри по его возвращении успехом не увенчались: наорав на друзей и хлопнув дверью гостиной с такой силой, что там минут пять стояла ошарашенная тишина, а Толстая Леди весь вечер икала (пока сжалившиеся над ней Фред с Джорджем не напугали её так, что перестав икать, она едва не начала заикаться), Гарри убежал и вернулся в спальню, прокравшись мимо прикорнувшей в кресле гостиной Гермионы, когда все его сотоварищи (включая Рона, давшего себе слово гриффиндорца дожидаться его в любом случае) уже давно спали. Сам он едва сомкнул глаза: кошмары опять прочно обосновались в его снах.

— Послушай, Гарри, — наутро, загнав друга в душ, Рон предпринял очередную попытку вразумления, воспользовавшись тем, что тому некуда было деваться из-под струи обжигающе-холодной воды, — мы с Гермионой — твои друзья и, что бы ты ни решил, не оставим тебя одного. Никогда и ни за что. Даже если то, что ты задумал, — полное безумие, а то, что ты задумал — именно безумие, ведь... — через мгновение только что подпиравший дверь душевой кабинки Рон уже лежал у противоположной стены, проверяя, не идёт ли носом кровь. А ещё через мгновение мокрый Гарри поднял его с пола, сгрёб за грудки и, привалив к облицованной розовым мрамором стене, выдохнул прямо в лицо:

— Даже... думать... не смей... об этом... — беспомощно-близорукие без очков глаза, обведённые тёмно-синими кругами, и полное бешенства шипение заставили Рона оцепенеть. — И не вздумай втягивать сюда Гермиону, ясно?! Если с ней что-нибудь случится... я — клянусь! — если ты разрешишь ей последовать за мной... — он у-

молк, поняв, что сболтнул лишнего, — словом, я из тебя душу выну, ясно? — для убедительности он потряхнул Рона с силой, которую трудно было заподозрить в его худом, хотя и жилистом теле. — Если с вами что-нибудь случится, я никогда — слышишь! — никогда этого себе не прощу! Я этого не переживу! Хватит мне Сириуса!

Голый, мокрый, с покрытыми гусиной кожей ледяными руками и сияющими от горя и слёз глазами — он выглядел настолько пугающе, что Рон ни на секунду не усомнился, что именно так Гарри и поступит. Если не хуже. Рону стало не по себе, он попытался (совершенно безуспешно — он и без того был вдавлен в стену) и попробовал осторожно отцепить руку Гарри от своей рубашки. Как бы не так.

— Ты понял меня? — внезапно сорвавшийся на крик, голос Гарри перекрыл шум бьющий в каменный пол воды. — Даже близко ко мне не подходите, ясно? Я опасен для окружающих — в чём-в чём, а в этом писаки из Пророка правы! Всё — понимаешь, всё! — из-за меня! Я, только я во всём виноват: родители погибли, спасая мне жизнь, смерть Седрика целиком на моей совести, теперь вот Сириуса поймали Пожиратели...

— Не стоит винить себя из-за Сириуса, — осторожно возразил Рон, высвободившись ценой невероятных усилий и одной пуговицы, оторванной от насквозь промокшей рубашки. — Это просто ужасное стечение обстоятельств²³.

— Как ты не понимаешь, — глаза Гарри блеснули — то ли от слёз, то ли от стекающей с мокрых волос воды, — он пришёл попрощаться со мной перед отъездом! Я всем, всем приношу только несчастья и смерть!.. Все, кто рядом со мной, — кто любит меня, защищает меня — в постоянной опасности... — Рон ждал продолжения крика, но Гарри обессилено сполз по стене и ткнулся головой в колени. Рон посмотрел на него, и сердце сжалось: он настолько похудел, что кожа туго обтянула рёбра, а согнутые ноги напоминали лапки кузнечика — такие же длинные и тонкие. — Я должен, я просто обязан пойти и спасти его... Я всё придумал, — горячо зашептал Гарри, вскинув взгляд, и Рон снова ужаснулся — на этот раз блеснувшей в глазах одержимости. — Всё очень просто: моим оружием будет внезапность. Надо только незаметно пробраться в Зал Маготрибунала во время суда...

Рон хотел закричать, что это верное самоубийство, сущее сумасшествие — ведь наверняка нагонят кучу охраны, здание оцепят, а на входе устроят проверку всех зрителей... но, взглянув в горящие болью, надеждой и решимостью глаза скорчившегося на холодном полу друга, понял, что пусть это будет сто, тысячу раз так, — тот всё равно отправится на суд и костями ляжет, но проберётся внутрь. И он, Рон, последует за ним, чего бы ему это ни стоило. Даже если Гарри попытается воспрепятствовать, и придётся с ним подраться. Равно как ни перед чем не остановится и Гермиона.

— Я не отпущу тебя одного, — просто сказал Рон, опускаясь рядом на корточки. В глазах Гарри — близоруких, чуть косящих без очков — вспыхнула... да, благодарность, — Рон был в этом уверен. — И она — тоже. И мы, — он протестующе взмахнул рукой, не давая Гарри возразить, — сделаем это даже не ради тебя — хотя, конечно, ради тебя — тебя и Сириуса — но и ради нас самих: ты ведь не хочешь, чтобы оставшуюся жизнь мы считали, что предали тебя, бросили в самый ответственный момент, верно? К тому же, в одиночку ты не справишься.

Гарри помолчал. Вздохнул. На его лице мелькнуло слабое подобие улыбки.

— Спасибо тебе, Рон... Но только... Я не могу, ведь...

— Ну, вот и хорошо, — перебил Рон, подал Гарри руку и, едва не разъехавшись на мокром полу, поднял его на ноги. — А теперь знаешь что? Прими-ка горячий душ и пошли завтракать: если вскорости предстоит такое ответственное дело, нам стоит как следует подготовиться. А голодание отнюдь не способствует увеличению ма-

гического потенциала, как сказала бы Гермиона, будь она здесь.

— Будь здесь Гермиона? — Гарри опустил глаза и внезапно осознал, что стоит совершенно голый. Покраснев и смущённо прикрывшись, он рысцой вернулся обратно в кабинку. — Нет, думаю, присутствие Гермионы здесь совершенно необязательно. Я сейчас что-то не в лучшей форме.

— Вот-вот, — хмыкнул Рон, но, едва дверь за Гарри закрылась, и душ зашумел с новой силой, улыбка сползла с его губ.

Конечно, он ни за что не отпустит Гарри одного. Но что же делать?

* * *

Происходило что-то странное. Что-то неправильное. Я это чувствовал. И эта неправильность нарастала с каждым днём, с каждой минутой — будто силы покидали меня со скоростью выходящего из проколотаго мяча воздуха. Снова вернулись головные боли, снова сон не приносил отдыха, снова ломота в груди, снова мысли о ней не давали покоя. Впрочем, я и так не переставал думать о ней, но тёмные, томительные желания день ото дня опять становились всё сильнее, всё навязчивей. Опять...

Первые вечера наших совместных исследований принесли нам обоим море волнений: мы не знали, как взглянуть друг другу в глаза после всего, что было, но... я постарался вести себя как можно официальной, принес ей свои извинения и поклявшись, что ничего подобного больше не повторится, и не сказав ни слова о том, на краю какой пропасти оказался накануне Рождества... и в какую бездну рухнул сразу после. Девочка, моя маленькая умная девочка с серьёзными глазами и вечно испачканными в чернилах пальцами — она не выдержала бы мысли, будто я пытаюсь упрекнуть её в собственных несчастьях. Да я и не мог, не хотел этого делать, ведь я сам навлек беду на свою голову.

Создателю дороги твои намерения, но не дела...

Я знал, что причиной всему — я сам, позволивший себе окунуться в пучину безоглядной страсти, представивший — пусть даже на секунду! — что её чувства, её душа, её тело должны безраздельно принадлежать мне. И только мне. Этого ли хочет по-настоящему влюблённый мужчина для своей любимой? О, нет. Её счастье, её радость, её улыбка — вот что должно стать моей целью...

Но подобные настроения продлились недолго, и уже спустя несколько дней такие рассуждения казались мне смехотворными. О каком её счастье могла идти речь, если она не знала, насколько счастливой могу её сделать я? О какой радости, если она не знала, на что готов ради неё я? Если только я мог поделиться с ней тайными знаниями, только я мог провести её по дороге наслаждений, только со мной она бы обрела то, чего достойна...

Как я мог думать, что рядом с ней — другой, как мог допустить, что она счастлива с кем-то, кроме меня — если у меня голова шла кругом от идущего от неё нежного тепла, если у меня сводило сердце при взгляде на чернильное пятнышко, испачкавшее её щеку?! Если это я не видел ни буквы в тех старинных свитках, что мы изучали, если я не понимал ни одного её слова, когда она указывала пером на составы или технологию приготовления зелий? И вот — снова и снова я вступал в невидимый поединок с этим сопляком. Пусть он был с ней — а ведь он наверняка был с ней (мысль об этом причиняла такую невыносимую боль, что в глазах темнело) — для меня она всё равно оставалась невинной. Чистой.

Хотя нет, что я несу! Она по-прежнему чиста и невинна. Я бы знал об этом — узнал в тот же миг, когда бы это произошло. Она хранит себя. Для меня. Только для меня. И она станет моей. И будет думать только обо мне, дышать одним мной, жить только ради меня. Как я живу только ради неё.

Однажды ночью в редкую минуту просветления и последовавшей за ним волны ужаса и раскаяния я всё понял. Волеукрепляющее зелье почему-то действовало не так эффективно, как раньше. Наверное, организм привык. Снейп предупреждал меня о чём-то подобном. Тогда я совершил очередную — Мерлин-знает-какую-по счёту — ошибку: самовольно увеличил дозу. Облегчение оказалось кратковременным, как вздох. Я снова увеличил дозу, потом ещё, ещё — но с каждым разом мне становилось только хуже. Наверное, стоило пойти к Снейпу, но я так устал от усилия жить, так измучился; временами уныние и апатия охватывали меня настолько, что снова не хотелось ничего. И, тем более, — выслушивать брюзжание человека, который ненавидел и презирал меня всеми фибрами своей мелочной злобной душонки.

Я просто не пошёл к нему, решив даже не обманывать себя сочинением неких разумных объяснений. Я сказал, что сумею справиться сам. Мерлин, каким же я был глупцом!.. Впрочем, весенние события наглядно показали, что в самом страшном сне — даже в самом жутком кошмаре — я не смог бы вообразить и сотую часть того ужаса, что позже рухнул на наши головы... Пусть я заслужил его, но она... Я никогда не смогу себе этого простить.

А в те дни — последние дни последней зимы...

Моей последней зимы...

Строгая, собранная, озабоченная, со свитками и блокнотом, она приходила в библиотеку или лабораторию, где мы бок о бок с другими студентами и преподавателями в поте лица трудились над своим проектом, рассчитывая оптимальную концентрацию Волеподавляющего и Успокоительного зельев по заявке Отделения Буйных Помешательств и Насланных Кошмаров клиники Святого Мунго. Окажись наша работа удачной, я поправил бы свои дела — наверное, даже купил бы небольшой домик для сестёр, неподалеку от Богородичной обители, где на тихом сельском кладбище обрела последнее пристанище наша мать.

А ей это сулило первую публикацию в выпуске Научного Ежемесячника Юных Магов. Прекрасный старт, которому можно только позавидовать: все связанные с научными изысканиями магические организации подбирали молодой персонал, ориентируясь именно на это издание...

Но уже спустя неделю мысли о деньгах, работе, доме в провинции покинули меня так же бесследно, как чуть раньше исчезли рассуждения о её радости и счастье, на которые я не имею право претендовать. Я всё чаще начал выбирать для совместной работы уединенные библиотечные закоулки, безлюдные классы, собственный кабинет — куда она до сих пор входила с дрожью: я видел, телом чувствовал её почти животный страх и, вспоминая о тепле её кожи и суматошном биении жилки нашее под моими губами, снова переполнялся болью и едва сдерживаемым желанием. Я назначал эксперименты в лаборатории на часы, когда все уже заканчивали, я сочинял надуманные предлоги для работы поздним вечером или ранним утром и в выходные. Чтобы рядом не было никого, кто помешал бы мне, если бы...

Если бы.

От этого “если бы” мутилось в голове, кровь начинала стучать в ушах, в глазах темнело. В течение первых недель, убедившись в чистоте моих помыслов и искренности раскаяния, моя наивная глупышка снова перестала бояться меня и решила, что мы вернулись если не к дружеским отношениям, то уж к сотрудничеству — наверняка. Временами я даже ловил её мимолётные улыбки — пусть причиной радости являлся удачно составленный рецепт или угаданный алгоритм действий — я знал, что совсем скоро она будет улыбаться *мне*. Только мне.

Она была рядом, мне стоило только протянуть руку, и... Её шея — тонкая шея, где под собранным на затылке пучком, в ямочке, лежал трогательный пушистый зави-

ток. Упругий. Чуть-чуть светлее, чем остальные волосы. Сколько раз я грезил, как прикасаюсь к нему губами... И сколько раз я видел свои руки, сжимающие белизну её хрупкой шейки... Сколько раз чувствовал вкус её крови и слёз на своих губах... Это было невыносимо. Страшно. Невыносимо. Сладко. Мысли об этом душили меня, рвали на части грудь, вечной занозой сидели в истерзанном сердце. И когда становилось совсем невмоготу, когда от безумного рывка меня отделяла лишь какая-то доля секунды, я — как за последнюю ниточку, связывающую меня с миром, — хватался за осколок сердечка, висящий на шее. Я сжимал его — до судорог, до кровавых незаживающих ран. И брат моего кулона, всё время находившийся у неё, тут же откликнулся, наполняя меня покоем и теплом, — как будто разрывались затянувшие небо свинцовые тучи, снова даря синеву ослепительного неба.

Я закрывал глаза. Я возвращался из кошмара. Я снова мог жить.

* * *

Первого марта во втором часу пополудни Рон сидел в раздевалке, уронив голову на руки. Он вряд ли слышал, что воцарилась тишина, едва ли осознавал, что все уже ушли. Стадион давно опустел. Сколько он так просидел — час, два? Сутки? Или только десять минут? Он не знал. Время застыло, руки и ноги затекли и онемели — он сидел, уронив голову на колени и пристально, словно в них были сокрыты все секреты бытия, изучал потёртые кожаные протекторы, доставшиеся по наследству от Оливера Вуда.

В ушах всё ещё стоял ликующий гул стадиона, пронзительное: “Ловец Хаффлпафа Брайан Дрим поймал снитч! Игра окончена! 180:170 в пользу Хаффлпафа!”

Я не смог, я не смог... Если б не последний гол, мы б не проиграли...

Рон твердил это себе раз за разом, и постепенно смысл пропал, остался только ритм, просто набор звуков — *я-не-смог... трам-пам-пам... трам-пам-пам...* В голове ещё чуть шумело от удара бладжером, правый бок ныл, как один сплошной синяк, плечо саднило — в последний раз Рону показалось, что кваффл влетит в кольцо вместе с его оторвавшейся рукой...

Хотя, конечно, это не охотники, а дохлые мухи — не мудрено, что Диггори-старший так гордился единственным выигрышем хаффлпафцев у Гриффиндора, — Рон усмехнулся. Три мяча с игры против семнадцати, заброшенных Кэти, Анджелиной и Алисией. Правда и девчонки, и Фред с Джорджем отыграли матч просто на износ, словно это была их последняя в жизни игра — кваффл и бладжеры свистели в воздухе пушечными ядрами, хаффлпафцы бросались врассыпную, забывая обо всём на свете... И могла, могла быть ничья...

Нам нечего терять... — веско отчеканила мертвенно-бледная Анджелина. И всё. Из этих трёх слов и состояла её предматчевая речь...

Рон поёрзал на жёсткой деревянной скамье, и тело заныло сильнее, но он даже не осознал этой боли, он уже сроднился с ней, она стала частью его. В шумящей в ушах крови ещё чудился гул стадиона, а собственные сиплые вздохи казались свистом несущихся со всех сторон мячей.

Наконец, Рон с усилием поднял глаза на облицованные деревом стены раздевалки, сверху донизу исписанные именами игроков гриффиндорской команды. Где-то там, на самом верху... О, нашёл... Это было в декабре, перед матчем со Слизерином — его первым матчем.

...Гарри сосредоточенно застёгивал протектор на руке. Сам Рон — зелёный от волнения — сидел, крепко-накрепко вцепившись в лавку. Даже Хагрид сейчас не сумел бы разжать его судорожно стиснутые пальцы. Фред с Джорджем понимающе переглянулись.

— Эгей, крошка Ронни, что-то ты совсем закис, братишка. А ну, блюда традиции: ступай, увековечь своё доблестное имя на стене славы!

Рон не шелохнулся.

Гарри поднял голову от упрямой застёжки и слабо улыбнулся: он знал, в чём дело, — в день дебюта каждый игрок писал на стене своё имя и дату. И так из года в год, век за веком. Вся стена была покрыта разноцветными и разномастными каракулями. Там стояло и его имя, — вровень с надписью, на поиски которой он потратил несколько часов.

“5 ноября 1975 года. Джеймс Поттер. Ловец — 25 октября 1991 года. Гарри Поттер. Ловец”.

Гарри, — мысль о друге вызвала у Рона приступ внутренней боли. Вот уж кому сейчас по-настоящему плохо. Сидеть на трибуне, смотреть на свою осиротевшую команду, знать, что друзья обречены на проигрыш, и даже чудо спасти не может — хуже этого ничего нет.

И ещё эта иезуитская улыбочка Малфоя-старшего...

— Ах, мистер Поттер, большинство несчастных случаев в последнее время происходило именно на квиддичном поле. Боюсь, при всём уважении к вашему спортивному мастерству, я вынужден снять команду Гриффиндора с игры. Правда, это будет значить автоматическое поражение... Хотя нет! — он сделал вид, что идея только что пришла ему в голову. — Ведь не будет же страдать целый факультет из-за того, что вы ухитряетесь притягивать к себе неприятности, верно?.. Тогда поступим вот как: ради вашей собственной безопасности я запрещаю вам выходить сегодня на поле. Но, думаю, за оставшееся до матча время команда сумеет найти вам достойную, — лёгкий нажим, не больше, но Рону тогда показалось, что это слово Люциус издевательски проорал Гарри прямо в лицо, — замену.

— Но матч уже через два часа! — вскрикнула Анджелина, все вокруг подскочили, а Малфой-старший чуть нахмурился и взглянул на неё так, будто она — муха, только что обнаруженная в чашке с молоком.

— Значит, всё-таки автоматическое поражение в результате невыхода команды на поле?

Сзади раздалась возня — Рон оцепенело повернулся и увидел, как Дин Томас придерживает за плечи Гарри, а Гермиона зажимает другу рот рукой. А Ли Джордан с Шоном Маккеларом повисли на Фреде. Малфой-старший с удовольствием окинул взглядом перекошенные яростью физиономии студентов ненавистного факультета. — Вы хотите что-то сказать? Возражения? Предложения?

— Да пошёл ты... — прошипел сквозь зубы Фред.

— Нет... — сдавленно выдохнула Анджелина и подняла на директора упрямый, полный яростных слёз взгляд. — Мы выйдем.

И вот — заведомо проигрышная игра без ловца. Игра, в которой вся надежда возлагалась на него, Рона. На то, что он сумеет сотворить чудо, сделать невозможное.

Но... Один гол — всего один. Дурацкий мяч, на который он не успел отреагировать, потому что Джастину Финч-Флетчли удалось поймать его на противоходе. И, словно издеваясь, ловец Хаффлпаффа тут же поймал снитч — девчонки не успели снова увеличить разрыв до 150 очков. Рона никто не винил. Наоборот, его игрой восхищались, уважительно хлопали по плечам. Твердили, что этот матч войдёт во все школьные хроники, а он станет легендой факультета, *Щитом Львов*... Сквозь застилающий глаза пот и марево с трудом сдерживаемых слёз мелькали лица — выпускники, младшекурсники, профессор Макгонагалл... Гарри молча пожал ему руку и, кажется, хотел что-то сказать. Гермиона восхищённо обняла за плечи. Джинни присела ря-

дом и, подхватив под локоть, тревожно заглядывала в лицо. В дверях, стесняясь пройти внутрь, робко толпились первоклашки. Анджелина, старательно держа себя в руках, говорила что-то ободряющее и одобрительное. Поднырнув под локоть Фреда, появилась Стана, пробормотала несколько фраз, но у Рона не хватило сил даже прислушаться. Близнецы, выглядевшие так, словно на улице не солнце светило, а с-тенной лил дождь, уважительно потрясли брату руку.

— Я горжусь, что мой детский горшок мама передала именно тебе, — торжественно сообщил Фред. — Я буду рассказывать об этом нашим с Анджелиной детям. И внукам. И правнукам.

Никто не засмеялся — все слишком вымотались. Гарри и Гермиона дожидались Рона в дверях, но он махнул рукой, чтобы друзья возвращались в замок без него...

Рон снова посмотрел на покрытую автографами стену.

...Близнецы плутовато переглянулись и подмигнули сидящему с каменным лицом братцу.

— Давай-ка увековечим крошку Ронни. Забьём Джинджер баки, — Фред посадил Джорджа на плечи, но даже таким тандемом им не удалось переплунуть Джинджер Слаг — легендарного вратаря Гриффиндора, пропускавшую, как повествовали школьные квиддичные легенды, не больше 4 мячей за матч. Судя по её богатырскому росту, она обладала таким размахом рук, что без труда защищала все три кольца, даже не смещаясь с центра. — Ну, пошли, братишка. Будь молодцом, да смотри, не свались с метлы, а то махом узнаешь, из какого места адреналин выделяется...

...Рон поднял голову: наверху красовалась кривая надпись “Ронни Уизли здесь был. 1 декабря 1995 года”. Он хмыкнул, глубоко вздохнул и начал расстёгивать протекторы. Вслед за ними на лавку полетел свитер, ботинки, штаны... Перебросив через плечо полотенце, Рон побрёл в душ.

Он уже надел штаны и натягивал футболку, упрямо липнущую к ещё влажному телу, когда что-то коснулось его локтя. Он нетерпеливо стряхнул рукой помеху и...

— С днём рождения, Рон...

Будь на Роне ботинки, его сердце рухнуло бы прямоком в левый. Поскольку он стоял босиком, оно, судя по ощущениям, шлёпнулось на расчерченный солнцем пол, где и затрепыхалось. Рон медленно повернулся.

— Эшли? Что ты тут делаешь? — деревянным голосом спросил он.

Её лицо осветила улыбка — столь же бессмысленная, сколь и красивая. Она перекинула из одного уголка рта в другой сухую травинку, которую грызла, и прислонилась к косяку:

— Мне сказали, что у тебя сегодня день рождения... Решила тебя поздравить.

Видимо, в лице Рона что-то изменилось, и она поняла, что после матча у него не-самое праздничное настроение. Её улыбка чуть поблекла, девушка сделала шаг к Рону и медленно вытащила травинку изо рта.

— Спасибо. У меня уже есть один подарочек, — он спросил себя — как это возможно, чтобы женские губы улыбались так насмешливо и одновременно так нежно, так бесстыдно, и так робко, и так близко. И в тот миг, когда он собрался открыть рот, чтобы сказать что-нибудь, а что — сам пока не знал, — откуда-то снаружи донёсся грохот.

— Что это? — вздрогнул Рон.

— Петарды. Мы празднуем победу, — Эшли меланхолично развязала полосатый чёрно-жёлтый шарфик. Рон судорожно сглотнул комок в горле, поднял руку и потянулся к её лицу, но сумел совладать с собой настолько, что остановился на полпути.

И из последних сил выдохнул, стараясь звучать как можно грубее:

— Выйди, это мужская комната. Мне нужно одеться, — он сам не знал, как у него хватило сил вымолвить эти слова.

Ничего не сказав, Эшли бесшумно повернулась. Дверь закрылась. У Рона подкопились ноги, он опустился на скамейку. Ему казалось, что какой-то великий маг, самый могущественный чародей услышал его отчаянные молитвы и, пожалев, решил воплотить мечты в реальность. Сколько раз он воображал себе это именно так: они с Эшли, вдвоём, здесь, в раздевалке, после матча... И словно бы она никогда не предавала его, и всё было, как раньше... И он снова был единственным и — ЛЮБИМЫМ, снова её глаза сияли, а губы произносили нежные слова, которые ему никто никогда не говорил, — ни до встречи с ней, ни после — никогда. И вот — она пришла. И весеннее солнце полосами падало на деревянный пол, и солнечный зайчик — так же, как и в его грёзах, — угнездился в её волосах.

А он прогнал её.

Рон натянул свитер, наклонился, завязал шнурки на ботинках. Остановился перед дверями и напоследок ещё раз оглянулся, словно покидал кладбище, на котором упокоились разбитые мечты и растоптанные надежды. Полосы солнечного света по-прежнему расчерчивали пол лестницей на небеса. Рон вздохнул, вышел из душевой и направился ко входным дверям.

— Ро-он...

Её глаза блестели, резцы казались особенно белыми между полураскрытых губ. У Рона вырвался приглушённый глубокий вздох, похожий на стон протеста и одновременно на детский всхлип. Его тень приблизилась к другой тени, приблизилась настолько, чтобы вдохнуть её аромат, её тепло, её дыхание. Но за секунду до того, как вплести пальцы в её волосы, чтобы на миг убежать от одиночества, он успел осознать, шаг в какую пропасть совершает.

...Она стояла у зеркала. Отточенное движение, негромко произнесённое заклинание — размазанная помада исчезла с подбородка, с шеи пропало тёмное пятнышко, припудренное лицо побледнело. Теперь она даже не смотрела на Рона, словно его не существовало. Он потянулся к ней, пытаясь найти хотя бы осколок, хотя бы дуновение, чтобы осознать реальность только что свершившегося. Но... Равнодушно-сытое лицо, чуть сонный взгляд, ленивые движения — Эшли подняла с пола мантию и, перебросив её через руку, распахнула дверь. Сноп света ворвался и ослепил Рона; прищурившись, он смотрел сквозь решётку ресниц, как нечёткая фигурка удаляется прямиком в солнечное сияние. Он вскочил и кинулся следом:

— Эшли! Пстой, Эшли!

Она остановилась. Дождалась его, даже не повернув головы. Он не мог понять: что, что теперь?!

— Но как же? Что же? — и осёкся, встретившись с её спокойными и пустыми глазами. Он искал фразу. Хотя бы слово, которое мог бы произнести. Искал, но находил в себе только ничто — абсолютнейшее из абсолютных. И Рон круто повернулся и зашагал прочь, спиной чувствуя её взгляд. И, уходя, как последний дурак, думал о том, что если сейчас, вот сейчас она крикнет “Я люблю тебя!”, он бросится к ней и сожмёт её в объятиях, как это делали волшебники в тех книжках, над которыми мать украдкой утирала слёзы на кухне, делая вид, что сторожит закипающее молоко. Эта мысль вызвала у него издевательскую усмешку, адресованную самому себе. Он знал, всегда знал, что эти слова — как и он сам — для Эшли Макферсон ничего не значат.

* * *

В этот раз всё развивалось гораздо быстрее — после ареста Сириуса и ежевечерних тренировок, которыми Гарри буквально истязал себя, у него просто не хватало сил сопротивляться новой волне кошмаров. И она не нарастала ночь от ночи, как осенью, а обрушилась сразу, всей своей громадой, закрутив в безумстве, утопив в отчаянии и ужасе. Не дающие Гарри спать видения сводили с ума уже не бесплотной чернотой, наполненной отчаянными криками, не полупрозрачными лицами, искажёнными предсмертной агонией. Нет. Каждую ночь всё с большими подробностями Гарри видел одно и то же: корчащийся в муках Сириус — окровавленный, с неестественно вывернутыми руками, и хохочущая женщина с безумными чёрными глазами, снова и снова повторяющая *Пыточное Проклятье*. Переломанное, исковерканное тело взмывало в воздух и гулко билось об пол — и этот звук повсюду преследовал Гарри: он слышал его в хлопке толстым учебником по столу, в стуке закрывающейся двери, в приглушённом топоте спускающихся по лестницам студентов. Ему хотелось заткнуть уши, хотелось оглохнуть и ослепнуть...

Где-то спустя неделю комната, куда он попадал, едва закрыв глаза, начала расширяться — и вот на полу рядом с Сириусом появились остекленевшая от боли Гермиона и Рон с мокрыми, облепившими голову волосами — Гарри не сразу понял, что спеклись они от крови... А спустя ещё два дня Гарри увидел родителей, падающих, как подкошенные, во вспышке зелёного пламени... Он закричал, бросился вперёд, к ним, но налетел на стекло, тогда, не в силах вынести этой картины, малодушно метнулся прочь — навстречу охваченным огнём домам, взбесившимся рекам, вздыбленной к небесам безжизненной земле... Но куда бы он ни бежал, где бы ни пытался укрыться, что бы ни предпринимал, ничего не менялось: смерть, хаос, разрушение и звучащий над этим скорбный тихий голос:

— Это ты во всём виноват, все они так верили в тебя... Все они так любили тебя...

Беспросветные дни, изнурительные вечера и слепящие ужасом ночи слились для Гарри в один бесконечный кошмар. Он знал, что должен остановить это безумие, что ещё немного — и возврата не будет... но не мог; и с каждой ночью пучина бесследно поглощала часть его, словно подмывала песчаный берег — он чувствовал, что погибает, но не имел сил, чтобы даже обратиться за помощью.

Пока однажды...

Распростёртая на залитом кровью полу Гермиона медленно подняла голову. Её лицо было маской боли. И ненависти.

— Это ты... ты во всём виноват! Я... я ненавижу тебя! Я проклинаю тот день, когда встретила тебя! Ты погубил нас... Всех нас — родителей... Сириуса... Рона... меня... Убийца! Убийца!.. — на её губах заплыла кровь.

Стоп. Внутри Гарри что-то с треском выпрямилось — так вылетает из пазух чрезмерно закрученная пружина.

Его распростёртое на кровати спящее тело свело судорогой. Заложило уши, от боли в голове носом хлынула кровь, залив подушку. Гарри показалось, что череп сейчас треснет: словно две неведомые армии вели непримиримую битву за мозг, раздирая его на части. Гарри сделал невероятное усилие и...

— Кто... ты? Как твоё имя? — он почувствовал во рту привкус крови — настоящей крови.

Наконец голосок — злой, звенящий — через силу произнёс:

— Я — Страх.

Боль в голове ослабла, но не пропала. Искажённое гримасой окровавленное лицо Гермионы чуть поблекло.

... "Зверь" посильнее и поопытнее ответит уклончиво или же только на часть воп-

роса, например, назовет своё имя, внушая Вам уверенность, что власть — это знание одного лишь имени. Настойчиво повторите вопрос, даже если существо кажется милым и безвредным — оно должно ответить на вопрос полностью...

— Назови... своё полное имя... — если бы сейчас кто-то заглянул под полог кровати, на которой спал Гарри, он бы ужаснулся: залитая кровью подушка, запрокинутое бледное лицо, сведённые судорогой руки. Хруст зубов. — Полностью!

— Я... Страх Вины.

И тут же боль исчезла. Вокруг распростёрлось пустое серое пространство.

— Кто... послал... тебя?..

Теперь в голосе зазвучала притворная покорность:

— Меня послал хозяин. Мой хозяин — Повелитель Ликов... А ты? Как твоё имя? — невинно поинтересовался голосок.

Запомни: имя... Имя — это власть...

Гарри почувствовал, как в мозг проникают чьи-то ядовитые щупальца, перед глазами от напряжения снова замельтешили разноцветные мошки, тяжёлая стена опустилась на грудь, и сразу перестало хватать воздуха. Собрав последние силы, он оттолкнул душасщее его разум и тело *нечто*:

— Я задаю вопросы, а не ты. Откуда ты?

Голос взвизгнул и рассыпался сухим рыданием, полным злобной ненасытной ярости.

— Я из Серой Бездны...

С ощущением, будто у взбесившейся лошади, мчащей его на верную гибель, вдруг появились и поводья, и седло, а у него самого — шпоры и хлыст, Гарри приказал:

— Веди меня. Вперёд.

— Куда? — покорно откликнулся бесплотный голос.

— Не знаю! Вперёд! Туда, где я получу ответы — что меня ждёт, что мне делать! — отчаянно подумал Гарри.

— Что тебя ждёт? Что ж... Ты сам этого хотел.

И в тот же миг серый кокон треснул, словно яйцо; ослепительный, ядовитый свет выжег распахнутые глаза... Молнии втыкались в землю, пришивая её к небу. Всё звенело, гудело; напоённый огнём жаркий ветер бил в лицо. Прошрое, настоящее, будущее разом обрушились на Гарри: родители падали замертво и рядом — с улыбками вручали ему письмо из Хогвартса. Сириус нетерпеливо боролся с застёжкой плаща, а позади — его измождённый двойник, весь в рубцах и шрамах, в ужасе закрывал лицо, пытаясь спрятаться от склоняющегося к нему дементора; башни Хогвартса дрожали и качались, будто во время землетрясения; поверженный Вольдеморт рассыпался в пепел, и — торжествующий — стоял над выпускающим последний вздох Гарри и бездыханными телами его друзей...

Всё небо звенело от воя драконов,

Свет Солнца был виден и ночью, и днём,

Кабан с человеческим лицом рвёт законы,

И речи зверей полыхают огнём...

Тонкая шея ничком лежащей девушки без лица, втоптаные в грязь волосы; бусины крови, свернувшиеся в горячей пыли, запрокинутое к небу лицо Рона, ползущая по его мёртвому слепому глазу муха... знакомый шипящий смех, яркая вспышка — но вместо ожидаемой темноты уже виденная Гарри картина: чудовища, несущие на заклятие бьющуюся в их лапах Гермиону, хищный блеск узких ножей... Сияние зеркал, и, стократно отражённая в них, она заносит клинок над его обнажённой грудью. Короткий размах, свист, резкий удар — и в вздетой к небу руке трепещет ещё

бьющееся сердце. Его сердце. По её предплечью стекают тонкие кровавые ручейки... Размах, удар — снова, снова... и вдруг — вскрик, и в последний миг её маленький кулачок разворачивает упрямо несущуюся к его груди сталь. Поникшие плечи, полный смертной муки и немого укора взгляд...

Нем, — губы Гарри зашевелились. — Нем! Нем!!! Нем!!!

Всё замерло: клубы дыма, ослепительный излом расколовшей небо молнии, не коснувшейся земли, вспышка Непростительного Проклятья, не долетевшая до раскинувшей руки матери, — полураскрытый в застывшем крике рот, полные ужаса и отчаяния глаза. Сорвавшаяся с локтя Гермiony капля крови, зависшая в воздухе бурным шариком. Кинжал в дюйме от её груди. Её лицо — упрямо сжатые губы, зажмуренные глаза. Испачканные чернилами пальцы, сжавшие изогнутую рукоять. Запрокинутое к небу плоское белое лицо Вольдеморта, безгубый рот, разорванный беззвучным торжествующим хохотом.

— Ты можешь справиться с этим... — лёгкая тень, едва касаясь ногами земли, подошла к Гарри.

— Папа?

— Ты можешь...

— Что это?

— Это всё то, что было... что могло быть... и что может случиться... Всё зависит только от тебя.

— Что мне делать?!

— Ты сам должен решить. Всё в твоих руках...

Гарри поднял руки. Раскрыл ладони. Протянул их, и искореженный мир послушно лёг, свернулся у него в горстях. И растаял дымным облачком. Гарри сжал кулаки.

Открыл глаза.

Его охватила темнота и тишина гриффиндорской спальни.

— Всё в моих руках.

Он знал, что делать.

* * *

В этот день — судьбоносный, поворотный день в жизни единственного наследника рода Малфоев Драко Малфоя — вышеуказанный наследник, притихший и присмиривший, смотрел на мир с тревожным предвкушением и осознанием, что уже завтра всё изменится: школьные проблемы, столь обременяющие его в настоящий момент, покажутся разновидностью детской игры в плюй-камни. Нынче ночью должно было случиться то, к чему его готовили, о чём твердили с самого рождения. Больше всего Драко беспокоился из-за незнания деталей Церемонии Инициации, а потому совершенно не представлял, чего ожидать и к чему внутренне готовиться. Неоднократно предпринимаемые им попытки вытащить из отца хоть какую-нибудь информацию наталкивались на холодный, а со временем и откровенно раздражённый взгляд.

— Тёмный Лорд призовет тебя, — в конце концов уронил Люциус, оторвавшись от корреспонденции и нетерпеливо постукивая пером по столу. — И от того, как ты вынесешь испытание и что он увидит в твоей душе, будет зависеть вся твоя жизнь.

И только. Сейчас, накануне церемонии, фраза отца заиграла мрачными красками, отнюдь не добавляя Драко оптимизма, хотя он изо всех сил пытался успокоить себя рассуждениями, что, будь испытание при посвящении и инициации невыносимым, вряд ли ряды Пожирателей Смерти пополнялись бы с такой скоростью.

В конце концов, даже брат тупоголового Гойла прошёл через это — значит, я и подавно справлюсь... — Драко, полностью погружённый в свои мысли, сам не заметил, что, перепутав последовательность, вместо слюны скунса добавил в Уду-

шающее Зелье толчёный корень раффлензии. Как ни странно, вместо того, чтобы, как обычно, мягко попенять любимому ученику и заставить гриффиндорцев заново подготовить для него компоненты, Снейп снял со Слизерина баллы, назначил Малфоя взыскание и велел всё переделать. Сзади послышалось довольное хмыканье Финнигана и удивлённые шепотки слизеринцев. Драко сначала оторопел, потом взбежился: не может быть, чтобы декан, которого, судя по словам отца, тоже *кое-что* связывало с Орденом, не знал, что сегодня у него, Малфоя-младшего, день рождения! Причём не просто день рождения, а шестнадцатилетие, а значит, его ждёт Церемония Инициации! Вот, значит, какой подарочек он решил ему преподнести?! Отскабливание котлов и оттирание от столов кишков ящериц! Будто мало ему хихиканья за спиной и насмешливого взгляда этой маленькой...

Малфой испуганно осёкся и прислушался к своим ощущениям.

Уф, похоже, пронесло... — он отвёл глаза от Гермионы и снова уставился на Снейпа. — *Ну, погоди, вот узнает отец...*

Но эта греющая сердце мысль оказалась тут же перебита другой: а если это тоже входит в испытание? Вдруг оно длится целый день — испытание воли, упорства, терпения, смирения и чего-нибудь ещё — а в полночь произойдёт только финальная часть церемонии?! С ощущением, будто только каким-то чудом не оступился и не рухнул в пропасть, Драко снова покорно взялся за ступку и пестик. А после урока старательно надраил школьные котлы и парты. Снейп из-за своего стола следил за ним ничего не выражающими глазами — и Драко это порядком нервировало: он — чувствовал себя мухой, ползающей по самому краю паутины. словно в подтверждение, длинные тонкие пальцы профессора, которые, при наличии воображения запросто можно было принять за паучьи лапы, начали отбивать по столешнице неторопливую дробь. Ёжась под пронзительно-чёрным взглядом, Драко продемонстрировал результаты своего труда и был отправлен восвояси задумчивым кивком.

Следующие часы то летели вскачь, то ползли улитками, и ближе к полуночи Драко уже совершенно извёлся и изнемог: теперь было уже всё равно, что ему предстоит. Главное, чтобы это произошло быстрее. В половине двенадцатого он, едва переводя дух от волнения, шагнул в кабинет отца, и уже через несколько минут они входили *туда*. Драко знал об этом месте: Главный Зал. О, он не разочаровал: мрачный и величественный, залитый призрачным багровым светом, который шёл от покрытой загадочными письменами стены. Едва их с отцом шаги откликнулись многоголосьем эхом, как безмолвные чёрные фигуры склонились в приветствии — Драко показалось, что колыхнулась темнота: капюшоны скрывали лица всех присутствующих, включая и отца, — только он сам стоял с непокрытой — пока непокрытой — головой. На бледных щеках и светлых волосах плясали багровые отблески.

Взмахом руки отец велел ему проследовать в центр начерченной на полу пентаграммы. И едва Драко сделал шаг внутрь, как мир исчез: ухнув в бездонную пропасть. Он помчался в неизвестность сквозь пульсирующее пламя и черноту, всё вокруг кружилось и вращалось, полыхало багровое зарево, умирая в черноте и снова возрождаясь; его собственное тело то растягивалось, то сжималось, то замерзало от вселенского холода, то сгорало в адском пламени — казалось, что и оно, и мысли, и чувства, и желания распадаются на мельчайшие частички, рассыпаются прахом, чтобы больше никогда не вернуться, чтобы измениться навсегда. Сквозь гул пламени и свист ветра доносился далёкий голодный смех и голоса, что-то повторяющие на непонятном языке.

Оглушительный грохот, от которого едва не разорвалась голова. Короткая багровая вспышка.

Драко с трудом открыл глаза. Он лежал в пентаграмме, разметав руки и ноги. Тело

болело так, как будто его только что сняли с дыбы. Высоко-высоко вверх, в непроглядной темноте плавали бесплотные белёсые тени, сквозь шум собственного сердца он ещё слышал какие-то шорохи, стоны и вскрики.

— Выпей, — из темноты над ним склонилась чёрная безликая фигура, протягивая чашу. Приподнявшись, Драко принял её двумя руками, поднёс к губам, сделал глоток.

— Но это же... кровь!

— Пей.

Ему показалось, что его сейчас вырвет; зажмурившись и стараясь не дышать, Драко залпом осушил чашу и стиснул зубы, трясаясь от отвращения, ужаса и тошноты.

— Теперь ступай к Господину.

Драко послушно поднялся на ноги, поразившись тому, что вообще может двигаться, и, сам не зная, зачем, пошёл к дышащей пламенем стене, сверху донизу покрытой письменами. Воздух перед ней дрожал и чуть покачивался, адский жар обжёг горло, заставил задохнуться. Ему показалось, будто только что выпитая кровь свернулась в его желудке.

— Положи на стену руки.

Драко взглянул на пышащий огнём камень и содрогнулся. Обернулся, взглянув на замерших позади Пожирателей, где-то среди которых стоял и отец. Плотная чёрная стена людей без лица, без имён. Войско, призванное Тёмным Лордом, чтобы очистить землю от скверны. Воины, истребляющие нечисть и грязь, освобождающие мир от отбросов и грязнокровок. Всего один шаг, и он станет частью этого войска — воином без имени и лица. Он получит право вершить чужие судьбы. Казнить и миловать. Один из тысячи. Один над тысячью. Тот, кому однажды суждено стать во главе...

Сделав глубокий вдох, Драко зажмурился и сунул руки в дрожащее марево. Ослепительная боль попыталась завязать тело в узел, но он лишь стиснул зубы. Ему показалось, что пахло жжёным мясом, что руки обугливаются; сияющее белое пламя текло по венам, сжигало изнутри — Драко снова почувствовал вкус крови во рту. Крови из своей прокушенной щеки. Ещё мгновение — и он понял, что силы на исходе. Колени тряслись, горячий пот тёк по лбу, тут же испаряясь от невыносимого жара. Ещё миг... Огненный столб рванулся вверх, взорвав невыносимой болью его предплечье. Драко запрокинул голову, разрывая рот в истошном крике, а сверху ему приветственно откликнулись демоны. Руки сами собой отлепились от стены и раскинулись в стороны, будто он пытался кого-то обнять...

Он рухнул на колени. Боль ушла, навеки оставив память о себе. Готовая вернуться в тот момент, когда он подумает об отступничестве. Сморгнув с глаз слёзы, Драко взглянул на левое предплечье: на белой коже огнём горел Знак Мрака. Он накрыл его ладонью, и в голове зазвучал странный голос, напоминающий шипение ядовитой змеи:

— Я приветствую тебя, Драко Малфой.

* * *

Спустя несколько часов уже ничего в Главном Зале не напоминало о недавней Церемонии. Темнота, тишина, пустота, тусклое зелёное пламя на возвышении. И два человека — высокий колдун в чёрной мантии с откинутым назад капюшоном, отрывающим серебристые волосы, водопадом стекающие до самых лопаток, и не менее высокий человек в забрызганной и прожжённой в нескольких местах рабочей мантии, устало прислонившийся к колонне у одного из входов.

— Я знал, что ты придёшь, Северус. Я рад, что ты не забыл дорогу.

Короткий кивок и молчание.

— Мой сын только что прошёл Инициацию и Посвящение.

Снова напряжённый кивок, движение бровей, по-видимому, обозначающее “мои поздравления”.

Светловолосый колдун подождал немного и, вздохнув, перешёл к делу.

— Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Да, — второй колдун наконец-то заговорил.

— Ты готов к искуплению и возвращению в лоно Ордена?

— Да, — голос ничем не выдавал напряжение своего обладателя.

Из груди Люциуса Малфоя вырвался чуть слышный вздох облегчения. Взмах палочкой, и в воздухе перед Снейпом зависла широкая чаша.

— Возьми его.

Снейп медлил. В глазах его появилось отрешённое выражение, лицо окаменело, словно он лицом к лицу столкнулся с воплощением своих ночных кошмаров.

— Ну же!

Прикрыв глаза, словно преодолевая внутреннее сопротивление, Снейп подставил ладони, и чаша осторожно опустилась в них. В уголке его рта появилась жёсткая складочка.

— Северус, ты знаешь, что делать.

Люциусу показалось, будто прошла целая вечность, он уже начал подумывать, что за пятнадцать прошедших лет Снейп позабыл о списке наказаний, назначаемых провинившимся. Наконец, медленно склонившись над Думотводом, Снейп коснулся волшебной палочкой своего виска — и в чашу потекла серебряная нить; содержимое завращалось, опалесцируя, переливаясь и искрясь.

Люциус с удовольствием следил за происходящим: о, кто-кто, а уж он-то знал, как доставить Северусу Снейпу максимальную боль — пожалуй, не сравнимую даже с болью от Пыточного Проклятья, на котором так настаивали остальные... Господин предпочёл именно его предложение... На губах Малфоя мелькнула усмешка.

Смешной и неопрятный болван, думающий, что о его секрете никто не знает. Что ж, с сегодняшнего дня мы забираем у тебя щит, и при малейшем намёке на измену... ты не сможешь спрятаться от самой мучительной и ужасной смерти. Ведь ты, как и все, боишься дементоров, верно? Ты — холодный, отстранённый, высокомерный, источающий яд... ты так же, как и прочие, будешь ползать на коленях, рыдая от ужаса и умоляя о пощаде...

Ниточка становилась всё тоньше; наконец, вспыхнув напоследок, исчезла. Снейп сунул палочку в карман, подхватил Думотвод двумя руками и, с трудом поборов в себе желание прижать его к груди, недрогнувшим жестом передал Люциусу.

— Прекрасно. Позволишь взглянуть?

— Разве сейчас на это требуется разрешение?.. — спокойный, равнодушный голос, лёгкое удивление в глазах.

— Конечно, это простая формальность, но...

— Да, я разрешаю, — перебив, с нажимом произнёс Снейп, отворачиваясь.

Нет. Люциус любил утончённые пытки.

— Нет-нет, я не могу... будь любезен, сделай это со мной, а то у меня ощущение, будто я подглядываю в замочную...

Ногти Снейпа вонзились в ладони, брови чуть заметно дёрнулись, губы дрогнули в улыбке, от которой Люциусу стало немного не по себе.

— Что ж, если это доставит тебе удовольствие... Могу лишь заверить, что ничего *такого* там не будет...

Кто бы сомневался. Глядя на тебя... — мысленно фыркнул Люциус.

— Речь идёт не о моём удовольствии, — укоризненно глядя Снейпу прямо в глаза,

он покачал головой. — Ты же знаешь правила...

Ничего не ответив, Снейп приблизился. Содержимое Думотвода завращалось, переливаясь и мерцая, и перед глазами волшебников зарябила весенним солнцем вода. Серебристая вода и сочная, будто только что умытая, зелень свисающей ветви. Движение, словно смотрящий перевернулся на спину — и вода исчезла, сменившись отчаянно-синим небом и взмывающими в него деревьями. Промелькнула бабочка. Белое облако диковинной формы медленно вершило свой путь за горизонт. Опять переворот, и снова чашу заполнило озеро, даже сейчас искрящееся в майском солнце так, что резало глаза. Качнулась трава. И вдруг — судорожное движение вверх и тут же — за ствол дерева. Растрескавшаяся кора, неторопливо ползущая вверх колонна муравьёв. Осторожное, медленное возвращение — опять показался краешек озера, только теперь на обрыве сидела девушка. Чёрная форменная мантия, набитая книгами школьная сумка. Рыжие волосы, собранные в толстую косу.

Губы Люциуса сами собой растянулись в усмешке, но Снейп не видел этого: он снова выглядывал из-за старой сосны, у которой только что блаженно валялся, таращась в небо и лениво осмысляя сдачу последнего экзамена. Полная свобода и долгожданное облегчение... Многообещающее предложение из Коллегии Авроров... Солнечный день, тишина, нарушаемая только стрекотом кузнечиков да шелестом ветвей. Он лежал в траве, неторопливо размышляя, не искупаться ли... или, может, поторопиться на обед? На отмели сквозь серебристую воду просвечивал песок, подводными тенями сновали стайки рыбок. Он не услышал, как она пришла, — просто повернувшись, вдруг увидел её, сидящую на обрыве, и тут же отскочил, спрятавшись за ближайшей сосной.

Она блаженно подставила лицо солнцу, зажмурилась, заулыбалась...

У него засосало под ложечкой.

Неожиданно она скинула школьную мантию, оставшись в юбке и блузке с форменным гриффиндорским галстуком. Пристроила под голову пухлую сумку с учебниками. Легла. Но через миг снова села, шаря ладонями по земле в том месте, где только что лежала. Подняла сосновую шишку. Кинула в воду, зарядившую сильнее. Круги. Она набрала целую горсть шишек и начала кидать их, стараясь зашвырнуть как можно дальше. Неожиданно расстегнула туфли и стянула гольфы.

Он проглотил комок в горле и вцепился в сосну обеими руками.

Осторожно свесила ноги с обрыва и коснулась воды кончиками пальцев.

Солнце.

Брызги.

Подняла руки к волосам — и через миг вместо аккуратной, строгой косы сиял бронзовый водопад.

Тихий смех.

Снова брызги.

Северус Снейп смотрел в Думотвод, снова испытывая невероятную боль и невыразимое счастье. Он прощался с ней. Навсегда. Через миг она умрёт второй раз — чтобы никогда больше к нему не вернуться. Чтобы лишить его защиты и покоя.

Он зажмурился, боясь, что не совладает с собой.

Когда он опять открыл глаза, рыжеволосая девушка, придерживая юбку, стояла на отмели. И вдруг обернулась. Снейп вздрогнул — как и много лет назад, когда, не успев нырнуть за спасительную сосну, встретился с ней взглядом. А она улыбнулась и приветливо помахала ему рукой. Он знал, что в этом нет ничего связанного лично с ним: просто она тоже только что сдала последний экзамен и наслаждается долгожданной свободой... Покраснев и зачертыхавшись сквозь зубы, он соорудил презрительную гримасу, торопливо подхватил сумку, мантию и едва не бегом напра-

вился в сторону замка. Но, отойдя на безопасное расстояние, не сумел совладать с собой и снова обернулся: сквозь зелень ещё просвечивало тёмное золото волос, а озеро плескалось у её ног расплавленным серебром...

— Прекрасно, Северус. Если ты мне позволишь высказать своё мнение...

— ...не позволю! — прошипел Снейп.

— ...то я не ожидал от тебя такого романтизма, — в голосе Люциуса, сделавшего вид, будто он не расслышал эти слова, мерцала насмешка, и у Снейпа — как случилось крайне, чрезвычайно редко — потемнело перед глазами от ярости и едва сдерживаемого гнева. Настоящего гнева, настоящей ярости, что когда-то уже сослужили ему дурную службу, приведя в Орден. — Ну, что ж... ты знаешь, что делать...

Снейп попытался поднять палочку, но рука отказалась ему служить. Опустив голову, он смотрел в Думотвод, где зеленела давно умершая листва и смеялась давно умершая девушка.

— Северус... — в голосе Малфоя зазвенела сталь.

Снейп скрипнул зубами:

— *Cinis!* — изображение потускнело, съёжилось, посерело и рассыпалось пеплом. И боль в груди, от которой он только что не мог дышать, взорвалась зияющей раной, из которой в душу хлынула тоска.

Они снова забрали у меня мою Лили... — успел подумать профессор Зельдедея и через миг, как ни силился, уже не сумел вызвать в памяти ни лица, ни имени рыжеволосой девушки, которую не забыл даже спустя почти пятнадцать лет после того, как она умерла в первый раз.

P.S. Идею наказания подбросила **Constance Ice**, реализовывал Люциус Малфой, а в жизнь воплотила **Stasy** ;)

Глава тридцать пятая, в которой мы узнаём ещё одну причину, по которой студентам не рекомендуется забредать в Запретный Лес, а Рон сообщает, из-за чего он не любит Косолапсу.

Вчера ещё голые кроны деревьев в школьном дворе уже тронуло настоящее весеннее тепло, расцветив нежно-зелёными узорами древние каменные стены замка. Буквально за неделю весна слизнула ноздреватые просевшие сугробы, и разбухшая земля тут же взорвалась сочной травой. Пьянящий аромат, мягкость налетевшего ветерка, весеннее многоцветье и многозвучье — это сводило с ума. Обалдевшие от внезапного тепла птицы щебетали до хрипоты, заставляя студентов (исключая, разумеется, живущих в подземелье слизеринцев) скрипеть зубами и прятать ночами головы под подушки: кому, спрашивается, охота просыпаться в четыре утра от дикого гвалта за окном, ежели отполз от очередного эссе или расчётов глубоко полночь?! А экзамены предстояли нешуточные — так что в эти чудные, сказочные деньки хогвартские старшекурсники, не разгибаясь, ломая перья и изводя чернила бочками, корпели над учебниками и свитками. Малышам, впрочем, доставалось не намного меньше — даже отъявленная хулиганка Джейн Бантинг поутихла: всё, что она (да и то изредка) себе позволяла — это парочка навозных бомб под дверями кабинета Снейпа. Неразлучные друзья-первоклашки Кевин Сторм, Дженнифер Грин и Трейси Алесини трудились в библиотеке; луноликая Дженнифер даже спала с лица, благодаря чему приобрела ужасно нравящуюся ей “интересную бледность” (в глубине души девочка ещё лелеяла надежду, что великовозрастный объект воздыханий обратит на её персону благосклонное внимание), косички Трейси уныло поникли, а красными глазами троика напоминала кроликов.

О пятикурсниках и говорить нечего — Гермione приходилось планировать свой день едва ли не по минутам, чтобы успеть сделать всё, включая помощь Невиллу, который никак не мог справиться с обязанностями старосты. От когда-то круглолицего Лонгботтома остались только полные нечеловеческой тоски и печали глаза, он тихо стонал, прижимая к груди Тревор. Несчастное земноводное от тоски и печали утратило прежнюю резвость и стало серой и унылой тенью, покрытой печальными бородавками.

Кроме этого Гермione повесила себе на шею пятничный факультатив для первокурсников и теперь в течение полутора часов консультировала по основным предметам всех желающих, коих находилось предостаточное количество. Такая непосильная нагрузка не могла не сказаться — нагулянные за время каникул розовые щёки снова впали, а бледно-голубые круги под глазами не исчезали уже даже после уже пятичасового (как правило) сна. Впрочем, вина за нездоровый вид лежала не только на уроках: мысли об угрожающей Гарри опасности снедали её каждый раз, когда она исподлобья смотрела на восседающего за преподавательским столом Люциуса Малфоя (что, к счастью, случалось крайне редко: новоиспечённый директор не жаловал школу своими визитами. Появляясь, развлекал себя каким-нибудь указом из серии *“Студентам, имеющим доказанное родословной чистокровное происхождение до третьего колена, дозволяется ношение на рукаве бронзовой лычки, до пятого — серебряной, до седьмого — золотой”* — после которого Драко Малфой обзавёлся шестью золотыми лычками и одной бронзовой, заслужив прозвище “слизеринский полосатик”). На этом управление школой заканчивалось — Люциус не утруждал себя проверкой, выполняются ли изданные им указы, и истинная власть в Хогвартсе принадлежала узаконенному ещё Дамблдором Школьному Совету во главе с деканами.)

Кроме этого, Гермione не давали покоя размышления и предположения, от кого конкретно исходит опасность, кто же находится под Заключением Покорного Сердца и, главное, — каким образом можно это узнать и проверить. Пару раз она пыталась завести с Гарри разговор, но тот, погружённый в свои мысли, раздражённо отмахивался, бурча, что сейчас существуют вещи поважнее и ему пока некогда заниматься ещё и проклятиями. Должно быть, тот имел в виду переживания по поводу ареста Сириуса, а также горные хребты эссе, сочинений и расчётов — словом, Гермione не очень настаивала: хорошо, что Гарри вообще начал возвращаться к реальности и взялся за ум и уроки, выбросив из головы безумные идеи и самоубийственные планы. Без сомнения, все лавры по данному поводу — до последнего листочка — принадлежали Рону, которому удалось подобрать какой-то ключик к другу, и тот слегка оттаял, вышел из ступора.

В последнее время мальчишки почти не расставались: то устраивали внеплановые тренировки на квиддичном поле (Гермione, разве ты не понимаешь, что от последней игры с Равенкло зависит судьба Кубка по квиддичу! Кто знает, что ещё придумает Малфой — надо и самим тренироваться, и... — голос Гарри предательски сорвался, — нового ловца на всякий случай подобрать...), то вместе корпели в библиотеке над эссе для Крума, шурша “Диверсионной магией”, то дотемна торчали на полигоне, набивая руку в стрельбе по мишеням. Постепенно и остальные школьные предметы у Гарри пришли в движение: Гермione радовалась его “Впечатляюще” по Трансфигурации куда больше, чем собственной “Исключительно хорошо”, а уж когда он ухитрился получить “Приемлемо” у Снейпа, едва не забросила собственные уроки и даже хотела устроить настоящую вечеринку (справедливости ради надо сказать, что подобная мысль только мелькнула у неё в голове, тут же насмерть задушенная доводами разума).

А ещё Гермiona была счастлива, что Гарри снова начал есть. И как есть! Она сначала даже заподозрила булемию на нервной почве — по её представлениям в нормального человека, пусть он и является интенсивно растущим подростком, за раз не могло поместиться *столько*. День, другой, третий — Гарри уверенной рукой накладывал себе добавку и съедал всё до последней крошки²⁴. Он, конечно, относился к тем, про кого говорят “не в гиппогрифа корм” и оставался худым, как щепка, но всё же лицо утратило землисто-зеленоватый оттенок, а щёки перестали казаться тёмными впадинами.

В предпоследний учебный день накануне пасхальных каникул, после Гербологии, на которой профессор Спраут объявила темы для С.О.В., Рон и Гарри, как всегда, собрались на стрельбище. Вопросительно покосившись на Рона и получив в ответ невозмутимый взгляд из серии “у меня всё под контролем”, Гермiona отправилась в замок — отмыться после Аппетитного Удобрения, которым они сегодня подкармливали привередливые Злопыхалки. Аппетитное Удобрение пахло крайне неаппетитно и, вдобавок, оставляло на руках ярко-фиолетовые пятна.

Проводив её глазами, Гарри повернулся к другу.

— Ты точно не проболтался? Она ужасно подозрительно на нас смотрит, когда мы говорим, что идём сюда.

— А ты что хотел? Ты проводишь тут столько времени, будто всё, что надо сдавать, — Боевая Магия. Причем экзаменовать тебя собирается, как минимум, Спецотряд Авроров Быстрого Реагирования во главе с Шизоглазом Хмури. В учебном бою. Пришлось ей соврать, что я провожу тут сеансы психотерапии, оказываю тебе психологическую поддержку, бла-бла-бла... и даже взять у неё ту идиотскую книжку, — Рон порылся в сумке и извлёк оттуда достопамятную “Психологию для всех”. — Знал бы ты, какой бред там пишут. Неужели она принимает всерьёз всё, что наплёл этот... — он покосился на обложку и зашуршал страницами, — Берик Эрн. Сейчас...

— Ладно, не надо, — остановил его Гарри. — Я тебе верю. Главное — ничего ей не говори.

— Послушай, Гарри, — в очередной раз нудно начал Рон, заранее зная, какой ответ услышит, — по-моему, ты зря пытаешься обмануть Гермionу. Во-первых, рано или поздно она заподозрит, что в наших с тобой занятиях что-то нечисто. Во-вторых, она — ужасно умная, а нам бы не помешала её помощь. Хотя бы в разработке операции, уж если ты так не хочешь брать её с собой...

Гарри остановился, как вкопанный. Его брови сдвинулись.

— Рон, я уже сто раз тебе говорил: ни полслова. Ни намёка. Я не хочу её в это впускать. Во-первых, это опасно. Во-вторых, я не смогу ничего сделать для спасения Сириуса, если буду думать, что она где-то поблизости и в любой момент может... — перед внутренним взором снова появились втопанные в грязь волосы девушки без лица, и он, содрогнувшись, закончил, — может попасть в беду. В третьих — ты, и правда, считаешь, что она просто даст нам пару дельных советов, а потом, когда мы отправимся в Лондон, прощально помашет вслед платочком? — Рон что-то пропыхтел себе под нос. — И вообще — хватит об этом: в конце-концов, ты бы стал впускать в подобное мероприятие свою любимую девушку?

Удар попал явно ниже пояса²⁵ — Рон покраснел и, буркнув что-то вроде “Гермiona — не просто девушка, она умелая колдунья”, замолчал. Оставшийся путь до импровизированного полигона они проделали в молчании, погрузившись каждый в свои размышления и не замечая ни ошалевшего после зимних туч солнца, щедро льющего свет и тепло, ни птичьего гомона, ни прелого запаха, идущего от прогретой земли. Их мысли занимали предметы куда более мрачные.

Свободных мест на поляне перед высокой каменной стеной оказалось не так мно-

го: семикурсникам сразу после Пасхи светили выпускные экзамены, в которых Боевая Магия стояла первой, а потому всё вокруг грохотало от заклинаний. Мишени разлетались в клочья и снова *“repar”ировались*. Заметив вдалеке огненные шевелюры братьев, Рон направился напрямик туда, Гарри последовал за ним, и друзья, заняв места рядом с Ли Джорданом и Алисией, вытащили свои волшебные палочки.

— Ух, ты, Рон! Смотрю, ты парень не промах. Молодец. Далеко пойдёшь. Смотри только, не заблудись. А то загремишь в диспансер им. святого Валентина, — как бы мимоходом заметил Ли после того, как Рон выбил восемьдесят шесть из ста возможных и трижды попал в мишень, движущуюся по весьма замысловатой траектории.

Палочка едва не вывалилась у Рона из дрогнувших рук, и следующее заклинание, каким-то чудом не задев никого из студентов, угодило в дерево на дальнем краю поляны. В стволе появилась глубокая трещина, а из кроны, возмущённо гомоня, взмыла птичья стайка. Ли усмехнулся, увидев витаращенные глаза Уизли-младшего.

— Что ты смотришь на меня, как юная черепаха?

— В смысле? — только и мог вымолвить Рон, заливаясь краской и чувствуя, что на щеках сейчас можно запросто поджарить яичницу.

— В смысле — беспечно и наивно. Давно хотел тебе сказать — в следующий раз выбирай для забав какие-нибудь другие места, а то Фред имел непростую беседу с Анджелиной по поводу невесты откуда взявшегося в гриффиндорской раздевалке хаффлпаффского галстука и некоего предмета дамского нижнего белья.

— Ч-что?! — румянец Рона приобрёл свекольный оттенок.

— Что слышал, резвунчик ты наш. И, кстати, если ты хочешь узнать моё мнение...

— Не хочу!

— ...то советую тебе поменять объект поклонения, ведь ты же знаешь, что с ней...

— Ли, заткнись, иначе я за себя не ручаюсь! — рявкнул Рон. — И вообще — почему ты решил, что я имею какое-то отношение к этому галстуку и к... ко всему остальному?! Может... может... — Рон беспомощно обвёл взглядом тех, кто тренировался поблизости. Его глаза остановились на Кэти. — Может, это у Кэти роман с кем-нибудь из хаффлпаффцев! Или... или у Джорджа!

— У Джорджа. С хаффлпаффцем. Угу, — Ли фыркнул и отошёл. Рон беспокойно покосился на Гарри — слышал ли он, что говорил Джордан? Но друг, похоже, полностью сосредоточился на очередной мишени. Вот она мелькнула в воздухе, отчётливо произнесённое заклинание — и на землю посыпались мелкие обломки. Гарри довольно улыбнулся:

— Ну, ещё по парочке и домой?

— Не, я пас, — у Рона до сих пор чуть-чуть тряслись руки, а уши на солнце пламени рубинами. — Если хочешь — давай, я подожду, — он с облегчением опустился на траву, пристроив под себя сложенную мантию. Голова шла кругом. Все знают.

Гарри с видимым удовольствием подбил ещё две мишени — причём последнюю с разворота. Упорные тренировки принесли реальные плоды: теперь он не сомневался, что сумеет вывести из строя максимальное количество врагов. Оставалось как следует продумать отступление, в отношении которого план был только один: пробиться к окнам и, призвав мётлы, улететь. Чтобы не вызывать подозрения покупкой или кражей метлы для крёстного, они решили вдвоём с Роном лететь на Всполохе (проверка показала, что тот запросто выдерживал и двоих седоков — особенно таких худых), а ронову “Стрелу” (подарок Перси младшему брату на шестнадцатилетие) отдать Сириусу. Дело оставалось за малым — добраться до этих окон...

Несмотря на тёплые дни, камин в гриффиндорской гостиной полыхал вовсю — башня за зиму промёрзла до самого основания, и тёмный необработанный камень

до сих пор хранил зимний холод. Вот и сейчас, едва шагнув с весеннего солнца под мрачные гулкие своды Хогвартса, Гарри и Рон почувствовали зябкий отголосок ушедших морозов.

Гермиона с книгой полулежала в засаленном десятками гриффиндорских седалищ кресле. Косолапус после нескольких безуспешных попыток плюхнуться поперёк страницы, пробрался хозяйке под подбородок и, несмотря на явный недостаток места, ухитрился свернуться там клубком.

— Ну, как тренировка? Удачно? — с подозрением поинтересовалась Гермиона, глядя поверх кота и “Краткого курса каббаллистики”.

— Вполне, — кивнул Гарри, присаживаясь на протёртый ковёр у камина. За решёткой, то печально вздыхая фиолетовой дымкой, то вскидывая раскалённый добела язык, прыгало по обугленным поленьям оранжевое пламя. Давно ли он видел там голову Сириуса... Гарри вздрогнул и отвёл глаза. — Слушайте, пойдём покатаемся по озеру, а? Развеемся часик перед ужином, потом и за уроки сядем...

Как ни странно, Гермиона с готовностью откликнулась на это предложение (оно стало первым за почти полтора месяца, прошедшие со дня ареста Сириуса) и тут же побежала в спальню за мантией. Косолапус, самым бесцеремонным образом сброшенный на ковёр, окинул недовольным взглядом Рона и Гарри и, решив, что длинная рыжая шерсть на чёрных штанах Рона будет выглядеть куда эффектней и заметней, чем на джинсах Гарри, потёрся ему об ноги и запрыгнул на колени. Убедившись, что Гермионы поблизости нет, Рон взмахнул рукой:

— А ну, пшёл вон! — с возмущённым мявом кот пролетел полгостиной и, уцепившись в полёте когтями за высокий канделябр, рухнул вместе с ним на ковёр. — Терпеть его, гада, не могу! — проводив Косолапсуса полным злорадного удовлетворения взглядом, сообщил Рон.

— А почему? — живо поинтересовался Гарри, тоже не испытывающий горячей приязни к наглой животине, вечно достающей его во время приготовления домашних заданий: обычно Косолапус запрыгивал на стол, потом, освоившись, усаживался на разложенные пергаменты. После того, как Гарри скидывал его во второй раз, он смахивал на пол перья, чернильницу, книги и свитки. Причём не за раз, а по очереди.

— Он повадился со мной в уборную таскаться, — угрюмо сообщил Рон. — И нечего смеяться. Он ничего не делает. Просто приходит, садится и таращится на меня своими глазами, словно что-то сказать хочет. Или на руки лезет. Ужас. Ладно, пойду-ка я загляну на кухню — а то после свежего воздуха у меня уже кишки стонут...

Он куда-то исчез и появился через четверть часа с набитым ртом и полными руками бутербродов, Гермиона завернула их в старую газету, и троица отправилась на озеро.

Лучи закатного солнца окрасили песок в розовый цвет, древний замок опрокинулся в тихую гладкую воду. Та недолгая прогулка по озеру запомнилась им как серия кратких, но пронзительно отчётливых эпизодов, когда зрение сливалось со всеми остальными чувствами, а время на мгновение останавливалось, пока залитый усталым солнцем пейзаж не запечатлевался в памяти.

Изъеденный временем обрыв, запечатлевший геологическую историю этих мест и отпечаток чьего-то исторического ботинка. Свесившаяся над водой ветка, тронув которую, Гермиона спугнула целую стаю ночных бабочек, с неприятным металлическим стрекотаньем взмывших в воздух и тут же рассеявшихся на лицах, руках и одежде ребят. Полупритопленные листья белой кувшинки.

— Красотища-то какая здесь! Не то что с ума сойти — поэтом можно стать! — поводной глади пробежала водомерка. — Сейчас я её... — Рон взмахнул палочкой,

и та, разбухнув до размеров небольшой собаки, торопливо заскользила прочь, ловко уворачиваясь от несущихся ей вслед контрзаклинаний. — Вот так и рождаются нездоровые сенсации, — с напускной скорбью вздохнул он, снова берясь за вёсла.

Гарри слабо улыбнулся, глядя в тёмную воду и думая о чём-то своём. Гермиона завопилась, поудобнее устраиваясь на носу, накинула на плечи мантию. Лодка почти бесшумно скользила вдоль берега по ровной и матово-блестящей, как масло, водной глади, и девушке даже начало казаться, что, шагни она за борт, то её встретит не вода, а что-то гладкое, как лёд. Царила тишина, нарушаемая лишь утробным лягушачьим кваканьем в камышах да еле слышным плеском вёсел; друзья погрузились в размышления и даже не заметили, что из-за мыса к ним подкралась другая лодка — очнувшись только в тот момент, когда в борт уже вцепились чьи-то руки. Хохоча, Фред окатил Рона и Гарри водой и под протестующие вопли умял один за одним три бутерброда, швырнув на дно лодки измятый и покрытый жирными пятнами Пророк, в который те были завернуты. Раздался ещё один плеск — из-за кустов вывернула лодка с Джорджем, Ли и Кэти. Воздух завибрировал от смеха и оживлённых голосов...

Подползающие сумерки заволокли всё дымкой, смягчили краски, превратили озеро в муаровый платок, а башни Хогwartса — в розовую массу с неясными очертаниями. Нос лодки мягко въехал в песок, и Гермиона соскочила на берег. Гарри сгрёб мусор и вдруг оцепенел.

— Эй, Гарри, ты что — уснул? — уже взявшийся за цепь, чтобы втащить лодку на берег, нетерпеливо крикнул Рон. — Вылезай скорее и пошли на ужин — я сейчас от голода просто взвою. Если я не съем курицу целиком, можете называть меня... Эй, что такое? — испуганно осёкся он, когда Гарри поднял лицо.

— Смотрите! — легко перемахнув на берег, он сунул друзьям измятую газету, в которую Гермиона заворачивала бутерброды.

— Ну, и что? Выпуск Пророка. Тысяча девятьсот мохнатого года.

— Ты дату, дату посмотри!

— Двадцатое декабря прошлого года — дальше что?

— Вы помните, что это был за день?

Гермиона и Рон дружно покачали головами. Гарри нетерпеливо притопнул ногой.

— Ну же! Помните, в конце декабря — после того, как я победил первого Лика, — Гермиона вскинула на Гарри напряжённый взгляд тут же расширившихся от беспокойства глаз. “Первого?” — шевельнулись её губы, — мы искали в Пророке — ну, хоть что-нибудь?

— И? — поторопил его Рон, тогда как Гермиона, уже выхватив газету из рук Гарри торопливо шуршала страницами.

— Последняя страница, — Гарри ткнул пальцем в крошечный некролог с колдографией.

— И кто это? — Рон и Гермиона стукнулись лбами, пытаясь разглядеть под жирным отпечатком пальца лицо грустно вздыхающего худосочного колдуна. — Джейсон Миллард какой-то... Ты его знаешь, Гарри? Кто это?

— Это? — Гарри нахмурился, о чём-то сосредоточенно размышляя. — Этот тот самый, за кем я летом провалился в гриндевальдовы катакомбы. И тот, кто натравил на меня Лика Страха. Конечно. Как же я раньше не подумал. Идите, я вас догоню, — он махнул друзьям рукой и решительно направился в сторону Запретного Леса.

— Гарри, куда ты? — разъезжаясь на песке, Гермиона вскарабкалась по склону и встревожено вцепилась ему в рукав.

— Я к Хагриду. Если бы я не был таким идиотом, мы бы давно уже всё разузнали, — он здорово злился на себя.

Всё в твоих руках...

— Гарри, я с тобой! — она натолкнулась на его строгий взгляд и отчаянно затеребила рукав. — Но, Гарри!..

— Я же сказал, что приду к ужину.

— Дай слово, что ты...

— Я даю слово, что только схожу к Хагриду и вернусь.

— Но почему мы не можем пойти с тобой? — поинтересовался подоспевший Рон.

— Потому что Хагрид даже со мной говорит на эти темы с трудом. Не думаю, что большая аудитория сподвигнет его на откровения, — начиная раздражаться, возразил Гарри. — Ну, я могу идти? А то, и правда, не успею вернуться к ужину.

Гермиона покорно отпустила рукав, и юноша тут же торопливо зашагал в сторону далёкой избушки лесничего, в окне которой теплился огонёк. Позади раздался шумный всплеск: гигантский кальмар зацепил сизым щупальцем лодку и уволок игрушку в тёмные глубины.

— Достанется нам теперь... — озадачено почесал затылок Рон.

Гермиона промолчала.

Что с ним случилось? Куда он?

Она смотрела вслед Гарри с ощущением, будто он уходил навсегда.

* * *

Земля опрокинулась в небо, на дальних подступах которого кипели белые облака. С утра пробежал по траве незванный лёгкий морозец и оставил за собою след — белый хрустящий иней. Они молча шагали по чёрствой траве, оставляя цепочку следов. Вспыхнув на бронзе сосновых стволов, в лес брызнуло солнце, наполнив его весенним трепетом; редкая ещё листва засияла на фоне божественного голубого неба. Гарри поёжился и засунул поглубже в карманы стылые кулаки. Кончик носа Гермионы покраснел, она мучительно зевала, несмотря на пробирающий её до самых костей холодок. Если честно, Гарри вообще не хотел брать её с собой, памятуя о бесстыжих озорных глазах сатира, но Гермиона заявила, что ляжет поперёк двери в гриффиндорскую гостиную и никуда его одного непустит, так что ему пришлось сдаться (хотя всё решил не столько её умоляющий взгляд, сколько осознание того, что, *возможно... возможно...* Гарри решил не додумывать это до конца — перед мысленным взором мелькнул Сириус, кандалы, судья в почему-то напудренном и завитом белоснежном парике... разноцветные разрывы заклинаний...). Хорошо ещё, хоть Рона удалось уговорить остаться в замке и, если что, прикрыть их исчезновение от особенно любознательных и любопытных.

Следуя указанным Хагридом приметам, Гарри и Гермиона шли вглубь леса, изрезанного едва заметными тропинками. Под ногами лежал земляной пол, ничем не покрытый — гладкий, будто подметённый, на котором даже трава не росла. Только что вставшее солнце бросило под ноги полупрозрачную, кружевную тень деревьев. Тепло воскресало после своей студёной ночной смерти, и в его струях дрожало весеннее марево. Над спящим снопом белого солнечного огня взлетела первая ошалевшая бабочка. От густого запаха набухших почек, молодой листвы, земли и влажного дерева кружилась голова — наверное, потому-то Гарри в какой-то момент отвлёкся, сам не заметив, как заблудился.

— Стой, — скомандовал он, замерев и тревожно оглядываясь по сторонам. Дикие осы точили жала о сухую кору дерева. Высоко в ветвях заходились в любовном экстазе невидимые птицы. — Раздевайся.

Гермиона оторопела.

— К-как? Прямо здесь?

— Здесь, здесь, — торопливо кивнул Гарри, стаскивая с себя куртку. Она залилась

краской до корней волос и неуверенно взялась за молнию на тёплойкофте. — Ну, — же — у нас мало времени, — он дёрнул её бегунок вниз, потянул кофту с плеч. Гермiona глубоко вздохнула и зажмурилась. Ничего не произошло — она слышала только шорох и какую-то возню. — Держи, — что-то мягкое ткнулось ей в руки.

Она с некоторым удивлением и разочарованием открыла глаза: Гарри совал ей её же одежду, только вывернутую наизнанку. Швы на его куртке тоже торчали наружу.

— Это что? — тупо спросила она, не в силах взять в толк, что происходит.

— Хагрид сказал, если заблудимся, надо вывернуть куртки наизнанку, — похоже, Гарри даже не заметил её смятаения. — Тогда *они* нас отпустят, и мы снова найдём дорогу.

— О... а... — Гермiona была готова провалиться сквозь землю. Впервые в жизни ей не захотелось расширить свои познания, выяснив у Гарри, кто такие эти таинственные “они”. — Ага, понятно, — она сунула руки в рукава и, съёжившись от мучительного стыда, заторопилась вслед за юношей, уже шагавшим прочь. Они перешли через ручей по стволу упавшего и перекинувшегося с берега на берег старого дерева, и сразу за тем местом начался крутой каменистый яр, по неровной сколотой стенке которого сползала водяная плёнка — где-то наверху бил из подземной скалы живой родничок. Гарри подал ей руку — мозолистую, широкую — её собственная узкая ладошка утонула в ней (*Когда он успел так вырасти?* — оторопело подумала Гермiona, буквально взлетая вверх и слыша, как с тихим шорохом камушки заторопились по склону и забулькали в студёной воде). Вытянув девушку наверх, Гарри не отступил в сторону, давая дорогу, а прижал её к своей груди и уткнулся в прохладные, как и это свежее утро, волосы.

— Гарри... — от его куртки пахло ветром, теплом и какой-то взрослостью. А может, именно так — чуть кисловато, с горчинкой — пахнет боль и печаль, переполнявшие его последние недели? Он молчал. Высвободившись, Гермiona потянулась к нему, но, перехватив её руки на полдороги, он уткнулся в ладони лбом. — Гарри, что?

— Нет, ничего, — пряча глаза, он отстранился и потянул её за собой, дальше в лес. — Просто... просто мне захотелось... — и, не договорив, выпустил её руку и пошёл вперёд. Храня в себе его запах, его прикосновение, она смотрела вслед — высокий худой юноша — чуть сутулый, как все, кто резко вырос за короткий промежуток времени, — в куртке, вывернутой клетчатой подкладкой наружу, углублялся в лес, отводя с дороги подёрнутые салатовой дымкой ветви... Негромко хрустнул под ногой сучок, ветка почти бесшумно опустилась за его спиной, скрывая из виду. Схватившись, она побежала следом и, выскочив из-за разлапистой ели, едва не снесла его с ног. Присев на корточки, Гарри напряжённо всматривался во что-то, лежащее по ту сторону густых кустов и кучи валежника. Судя по его открытому рту и вытаращенным глазам, там находилось нечто экстраординарное.

— Гарри?..

Он молча прижал палец к губам и, покраснев и спрятав взгляд, пододвинулся, уступая ей место. Едва Гермiona, раздвинув ветви, бросила взгляд *туда*, как немедленно утратила дар речи. Впрочем, почти сразу же его обрела, чтобы возмущённо прошипеть:

— Ага, значит, именно *сюда* ты и собирался отправиться один, да?! Очень мило!

— Но я... — протестующе булькнул Гарри, — но Хагрид... я не знал... что тут...

— Подсматриваем? — пропел нежный голос у них прямо за спиной, заставив подскочить от неожиданности. Потеряв равновесие, Гарри плюхнулся на землю, в упор уставясь на новоприбывшую. А посмотреть было на что, о чём свидетельствовал и его ошалевший вид, и перекосившееся от негодования и возмущения лицо Гермiony. Перевитые травой и водорослями светлые волосы, спадающие почти до пояса, бес-

стыже сияющие огромные — в поллица — глаза, чувственные губы сердечком и... почти полное отсутствие одежды, в чём Гарри убедился, дважды окинув недоверчивым взглядом с головы до ног стоящую над ним юную деву (нельзя же считать одеждой какое-то мокрое сено, небрежно обмотанное вокруг бёдер, верно?). Это доставило той несказанное удовольствие. Гермиону передёрнуло. — Какой хорошенький, просто обнять и плакать... — она качнула бёдрами и, приподняв руки, поправила на волосах венок из речной травы, от чего её пышная грудь, до обидного гармонично сочетающаяся с тонкой талией, тяжело колыхнулась. Гарри с благоговейным ужасом уставился на эту впечатляющую картину, не к месту подумав, что понадобится не один холодный душ, чтобы выбросить *это* из памяти. — Эй, малыш, ты что — онемел? — она сделала попытку приблизиться, губы изогнулись в плотоядной манящей улыбке, а белоснежная рука с длинными зелёными ногтями потянулась к Гарри, чтобы помочь ему подняться с земли. Но Гермiona разъярённой фурией метнулась и встала на пути коварной незнакомки. Нимфа окинула закутанную в вывернутую наизнанку вязаную кофту девушку недоумённо-равнодушным взглядом и снова с аппетитом воззрилась на Гарри.

— Ах ты, лягушка бесстыжая! А ну, кыш! — покраснев от гнева, Гермiona топнула ногой и сжала кулаки, готовясь стоять насмерть.

Нимфа мягко рассмеялась, запрокинув голову. Сквозь светлое золото её волос на грудь пролился солнечный водопад. Гарри почувствовал, как рот сам собой открывается, да и тело тоже весьма и весьма заинтересовалось.

— А ты перестань таращиться! — Гермiona — и откуда только силы взялись! — рывком поставила юношу на ноги и развернула спиной к незакомплексованной обитательнице Запретного Леса. Правда, теперь перед его глазами оказалась то, за чем они с Гермioniой только что следили сквозь кусты. А именно Диофан, спрятавший глаза за морщинистыми веками, из-за которых, как из засады, он наблюдал за журчанием лесной речки и купающимися в ней двумя нимфами, одежда на которых отсутствовала — так же, как и на их товарке. Над плеском воды и приглушённым смехом лился негромкий заунывный напев, который сатир извлекал из своей тростниковой свирели.

Неожиданно стоящая перед Гермioniой нимфа вложила два пальца в рот и оглушительно, по-разбойничьи, свистнула — так, что у ребят зазвенело в ушах. Кусты и деревья послушно расступились, расчищая ей дорогу до самой реки. Вызывающе покачивая бёдрами, нимфа оттолкнула с пути Гермioniу и продефилировала мимо Гарри, будто невзначай коснувшись его ладонью пониже спины, отчего целомудренный гриффиндорец сдавленно пискнул и шарахнулся в сторону, словно его огрели раскалённой сковородкой. Подняв сноп брызг, она вбежала в воду и под повисшей в воздухе радугой тут же зашушукалась со своими подружками, бесцеремонно тыча пальцем то в Гарри, то в Гермioniу. Те взорвались звонким, напоминающим серебряный водопад, смехом.

Музыка смолкла: оторвавшись от свирели, сатир с интересом рассматривал гостей.

— Ну, здравствуй, Гарри Поттер, — произнёс Диофан знакомым Гарри шершавым голосом, от которого у Гермioniы почему-то тут же засосало под ложечкой, а колени ослабли. — Я знал, что, рано или поздно, ты придёшь. А кто это с тобой? Что за юное невинное создание? — он метнул в Гермioniу такой взгляд, что Гарри тут же позабыл про трёх красоток, призывно помахивающих ему из ручья, и набычился.

Говорил же Хагрид, надо идти одному...

— Это?.. Это моя... моя девушка.

— Девушка — это хорошо, — задумчиво отметил сатир, почесав мохнатую грудь. —

А имя у твоей девушки есть?

— Меня зовут Грейнджер. Гермiona Грейнджер, — почему-то покраснев, представилась Гермiona дрожащим голосом, не в силах оторвать глаз от покрытых короткими рыжими волосками пальцев сатира, меланхолично поглаживающих гладкий бок свирели.

— Очень приятно, — улыбка застряла у сатира в бороде, когда, поднявшись, он напрямик направился к ней, намереваясь... Гарри не стал дожидаться исполнения этих самых намерений: как парой минут раньше Гермiona не пустила к нему светловолосую Лиэ, так и он теперь встал на дороге Диофана, насильно схватил его жёсткую руку и тряхнул её в приветственном рукопожатии.

— И ей тоже. Я пришёл по делу.

Сатир осторожно высвободил свою руку, задумчиво изучил её и, на всякий случай, вытер об остатки штанов, едва прикрывающие чресла.

— Дело — это тоже хорошо... Хотя девушка всё же лучше, — подмигнув Гермione, Диофан вернулся на свой пенёк и махнул флейтой — из кучи валежника выползла не очень трухлявая коряга, подкатилась к ногам гриффиндорцев и замерла. — Присаживайтесь. Гиппогрифовой настойки? — гостеприимно предложил он, шаря рукой во мхе за пнём. Гарри и Гермiona синхронно замотали головами. — Не пьёте с утра? Это правильно, это верно... — он с видимым разочарованием вздохнул и почесал лоб промеж витых рожек, на одном из которых игриво болтался веночек из первоцветов.

Со стороны реки донёсся шумный всплеск, Гарри окатило брызгами. Юноша вздрогнул и машинально обернулся: рыжеволосая нимфа подобралась к самому берегу и, растянувшись на отмели, болтала ногами. Пятки у неё были розовыми. Всё остальное — тоже. Над гладким телом прошмыгнула стайка рыбок. Встретившись взглядом с Гарри, она поманила его, ослепив вспышкой красовавшегося на указательном пальце крупного перстня. В этот момент чьи-то строгие руки взяли увлечёвшегося созерцанием Гарри за виски и снова развернули лицом к сатиру.

— Ну в самом же деле! — Гермiona сердито сдвинула брови.

Гарри попытался собраться с мыслями, но перед глазами стояли три обнажённые нимфы (вернее, стояли две, одна лежала), чей буравящий спину взгляд он чувствовал даже сейчас. Со стороны реки донёсся смех, и Гарри снова окатило водой.

— Миа, цыц! — сатир погрозил коротким пальцем рыжеволосой резвунье.

— А ты меня накажи, — пропела она и, дразнясь, брызнула водой в Диофана.

— На женщину поднять копыто? Никогда! — рыжие в озорную искорку глаза сатира прищурились и снова скользнули к Гермione. Она почувствовала, что краснеет.

— Я хотел поблагодарить тебя, Диофан, за помощь с Ликами Страха — мне... нам удалось справиться с ними. Я принёс тебе... вот, — Гарри суетливо покопался в кармане и вытащил оттуда складной нож, купленный вчера у Фреда с Джорджем. Те клялись, что никаких чар на него не наложено²⁶.

Диофан с довольным блеющим смешком схватил нож, раскрыл его и, отполировав лезвие на своей шерстистой руке, проверил пальцем остроту. Судя по улыбке, прорезавшей его рыжую бороду, остался доволен. Гарри перевёл дух и перешёл к самому главному.

— Я хотел ещё узнать у тебя... Про Заклятья, что накладывал Гриндевальд...

Улыбка растворилась, сатир заинтересованно приподнял бровь и окинул Гарри полным профессионального интереса взглядом.

— Так-так, я весь внимание... — он извлёк из заднего кармана остатки штанов кривую трубочку и сплетённый из вишнёвой коры кiset. Пожелтевшими пальцами с острыми ногтями тщательно утрамбовал табак и прикурил от вспыхнувшего на у-

казательном пальце огонька.

— Я хотел бы узнать про Заклятья Подвластья. Про Заклятье Покорного Сердца, — подрагивающим от волнения голосом произнёс Гарри.

Сатир поперхнулся и зашёлся хриплым кашлем.

— Значит, Хагрид всё же рассказал... — он покачал головой и задумчиво почесался копытом. Гермиона только сейчас заметила, что ноги у него выгнуты коленками назад. Ей стало не по себе. — Так-так... Может, всё-таки гиппогрифовой настойки? — ещё раз с надеждой предложил он и посмурнел, снова получив категорический отказ.

— А ты нам, нам налей, — донёсся грудной и мягкий голос третьей нимфы.

— Вам... — сварливо буркнул сатир, заелозив на пне. — Только продукт переводить... Ну, что надо-то, говори, не тяни, Гарри!

— Фи, рогатенький, так ты ещё и жадина... — разочарованно протянула нимфа. Бесшумно выскользнув из воды, она вдоль кустов прокралась к Диофану, дёрнула его сквозь штаны за хвост и тут же с хохотом метнулась в речку, ловко увернувшись от карающей длани.

— Опять за старое... — беззлобно вздохнул тот и снова пытливо воззрился на гостей.

Гарри не понравился этот пристальный, будто ощупывающий взгляд. Правда, взгляд, направленный на притулившуюся рядом Гермиону, понравился ему ещё меньше.

— Как можно узнать того, кто под Заклятьем? И... как можно уничтожить колдовство... — неуверенно произнёс юноша. — Хагрид сказал, что твои... твои родственники, — быстрый взгляд, мгновение назад смеющийся, а теперь резкий и острый, заставил Гарри умолкнуть.

Сатир молчал, с наслаждением выпуская вонючий дым из носа и ушей и по-прежнему меланхолично созерцая нимф, затеявших в воде какую-то непристойную разновидность салочек. Гермиона закашлялась, глотнув зеленовато-жёлтого дымка. Пауза затягивалась. За спиной ребят плескались, хихикали и перешёптывались нимфы; периодически до Гарри доносились обрывки фраз, заставлявшие его отчаянно краснеть: ещё никто и никогда не оценивал его с *такой* точки зрения. Сидящая рядом Гермиона, скрипя зубами, судорожно выдёргивала нитки, распуская рукав своей кофты.

— Ты продолжай, продолжай, — сатир благостно прищурился и подставил физиономию лучам уже высоко поднявшегося солнца.

— Всё...

— Как всё? А как насчёт самого главного? Что же я с этого буду иметь?

Гарри торопливо вытащил из сумки большой свёрток. Быстрыми внимательными пальцами сатир перетряхнул его — пара старых штанов, любимая, хотя уже потерявшая всякий вид футболка Рона, потёртый ремень Невилла (после назначения на пост старосты бедный Лонгботтом исхудал так, что едва ли не еженедельно прокалывал в ремне новую дырку, пока, наконец, не купил заколдованный ремень, всегда оказывающийся впору своему владельцу), две мантии Дина Томаса, из которых тот вырос, не успев даже надеть, битый молью свитер Ли Джордана с гриффиндорским львом на груди (разумеется, от миссис Уизли)... — собирая вчера подарки для Диофана, Гарри и Рон довели до экстаза всех гриффиндорцев. Фред с Джорджем даже заподозрили, что младший брат решил внести посильный вклад в семейный бюджет, занявшись промыслом старьевщика. Потом они весь вечер изводили Рона: едва тот попадался им на глаза, близнецы сразу заводили нудными голосами: “Пакупаем барахло...” Штаны Диофан немедленно натянул на себя, резво скинув истлевшие обноски (Гермиона отчаянно зажмурилась), мантию набросил на покрытые

рыжими кучеряшками плечи, а остальное упаковал, как в мешок, в рыжую футболку с надписью “Пушки Педдл”. И воззрился на Гарри всё тем же выжидательным взглядом.

— Ну?

— У меня больше ничего нет... — опешил Гарри.

— Как насчёт того складного ножа? — сатир приподнял правую бровь.

Гарри насупился и покачал головой:

— Я же говорил: это подарок крёстного. Который... — сам не зная зачем, добавил он, — сейчас в тюрьме и совсем скоро предстанет перед судом...

Длинноносое лицо Диофана не выразило ни малейшего сожаления.

— А мантия-невидимка? — деловито продолжил он, демонстрируя прекрасную память.

— Это подарок отца, — в голосе Гарри зазвучал металл. — Совершенно исключено. Что угодно другое — пожалуйста. Только не это.

— Что угодно? — приподнял рыжую бровь сатир.

— Что угодно.

— Тогда дай мне поцеловать твою подружку.

Гарри вскочил так резко, что коряга, на которой они с Гермионой сидели, кувыркнулась, и девушка шлёпнулась на землю, вызвав взрыв радостного смеха у купальщиц.

— Я тебе сейчас рога-то поотшибаю... — он вытащил палочку.

— Не хочешь — не надо, — спокойно развёл руками Диофан, демонстративно отворачиваясь. — На нет и суда нет...

Гарри подал руку Гермионе и помог ей подняться. Она растерянно топталась на месте, хлопая глазами и поёживаясь под игривым взглядом весёлого обитателя Запретного Леса. Сатир незаметно подмигнул.

— Эй, малы-ыш... — третья нимфа, выйдя по пояс из воды, поманила Гарри к себе. — А нам ты подарков принёс? Мы ведь тоже кое-что знаем... — она повела плечами, зародив в Гермионе подозрение, что такого рода знаниями вряд ли стоит делиться с Гарри.

— Я? Да, конечно!.. Вот... — старясь смотреть не прямо на неё, а чуть в сторону, Гарри сделал несколько неосмотрительных шагов к воде и протянул взмокшую от волнения и смущения ладонь, на которой поблёскивали незатейливые украшения. И, разумеется, был тут же схвачен — не успела Гермиона и глазом моргнуть, как три развесёлые красавицы вовсю щипали и теребили ошалевшего юношу, расстёгивая на нём рубашку, ероша волосы, брызгаясь, щекоча и хихикая.

— Какого чёр... ай! Пустите! Я щекотки... ха-ха-ха! Отпустите! Нет, только не это! Ай! Ой! Не на... ПОМОГИТЕ!!!

— А ну, кикиморы, отстаньте от него! — Гермиона выхватила из рукава палочку и нацелилась на ближайшую охальницу. — *Stupe...*

— Эй, девочки, — дробным смешком рассыпался стоящий позади Диофан, снова раскуривая свою трубочку, — на вашем месте я бы не стал с ней спорить...

Что-то недовольно бурча себе под нос, нимфы неохотно выпустили Гарри, и он — мокрый, замёрзший и расхристанный — пулей вылетел на берег, торопливо застёгивая ремень.

— Ох, недотрога... А какой он мя-ягонький, сла-авненький... Прямо воробышек... — мечтательно пропела третья нимфа, застегнула на шее цепочку и, сунув кулончик в рот — чтобы не потерять — нырнула, подняв столб брызг.

— Пошли отсюда, — Гермиона схватила дрожащего Гарри за руку и поволокла его обратно в Лес. — Быстрее! *Calefacio!* — с её палочки потёк тёплый воздух, и одеж-

да на Гарри начала высыхать на глазах. Он судорожно вцепился в рубашку и принялся засовывать её обратно в штаны.

— Э, нет... — с лица сатира исчезла улыбка. — Это не так-то просто...

— Что значит — непросто?

Гарри и Гермиона замерли. Их руки сами собой потянулись за волшебными палочками.

— Отсюда нельзя уйти просто так... Лес не отпустит вас. Прежде ты должен выполнить моё или их желание... — сатир кивнул в сторону выстроившихся на мелководье нимф, чьи глаза снова плотоядно засияли.

— Могу себе представить... — упавшим голосом пробормотал Гарри.

— ...и я предлагаю тебе на выбор: или я поцелую твою подружку или ты укротишь её, — сатир кивнул в сторону качающегося неподалёку тростника.

— Что значит “укротишь её”?! — возмущённо воскликнула первая нимфа — Лиэ, откидывая с лица длинные мокрые волосы. — Мы вовсе не этого хотим! — она топнула ногой, и брызги засверкали тысячью крохотных солнц.

— Не этого, не этого! — закивали две другие.

— Знаю я, чего вы хотите, бесстыдницы, — хмыкнул сатир. — Ужо я вас...

— Ой, боюсь-боюсь-боюсь, — игриво тряхнула огненно-рыжей головой Миа и перстнем пустила солнечный зайчик сатиру прямо в глаз.

— Кого “её”? — не обращая внимания на их перепалку, спросил Гарри. Гермиона заметила, как он весь подобрался и напрягся, будто перед особенно ответственной игрой. И тут она увидела её — лошадь с гривой из тростника и острыми костями, то там, то здесь выпирающими из тела.

— Келпи! — вырвался у девушки отчаянный вздох.

— Точно, — кивнул сатир. — Накинешь на неё уздечку — пойдёшь своей дорогой.

А нет...

Гарри кивнул и протянул руку за уздечкой.

* * *

Гарри сидел на уголке больничной кровати в лазарете, мадам Помфри колдовала над ним, укоризненно качая головой и цокая языком.

— Мистер Поттер, ну когда, когда прекратится это безобразие? Я не спрашиваю, почему вы не на уроках — следить за вашей успеваемостью не входит в мою компетенцию, но, скажите на милость, на кого вы сейчас похожи? Ради Мерлина — откуда у вас на боку синяк, в котором даже невооружённым глазом отчётливо виден отпечаток копыта? У вас что — произошла очередная стычка с мистером Малфоем? Но, насколько я помню, — она призвала из шкафа свинцовые примочки и занялась кровоподтеками и ещё кровоточащими ссадинами на спине Гарри, — мистер Малфой у нас, как ни странно, пока ещё ни рогами, ни копытами не обзавёлся. Или мне стоит подготовиться к сюрпризу?

— Это не Малфой, — пробурчал Гарри и завозился. Крахмальные простыни под ним морозно захрустели. — Это я с лестницы упал.

— Ну, естественно, — вздохнула мадам Помфри и тряхнула седыми кудельками, выбивающимися из-под белоснежной наколочки, — у вас, гриффиндорцев, на всё одно объяснение. Могли бы хоть раз сочинить что-нибудь новое. Дайте-ка, я ещё раз взгляну на вашу руку... Отлично. Всё уже срослось. Вот, возьмите порошок, его нужно принять перед ужином. Кстати, а почему мисс Грейнджер, — мадам Помфри повысила голос, и Гермиона, замершая в коридоре под дверями лазарета, вздрогнула, — не оказала вам первую помощь? Кое с чем она вполне бы справилась сама.

Гарри вспомнил трясущиеся руки и закушенные губы Гермионы и вздохнул:

— Она... она забыла.

— Забыла?! Так-так, думаю, мне стоит взглянуть и на неё — если уж мисс Грейнджер начала забывать такие пустяки, то...

— Нет-нет, с ней всё в порядке, — мысленно кляня себя за идиотизм, тут же исправился Гарри, — понимаете — переутомление... И всё такое...

Мадам Помфри окинула его пронизательным взглядом и, пошарив в карманах, вытащила пригоршню порошков.

— Держите. Принимать надо на ночь — думаю, это пойдёт на пользу не только мисс Грейнджер, но и другим вашим сокурсникам. Эти учебные планы — просто издевательство над неокрепшими организмами!

Гермиона ждала Гарри в коридоре. Окинув тревожным взглядом его лицо и руку, она облегчённо улыбнулась:

— Ну, снова целый?

Он повернулся лицом к свету, льющемуся через высокое, забранное решёткой окно. От изрядного кровоподтёка, красовавшегося на правой скуле ещё пару часов назад, не осталось и следа, пальцы на левой руке снова шевелились, а синяки пропали — вместе с болью и ломотой во всём теле²⁷.

Они с Гермионой молча уставились друг на друга. Каждый знал, о чём думает другой, но разговор начать боялся.

— Ну? — наконец спросил Гарри.

— Ну?..

— Что делать будем?

— Сначала пойдём в библиотеку... Гарри, не надо на меня ТАК смотреть!

— Но Диофан сказал, что кентавры знают наверняка...

— Во-первых, не все кентавры, а Норт. Которого ещё надо найти. И потом — сегодня нам не хватало только чокнутых кентавров! — у Гермионы до сих пор мороз пробегал по коже, когда она вспоминала, как взбрыкивало и взвивалось, небезуспешно пытаясь сбросить упрямого и отчаянного, хотя и неумелого, седока, дикое необъезженное животное, о котором “Волшебные твари” сообщали, что оно *“сильно, как несколько лошадей”*.

— Да не чокнутый он! — судя по усталому тону, Гарри повторял это уже не в первый раз. — Просто сатиры издавна с кентаврами не в ладах — Диофан об этом ещё в прошлый раз упоминал. Вот и наговаривают друг на друга невесть что...

— Ну, хорошо, пусть он нормальный, но, в любом случае, придётся вернуться в - Запретный Лес, а я сегодня к этому не готова...

— А ты и не пойдёшь. Известно же, что кентавры не жалуют людей вообще, а уж - девушек... Для тебя это может оказаться попросту опасно.

Гермиона пробурчала что-то типа “езде этот сексизм”, но Гарри продолжил, не обращая внимания:

— ...и вообще — мне хватило того, как Диофан тебя глазами ел.

— Уж не больше, чем тебя — те три развратницы, — хмуро парировала Гермиона, вскидывая голову.

Гарри снова покраснел. Воспоминания о нимфах вызывали у него странные, весьма неоднозначные чувства.

— Кстати, на поиски Норта я теперь могу отправиться верхом, так что, надеюсь, много времени это не займёт, — он вытащил из кармана кожаную уздечку, при виде которой у Гермионы снова зашло сердце.

— Ох, Гарри, — она остановилась и ткнула ему носом в плечо, — честное слово, в жизни ничего страшнее не видала... Нет, наверное, когда ты воевал с драконихой, было всё-таки страшнее, — тут же поправились она, — но всё равно...

Он промолчал, размышляя о том, что по сравнению с тем, что он пережил после

третьего задания и видениями, что совсем недавно преследовали его по ночам, первый этап Тремудрого Турнира выглядит весёлой дружеской вознёй.

— Я вот думаю, как нам найти того, кто под Заклятьем... Примета, конечно, точная, но не станешь же раздевать всех подряд, чтобы выяснить, есть ли у них метка на груди...

— Не сомневаюсь, ты бы с удовольствием взял на себя женскую половину Хогвартса, — не удержалась от язвительного замечания Гермиона, со скрытой завистью вспоминая впечатляющие бюсты нимф и оцепенелый вид Гарри, оказавшегося с оными бюстами в непосредственной, можно даже сказать — в опасной, — близости. — Ты ведь у нас теперь специалист...

Гарри остановился, как вкопанный.

— Ты ревнуешь! — рассмеялся он и попытался взять её за руку.

— Вот ещё! Стану я тратить время на такие глупости! — Гермиона выдернула руку и сделала самое независимое выражение лица.

— Не-ет, — довольно протянул Гарри, разворачивая её к себе. В его голосе зазвучали триумфальные нотки, — ты ревнуешь!

— Ничего подобного! Мне просто противно вспоминать, какими глазами ты таращился на этих м-м-м... — окончание фразы потонуло в поцелуе и объятии, больше похожем на членовредительство.

Минут через пять Гарри с трудом заставил себя от неё оторваться

— Может... пойдём туда? — задышавшись, умоляюще пробормотал он, мотнув головой в сторону неплотно прикрытой двери дальше по коридору. — Там... наверно... хорошо...

— Там же... темно, — с трудом соображая, откликнулась Гермиона и, пользуясь случаем, застегнула молнию на кофте, которую Гарри ухитрился незаметно расстегнуть.

— Что мы там — читать, что ли, собираемся?

Крохотная тёмная комнатка приняла их в свои негостеприимные объятия лишь на миг: то, к чему Гарри, едва войдя внутрь, прижал Гермиону спиной, неожиданно оказалось до ужаса непрочным и тут же подалось назад, — девушка оступилась, покачнувшись; взмахнув руками в воздухе, уцепилась за ближайшую то ли полку, то ли этажерку... всё загрохотало, рухнуло, послышался дикий звон бьющегося стекла... Какая-то тяжёлая штука ударила Гарри по затылку и рассекла кожу... Из глаз брызнули зелёные искры, он взвыл, схватившись за голову, — что-то липкое и тёплое. Кровь. Прикрывая второй рукой Гермиону и толкая её вперёд, он рванул к обратно двери, всё сшибая и по пути зацепившись за что-то ногой. К хрусту осколков присоединился очередной взрыв бьющегося стекла и рушащихся на пол стеллажей.

— Что на этот раз, мисс Грейнджер? — с плохо скрываемым сарказмом поинтересовалась мадам Помфри, осторожно изучая разбитый затылок Гарри. — Мистера Поттера я уже не спрашиваю — догадываюсь, что он мне ответит.

— Он... — растерянно захлопала глазами Гермиона и тут же нашлась, — он с лестницы упал...

Гарри прыснул. Палочка выпала у фельдшерицы из рук.

* * *

— Ну, наконец-то! — ликующе прошептал Рон, едва Гарри и Гермиона заняли свои места за гриффиндорским столом — как всегда, чуть в стороне от остальных. За день он весь извёлся от любопытства: хоть на послеобеденных уроках друзья уже сидели рядом, но и Снейп, и Флитвик, словно сговорившись, устроили предварительные тесты к С.О.В. на Зельях с Заклинаниями, а во время перемен в коридорах толпились студенты. Рядом вечно кто-то крутился, так что секретничать на подобные

темы было просто опасно. — Давайте же, рассказывайте!

— Тебе прямо нестерпимо, — шаря глазами по тарелкам и блюдам, шёпотом откликнулась Гермиона, которой, впрочем, не терпелось поделиться новостями с Роном так же, как и тому — их услышать. — В двух словах: мы выяснили, как узнать человека под Заклятьем. Но понятия не имеем, как его найти. В смысле — чисто технически. И абсолютно не представляем, как снять Заклятье. Но знаем, кто нам в этом поможет... — она остановилась на ростбифе и, вооружившись вилок и ножом, начала уничтожать его с пугающей скоростью.

— И это всё?! — возмутился Рон так громко, что вздрогнули не только гриффиндорцы, но и сидящие за соседним столом слизеринцы.

— Ты что орёшь, как иерихонская труба? — сквозь зубы прошипел Гарри, косясь по сторонам.

— Э... я так есть хочу, — неестественно громким голосом продолжил, пытаясь вернуться, Рон, — Гермиона, будь добра, передай мне ещё... э-э... корнуэльского пирога.

— Только не тресни, Уизли. А то на мне новая мантия, — донеслось с соседнего стола. — Впрочем, тебе не понять, что это такое... — но друзьям сейчас было не до Малфоя.

— Давай всё подробно, — снова перешёл на шёпот Рон.

— В общем, Диофан сначала ничего не хотел говорить, — начал Гарри. — И отпустить тоже не хотел, устроив испытание. А когда я с ним справился...

— Нет, и это называется подробно! — возмущённым шёпотом перебила Гермиона. — Дай лучше я расскажу!

— Давай, — согласился Гарри, с удовольствием переключаясь на свою тарелку — отсутствие завтрака и обеда (пусть и смягчённое Роном, который припас для друзей целый пакет снэди) давало себя знать: ему казалось, что он способен сейчас проглотить слона. Целиком. Со шкурой. И хоботом.

— Словом, пришли мы в Лес, куда велел Хагрид, — а там оказались голые — нет, ты представляешь, Рон! — *голые* нимфы! Просто ужас!

У Рона глаза полезли на лоб. Поперхнувшись, он возмущённо пихнул Гарри в бок так, что у того вылетела из рук вилка с нацепленным на неё куском моркови, шлёпнувшись аккурат в тарелку Невилла:

— Друг называется! То есть ты хочешь сказать, что с утра пораньше отправился туда, где толпами бегают голые нимфы, а меня — своего лучшего друга! — оставил тут — врать профессору Биннсу, что ты заболел? И кивать головой Трелани, когда она спросила, не при смерти ли ты?! Это что — все развлечения, которых я достоин? Поверь, для меня нимфы оказались бы куда актуальней, чем для Гермионы...

Та от негодования подавилась и закашлялась так, что Гарри пришлось постучать ей по спине.

— Как тебе не стыдно! Фу, Рон! — она сдвинула брови и шлёпнула по столу ладонью, стараясь сделать это как можно бесшумнее. — У тебя только одно на уме! Гормоны-гормоны-гормоны... — она состроила рожу. — Сходи к мадам Помфри, она даст тебе успокоительного, а то ты скоро начнёшь кидаться на всё, что с ногами и при этом не является столом, — юноши фыркнули, и, выдержав трагическую паузу, Гермиона продолжила: — В общем, потом сатир нас не хотел отпускать...

— Не-ет уж, теперь давайте всё подробно, — ехидно перебил её Рон. — Начните с голых нимф.

Гарри покосился на покрасневшую Гермиону, которая замолчала и, судя по виду, находилась на грани взрыва, и улыбнулся.

— Ладно тебе, Рон, хватит... Всё барахло, что мы собрали — весь тюк — Диофан

забрал, а потом потребовал у меня мантию-невидимку, ножик Сириуса или... или поцелуй Гермионы.

Рон чуть слышно присвистнул.

— А копыта отполировать он не просил? Или там рога позолотить? Ему что — нимф мало? Сколько, ты говоришь, их там было?

— Я не говорил, — усмехнулся Гарри, — но, коль на то пошло, то три...

— Три... моё любимое количество, — мечтательно закатил глаза Рон и сделал выразительный жест руками, очертив в воздухе до неприличия пышные формы. — Ага?

— Ну... да, — замявшись и краснея, кивнул Гарри, а Гермиона снова грозно нахмурила брови и поджала губы, став ужасно похожей на профессора Макгонагалл в ранней юности.

— О... мой любимый размер... — с напускным надрывом простонал Рон, одной рукой хватаясь за сердце, а второй утирая несуществующую слезу. Гарри фыркнул и пододвинул к себе большое деревянное блюдо с жареными куриными ножками. Подумав, положил себе две и одну во мгновение ока обглодал.

— Значит так, — не выдержала Гермиона, отпихивая от себя тарелку, — или вы немедленно прекращаете это безобразие, или я ухожу!

— Ладно-ладно, — вмиг посерьёзnel Рон. — И что ты?..

— Я отказался, и мы хотели уйти, но они нас не отпустили, сказав, что мы должны выполнить их желание...

— Их желание?.. О, надеюсь, это было...

— ...и Гарри пришлось укротить келпи, — с нажимом перебила Гермиона, и её зрачки расширились от одного воспоминания. — Рон, ты себе не представляешь...

— Келпи? Это такая лошадеобразная тварь с острыми зубами и травой вместо гривы и хвоста?

— Угу, — с набитым ртом кивнул Гарри, впиваясь зубами во вторую куриную ножку, — шильная, шкотина... — он прожевал и незатейливо закончил: — Пришлось с ней повозиться — я отродясь на лошади не сидел... Но всё получилось. Мне эти... нимфы подсказали...

Рон метнул в друга пристальный взгляд, но тот и не думал рисоваться. Рон почувствовал прилив раздражения, вины и стыда, представив, какую историю раздул бы он сам из героической битвы и укрощения *дикого свирепого животного*... Он даже не сразу услышал слова Гермионы:

— ...сказал, что это, оказывается, была просто проверка, и Гарри выдержал её, не променяв на нужные ему сведения ни память, ни дружбу, ни любовь... И всё-всё нам рассказал: и про то, что находящегося под Заклятием человека можно узнать по особой отметине — тёмному отпечатку на груди, и про кентавров, которые знают, как...

— Гарри, что-то тебя не было видно на обеде, — Джордж, направляясь к выходу из Большого Зала, походя хлопнул Гарри по плечу.

— Я... заболел, — невнятно пробурчал тот, склоняясь над тарелкой, словно собираясь спрятаться под неё.

— Гермионе, похоже, тоже нездоровилось, — выглянул из-за плеча Джорджа Фред.

— И сдаётся мне, — подхватил Ли Джордан, быстрым движением вытащив из волос Гермионы застрявшую веточку, а из взлохмаченной шевелюры Гарри — сухую травинку, — что хворали вы в одном и том же стогу...

Гарри и Гермиона покраснели. Гарри укрылся за салфеткой, старательно оттираясь от куриного жира. Звонкие голоса близнецов и их приятеля привлекли к троице всеобщее внимание — пробежали смешки, шепотки, Лавендер и Парвати тут же

о чём-то застрекотали, хихикая и косясь на Гермиону (после отставки бывшей старосте пришлось вернуться в общую спальню пятикурсниц, где они регулярно устраивали ей допросы с пристрастием на самые интимные темы, превращая вечера в - сущую пытку).

Внезапно под сводами Большого Зала раздался шум крыльев, и студенты недоумённо закрутили головами: почта? Но почему? Газеты прилетают утром, а письма — распечатанные, замусоленные, с отпечатками грязных пальцев и кругами от чая и кофе — студентам собственноручно вручал Филч. Причём с большим опозданием и далеко не всем: так, ни Рон, ни Гермиона, ни, ясное дело, Гарри, за почти три месяца второго семестра не получили ни единой весточки из-за стен Хогвартса. И тем не менее — именно совы с газетами в клювах опускались разве что не в тарелки, смахивая со столов вилки, ложки и стаканы. Сипуха плюхнулась рядом с Гарри, бросила Гермионе газету и протянула лапу с кошельком, куда девушка незамедлительно сунула монетку.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она, разворачивая свёрнутый рулоном Пророк. — Что произошло? Почему вечером? Разве утром почты не было?

Но набранная крупными буквами шапка всё объяснила. Вилка выпала из руки Гарри. Следом на пол полетела и тарелка — побледнев, как смерть, он сорвался с места и с хриплым то ли рычанием, то ли рыданием выбежал из зала. Взгляды всех присутствующих — взволнованные, сочувствующие, злорадные и равнодушные — проводили его до дверей.

— Я за ним, — вскочил Рон.

Гермиона снова взглянула на заголовок. По спине пробежали мурашки, она почувствовала, что волосы на затылке встают дыбом: “Экстренный выпуск! Расследование по делу Блэка закончено! Уже завтра мы услышим приговор!”

— Как завтра?.. — выдохнула она. — Почему завтра?

* * *

Гермиона обегала всю гриффиндорскую башню и уже трижды заглядывала в спальню пятикурсников, но ни Гарри, ни Рон после ужина там так и не появились. Дин и Симус предложили ей не дёргаться и подождать. Едва опустившись на кровать Гарри и почувствовав его запах — такой знакомый, такой родной; едва прикоснувшись к его подушке, едва увидев торчащий из-под одеяла уголок его пижамы, она поняла, что не может просто сидеть, сложа руки, — ей было необходимо действовать. Или хотя бы двигаться. Она вскочила, спустилась в гостиную, потом опять заглянула к себе, в пятый раз спросив у Лавендер и Парвати, не приходил ли Гарри. Те закатили глаза, в пятый раз ответили, что нет, и вернулись к вечернему туалету.

— Вот ведь как приспичило, — услышала Гермиона, уже закрывая дверь.

Курицы безмозглые.

Она побежала к выходу из гриффиндорской башни. Полная Леди воззрилась на неё с усталым любопытством.

— Скажите пожалуйста, — переступая на месте от нетерпения, вежливо поинтересовалась Гермиона, с трудом борясь с желанием кричать во весь голос, — вы не видели Рона и Гарри?

— Они недавно вошли, — кивнула Полная Леди. — По-моему, мальчики очень сильно опечалены... То, что сказал мне сэр Николас, — правда? Про завтрашний суд и...

— Не то слово, — не дослушав, Гермиона метнулась обратно, пулей взлетела по лестнице и без стука ввалилась в комнату юношей.

Дин Томас ойкнул и резко прыгнул в кровать, натянув одеяло до самых глаз. Гарри рылся в своём сундуке, Рон, подперев щеку кулаком, мрачно сидел рядом.

— О, Гарри... — Гермиона подбежала и ткнулась ему в плечо, не зная, что сказать,

как выразить своё сочувствие — да и стоит ли его выражать.

Тот поднял на неё глаза — пустые и тёмные:

— Я искал тебя...

— Гарри... — она всхлипнула. — Сириус... — она почувствовала, что он вздрогнул. — Ведь это же...

— Я знаю, — его голос показался ей удивительно далёким и отчуждённым.

— Но что же нам?..

— Так, парни, — Рон поднялся и подошёл к напряжённо взирающим на эту сцену Дину, всё ещё кутающемуся в одеяло, и выглядывающему из-за полога своей кровати Симусу. — Дадим людям поговорить. Пошли отсюда.

— Куда, интересно, я пойду в таком виде? — ядовито поинтересовался Дин Томас. — Ты мне хоть штаны кинь, что ли...

Наконец дверь за ними захлопнулась, и Гарри с Гермионой остались одни. Тихо потрескивал одинокий факел, тускло отражаясь в серебряном боку стоящего на подоконнике кувшина с водой. За приоткрытым окном в томной бархатной весенней ночи, пронзённой яркой одиноко выглядывающей из-за горизонта звездой, задышалась от счастья и любви какая-то птица. Ветерок доносил от Запретного Леса пьянящий аромат свежей листвы и каких-то диковинных трав. Гарри опустил на кровать и машинально начал разглаживать складки на покрывале. Гермиона присела на корточки у его ног, чтобы видеть лицо — усталое, со скорбными складочками между бровей и в уголках губ. Текли, сменяя друг друга, минуты; звёзды брызнули на небо. Из-за верхушек деревьев Запретного Леса робко выглянул раскалённый добела кончик месяца.

Наконец, Гарри заговорил — хрипло, надломлено, словно делая усилие, выдавливая каждое слово:

— Я вырос в пустоте. У меня никогда не было ничего своего — ни родителей, ни дома, ни игрушек, ни друзей — ничего. Сиротство — это как рабство. Только память даёт тебе уверенность — ты знаешь, кто ты и куда идёшь. Или куда не идёшь. А без неё ты словно предоставлен на милость первого встречного... Я так и жил. Пока... Пока не попал сюда, в волшебный мир, пока не узнал правды о своих родителях, пока не встретил тебя, Рона... Сириуса. У меня появился мир — настоящий, *мой* мир — где есть люди, любящие меня, люди, которых я любил и люблю... — он поднял голову и легонько, словно целуя, коснулся губ Гермионы указательным пальцем. — Раньше, совсем ещё недавно, я боялся своего предназначения — волшебный мир... — для меня эти слова мало что значили, но теперь я понимаю: мир — это не безликое “человечество”... нет... Это те, кого я люблю, кто мне дорог. Ты. Рон. Сириус. Я не могу спасти весь мир, но должен спасти тех, без кого не смогу жить... — словно спохватившись, он умолк и через миг продолжил неуверенным голосом: — Ведь как можно думать о какой-то миссии, если не успеваешь помочь даже тем, кого любишь... И вот — слишком поздно... — у неё голова шла кругом: что он такое говорит? Неестественность, какая-то фальшь царапнула ухо, но додумать эту мысль она не успела. — Слишком поздно, — в его голосе звучали странные нотки. — Они всё продумали, сообщили в последний момент. Слишком поздно... Уже завтра... На Пасху...

Она вздрогнула. Что такое? Гарри — её Гарри сдался? Не успела Гермиона осмыслить это, как он рывком поднял её с корточек и прижался головой к груди. Его плечи беззвучно подрагивали, словно он задыхался.

Сколько выпало на его долю... Тут любой бы не выдержал...

— Гарри, любимый...

Закрыв глаза, он вдыхал её запах, напивался её теплом, прислушивался к бие-

нию её сердца, к её дыханию.

Самое счастливое воспоминание...

От звука её голоса он очнулся. Поднял голову. Гермиона увидела пустые глаза, лицо, будто сведённое судорогой: чтобы врать ей — а он никогда не умел этого делать — ему приходилось делать невероятные усилия; но мысль, что одним неверным словом или жестом он может ввергнуть её в смертельную опасность, заставляла, сжав волю в кулак, говорить заведомую неправду. Он наклонил Гермиону к себе, коснулся неподвижными губами щеки, подбородка, губ — сейчас не хватало сил (и совести) даже на поцелуй. Подрагивающая рука погладила её лицо, скользнула вдоль шеи к вороту маечки и, словно обжёгшись, отдёрнулась. Гарри судорожно вздохнул.

— Ляг, — прошептала Гермиона. — Тебе надо поспать.

— Я не могу, — мотнул он головой. — Я не хочу.

— Ляг... Я посижу с тобой...

Нога об ногу он сбросил ботинки и, не раздеваясь, навзничь упал поверх покрывала, уставившись в тёмный свод потолка.

— Постой... — она взяла с кровати Рона переброшенное через спинку лоскутное одеяло и укрыла Гарри до самого подбородка. Он послушно закрыл глаза. Гермиона склонилась и коснулась его губ, те едва шевельнулись в ответ — после сказанной ей лжи он считал, что не имеет права на нежность и ласку. Она положила руку на прохладный лоб, и он весь подался вперёд. Погладила по волосам. Легонько провела пальцем по бровям — густым, шелковистым. Дыхание Гарри стало ровнее, лицо разгладилось. Через пять минут он крепко спал.

Она присела у кровати, уткнувшись лицом в одеяло. Рывания душили её. Собственное бессилие. Ненависть к Малфою. Жалость и сочувствие. Ужас перед тем, что свершится завтра. И — разочарование.

Что же делать?! Как помочь Сириусу?! Как поддержать Гарри?! Как пережить это самой?! ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ???

Горячие слёзы обожгли глаза, она судорожно всхлипнула и, боясь нарушить его сон, на цыпочках попятилась к двери. Сидящий на корточках у стены Рон вскинул голову и сонно заморгал, пытаясь рассмотреть замершую в дверном проёме фигуру. Дин и Симус не шелохнулись: привалившись друг к другу, они давно спали.

— Ну? — шёпотом выдохнул Рон. — Как он?

— Спит. Рон, что нам делать? Как нам пережить завтрашний день? Как спасти Сириуса? Как помочь Гарри?

Окинув заломившую руки Гермиону мрачным взглядом, Рон хотел что-то сказать, но в последний момент передумал и, растолкав однокурсников, поплёлся следом за ними в спальню. С трудом добравшись до своих постелей и едва донеся головы до подушек, Дин и Симус дружно захрапели. Рон, поколебавшись, подошёл к кровати Гарри и едва поднял руку, чтобы отодвинуть полог, как тот распахнулся сам. Гарри, полностью одетый, сидел на кровати.

— Готов? — спросил Рон.

Тот кивнул в ответ.

— Зачем ты так с ней...

Гарри поднял на друга полные муки глаза.

— Я хотел ей всё сказать, я даже начал, но... Я не имею права втягивать её сюда. Мне никогда не было так тяжело, как сейчас... Наверное, теперь она презирает меня. Жалеет. Считает трусом, слабаком, думает, что я сломался, сдался. Но я не мог поступить иначе. Я и тебя не хочу брать — это опасно... — черты лица Рона заострились, и Гарри тут же пошёл на попятный, — ладно, ладно. Ты собрался?

— Метла внизу, плащ на мне, палочка в руке. А больше мне ничего не нужно: в са-

ване карманов нет, — усмехнулся Рон. — Ты напишешь ей?

— Уже написал. Пошли.

Накинув мантию-невидимку, они бесшумно выскользнули в коридор. Гарри бросил прощальный взгляд на лестницу, ведущую на девичью половину. Скрипнул портрет.

* * *

Вернувшись от Гарри, Гермиона обняла подушку и уткнулась в неё лицом, надеясь, что слёзы облегчат душу. Но слёз уже не было. Сухие глаза, пустая грудь, сдавленное горло. Раздалось негромкое царапанье, она подбежала к двери, стараясь не разбудить Лавендер с Парвати (последняя что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок), из коридора просочился Косолапсус и, замерев на пороге — наполовину внутри, наполовину снаружи, — задумался о разном. По ногам дуло, и Гермиона нетерпеливо покискискала, зовя его внутрь. Но кот взглянул на неё круглыми жёлтыми глазами, поднял плоскую морду и, призывно мяукнув, вышел в коридор и исчез, будто растворясь во мгле..

— Какого чёрта! — прошипела Гермиона и заторопилась обратно в постель. Ноги на каменном полу ужасно замёрзли. В дверь снова раздалось шкрябанье. — Брысь! — шикнула она.

Ни за что не встану. Тоже — моду взял, мотаться туда-сюда...

Шкрябанье стало настойчивей. Косолапсус возмущённо заурчал.

— Брысь, я сказала! Не до тебя!

Её мысли снова вернулись к Гарри.

Я не могу спасти весь мир, но должен спасти тех, без кого не смогу жить...

Урчанье за дверями повторилось. Гермиону подбросило на кровати, словно пружиной. Чуть поскуливая от ощущения собственной беспомощности, она набросила на плечи халат, криво-косо застегнулась, зашарила по карманам и тумбочке в поисках палочки и, так и не найдя её, бросилась вниз-вверх по лестницам, через миг ворвавшись в тёмную спальню пятикурсников. Сердце заходило от страха, надежды и ужаса:

Господи, сделай так, чтобы он был в постели... Господи, помоги Гарри... помоги Сириусу.

Она сама не понимала, о чём молилась, она не знала, чего сейчас желала больше: чтобы Гарри — измученный, усталый, сломленный — тихо спал, свернувшись в своей кровати под лоскутным одеялом, сшитом миссис Уизли, или же чтобы он мчался в ночь и сквозь ночь — выполнять то, что должен.

Негромкий храп, затопивший комнату. Она подбежала к кровати Гарри, отёрнула полог. И тихо вскрикнула от ужаса. И ликования: его не было. Он не сдался. Он ушёл.

Прости меня. Я забрал твою палочку. Я люблю тебя. Прости.

Дальше всё было просто. Убедившись, что Рона тоже нет, она метнулась в спальню пятикурсниц, оделась, схватила волшебную палочку Лавендер и, подумав, Парвати, и уже через четверть часа пробиралась по туннелю, ведущему из слизеринских подземелий в Хогсмид.

Глава тридцать шестая, в которой мы посещаем Верховный Магический Трибунал и клинику Святого Мунго, а так же занимаемся астрономией и не только.

Гермиона, опустив капюшон мантии пониже, исподлобья оглядывала Главный Зал Верховного Магического Трибунала: битком набитое людьми сумрачное помещение без окон, залитое только светом факелов и плавающих под сводами каменного неба

свечей. Находясь в этом гиблом месте, невозможно было даже вообразить, что на улице плещется весеннее солнце: стены дышали холодом, камни казались седыми от впитанного за многие десятилетия (*или даже века*, — подумала Гермiona, содрогаясь) чужого страха и боли; шаги публики, которая рассаживалась по поднимающимся амфитеатром скамьям, гулко отдавались под высоким сводом. Внизу, словно на арене, залитой угрожающе ярким светом факелов, стоял высокий стул с кандалами для рук и ног. Словно впервые осознав, *кто* окажется на нём через несколько минут, Гермiona снова вздрогнула и тут же представила, какие чувства должен испытывать от этой мысли Гарри.

Где же, где же они?!

Она осторожно повернула голову и как можно незаметней принялась обшаривать взглядом собравшихся на слушание людей. Сколько их тут — триста? Пятьсот? Тёмное море, едва шелестящее обрывками разговоров и шепотками. Лица, спрятанные под капюшонами, приглушённые голоса, торжествующие негромкие смешки. Как в этой толпе отыскать Гарри и Рона?

Сложно найти в тёмной комнате чёрную кошку, особенно, если там её нет...

— Не бойсь, пощады он не дожждётся, — ободряюще хлопнул по плечу репортёр “Волшебного патруля”, проводивший её сюда. — Мне тут шепнули, что всё давно решено. Так что за твоих родителей он получит по полной — не донести... Говорят, билеты на казнь уже не достать, — он засмеялся, продемонстрировав белоснежные зубы — слишком белые и слишком ровные, чтобы быть настоящими. Лицом и манерами он походил на недавно реабилитированного вурдалака.

Казнь?!

Гермiona вздрогнула, но, к счастью, сосед принял это за проявление восторга. Она выдавила кривую улыбку и кивнула, отметив, что рука, только что по-свойски коснувшаяся её плеча, так и осталась там лежать.

— Это надо будет взбрызнуть, верно, крошка? Редакция выписала мне неплохой аванс за освещение этого процесса — как насчёт того, чтобы кутнуть? Заодно возьму у тебя интервью. Или ты у меня — что скажешь, а? — он гаденько хохотнул, и пальцы многозначительно стиснули её плечо. — Пройдёмся по горячим точкам, милашка?

— Я не заинтересована в связях вне своего биологического вида, — буркнула Гермiona раньше, чем успела прикусить себе язык, но, к счастью, её спутник не слышал этот пассаж, заметив представителя конкурирующего предприятия — корреспондента “Магии и криминала”.

— Всё в той же мантии и на той же метле, как я погляжу, Джефф? — процедил тот сквозь зубы. — Слышал, ваш “Патруль” дышит на ладан...

Поименованный Джеффом сосед Гермiony (конечно, он представился, но имя вылетело у неё из головы, не задержавшись) дёрнулся:

— Ты слышал? Ну, надо же... А до меня дошли странные вести, будто у тебя проблемы со слухом после недавней публикации... Говорят, оклеветанный тобой мистер Джексон... — он сделал паузу, наслаждаясь видом смущённого соперника. — Смотрю, ты процветаешь — щеголяешь навороченными мётлами, взялся за себя. Не могу не отметить, что новые уши тебе очень к лицу. Не жмут, нет? Надеюсь, они влетели тебе в полсотни галлеонов... Поговаривают, что со следующего удачно проданного пасквиля ты собираешься купить себе новый...

— Заткни свою грязную пасть, ты, ублюдок...

— Ну-ну, тут же дама! Или ты собираешься продемонстрировать свою сущность при этой юной леди? Вообще-то, я имел в виду нос, но ход твоих мыслей мне нравится.

Корреспондент “Магии и Криминала” скрипнул зубами и с подозрением покосился на “юную леди” — бледную испуганную девушку, похожую на сбежавшую с уроков школьницу. Внезапно какая-то мысль пришла ему в голову:

— И что же привело такое юное создание в столь печальное и совершенно неподходящее окружение? Это место свободно? — медовым голосом поинтересовался он у Гермiony, намереваясь усесться по другую сторону от неё.

— Да, и моё тоже будет свободно, если вы сядете, — отрезала она, в мыслях горячо поблагодарив Лавендер за внезапно пригодившиеся бесконечные рассказы о том, каким образом и каких парней она отшивала. Новоприбывший поперхнулся от неожиданности, и, пока он хлопал ртом и глазами, на скамью рядом с Гермiony опустил пожелтый сгорбленный волшебник.

— Проваливай, Смит, — хмыкнул Джеффри и по-хозяйски приобнял девушку за плечо. — Умница, крошка. Уверен, мы с тобой поладим.

Гермиона взглянула на его фарфоровую улыбку и почувствовала, что её сейчас стошнит, — от отвращения, напряжения, страха и усталости, но сделала над собой усилие и чуть приподняла уголки губ, многозначительно закатив глаза.

Они познакомились час назад, когда, выбрав из толпы репортёров не самого отталкивающего на вид, Гермiona подошла и попросила провести её в Зал Верховного Магического Трибунала, рассказав сочинённую на ходу страшную историю о трагически погибших четырнадцать лет назад родителях, о жажде мести, которую она всю жизнь лелеяла, о том, что всё может рухнуть в одночасье, ежели она не увидит собственными глазами суд над человеком, лишившим её семьи: оставшись одна-одинёшенька трёхлетней крошкой, в последние два года она вынуждена... — мысленно зажмурившись, Гермiona на одном дыхании выпалила, что ей, якобы, приходится делать. Выразительно присвистнув, коротышка тут же подхватил её под руку, продемонстрировал троллям-охранникам свой бэйдж и, небрежно бросив “это со мной, секретарь-референт”, провёл в здание Верховного Трибунала.

Теперь он сидел, пялясь на неё, утробно похихатывая и игриво толкая локтём в бок. У Гермiony где-то в подсознании проскользнул странный, неприятный холодок при мысли, что, возможно, улизнуть окажется не так-то просто... Но об это она беспокоится после, после... Девушка снова в отчаянии завертелась на месте, шаря по залу глазами в поисках двух высоких юношей — рыжего и черноволосого — и с каждой минутой понимая всю бесплодность своих надежд. Она сама ещё не знала, что собирается делать. Остановить? Присоединиться?

Попасть в зал оказалось до смешного просто: так почему на выручку Сириусу поспешили не взрослые маги, а волшебники-недоучки?

На глазах выступили слёзы. Она нашарила в кармане украденные у Лавендер и Парвати палочки. Нервы напряглись до предела. Она сама не осознала, как сделала выбор, и теперь лишь ждала сигнала от друзей.

Раздался гонг, все вокруг затихли. Задремавший было старичок на сидении рядом слегка вздрогнул, будто только что очнулся.

— Заседание Верховного Магического Трибунала объявляется открытым! — усиленным с помощью волшебства голосом провозгласил одетый во всё чёрное высокий человек, появившийся в самом низу, у стула с кандалами. — Слушается дело за номером 428: Магическое сообщество против Сириуса Блэка!

Гермиона вздрогнула. Сердце у неё оборвалось. Она на мгновение зажмурилась, глубоко вдохнула, пытаясь унять бешено бьющееся сердце, а когда, услышав лязганье цепей в гробовой тишине Зала Суда, снова открыла глаза... то едва сдержала крик ужаса. В Визжащей Хижине два года назад Сириус, сбежавший из Азкабана и скрывающийся в лесах и пещерах, выглядел куда лучше, чем сейчас... Цепи сами

собой обхватили его запястья и лодыжки, словно распяв на этом стуле позора. По залу пронёсся удовлетворённый гул, раздался свист, улюлюканье, оскорбительные и торжествующие выкрики. Гермиона почувствовала, как её рука рвётся на волю, незнакомая и непослушная палочка Лавендер разогрелась в ладони. Ей хотелось заткнуть эти отвратительные глотки, лишить их голоса, вырвать эти гнусные языки, с которых срывались оскорбления... Гермиона глотала слёзы ярости и бессилия, в ушах гудело, до неё едва доносились слова распорядителя: "...защищать себя самостоятельно... Верховный Магический Трибунал в составе... ...Люциус Малфой..."

От звука этого имени она вздрогнула, словно её ткнули локтём в солнечное сплетение, и мир снова обрёл чёткость: свободные места в первом ряду занимала дюжина хмурых колдунов в высоких остроконечных шляпах, из-под которых на спину свисали пыльные языки париков. А следом — вальяжно, словно входя в свой собственный замок, — в Зале появился Люциус Малфой.

— Что... что он тут делает? — срывающимся шёпотом спросила Гермиона.

— Как что?! — недоумённо поднял брови Джефф. — Он выполняет функции прокурора, так что, считай, приговор уже произнесён. Говорят, дементоры прибыли ещё вчера. Будет им потеха...

Не дослушав, Гермиона, наплевав на осторожность, откинула с головы капюшон, развернулась и начала разглядывать сидящих позади. Она понимала всю беспочвенность своих надежд — вряд ли Гарри и Рон находятся в зале в открытую, наверняка они пытаются подобраться к Сириусу под мантией... Но, может, они увидят её? Поймут, зачем она здесь, сделают что-то, чтобы обратить на себя её внимание?..

— ...матёрый уголовник и убийца... ...патологические склонности к насилию... — слова гулко отдавались у неё в ушах.

Надо спуститься вниз... Оттуда я смогу увидеть весь зал... А они смогут увидеть меня...

— ...подстрекательство... неправомерное использование магии... попытка свержения существующего режима... неоднократные покушения...

Едва Гермиона, стряхнув руку Джеффа со своего плеча, собралась подняться, как сидящий рядом с ней старичок завозился, и из-под глубоко надвинутого капюшона блеснули знакомые голубые глаза.

Гермиона окаменела.

Я сошла с ума... — она совсем этому не удивилась, просто констатировала факт.

Уходи. Уходи немедленно, — произнёс знакомый голос у неё в голове. Только теперь он звучал совсем не так, как три с половиной месяца назад, когда профессор Дамблдор поздравлял студентов с наступающим Рождеством, а строго, повелительно, не терпя никаких возражений. — *Немедленно.*

Профессор?

Тс. Ментальное пространство может прослушиваться.

Но тут... Я тут из-за... Тут они...

Я знаю. Уходи!

Но... Где они? Я не могу... Я... понимаете, я люблю его! Я не могу его... их бросить! Если вы... хотите... То их надо увести отсюда!

Любовь не может помешать человеку следовать своей судьбе, — зазвучало у неё в голове, — если так случится — значит, любовь была неистинная, — ты бы перестала уважать его, поступи он иначе...

Ради всего святого... Верните их, уберите отсюда, пока они не... Вы же можете, если говорите со мной...

Я пытаюсь. Слишком много народа, чтобы услышать их.

— Слово предоставляется второму свидетелю обвинения, — проскрипел голос рас-

порядителя.

Мы сделаем всё, что сможем.

Вы здесь, чтобы?.. Чтобы...

Уходи!

Но...

Немедленно!

Но тут столько народа... Что вы хотите...

Волшебник рядом чуть повернулся и, глядя Гермione прямо в глаза, прошептал едва слышно (впрочем, вполне возможно, ей это только померещилось, и слова по-прежнему звучали лишь у неё в голове):

— Пришло время сражаться, и этот день так же хорош для смерти, как и всякий другой. И так же хорош для спасения.

Гарри... Рон... они... Они не знают... Найдите их... Спасите их... Они сейчас...

Внезапно ноги сами собой подняли Гермione и понесли к выходу.

— Эй, крошка, ты ку... — удивлённо начал было её сосед, но осёкся на полуслове и замер, будто его внезапно разбил паралич, лишь глаза бешено вращались. Упираясь изо всех сил, цепляясь за спинки скамей, Гермione брела наверх, к выходу. На неё никто не обращал внимания: все глаза были прикованы к измождённому, худому, оборванному человеку на залитой багряными отблесками факелов арене, что сидел, уронив голову на грудь, будто дремал. Чёрные длинные волосы, свалявшиеся и слипшиеся, закрывали лицо, тюремная одежда висела мешком, запястья и лодыжки казались сухими прутиками. И всё же — запятанный до полусмерти, почти умирающий, прикованный перед сотнями ненавидящих и презирающих его людей к рассохшемуся стулу, который помнил вопли боли и ярости, мольбы о пощаде — Сириус Блэк не был сломлен.

— Подсудимый, вам предоставляется право последнего слова. Вы будете говорить?..

До крови прикусив губу, Гермione сделала нечеловеческое усилие и на миг замерла в дверях, успев повернуться и увидеть, как согбенная фигура далеко внизу вдруг вскинула голову. Звякнули кандалы. Блеснули чёрные глаза.

— Я буду говорить.

Ноги вынесли её в коридор, тяжёлая дверь захлопнулась. Тролль-охранник, стоящий навтыжку у входа, проводил выбредшую из зала странную девушку подозрительным взглядом. И тут...

Из-за дверей донеслось какое-то восклицание, зал — как один человек — изумлённо вздохнул, и голос — голос, который она узнала бы из тысячи, — прокричал:

— Сириус, держи!

Гарри...

Гермione вцепилась в стену, она упиралась, как могла, но непослушные, ставшие чужими ноги, чеканя шаг, шагали к выходу на улицу.

Я не хочу уходить... я не могу уходить...

— Я не хочу!!! А-а-а!!!

Звонкое эхо заметалось в каменной кишке коридора. Свет померк перед глазами.

Тролль равнодушным взглядом окинул бесчувственную девушку, сползшую по стене, и затоптался на месте. Его задачей было охранять вход. Помощь зрителям или вмешательство в судебный процесс находились в компетенции других подразделений. А в зале определённо что-то происходило...

* * *

Гарри и Рон, проведя ночь за приготовлениями и планами в какой-то пыльной заброшенной каморке под самой крышей, проникли в зал заседаний вместе с первыми

посетителями и тут же оцепенели от потрясения: окон не было. Ни одного.

— И что будем делать?.. — начал Рон и тут же замолчал, увидев растекающуюся по лицу друга бледность и отчаяние. Они придумали пять вариантов спасения Сириуса и побега. Но каждый заканчивался тем, что, призвав мётлы, они улетали. В окно.

— Пока не знаю...

Стараясь производить как можно меньше шума и ни на кого не налететь, они под мантией-невидимкой спустились вниз и устроились в сторонке, рядом с высокими креслами судей. Гарри обхватил колени руками и, уткнувшись в них лицом, погрузился в размышления. Ну, очень мрачные. Если бы сейчас какой-нибудь нескромный мыслечтец позволил себе краешком разума заглянуть в них, то шарахнулся бы, как ошпаренный, поразившись обилию и красочности эпитетов, которыми Гарри себя награждал. И отчаянной готовности идти до самого конца. Рон сидел рядом, чувствуя плечо друга, физически ощущая его отчаяние и напряжение, и хмуро обшаривал взглядом стены — камень, камень, камень... Зал постепенно наполнялся людьми, атмосфера угрюмого торжества с каждой минутой становилась всё невыносимей.

— Ну? — не выдержав, Рон толкнул друга в бок.

Гарри поднял голову. Лицо было спокойным и решительным.

— Что ж, раз окон нет, будем уходить через дверь.

Рон покрутил головой. Дверей было две — на самом верху и та, через которую, по-видимому, в зале появлялись судьи и подсудимый. Юноши проскользнули через первую, от которой до выхода из здания петляли длинные узкие коридоры. Коридоры, битком набитые охраной — угрюмыми троллями с дубинками в лапах и рослыми, как на подбор, колдунами с палочками наготове. Что лежало за второй — одному Мерлину известно.

— Через... дверь?.. — Рон судорожно вздохнул и замолчал. Юноши молча уставились друг другу в глаза. И поняли всё без слов.

Потом они сидели рядом, отрешённо наблюдая за потоком колдунов, что втекал в двери и делился на тёмные ручейки. Они струились вниз по узким проходам между рядами сидений, наполняя зал чернотой, гулом, шепотками, смешками и редкими приглушёнными восклицаниями.

— Я боюсь... боюсь страдания... — вдруг выдохнул Рон.

Гарри вздрогнул, услышав такое несвойственное другу слово, повернул голову, и Рон увидел его усталые глаза — близко-близко. Круглые стёкла очков и в них — своё тусклое отражение.

— Страх страдания хуже самого страдания.

Они ещё немного помолчали.

— Слушай, Рон, — неуверенно пробормотал Гарри, отвернувшись и пристально изучая статую богини правосудия, в одной руке держащую весы, а другую, с зажатой в ней волшебной палочкой, вскинувшую вверх, — словом... Ну... я тут подумал, если ты...

— Если ты сейчас скажешь, что я могу, пока не поздно, пойти обратно, потому что ты не хочешь подставлять меня под удар, я дам тебе по голове, — предупредил Рон без тени улыбки. — Больно. И сильно, чтобы вся дурь разом вылетела. Я сам способен принимать решения. И я сделал выбор.

— Ага, — с явным облегчением кивнул Гарри, словно сняв с себя тяжкую и неприятную обязанность, — считай, что я этого не говорил.

Юноши снова погрузились каждый в свои мысли. Теперь им разом стало и легче, и не в пример тяжелее: изнывая от нетерпения, они уже не могли дожидаться слуша-

ния, чтобы, наконец, действовать. Гарри пытался заставить себя взглянуть на стоящий в нескольких метрах стул с высокой спинкой, на подлокотниках и у ножек которого змеями свернулись заржавевшие цепи. Даже отсюда чувствуя идущий от них ледяной холод, он неосознанно поёжился и подоткнул под себя угол мантии-невидимки.

Скоро... уже скоро...

— Слушай, а у вас с Гермионой что-нибудь было?

От этого вопроса Рона Гарри фыркнул так, что только отсутствие поблизости людей спасло их от разоблачения.

— Что?! — ему даже показалось, что он ослышался. — А... почему ты спрашиваешь?

— Ну... — Рон заметно смутился и завожился под мантией, будто внезапно обнаружив под собой ежа, — просто подумал... ну, если уже было, то это не так обидно...

— Что — не так обидно, и как это связано с тем, было у нас что-то или нет? — Гарри показалось, что от перенапряжения у друга поехала крыша.

— Помирать не так обидно, — ответил Рон и, посмотрев на выражение лица Гарри, тут же торопливо добавил, — это я так, для поддержания разговора.

Они опять умолкли.

— А у меня было, — ни к кому конкретно не обращаясь, буркнул Рон.

Гарри издал какой-то странный всхрюк — то ли отвращения, то ли переполняющего его любопытства, но Рон продолжать не стал. Наконец, Гарри не выдержал:

— Ну и как?

— Что — как? — тупо переспросил Рон, мысли которого уже унеслись в иные просторы.

— Как — ну... то, что у тебя было? — Гарри густо покраснел.

— А... ну, я понял, что этим надо заниматься с тем, кого любишь и кто любит тебя, — Рон отвёл глаза в сторону и начал изучать покрытую серым мхом каменную кладку. — Иначе чувствуешь себя просто... просто использованным и выброшенным. Хотя... — его губы разъехали в слегка циничной усмешке, — это всё равно классное занятие, — Гарри смущённо хмыкнул. — Значит, у вас с Гермионой ещё ничего не было?..

— Как тебе сказать, — Гарри почесал кончик носа и поправил очки. Перед лицом грядущего он внезапно почувствовал удивительную лёгкость и свободу в отношении прежде запретных для разговоров тем, — не могу сказать, чтобы совсем ничего... мы это... целовались...

— ...это я видел!

— ...но... в общем...

— Ясно, — понятиливо кивнул Рон, избавляя друга от мучительной необходимости произносить слова вслух. — Ну, мой тебе совет, — добавил он с лёгкой ноткой превосходства, которую, как ни старался, скрыть не сумел, — как вернёмся обратно, ты с этим делом не тяни. Кто знает, что завтра будет... стоит поторопиться, а то так и помрёшь...

Гарри не успел высказать своё мнение по поводу крайне своевременного и актуального совета, как маленькая дверь в стене открылась, и вышедший оттуда человек провозгласил:

— Заседание Верховного Магического Трибунала объявляется открытым! Слушается дело за номером 428: Магическое сообщество против Сириуса Блэка!

Юноши разом напряглись, как перед прыжком, стиснувшие волшебные палочки руки взмокли от пота. Гарри торопливо вытер ладонь об штаны — ещё не хватало в самый ответственный момент остаться без оружия — и нащупал в кармане вторую

палочку, для крёстного.

— Готов?

Рон молча кивнул.

Они медленно подобрались к самой арене, осторожно миновали охранника — кандалы нужно разбить как можно аккуратнее, чтобы не повредить Сириусу. Если у Гарри и оставались какие-то сомнения в том, сумеет или нет крёстный обороняться, то взглянув в его лицо, он понял — Сириус измучен, но не сломлен и, скорее, умрёт, из последних сил поднимая палочку, чем покорно примет свою участь из чужих рук. Торчащие под неестественными углами сломанные и вывихнутые пальцы не лежали безвольными плетями на подлокотниках, а судорожно подрагивали в такт фразам, что произносили фальшивые свидетели Малфоя, кандалы еле слышно позвякивали. Чёрные глаза крёстного горели безумием и ненавистью, губы шевелились.

— Подсудимый, вам предоставляется право последнего слова. Вы будете говорить?

Блэк поднял голову и обвёл взглядом затихший в предвкушении Зал и торжествующих судей.

— Да. Я буду говорить.

Он чуть приподнялся, цепи натянулись, и Гарри понял, что второго такого момента не будет.

— Рон, тебе ноги, мне руки, вперёд!

Прозвучали два заклятья, и звенья цепей лопнули. С металлическим клацаньем кандалы упали на пол. По залу пронёсся изумлённый вздох.

— Сириус, держи! — в руки Блэка влетела волшебная палочка Гермионы, и он с трудом схватил её непослушными пальцами.

Секундное замешательство — но этого оказалось достаточно, чтобы добежать до крёстного и набросить на него мантию-невидимку.

— К дверям, быстро!

Три шага до дверей, ведущих в неизвестность, показали Гарри вечностью. Мантия-невидимка не могла полностью скрыть двух высоких юношей и взрослого мужчину, который, к тому же, с трудом управлялся со своими руками и ногами. В запасе имелось всего несколько секунд. И времени не хватило.

— Взять их! — очнулся онемевший на мгновение Люциус Малфой.

В миг, когда Гарри уже тянулся к ручке двери, вслед полетели проклятья. Он зажмурился, вцепившись в локоть Сириуса, и приготовился к самому худшему, — но ничего не произошло. Не имея ни малейшего желания выяснять, что или кто спас их жизни, гриффиндорец толкнул в дверь Сириуса, Рона, следом впрыгнул сам, оказавшись в узком длинном коридоре, залитом идущим неизвестно откуда болезненно ярким светом. Мантия-невидимка теперь только мешала, Гарри на бегу сунул её в карман.

— Вперёд, парни, — надтреснутым, старческим голосом выдохнул Сириус, не сводя с них полных безумия, боли и благодарности глаз. — И нам стоит поторопиться, я вам это говорю как беглец-рецидивист...

Люциус Малфой не мог поверить в происходящее: Сириус Блэк исчез прямо на его глазах, причём спас его никто иной, как Гарри Поттер! И не помогли ни меры безопасности, ни пропускная система, ни охрана, окружившая арену с обвиняемым; а заклятья, так и не долетев до дверей, в которую ускользнули преступники, застыли и растворились в воздухе, словно погашенные неведомой рукой.

— Какого... — простонал он и, забыв о манерах, ткнул рукоятью своей трости в зубы ближайшему охраннику. Конечно, он мог бы воспользоваться палочкой, но ему сейчас хотелось ломать и крушить всё вокруг. — Взять их! Почему... почему защита не сработала?! Блокировать все выходы! В зале сообщники — задержать всех! Раз-

делиться и работать по секторам в соответствии с инструкцией! Используйте любые проклятья, последствия беру на себя! — он рванулся следом за Гарри и остальными, но внезапно, осенённый какой-то мыслью, схватил за грудки ближайшего охранника: — Выпускай их. Всех.

Лицо колдуна позеленело, но прекословить он не посмел.

Люциус вбежал в узкий каменный коридор. Пожалуй, теперь он мог не спешить: оттуда на волю было всего два выхода: первый блокирован вымуштрованными Пожирателями Смерти, а второй... О, наверняка они побегут именно туда! По его лицу расплылась довольная усмешка. Что ж, в этом случае им предстоит самая сердечная и нежная встреча, о которой только можно мечтать. Он достал свою палочку и быстро, но осторожно — чтобы шаги не подхватывало эхо — зашагал по коридору.

Меж тем, атмосфера в зале суда напоминала ад крошечный: визг, крики, чертыханья, выкрикиваемые заклятья — зал пришёл в движение, забурлил, и людской поток, единой обезумевшей массой шарахаясь из стороны в сторону, подминая под себя оступившихся, перекатываясь через падающих вниз, с хрустом, визгом и уробным воем ударил в створки единственной двери, мгновенно снёс их и, оставляя на острых деревянных щепках клочья одежды и мяса, под жуткий хруст и нечеловеческие вопли начал выдавливаясь в коридор. Тролли снаружи были сметены во мгновение ока, и безумная толпа рванулась туда, где свернулась на полу бесчувственная девушка.

А в зале разгорался бой: из толпы в охранников летели ответные заклятья, навстречу Пожирателям Смерти шагнули люди, увидев которых Рон и Гарри, наверное, возликовали бы.

Но юноши не знали о начавшейся стычке и перевороте: они бежали вперёд, с двух сторон поддерживая под руки задыхающегося и изнемогающего Сириуса. Похоже, оставалось недалеко, но...

Знакомый холод просочился в грудь.

— Дементоры, — выдохнул Гарри, — там дементоры! Назад!

— Боюсь, с этим у вас будут проблемы, — за спиной, у двери, в которую они только что вбежали, стоял Люциус Малфой.

— *Impedimenta! Expelliarmus!* — хором заорали Гарри и Рон, но директор Хогвартса с лёгкостью уклонился от заклятий, и через миг Гарри скрипел зубами от боли: правая рука, сжимающая палочку, взорвалась кровавыми брызгами.

С палочки Малфоя тут же сорвались два сногшибателя, но гриффиндорцы успели среагировать, и отражённые заклятья ударили в потолок, оттуда посыпался битый камень и пыль; неведь как попавшая сюда летучая мышь выпорхнула из тёмного угла и заметалась, натыкаясь на стены.

Малфой снова взмахнул палочкой.

— Сириус! — выдохнул Гарри, блокируя одно заклятье и уворачиваясь от другого. — *Petrificus totalus!* — но Малфой развернул заклятье, и оно ударило Рону по ногам. — Сфера! Рон! Уводи Сириуса! Накрой его сферой... уходите... *Caecus!* — от Ослепляющего проклятья Люциус метнулся за дверь, используя её как щит.

— Куда уходить? Я не могу... *Finite incantatem!*... Куда идти — впереди они... — от близости дементоров Рон стучал зубами, на лбу выступили капли пота. Сириус, с трудом держась на ногах, привалился к стене и прицелился:

— *Explosio!* — дверь разлетелась в щепки, из-за неё послышался вопль боли и ярости, и всё затихло. — А-десять. Попал, — пробормотал Блэк и откинулся к стене.

— Заклинание *Expecto patronum*. Сконцентрируйся на самом... — у Гарри перехватило дыхание от новой волны холода. *Их несколько... нам не пройти...* — на самом счастливом воспоминании! Ну! *Expecto patronum!* — из конца его палочки

вылетело серебристое облачко.

— *Expecto patronum!* — палочка Рона оказалась способна лишь на струйку светлого дыма.

Сногшибатель обжёг Гарри щёку, за спиной с грохотом взорвалась каменная кладка, крупный осколок рассёк кожу на виске. Люциус Малфой — весь в пыли, грязи, обломках дерева — поднялся и уже начал произносить следующее заклятье, Гарри приготовился блокировать его, но... Чья-то рука толкнула Малфоя под локоть, и огненный шар отскочил от потолка, осыпав Рона и Гарри очередным каменным душем и огненными каплями. Опалённая летучая мышь металась, как сумасшедшая.

В коридоре появился профессор Зелий.

— Прекрасно, — выдохнул Люциус, кривя губы в улыбке, полной боли, — ты, как всегда, кстати, Северус. Я возьму на себя мальчишек, добей Блэка.

Рон с Гарри вытаращили глаза и оцепенели. Сириус скрипнул зубами:

— Ну, мы ещё поглядим, кто кого, змеиное отродье! *Stupefy!* — Снейп с живостью, которую трудно было заподозрить в высокомерном и даже величественном (временами) профессоре и декане, шарахнулся в сторону, закрывшись телом Люциуса, как щитом. Заклятье угодило Малфою-старшему прямо под дых, и он кулём обвис в руках профессора Зельеделия. Снейп отпустил тело, с грохотом упокоившееся на полу среди осколков и щепок.

— Блэк, ты всегда был идиотом, — Снейп наклонился и взял из безвольных пальцев Малфоя волшебную палочку. — Перестаньте в меня целиться, сейчас есть дело поважнее: меня отправили сюда, чтобы вас вывести. В зале идёт бой, второй выход блокирован троллями, туда отправился Хмури со своим отрядом. Надо прорываться вперёд.

— Кажется, там дементоры, — не в силах до конца осознать случившееся, ответил Гарри.

— Я уже знаю, — Гарри показалось, что по лицу Снейпа пролетело чуть заметное облачко. — Но сейчас другого пути нет. Вы же кое-что умеете, верно, мистер Поттер? А ты, Блэк, — ты сейчас способен хоть на что-то, кроме как тыкать в меня своим прутиком? — за привычной язвительностью и ненавистью действительно стоял вопрос.

— Живым я им не дамся. Думаю, кое-что я смогу изобразить, — Сириус поднял на своего закадычного врага обведённые тёмными кругами горящие глаза, губы разъехались в улыбке, и Гарри с ужасом увидел вместо ровных белых зубов редкие осколки.

От гнева и ярости мир вокруг потемнел.

— Уизли? — голос Снейпа звучал ровно и спокойно, словно дело происходило на уроке.

В этот миг волна ледяного холода ударила Гарри в лицо и под дых так сильно, так внезапно, что перехватило дыхание, — он закашлялся и пошатнулся. Рон вскрикнул, а профессор Зелий, разом утратив надменность и властность, побледнел, покрылся холодным потом и зажмурился, словно взглянул в глаза надвигающейся смерти.

— Ну, что, крестник, — прохрипел Блэк, силясь ровно держаться на ногах, — покажем, на что мы способны, а? Не будь я аврором...

Гарри только кивнул — он не мог справиться с дёргающимися губами и нарастающим в груди отчаянием.

Беззвучные, неумолимые, отвратительные, как сама смерть, в дальнем конце коридора показались *они* — Гарри не знал, столько их было — два? пять? Десять? Волна холода, катившаяся впереди, разом заморозила все чувства; страшные мыс-

ли, словно изъеденные струпьями руки, начали разрывать душу и разум, уничтожая крупинки радости и тепла.

Нет. Он не позволит. Он не отдаст. Гарри зажмурился.

Рождество. Ветка поцелуев. Запрокинувшая к нему лицо Гермиона.

Я люблю тебя.

Серебряный олень — яркий, почти непрозрачный — переливаясь живой ртутью, рванулся из его палочки, зовя за собой. Дементоры замерли, дрогнули, испуганно качнулись назад, но увернуться не успели: олень, топча копытами и круша их ударами мощных рогов, расчистил путь.

— Вперёд!

Подхватив Сириуса, юноши побежали изо всех сил, Снейп не отставал. Где-то на задворках сознания Гарри промелькнули тусклые вопросы: что вообще тут делает профессор Зельеделия? Почему Малфой ждал от него поддержки? Почему он её не получил? Но сил, времени и желания задумываться о происходящем не было. Он знал только одно: им надо вырваться из этого гиблого места. И спасти крёстного.

Новая волна холода — такая же сильная, как первая.

— *Expecto patronum!* — но то ли Гарри плохо сконцентрировался, то ли сил оставалось не так много, но этот патронус, сметя двух дементоров, растворился в воздухе. Гарри снова сосредоточился, но Сириус успел первым, и огромный серебристый пёс, от которого дементоры бросились врассыпную, отнял у него последние силы: пошатнувшись, Блэк почти упал на руки едва успевшему подхватить его Рону.

— Быстрее, быстрее! — Снейп уложил заклинанием невесть откуда выскочившего тролля-охранника. — Налево и вниз по лестнице. Я сказал — налево! Поттер, у вас ещё и с правым-левым непорядок?!

Поворот и ещё три высокие чёрные фигуры, высасывающие остатки радости и разума. На этот раз у Гарри получилось только серебристое облачко, от которого дементоры даже не отшатнулись. Из-под истлевшей мантии показалась осклизлая полуразложившаяся рука, и облачко исчезло.

— *Ex-xpecto pa-patronum!* — Рон еле держался на ногах, на плече у него всей тяжестью обвис Сириус.

Расчерченный солнцем пол. Капли пота на её ключицах. Нет, не это.

Гостиная. Жар камина. Сидящие рядом Гарри и Гермиона.

— *Expecto patronum!* — серебристая ласка заскользила между дементорами ртутной лентой. Гарри не сдержал крик облегчения: коридор расширялся и в конце его была неплотно прикрытая дверь, сквозь которую просачивалось солнце. Они смогли!

Но...

Восклицание, сногшибатель — и Рон с грохотом рухнул на пол, придавив Сириуса. Ещё одно заклинание, палочки выпорхнули из их пальцев и приземлились на ладонь Люциусу Малфой. Он мгновенно развернулся к Гарри:

— *Avada...*

— *Silentium!* — Малфой поперхнулся, вцепился обеими руками в горло, губы его беззвучно зашевелились, и у Гарри всё поплыло перед глазами. Даже почти полностью лишённое своей силы, Смертельное проклятье причиняло невыносимую физическую боль. — *Expelliarmus!* — оружие Малфоя оказалось у Снейпа в руке. — Да сколько ж у тебя палочек, Люциус? — усмехнулся зельевар, получив в ответ взгляд, полный такой жгучей ненависти, что мантия у него на груди задымилась.

— Профессор, помогите — Рон, Сириус... их надо вынести отсюда, — сейчас, когда свобода была так близка, Гарри не мог думать ни о чём другом. И тут...

Новая волна холода. Сириус застонал, Гарри, перекинув через плечо бесчувствен-

ного Рона, попробовал поднять и крёстного — двойная ноша оказалась не по силам, но он не сдался и, сцепив зубы, поволок их к выходу, стремясь ускользнуть от догоняющей его ледяной волны. Вдруг стало неожиданно легко: профессор Снейп перехватил Сириуса.

— Поттер, быстрее, я не смогу вам помочь с дементорами!

Гарри кивнул и рванул к дверям со всех ног.

Двадцать шагов... десять...

Плечо пронзила резкая боль, он вскрикнул, оглянулся — узкий клинок просвистел по воздуху и вернулся в руку Люциуса Малфоя.

Кинжал?

Постанывая от боли, Гарри прибавил шагу. Обе руки теперь кровоточили, Рон разом словно вдвое увеличил свой вес, став совершенно неподъёмным.

Пять шагов...

— *Impedimenta!* — неприцельно брошенное заклятье попало в факел, с грохотом сорвавшийся со стены. Огонь перекинулся на свисающий до пола пыльный го-белен.

И тут... Стон, всхлип...

Повернувшись, Гарри увидел воздвигшегося над Снейпом дементора. Близко. Ещё ближе. Профессор поднял палочку:

— *Expecto patronum!* — серебристое облачко рассеялось почти сразу, но этого хватило, чтобы дементор сделал шаг назад, оказавшись перед свернувшимся на полу Сириусом.

Время словно замедлилось: Гарри видел, как дементор плавно наклоняется к крёстному, бережно разводит в стороны руки, закрывающие лицо... Сириус прижал подбородок к груди, из его глотки вырвался вопль, напоминающий вой. Гарри показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он успел поднять свою палочку:

— *Expecto...* — грудь пронзила резкая боль. — *Expecto p-pat...* — свист, и кинжал снова вонзился ему в грудь. Он пытался шевелить губами. Потолок исчез, земля прыгнула в лицо, пространство перед глазами сузилось, осталась только щель приоткрытой двери, через которую просачивалось солнце. Вот свет стал ярче, ярче...

Фоукс? Солнце? Огонь?

На него обрушилась темнота.

* * *

Белый свет.

Возвращение к реальности было мгновенным, словно — как много лет назад, ещё у Дурслей — он включил лампу в своём закутке под лестницей.

Белый потолок.

Белые стены.

Потом появился звук: какие-то шорохи, приглушённые голоса, отдалённые шаги.

Постепенно вернулись и остальные чувства, и Гарри понял, что лежит на чём-то мягком.

Он осторожно повернул голову: кровать огораживала белая ширма.

Я жив. Я в больнице.

Удивлённая радость от этого открытия тут же сменилась тревогой:

Где Рон? Сириус? Что произошло?

Гарри приподнялся на локтях. Голова кружилась, во рту стоял какой-то неприятный металлический привкус...

— Эй... кто-нибудь... — неуверенно позвал он, шаря по столику рукой в поисках очков.

Раздался скрип пружин, шаркающие шаги, и занавеска сдвинулась в сторону.

— Ну, наконец-то! Вставай, проклятьем заклеймённый, — Гарри не мог поверить своим глазам: всклокоченная рыжая шевелюра, веснушчатый длинный нос, болтающаяся на худом, как жердь, теле больничная пижама...

— Рон?!

— Что ты на меня как вытаращился? Это я, я. Живой, хотя не могу сказать, что совсем здоровый... — Рон невзначай повёл плечом, и больничная пижама чуть распахнулась на груди, продемонстрировав побледневшие синяки и затянувшиеся раны.

— А как... А где... А что... Где мы? В лазарете?

— Бери выше: в Небезнадёжном Отделении Госпиталя Святого Мунго.

Следующие полчаса Гарри провёл с открытым ртом.

Переворот. Дамблдор. Бой в суде. Пожар.

— Значит, в последний момент... — повторил Гарри.

— Угу, иначе бы нас или прикончили эти дементоры, или бы мы сгорели заживо...

— погоди, — Гарри сообразил, что забыл спросить о самом главном, — а как там Сириус... Где он?

Рон отвёл глаза.

— Говорят, его так и не нашли...

— К-как не нашли?!

Рон лишь виновато пожал плечами.

Гарри показалось, что ему в голову угодил бладжер, он откинулся обратно на кровать.

— Не... не нашли?..

Белые стены. Белый потолок. Мир утратил цвета, в голове зашумело, глаза обожгли слёзы.

Сириус...

Перед внутренним взором снова появился дементор, тянувшийся к крёстному с поцелуем. Последним поцелуем. Гарри замотал головой, стряхивая видение и слёзы из глаз.

— А что... что говорят другие?.. — даже не пытаясь справиться с дрожащим голосом, выдохнул он. — Может, кто-нибудь его видел?.. На улице... может, кто-нибудь вынес его?.. Может, есть другие больницы?.. — это прозвучало не как вопрос, а как мольба. — Есть надежда?

— Надежда есть всегда, — отозвался знакомый голос, и Гарри с Роном, вздрогнув, обернулись к дверям: никем не замеченный, там стоял профессор Дамблдор. Лицо директора, изборождённое во всех направлениях морщинами, складками и мелкими шрамами, придававшими ему жёсткое, суровое и одновременно измученное выражение, — это лицо внезапно напомнило Гарри сделанные с самолета фотографии пустынь, которые он в далёком детстве видел у Дурслей — то ли в какой-то газете, то ли в журнале (хотя они отродясь не выписывали журналов). Пустынь, на которых видны следы разрушения, трещины земной коры, глубокие русла исчезнувших рек, прорубленные временем в земле и камне. А ещё были глаза — синие, яркие, смотрящие поверх очков мудро, устало и временами — но не сейчас — вспыхивающие улыбкой, неожиданной, как взрыв разбитого стекла. — Мы — надеемся.

— Профессор... — Гарри попытался приподняться, но Дамблдор взмахом руки остановил его.

— Здравствуй, Гарри. С возвращением.

— Скажите... неужели... Мы все были рядом — почему же я здесь, а он!.. — голос Гарри сорвался. — Почему я жив, а он... Ведь вы пришли, чтобы спасти его, а мы... а я... А тут — я, — он заломил руки, словно эта боль могла избавить от огня и горячи, разрывавших сейчас его изнутри. — Это из-за меня...

Он рухнул лицом в подушку. Мир исчез, время остановилось. Смутно, как сквозь вату, доносился голос Дамблдора:

— Ты не мог поступить иначе... Самый тёмный час — перед рассветом... Надежда на то, что Сириус жив, остаётся... — от этого Гарри захотелось взвыть и заорать, что ему не нужны ни утешения, ни объяснения, ни оправдания. Всё, о чём он сейчас мечтал, — чтобы его оставили в покое, дали возможность всё осмыслить и осознать. Гарри засунул голову под подушку и прижал двумя руками. Грудь свело так, что, казалось, она вот-вот треснет. Когда Гарри попытался перевести дух, у него вырвалось сухое рыдание, которое обдирало горло до крови.

Сириус...

Его коснулась чья-то участливая рука, но Гарри нетерпеливо дёрнул плечом, и рука исчезла.

— ...Гарри, ты не представляешь, что там творилось, — когда Гарри вынырнул из-под подушки, и голос Рона прорвался к его сознанию, директор уже ушёл. Как скрылось и солнце за окном: наступил вечер, и палату наполняло неяркое свечение, идущее прямо от стен. Гарри поднял мокрое от слёз лицо: друг сидел, глядя в пол и задумчиво теребя занавеску. — Больница до сих пор трещит по швам от пострадавших, а ведь почти неделя прошла, всех легкораненых уже выписали. Знаешь, — Рон взглянул на Гарри, но тут же деликатно отвернулся, едва заметил опухшие глаза, и раньше, чем успел себя остановить, бухнул: — Гермиона ведь тоже оказалась там...

— Что?! — Гарри показалось, что он ослеп: от ударившей в голову крови потемнело в глазах. Сердце подпрыгнуло прямо в горло, оно мешало говорить, не давая двигаться языку. — Что с ней, Рон?!

— Не-не, всё нормально, — замахал руками Рон, сам испугавшись реакции на свои слова, — она уже два дня, как в Хогвартсе. Она провела рядом с тобой всю прошлую неделю, помогала тебя выхаживать. Колдомедики даже предложили ей работу после окончания... — но Гарри снова не слышал: сознание трепыхалось, силясь понять и принять обрушившиеся известия. И не справлялось.

Сириус... Гермиона... Рон... Всё из-за меня... Из-за меня они очутились в смертельной опасности...

Противно заныла голова, Гарри покачнулся. На него стремительно надвинулся пол, послышался испуганный вскрик Рона... Гарри с облегчением закрыл глаза, словно обморок мог стереть из памяти ужас событий и новостей.

* * *

— Знаешь, его нынешнее учебное рвение мне совсем не нравится, — пожаловалась Гермиона Рону, глядя на Гарри, обложенного учебниками так, что из-за них виднелась только взъерошенная шевелюра.

— Он просто пытается отвлечься, — постарался успокоить её Рон, хотя его тревожный вид свидетельствовал, что подобные мысли не дают покоя и ему.

— Или уморить себя. Довести до нервного истощения... — в этот момент она осеклась и, покраснев, уткнулась в свиток с вопросами С.О.В. по Нумерологии: Гарри поднял голову, отрешённым взглядом окинул громоздившиеся перед ним книги и, не обнаружив нужной, призывно помахал рукой.

— Гермиона, у тебя, вроде бы, была Систематика высших волшебных растений? Будь так добра, дай мне её — никак не могу найти *Flora fantasia*...

— Гарри, — увещающим тоном заметила Гермиона, бросив многозначительный взгляд на Рона, — но это же не входит в С.О.В. — это задания для Т.Р.И.Т.О.На...

— Я решил почитать материал вперёд, ведь дополнительные знания ещё никому не вредили...

В гриффиндорской гостиной воцарилась тишина, студенты оторвались от свитков,

книг и конспектов и взглядами, полными сострадания и жалости, воззрились на Гарри.

— Он совсем плохой после исчезновения Сириуса, — вздохнул Фред, и Джордж утвердительно кивнул:

— Думаешь, стоит его развеселить? Я припас на выпускной пару бутылок сливочного пива — ну, того, специального, — он многозначительно подмигнул, — и эксклюзивные орешки тоже имеются. Развеем тоску-печаль?

— Не, не думаю, что у нас получится. Похоже, его сейчас и бутылка Огневиски не расшевелит, — Ли Джордан покачал головой. — Правда, насчёт орешков я бы подумал... Что скажете, девчонки?

Судя по виду Кэти, Алисии и Анджелины, они нашли предложение друзей совершенно неуместным.

— Скажем, что надо оставить его в покое, — и Анджелина вернулась к листу, на котором вычерчивала схему завтрашней игры с Равенкло. — Всё пройдёт само собой, не надо торопить события.

— Что до меня, то пара эксклюзивных орешков наверняка развеяла бы мои самые мрачные мысли, — подмигнул Джордж.

— Бабник! — возмущённо фыркнула Анджелина.

— Я не бабник, я феминист!

— Нет, бабник! Всем давно известно, что на лестнице ты пропускаешь девушек вперёд только для того, чтобы безнаказанно пялиться под юбки!

— Девушки, если хотите, чтобы к вашим ногам припадали искренне, носите брюки! — Джордж показал Кэти язык и увернулся от запущенной ему в голову чернильницы.

Гермиона решительно поднялась и обвела строгими глазами однокурсников. Покосившись на старосту (с возвращением Дамблдора всё вернулось на круги своя, и Невилл, сияя, сдал пост), все тут же уткнулись в работы. Сопровождаемая вопросительным взглядом Рона, она подошла к Гарри и присела на краешек его стола. Джинни, корпевшая над эссе по Защите от Тёмных Искусств, сгребла свои пергаменты и тактично отодвинулась подальше. Гермиона послала ей признательную улыбку.

— Гарри, я понимаю, зачем ты это делаешь. Не надо винить себя. Не надо себя мучить. Не надо делать вид, будто у тебя всё хорошо. Мы — твои друзья, мы поможем тебе, мы любим тебя, ты во всём можешь на нас положиться, всё рассказать...

За неделю, прошедшую с возвращения друзей в Хогвартс, она повторила эти слова раз сто, но Гарри каждый раз пропускал их мимо ушей. Из случившегося за последнее время он сделал один вывод: отныне всё, что связано только с ним, должно находиться как можно дальше от друзей. Ради их же безопасности.

Это моя война, и я должен вести её сам.

Девушка осторожно коснулась кончиками пальцев его руки. Он поднял голову и потёр тыльной стороной ладони уставшие глаза.

— Спасибо, Гермиона, но... я должен сам со всем разобраться. И... я действительно устал... Особенно от последнего экзамена...

— Да, дружище Снейп, царствие ему подземное, как с цепи сорвался, — фыркнул подсевший к друзьям Рон, которого до сих пор трясло при воспоминании, какими усилиями он вымучил своё "Приемлемо". *И это — после того, что нам пришлось вместе пережить! Мы вместе смотрели смерти в лицо — мог бы отнестись по-снисходительнее!* — Поражаюсь, что мы вообще ухитрились сдать эту жуть! — Гермиона всем своим видом продемонстрировала, что своему успеху она ни сколько не удивлена. — Но ведь впереди осталась сущая ерунда: История Магии и Гербология... Зачем так убиваться над учебниками?

— Да... наверное, ты прав, — Гарри рассеяно просмотрел начало своего эссе по Гербологии, конец которого свешивался до самого пола, и встал. — Пойду прогуляюсь...

— Гарри? — привстала Гермиона.

— Нет, я пройдусь один... Я, правда, устал. И... мне надо подумать... И повидать кое-кого. Прости.

— И всё же, Рон, я бы не стала на твоём месте называть Историю Магии ерундой, — не удержалась Гермиона и, поколебавшись, добавила шёпотом, чтобы её слова не услышал Гарри: — Как думаешь, может, мне всё же стоит составить ему компанию? Кого, интересно, он собрался повидать? — и тут же замолчала, увидев, что к ним пробирается человек, от которого все последние месяцы ей доставались только косые взгляды и нечленораздельное бурчание.

— А ей-то что нужно? — прошептал Рон, следя за приближением Станы.

— Понятия не имею...

— Э... Рон, Гермиона, Гарри, я хотела вам сказать. Давно хотела, — Стана стрельнула глазами в сторону шуршащего свитками Гарри и решительно повернулась к Рону и Гермионе, — извените меня. Моля.

Гарри удивлённо посмотрел на неё, но ничего не сказал и направился к лестнице, чтобы отнести в спальню пергаменты и книги.

— За что мы должны тебя извинить? — приподняла брови Гермиона, против собственной воли прислушиваясь к удаляющимся шагам.

— Я была неправа. Я... Я недобро думала о вас. Извените.

— Я давно тебе это говорил, — буркнул Рон, хмыкнув, но Стана уже отошла. — А она, вообще-то, ничего девчонка, — задумчиво заметил он, провожая её глазами.

— Угу, — кивнула Гермиона, мысли которой витали очень далеко. — Интересно, куда же собрался Гарри?.. Может, к Хагриду?

— В любом случае, нам не стоит идти его искать, — покачал головой Рон, — а то он подумает, что мы ему не доверяем. Или, что ещё хуже, следим.

— Но ведь это ради его же пользы! Подумай сам, что было бы, не отправься мы следом за ним в суд!

— Мы никогда не узнаем, что было бы, просто потому что у нас существует только один шанс. Как знать — может, именно в этом случае всё сложилось бы удачно. У каждого из нас своя жизнь, своё предназначение, и я не думаю, что нам стоит постоянно хватать Гарри за руку. Даже если мы любим его. Именно потому, что мы его любим.

Гермиона потупилась, вздохнула, но спорить не стала и, скрепя сердце, вернулась к Нумерологии.

...Гарри шёл знакомой дорогой, ведущей в сердце Запретного Леса. Вековые сосны сменились вязами, лес поредел; едва заметная тропинка пошла под уклон, потом резко вверх — и юноша поднялся на холм, макушка которого была срезана, как ножом. Там его уже ждали.

— Здравствуй, Норт.

Кентавр не ответил — он протирает трубу телескопа, дыша на нее. Телескоп был азимутальный, очень старый, почти двухметровой длины, и стоял на деревянной треноге. Длинная латунная труба и все металлические части — тщательно отполированные — сверкали под лучами заходящего солнца. Кентавр тёр телескоп с таким старанием, будто внутри этой трубы спал гений, в компетенции которого находились ответы на все вопросы. Рядом, как всегда, лежали трактаты по космографии, небесной механике и астрофизике, длинные истрёпанные пергаменты, испещрённые неизвестными закорючками, и тетрадка с зарисовкой какого-то созвездия.

— Орион, — и Гарри не сразу понял, что это относится к чертежу в тетради. — В это время года видна только верхняя звезда левого плеча Охотника. Она называется Бетельгейзе и появляется чуть выше горизонта, на северо-западе, вернее, ближе к западу.

Гарри полистал страницы, заполненные рисунками и непонятными корявыми пометками — возможно, цифрами и буквами. В своем нынешнем состоянии он узнал только созвездие Льва — своего знака Зодиака, от металлического тела которого, согласно легенде, отскакивали копыта Геркулеса.

Наконец, кентавр оглянулся. Чувственное лицо, тронутое ранними морщинами, крючковатый выдающийся нос, глубоко посаженные глаза, чётко очерченный рот. Чёрные волосы жёсткими прядями падали на плечи, на лице лежали тени утомления и, когда юноша присмотрелся, то заметил бьющуюся на левом виске жилку.

— Я пришёл. Ты обещал рассказать мне. Сегодня, — Гарри в упор посмотрел в покрасневшие от напряжения и усталости глаза кентавра.

— Я помню, — кивнул Норт. — Я готов. Вопрос в том, готов ли ты.

Это был тот вопрос, который Гарри неустанно задавал себе всё последнее время. Если он — источник потенциальной опасности для окружающих, имеет ли он право, прикрываясь словами о спасении, рисковать чужими жизнями? Не лучше ли поручить это тем, кто старше, мудрее? Кто привык брать на себя ответственность, привык рисковать и играть по-крупному? Кто в случае проигрыша найдёт сто тысяч слов и десять тысяч причин, почему всё сложилось так, а не иначе?

Гарри перебрал свитки. Птолемей, Порта, Альфонсо де Кордоба, Астрономические таблицы... Он сам не знал, зачем пытается разобрать полустёршиеся буквы и цифры — искал ли он там ответы на мучившие его вопросы или же просто тянул время?

Небо постепенно теряло яркость и начинало поддёргиваться вечерним пеплом. Кентавр прильнул к телескопу, потом снова вернулся к таблицам. Погружённый в размышления, Гарри рассеяно следил, как розово-белое, будто зефирное облако на глазах становится неопрятным куском серой ваты. Смеркалось. На небе вспыхнули первые звёзды. Норт в полумраке шуршал страницами и тихо поскрипывал пёрышком.

— Вероника, — наконец произнёс он. — Я вижу Волосы Вероники.

Гарри подошёл. Телескоп стоял между ними, нацеленный в небо.

— Вон те тринадцать звёзд, — указал кентавр. — На северо-востоке. Она пожертвовала волосами ради своего войска, — Гарри смотрел не на небо, а на устремлённый вверх суровый профиль. — А вон там, дальше, почти в зените, созвездие Гончих Псов.

От этих слов в сердце снова впилась толстая игла. Дыхание перехватило. На сей раз юноша посмотрел вверх и сквозь наворачнувшиеся на глаза от боли и щемящей тоски слёзы различил дальше к северу крупную звезду и рядом другую, поменьше, которые, казалось, вместе совершали своё космическое путешествие.

— Сириус... Отец... — он не произнёс этих слов, он просто безмолвно шевельнул губами, окликаая их, но кентавр оторвался от созерцания неба и едва ли не впервые обратил свой взгляд к стоящему рядом гриффиндорцу.

— Та, крупная, — это Кор-Кароли...

— Я знаю, — машинально отозвался Гарри. — Я уже сдал астрономию, — небо перед глазами смазилось, и, чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за телескоп.

— Что с тобой?

— Голова кружится.

Старый кентавр кивнул и прищёлкнул языком. Казалось, головокружение, испытываемое сейчас Гарри, доставило ему удовольствие, как опытному хирургу, видящему, как побледнел студент, проводящий первое в своей жизни вскрытие. Он снова обратился к телескопу, завертел, что-то настраивая, колёсики и нарушил молчание очень нескоро.

— Забавно, правда? Вся Вселенная — забавная штука. Полярная звезда находится на расстоянии четырёрхсот семидесяти световых лет от земли. Это значит, мы видим свет, который звезда испустила в начале века, который люди называют шестнадцатым. Ему понадобилось без малого пять столетий, чтобы дойти до нас, — он снова указал пальцем в ночь. — А вон там — невооружённым глазом этого не увидишь, — в туманности Кошачий Глаз находятся останки звезды, погибшей тысячу лет назад. Обломки мёртвых планет, вращающихся вокруг мёртвой звезды.

Запрокинув голову, Норт подставил лицо внезапно всколыхнувшемуся ветру. Мимо пролетела первая ночная бабочка, и он, проводив её глазами, снова заговорил:

— Скажи мне, кто мы такие? Какую роль играем здесь, на этой сцене, под этим куполом, простирающимся над нашими головами? Что значат наши ничтожные жизни, наши стремления?.. — он, не глядя, указал рукой вверх. — Что значит для этих звёзд суета, царящая на земле, смена властей, падение государств, людские смерти — все то, что вы считаете жизнью, борьбой? В какой точке этого небесного свода находятся чувства, сострадание, надежда, сами наши жизни? Даже если будут вспыхивать и агонизировать звёзды, умирать и рождаться планеты, всё так и будет продолжаться вращаться, внешне неизменное, когда нас уже не станет. Вечность. Готов ли ты, песчинка, капелька морской воды в багровом закате Вселенной, взглянуть ей в лицо?

Этот спор длился с того момента, как Гарри впервые появился на холме с плоской, словно срезанной ножом вершиной.

— Вечности бы не было, не существуя секунд, из которых она складывается. Сострадание, надежда — их нельзя измерить, классифицировать и занести в тетрадь, — Гарри кивнул в сторону пергаментов с рисунками созвездий. — Наверное, проще всего сложить руки и покорно склонить голову перед надвигающейся тьмой, проще всего признать свою слабость и отказаться от борьбы, проще всего переложить ответственность на кого-то и сказать, что теперь от тебя ничего не зависит, — юноша поднял глаза к небу и, сам не зная, почему, вдруг произнёс: — Может быть, если я не сделаю то, что должен, где-то в безвестной галактике не родится новая звезда.

— Или не умрёт, — заметил кентавр. — Ты думал об этом?

— Или не умрёт, — кивнул Гарри. — Но я знаю: я должен это сделать. Всё равно это должен сделать я.

— Я и не сомневался, что ты сам пойдёшь туда, — кентавр чуть заметно улыбнулся, в его глазах, обращённых к небу, отразились звёзды. — Это предначертано: что произошло однажды, может больше не случиться. Но то, что случилось два раза, непременно произойдёт и в третий. Что ж... Ты упрям и силен — ты сам не знаешь, насколько силен... Но удастся ли тебе справиться с ними? Хотя... если кому и суждено сделать это, то только тебе.

— Что сделать? С кем справиться? — переспросил Гарри, почему-то шёпотом, словно от этого ответ должен был оказаться менее пугающим.

— С демонами, — обыденно откликнулся Норт, пожав плечами. — Ведь закованное с помощью Тёмной Магии сердце можно вернуть обратно только с её же помощью. Лишь призвав на помощь демонов, ты сможешь добраться и уничтожить его... Демоны... — глаза кентавра вспыхнули в сгущающихся сумерках, а голос стал глу-

ше и мрачнее. — Даже просто названные по именам, они способны поработить любого. Или уничтожить — самым страшным способом, какой только можно представить...

— Названные по именам? — что-то затрепыхалось в памяти Гарри, губы сами собой зашевелились, и в ночи прозвучало: — Аббадон, Агарест, Амон?..

В тот же миг ледяной ветер дохнул в лицо, коснулся лба. Шрам откликнулся вспышкой боли, в ушах полузабытым эхом ахнули неведомые голоса.

— Арнох, Баман, Бельбель... — подхватил кентавр, голоса сразу зазвучали громче, и Гарри почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

— Но как я смогу их победить?

— Ты — сможешь, — кентавр снова вернулся к созерцанию звёздного неба. — Запомни: поступки в человеческой жизни похожи на еду, а мысли — на приправы. Плохо приходится тому, кто посолит черешню или польёт уксусом пирожное. Так и демоны: они ищут за благими намерениями черноту и ненависть в людских душах, чтобы пожрать их. Они обращают в хаос и руины Внутренние Сердца. Даже если однажды ради самых благих намерений и лучших побуждений тыпустишь в душу крошечный росток Зла, ты откроешь демонам путь в своё сердце. И тогда полное порабощение — вопрос времени. Высшая добродетель — единство помыслов и дел, умение никогда не соблазняться лёгкими путями и никогда не разрешать себе малейшей подлости, даже во имя благородных целей. Это почти невозможно для обычных людей: это приходит либо с мудростью, либо с просветлением. Но иногда — нечестно — такое умение бывает врождённым, и тогда оно — лучший и крепчайший щит божественного серебра, уничтожающего порождения тьмы, ночи и грязи. Твои помыслы чисты, желания искренни. В этом твоя сила — им будет сложно тебя одолеть, — Норт вздохнул, словно сожалея. — А теперь пойдём. Дорога через лес небезопасна, я провожу тебя.

* * *

— Я волновалась... — гриффиндорскую гостиную освещал только камин. Умаявшись за день, все давно разошлись по спальням, на диване сидели только Гермиона с Косолапсусом на коленях и Рон. Последний, привалившись к её плечу, сладко похрапывал. — Уже почти полночь...

Она осторожно высвободилась и пристроила Рону под затылок большую подушку с кистями.

— Прости, — Гарри присел у её ног и, турнув кота, устало преклонил голову ей на колени, — наверное, мне стоило всё тебе рассказать...

— Ты ведь ходил к кентаврам, да?

— Да.

— И...

— ...и знаю, *что* делать... Вот только не знаю, *как*...

— Гарри...

Он поднял голову и взглянул ей в глаза: они оказались близко-близко. Сам не зная, как это произошло, через секунду он уже целовался с ней — так, как ни разу не целовался до этого: словно это был их последний день, последний вечер, последняя минута вместе.

Рон заворочался, всхрапнул во сне, они вздрогнули и оторвались друг от друга.

— Пойдём к тебе, — прошептал Гарри и раньше, чем Гермиона успела сообразить, подхватил её на руки и направился к лестнице, ведущей на половину девочек.

В гостиной, освещённой неярым светом угасающего огня, остался только Рон. Изучив на предмет пригодности его колени, Косолапсус безнаказанно вспрыгнул на них и блаженно затрахтел.

...Путаясь в словах и слогах, Гарри шептал что-то нежное, а Гермиона, наполовину лишившись рассудка, не сводила глаз с его губ — распухших и потемневших от поцелуев.

Она не понимала, она вообще едва слышала его и мечтала просто запомнить эти движения, эти звуки, чтобы потом — позже — расшифровать сакральную тайну слов. Но было в его жарком, невнятном шёпоте что-то такое, что её разум и тело окончательно раздружились: руки сами собой поднялись и начали искать пуговицы на его рубашке. Она зажмурилась — ей показалось, что, открой она глаза, решимость испарится, и она взвизгнет и убежит. Пуговицы были обнаружены, но дальше дело не двинулось: те стояли насмерть, а пальцы дрожали и путались.

Она чуть приоткрыла один глаз — Гарри, замерев, смотрел на неё в упор, его глаза в сумраке казались чёрнымиспелыми вишнями.

— Гермиона... — теперь его шёпот стал предостерегающим.

Ей сейчас было всё равно. Она нетерпеливо затеребила рубашку.

Он шумно выдохнул, словно сдался на милость победителя.

Неожиданно Гермиона почувствовала его руки у себя на спине под блузкой — как юноша, не ищущий легких путей, Гарри решительно взялся за любимый предмет всех мужчин и, разумеется, запутался в бесконечных крючочках и кнопочках. Его торопливые пальцы были прохладными, но оставляли на коже раскалённые отметины — она почувствовала, что вот-вот задохнётся.

— Да в конце-то концов! Неужели нет ни одного подходящего заклинания! — в сердцах выдохнул он куда-то в ложбинку между плечом и шеей Гермионы спустя несколько мгновений бескомпромиссной борьбы, в которой победа осталась за маленьким, но упрямым кусочком ткани. Пуговицы на его рубашке, судя по всему, заключили с ними союзнический пакт: едва Гермиона пыталась протолкнуть их в петли, они словно увеличивались в размерах.

— Заклятье Мгновенного Раздевания, — не выдержав, хихикнула Гермиона, изнемогая от щекотки и какого-то странного внутреннего беспокойства и предвкушения. — Даже в такой момент ты не забываешь об учёбе, но сейчас экспериментировать не советую... О-ох...

И сразу стало легко и просто, словно какая-то невидимая стена между ними рухнула, словно что-то уже произошло... её руки расслабились и, как будто почувствовав это, рубашка сдалась на милость победительницы, светлым облачком осев на пол. Его смуглое от природы тело при свечах казалось бронзовым. По чуть напряжённой линии плеч и по резкости, с какой он вскинул голову, она поняла, что Гарри стесняется. Он снова занялся её блузкой, но руки не слушались. Послышался треск ткани...

— Гарри, ты просто варвар... — честно говоря, она не ожидала, что всё будет развиваться настолько стремительно, а потому чуть опешила, испугавшись напора и решимости довести всё до логического завершения. Его пальцы быстро перебирали юбку, его нога протиснулась между её колен, его ладонь скользнула по её груди.

— Что это? Откуда это у тебя? — он внезапно оцарапался до крови о странную подвеску.

— Это... — она с трудом собралась с мыслями. — Это... это давно... мне он подарил... Сейчас... — она накрутила цепочку на кулак и раньше, чем Гарри успел что-то сказать или возразить, порвала её. Тусклая вспышка в воздухе — и то, что осталось от подарка Крума, упало в скопившуюся в дальнем углу темноту.

— Иди ко мне... — её вздох утонул у него во рту. И в тот самый миг, когда она прерывисто охнула и вздрогнула в его объятиях, кулон рассыпался во прах.

В крохотной комнате проснулся человек, и сотня демонов распахнула свои коша-

чьи глаза вместе с ним.

Сотня демонов втянула носами воздух, вдохнув запахи старого замка.

Сотня демонов разорвала шипением звенящую ночную тишину.

Человек поднялся и взял волшебную палочку.

Теперь он всё вспомнил.

Он шёл убивать.

Глава тридцать седьмая и последняя, в которой мы вместе с героями совершаем ночную прогулку по глубинам памяти, Хогвартсу и подземельям и пытаемся противостоять внешней и внутренней Тьме.

В подсознании трепетали серенькие тени воспоминаний. Я шёл по своим же следам, восстанавливая в памяти по крупикам всё, что сделал и чего не сделал, всё, что сказал и о чём промолчал. И вспомнил — всё, кроме одного: когда же внутри поселилась эта боль, день ото дня становящаяся всё сильнее.

Кажется, однажды вечером... — прорвав пелену забвения, я замкнул цепочку воспоминаний, снова шаг за шагом пройдя путь с того самого тёплого августовского вечера, когда сотня раскалённых крючьев вонзилась и разорвала грудную клетку, выхватив оттуда сердце, ещё горячее и трепещущее. Безглазые лица завертелись в ликующем хороводе, хохот и вой демонов свёл с ума... Я рассыпался на части, исчез и снова возник из небытия — но был ли это я?

С тех самых пор боль жила во мне — столь же невыносимая, сколь и привычная, я сроднился с ней — она стала частью меня, отступая лишь в минуты послушания и ослепляя при малейшей попытке сопротивляться чужой воле — воле того, кто отныне являлся моим хозяином, кто отдавал мне приказы.

Но как же, откуда возникла та трещина, сквозь которую я позволил злу просочиться внутрь себя?

Любовь. Ревность. Вожделение. Зависть.

Тьма прикинулась невинной шуткой, и я впустил её в сердце, уверенный, что сумею вовремя остановиться; я лукавил, убеждал себя, что не совершаю ничего противозаконного: что плохого в маленькой хитрости? Что страшного в её лукавом шёпоте, в уловке, которую и язык-то не поворачивался назвать нечестной игрой? Ведь в любви каждый старается только для себя. Не заметив, как тьма пустила корни, проросла в сердце, разъела душу, я спохватился лишь в тот миг, когда обратный путь исчез. Неведомая сила связала меня, завладела телом, наполнила чернотой до самых краёв. Лишь в каком-то глухом закоулке моей выжженной души ещё трепыхалось что-то светлое — крошечная часть человека, звавшегося когда-то Виктором Крумом.

А потом появились они — пухлый коротышка с отвисшим жирным подбородком, который казался продолжением щёк, и чьи слащавые манеры и тихий голос больше подошли бы канонику, живущему на законное жалование, и, следом за ним, холёный аристократ с ледяным сердцем и спокойным, равнодушным голосом, каким, наверное, говорит сама Смерть. И я стал в их руках безвольной марионеткой...

...Ведь это я взорвал поезд, что должен был доставить англичан на вокзал в Софии, я наложил Тёмные чары на метлу своего соперника, я протянул ему яд, я заколдовал сани, я при помощи Заклятья Imperius принудил игрока Слизера напасть на Поттера... А потом, балансируя на грани разоблачения, — профессор Гатто оказался невольным свидетелем и решил поправить свои дела при помощи шантажа — именно моя рука передала ему наполненную смертельной отравой и проклятьями книгу.

Да, я сопротивлялся. Из последних сил, содрогаясь от мысли о наказании, корчась в мучениях, — я успевал остановить, отвести смерть: отправить их другим рейсом... выпить отравленную воду... первым сесть на заколдованную моей же рукой метлу... поймать Поттера за секунду до гибели — за каждый из этих поступков я расплачивался адскими муками. И сил становилось всё меньше, боль подгрызала тонкую ниточку воли — однажды меня уже не хватило даже на то, чтобы встать у смерти на пути... Даря ей амулет, способный оградить от опасностей, думал ли я, что однажды этой опасностью — смертельной опасностью — стану я сам? Что именно я попытаюсь уничтожить всё, что ей дорого, попытаюсь убить её саму?

Я понимал, что уже не смогу остановиться без посторонней помощи, и обратился именно к ней — сам не знаю, почему, — может, хотел принять судьбу из её рук? Ещё один всплеск эгоизма, едва не стоивший жизни не только ей, но и гриффиндорскому недотёпе, случайно оказавшемуся поблизости... Я попытался рассказать, намекнуть, но уста мои запечатало заклятье. Тогда я показал знак Покорного Сердца — чёрное пятно на груди — в надежде, что она сама догадается, поймёт... Увы. Меня тут же наказали за этот проступок — боль ослепила, лишила рассудка; очнувшись, я едва помнил, как, пытаюсь вырваться из плена, в который добровольно сдался, снова заставил её балансировать на грани между жизнью и смертью.

Оберег прожёт до костей мою плоть — руки, которыми я посмел причинить ей боль...

Не видя другого выхода, я попытался уйти. Было ли это малодушием? Смелостью? Или жестом отчаяния? Не мне судить: я хотел оградить её, спасти и сделал то, что посчитал единственно возможным. Не моя вина, что чужая рука — рука провидения — поймала меня в последний момент, когда я уже не стоял на краю пропасти, а сделал туда шаг... Мне сохранили жизнь. Я не сомневался, что это не дар, а возмездие.

Ревность. Вожделение. Зависть.

Где та невидимая черта, за которой заканчивается слабость и начинается порок? И за какой гранью порок оборачивается преступлением?..

...По ночным коридорам Хогwartса брёл человек. Сцепленные зубы, искажённое мукой лицо. Он еле переставлял ноги, пытался остановиться, повернуть назад, хватался за перила; срывая ногти, цеплялся за каменные стены — но чужая воля упрямо несла его вперёд, в сторону гриффиндорской башни, заставляла ползти, когда он падал... С каждой минутой силы иссякали... Последняя вспышка — и едва теплившийся огонёк в душе устало погас.

Губы колдуна дрогнули в зловещей улыбке, плечи расправились, с волшебной палочки, зажатой в руке, сорвались зелёные искры... Под сводами Хогwartса откликнулось эхо решительных шагов. И вот он — последний подъём и отделяющий его от заветной цели портрет.

— Insendio!

Спящие ступени не отзывались на торопливые и осторожные шаги. Тёмный длинный коридор. Дверь в комнату старосты.

— Alohomora!

Человек бесшумно проскользнул в комнату и, незамеченный, замер в дверях. В тусклом свете одинокой свечи по стенам метались тени, вздохи и шёпот смешивались с льющейся в окно весенней ночью. Кривая улыбка разрезала лицо. Он захопнул дверь.

Время остановилось, пространство сократилось до размеров её лица, ставшего от ужаса ещё прекрасней.

— В-виктор?..

— Да, это я... Разве ты не ждала меня?..

— *Petrificus*... — голос Гарри оборвался, и через открытое окно в весеннюю ночь выплеснулся крик боли.

— Ну, что вы, мистер Поттер... Разве я не способен отразить то, чему сам же вас и научил?... Миона... Я любил тебя... Ждал. А ты... ты предала меня... Так умри — умри в мучениях. *Ruptum!* — сорвавшись с палочки, огненные стрелы рассекли пространство и помчались к ней — зрачки расширились, глаза распахнулись навстречу смерти...

Гарри отреагировал мгновенно:

— *Servo involucrum!*

От вонзившихся стрел Защитная Сфера пошла радужными разводами, запульсировала и сжалась. Девушка внутри неё вскрикнула от ужаса и тут же прильнула к стенке:

— Гарри!.. Виктор... Что с тобой?.. Выпусти меня, Гарри!..

— Выпусти её, — усмехнулся Крум. — Дай ей умереть, если ей так этого хочется... Или предпочитаешь сделать это первым?

— Крум? — Гарри не сводил глаз со стоящего в темноте человека. Шрам на лбу знакомо ныл, и боль всё усиливалась. — Ты... ты ведь не Виктор Крум... Кто ты?..

Тот вместо ответа сделал шаг вперёд, пламя свечи отразилось в его глазах алым огоньком, и в тот же миг гриффиндорцу показалось, что лоб прижгли раскалённой проволокой. Он охнул, палочка в руке дрогнула, и Защитная сфера ослабла — всего на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы стрелы продвинулись внутрь её, к сжавшейся от страха девушке.

Ну же, разбей Сферу и убей! Сначала её, а потом его! — опять этот голос, от которого мозг будто вскипал...

Нет... Нет... — протестующе затрепыхался осколок того, кто когда-то был Виктором Крумом.

— Кто я? Так ты хочешь растянуть удовольствие? Изволь — давай познакомимся поближе... В интимной, так сказать, обстановке — как вижу, обстановка к этому так располагает... — с палочки Крума сорвалась оранжевая вспышка и ударила Гарри в грудь. Всё, что тот мог, — попробовать заслониться левой рукой. Его ударило об стену, и всё же он успел подхватить Сферу раньше, чем та померкла. Воткнутые стрелы завибрировали от напряжения.

— Виктор... Виктор!.. Очнись!!! Что ты делаешь?! — прильнув к прозрачной стенке, взывала Гермиона, в ужасе переводя взгляд с горящего огнём безумия Крума на рваную рану у Гарри на груди. Она не чувствовала ни боли в сведённых судорогой пальцах, ни вкуса льющихся по щекам слёз. — Виктор...

Пыточное Проклятье — используй его!

Её голос. Я слышу её голос, он зовёт меня...

— Миона...

— Виктор, услышь меня! Очнись! Ты меня слышишь?..

— Я?.. Да, я слышу тебя...

— Опusti палочку — я умоляю... Отпусти его — отпусти Гарри, не трогай его... — её голос дрожал от рыданий. — Ведь ты же пришёл ко мне, верно?.. Я тут, я рядом... Отпусти Гарри, иди ко мне...

— Гермиона! — протестующе застонал Гарри, сползая по стене и из последних сил двумя руками удерживая волшебную палочку.

— *Миона!* — по лицу Крума пробежала судорога, он схватился левой рукой за грудь и пошатнулся.

— Виктор... — не сводя глаз с Крума, зачастила Гермиона, пытаясь найти слова, способные вернуть его в мир людей, — ты... ты ведь самый лучший, ты самый за-

мечательный... Ты лучший учитель... ты самый умный и добрый, я всегда тебя любила... — Гарри вздрогнул, глаза его широко раскрылись, он хотел что-то сказать, но Гермиона метнула в него предостерегающий взгляд и продолжила: — Помнишь, как мы гуляли с тобой в Болгарии? Ты учил меня смешным словам — ну, помнишь?

— Я... я помню... — его рука чуть опустилась, но в тот же миг черты лица окаменели. — Ты предала меня! Предательница! *Crucio!*

— Гермиона! — зажмурившись, Гарри сосредоточился изо всех сил. Сфера снова пошла разводами но, несмотря на все усилия, проклятье, хоть и ослабев, всё же проникло внутрь, и Гермиона завизжала от невыносимой боли. Этот звук отрезвил Крума:

— *Finite incantatem! Муона, проснись!*.. — девушка умолкла, но золотые стрелы продолжали трудолюбиво подтачивать прозрачный бок сферы.

Из груди Гарри вырвался вскрик: универсальное контрзаклинание на них не действовало... всё, что ему оставалось, — держать этот защитный кокон. Но боль в груди и руке становилась невыносимей с каждой секундой, в глазах темнело от напряжения, волшебная палочка начала подрагивать, и Разрывающие Стрелы, вибрируя, продвинулись ещё на один дюйм. Рано или поздно, силы закончатся... И что тогда?

— Отпусти её! — сквозь зубы выдохнул он, стараясь, чтобы голос не дрожал от боли и напряжения. — Если ты пришёл за ней — отпусти её, сразись со мной! Ты же мужчина!

— Я? Да, я мужчина, — лицо Крума исказилось в злобной гримасе. — А ты? Или мне стоит спросить у неё? — волшебная палочка снова указала в сторону Защитной Сферы.

— Не смей трогать её!

— Виктор... не надо... мне больно... — Гермиона собралась с силами и приподнялась, — ты же не хочешь причинять мне боль, правда? — по лицу Крума пробежала судорога, черты едва уловимо смягчились, а глаза снова наполнились ужасом и страданием. — Я виновата, но ты ведь простишь, ты простишь меня? — она умоляюще сложила руки. — Ты — самый мужественный и великодушный, ты простишь меня, и мы вернёмся в старый замок на берегу реки. Утром, когда солнце ещё только-только выглянет из-за горизонта, мы с тобой поднимемся в Восточную башню — помнишь, ты обещал показать мне восход, но в то утро небо затянули облака? А потом пойдём на реку... — сейчас она была готова обещать ему исполнение всех желаний.

В нос ударил терпкий аромат переспелого луга, напоённого солнцем.

...Мы шли по жёлто-белому морю ромашек.

— Ну-ка, повторяй за мной: девушка — госпожица...

— Госпожица... А как будет виноград?

— Грозде...

— Грозде... Как смешно! — в жёлтом сарафане-разлетаике она сама сейчас похожа на полевой цветок...

— Не смешнее английских слов! Постой, я хочу, чтобы ты мне погадала на ромашке...

— Виктор, я терпеть не могу гадания ни в каком виде, — она строго сдвинула брови, но глаза её смеялись. — И уж тем более не гадаю сама!..

— ...мы будем встречать рассветы в твоём доме... Каждое утро...

Картинки псевдовоспоминаний зарябили перед глазами.

...Разметавшиеся по подушке густые волосы, прилипшая к влажному от сонной испарину лбу прядка... голубоватые тени под глазами, нежный румянец — какой бы я увидел её, проснувшись рядом?..

... — Виктор, ты не застегнёшь? Замочек ужасно неудобный...

— Конечно, — склонённая шея с нежной ложбинкой, пушистый завиток на затылке...

Это ожерелье так и осталось у меня...

Я потянулся губами к доверчивому изгибу, коснулся её нежной кожи, пахнувшей свежестью и водой...

— ...и ты научишь меня новым словам, правда? Я все-все их помню — момиче, госпожица, домати, грозже...

— Грозде, — машинально поправил Крум, и лёгкая улыбка коснулась его губ. — Значит, ты помнишь?.. — его передёрнуло от невыносимой боли, и он с трудом удержался на ногах.

— Конечно, грозде, — радостно подхватила Гермiona, — ты меня научишь... Виктор, опусти палочку, — вкрадчиво продолжила она, — позволь Гарри уйти...

— Гермiona, нет! — Гарри протестующе встрепенулся. — Я не оставлю тебя...

— ...отпусти его, убери стрелы и научи меня всему — всему, что захочешь... А когда мы вернёмся в замок, госпожа Лея встретит нас...

Боль. Темнота. Чёрная пелена, словно дымка смертофалда, закрыла весь мир. Лицо Крума окаменело, густые брови сошлись в линию.

— Не смей! Гермiona, берегись! — Гарри стиснул палочку изо всех сил, перед глазами качалось разноцветное марево, грудь будто прожигало яростное пламя, а рука стала средоточием всей боли мира. Он зажмурился и собрал все силы, что оставались у него внутри. Защитить её. Любым способом.

— У меня больше нет матери. У меня больше нет дома.

Убей!

— Моя мать умерла. Мой дом продан.

— В-виктор... — от неожиданности Гермiona потеряла дар речи. — Я... я ничего не знала... прости...

— Извинения? — захохотал он и расхохотался, запрокинув голову. — Ты извиняешься! А знаешь, кто виноват в том, что я всего лишился? Что я лишился себя? Ты! Только ты. Так будь же проклята! Crucio!

Яркая вспышка ударила в Сферу. От напряжения Гарри на миг оглох, но сил оказалось недостаточно: ослепительно-голубой нитью — разрядом молнии — Питочное проклятье проникло внутрь и впилося в Гермionу. Её лицо перекосилось, она обхватила руками обнажённые плечи — на теле под сведёнными судорогой пальцами выступила кровь. Невыносимое зрелище. Перед глазами снова появилась картина из кошмарных видений: тонкая шея лежащей ничком девушки без лица...

— Гермiona! Кто-нибудь! Помогите! — в отчаянии закричал Гарри. — Отпусти её!!! Повернись ко мне, сразись со мной, если ты мужчина!

— Не кричи, — раздражённо повёл плечом Крум. — Сюда всё равно никто не придёт. Я отключил сигнализацию и наложил на дверь Звукопоглощающие Чары. Никто не услышит тебя, мальчишка.

— Сразись со мной, — повторил Гарри. — Отпусти её и сразись со мной... Трус...

— Трус?.. — рассмеялся Крум, обнажив в оскале крупные зубы, хищно блеснувшие в свете свечи. — Сразиться с тобой? Непременно. Всему своё время... Я ещё не закончил с ней...

Я остановлюсь. Я могу остановиться... Я люблю её...

— *Finite incantatem!*

Боль...но... как больно...

— Виктор... — голос Гермiony звучал глухо, она с трудом приподнялась и снова прильнула к прозрачному боку сферы. Из уголка рта на подбородок текла тёмная струйка, кровоподтёки покрывали плечи. — Зачем ты мучаешь нас?.. Тебе же нужна

я?.. Отпусти его... хотя бы его... Ведь ты... ты добрый... ты... я... я люблю тебя, — устало выдохнула она.

Она врёт.

— Врёшь! — взвизгнул он, стискивая кулаки. Из палочки вырвался сноп искр и, ударившись в потолок, рассыпался разноцветным фейерверком. — Ты врёшь даже сейчас, перед лицом смерти! Так взгляни ей в глаза! Посмотри, как испустит дух твой возлюбленный, и попрощайся с жизнью сама, потому что эти стрелы через миг превратят тебя в лохмотья из кожи и мяса!

— Виктор!..

— *Crucio!* — девушка снова закричала, и Крум обернулся к скорчившемуся у стены Гарри, вонзившись в него сияющими алым глазами. — Как же мне нравится этот звук... — заметил он с интонацией гурмана. — Но, кажется, она начинает уставать. Не хотелось бы заканчивать всё так быстро... *Finite incantatem!* Она примет все муки, что пережил я за это время, захлёбываясь от боли и ревности... А потом придёт твоя очередь, Гарри Поттер... Глупый мальчишка, чего ты добился своей любовью — тебе надо было просто отпустить её ко мне, и она осталась бы жива. А теперь... — Гермiona едва дышала, сжавшись в комочек. Взглянув на неё, Крум злобно улыбнулся. — Что ж, пришла твоя очередь, Поттер... Смотри же, Миона! Смотри, что я сейчас сделаю с ним! Куда бы мне нанести следующую рану?.. — волшебная палочка указала на лоб Гарри, задумчиво опустилась к груди... животу... юноша зажмурился и сцепил зубы. — Как насчёт твоего лица, Поттер, — там, где она целовала тебя? А может, тело? Где тебя касались её пальцы... Оно такое молодое, такое целое. Пока... — запрокинув голову, он расхохотался.

Этот знакомый жест... Эта боль в шраме...

— Вольдеморт... — от боли темнело в глазах, всё, кроме Сферы, потеряло смысл — мир унёсся куда-то в неведомые дали, осталась только боль и сведённая судорогой правая рука, из последних сил удерживающая волшебную палочку. — Тебе ведь нужен я — отпусти её... и его тоже. Отпусти их, они ни в чём не виноваты...

— О, до чего знакомые слова, Гарри Поттер... — голос Крума изменился, воздух рассекло такое жуткое и узнаваемое шипение. — Я слышал их от твоих родителей. Забавно: всё в этом мире повторяется: когда-то мать пыталась торговаться со мной... теперь ты предлагаешь свою жизнь в обмен на жизнь этой девчонки и того, кто пытался её отнять у тебя. Отнять любыми способами, даже, — с губ Крума сорвался смешок, — овладеть ею. Силой... — Гарри дрогнул, и стрелы тут же угрожающе загудели. — Но ты так великодушен, ты призываешь милость к падшим, пытаешься выкупить их жизни... Как смешно — с учётом того, что твоя собственная уже ничего не стоит: тебе осталось жить считанные минуты.

— Возьми меня! Только отпусти их! — Гарри в упор посмотрел в эти незнакомые глаза с прыгающими в них красными искорками, и вдруг перед ним возникла странная картинка, чуть дрожащая, словно он видел отражение в воде с расходящимися по ней кругами.

На ослепительно-белом небе чёрной раной зияло солнце, освещаая знакомый замок на берегу Янтры — вот только сейчас тот казался обугленным и оплывшим, будто неведомый дракон пытался испепелить его и опалил стены. Зелёный склон обратился горой склизкой грязи. Замок стремительно приближался, Гарри несли к нему неведомые крылья, и в одном из забранных решёткой окон мелькнуло знакомое лицо с густыми бровями. Однако раньше, чем гриффиндорец успел осознать, откуда в его разуме возник этот странный образ, голова взорвалась невыносимой болью:

— А ты смыслённый, Гарри Поттер! И всё же не настолько силён, чтобы проникать и излечивать Внутренние Сердца. Я не позволю, не пущу тебя — они принадлежат

мне!

— Виктор!.. — еле шевеля губами, Гермиона снова всем телом навалилась на Сферу, но та даже не дрогнула. — Виктор, откликнись! Что ты делаешь! Остановись!

На мгновение красный огонёк в глазах Крума погас, но тело в тот же миг содрогнулось, и волшебная палочка указала прямо на Гарри:

— **Nex!** — сумрак вокруг полуобнажённого тела юноши заискрился сотней узких клинков, брызнула кровь, раздался стон, но рука, удерживающая Защитную Сферу, не дрогнула. — **Я изрежу тебя так, что на том свете родная мать не узнает...** — шипение сменилось отвратительным лающим смехом. — **Или, может, попробуем что-нибудь иное?.. Более экстравагантное? До чего вульгарная, пошлая смерть: ночь, спальня, несовершеннолетняя студентка и зверски убившие друг друга в припадке ревности студент и преподаватель, не сумевшие её поделить... Твоё имя отныне будут произносить шёпотом... с брезгливой усмешкой, Мальчик-Который-Умер...**

— Виктор, остановись! Виктор, что ты делаешь?.. — Гермиона билась внутри сферы со стрелами, прогрызающими меркнувшие радужные бока.

— Отпусти их... — Гарри снова попытался пробраться в душу Крума, но теперь на его пути стояла глухая серая стена.

— Забавно, правда? Жизнь твоей подружки сейчас в твоей руке — да-да, именно в этой, правой. Опустить её, уронишь Сферу — и в тот же миг... Разрывающее Заклятье такое... неопрятное... Здесь будет очень грязно, домовым эльфам придётся потрудиться.

Я должен остановить это... Я должен остановить...

Крум сделал над собой нечеловеческое усилие, и безумный смех затих, а красный огонёк в глазах потух.

— Гарри, убей меня... — перед глазами зарябили яркие вспышки, от скручивающей тело боли он зажмурился, — умоляю: убей... пока ещё не поздно... Нож для бумаги... там, на столе... Дотянись... Убей меня... Я не могу остановить его...

Гарри в ужасе распахнул глаза, перевёл их на стол, где на самом краю лежал длинный узкий нож, которым Гермиона вскрывала почту и разрезала пергаменты.

— Виктор! — взвизгнула Гермиона. — Не сдавайся! Я умоляю: не сдавайся! Вспомни — ты любил меня! Прости меня за ту боль, что принесла тебе... Вернись, Виктор!

— Нет тебе прощения! *Гарри, быстрее!* **Avada...** *Гарри!* — его голос сорвался. — *Миона! Я люблю... любил тебя...* **Explosio! Нем!** — и перед тем, как заклятье сорвалось с волшебной палочки, Крум, прокусив губу, направил её на себя. *Я должен это остановить...* Раскрылась страшная, извилистая рана — как рот, произносящий какое-то неясное слово. Вопль мяса. — *Я успел...* Табео... — прошептал Крум немеющими губами. Контрзаклинание прозвучало как раз вовремя: золотые стрелы потеряли силу и осыпались на пол в самый миг, когда рука Гарри обессиленно упала.

— Гарри! — Гермиона с трудом подползла к юноше, полулежащему у стены и прикрывающему окровавленной рукой грудь.

— Я уже в порядке... почти в порядке... Гермиона, ты...

Гермиона подняла к нему голову:

— Всё хорошо... — соврала она и, взглянув на его иссечённое клинками тело, потянулась к своей палочке. — **Sano!** — от Исцеляющего заклятья раны перестали кровоточить и затянулись.

Они медленно повернулись к распростёршемуся в месиве из крови и плоти Круму и задохнулись от ужаса при виде представшего перед ними зрелища. Крум поднял

на Гермиону затухающие глаза. Волна боли и забвения, как прилив, поднималась всё выше и выше.

— Гарри... Миона... простите меня... — мир вокруг растворялся, пропадал, как исчезают ныряющие за горизонт облака. Остались только тёплые солнца её глаз. Он — попытался улыбнуться, но лицо уже не слушалось, губы шевелились с трудом. — Я всегда буду любить тебя, Миона...

— Виктор... не двигайся, я позову мадам Помфри! — цепляясь за Гарри, Гермиона попыталась подняться на ноги и с удивлением обнаружила, что после всего случившегося способна удерживать вертикальное положение.

— Держись, Виктор, — выдохнул Гарри, — ты остановил его, ты сделал это... Ты... ты молодец.

Уже ничего не видя, Крум перевёл взгляд туда, откуда сквозь всё усиливающийся гул звучал голос гриффиндорца:

— Прости меня... Гарри, если можешь, — спаси... спаси мою душу — тело спасти уже не удастся... Спаси её, уничтожь Сердце... Иначе это никогда не кончится... Я прошу тебя.

* * *

Гарри не знал, сколько времени прошло с того момента, как он выбежал из гриффиндорской башни, до мига, когда, задыхаясь и борясь с болью во всём теле, добрался до гриндевальдовых катакомб. Подземный ход, спящий Хогсмид — они миновали сознание, будто он переместился не в пространстве, а лишь во времени; перед глазами по-прежнему стояли картинки только что пережитого: полуулыбка Гермионы, медовые переливы в тёмных глазах, тёплый запах, мельчайшие капельки пота у корней каштановых волос, на ресницах... И — спустя мгновение — кровь, боль, крик, искажённое страданием и ужасом лицо, безумные глаза Крума, шипение, срывающееся с его губ — кошмар, в который они рухнули..

Сомнений не было: нужно остановить это, — любым способом, любой ценой, и даже если потребуется убить — у него не дрогнет рука. После того, что Вольдеморт сделал с дорогими Гарри людьми, — родителями, Сириусом, Гермионой, после того, как Гарри собственными глазами увидел, во что превращается даже сильный человек, однажды дав слабину...

Не дрогнет... — повторил он одними губами и, усилием воли отогнав от себя мысль о Круме (от одного воспоминания внутри всё завязывалось в узел), сделал ещё несколько осторожных шагов, очутившись у входа в подземное капище.

Тишина.

Пустота.

Он стянул с себя мантию-невидимку, сунул её в задний карман брюк — сейчас она могла только помешать — и решительно направился к стене с высеченными письменами.

Глубоко вздохнул.

Вынул палочку и, вспомнив всё, что рассказал ему Норт, начал вполголоса, тут же ощутив незримое присутствие тех, кого вызывал:

— Аббадон, Агарест, Амон, Арнох, Баман, Бельбель, Ваалберит, За'ами'эль, За'а-фи'эль, Забулон... — через миг Гарри едва не оглох от голосов — хриплых и визгливых, высоких и низких, слившихся в вой, который вспорол безмятежное безмолвие.

— Кто звал нас?

— ...человек!... Человек... я чую живую кровь...

— ...как я голоден!

— ...мясо!... Тёплое мясо...

Голодные демоны распахнули свои кошачьи глаза и с урчанием и визгом рухнули

с высоты, а может, вынырнули из адских глубин — мгновенные, как боль. Но за миг до того, как оказаться разорванным, Гарри всё же успел:

— Murus!

Вскрик, полный разочарования и неутолённой ярости, огласил подземелье, стократно усилившись эхом. Налетев на невидимое препятствие, сизые тени возмущённо закружились, пытаясь пробиться внутрь:

— Он знает!..

— ...он умеет!..

— ...он поставил Стену! Кто научил его?

Гарри почувствовал, как демоны пытаются прорваться сквозь защитный барьер, собрал все силы и...

Демоны ахнули и залопотали:

— ...он — наш новый хозяин?

— ...хозяин?

— ...чего тебе нужно?

— Приказывай, хозяин!

Странное чувство поселилось у Гарри в груди. Исчезла боль. Исчезли страх и отчаяние. Показалось, что за спиной пробиваются огромные крылья, и сейчас достаточно одного лишь желания, чтобы вознестись в небеса... или одним взмахом руки уничтожить полмира... или... Тёмная мощь, туманом клубящаяся за невидимым препятствием, оказалась в его власти, ждала его приказов, одного слова сейчас хватило бы, чтобы изменить мир... “Жизнь и смерть, повинующиеся мановению твоего пальца” — теперь он точно знал, что имел в виду Драко Малфой.

За спиной повеяло жаром. Гарри обернулся: раскаляясь, письмена на камне горели огнём, воздух чуть подрагивал.

— Уничтожьте его! — юноша решительно указал на висящее в меланхолично покачивающемся жёлто-зелёном пламени Сердце, и не успел даже закончить этих слов, как с ликующим урчанием белёсый вихрь пронёсся через зал, снося и сметая всё на своём пути. Стекланный звон — под теряющийся в сумраке потолок выстрелил ослепительный голубоватый свет. Через миг луч потускнел, из него бесшумно полувыхшел-полувытек смазанный силуэт человека с синим пламенем вместо головы. Зато его тело — присмотревшись, Гарри передёрнулся: оно состояло сплошь из человеческих лиц с полными ужаса и мольбы распахнутыми глазами. И одним из этих лиц было лицо Крума — тот шевельнул губами, сияясь что-то произнести... Но в этот миг демоны обрушились на призрак, разорвав его на части и освободив пленников, разлетевшихся полупрозрачными тенями. Полумрак, через мгновение снова воцарившийся в зале, показался полной темнотой; проморгавшись, Гарри увидел, что установленный перед ним защитный барьер снова облепили демоны; плотоядно приплюсываясь, они ожидали награды:

И что же мне делать теперь?.. Вернуть их обратно?

— Что ещё ты хочешь, хозяин?

— ...он наш хозяин?...

— ...почему он молчит?

— ...что нам дадут? Я хочу есть...

— ...приказывай, хозяин...

— ...плоть... я чую кровь... — заплакал тоненький голосок.

Хочу ли я чего-то ещё? — под ложечкой засосало: Люциус Малфой... Вольдеморт... Можно ли победить их при помощи этой силы?

Внезапно жар за спиной стал просто невыносим и, словно медную проволоку, раскалил шрам, пронзивший голову болью. Гарри схватился за лоб и обернулся: буквы,

высеченные на стене, медленно перестраивались, переползая с места на место, и вместо имён демонов теперь сияла совсем другая надпись:

И снова здравствуй, Гарри Поттер...

Демоны за защитным барьером заскулили по-собачьи.

— Я хочу есть... — прошептал злой голос, шумно приняхался и всхлипнул.

Нагретый докрасна камень звонко треснул, выбросил сноп искр, едва не опаливших Гарри брови; юноша отступил ещё на шаг и потёр кулаками глаза, пытаясь разогнать кровавую дымку.

Рад приветствовать тебя в моём пристанище, — огненные письма бежали по стене. — Или же ты думал, что сможешь прийти и похозяйничать безнаказанно? Пусть этот слабак сумел-таки вытолкнуть меня из своего мозга — неужели вы оказались настолько наивны, чтобы решить, будто я не разгадаю его просьбу? Я ни на миг не усомнился — ты послушно побежишь сюда, благородный Гарри Поттер, защитник слабых и невинных... — по стене пробежала рябь беззвучного смеха. — О, как ты предсказуем... Как предсказуемо то, что вы называете добротой и благородством...

Гарри молча сжал палочку. Его душила ярость и ненависть, мозг работал, как часы, просчитывая варианты. Демоны клубились густым туманом, прислушиваясь и ожидая приказаний.

— ...где моя награда?... — капризно проныл всё тот же голосок.

Внезапно Гарри почувствовал полный злобы взгляд, буравящий его затылок и, обернувшись, увидел, что клубящийся туман за защитным барьером обрёл форму: на него в упор взирали пустые полупрозрачные глаза без зрачков — белая бездна, а острые когти беззвучно скребли пространство, пытаясь добраться до недостижимой жертвы. Гарри содрогнулся и снова обернулся к стене: та стала багровой, буквы цветом напоминали расплавленную сталь, дышать было невозможно, и ему пришлось отступить, вжавшись спиной в защитный барьер. Демоны разом оживились и возбуждённо зашипели. Внезапно к этим звукам присоединились новые, и из коридора появился Страж. Он без колебаний направился в сторону замершего юноши, но налетел на стену и недоумённо заскреб по ней стеклянными ногтями — к шепотки и вздохи дополнил омерзительный скрип.

На Гарри затлепа куртка.

Что предпочитаешь, Гарри Поттер? Быть изжаренным, как попавшая в печь крыса, или же сам выскочишь из-под колпака, чтобы лицом к лицу встретиться с вызванными тобой же тёмными созданиями?

От стены оторвался язык пламени, волосы на голове затрещали, рукав полыхнул — Гарри одним движением скинул куртку и бросил на пол, но не успел затоптать пламя, как оно пожрало её целиком. Внезапно его осенило. Развернувшись к демонам, гриффиндорец махнул рукой на существо, из пасти которого верёвками свисала чёрная слюна:

— Убейте... убейте его!

Он испытал странное ощущение, когда армия демонов ликующе визжа, облепила Стража, и тот и предсмертным клёкотом бесследно исчез в белёсой дымке.

Власть. Вот она какая... Всемогущая тёмная сила, подчиняющаяся слову... жесту...

Неплохая работа... Из тебя получился бы могучий тёмный маг. Но двум Лордам Вольдемортам будет тесновато на земле, не находишь? — по стене снова прокатилась лёгкая дрожь смеха.

— Я не собираюсь заниматься Тёмной магией!

Как же называется то, что ты только что сделал — вызов демонов, уничтожение Стража?

— Убирайтесь восвояси! — рявкнул Гарри, полыхнула ослепительная вспышка, демоны исчезли — в ту же секунду, сняв защиту, гриффиндорец метнулся прочь от стены, туша руками тлеющую одежду.

О... ты ведь ощутил это — верно? И тебе это понравилось. Благородный и бескорыстный Гарри Поттер не устоял перед соблазном властвовать и повелевать созданиями преисподней. Тёмная магия... Теперь тебе никогда не забыть это чувство, ты будешь мечтать о нём снова... снова... — стена зашлась беззвучным хохотом — горячее марево качнулось, выбросив очередной язык пламени. — Хотя... Тебе осталось это делать недолго: они уже тут. Демоны могли бы тебе помочь, но... ты ведь не собираешься заниматься Тёмной магией, верно? Прощай, Гарри Поттер!

Стена разом померкла, теперь от тёмного камня с высеченными в нём древними письменами повеяло таким замогильным холодом, что юноша инстинктивно отпрыгнул назад, натолкнувшись спиной на невидимое препятствие. В воздухе материализовалась нечто, рухнувшее ему прямо в руки, — тяжёлая книга, тут же намертво прилипшая к левой ладони.

Из коридоров донёсся топот, Гарри рванулся к портшлюзам-надгробиям, но не успел: темнота взорвалась всполохами заклинаний:

— *Petrify!* — он едва успел увернуться от одного Парализатора, как к нему устремились два Сногшибателя. Он отбил один, блокировал в последний момент второй... Мантия-невидимка! Но в правой руке он сжимал палочку, а левой, на которой висела книга, он едва мог шевельнуть.

Драка дурака найдёт, — с внезапной радостью подумал он:

— *Expelliarmus!* — несколько замешкавшихся Пожирателей оказались обезоруженными, их отбросило к стене. — *Impedimenta!* — ещё двое налетели на Барьерное Проклятье.

— *Stupefy!* — переливающиеся в свете разноцветных вспышек волосы только что ворвавшегося в зал колдуна невозможно было ни с чем спутать: Люциус Малфой. Гарри метнул в него Сногшибатель, пригнулся и, петляя и уворачиваясь от заклятий, ещё на несколько шагов приблизился к спасительному выходу. Но надеяться на везение не приходилось: нападающих становилось всё больше, а, меж тем, и рана в груди снова проснулась, и будто налившийся свинцом фолиант оттягивал руку так, что та грозила вот-вот оторваться. Хотя — нет худа без добра: ещё один Сногшибатель Гарри, как щитом, отбил именно книгой: к его вящему удивлению, заклинание вернулось к выпустившему его Пожирателю, который забился в конвульсиях на полу.

Я идиот!..

— *Servoinvolucrum!* — ещё несколько шагов к спасению, но вдруг Защитная Сфера буквально на глазах истончилась и с тихим шипением исчезла.

— Неугомонный Поттер! Ну, наконец-то всё закончится! — замешкавшись, Гарри пропустил выпущенное Малфоем Режущее проклятье. Правый бок пронзила боль, и намокшая от крови рубашка тут же прилипла к телу. Прижимая локтём рану, Гарри продолжил отступать, парируя заклинания, как вдруг: — *Crucio!* — лишь реакция ловца спасла его от алого всполоха, промчавшегося в каком-то дюйме.

Гарри, выхода нет — примени их! — прошелестел в голове голосок, совсем недавно восхищённо шептавший о доступности всемогущества. — Никто не узнает об использовании Непростительных Заклятий, никто не осудит тебя, ведь на кону твоя жизнь. Ответь им их же оружием! Ну же, сконцентрируйся и повторяй: *Crucio...Avada Kedavra...* Ненавидь их! Уничтожь их! Люциус Малфой — ведь это он виноват в смерти Сириуса! Убей его!

Гарри вскинул палочку, и, будто что-то почувствовав, Малфой-старший дрогнул и с-

делал шаг назад, укрывшись за витой колонной.

И вдруг откуда ни возьмись, зазвучали знакомые голоса, из коридора один за другим начали выбегать люди, при виде которых Гарри ахнул: хогвартсовские профессора, следом — волшебники в одинаковых серых мантиях. В Пожирателей полетели проклятья, заставив их в ошеломлении отступить.

Как они сюда попали? Неужели... Ну, конечно, — Гермиона...

— А ну, ложись, быстро! — рявкнул знакомый хриплый голос прямо над ухом, и юноша послушно рухнул на пол как раз вовремя, чтобы пущенное Малфоем самонаводящееся проклятье просвистело мимо, хотя, судя по вскрику, оказавшемуся позади не повезло. — Бегом, уходи отсюда! — незнакомые руки подхватили его под мышки, рывком поставили на ноги и изо всех сил толкнули в сторону надгробий. Успев напоследок приложить Люциуса об стену Швыряющим проклятьем и с чувством глубокого удовлетворения услышав поверх криков, хлопков и грохот гулкое “хрясь”, Гарри, как сквозь масло, провалился сквозь камень и уже спустя мгновение растерянно хлопал глазами, силясь осознать произошедшую перемену: переход в иную реальность оказался настолько внезапным, что разум категорически отказывался воспринимать и деревянный пол, и золотисто-розовое сияние румяного солнца, и сонную тишину Хогсмида, над которой звенели жаворонки.

Гарри поднялся на ноги. Книга из подземелья, мгновение назад оттягивающая руку, с грохотом упала на пол, и едва взглянув на её обложку, он почувствовал, как по спине пробежали мурашки: симплициссимус предостерегающе вскинул свой увенчанный пикой хвост.

Гриндевальд. Mea rixa.

* * *

Гермиона сидела на трибуне, уставясь в одну точку, но вряд ли даже замечала растилающееся перед ней безбрежное пространство — синеву неба с полупрозрачным пухом облаков, разноцветные трибуны вокруг, сочную зелень раскинувшихся внизу полей, которые одним боком упирались в мрачную стену Запретного Леса. Джинни тревожно покосилась на неё и молча потрепала по руке: самый разгар решающего матча, а староста вряд ли хоть пару раз оторвала взгляд от смоляных кос сидящей впереди Парвати Патил. Джинни захотелось что-то сказать, но она тут же осознала бессмысленность этой затеи: от грохота трещоток и криков буквально лопались барабанные перепонки; даже надрывающийся в свой волшебный громкоговоритель Ли Джордан перекрывал его с большим трудом:

— Джордж Уизли отправляет бладжер в сторону капитана Равенкло Роджера Дейвиса... Правый фланг свободен... проход Кэти Белл — передача — бросок! Но вратарь сине-жёлтых начеку, следует мгновенная контратака...

Всю последнюю неделю после случившегося Гермиона пребывала в состоянии тихой рассеянности; мадам Помфри даже настаивала на досрочном возвращении домой (“Я могу залечить раны на её теле, но, к сожалению, не могу исцелить душу!”), однако, услышав слова фельдшерицы о письме родителям и “Ночном рыцаре”, староста тут же обрела прежний боевой вид и категорически заявила, что поедет вместе со всеми, Хогвартс-экспрессом.

Гарри, которого в этот момент как раз выписывали из лазарета (к счастью, раны оказались несерьёзными, и с ними управились за пару дней), молча приобнял девушку за плечи, и они отправились в гриффиндорскую башню. С тех пор знаменитая троица всё время проводила вместе, расставаясь только поздно вечером и охраняя друг друга от расспросов и нескромных взглядов: строжайшее указание Дамблдора держать всё случившееся в секрете с одной стороны помогло — истинные причины исчезновения профессора Крума и подлинная история разрушения гриндеваль-

довых подземелий не просочились в школу (хотя, конечно, Ежедневный Пророк заходил от радости, пачками печатая статьи об “Оборотнях в Министерстве” иправляя весь волшебный мир с удачной совместной операцией Гильдии Авроров и профессоров Хогвартса, результатом которой стала “безоговорочная победа Министерства и разгром тайного места сборов приспешников Того-Кого-Нельзя-Называть, так называемых „Пожирателей Смерти“. С другой стороны, именно благодаря этому заговору молчания по школе курсировали слухи, едва ли не более дикие, чем сама реальность.

Источник их удалось проследить без особого труда: Драко, отец которого испарился с места побоища (впрочем, многие успели сбежать до того, как подземелье заблокировали), и его слизеринские приятели ходили мрачнее тучи. Причём Малфой смотрел на Поттера таким волком, что, в конце концов, гриффиндорец укрепился в своих подозрениях: старший и младший Малфои продолжают поддерживать связь друг с другом.

Но всё когда-то заканчивается, подошёл к концу и этот год: отложенный матч между Равенкло и Гриффиндором, прощальный обед с вручением аттестатов выпускникам — у Гермионы в голове не укладывалось, что сегодняшнюю ночь она проведёт уже дома, в своей комнате, рассеяно прислушиваясь к доносящемуся из гостиной “бу-бу-бу” телевизора и тихим голосам родителей. А Гарри окажется на Привет-драйв, за многие десятки и сотни миль, и всё, что им останется, — редкие телефонные звонки и совы...

Стадион взвыл, прервав её печальные мысли: при помощи Финта Фицджеральда Кэти Бэлл ухитрилась-таки обвести вратаря Равенкло и увеличила разрыв в счёте до 30 очков. Не успев затихнуть, рёв тут же стал просто невыносимым: заметив снитч, ловцы устремились вперёд, к победе: две молнии, алая и синяя, промчались через поле, и...

Гарри не оставил Чу ни малейшего шанса: подрезав её и заставив сбросить скорость, он первым коснулся снитча и вскинул руку, чувствуя в кулаке знакомое испуганное трепетание.

— Ловец Гриффиндора поймал снитч! — заорал Ли Джордан так, что профессор Макгонагалл, как всегда сидящая рядом, замахала на него руками. — Победа Гриффиндора — 220:40! Кубок школы снова достаётся Львам!

Гермиона зажала уши, чтобы не оглохнуть от криков и грохота. Все вскочили в едином порыве — безмолвствовали только слизеринцы, с похоронными лицами потянувшиеся к выходу: победа красно-золотых снова лишила их вожака. Даже преподавательская трибуна не осталась безучастной: Макгонагалл что-то возбуждённо говорила профессору Вектор, на лице которой, вопреки проигрышу её факультета, сияла лучезарная улыбка, Дамблдор приветственно размахивал своим колпаком — звёзды сияли на солнце и пускали солнечных зайчиков. Профессор Снейп, храня скорбное выражение лица, несколько раз хлопнул в ладоши, прежде чем развернуться и направиться к выходу...

— ...и на этом я, Ли Джордан, прощаюсь с вами! Вы спросите, почему прощаюсь? Да просто я закончил Хогвартс и получил интереснейшее предложение от...

— ...мистер Джордан, прекратите немедленно! — раздался голос профессора Макгонагалл, которая судя по тону, и не собиралась сердиться. — Это не имеет отношения к квиддичу!..

— Ещё как имеет! Позвольте представиться: Ли Уильям Джордан, комментатор матчей первого дивизиона ирландской лиги!

Стадион зааплодировал, гриффиндорцы загудели, приветственно засвистели, снова взметнулись шарфы и флаги... Гермиона видела, как профессор Макгонагалл о чём-

то спрашивала сияющего Ли, а профессор Флитвик, осторожно прижимая к груди перевязанную правую руку, левой пытался похлопать гриффиндорского выпускника по плечу, для чего ему пришлось взобраться на лавку. Трелани трясла дряблыми запястьями с рядами серебряных браслетов и что-то гордо сообщала профессору Синистре — Гермиона хмыкнула: она готова была съесть своей табель, если бы это оказалось не “я ещё в начале года узрела это в своём Волшебном Кристалле...”

Сейчас, глядя на улыбающиеся, радостные лица учителей, Гермиона снова вспомнила ту ночь — уже спустя несколько минут, как она подняла тревогу, готовые к битве, профессора дружно шагнули в огонь камина в кабинете Дамблдора... И успели как раз вовремя, чтобы помочь Гарри, захватить десяток Пожирателей Смерти и разгромить логово Вольдеморта...

Помочь Гарри...

Она подняла глаза и улыбнулась: он завис на Всплохе прямо перед трибуной Гриффиндора, тут же зашедшейся в ликовании, и взмахнул в сторону Гермионы рукой с зажатым золотым мячиком — символом победы. Нет, не в соревновании за Кубок школы по квиддичу — символом того, что они справились и преодолели всё, выпавшее на их долю, — головоломки, испытания, несправедливости, смертельные опасности... Сердце легонько кольнуло — в его торжествующем жесте мелькнуло что-то давно забытое, но до боли знакомое...

Ну, конечно: Кубок Болгарии в прошлом августе...

Гермиона глубоко вздохнула и потёрла грудь, словно это могло унять боль в душе... Она знала, что Виктор выжил и сейчас находится в госпитале Святого Мунго, но вот ей при этих воспоминаниях жить не хотелось...

К Гарри присоединилась остальная команда, красно-жёлтая трибуна скандировала “Гриффиндор — чемпион! Гриффиндор — чемпион!” под дирижирование близнецов... Вслед за остальными Гермиона вскинула руки над головой и присоединилась к идущей по трибуне “волне”.

Нет-нет, не сейчас, всё хорошо, всё замечательно: Гарри жив и здоров, мы вместе, Вольдеморт снова отброшен, Пожиратели рассеяны, Дамблдор вернулся в Хогвартс и Министерство, Кубок наш, С.О.В. сдан... Теперь всё будет, как раньше...

Она сама отчаянно хотела верить этим словам.

Два часа спустя студенты в парадных мантиях восседали в Большом Зале. Над головами раскачивались разноцветные флаги, факелы торжественно гудели, несмотря на солнечный свет, льющийся с зачарованного потолка, а Основатели строго взирали с портретов. Факультетские привидения собрались послушать прощальную речь Дамблдора, явилась даже Плакса Миртл, безутешно стенавшая по своей разбитой любви всю последнюю неделю — её глазки совсем заплыли и за толстыми стёклами очков казались узенькими щёлочками. Она притулилась в уголке, ревниво косясь на Серую Леди — как всегда безукоризненно выглядящую. Кровавый Барон усердно делал вид, будто проигрыш его подшефных совершенно его не взволновал, и напропалую флиртовал с призраком Равенкло, благосклонно принимавшей его ухаживания.

В спальнях студентов ждали упакованные чемоданы, и наверняка Хогвартс-экспресс уже прибыл к платформе Хогсмид, — всех наполняло радостное возбуждение: каникулы! И всё же существовало несколько человек, не разделяющих общего ликования: неразлучная гриффиндорская троица и, как ни странно, Драко Малфой, которому мысль о том, что он так и отправится на каникулы неотомщённым... не говоря уж о том, что сообщил ему во время последнего каминного разговора отец — о старинном предсказании... Уезжать из Хогвартса сейчас, когда разгадка многовековой тайны, возможно, где-то совсем рядом... Слизеринец покосился на соперни-

ков, и у него буквально заныла рука от желания сделать что-нибудь такое... этакое... Привычно приказав себе замолчать — благодаря проклятью Гермионы, за прошедшие недели Драко научился держать в узде свои мысли и воображение — слизеринский староста принялся придирчиво изучать себя в гнутом боку сияющего золотого кубка и, словно бы только этого не хватало для полного счастья, обнаружил у своего кривомордого отражения прыщик на носу. Он раздражённо отвернулся и, подперев щёку кулаком, мрачно уставился в пространство.

Едва со своего места поднялся профессор Дамблдор, как в Зале воцарилась тишина. Прошедшие месяцы изгнания и подпольной борьбы не изменили облик директора: он остался таким же седым, худым и морщинистым, правда, если присмотреться, можно было заметить уже исчезающую усталость в его глазах, ставших ещё более яркими и прозрачными, — словно через них сияла синева нездешнего неба.

— Ну что ж, друзья... — тихо начал профессор, и все благоговейно затаили дыхание, даже Пивз умолк и завис у портрета Салазара Слизерина, с которым только что самозабвенно переругивался. — Ещё один год — непростой год — подошёл к концу. Пожалуй, не припомню другого, принёсшего нам столько же испытаний и потрясений, — Гарри поднял голову и встретился с директором глазами, — разочарований и открытий. Многие меня не поддержат, будут говорить, что вы ещё слишком малы и не стоит лишать вас счастливого детства и безоблачной юности, однако я всё же повторю: не стоит обольщаться недавней победой, впереди нас ждут тяжёлые времена, но мы должны помнить: великая тьма зарождается только там, где есть великий свет. И этот великий свет — в вас. В вашей дружбе и готовности прийти на помощь, в ваших искренних сердцах, которые не в силах поработить тьма, — Дамблдор сделал едва заметную паузу, и Драко показалось, словно пронизательные глаза директора заглянули ему в самое сердце, — в вашем бескорыстии и преданности, в вашей искренней и чистой любви, способной творить чудеса...

Гарри почувствовал, что лица однокурсников обернулись к ним с Гермионой. Уши предательски вспыхнули, но юноша демонстративно накрыл своей ладонью дрогнувшие пальцы сидящей рядом девушки.

— Впереди летние каникулы. Я не могу обещать вам, что они окажутся безоблачными и спокойными — вы живёте в непростое время, когда можно ожидать удара откуда угодно и в любой момент. А потому будьте начеку, чтобы отразить внезапную атаку Тьмы. А она коварна и многолика, она может прикинуться невинной шуткой, розыгрышем, детской обидой, может по-дружески предложить помощь, — она будет искать ваши слабости и использовать их против вас же. Так не позволяйте ей сделать это, не становитесь безвольным орудием в её равнодушных и безжалостных руках. Вы не простые дети — вы волшебники, а потому можете творить чудеса. Давайте же мы вместе попытаемся сотворить настоящее чудо и, очистив от тёмных помыслов наши сердца и мысли, освободим от Зла и Тьмы весь мир... — голос Дамблдора дрогнул, и последняя фраза повисла в воздухе то ли мольбой, то ли вопросом.

За столом Слизерина Драко Малфой демонстративно хмыкнул, но, встретившись взглядом со своим деканом, тут же сделал вид, будто поперхнулся, и соорудил самое невинное выражение лица.

Затаив дыхание, все ждали продолжения, однако директор неожиданно сменил тему:

— Кубок квиддича обрёл своего хозяина, так и не покинув гриффиндорскую башню, осталось решить вопрос с Кубком школы, — слизеринцы, стараниями Малфоев унёсшиеся в соревновании факультетов в недостижимые дали, сразу оживились. Дам-

блдор чуть заметно покачал головой и лукаво улыбнулся. — Боюсь, я не могу полагаться на объективность существующих результатов... к тому же, итог очень сложно подвести, ведь количество очков Слизерина превысило допустимый предел, тогда как остальные факультеты почему-то оказались в глубоком минусе... Видимо, надо проверить исправность магического прибора. А потому мы посоветовались и решили не вручать Кубок, что, впрочем, ни в коей мере не лишает нас восхитительной трапезы! — он хлопнул в ладоши, столы дрогнули и просели: вазы, блюда, тарелки расцвели белоснежные скатерти поистине гастрономическим безумием.

Фред с Джорджем оживились и зашушукались. Неуловимое движение рукой — и под зачарованным потолком с мчащимися узкими полосками облаков взорвался фейерверк. Красно-золотые брызги сложились в слова “Гриффиндор навеки!” и рассыпались дождём сладостей, под который с готовностью подставили руки студенты и даже кое-кто из преподавателей.

— Я бы на их месте не стала бы брать что-то из рук Фреда и Джорджа, — покачала головой Гермиона, и, словно в подтверждение её слов, несколько человек за столом Хаффлпаффа превратились в волнистых попугайчиков. — Ну, что я говорила?

Через миг Большой Зал напоминал сошедший с ума зоомагазин: там, где только что сидели студенты, истерически щебетали гигантские чижи, щеглы, канарейки, попугаи. Малфой раздражённо спихнул с лавки двух трясущих носами индюков, которыми оборотились Крэбб с Гойлом, и с демонстративным спокойствием приступил к трапезе. Гриффиндорцы оказались куда осторожней: сладостями с удовольствием набивали карманы, но не рты. Гарри не удержался и тоже сунул пригоршню леденцов в карман: так, на всякий случай.

Взмахом руки Дамблдор вернул присутствующим нормальный вид:

— Я рад, что, несмотря ни на что, вы не теряете оптимизма и с улыбкой смотрите в будущее, однако хотел бы напомнить, что у платформы вас ждут вагоны, а не клетки...

...Вовсю светило летнее солнце, когда, свистнув напоследок, Хогвартс-экспресс потихоньку начал набирать ход. Рон, забросив на противоположное сиденье свои длинные ноги, рассеяно грыз Шоколадную Лягушку.

— И что — опять не увидимся всё лето? — он так внезапно развернулся к Гарри и Гермионе, что те едва не подскочили. — Дамблдор снова не выпустит тебя от этих Дурслей?

Гарри пожал плечами. Эта же мысль не давала ему покоя: не видеть Рона и Гермиону всё лето!.. Особенно Гермиону... Он обнял подругу за плечи и, зажмурившись, вдохнул знакомый запах её волос, тут же защекотавших ему нос.

— Эй ты, яйцеголовый! Смотри, куда идёшь! — прозвучал совсем рядом раздражённый голос Малфоя, за чем последовал грохот, и мимо купе гриффиндорцев проскочил, размазывая слёзы по лицу, какой-то младшекурсник.

— На себя посмотри, Малфой! — крикнул Гарри, даже не повернул головы в сторону дверей.

— Еще минус дюйм, и ты был бы анацефалом! — подхватил Рон.

Переглянувшись, друзья усмехнулись и, как по команде потянулись за палочками, Рон показал Гарри большой палец.

— Я смотрю, вам нигде покоя нет? — они действительно неплохо изучили Драко за прошедшие пять лет: тот немедленно возник в дверях, за его спиной привычно пыхтели Крэбб и Гойл, носы которых так и остались по-индюшачьи красными.

— Как я погляжу, ты тоже никак не уймёшься, — Гарри осторожно высвободил из-за спины Гермионы вторую руку: зная Малфоя, он не сомневался, что стоит быть начеку. — И не надоело вымещать свою злость на малышне?

— Не слишком ли ты стал шустр, Поттер? Или причина в том, что, как поговаривают, не так давно у тебя с Грейнджер состоялась по-настоящему горячая встреча? Верно? Ну и как он, а, Грейнджер? Не хуже Крума? Ты не разочарована?..

Закончить Драко не успел, равно, как и пригнуться, и через миг уже с воем нёсся по коридору. Гриффиндорцы так и не поняли, каким образом на него подействовали наложенные разом Задоголовое и Типунное проклятья, но, определённо, какое-то недоразумение в верхней части Малфоя всё же имелось. Однако уже через полчаса, с трудом вернув себе нормальный вид, Малфой вернулся. И не один: следом топали слизеринские старшекурсники — многие из которых отнюдь не уступали габаритами Крэббу и Гойлу.

На шум из соседних купе выглянули студенты остальных факультетов; засучивая на ходу рукава, из тамбура впрыгнули Фред и Джордж.

— Это будет частная гриффиндорская драка или позволено участвовать всем? — полюбопытствовал Терри Бут, поигрывая своей волшебной палочкой.

— Танцуют все! — радостно потёр руки Фред. — Вот он — восхитительный выпускной бал!

Слизеринцы косились на Драко и растерянно топтались в проходе: они явно не ожидали такого отпора.

— Смотрю, ты уже не боишься проклятья? — лениво поинтересовался Рон, тогда как Гарри осторожно задвинул Гермиону за спину и безуспешно попробовал закрыть дверь в купе.

Под вопросительными взглядами Драко покраснел.

— Да, Рон, я думаю, он уже давно догадался, что действие Кастрирующего проклятья временное, — самым невинным голосом из-за спины Гарри заметила Гермиона. — Но могу тебя поздравить, Малфой: ты проявил невиданную выдержку и самообладание... Это очень по-слизерински... — конец её фразы потонул в громовом хохоте.

В глазах у Драко потемнело. Вскинув палочку, он бросился на ненавистных врагов, слизеринцы рванулись следом, а навстречу им качнулась волна гриффиндорцев...

... — У нас вышло совсем неплохо, — уши Рона до сих пор трепыхались на ветру, а нос, как ни старалась Гермиона, так и не уменьшился до прежних размеров. И тем не менее, спускаясь на платформу девять и три четверти, младший Уизли сиял, как золотой галлеон. — Ты видела, в чём вынесла матушка своего ненаглядного Драко?

— Кажется, это была коробка для ботинок, — с удовольствием заметил Гарри, осваивая заклинание починки очков.

— Ей потребуется некоторое время, чтобы вернуть ему прежний вид, — Гермиона придирчиво изучала прожжённую в нескольких местах мантию. — Да, думаю, Фред и Джордж надолго запомнят свой выпускной...

Пробившись сквозь толпу встречающих, друзья по ослепительно-рыжим в свете закатного солнца головам нашли мистера и миссис Уизли, а так же Перси и Чарли, рядом с которыми уже топтались Джинни и близнецы. Взирая на закопчённые лица сыновей миссис Уизли укоризненно качала головой, но, едва увидев Гарри, Рона и Гермиону, тут же поменяла объект своего внимания:

— Рон, что с твоим лицом?! — накинулась она на них, едва дав со всеми поздороваться. — Откуда у тебя такие уши?! Гарри, почему ты весь в копоты? В поезде был пожар? Не надо меня щадить, говорите, что ещё устроили эти негодники! — она кивнула в сторону состроивших обиженные мины Фреда и Джорджа. Перси метнул в братьев недовольный взгляд и покосился на часы.

— Нет-нет, — замахала руками Гермиона, — не волнуйтесь, всё хорошо!.. Фред и Джордж тут совершенно ни при чём. Чарли, а почему ты в Англии? Как же твои

румынские драконы?

— Надеюсь, у них не пропадёт аппетит, — усмехнулся тот. — Привет, Гарри! А ты здорово вымахал — ещё чуть-чуть, и Рон тебе в пупок будет дышать...

Посмотрев на Рона, на добрых пару дюймов возвышавшегося над толпой, фыркнули все, кроме Перси: тот снова раздражённо покрутил носом и взглянул на часы. Гарри обратил внимание на форменную министерскую мантию, а так же на то, что часы были явно золотые — похоже, тот пошёл на повышение.

— Гермиона, деточка, ты уверена, что Фред и Джордж не имеют к этому никакого отношения? — миссис Уизли встревожено взглянула на проходящую мимо Пенси Паркинсон. Рыдающая слизеринка прикрывала рукой рот, из которого свешивался длинный раздвоенный язык. — Тогда в чём же дело?..

— Наверное, она не поделила с кем-нибудь своего драгоценного Малфоя, — пожал плечами Фред, — а мы так — просто пытались навести порядок...

Гарри расхохотался и принялся оттирать сажу с лица. Миссис Уизли, тем временем, занялась своими сыновьями, внешний вид которых требовал безотлагательно-го вмешательства, а Гермиона одним заклинанием привела в порядок свою одежду.

Толпа на платформе редела на глазах: друг за другом волшебники проходили сквозь магический барьер. Пришла и очередь друзей.

— Гарри, — Рон тряхнул его руку, — приезжай в Нору, ладно? Ну, и ты тоже, Гермиона, — он ухмыльнулся и провокационно подмигнул, — а то он без тебя... Мы с тобой два бе-е-рега у одной реки-и-и...

Гарри обеими руками пропихнул друга через каменную стену, ведущую на вокзал Кингс-Кросс, и, обняв Гермиону за плечи, замер. К сердцу подступила холодная волна дурного предчувствия. Юноша ещё раз обернулся на мигающие огни светофоров, вдохнул запах сиреневых сумерек...

— Гарри, — осторожно затеребила его Гермиона, — пойдём, мои родители, наверное, уже заждались.

С грустью подумав, что его-то по ту сторону барьера отнюдь не жаждут лицезреть, Гарри притянул её к себе:

— Я не хочу уходить туда. Не хочу расставаться с тобой — так надолго. Я без тебя не могу... Совсем-совсем не могу...

— Мы не расстаёмся, — её губы были чуть солоноватыми на вкус — наверное, от слёз, хотя она изо всех сил старалась улыбаться. — Я... я буду писать, звонить каждый день — я обещаю. Может быть, Дамблдор разрешит тебе погостить у нас. Приедешь?

— Прибегу, — серьёзно ответил Гарри, и толкая перед собой тележки с чемоданами и клетками, они прошли через барьер.

Мистер и миссис Грейнджер тревожно оглядывались под большими часами.

— Мама! Папа!

— Девочка моя, ты что-то припозднилась... — мисс Грейнджер обняла дочь. — Гарри, рада видеть тебя — ты так возмужал...

Отец Гермионы крепко пожал юноше руку:

— Очень рад, очень рад, — он заулыбался — как всегда, чуть растерянно. — Э... Гарри, а что у тебя с лицом? — и, не дождавшись ответа, продолжил: — Тебя подвезти?

— Спасибо, — поблагодарил Гарри, не сводя тоскливого взгляда с Гермионы, — меня встречают... — он кивнул в сторону грузной фигуры дяди Вернона, всем своим видом выражающего нетерпение. Больше всего на свете юноше хотелось поцеловать Гермиону на прощание, чтобы увезти с собой на Привет-драйв вкус её губ и слёз, аромат её улыбки. Но... родители не сводили с дочери глаз. К его несказанно-

му облегчению, она сама решила эту проблему и, поднявшись на цыпочки, прикоснулась к его губам:

— До встречи, Гарри... Я люблю тебя! — шепнула она и почти бегом направилась к выходу с вокзала. Оцепеневшие на миг мистер и миссис Грейнджер оторопело уставились на Гарри и, растерянно переглянувшись, последовали за дочерью, а Гарри повёз свой чемодан и клетку с нахохлившейся Хедвигой в сторону дяди Вернона.

— Сколько можно топтаться! — зашипел тот вместо приветствия. — Я не твой личный шофёр, чтобы ожидать, пока ты изволишь перецеловаться со своими чокнутыми подружками... Э... а что это у тебя с лицом?

— Не смейте называть Гермиону чокнутой! — неожиданно для себя самого рявкнул Гарри, заставив дядю оторопело захлопать ртом. — А на лице у меня следы Летучих Огней. Хотите узнать, что это такое?

Поперхнувшись, мистер Дурсль отчаянно замотал головой. В ярком свете вокзальных фонарей было видно, что он побледнел.

Каникулы, — уныло подумал Гарри, глядя в окно машины, за которым растворялись в темноте лондонские огни. — *Прошло всего три часа, а они мне уже смертельно надоели...*

А впереди его ждало почти два месяца лета. И почему-то Гарри не оставляло предчувствие, что это лето вряд ли станет самым спокойным летом в его жизни.

* * *

Я помню последний день в Хогвартсе — день, когда делегация Дурмштранга отплывала на родину.

Она беседовала со своими приятелями, когда я отозвал её в сторонку и в паузах между прощальными словами и взглядами улучил возможность невзначай коснуться губами пушистого облака её волос — ни она сама, ни Поттер с Уизли, не спускавшие с нас настороженных глаз, этого даже не заметили — *прощальный поцелуй*.

Потом колдография на память, которую по моей просьбе сделал Поляков, — я подхватил её под руку — и привычное уже тепло её ладони, её локтя внезапно пронзило меня невыносимой горечью и тоской, какую ощущаешь, когда по-летнему жаркий луч касается октябрьского запустения природы.

Прикосновение.

— Виктор, улыбнись! — она приветственно махнула в объектив рукой. — Ты потом пришлешь мне снимок?.. Ты напишешь мне?

— Я буду писать тебе каждый день — пока ты не приедешь ко мне... Ведь ты приедешь?

Она отвела глаза и потянула свою руку, пытаясь высвободиться.

— Я... я не знаю — как родители... Они могут меня не отпустить...

— Хочешь, я сам напишу им?..

— Ой... я не знаю, — она окончательно смутилась, а от взглядов Уизли и Поттера пространство вокруг нас буквально наэлектризовалось. — Тебе пора... До свидания, Виктор...

Её последний взгляд... Карие в рыжую искорку глаза — меня окатило их теплом... Взгляд.

...Мерлин мой, как я устал...

Снова белый потолок и мельтешение белых мантий — день за днём, неделя за неделей. словно что-то можно изменить. Да, я мог бы снова дышать и, наверное, даже ходить... Но жить? Я не хочу. Не хочу. И не надо меня заставлять. В этом нет никакого смысла.

Лица сливаются в бесконечный фантасмагорический хоровод — чужие, незнакомые, доброжелательные, настороженные, несчастные — кто они?.. Я не знаю их,

я не хочу их знать, я не хочу их видеть.

Всё пустое.

Послесловие автора

Итак, “Ловец” закончен — спасибо вам, уважаемые читатели, прошедшие вместе со мной этот долгий путь: задуманный как эссе страничек на тридцать, Ловец превратился в нечто совершенно монструозное — рОман на три с половиной сотни страниц.

Думаю, все заслужили небольшой отдых, а потому объявляется привал :), во время которого я, пользуясь случаем, хочу ещё раз сказать спасибо всем: тем, кто хвалил и кто ругал, кто писал отзывы и посты в тему на форуме, кто задавал вопросы героям, кто указывал мне на недочёты и помогал их исправлять... Спасибо вам за - неравнодушие!

Но отдельное спасибо мне хочется сказать тем, без кого Ловец не вышел бы таким, каким он-таки вышел — моим бетам и редакторам, моим друзьям, помогавшим мне и добрым словом, и метким глазом, и умной мыслью — Free Spirit, Helianthus, Сохатому, Циферкам, Корове Рыжей, Критику, некоторые из которых вошли в этот фанфик в качестве героев :)

Спасибо Constance Ice — за щедрость и готовность помочь героям выпутаться из одной ситуации, чтобы тут же влипнуть в очередную историю.

Спасибо Полине и Нейтрону — за помощь, правку и поддержку.

Спасибо Гарри Поттеру — за вдохновение.

А ещё хочу сказать, что за прошедший год я настолько привыкла что-то писать, настолько вросла в это невинное графоманство, что рискну продолжить эпопею о волшебнике — не таком уже и маленьком, о его друзьях, врагах и приключениях, встретивших их на шестом курсе обучения в Хогвартсе.

В меру своих сил я расскажу о пророчествах Нострадамуса, о Внутренних Сердцах, о плене Зазеркалья, о Великой Дюжине и тайне, унесённой в глубину веков. Мы снова встретимся с Гарри и его сокурсниками, с обитателями Запретного Леса, с профессором Гатто, узнаем, кто же стал учителем по защите от Тёмных Искусств, столкнёмся с Вольдемортом, чёрной магией и попытаемся защитить Хогвартс от страшной опасности...

До скорой встречи на страницах Защитника!

Поскольку “Ловец”, помимо прочего, выполнял роль любимого цитатника, то, как и обещала, ниже привожу список (частичный) использованной литературы:

Е. Клюев. Между двух стульев

А. Перес-Реверте. Кожа для барабана

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

А. Ким. Сбор грибов под музыку Баха

П. Коэльо. Алхимик

В. Маяковский. Клоп

М. Павич. Хазарский словарь, Повесть о Леандре и Геро

И. Ильф и Е. Петров. 12 стульев

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

В. Набоков. Машенька

А. Милн. Винни-Пух и все-все-все

П. О. Бомарше. Безумный день или женитьба Фигаро

Х. Л. Борхес. Вымышленные истории

Е. Шварц. Золушка

М. Горький

Дж. Даррелл

Дж. Френсис

А. Дюма

А. Сент-Экзюпери

Р. Брэдбери

К. Клэр. Трилогия Драко

Использованы мотивы манги Ватасе Юу “Мистическая игра” и “Алиса 19”

В исполнении Пивза прозвучала ария князя Игоря из оперы Бородина “Князь Игорь”

Использованы цитаты из любимых фильмов, песен и анекдотов.

¹ 5 курс, занятия 4-10, — прим. авт.

² *Brutto com il chesso* — Снейп итальянского не знал. Зато, по понятным причинам, знал Гатто. И зельевар небезосновательно подозревал, что ничего доброго в этой фразе нет. Да уж, фраза весьма оскорбительная. — прим. авт.

³ 14 дюймов, красное дерево, сухожилие дракона. — прим. авт.

⁴ поклонницы навели справки у Гермионы и засыпали его Шоколадными лягушками. Кстати, после выхода из клиники он их терпеть не может: наелся на всю жизнь. А Дженнифер Грин по наивности спросила, что любит Рон, у близнецов. Мда, боюсь, что после тараканьего козинака у неё не слишком большие шансы на взаимность. — прим. авт.

⁵ Раздел 7, пункты 4.1 и 4.2. — прим. авт.

⁶ хотела бы я знать, откуда. — прим. авт.

⁷ и, кстати, совершенно зря: глядя на её прилипшую к груди блузку, Гарри даже про холод забывал. — прим. авт.

⁸ к слову говоря, рождественские поздравления и напутствия каждому факультету были разные

⁹ по причине юного возраста она пока ещё не знала, что, для того, чтобы победить мужчину, ему иногда стоит проиграть. — прим. авт.

¹⁰ только не надо думать, что он обращался к Фреду или Джорджу с подобными просьбами. Но с “носочной проблемой” был знаком не понаслышке — прим. авт.

¹¹ говорят, если хорошенько поискать, среди прочих на них можно найти вырезанные тысячу лет назад автографы самих Основателей. — прим. авт.

¹² да, Драко употребил именно это мерзкое словечко. — прим. авт.

¹³ кстати, интересно, какую музыку предпочитает Малфой? Есть идеи? — прим. авт.

¹⁴ да-да, они несли бедолагу ногами вперёд! Но волшебники, в отличие от нас, магглов, лишены глупых предрассудков. — прим. авт.

¹⁵ выполненную, как вы все уже догадались, в виде двух змей, вцепившихся друг другу в хвосты. — прим. авт.

¹⁶ Ох, будем надеяться, что она не заблуждается... — прим. авт.

¹⁷ Вернее, почти никто. . — прим. авт.

¹⁸ я даже рискну назвать её ностальгической. — прим. авт.

¹⁹ Читатель, только не надо на основании мыслей Станы делать заключение, что она грубая и злая девочка. Честное слово, это не так. — прим. авт.

²⁰ занятые мыслями о предстоящей операции, Рон и Гермиона не обратили внимания, что влюблённых было как-то чересчур много... И у многих лица полностью

скрывались под капюшонами. Ай-ай-ай... а стоило быть повнимательнее... — прим. авт.

²¹ да что **слово** — тому хватило бы и косого взгляда — прим. авт.

²² правда, не могу не упомянуть, что профессора — включая, как ни странно, и Снейпа, что поражает даже меня! — стали вызывать Гарри крайне редко и не слишком строго карали за отсутствие надлежащего прилежания. — прим. авт.

²³ Рон хотел добавить “а также его вечная беспечность и легкомыслие”, но не рискнул. И правильно сделал — прим. авт.

²⁴ эта привычка сохранилась у него со времён проведённого впроголодь детства у Дурслей. Кстати, первые два года в Хогвартсе он частенько ловил себя на том, что, с трудом поднимаясь из-за обеденного стола, машинально суёт в карман кусок пирога или плюшку: всё никак не мог привыкнуть, что можно досыта есть четыре раза в день — прим. авт.

²⁵ хотя, признаться, и не без умысла: Гарри, при всей своей невнимательности к подобным вопросам, начал кое-что подозревать. Особенно после того, как, проснувшись посреди ночи, услышал, **кого** Рон звал во сне и **что именно** при этом говорил. Целомудрию Гарри эти слова нанесли серьёзный, можно даже сказать непоправимый ущерб. — прим. авт.

²⁶ Соврали, разумеется: Гермиона собственноручно всё проверила и сняла с ножа Прыгающее Заклятье — прим. авт.

²⁷ после своего первого урока экстремальной верховой езды Гарри приплёлся в лазарет с ощущением, будто на нём черти горох молотили — прим. авт.